

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

---

*Эпоха
классообразования*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИРЖУХО-МАКЛАЯ

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

---

*Эпоха
классообразования*

Ответственный редактор
академик Ю. В. БРОМЛЕЙ

МОСКВА «НАУКА» 1988

ББК 63.3(2)2
И 90

Авторы тома:

В. П. АЛЕКСЕЕВ, О. Ю. АРТЕМОВА, Л. Е. КУББЕЛЬ,
А. И. ПЕРШИЦ, В. Я. ПЕТРУХИН, Л. А. ФАЙНБЕРГ,
Б. А. ФРОЛОВ, В. А. ШНИРЕЛЬМАН

Редакционная коллегия:

академик Ю. В. БРОМЛЕЙ,
доктор исторических наук Л. Е. КУББЕЛЬ,
доктор исторических наук А. И. ПЕРШИЦ

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Я. Мерперт,
доктор исторических наук П. И. Пучков

И 90 **История** первобытного общества. Эпоха классовообразо-
вания.— М.: Наука, 1988.— 568 с.
ISBN 5-02-009937-6

Предлагаемая книга завершает трехтомную серию «История первобытного общества». В ней исследуются проблемы разложения первобытнообщинного и становления классового общества: механизмы процесса возникновения частной собственности, классов и государства, эволюция общественного сознания, изменения в демографической ситуации.

Для историков, этнографов, философов, искусствоведов, а так-
же студентов и аспирантов.

Год издания первого тома — 1983 г.

И $\frac{0508000000-049}{042(02)-88}$ 55-88-И

ББК 63.3(2)

ISBN 5-02-009937-6

© Издательство «Наука», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга завершает трехтомную серию «История первобытного общества», первый и второй тома которой вышли соответственно в 1983 и 1986 годах. В ней рассматриваются основные проблемы эпохи разложения первобытного и складывания классового общества, иначе говоря, эпохи классовобразования. Это проблемы производственных предпосылок классовобразования, его механизмов и путей, изменений в формах общественного сознания, особенностей сложившейся в данную эпоху демографической и этнической ситуации.

В отличие от предыдущих томов серии в настоящем томе специальная глава посвящена процессам социализации.

Наконец, авторский коллектив счел целесообразным выйти за рамки истории апологитических первобытных обществ и коротко остановиться на истории синполитических первобытных обществ, или первобытной периферии, а также на остатках первобытнообщинного строя в классовых общественно-экономических формациях.

По обществам эпохи классовобразования имеется обширный этнографический и археологический материал. Больше по ним и письменных источников.

Если в предыдущих томах серии авторский коллектив нередко сталкивался с недостаточностью или лакуарностью данных, то здесь встала другая проблема: отобрать из имеющихся в избытке фактов наиболее типичные и представительные. Авторы и редколлегия отдают себе отчет в том, что такой отбор всегда небесспорен.

Кроме того, обращение к данным, рассматриваемым как типичные, в некоторых случаях повлекло за собой исследование одних и тех же материалов в разных главах книги. Понятно, что в этих случаях они исследуются под разными углами зрения соответственно предмету той или иной главы.

Авторский коллектив монографии:

В. А. Шнирельман — гл. 1; *Л. Е. Куббель* — гл. 2; гл. 6, § 1; *Л. А. Файнберг* — гл. 3; *В. П. Алексеев* — гл. 4; *Б. А. Фролов* — гл. 5, § 1, 2; *О. Ю. Артемова* — гл. 5, § 3; *В. Я. Петрухин* — гл. 5, § 4; *А. И. Першиц* — гл. 5, § 5; гл. 6, § 2; заключение.

Указатели составлены *О. Ю. Артемовой*.

Научно-вспомогательная работа выполнена *М. Ц. Арзаканян, И. Л. Бабич*.

Книга подготовлена в секторе по изучению истории первобытного общества и обсуждена в отделе общих проблем Института этнографии Академии наук СССР.

Большую помощь в работе над ней оказали *Ю. А. Краснов, И. А. Крывелев, Н. Я. Мерперт, П. И. Пучков*.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

На протяжении позднего неолита, а также на различных стадиях эпохи раннего металла в разных регионах мира в первобытных обществах начали появляться симптомы разложения. Это были не единичные быстротечные явления, а сложные длительные процессы, затрагивающие самые различные аспекты действительности. Что привело к крушению первобытности? С чем связано возникновение на ее обломках классовых социально-политических организмов? Было ли это результатом случайного стечения обстоятельств или неизбежным итогом всего предшествующего развития общества? Все эти вопросы издавна вызвали самый живой интерес специалистов, а в последние годы, с проведением широчайших исследований в разных уголках мира, их актуальность еще больше возросла. При этом, пожалуй, никогда еще споры о причинах и предпосылках разложения первобытного и становления классового общества не достигали такого полемического накала, а предлагаемые решения не были столь разнообразны, как в наше время.

В буржуазной науке основное внимание сейчас уделяется процессу сложения государственности, иначе говоря, эволюции потестарной организации, которая нередко вольно или невольно как бы «изымается» из общего социокультурного контекста, что затрудняет исследование, не позволяя охватить процесс во всем многообразии участвовавших в нем компонентов и выявить все существенные для него связи. Такое искусственное сужение рамок поиска диктуется распространением среди значительной части буржуазных специалистов концепции, по которой становление государственности было вызвано прежде всего совершенствованием организационных функций власти без какой-либо связи с классовобразованием. Некоторые из них представляют себе этот процесс в обстановке социального мира и гармонии. Эта концепция в свое время в наибольшей степени развивалась в работах Г. Спенсера, Г. Мейна, Э. Дюркгейма, а сейчас отстаивается одним из ведущих неэволюционистов Э. Сэрвисом. С ней же связана и выдвинутая недавно П. Скалником концепция «взаимной эксплуатации», по которой все слои населения в равной мере несли тяготы экономических и социальных обязанностей. Вместе с тем в работах буржуазных специалистов нашел определенное отражение и процесс социальной и имущественной дифференциации. В особенности большую роль ему придают те исследователи, которые в той или иной степени испытали на себе влияние марксистских идей (В. Г. Чайлд, М. Фрид, Л. Уайт и др.).

Рассмотрим те объяснения, которые чаще всего западные исследователи дают процессу сложения государственности¹. В целом их можно сгруппировать следующим образом: а) природно-климатические; б) демографические; в) ритуально-религиозные; г) социологические; д) технико-экономические. Пожалуй, наименьшим признанием сейчас пользуются объяснения первого рода, придающие непомерно большое значение роли географической среды. Теперь мало кто вслед за географическими детерминистами (Л. И. Мечников, Э. Хантингтон и др.)² решается утверждать, что географическая среда являлась основным фактором, определявшим путь человечества к цивилизации. Как правило, современные западные исследователи отводят природной среде роль фона, на котором развивались те или иные события.

Демографические объяснения возникли относительно недавно, в основном под влиянием работ датского экономиста Э. Бусе-рюп, попытавшейся на африканских этнографических материалах показать, что развитие земледельческой техники вызывается падением урожайности, нехваткой пригодных для земледелия участков в условиях роста народонаселения. Этот вывод, показавшийся в 60-е годы многим специалистам необычайно свежим, побудил их заняться первобытной демографией. При этом отдельные исследователи попытались увидеть в росте народонаселения главную причину едва ли не всех социокультурных изменений, связывая с ним, в частности, и сложение государственности³.

Вместе с тем при всей важности демографических параметров сами они до известной степени зависят от общего состояния общества и характера происходящих в нем процессов. Вот почему в разных обществах в разные эпохи темпы роста народонаселения существенно колебались и никогда не достигали биологического предела. В частности, на них влияли определенные социальные механизмы, воздействовавшие и на многие другие важные демографические показатели.

Еще одно направление в буржуазной науке, прямо восходящее к концепции Дж. Фрэзера о сакральном происхождении царской власти, стремится объяснить становление государственности с откровенно идеалистических позиций. По мнению некоторых авторов (Дж. Джоунс, Р. Коц и др.), в обстановке различных кризисов религиозная идеология сплачивала население, а религиозный ритуал создавал организационную структуру и выдвигал руководителей, что и влекло за собой нарастание централизаторских тенденций. Авторы этой концепции считают, что именно так и шло сложение первичных государств⁴. Однако при всей своей важности, идеологически оформляя и закрепляя процесс классового образования, религия являлась в то же время вторичным, производным фактором, и религиозная деятельность могла вести к общественной централизации, лишь опираясь на

гораздо более существенные материальные предпосылки. Кроме того, в основе централизации лежали потребности не только и даже не столько ритуала, сколько ряда иных, прежде всего социально-экономических институтов.

Теми же недостатками грешит и выработанная еще в конце XIX в. так называемая «теория насилия», называвшая в качестве важнейшего фактора классовообразования войну и завоевание (Л. Гумплович). В первой половине XX в. ее сочувственно излагали Р. Лоуи и Г. Ландтман, а в последнее время она активно отстаивается Р. Карнейро⁵.

Ближе к истине находятся технико-экономические теории, хотя они часто грешат прямолинейностью. Наиболее ярким их пропагандистом еще в довоенные годы выступал английский археолог В. Г. Чайлд, который, ознакомившись с некоторыми положениями марксизма и достижениями советской археологической науки, уделил особое внимание изучению роли производительных сил в истории развития общества. Выдвинув теорию «неолитической революции», он считал, что именно переход к земледелию и скотоводству автоматически вызывал значительное увеличение производства, что и привело к росту населения, углублению специализации труда, развитию обмена, росту социальной и имущественной дифференциации и т. д.⁶ Идеи В. Г. Чайлда развивали некоторые неозволюционисты (Л. Уайт, Р. Брейдвуд, Дж. Стюарт, Э. Сэрвис, М. Салинз и др.), которые вслед за ним считали, что разложение первобытного общества было связано прежде всего с развитием производящих видов хозяйства и лишь при особо благоприятных природных условиях — с развитием высокоэффективных рыболовства, охоты и собирательства.

Одним из вариантов технико-экономических объяснений является «гидравлическая теория» К. Виттфогеля, который важнейшей предпосылкой ранней государственности считал переход к ирригационному земледелию. Последнее, по мнению К. Виттфогеля, достигнув относительно высокой стадии развития, вело не только к увеличению объема сельскохозяйственной продукции, но и создавало важные организационные предпосылки сложения древнейшего государственного аппарата⁷. Несмотря на то что многие специалисты⁸ на примере самых разных обществ не раз пытались опровергнуть этот вывод, некоторые идеи К. Виттфогеля до сих пор имеют своих защитников⁹.

К объяснениям такого же рода примыкает теория, согласно которой главным стимулом развития «городского общества» послужил развитый обмен, вызвавший углубление разделения труда между отдельными людьми, общинами и целыми областями (К. Рэнфрю, У. Рэтджи и др.)¹⁰.

Главным недостатком буржуазных технико-экономических теорий представляется присущий им технологический детерми-

низм, а также стремление выпятить на первый план какой-то один, пусть даже и существенный фактор в ущерб всем остальным. В частности, все эти теории игнорируют такое явление, как обратное влияние надстройки на базис, о чем неоднократно писали классики марксизма. Впрочем, к пониманию этого явления приблизился Л. Уайт, отмечавший, что, хотя переход к земледелию и открывал широкие возможности для увеличения производства, последнее происходило не автоматически. Необходимо было некоторое принуждение, чтобы люди производили продукцию сверх непосредственно необходимой¹¹. В последние годы, гипертрофируя этот тезис, некоторые авторы считают становление власти вождей и рост потребностей знати в престижных ценностях и излишках производства важнейшим фактором, вызвавшим развитие производительных сил в позднем неолите и на ранних стадиях эпохи металла. В частности, в противовес К. Виттфогелю высказываются соображения о том, что возникновение и развитие ирригации явилось результатом становления централизованной власти, а не наоборот¹². При всей ценности этих наблюдений, связанных с безусловно очень важными аспектами классовобразования, построенные на них теории также страдают односторонностью, упуская иные существенные стимулы развития производства.

Таким образом, для современной буржуазной науки характерен широкий спектр взглядов на предпосылки классово- и политогенеза: от своего рода «экономического автоматизма» до идеалистического «ритуализма». Такое положение объясняется прежде всего причинами методологического характера. С накоплением новых данных, совершенствованием методов датировки и углубленным изучением процессов разложения первобытного общества было установлено, что последние охватывали гораздо более длительные промежутки времени и протекали гораздо сложнее, чем когда-то казалось. В частности, выяснилось, что в ряде случаев эволюция прерывалась и как бы обращалась вспять. Все это заставило некоторых специалистов говорить о нескольких ступенях эволюции, на каждой из которых в действие вступали свои факторы и механизмы в том или ином соотношении. Пытаясь реконструировать эту сложную картину, отдельные авторы (К. Флэннери, К. Рэнфрю, Р. Макнейш и др.) в той или иной степени стремятся привлекать на помощь системный анализ, однако в этом случае отсутствие четкого представления о роли базисных социоэкономических механизмов в ходе общей эволюции обычно приводит их к теории факторов.

В противоположность этому марксистская методология, позволяющая представить процесс исторического развития во всей его диалектической сложности, способна снабдить исследователя эффективным инструментарием и дать ему правильные ориентиры для решения названных выше проблем. Суть и основные

механизмы классовообразования были намечены Ф. Энгельсом. Он показал, что общинно-родовой строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»¹³. Если классические первобытные общества живут на коллективном характере единого нерасчлененного производства, то позже «в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними... Постепенно товарное производство становится господствующей формой»¹⁴. И ныне эти положения Ф. Энгельса остаются сутью марксистского учения о классовообразовании, в основе которого лежали процессы (обмен, имущественное неравенство, эксплуатация), вызванные прогрессом производительных сил и развитием общественного разделения труда¹⁵.

Вместе с тем нехватка или неоднозначность некоторых имеющихся источников по древнейшей истории человечества ведут к тому, что в области решения частных задач и среди ученых-марксистов ведутся неухающие дискуссии¹⁶. Так, в последние годы определенной корректировке подверглись основанные на данных науки XIX в. взгляды на особенности отдельных этапов общественного разделения труда. В советской науке было показано, что под первым крупным общественным разделением труда следует понимать не выделение пастушеских племен, как казалось большинству специалистов до конца XIX в., а появление и развитие производящего хозяйства¹⁷. Впрочем, и этот подход не является общепринятым, так как он не учитывает данных о развитии общественного разделения труда у племен с высокоэффективным присваивающим хозяйством¹⁸.

Прежде чем решать поставленные проблемы, рассмотрим имеющиеся сейчас данные о материальных основах классовообразования.

Развитие земледелия

Одно время считалось, что переход к земледелию автоматически вел к значительному повышению уровня жизни населения, с самого начала давая определенное количество излишков пищи. Если понимать это положение в самом общем плане в смысле генеральной тенденции развития, то с ним, пожалуй, можно было бы согласиться. Однако в каждом конкретном случае картина была настолько своеобразной, что это требует специального анализа, без которого процесс классовообразования останется непонятым. Действительно, если мы сопоставим урожайность ранних основных сельскохозяйственных культур Передней Азии и Мезоамерики, то уже одно это показывает, сколь различными были те исходные рубежи, с которых в раз-

ных регионах пачиналось земледелие. Так, судя по этнографическим данным, индейцы сапотеки считали выгодным разводить маис лишь тогда, когда его урожайность составляла не менее 200—250 кг/га. Самые древние сорта маиса давали 60—80 кг/га, и даже к 3650 (3000) г. до н. э.¹⁹ урожайность не превышала 90—120 кг/га. Указанный предел в 200—250 кг/га был преодолен лишь во второй половине III — начале II (в первой половине II) тыс. до н. э., результатом чего в Мезоамерике было распространение первых стационарных раннеземледельческих поселков. Зато переднеазиатские хлебные злаки (пшеница и ячмень) еще в диком состоянии могли давать 500—800 кг/га, служа надежной основой возникшей кое-где накануне перехода к земледелию более или менее прочной оседлости²⁰.

Специфика древнейшего земледелия в разных регионах мира определялась не только урожайностью первых возделываемых растений, но и такими факторами, как климат, почвы, гидрографический режим, особенности орудий труда и в целом земледельческой техники, характер организации труда, своеобразие перехода к земледелию (самостоятельно или под влиянием извне), роль присваивающих форм хозяйства в общей системе хозяйства, воздействие прежних культурных традиций и т. д. Основным орудием древнейших земледельцев была палка-копалка (или кол) для рыхления почвы, и лишь позже, да и то не везде, к ней прибавилась мотыга. Поэтому древнейшие системы земледелия принято называть палочно-мотыжными. Однако сам по себе вид почвообрабатывающих орудий мало что может сказать об эффективности земледелия. Поэтому гораздо более важной представляется общая реконструкция древнеземледельческих систем, которые могли быть основаны на полеводстве с постоянными участками или на перелоге, на богарном земледелии или на ирригации, на экстенсивных или интенсивных методах и т. д.

Но и это еще не все. Нетрудно показать, что даже в рамках одной земледельческой системы эффективность земледелия могла быть различной. Так, в условиях подсечно-огневой системы земледелия урожай маиса у мексиканских индейцев в недавнем прошлом составлял около 1,5 т/га, а у некоторых других индейцев Северной Америки — 2,5 т/га. Эта же система в ряде районов Вьетнама давала около 200 кг суходольного риса на 1 человека в год, а ибаны Саравака получали с ее помощью более 250 кг суходольного риса на 1 человека в год. Не меньше различий можно отметить у разных народов в объеме земледельческого труда. Например, земледельцы Ганы для расчистки территории с помощью железных топоров тратили в лесной зоне 50—75 человеко-дней на 1 га, в зоне кустарников — 25—37, а в открытой саванне — 10—20. Совершенно другие показатели отмечены у ибанов, которым для расчистки лесных участков

с помощью железных топоров было необходимо 13—17 человеко-дней на 1 га, а для расчистки участков вторичной растительности — 7—11²¹.

Таким образом, для решения вопроса о том, в какой мере и какое именно земледелие могло создать прочные материальные предпосылки для возникновения цивилизации, необходимы конкретные детальные исследования. К сожалению, проблема эволюции первобытных земледельческих систем изучена еще далеко не достаточно. Те немногие авторы, которые пытались ее решить, нередко приходили к весьма противоречивым выводам, а реконструируемые ими линии эволюции пока что трудно согласуются между собой²². Это происходит не только из-за нехватки данных в связи с тем, что до недавнего времени древние системы земледелия почти не изучались. Одним из важных недостатков многих концепций является недоучет сложности исторических процессов, в частности того, что земледелие далеко не всегда развивалось лишь от более экстенсивных к более интенсивным формам. В истории не раз случалось и так, что в связи с переходом в новую среду обитания, с изменением техники и набора культурных растений, с нарушением прежнего соотношения между различными отраслями хозяйства, с развитием внешних отношений и обмена и т. д. мог, напротив, совершаться переход от интенсивной земледельческой системы к экстенсивной.

Не менее сложной представляется и проблема соотношения подвижности и оседлости, в особенности если подвижность отождествляется с подсечно-огневой или переложной системой земледелия, а оседлость — с более интенсивными методами. На самом деле древнейшее стационарное земледелие могло наблюдаться у подвижных групп, которые время от времени возвращались к одним и тем же участкам, где выращивались культурные растения. Напротив, подвижные формы земледелия далеко не всегда требовали перемещения земледельческих поселков с места на место. Имеется немало этнографических фактов о том, что земледельцы могли десятилетиями обитать в долговременных поселках, чередуя обработку то одних, то других участков (некоторые малайцы Малаккского п-ова, ламеты Лаоса, куикуру Центральной Бразилии, ашанти Западной Африки и т. д.). О том же свидетельствуют некоторые палеоэкономические расчеты²³.

Сейчас можно считать установленным, что в подавляющем большинстве регионов мира древнейшее земледелие было связано с очень плодородными, хорошо орошенными почвами, с местами высокого стояния подпочвенных вод. Кое-где при этом осуществлялось паводковое или лиманное орошение, которое почти не требовало каких-либо трудовых затрат. Так, в Нубии кочевники хадендо сажали зерна злаков в наносной нильский ил сразу же после спада воды в реке. Никакой специальной обработки поч-

вы при этом не требовалось. Собрав урожай, люди снова надолго покидали эти места.

Со временем роль земледелия возрастала, и общины все дальше и дальше задерживались поблизости от своих земельных участков. В этой обстановке рост населения вел к неизбежному отпочкованию отдельных групп, которым приходилось осваивать новые земли. Эта «первичная земледельческая колонизация» была направлена прежде всего в наиболее плодородные районы, экологически сходные с местами первоначального обитания. Вот почему ареалы древнейшего земледелия напоминали как бы длинные узкие языки, простиравшиеся вдоль речных долин и рассекавшие прежде единые ареалы первобытных охотников, собирателей и рыболовов. Специальные исследования, проведенные в последние годы, позволяют предполагать, что неолитическое земледелие в Юго-Восточной и Центральной Европе было высокоурожайным и могло служить базой для прочной оседлости. Так как неолитические обитатели Греции и Балкан возделывали участки с очень плодородными почвами, то в условиях палочно-мотыжной техники они могли снимать гораздо более обильные урожаи, чем крестьяне средиземноморской зоны при традиционном пашенном земледелии в начале XX в. По имеющимся расчетам, ранние земледельцы Греции могли получать урожай злаков и бобовых по 800—1000 кг/га. Тропические почвы при такой системе быстро истощаются и заставляют земледельцев относительно часто менять места обитания. Однако почвы умеренного и средиземноморского поясов отличаются большей устойчивостью к процессам разрушения и для своего восстановления требуют лишь кратковременных периодов залежи. Их плодородие можно было повысить также чередованием посевов (злаков — бобовых), использованием удобрений (навоз, перегной, компост и т. д.) и выпасом скота на живье. О том, что именно такие земледельческие системы кормили древнейшие оседлые общины, свидетельствуют многочисленные телли Болгарии, а также поселения культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Европе²⁴, так как перестройки свидетельствуют о длительном обитании на одном месте, что в данных условиях было возможно только при высокоэффективном земледелии.

Как уже отмечалось, ранними орудиями для обработки почвы служили палки-копалки и мотыги. Однако при работе на разных землях их эффективность была неодинаковой. Первые обладали некоторым преимуществом в условиях плотных, трудных для обработки почв. Напротив, на мягких почвах мотыги в 1,5—2,0 раза их превосходили²⁵. Вот почему на Балканах мотыги появились очень рано и отличались большим разнообразием, соответствующим, видимо, дифференцированному их применению. Зато в некоторых других районах мотыги встречались крайне редко или их вообще не было.

Сейчас общепризнанно, что подсечно-огневое земледелие не было универсальной ранней земледельческой системой и возникло далеко не сразу. Однако по вопросу о времени его становления мнения специалистов существенно расходятся. Одни из них относят это к раннему неолиту, к периоду «первичной земледельческой колонизации»; другие считают, что оно появилось в среднем и позднем неолите в условиях расселения ранних земледельцев за пределы первичных земледельческих районов; наконец, одно время существовала концепция, по которой широкое распространение подсечно-огневого земледелия могло произойти только после появления железных орудий²⁶. Детальное изучение этнографических данных и проведение специальных экспериментальных исследований, показавших высокую эффективность работы каменным топором, как будто бы позволяют полностью отказаться от последней из перечисленных гипотез. И тем не менее остается фактом, что огромные пространства Тропической Африки были окончательно освоены земледельцами банту только в раннем железном веке, а черноземы Центральной Индии начали широко обрабатывать только после появления железного плуга.

Как бы то ни было, в других районах мира распространение подсечно-огневого земледелия произошло в условиях господства каменной техники. Так, первичное освоение европейских районов древними земледельцами требовало вырубки лесов; причем интенсивность вырубок в средиземноморской зоне и в некоторых районах умеренного пояса (лёссовые плато бассейнов Дуная, Эльбы, Рейна, Днепра и Днестра) с менее густым растительным покровом была ниже, чем последующие вырубки более густых лиственных лесов, удаленных от речных долин²⁷. Вместе с тем роль подсечно-огневой техники в древнейшем земледелии Северной и Северо-Западной Европы остается не до конца установленной; выводы о большом ее значении, полученные на основании споро-пыльцевого анализа, в настоящее время оспариваются некоторыми специалистами²⁸.

Если сравнить эффективность подсечно-огневого или переоложного земледелия с более интенсивными системами, то обнаружится следующая картина. Первое менее трудоемко, не требует регулярных продолжительных затрат труда и нередко быстрее дает отдачу, чем вторые. Более того, в особо благоприятных условиях оно даже способно давать урожай не меньшие, чем при искусственном орошении, и даже большие, чем при примитивной пахоте. Так, при ирригационном земледелии в Южной Месопотамии в зависимости от состояния почв урожайность ячменя колебалась от 200 до 1200—1400 кг/га. В то же время при переоложной системе здесь получали 550—800 кг/га²⁹. Таким образом, преимущества ирригационного земледелия не являются столь уж явными, как это принято считать. У даяков Калиман-

тана также зафиксированы две системы земледелия: одна с постоянными участками у болот, другая — подсечно-огневая на склонах гор. На участках у болот урожайности риса, как правило, больше, чем на участках в горах (соответственно 1903 и 1578 кг/га). Однако первая система требует гораздо больше усилий, чем вторая (соответственно 2165 и 1663 чел.-час./га)³⁰.

Основным недостатком подсечно-огневой системы является быстрое падение урожайности и необходимость длительных периодов залежи для регенерации. Так, у индейцев Юкатана уже на второй год объем урожая снижался на 25—50%, и для восстановления плодородия требовалось не менее 9 лет. В условиях Замбии требовались более длительные периоды залежи, и местные земледельцы оставляли свои участки на 17 лет³¹. Следовательно, для стабильного снабжения общины земледельческой продукцией в условиях подсечно-огневой системы ей требовалось гораздо больше земли, чем возделывалось в каждый данный момент, так как часть земли всегда была представлена участками залежи. Если же учесть, что урожайность в этих условиях оказывалась все же, как правило, ниже, чем при некоторых способах постоянного интенсивного земледелия, то разница в потребности в земельных участках между рассматриваемыми системами была довольно значительной.

Подсчитано, что в Мезоамерике для содержания семьи при подсечно-огневой системе требовалось обрабатывать 7,5—15,0 га, при возделывании постоянных участков в горах — 6,5 га, при ирригационном земледелии — менее 1 га, а в условиях чинампы (искусственные обводненные огороды в долине Мехико) — менее 0,5 га. У некоторых народов Юго-Восточной Азии семья из 5—6 человек, занимаясь подсечно-огневым земледелием, должна была обработать в течение года 1,0—1,5 га земли, не считая залежных участков. Гораздо меньшие участки обрабатывали народы, практикующие террасное и ирригационное земледелие. Семье из 5—6 человек у апатани Северо-Восточной Индии нужно было лишь 0,6—0,8 га постоянных полей, а у хайнаньских ли семье из 4 человек хватало для пропитания 0,2 га земли для заливного риса и 0,07—0,13 га для посадок суходольного риса и проса. В Белизе 1 га искусственно обводненных полей мог, судя по расчетам исследователей, прокормить 19 индейцев майя. У кофьяр Северной Нигерии семье из 5 человек нужно было обрабатывать не менее 1 га постоянных участков земли. Определенным преимуществом ирригационного земледелия перед подсечно-огневым было то, что первое нередко давало возможность собирать по два урожая в год³².

И все же отмеченные преимущества ирригационного земледелия не были безусловными. Как теперь установлено, ранняя ирригация в Месопотамии имела экстенсивный подвижный характер: из-за засоленности почв людям приходилось время

от времени разбивать участки на новых местах. Ясно, что эта практика требовала бóльших земельных площадей, чем при системе постоянных полей. Кое в чем она напоминала хозяйство современных арабов Междуречья, у которых семье из 6 человек для нормального ведения хозяйства необходимо как минимум 6 га земли, половина из которых находится под паром. Тем не менее на оставшейся половине можно выращивать не менее 1500 кг зерна, причем лишь 600 кг из них уходит на пропитание³³.

Все эти расчеты показывают, что древнейшая ирригация вряд ли могла успешно конкурировать с другими видами земледельческой практики, и они долгое время уживались в рамках единой хозяйственной системы. И ныне такая ситуация нередко встречается у самых разных народов мира. Так, у апатани Северо-Восточной Индии отмечено несколько видов земледельческих участков: огороды и фруктовые сады рядом с поселками, специальные террасированные участки для выращивания рисовой рассады, крупные террасные поля для заливного риса и, наконец, богарные участки для выращивания проса. Сочетание ирригационного террасного или долинного земледелия с подсечно-огневым или переложным отмечено также у кофьяр Северной Нигерии, хайнаньских ли, ифугао Филиппин, на Гавайях и во многих других местах³⁴.

Ирригационное земледелие возникло в глубокой древности и с течением времени широко распространилось во многих засушливых районах мира³⁵. Древнейшие каналы были созданы обитателями Месопотамской низменности и, возможно, ряда других областей Передней Азии (поселки Чога-Мами, Телль-эс-Савван, Тепе-Сабз, Хаджилар, поселки Южного Ирана) еще в VII — начале VI (VI — начале V) тыс. до н. э. Как показали раскопки у поселка Чога-Мами, вначале эти каналы были небольшими, шириной до 2 м, но уже к концу VII (VI) тыс. до н. э. здесь имелся магистральный канал шириной до 10 м, который не раз использовался на протяжении последующих тысячелетий³⁶. Это — свидетельство возникновения высокоэффективной системы, способной давать значительные урожаи.

Гораздо хуже известна история становления ирригации в Египте. Во всяком случае, по мнению большинства специалистов, каналы, валы и запруды для регулирования воды устраивались египтянами еще со второй половины V (в IV) тыс. до н. э. Однако широкие масштабы ирригация приобрела лишь в эпоху фараонов.

Весьма рано ирригация, хотя бы в самой примитивной форме, могла возникнуть в некоторых засушливых областях Кавказа, где энеолитические земледельцы не могли существовать без искусственного орошения. К сожалению, единственные свидетельства об этом — канавы в древнейшем закавказском посел-

ке Арухло I — трактуются специалистами по-разному. Если одни авторы видят в них древнейшие оросительные сооружения, то другие проявляют на этот счет гораздо меньше оптимизма³⁷. Как бы то ни было, большинство исследователей согласны в том, что корни кавказской ирригации могут восходить к энеолиту.

Что же касается древних террасных земледельческих сооружений, широко известных в Дагестане, на южных склонах Большого Кавказа, в предгорьях Малого Кавказа и в Южной Грузии, то они возникли, видимо, на протяжении второй половины III — первой половины II (II) тыс. до н. э. в ходе интенсивного заселения предгорных и горных районов. Впрочем, некоторые авторы связывают начало их возведения с куроаракской культурой раннего бронзового века. В Грузии орошаемое земледелие большой роли, видимо, никогда не играло. Но в Армении и Азербайджане с I тыс. до н. э. нужды земледельцев обслуживались крупными ирригационными сетями³⁸.

На юге Средней Азии, в предгорьях Копетдага, в неолите и раннем энеолите практиковалась лиманная система земледелия с простейшими приспособлениями — обваловкой отдельных участков, перегородками и водотовами. Первые настоящие каналы возникли здесь в среднем энеолите. А в позднем энеолите, в конце V — первой половине IV (IV) тыс. до н. э., в Геокюрском оазисе имелась целая сеть каналов, устроенная местными обитателями для удерживания влаги в условиях миграции русла Теджена. Крупнейшие из каналов, магистральные, достигали в длину 3 км и имели ширину от 2,5 до 5 м. От них к полям отходили более мелкие каналы. Эта система могла орошать 50—75 га земли. Все же людям не удалось справиться со своей вольной рекой, и на протяжении второй половины IV (первой половины III) тыс. до н. э. цветущий оазис пришел в полное запустение.

В период формирования и развития протогородских обществ Южной Туркмении второй половины IV—II (III—II) тыс. до н. э. здесь должны были существовать гораздо более мощные системы ирригации, однако они еще не изучены. В этот период высокоразвитые земледельцы и скотоводы проникли из Южной Туркмении на юг Узбекистана, где возникла блестящая сапалитепинская культура раннего бронзового века, безусловно связанная с орошаемым земледелием. А во второй четверти II (в середине II) тыс. до н. э. новый очаг орошаемого земледелия возник в ачкадарьинской дельте Амударьи (тазабагъябская культура)³⁹.

В первобытной Европе орошаемое земледелие большого значения не имело. Лишь кое-где в энеолитических обществах Болгарии возводились искусственные дамбы для задержания ила⁴⁰ да в наиболее засушливых областях юга Испании на про-

тяжении энеолита или в раннем бронзовом веке как будто бы имелись небольшие каналы⁴¹.

К сожалению, земледельческие системы в долине Инда в дохарапскую и харапскую эпохи остаются пока что почти совершенно не изученными. Если, по мнению одних авторов, благодаря необычайно плодородным местным землям простейшее паводковое земледелие уже могло давать здесь значительные урожаи, то, как считают другие, протоиндийская цивилизация достигла расцвета только за счет мощной ирригационной сети⁴². Последнее представляется более правдоподобным, так как главное древнее культурное растение долины Инда — круглозерная пшеница — могло выращиваться только в условиях искусственного полива. Кроме того, остатки оросительных каналов были изучены недавно в харапском поселке Шортугаи в Северо-Восточном Афганистане.

Исследования, ведущиеся в последние годы в странах Юго-Восточной Азии, позволяют вплотную приблизиться к решению вопроса о времени возникновения здесь орошаемого земледелия и характере древнейших ирригационных систем. Какой бы спорной ни представлялась сейчас эта проблема, ясно, что искусственные сооружения для заливного рисоводства начали создаваться здесь на протяжении I тыс. до н. э. Вместе с тем и к рубежу нашей эры местное заливное рисоводство не отличалось большими масштабами, и его организация была под силу отдельным семьям или семейным группам⁴³.

В Китае ирригация возникла также только в I тыс. до н. э. вначале на р. Хуанхэ, а затем в долине р. Янцзы, причем первоначально искусственные дамбы начали строить для регулирования паводков. Ирригационные работы развернулись здесь уже в условиях появившейся ранее государственности. Поначалу они проводились по инициативе самих общинников, и только к 400 г. до н. э. организация этих работ стала вменяться в обязанность особым чиновникам⁴⁴.

В Океании земледельческие террасы устраивали в основном для выращивания таро и янгоны. Они были распространены от Новой Гвинеи до Полинезии, причем чем далее на восток, тем эта техника становилась все сложнее. Если на Новой Гвинее можно было встретить намеренную повалку деревьев на склонах для предотвращения эрозии, то в Вануату имелись уже как временные террасы, огороженные деревянными заборами, так и небольшие постоянные террасы. Очень сложные по конструкции террасы наблюдались на Новой Каледонии, где вообще отмечено наибольшее разнообразие их типов во всей Океании⁴⁵. К сожалению, пока что трудно нарисовать сколько-нибудь детально картину развития интенсивного земледелия в Океании. Известно, что древнейшие каналы для каких-то земледельческих нужд устраивались папуасами в горах Новой

Гвинеи с VII (VI) тыс. до н. э. К рубежу нашей эры относятся дренажные каналы на о. Анейтьюм (Вануату), а на протяжении II тыс. н. э. здесь возникла и ирригация. На некоторых островах Микронезии и Полинезии орошаемое земледелие возникло на рубеже I—II тыс. н. э.⁴⁶

В доколониальный период орошаемое земледелие было широко распространено и у многих африканских народов. В Западном Судане это заливные поля в речных долинах, горные террасы у коньяги, калере и диммук, искусственные каналы у части сонгаи, хауса и канембу. Разнообразные оросительные системы встречались в Северо-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Африке. Например, покомо и теита Восточной Кении устраивали каналы с запрудами и шлюзами. Похожие небольшие ирригационные сооружения встречались и у ряда других народов — у паранилотов (эндо) и нилотов (ачоли). Во многих горных районах сооружали террасы, а кое-где применяли колодезное орошение. Особенно сложную систему имели баротсе (лози) Западной Замбии, где вначале осушали болота, потом орошали, выравнивали поля насыпями, строили плотины и устраивали искусственные пруды. История возникновения этих систем изучена слабо. Известно, что еще в I тыс. до н. э. у гарамантов в оазисах Центральной Сахары имелись искусственные подземные водосборники (фоггаре) для орошения полей. Древнейшие террасы Южной Мавритании датированы концом I тыс. до н. э., террасированные поля в районе Энгарука в Танзании — XVI—XVIII вв. н. э.⁴⁷

В доколумбовой Америке методы интенсивного земледелия (сады, огороды, насыпные поля, террасы, лиманное и колодезное орошение, каналы, дренаж) были широко известны, но их облик и степень распространенности остаются еще мало исследованными. Однако установлено, что искусственные насыпные поля, орошавшиеся каналами, имелись в Северной Колумбии, Эквадоре, Венесуэле, Боливии, Северо-Восточной Аргентине, Перу, на Юкатане и в Белизе⁴⁸.

В разных районах Мезоамерики земледельческие системы, основанные на искусственном орошении, возникли и распространились на протяжении I тыс. до н. э. Древнейшие данные об этом имеются сейчас из долины Теуакана, где к X (IX) в. до н. э. была построена плотина, впоследствии не раз перестраивавшаяся. В своем окончательном виде в конце III в. до н. э. она могла вмещать до 600 тыс. куб. м воды для орошения. Если вначале ирригация не играла здесь большой роли, то в II—I вв. до н. э. местное население получало с орошаемых участков не менее 40% земледельческой продукции⁴⁹. В долине Оахаки в первой половине I тыс. до н. э. распространилось колодезное орошение, а после 500 г. до н. э. в предгорьях стали появляться земледельческие террасы. По-иному интенсификация

земледелия протекала в долине Мехико, где во второй половине I тыс. до н. э. производились работы по осушению болот и созданию тысяч небольших искусственных земледельческих участков на мелководье (чинампы)⁵⁰. Судя по последним исследованиям в Северном Белизе, к последней четверти I тыс. до н. э. индейцы майя научились сооружать искусственные насыпные поля и орошать их с помощью разветвленной сети каналов. В одной из областей было обнаружено 95 насыпных участков на площади 37 га, прорезанной магистральным каналом (1200 м) и шестью отводными каналами (до 100 м)⁵¹. Теперь есть все основания отказаться от бытовавшей еще совсем недавно концепции, согласно которой города-государства майя возникли на основе исключительно подсеčno-огневого земледелия.

На территории США ирригационное земледелие было распространено лишь на юго-западе, где в I тыс. н. э. носители культуры хохокам строили оросительные каналы, террасы и дамбы. Интенсивное земледелие здесь достигло кульминации в первой половине II тыс. н. э., когда в долине р. Солт были проложены магистральные каналы длиной более 10 км, а орошаемые площади занимали несколько десятков кв. км. Однако даже в этих условиях индейцы не пренебрегали обработкой лежавших по соседству богарных участков. Определенный интерес представляет и тот факт, что один из крупнейших поселков культуры хохокам Гу-Ачи площадью 15 га, расположенный в пустынном районе, существовал за счет паводкового орошения, с помощью которого местные обитатели выращивали маис и хлопок. Во второй половине I — начале II тыс. н. э. от носителей культуры хохокам искусству ирригации обучились соседи: вначале — могольон, затем — анасази. Однако впоследствии западные группы индейцев пуэбло отказались от этой практики, малоэффективной в условиях плато Колорадо⁵².

Восточнее, в долине Миссисипи, процесс классового образования шел своим весьма своеобразным путем. Он долгое время развивался в условиях господства присваивающих отраслей хозяйства, пока, наконец, в VIII—IX вв. н. э. земледелие (выращивание маиса, фасоли, тыкв и ряда местных растений) не стало главным занятием местного населения. Однако и после этого оно сохраняло примитивный мотыжный характер, а участки орошались лишь периодическими паводками. Видимо, только благодаря исключительному плодородию почв здесь сложились крупные предклассовые общества, отличавшиеся значительной степенью социальной и имущественной дифференциации⁵³.

Хуже всего древние земледельческие системы изучены в Южной Америке. Предполагается, что до XXII (XIX) в. до н. э. земледельческие участки на побережье Перу орошались лишь периодическими паводками. А начиная с указанного рубежа во внутренних частях речных долин у побережья появилась настоя-

щая ирригация, наряду с которой большое значение сохраняло и паводковое орошение. В горах же возникли искусственные террасы⁵⁴.

Другой формой интенсивного земледелия было пашенное. Проблема его возникновения до сих пор является остро дискуссионной. Где и когда появились древнейшие пахотные орудия? Какой облик они имели и какие функции выполняли? Насколько они были эффективны? В каком направлении шла их эволюция? Все эти вопросы до сих пор нельзя считать окончательно решенными. Однако, исходя из современных данных, наиболее вероятной представляется следующая картина.

Вопреки прежним гипотезам о происхождении древнейшего рала от мотыги или от суковатой палки, в настоящее время большинство специалистов в качестве исходной формы считают так называемые бороздовые орудия. По С. А. Семенову, основное назначение таких орудий заключалось «в прокладывании в поле борозд, делящих его на гряды, и в покрывании посевов землей, в разделении посевной площади на участки, распланированные по временным границам»⁵⁵. Этнографически они достаточно хорошо известны во многих районах Старого Света от Западной Европы и Западной Африки до Восточной и Юго-Восточной Азии. Как правило, простейшей формой этих орудий являлись деревянные палки или заступы, которые волочили по полю силой по меньшей мере двух человек.

Еще в конце XIX в. под курганами в Северо-Западной и Северной Европе исследователи находили остатки пахоты в виде прочерченных крест-накрест борозд, затем в Польше и Дании были зафиксированы борозды более раннего времени, а в последние годы в ЧССР, Дании и Англии удалось обнаружить пахоту середины IV (рубежа IV—III) тыс. до н. э.⁵⁶ По традиции многие авторы до сих пор считают, что эти следы оставлены ралом. Однако более вероятным представляется, что это работа бороздовых орудий, тем более что последние известны теперь в самых разных европейских культурах позднего неолита и энеолита, начиная с второй половины V (с IV) тыс. до н. э., а находки древнейших рал относятся к гораздо более позднему времени.

Первоначально целая серия деревянных бороздовых орудий была найдена на памятниках позднего неолита и энеолита Центральной Европы, а совсем недавно сходные по функциям бесспорно неолитические почвообрабатывающие орудия удалось обнаружить на севере ФРГ и в Англии⁵⁷. Видимо, аналогичного рода работы могли выполняться и некоторыми орудиями из рога, находки которых известны в энеолите и раннем бронзовом веке на Балканах и в Закавказье. Правда, отдельные авторы⁵⁸ до сих пор называют их ралами или сохами. Но, как убедительно показал Ю. А. Краснов, роговые орудия никак

не могли служить деталями упряжных пахотных орудий. Поэтому скорее можно согласиться с теми исследователями, которые считают их бороздовыми ручными орудиями или «ручными сохами», влекомыми силой самого человека без помощи тяглого скота⁵⁹. Так, видимо, должен решаться вопрос и о характере трипольского земледелия. Гипотеза о применении трипольцами настоящего рала (С. Н. Бибиков, В. Н. Даниленко) пока не имеет строгих доказательств. Вместе с тем проведенные советскими учеными экспериментальные исследования показали высокую эффективность мотыжной обработки почвы на землях Молдавии. Помимо мотыг, трипольцы могли применять для рыхления земли и заделывания колосков в почву роговые бороздовые орудия типа обнаруженных в Новых Русештах I⁶⁰.

В долине Инда при раскопках в Калибангане также удалось обнаружить поле с бороздами харанпского или дохаранпского времени. Судя по характеру борозд, и здесь надо говорить о применении «ручной сохи», а не настоящего рала⁶¹.

Бороздовые орудия были малоэффективны и вряд ли существенно повышали производительность труда. Они могли использоваться только на уже взрыхленных мотыгами или очень мягких почвах. Поэтому обычно их применяли для каких-либо второстепенных подсобных работ: для снятия дерна, проведения канавок, устройства грядок, выравнивания уже возделанного поля и т. д. Не следует думать, что самые ранние рала были намного эффективнее древнейших бороздовых орудий. И в Южной Месопотамии, и в Египте они также служили для поверхностного рыхления почв, проведения борозд и заделывания семян в землю. Они не могли заменить мотыги и более того — не могли использоваться без предварительной обработки участков мотыгами; соответствующие изображения имеются в раннединастическом Египте. Интересно, что широкое распространение каменных мотыг в Месопотамии происходило одновременно составлением пашенного и ирригационного земледелия. Вместе с тем по производительности труда уже древнейшие рала превосходили мотыги, хотя вначале, видимо, ненамного. Так, в некоторых областях Индонезии обработка земли ралом, запряженным буйволами, проходила в 1,5—3 раза быстрее, чем мотыгами⁶². А эксперименты С. А. Семенова показали, что некоторые типы древних европейских рал были в 45—75 раз производительнее, чем ручные орудия, в частности мотыги.

Где и когда впервые появились настоящие рала? Одно время в трудах ряда специалистов упорно развивалась гипотеза о так называемых «каменных лемехах» — колодковидных орудиях, известных еще носителям культуры линейно-ленточной керамики в раннеолитической Европе и рано появившихся в Северо-Восточном Китае. Эта гипотеза и сейчас имеет своих защитников. Вместе с тем после убедительной критики, высказанной

такими глубокими знатоками древней земледельческой техники, как С. А. Семенов и Ю. А. Краснов, она может считаться полностью опровергнутой⁶³.

Древнейшие известные нам рала происходят из Южной Месопотамии, где они изображались на глиняных табличках урукского и джемдетнарсского времени — IV (конца IV — начала III) тыс. до н. э. Многие специалисты не без основания связывают их с развитием ирригационного земледелия и предполагают их более раннее появление в Месопотамии. Однако до сих пор ученые спорят о том, где впервые появилось рало — в Северной или Южной Месопотамии, произошло это во второй половине VII (VI), на протяжении VI — начала V (в V) или во второй половине V (первой половине IV) тыс. до н. э. Судя по лингвистическим данным, пашенное земледелие имелось у древнейших семитов, индоевропейцев и северокавказцев уже в V—IV тыс. до н. э.⁶⁵

В Египте первые рала начали применять в период правления II—III династий; по мнению одних авторов, они восходят к местным мотыгам; другие авторы довольно убедительно доказывают их прямую генетическую связь с месопотамскими ралами.

К сожалению, мы до сих пор не знаем, когда архаические рала появились на Кавказе. В позднем бронзовом веке они уже здесь несомненно имелись. Судя по облику наиболее архаичных закавказских рал, известных этнографически, их прототип, сходный с месопотамскими двухрукоятными кривоградильными ралами, мог попасть в Закавказье во второй половине IV—III (в течение III) тыс. до н. э. Некоторые авторы относят появление рала к самому началу бронзового века или даже к развитому энеолиту⁶⁶.

Столь же мало изучен вопрос о появлении пахотных орудий в Средней Азии. Предположения об использовании здесь рала в эпоху энеолита пока что не подкрепляются фактами. Вместе с тем недавняя находка сосуда с изображением пахоты на быках в Бактрии надежно датирует распространение здесь рала во II тыс. до н. э. и позволяет надеяться на обнаружение еще более ранних таких орудий⁶⁷.

Неясной остается и проблема возникновения и ранних этапов эволюции упряжных пахотных орудий в Европе. Целый ряд таких орудий, обнаруженных в торфяниках Северной Европы, не имеет четкой даты и относится разными авторами то к неолиту, то к бронзовому веку, то к раннему железному веку. Гораздо более надежно датируются находки древнейших рал, сделанные недавно советскими археологами в Поднепровье. Здесь в курганных погребениях катакомбного времени, т. е. второй половины III (первой половины II) тыс. до н. э., были обнаружены деревянные части рал, одно из которых относилось к прямоградильному, а другое — к кривоградильному типу.

Изображение прямогрязильного рала, запряженного быком, датированное серединой III (рубежом III—II) тыс. до н. э., было обнаружено недавно в Прикубанье⁶⁸. Наряду с известным ранее изображением прямогрязильного рала на стеле того же времени под Симферополем, эти находки убедительно свидетельствуют в пользу распространения пашенного земледелия в районе северопричерноморских степей к середине III (рубежу III—II) тыс. до н. э. К той же эпохе относится находка древнего рала в поселке Ледро (культура полада) в Северной Италии⁶⁹. Что же касается ранних упряжных пахотных орудий в Северной Европе, то их, видимо, следует датировать начиная со второй четверти II (второй половины II) тыс. до н. э.⁷⁰

В Северо-Западной и Северной Европе на протяжении бронзового и раннего железного века в связи с введением пахоты распространились и так называемые «кельтские поля», т. е. ограниченные каменными бортами участки земли по 0,1—0,3 га. Они были надежно защищены от ветра и удобрялись пасущимся по жнивью скотом⁷¹.

В Китае рало появилось только в раннем железном веке. Древнейшие сообщения о глубокой вспашке восходят здесь лишь ко второй половине I тыс. до н. э. В более раннюю эпоху поля обрабатывали мотыгами и бороздовыми орудиями⁷².

В Юго-Восточной Азии деревянные бороздовые орудия появились во II тыс. до н. э. В I тыс. до н. э. здесь стали использоваться настоящие рала с бронзовыми, а затем и железными лемехами. Во второй половине I тыс. до н. э. пашенное земледелие возникло в Таиланде⁷³.

В Африке в доколониальную эпоху упряжные пахотные орудия большого распространения не получили. Они применялись лишь в некоторых северных районах в обществах, уже имевших ярко выраженную раннеклассовую структуру.

Несмотря на то что пашенное земледелие было шагом вперед по сравнению с мотыжным и вело к росту производительности труда, его введение далеко не сразу обусловило рост объема сельскохозяйственной продукции. Оценивая эффективность ранней пахоты, следует учесть, что в ряде районов, например в Европе, начало применения рала приходилось на тот период, когда наиболее плодородные земли были уже значительно истощены неолитическим и энеолитическим палочно-мотыжным земледелием и их урожайность сильно упала. Кризисная ситуация заставляла людей осваивать новые плодородные области, где архаические приемы пахоты с помощью весьма несовершенных орудий вели к быстрой эрозии почв. В итоге урожай на полях земледельцев бронзового века мог быть в 3—6 раз ниже, чем в условиях раннеэнеолитического мотыжного земледелия.

Таким образом, как показывает приведенный выше обзор, ирригационное и пашенное земледелие, будучи важными компо-

нентами интенсификации земледельческого труда, во-первых, далеко не сразу выявили все свои преимущества перед прежним палочно-мотыжным методом, а во-вторых, не везде сопутствовали процессу разложения первобытного общества и классового образования. Поэтому представляется необходимым рассмотреть и другие методы интенсификации земледельческого труда, которые, к сожалению, гораздо хуже фиксируются археологически.

Во многих областях Африки, где традиционное земледелие оставалось палочно-мотыжным, помимо уже перечисленных выше способов орошения широко применялись следующие приемы: 1) не просто тщательное рыхление почвы, а специальное окучивание и устройство грядок, что заметно повышало урожайность; 2) смешанные посевы, позволявшие получать максимум продукции при минимуме издержек. Как подчеркивает И. А. Сванидзе, урожайность каждой отдельной культуры при этом была ниже, чем при чистых монокультурных посевах, но зато общий урожай — выше; 3) чередование посевов различных культур, что благоприятно сказывалось на плодородии почвы и позволяло продлевать сроки использования отдельных участков; 4) применение самых разнообразных удобрений растительного и животного происхождения⁷⁴. Благодаря местным, разработанным еще в древности способам повышения урожайности и достигли процветания раннеклассовые образования, сложившиеся в доколониальный период в Великой саванне Африки к югу от пояса экваториального леса, где ни ирригации, ни пашенного земледелия не было. Одним из способов максимального использования земли здесь было выращивание очень широкого набора самых разнообразных культурных растений: просяных, корне- и клубнеплодных, бобовых, а также фруктовых деревьев и пальм. Эти растения предъявляли различные требования к почве, влаге, и местные земледельцы искусно использовали особенности созревания этих растений, получая урожаи тех или иных культур в течение всего года. Люди возделывали здесь главным образом сады-огороды, где чересполосно росли травы, овощи, бобовые, фруктовые деревья и пальмы, и полевые участки, где первоначально выращивали разнообразные просяные культуры⁷⁵.

В принципе сходная система земледельческой интенсификации имела и у майя в низменностях Мезоамерики. Помимо насыпных полей и разнообразных оросительных сооружений, майя также использовали широкий набор разнообразных культурных растений, практиковали смешанные и плодосменные посевы и сочетали участки подсечно-огневого земледелия (милпа) с возделыванием садов и огородов⁷⁶. По-видимому, аналогичная картина наблюдалась и в Перу, где земледельческая система ни в коей мере не может считаться примитивной лишь на том основании, что там единственным почвообрабатывающим орудием до рубежа I—II тыс. н. э. служил заостренный кол.

Различные методы искусственного повышения плодородия почв были выработаны и в Океании. Для этого папуасы наиболее развитых районов Новой Гвинеи использовали разнообразные удобрения. В некоторых горных долинах они выращивали багат на особых грядах, окруженных дренажными канавками. Эти канавки периодически чистили, перенося образовавшийся ил на грядки, что повышало их плодородие. Папуасы энга после сбора урожая перекапывали грядки и удобряли их растительными отбросами, а абелам вырывали для ямса специальные глубокие ямы, наполняя их плодородной землей, взятой с поверхности.

Помимо удобрений обитатели Океании активно использовали сочетание разных земледельческих систем (ирригация и подсечно-огневая), разводили много самых разнообразных растений, а при их возделывании применяли самые разные методы и приемы, наиболее эффективные в данном конкретном районе. Один из миссионеров, восторженно описывая высокий уровень земледельческой культуры на о. Раротонга, сообщал о бесчисленных рядах искусственно посаженных каштанов, тянувшихся от самых гор до моря, о расположенных между ними углубленных в землю искусственно орошаемых участках таро, о высоких насыпях, в нижней части которых сажали таро обыкновенное, на склонах — гигантское таро, а наверху — хлебные деревья, и о дорогах, обсаженных банановыми пальмами⁷⁷.

Некоторые из перечисленных методов интенсификации земледелия могут фиксироваться археологически. Это данные о соотношении смешанных и чистых посевов, о появлении полеводства, о доместикации новых растений и выведении новых сортов, более урожайных или более соответствующих новой природной обстановке. Так, смешанные посевы зерновых и зернобобовых фиксируются в Северной Месопотамии и Греции в VII (VI) тыс. до н. э., в Египте — во второй половине VI (в V) тыс. до н. э., в Закавказье — со второй половины VI до середины IV (в V—IV) тыс. до н. э., на юго-западе СССР — к середине IV (начале III) тыс. до н. э. Кое-где в этих районах фиксируется и переход от смешанных к чистым посевам, означавший значительный шаг вперед древней агрономической практики. В Северной Месопотамии это происходило во второй половине VI — первой половине V (в V) тыс. до н. э., на юго-западе СССР — начиная со второй половины V (в IV) тыс. до н. э., в Греции — в середине IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э., а в Закавказье — во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э.⁷⁸

Известно, что в различных физико-географических районах имеются разные условия для выращивания растений, что связано с сезонными колебаниями в получении солнечной энергии, с водным режимом, почвами и т. д. Поэтому распространение земледелия в новые области и его развитие там требовали вве-

дения в культуру новых растений, селекции и изменений в соотношениях между посевами разных культур. Специальные этнографические исследования показывают, что современные примитивные земледельцы проявляли большую готовность выращивать новые растения, активно заимствуя их друг у друга. Нередко у них имелись специальные огороды, где они проверяли эффективность таких растений в местных условиях⁷⁹.

§ Судя по археологическим данным, в неолите, энеолите и бронзовом веке в Передней Азии и Европе распространился лен, который первоначально использовался не только для ткачества, но и в пищу. Здесь были выведены новые, более продуктивные сорта пшеницы и ячменя, постепенно были окультурены и распространились просо, овес и рожь, которые в раннем железном веке сыграли большую роль в подъеме земледелия Центральной и Северной Европы. Особым разнообразием отличался набор зерновых и зернобобовых культур в энеолите и бронзовом веке в Закавказье. В Белуджистане в энеолите был окультурен хлопчатник. На протяжении энеолита и эпохи бронзы во многих районах Средиземноморья, Юго-Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии возникло садоводство. Начиная со второй половины VI (в V) тыс. до н. э. виноградарство фиксируется в Закавказье, с конца V (в IV) тыс. до н. э. оно было уже известно обитателям Болгарии и Молдавии, во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. оно широко распространилось от Палестины до Греции и Анатолии, а с середины III (к началу II) тыс. до н. э. виноград выращивали в Италии, Испании и в Южной Туркмении. Со второй половины V (в IV—III) тыс. до н. э. садоводство, которое помимо винограда включало культуру оливы, финиковой пальмы, фигового дерева, граната, каштана, грецкого ореха и других фруктовых деревьев, в разном наборе в зависимости от региона широко распространилось в странах Восточного и Северного Средиземноморья и, видимо, в некоторых районах Причерноморья и Кавказа⁸⁰.

Развитие садоводства имело ряд существенных последствий: во-первых, оно позволило эффективно осваивать гористые местности с относительно бедными каменистыми почвами, малоблагоприятными для выращивания злаков. В особенности это было актуально для Южной Эгеиды, Апеннинского п-ова, горных районов Кавказа и т. д. Во-вторых, для садовых культур было нужно гораздо меньше земли, чем для злаков, что позволило более экономно использовать земельные ресурсы и обусловило рост плотности населения. В-третьих, так как сады позволяли снимать урожай в течение многих лет, их появление стало еще одним фактором, обусловившим прочную оседлость и развитие обособленной, а затем и частной собственности на землю. Наконец, в-четвертых, садоводство вело к дальнейшему разделению труда и усилению роли обмена. Поликультурное земледелие, развив-

шееся в некоторых районах Старого Света в эпоху раннего металла, было, по словам Ф. Энгельса, одной из предпосылок второго крупного общественного разделения труда^{80а}.

Вместе с тем если в Передней Азии и Европе садоводство возникло в процессе интенсификации уже имевшегося земледелия, то в Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и Океании уход за плодовыми деревьями нередко был одним из типов раннеземледельческой практики. Частично это объяснялось высокой урожайностью некоторых местных плодовых культур, которые кое-где служили основными источниками питания.

С появлением и развитием интенсивных методов земледелия разделение труда вступило в новую фазу. Прежде всего это отразилось на характере половозрастного разделения труда. Давно известно, что при переходе от палочно-мотыжного земледелия к пашенному основные земледельческие работы постепенно перешли в ведение мужчин. После проведения широкого сравнительного анализа⁸¹ этот вывод можно приложить к самым разнообразным видам интенсивного земледелия. Оказалось, что, чем сложнее земледельческая техника, тем шире участие мужчин в земледелии. А в условиях ирригационного и пашенного земледелия роль мужского труда во всех сферах сельскохозяйственного труда быстро увеличивалась. В целом то же самое относится и к детскому труду, применение которого со временем становилось все более регулярным.

Все это хорошо видно на примере апатани Северо-Восточной Индии, разводивших главным образом заливной рис. Обработка земли у апатани проходила вручную, но отличалась большим искусством. На горных склонах здесь устраивали специальные террасы, орошавшиеся дождем или горными потоками, а долина была сплошь покрыта многочисленными рисоводческими участками, питающимися водой из сети умело сделанных каналов. Начиная с зимы и до мая многие общинники занимались починкой оросительных сооружений: юноши носили на носилках землю, а девушки укладывали ее. Для этих работ в прошлом применялись только деревянные заступы и мотыги.

Для поздних сортов риса у апатани имелись постоянные заливаемые водой участки, а для ранних участки сначала осушали, очищали от мусора и вскапывали, а затем снова орошали перед посадкой. На поля высаживали рисовую рассаду, которую выращивали на специальных участках вблизи поселка. Эти участки постоянно удобряли и держали под водой и лишь перед посадкой зерен риса осушали и подготавливали землю. Рассаду выращивали женщины, но в ее пересадке на поля могли участвовать также юноши и подростки. Поля под рис тщательно удобряли: всю зиму и весну на них регулярно сносили навоз, золу, перегной и кухонные отбросы, а перед самой посадкой сжигали мусор.

Летом женщины время от времени пропалывали поля, а мужчины окружали их изгородью, чтобы уберечь посевы от домашних животных. Урожай ранних сортов риса убирали в августе, а поздних — в октябре-ноябре. Осенний сбор урожая являлся очень трудоемким делом, и в нем участвовали все трудоспособные члены отдельных домохозяйств.

Не меньше заботы апатани проявляли к огородам и богарным посевам проса. Мужчины делали для проса специальные грядки, в обработке которых им иногда помогали девушки. Зато посадка, прополка и уборка проса были делом взрослых женщин.

Таким образом, наиболее трудоемкие сельскохозяйственные работы у апатани исполняли мужчины, однако и в других работах они нередко помогали женщинам. Особую роль играли группы подростков-сверстников (патанг), которые поочередно помогали всем родителям, за что те обязаны были их кормить⁸².

Большой объем сельскохозяйственных работ выполняли мужчины у хайнаньских ли, где практиковалась не только ирригация, но и пашенное земледелие. Там создание и ремонт оросительных сооружений, пахота и боронование, возведение грядок, внесение в землю удобрений считались мужской работой, а в пересадке саженцев, прополке и сборе урожая участвовали все трудоспособные члены общины, хотя сбор урожая являлся преимущественно женским делом⁸³.

Пример кофьяр Северной Нигерии выявляет еще одну существенную особенность интенсивного земледелия, позволяющую отдельным семьям вести более независимое существование. По сравнению со своими соседями, занимавшимися подсечно-огневым земледелием, кофьяры тратили на обработку своих постоянных участков в два раза больше времени, но зато у них почти не было тяжелых коллективных работ⁸⁴.

Археологические материалы также дают примеры регламентации сельскохозяйственного труда по полу. На территории Анатолии захоронения мужчин с серпами производились уже в Чатал-Гюке в первой половине VII (первой половине VI) тыс. до н. э. В Южной Польше в лендьельских могилах второй половины V — начала IV (в IV) тыс. до н. э. роговые мотыги встречались только в мужских погребениях. В мужских могилах позднего триполья также встречались серпы и мотыги. Наконец, в катакомбных могилах в Поднепровье древнейшие рала сопровождали в загробной мир именно мужчин.

Еще одной особенностью разделения труда в условиях первобытного интенсивного земледелия было постепенное высвобождение от сельскохозяйственных работ вождей и знати, к обработке участков которых все чаще привлекались простые общинники. Это хорошо видно на примере Меланезии и Полинезии, где с усложнением сельскохозяйственных систем с запада на восток доля участия в них вождей и их родственников падала⁸⁵.

Развитие скотоводства и формирование кочевого хозяйства

Во многих районах Старого Света и в некоторых областях Южной Америки производящее хозяйство с самого начала развивалось в комплексной форме, т. е. помимо земледелия включало и разведение домашних животных. Первоначально скота было немного, и он использовался главным образом в социально-престижной сфере⁸⁶. Состав стада определялся спецификой местных природных условий и сложившимися традициями. Например, на протяжении неолита в одних областях преобладало разведение мелкого рогатого скота, в других — крупного, в третьих — свиней. Древнейшие скотоводческие системы отличались следующим. Чаще всего днем животных отпускали на вольный выпас, а ночью держали их в поселке в специальном загоне или даже в жилых домах. Лишь в некоторых засушливых районах стадо на лето отгоняли на дальние пастбища специальные пастухи, которыми чаще всего были юноши и подростки.

В условиях развития интенсивного земледелия и повышения урожайности ситуация коренным образом изменилась. Отдельные земледельческие народы начали активно применять скот для полевых работ⁸⁷ (разрыхление почвы, втаптывание зерен в землю, запряжка в рало), для обработки урожая (молотба) и для перевозки грузов. Кроме того, одним из методов повышения плодородия почвы стало применение естественных удобрений (навоза). Внесение навоза в почву обеспечивалось стойловым содержанием скота или регулярным выпасом скота по живью. Так, бонтоки Лусона держали свиней, а кофьяры Северной Нигерии — коз в специальных загонах ради получения навоза. Ныне считается общепризнанным, что длинные дома в среднем и позднем бронзовом веке в некоторых районах Северной и Северо-Западной Европы включали не только жилье, но и стойла. Отдельные авторы предполагают, что ту же функцию длинные дома могли иметь и в раннеолитической культуре линейно-ленточной керамики. Выпас собственного скота по живью мог появиться очень рано, а позже, с началом отделения скотоводства от земледелия, земледельцы позволяли пасти на своих участках чужие стада, принадлежавшие порой даже иноэтничным группам, сознавая выгоды этого для повышения плодородия почв и улучшения урожайности.

Правда, не везде земледельческое и скотоводческое направления в хозяйстве были настолько глубоко интегрированы в рамках единой хозяйственной системы. Например, африканские луо, хотя и пасли скот на сжатых полях, часто забрасывали эти поля и обрабатывали новые участки, в результате чего эффект удобрений терялся. В Месопотамии навоз использовали как топливо, а не как удобрение, потому что в жарком засушливом климате

навоз быстро окислялся и не мог эффективно влиять на плодородие почв.

С дальнейшим развитием скотоводства связано появление молочного хозяйства и шерстоткачества. И то, и другое вызвало появление новых, более продуктивных пород скота⁸⁸. К сожалению, в связи с малой изученностью соответствующих археологических фактов датировать начало этого нового этапа в развитии скотоводства, который некоторые авторы называют «революцией вторичных продуктов» (Э. Шеррет), чрезвычайно трудно. Так, одни исследователи связывают его чуть ли не с ранним неолитом, а другие предпочитают говорить об эпохе бронзы. Многочисленные и весьма разнообразные данные о доении скота происходят из Передней Азии, Северной Африки и Европы начиная со второй половины V (с IV—III) тыс. до н. э. Однако есть основания предполагать, что истоки молочного хозяйства восходят к более глубокой древности. Так, в Северной Месопотамии сосуды, служившие, возможно, для производства творога, имелись уже в хассунский период — во второй половине VII (второй половине VI) тыс. до н. э. В это время, как и в последующую халафскую эпоху, в подавляющем большинстве районов Передней Азии основными домашними животными были козы и овцы, которых кое-где, видимо, уже начинали доить. В Закавказье и на Северном Кавказе сосуды для хранения и обработки молока появились начиная со второй половины V (в IV) тыс. до н. э. В Египте и неолитической Сахаре древнейшие данные о доении скота относятся ко второй половине V — первой половине IV (к IV) тыс. до н. э. Примерно тем же временем датируются сосуды для производства творога из ареала трипольской культуры юго-запада СССР, культуры лендзел в Южной Польше и культуры лагоцца в Северной Италии. А по некоторым данным, аналогичные находки связываются и с культурой линейно-ленточной керамики VI (V) тыс. до н. э.

К сожалению, мы еще очень мало знаем о роли молочных продуктов в питании населения в этот ранний период. Однако, судя по соотношению костей различных половозрастных категорий скота на поселениях, — преимущественному убою молодых особей, устойчиво фиксирующемуся во многих культурах неолита и энеолита, — большого значения в пищевом рационе эти продукты не имели. Скорее всего поначалу их использовали для определенного рода престижно-социальных ритуалов. Доили прежде всего овец, и эта традиция сохраняется до сих пор в крестьянских хозяйствах Южной Европы. Но начиная со второй половины V (с IV) тыс. до н. э. кое-где появилось и доение коров. Судя по лингвистическим данным, оно уже имелось у древнейших семитов, индоевропейцев и северокавказцев.

Использование молока и молочных продуктов свойственно далеко не всем народам, занимающимся скотоводством. Этого нет

во многих районах Африки, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Кое-где это связано с неразвитостью скотоводства или отсутствием подходящих дойных животных, а кое-где с этнической традицией. В последнее время широкое распространение получила гипотеза, по которой расщепление лактозы (молочного сахара) организмом является редким генетически передаваемым качеством, выработавшимся лишь у немногих народов, издавна занимавшихся скотоводством⁸⁹. При этом речь идет именно о потреблении сырого молока, так как для усвоения таких молочных продуктов, как сыр и масло, организму не нужно иметь специальных приспособительных реакций. Изложенная гипотеза представляет особую важность для решения проблемы возникновения кочевничества.

Помимо молока, люди издавна использовали в пищу кровь крупного рогатого скота. До сих пор эта практика распространена у многих народов Восточной Африки, где она зафиксирована еще у древних кушитов. Ее, по-видимому, знали в глубоком прошлом и европейские скотоводы. Во всяком случае до XVIII в. н. э. она еще встречалась у ирландцев и шотландцев. То же самое наблюдалось и у тюрко-монгольских народов.

Другим важным продуктом скотоводства была шерсть. Эффективное занятие шерстоткачеством возникло лишь после того, как удалось вывести специальные породы овец. Известно, что последние распространились в Передней Азии со второй половины V (на протяжении IV) тыс. до н. э. Одновременно шерстоткачество как будто бы появилось в додинастическом Египте (эль-Омари) и в энеолитической Болгарии. Гораздо больше данных о распространении шерстоткачества в Европе в период энеолита и раннего бронзового века. Так, в Греции новые породы овец появились во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э., в Швейцарии на протяжении этого периода совершился переход от льняных одежд к шерстяным, в Венгрии и в ряде других областей отмечался быстрый рост роли овцеводства. В ареале трипольской культуры шерстоткачество возникло во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э. В первой половине III (второй половине III) тыс. до н. э. шерстяные ткани были известны в Южной Туркмении (Алтын-депе), а в начале второй половины III (в начале II) тыс. до н. э. шерстоткачество уже достигло Южной Сибири (афанасьевская культура). Немного позже оно появилось в Китае в провинции Цинхай.

Для выявления тенденций развития скотоводства в позднем неолите, энеолите и в эпоху бронзы интересными представляются наблюдения за изменением соотношения половозрастных категорий в стаде. Известно, что при разведении животных на мясо выгодно убивать молодых особей, так как для прокорма, например, семи телят до двух лет требуется столько же кормов, сколько для содержания трех особей до возраста 3,5 лет. Однако в

первом случае можно получить на 40% мяса больше, чем во втором. При молочном же использовании скота при том же объеме кормов можно получить в 4—5 раза больше белков, чем при мясном. А в условиях использования мускульной силы скота требуются самцы трех-четырёхлетнего возраста. Появление шерстостокчества делает невыгодным убой ягнят и позволяет держать взрослых баранов и овец. Все это находит отражение в остеологических показателях: действительно во второй половине IV—II (в III—II) тыс. до н. э. остеологические остатки, выявленные в Европе, фиксируют заметное постарение стада.

Особое значение для судеб скотоводства в ряде важнейших областей Старого Света имела одомашнивание таких новых видов животных, как лошадь, верблюд и осел. До сих пор локализация областей и установление времени их первичной одомашнивания представляют предмет оживленной дискуссии. Разные авторы предполагают, что лошадь была одомашнена в Восточной Анатолии, Северной Месопотамии и юго-западном Иране, на Кавказе, в лесостепях и степях Восточной Европы, в Западной Европе и т. д. Однако наиболее вероятно, что массовое приручение лошадей велось в ареале от Дуная до Южного Приуралья, где местные земледельцы и скотоводы вначале активно на них охотились⁹⁰. Именно в этом ареале в Дереевке (среднеэпохская культура) был обнаружен череп бесспорно одомашненной лошади, и именно здесь на памятниках эпохи энеолита кости лошади составляли значительную часть остеологических коллекций (до 60%). На Кавказе разведение лошадей могло начаться в энеолите, причем остается неясным, были ли они одомашнены здесь самостоятельно или местное население заимствовало их у северных соседей. Впрочем, вопрос этот еще мало изучен, и некоторые специалисты продолжают считать, что в Закавказье лошадь попала с севера только в позднем бронзовом веке, тогда как, по мнению других, степное население, напротив, получило одомашненных лошадей с Кавказа. В различные области Юго-Восточной Европы домашние лошади безусловно проникали из северопричерноморских степей начиная с позднего энеолита. В Греции и Северной Италии они появились кое-где уже в раннем бронзовом веке. По мнению ряда авторов, в Центральной и Западной Европе люди могли одомашнивать местную низкорослую лесную породу лошадей, однако большинство специалистов связывают широкое распространение здесь лошадей с культурой колоколовидных кубков второй — четвертой четверти III (конца III — начала II) тыс. до н. э.

Во второй четверти IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э. лошади начали встречаться и в Восточной Анатолии. Видимо, на протяжении последующего тысячелетия с ними постепенно знакомились обитатели и других районов Передней Азии, так как только отсюда они могли попасть в долину Инда, где их безу-

словно знало население харапской цивилизации. Гораздо позже, лишь начиная со второй четверти II (во второй половине II) тыс. до н. э., к разведению лошадей перешли некоторые группы населения Средней Азии (тазабагъябская культура в Приаралье и культура Намазга VI в Южной Туркмении). В Северо-Восточной Африке лошадь появилась к XVII в. до н. э., а ее распространение у народов Сахары относится в основном ко второй половине II тыс. до н. э.

Верблюды были одомашнены в Старом Свете в двух разных местах: бактриацы — на границе Туркмении и Ирана, а дромедары, видимо, где-то в Аравии. До недавнего времени проблема первичной domestикации верблюдов была слабо изучена. Однако благодаря многолетним целенаправленным исследованиям на юге Средней Азии теперь удалось, наконец, надежно локализовать место и реконструировать обстановку domestикации бактриана. Выяснилось, что это связано с местной энеолитической земледельческой культурой первой половины V (второй половины V) тыс. до н. э.⁹¹ Однако до второй четверти III (рубежа III—II) тыс. до н. э. кости верблюда здесь встречались чрезвычайно редко. Зато начиная с этого времени, возможно, в связи с его активным использованием в качестве транспортного средства, бактриан широко распространился от Предкавказья до Западной Сибири у самых различных групп степного населения⁹².

Гораздо хуже известна история domestикации и первичного распространения дромедара. Предполагается, что это произошло не позднее IV тыс. до н. э., так как с ним были знакомы египтяне додинастического времени⁹³. Однако до сих пор остается неясным, одомашнили ли его впервые в Центральной или в Южной Аравии и какое население этим занималось: прибрежные рыболовы или скотоводы «коровопасы» внутренних районов. Население западных районов Передней Азии познакомилось с дромедаром на протяжении второй половины III тыс. до н. э. Однако, по-видимому, до появления и развития караванной торговли наличие дромедаров мало влияло на ход эволюции скотоводства. Может быть, поэтому становление верблюдоводческих культур Северной Африки началось довольно поздно, лишь с II—I вв. до н. э. Именно в это время верблюд широко распространился по Южной Сахаре, составляя там серьезную конкуренцию лошади.

До недавнего времени, исходя из современных биогеографических данных, многие специалисты считали родиной домашнего осла Северо-Восточную Африку. Теперь же после обнаружения древнего ареала дикого осла на территории Сирии можно смело ставить вопрос о двух независимых очагах его domestикации. Древнейшие из известных ныне останков домашних ослов происходят из Северной Месопотамии и датируются второй половиной VI (первой половиной V) тыс. до н. э.⁹⁴, а в Северо-Восточной Африке осел был одомашнен к середине IV (к концу IV) тыс.

до н. э. На протяжении последующего тысячелетия ослов, видимо, часто заимствовали разные группы населения. Во всяком случае, тогда они были уже известны в Греции и в Северо-Западной Индии. А в конце эпохи бронзы они попали на юг Средней Азии (культура Намазга VI).

Наличие в стадах древних земледельцев и скотоводов крупного рогатого скота, а также появление новых вышеперечисленных видов домашних животных способствовало более эффективному решению транспортных проблем. Действительно, с ростом плотности населения и развитием интенсивных форм земледелия посевные площади располагались все дальше от поселков, что обусловило серьезную проблему перевозки урожая. Кроме того, развитие оседлости и продолжающийся процесс разделения труда вели к усилению роли обмена. Все это, а также зарождение отгонных форм скотоводства настоятельно требовали совершенствования средств транспорта. Первоначально для перевозки тяжелых грузов, помимо лодок, люди могли использовать под вьюк коз и овец, как это принято до сих пор в Восточном Кашмире и Западном Тибете. Однако очень рано, возможно, с VI—V (с V—IV) тыс. до н. э., для этих целей стали служить волы. Древнейшие изображения быков, навьюченных бурдюками с водой, происходят из неолитической Сахары. Там же были встречены и изображения верховой езды на быках. Вообще в прошлом езда на быках была распространена достаточно широко — от Индии до Африки. В Палестине древнейшими вьючными животными были ослы, на которых с конца V (середины IV) тыс. до н. э. перевозили воду и молочные продукты.

Население трипольской культуры в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. перевозило грузы на саях, которые имели первоначально бревенчатые, а позже более удобные дощатые полозья. Судя по глиняным изображениям, в такие сани впрягали быков⁸⁵. Возможно, тяжелая работа по их перевозке и привела к патологическим изменениям костей быков в энеолитический период на Балканах. В IV, а возможно, и в V тыс. до н. э. сани использовались и в Южной Месопотамии.

Настоящий переворот в транспортных средствах произошел только с появлением колесных повозок. Вплоть до самого последнего времени считалось, что их родина располагалась где-то в Передней Азии, возможно в Месопотамии, откуда они и распространились во все соседние области⁸⁶. Но после того как глиняные модели колес были найдены в энеолитических поселках карпато-дунайского ареала⁸⁷, причем древнейшие из них датировались концом V (серединой IV) тыс. до н. э., в предлагавшиеся до сих пор схемы следует внести коррективы. К сожалению, почти полная неразработанность проблемы связей между Юго-Восточной Европой и Передней Азией в VI — первой половине V (в V—IV) тыс. до н. э. лишает нас возможности судить о при-

оритете той или иной области в изобретении повозок. Тем не менее ясно, что энеолитическое население Юго-Восточной Европы могло сыграть гораздо большую роль в распространении повозок в соседние европейские районы, чем это было принято считать. Во всяком случае, теперь есть все основания предполагать, что скотоводы лесостепи и степи Восточной Европы впервые могли познакомиться с повозками благодаря контактам со своими западными соседями, а не с Кавказом, хотя впоследствии отдельные степные группы и получали готовые повозки с Кавказа. Следовательно, повозки могли появиться в южнорусских степях еще во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э., а известные ныне их самые ранние находки здесь, относящиеся к концу IV — первой половине III (второй половине III) тыс. до н. э., не являются древнейшими.

В Польше повозки начали впервые использоваться носителями культуры воронковидных кубков в конце IV (середине III) тыс. до н. э. Немного позже вместе с культурами шнуровой керамики они распространились на территории Дании и Нидерландов, а в Италии самые ранние повозки появились в конце III (начале II) тыс. до н. э. В Южной Туркмении этот переворот в транспортных средствах приходится на вторую половину IV (первую половину III) тыс. до н. э., в Закавказье и в долине Инда — на первую половину III (вторую половину III) тыс. до н. э., а на Индостане знакомство с повозками произошло спустя еще тысячу лет.

Первоначально в повозки впрягали волов, а кое-где и ослов. Но уже в III (второй половине III — первой половине II) тыс. до н. э. на юге Средней Азии в этой функции их стали заменять верблюды-бактрианы. Со второй четверти II (во второй половине II) тыс. до н. э. на огромном ареале от Средней Азии и Казахстана до Эгеиды стала широко применяться конная упряжка. Тогда же в различные районы Средней Азии и Казахстана из Южной Туркмении распространилась практика транспортного использования бактрианов.

Совершенно иной была очередность использования разных животных для запряжки в повозки на севере Африки. Древнейшим видом повозок, с которыми ранее других африканских народов познакомил египтяне, были колесницы, попавшие в Египет вместе с «народами моря» в XIII в. до н. э. В соответствии с традицией пришельцев эти колесницы использовались здесь во время войны, охоты, в них запрягали прежде всего лошадей. Именно в таком виде этот транспортный комплекс и распространился по Сахаре, и лишь много позже скотоводы здесь стали запрягать в повозки быков, а лошадь превратилась исключительно в верховое животное. Верблюд в северных районах Африки почти нигде не использовался как упряжное животное.

Гораздо более дискуссионна проблема возникновения верхово-

го использования лошади⁹⁸. Одни специалисты считают возможным говорить о конных всадниках в волго-донских степях еще с середины V (начала IV) тыс. до н. э., другие же относят появление всадничества лишь к эпохе поздней бронзы. Характер имеющихся источников пока что не позволяет сколько-нибудь однозначно решить этот важный с точки зрения эволюции скотоводства вопрос. Мы твердо знаем, что в Сахаре гараманты I тыс. до н. э. первоначально ездили в повозках и лишь со временем освоили верховую езду на лошадях, причем без уздечки и удила, управляя ими с помощью одной лишь палочки и легкого ошейника. Однако этот пример вряд ли можно некритически применять для объяснения ситуации в восточноевропейских степях, где история использования лошади могла идти по-иному.

Отмечая большую роль колесного транспорта в эволюции хозяйства и культуры целого ряда высокоразвитых земледельческих и скотоводческих обществ Старого Света, было бы неверным и слишком ее преувеличивать. Как известно, цивилизации Нового Света колесного транспорта не знали, а народы определенной части Андийского ареала довольствовались использованием караванов лам. Говоря о решении транспортной проблемы в период становления раннеклассовых обществ, нельзя не учитывать и мускульную силу самих людей. Нельзя забывать, что развитый обмен в Тропической Африке, существовавший в колониальную эпоху, а возникший еще до появления европейцев, осуществлялся целыми караванами из нагруженных поклажей людей. В колониальное время они составлялись из рабов, и можно предполагать, что в более ранний период знать возникавших на африканской земле древнейших государств имела полную возможность использовать для этого какие-либо категории зависимого населения.

Особенно впечатляющим этот фактор оказывается при изучении строительства мегалитов, которое почти повсюду сопровождало эпоху разложения первобытного общества. Многие народы Юго-Восточной Азии, Океании, Америки и Африки (нага и кхаси Ассама, население о. Малекула, тонганцы, отдельные группы в Индонезии и пр.) для увековечивания памяти выдающихся людей воздвигали многочисленные каменные монументы, которые переносились или перевозились людьми, в частности на саях с помощью канатов. Так, на о. Сумба отмечен случай, когда в течение двух дней 525 человек перетащили на саях 11-тонный блок на расстояние 3 км, а затем по наклонным бревнам втянули его для перекрытия гробницы, сложенной из аналогичных камней. Такие работы осуществлялись обычно общими усилиями мужчин из нескольких соседних поселков или членами тайных мужских обществ, за что для всех них организатор работ (вождь или «большой человек») устраивал пиршество⁹⁹.

Выведение особых специализированных пород домашних животных, domestикация новых видов скота, появление новых мето-

дов использования скота и совершенствование технических приемов и средств передвижения, развитие интенсивных форм земледелия и изменение условий содержания скота — все это требовало модификации прежних методов разведения скота, создавало предпосылки для зарождения в некоторых областях кочевого хозяйства и кочевого образа жизни. Проблема становления кочевничества до сих пор является остро дискуссионной. Разные авторы выдвигали для объяснения этого процесса самые разные гипотезы, по-разному оценивали роль кочевничества в мировой истории и по-разному датировали этапы его формирования, связывая их с самыми различными конкретно-историческими условиями. Так, одни только датировки ранних этапов кочевничества колеблются в работах отдельных авторов от IX—VIII (VIII—VII) тыс. до н. э. до I тыс. н. э. Что же касается механизмов, приведших к его возникновению, то среди них называются рост поголовья скота, рост населения и переселение некоторых групп в менее подходящие для земледелия районы, аридизацию климата, расширение площади пастбищ в результате эрозии, вызванной длительной практикой земледелия, или же, напротив, нехватку пастбищ в условиях развития интенсивного земледелия и т. д.

В целом анализ имеющихся к настоящему времени данных позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, сложение кочевничества в разных регионах мира не являлось сколько-нибудь единым процессом и, следовательно, в каждом конкретном случае оно могло происходить далеко не одновременно. Во-вторых, столь же разнообразными являлись и факторы, стимулировавшие и сопровождавшие развитие кочевничества в различных областях. Наконец, в-третьих, приведенный выше обзор показывает, что предпосылки для кочевничества сложились лишь на определенном, далеко не раннем этапе развития комплексного производящего хозяйства. Почти все они выработались первоначально именно в земледельческо-скотоводческой среде. И это позволяет отвергнуть как безнадежно устаревшую распространенную когда-то идею перехода к кочевой экономике охотников, якобы самостоятельно domesticiровавших животных. Вместе с тем эти предпосылки сформировались в разных регионах, в разное время, в разных условиях и в разном наборе. Поэтому-то следует говорить о нескольких моделях формирования кочевничества. При этом нельзя упускать из виду и тот факт, что в одних и тех же областях у одних и тех же групп населения в разные исторические периоды соотношение между кочевым и оседлым образом жизни могло быть различным, процесс не являлся однонаправленным и в соответствующих условиях мог не раз обращаться вспять.

Прежде чем изучать историю кочевничества, следует определить само это понятие. Под кочевничеством большинством специалистов понимается определенный образ жизни населения, при

котором все население либо его большая часть совершает регулярные передвижения, связанные с выпасом скота. При этом речь идет не о половозрастном разделении труда, а о межобщинном или межэтническом, т. е. в скотоводстве и связанных с ним передвижениях были заняты не только мужчины или подростки, но и женщины и дети. В таком хозяйстве определенную, хотя и второстепенную, роль могло играть земледелие, однако кочевники никогда не оставались круглогодично рядом со своими участками и лишь изредка могли оставлять здесь каких-либо сторожей (стариков, детей, отдельные обедневшие семьи и пр.). Поэтому большую роль в их хозяйстве, как правило, играл обмен скота или скотоводческих продуктов на продукты земледелия.

В качестве примера одного из ранних типов кочевого хозяйства можно привести скотоводство луров в горах Ирана. Они зимуют в глубоких долинах, где живут в глиняных домах и возделывают небольшие участки земли. В этот период скот передко укрывают в пещерах или под скальными выступами и кормят специально заготовленной соломой. Собрав весной урожай озимых и спрятав его в особые ямы-зернохранилища, которые никем не охраняются, луры уходят на лето высоко в горы, где устраивают временные палаточные лагеря у самой линии снегов. Для перевозки палаток и другой поклажи они используют ослов и мулов, а немногочисленных лошадей держат главным образом из престижных соображений. Для получения воды луры строят колодцы и каменные резервуары. Питаются они молочными продуктами, зерном и разнообразными дикими растениями, в частности желудями¹⁰⁰. Таков один из самых ранних типов номадизма, связанный с вертикальным (яйлажным) кочеванием.

Более поздними считаются горизонтальные виды перекочевок. Среди них чаще всего встречаются меридиональные передвижения, при которых отдельные группы преодолевали по несколько сотен километров, двигаясь по традиционным маршрутам от одного пастбища к другому. Гораздо реже наблюдалось радиальное (стационарное) кочевание, которое было вызвано экстремальными условиями пустыни, где люди не рисковали уходить далеко от источников воды (колодцев и т. д.), а также встречалось в районах с исключительно богатыми пастбищами.

Состав стада в хозяйстве кочевников всегда соответствовал конкретным природным условиям. Так, в евразийских степях критическим фактором для номадизма являлся характер зимних пастбищ, в особенности толщина снежного покрова. Далеко не все домашние животные способны добывать корм из-под снега (тебеневать). Крупный рогатый скот и верблюды зимой не могут обойтись без помощи человека. Мелкий рогатый скот может пасться сам при мощности снежного покрова до 10—12 см, а лошади легко добывают корм из-под снега при его глубине до 25 и даже до 50—60 см. Ясно, что в северных районах степной зоны наибо-

лее подходящими для кочевания являлись лошади и мелкий рогатый скот. И действительно, до недавнего времени такая картина наблюдалась у многих кочевых народов от калмыков и северных казахов на западе до отдельных групп монголов на востоке. В более южных пустынных условиях верблюду оказывался надежнее лошади, и в стадах туркмен, южных казахов, некоторых групп монголов и пр. главное место занимали верблюды и овцы. Крупный рогатый скот, не приспособленный к дальним перекочевкам, являлся более выгодным в полуседлых условиях при наличии искусственной подкормки. Поэтому у полукочевников его удельный вес в стаде оказывался гораздо более высоким, чем у кочевников.

Все это объясняет, почему в недавнем прошлом в европейских степях специфику кочевничества составляло разведение лошадей и мелкого рогатого скота, во многих областях Передней Азии преобладало овцеводство, в Северной Африке, в Аравии и местами в Средней Азии наблюдался расцвет верблюдоводства, в Восточной и Южной Африке обитали полукочевники-«коровопасы», в отдельных районах Центральной Азии особое значение приобрели яки, а у некоторых народов Севера со временем сложилось оленеводство.

Эти скотоводческие системы, известные нам по этнографическим и древним письменным источникам, имели длительную историю своего формирования, которая до сих пор во многом остается еще слабо изученной. Это объясняется, в частности, неразработанностью методики выявления стоянок ранних кочевников или полукочевников. Так, во многих горных районах (в Передней Азии, на Кавказе, Европе и т. д.) известны временные стоянки явно скотоводческого облика, относящиеся к эпохам неолита и энеолита. Вместе с тем исследователи, как правило, еще не умеют определять, оставлены ли они специализированными номадами либо же пастухами, тесно связанными с долинным земледельческо-скотоводческим населением. Иначе говоря, по археологическим данным мы сейчас умеем выявлять подвижные формы скотоводства, однако не можем еще с уверенностью говорить об образе жизни оставившего их населения. И все же учитывая тот факт, что рассмотренные выше предпосылки кочевничества складывались на протяжении VI—IV (V—IV) тыс. до н. э., а в отдельных областях еще позже, было бы неверным относить его становление к более ранней эпохе.

Действительно, появление полукочевников на равнинах и в горах Передней Азии сейчас датируется V—IV (IV—III) тыс. до н. э.¹⁰¹ Только с этого момента можно, по-видимому, говорить о выделении здесь специализированных скотоводческих групп, занимавшихся в основном разведением коз и овец. Однако, во-первых, они еще продолжали возделывать землю, во-вторых, были неспособны осваивать глубинные районы степей и пустынь,

а в-третьих, что самое главное, не представляли собой отдельного общественного типа («демосоциального организма», по Ю. И. Семенову), включаясь на правах подтипа в более крупные социальные общности.

Процесс сложения яйлажного скотоводства происходил на протяжении бронзового века и на Кавказе, где в эту эпоху как будто бы начали появляться высокогорные скотоводческие стоянки. Некоторые из них безусловно были связаны с оседлоземледельческим долинным населением, что, видимо, свидетельствует о выпасе скота особыми пастухами. Возникли ли здесь наряду с ними и обособленные кочевые или полукочевые группы, сказать трудно.

В южных районах Средней Азии на протяжении почти всей эпохи бронзы оседлоземледельческое население занималось пастушеским или отгонно-пастбищным скотоводством, которое возникло здесь, видимо, еще в энеолите. Зимой скот держали в специальных загонах и кормили его запасами сена и соломы, а летом его выпас поручался особым пастухам, которые могли уводить его на отдаленные пастбища. Лишь в конце эпохи бронзы отдельные земледельческо-скотоводческие в прошлом группы населения Бактрии сделали своим главным занятием скотоводство. Это были носители вахшской и бешкентской культур, разводившие в основном мелкий рогатый скот и, видимо, перешедшие в связи с этим к полукочевому образу жизни.

В Европе зачатки яйлажного скотоводства могли довольно рано возникнуть в районах с засушливым летом, где коз и овец необходимо было в теплое время года отгонять на дальние пастбища. Данные об этом как будто бы имеются начиная с раннего неолита в Болгарии (культура Караново 1), Боснии (культура Старчево), Южной Польше (культура линейно-ленточной керамики) и т. д.¹⁰² Однако они еще очень слабо изучены, и поэтому если, например, для Южной Польши одни специалисты реконструируют передвижение населения со скотом с северных летних равнинных стоянок в южные зимние горные поселки, то другие представляют себе этот цикл прямо противоположным образом¹⁰³.

Как бы то ни было, основным ареалом сложения кочевничества в Европе являлись каспийско-черноморские степи. Здесь располагался один из древнейших очагов формирования нomaдизма, причем в настоящее время его можно считать и наиболее изученным, что заставляет остановиться на нем подробнее. Это представляется необходимым хотя бы потому, что за последние десятилетия благодаря новым открытиям советских археологов оценка местных культур бронзового века несколько раз пересматривалась, причем всякий раз они оказывались гораздо более развитыми и более сложными, чем считалось прежде. Так, ямную культуру когда-то связывали с первобытными охотниками и ры-

боловами, потом начали говорить о проникновении сюда в раннем бронзовом веке первых элементов производящего хозяйства (домашнего скота), позже в ее носителях пытались видеть отсталых скотоводов, влачивших жалкое существование на окраине «культурного» мира, и, наконец, теперь настала пора трактовать ранний бронзовый век южнорусских степей как период становления развитого скотоводческого общества во главе с могущественными вождями¹⁰⁴. Только сейчас благодаря интенсивному изучению предшествующего энеолитического периода появилась возможность решить, наконец, остававшуюся долгое время спорной проблему формирования ямной культуры, или, вернее, ямной культурно-исторической области¹⁰⁵.

Ее корни восходят к раннему энеолиту второй половины V (первой половины IV) тыс. до н. э., когда в лесостепях от Днепро-Донецкого междуречья до Южного Урала, а возможно, охватывая также некоторые области Казахстана и Северной Туркмении, распространились типологически близкие скотоводческо-земледельческие группы населения (днепро-донецкая культура и памятники мариупольского типа на западе, самарская культура на средней Волге, прикаспийская культура в низовьях Волги, русско-дибейские памятники и поселки муллинского типа в Приуралье и т. д.). Хозяйство населения этого времени изучено еще слабо, однако оно безусловно занималось скотоводством, выращивая крупный и мелкий рогатый скот и кое-где свиней. Возможно, уже на этом этапе началась domestикация лошади, хотя древнейший череп одомашненной лошади из Деревки датируется третьей четвертью IV (первой четвертью III) тыс. до н. э. По-видимому, это население занималось и земледелием, малочисленность данных о котором следует объяснить плохой изученностью поселков этого времени.

Более полная информация имеется о следующем этапе (конца V — первой половины IV (второй половины IV — начала III) тыс. до н. э., когда в западной части ареала процветала культура Среднего Стога II, а на средней Волге локализовалась хвалынская культура. Обе они, как и прежде, были связаны с лесостепными районами. Носители довольно хорошо изученной средне-стоговской культуры занимались земледелием и разводили крупный и мелкий скот, лошадей и свиней. При этом в некоторых местах в стаде преобладали лошади, в других — козы и овцы, но свиньи и крупный рогатый скот, хотя бы и в небольших количествах, присутствовали повсюду. Уже одно это, вопреки некоторым авторам (В. И. Бибикова, В. Н. Даниленко), не позволяет говорить о кочевом хозяйстве.

Не вяжутся с кочевничеством и данные о стационарных поселениях и развитом земледелии. Вместе с тем наличие одомашненных лошадей и отмеченная в некоторых поселениях тенденция к росту количества овец и коз свидетельствуют о нарастании степ-

ных традиций. Материалы раскопанного на средней Волге Хвалынского могильника также свидетельствуют о разведении мелкого и крупного рогатого скота и лошадей. В это же время благоприятные условия для развития комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства наблюдались в хорошо обводненных районах Северного Прикаспия, а также в степях Калмыкии¹⁰⁶. Тот факт, что данные о скотоводстве выглядят здесь пока гораздо определеннее, чем свидетельства земледелия, связан, по-видимому, со слабой изученностью этих областей вообще и древних стоянок в частности.

В связи с последовавшей в середине IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э. регрессией Каспийского моря примыкающие к нему области постепенно начали испытывать нехватку влаги. Тогда-то скотоводческий акцент хозяйства и мог здесь усилиться¹⁰⁷. И именно здесь могли начать формироваться древнейшие кочевые традиции, связанные с преимущественным разведением овец и лошадей, которые к этому времени в стаде уже безусловно присутствовали. Такое решение проблемы позволяет отказаться от необходимости постулировать какой-то гипотетический импульс, исходивший якобы из Южного и Восточного Прикаспия, на чем еще недавно настаивали отдельные авторы. И вместе с тем в силе остается хорошо аргументированное Н. Я. Мерпертом предположение о формировании древнейшей общности прежде всего в Волго-Уральском регионе.

Действительно, западный аналог волжско-уральских древностей — репинская культура второй половины IV — начала III (первой половины III) тыс. до н. э. — все еще локализовался в лесостепях и отчасти на северной окраине степных районов Подонья, а ее носители обитали в стационарных поселках и разводили лошадей, крупный рогатый скот и свиней.

Таким образом, освоение восточноевропейских степей подвижными скотоводческими группами началось со второй половины IV (на протяжении III) тыс. до н. э., причем раньше всего оно фиксировалось на востоке и лишь со временем охватило и западный район. Впрочем, в наиболее западных, известных своим исключительным плодородием областях ямники нередко переходили к оседлости и занятию земледельческо-скотоводческим хозяйством. Проведенное недавно в Поднепровье обследование показало, что здесь в ямную эпоху выпас стад осуществлялся преимущественно на богатейших пастбищах в речных долинах и гораздо реже — на примыкающих к ним участках степи¹⁰⁸.

Как можно представить себе систему скотоводства ямников? Проблема эта до сих пор не нашла окончательного решения. Причем если многие археологи прямо называют ямников кочевниками, то этнографы, занимающиеся номадизмом, издавна оспаривают это мнение. В чем суть спора? Судя по этнографическим данным, кочевничество в каспийско-черноморских степях требо-

вало целого ряда предпосылок, таких, как domestикация лошади и наличие крупных стад овец и лошадей, совершенствование средств транспорта (повозка), появление новых скотоводческих продуктов (молоко, шерсть) для питания и обмена, развитие предклассовой социальной организации, обитание по соседству богатых земледельческих обществ, с которыми можно было вести обмен. Все возражения против гипотезы о появлении у ямников кочевых групп вызывались тем обстоятельством, что до недавнего времени наличие у них всего комплекса изложенных предпосылок обосновать археологически было невозможно.

Сейчас положение иное. Теперь мы знаем, что и лошади, и мелкий рогатый скот имелись еще у предков ямников. Правда, не решен окончательно вопрос о наличии у них верховых лошадей, однако выпас стад, состоявших преимущественно из коз и овец, их вряд ли требовал. Иногда в литературе встречаются утверждения, что лошадь якобы была верховой еще со второй половины V (в IV) тыс. до н. э., так как только конный табульник способен пасти крупные табуны лошадей¹⁰⁹.

Однако наличие крупных конных табунов (речь идет о среднестоговской культуре) еще требует доказательств и вот почему. Как известно, критерии различения костей диких и одомашненных лошадей еще не выработаны, и лишь уникальные условия сохранности отдельных черепов, как, например, в Деревинке, позволяют установить их связь именно с домашними особями. Вместе с тем, вопреки распространенному мнению, из этого вовсе не следует, что все происходящие с памятников среднестоговской или других степных культур кости лошадей принадлежат также одомашненным животным. Ведь эпохе domestикации как раз свойственна усиленная охота на диких сородичей приручаемых животных. И действительно, кости лошадей в изобилии встречаются именно на тех памятниках среднестоговской культуры, где вообще отмечается большая роль охоты на диких животных. Все это заставляет скептически относиться к идее выпаса крупных табунов в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. Более правдоподобно, что хозяйственная роль лошади росла лишь постепенно на протяжении последующего тысячелетия. Вот почему лошади, явно полученные из каспийско-черноморских степей, чрезвычайно редко встречались в Балкано-Карпатском регионе в энеолите. И вот почему их количество здесь и в ряде других районов Европы значительно возросло во второй половине III (в конце III) тыс. до н. э., когда крупные табуны появились, видимо, и у ямников.

О повозках и распространении молочного хозяйства и шерстных овец выше уже писалось. Нет оснований сомневаться в том, что у ямников все это уже имелось, если не с самого начала, то на весьма ранних этапах их развития.

О становлении здесь власти вождей свидетельствуют еще ма-

териалы энеолита: богатые могилы отмечались в Хвалынском могильнике, а символы власти (каменные скипетры, булавы и боевые топоры) встречались и здесь, и во многих других местах. Еще более богатые захоронения отмечались в ямную эпоху. Другим свидетельством высокого уровня развития социальной организации служили успешные походы в Балкано-Карпатскую область, совершавшиеся населением Северного Причерноморья по меньшей мере с периода позднего энеолита. По мнению Н. Я. Мерперта, осуществить все это было под силу лишь крупным племенным объединениям во главе с могущественными вождями.

И, наконец, рассмотрим вопрос о характере внешних связей. До тех пор пока районы Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа не были достаточно изучены, считалось, что там обитали маломощные раннеземледельческие группы, которые, казалось, не могли служить надежными партнерами в обмене с восточноевропейскими скотоводами. Теперь эта картина представляется нам существенно иной. Выяснилось, что на Балканах, в Прикарпатье и в Поднестровье уже в энеолите обитали высоко развитые предклассовые общества, с которыми население Каспийско-Черноморского региона поддерживало оживленные контакты со второй половины V (с IV) тыс. до н. э. Так, с запада на восток распространялись металлические изделия, а с востока на запад — лошади и, возможно, другие виды скота. Во второй половине IV (в первой половине III) тыс. до н. э. западные группы степняков до определенного момента сохраняли верность традиционным внешним связям, а восточные группы переориентировались на Северный Кавказ, в особенности после появления там блестящей майкопской культуры. В эпоху ранней бронзы обмен был настолько оживленным, что через степняков металлические изделия северокавказского происхождения достигали ареала поздних трипольцев, а трипольские статуэтки и отчасти керамические традиции появились на Северном Кавказе и в Прикубанье.

Таким образом, во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. в каспийско-черноморских степях имелись как будто бы все условия для формирования кочевого образа жизни, да и местное население здесь отличалось высокой подвижностью. И все же представляется неверным говорить о кочевничестве этого периода как о сложившемся широко распространенном явлении. Во-первых, нет оснований считать скотоводческое хозяйство этого времени сколько-нибудь единообразным. Напротив, известно, что в Северо-Кавказском регионе преобладало разведение крупного рогатого скота и свиней, на нижней Волге — мелкого рогатого скота, в Северном Причерноморье у различных групп доминировало либо овцеводство, либо разведение крупного рогатого скота, либо, возможно, коневодство, а род-

ственные ямникам афанасьевцы Минусинской котловины разводили главным образом крупный рогатый скот. Установлено, что для «коровопасов» и для так называемых коневодов была характерна прочная оседлость. Во-вторых, курганы ямного периода, хотя и встречаются в глубинных районах степи, но крайне редко. По большей части они локализируются все же вдоль рек.

Следовательно, среди ямников могли встречаться отдельные кочевые или, скорее, полукочевые группы, однако это не относилось ко всему населению. Иначе говоря, хозяйство и образ жизни ямников должны рассматриваться дифференцированно, и такой подход полностью соответствует выделению среди них девяти локальных вариантов Н. Я. Мерпертом.

Дальнейшее развитие кочевого хозяйства в степи приходилось на вторую половину III—II (II) тыс. до н. э., когда, как отмечалось выше, наряду с ним распространилось и пашенное земледелие.

Во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. в Юго-Восточной, Центральной, Северной и Западной Европе роль скотоводства также постепенно возрастала. В настоящее время среди части специалистов распространилась идея, согласно которой это происходило благодаря увеличению площадей пастбищ вследствие широких вырубок лесов и практики интенсивного земледелия¹¹⁰. Все это представляется вполне справедливым. Однако при этом упускается из виду еще один фактор — серьезные этнокультурные изменения, которые происходили в этот период в связи с миграцией степняков на запад¹¹¹. С последними событиями прямо или косвенно могло быть связано появление и распространение в указанных районах целого ряда степных элементов культуры. В частности, широкое распространение овцеводства в самых разных европейских культурах, выявленное Ж. Меррей¹¹², было, видимо, связано, вопреки ее мнению, с импульсом не из Передней Азии, а из восточноевропейской степи.

Отмечая некоторое усиление роли скотоводства в Европе во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э., мы вовсе не намерены оживлять нашедшую одно время поддержку у ряда авторов гипотезу о кочевом образе жизни носителей таких принципиально важных для европейской истории культур, как культуры шнуровой керамики, колоколовидных кубков и др. В Центральной, Западной и Северной Европе настоящих кочевников, очевидно, никогда не было. Об этом говорят, в частности, итоги дискуссии, посвященной характеру первобытных скотоводческих систем на территории Великобритании¹¹³.

В Африке разнообразные скотоводческие системы были разработаны еще в неолите, но их характер и пути эволюции изучены слабо. Сахарские коровопасы вряд ли были уже кочевниками, как об этом часто пишут различные авторы. Более вероятно, что

они обитали в цветущих оазисах, где занимались также рыболовством и, возможно, земледелием, время от времени отгоняя скот на отдаленные пастбища. Иначе говоря, скотоводство могло иметь кое-где придомный, кое-где и отгонный характер. В ряде районов усиление скотоводческого направления в хозяйстве могло быть вызвано развитием обмена с Египтом, испытывавшим нехватку в собственных домашних животных, а позже аналогичную роль могли сыграть контакты с Эгейским миром. Эта тенденция могла еще более усилиться в условиях нарастающей аридизации климата на протяжении III—II (второй половины III—II) тыс. до н. э., когда в отдельных районах Сахары возросла роль мелкого рогатого скота¹¹⁴.

Со второй половины II тыс. до н. э. в Северной Африке появились лошади, повозки и новая порода овец (шерстистые курдючные овцы), и процесс формирования кочевой экономики вступил у некоторых местных народов в свою завершающую стадию.

Возможно, уже в это время здесь стала возникать некоторая скотоводческая специализация: одни группы разводили преимущественно крупный рогатый скот, другие — овец, третьи занимались коневодством. По хорошо известным свидетельствам античных авторов, гараманты в I тыс. до н. э. отважно пересекали пустыню с севера на юг, являясь активными посредниками в оживленном обмене между районами Средиземноморского побережья и Сахеля. В то же время в эту эпоху уже имелось разделение населения на более оседлые и более подвижные группы. Первые, по словам Геродота, обитали в плодородных оазисах, занимались развитым ирригационным земледелием и снимали богатые урожаи зерновых и винограда. Сложение кочевого образа жизни в Северной Африке происходило на фоне сложных этнических процессов, в частности в ходе проникновения и растворения в местной среде отдельных групп эгейцев, участвовавших в походах «народов моря». Так сформировалась та этническая основа, на которой в дальнейшем происходило сложение некоторых современных кочевников Северной Африки (берберов и др.)¹¹⁵.

Вопреки мнению ряда авторов¹¹⁶, по которому в Восточной Африке издавна обитали кочевые скотоводы, лишь много позже узнавшие земледелие, современные археологические, лингвистические и этнографические данные свидетельствуют о другом. Во-первых, древнейшие скотоводы (культура каменных чаш) появились в Восточной Африке не ранее середины III (рубежа III—II) тыс. до н. э., а связанный с ними инвентарь и находки зерен позволяют предполагать, что они знали земледелие. Во-вторых, древние кушиты, которые, видимо, и были создателями культуры каменных чаш, питались, судя по лингвистическим данным, не только молоком и кровью домашнего скота, но и продуктами земледелия. Теперь мы знаем, что отдельные восточнокушитские народы заселили районы Африканского рога только в первой поло-

вине II тыс. н. э., причем именно в этот период у них шло формирование кочевого образа жизни¹¹⁷. В-третьих, древний хозяйственный комплекс нилотов, которые участвовали в развитии культуры каменных чаш на ее поздних этапах, включал земледелие, скотоводство, охоту и рыболовство, и лишь сравнительно недавно у некоторых из них скотоводство получило преимущественное развитие.

Так, мааязычные народы (восточные нилоты), несомненно занимались в древности комплексным хозяйством, причем в ряде случаев (аруша Танзании и нджемпис Кении) этот традиционный образ жизни сохранялся у них до недавнего времени. Отдельные группы (самбуру и барагуйю) постепенно перешли к преимущественному занятию скотоводством, но продолжали кое-где возделывать небольшие участки земли или стали выменивать зерно у соседей-земледельцев. И только масаи полностью отказались от употребления земледельческих продуктов. В этих условиях их существование должно было основываться на огромных стадах домашних животных (по 14 голов крупного рогатого скота на 1 человека) и питании преимущественно молочным рационом и кровью скота (до 80% пищи). Интересно, что в ходе передвижения восточных нилотов на юг вплоть до Северной Танзании, которое происходило в XV—XVI вв. н. э., масаи занимали районы с наиболее сочными пастбищами, а другие мааязычные народы расселялись по восточным и западным окраинам Рифтовой долины, более подходящим для земледелия и менее — для скотоводства. До миграции восточных нилотов эти области Кении и Северной Танзании были заняты в основном южными нилотами, обитающими прежде всего в горных областях, где они возделывали землю. Открытые степи использовались ими лишь в качестве сезонных пастбищ, куда юноши выгоняли стада в периоды земледельческих работ. И лишь под влиянием скотоводческой практики масаев некоторые из этих народов со временем перешли к полукочевому образу жизни. Именно за последние 200—300 лет наблюдалось интенсивное освоение ими степей¹¹⁸.

Проведенное не так давно специальное обследование показало, что у подавляющего большинства шари-нильских народов выращивание местных видов проса и до сих пор имеет большое значение, причем их образ жизни столько же связан с земледелием, сколько со скотоводством. Вот почему их неверно огульно зачислять в категорию кочевых народов¹¹⁹.

Когда и как кочевничество возникло в Южной Азии, остается неясным. До сих пор в науке встречаются утверждения о том, что самое раннее производящее хозяйство было принесено сюда именно кочевниками, что кочевой образ жизни могли вести ранние обитатели Центральной Индии и неолитические скотоводы Декана. Вопрос этот далеко не столь ясен, так как в работах тех же самых авторов (Р. и Б. Оллчин), которые высказывают эти

соображения, встречаются и иные предположения: о том, что охотники и собиратели Центральной Индии получили домашних животных от соседей-земледельцев, что обитатели Южной Индии могли заниматься отгонно-пастбищным скотоводством и т. д. Все это требует специального анализа и новых исследований. Недавно были получены данные о том, что в Западной Махараштре упадок земледелия и возрастание роли скотоводства приходились на рубеж II—I тыс. до н. э.

В основной части азиатских степей и лесостепей скотоводство, основанное на разведении крупного и мелкого рогатого скота и лошадей, распространилось в конце III — начале II (в первой половине II) тыс. до н. э. Импульс этому дали пришедшие с запада афанасьевцы, отдельные группы которых, видимо, достигли Северо-Западного Китая и Монголии. Несмотря на высокую степень подвижности, это население было бы неверно называть кочевым. Его хозяйственную основу составляло не только скотоводство, но и земледелие, имелись стационарные поселки, и разведение скота, хотя, возможно, и имело преимущественное значение, вряд ли выходило за рамки отгонно-пастбищного скотоводства. Кочевничество возникло много позже и формировалось на фоне существенных этно- и социокультурных изменений, а также в условиях наступления более аридного климата, способствовавшего усилению скотоводческих тенденций в хозяйстве. Качественные изменения в хозяйстве и образе жизни степного населения наступили к середине I тыс. до н. э., что зафиксировано древнекитайскими письменными источниками¹²⁰.

Данные о сложении кочевничества в Старом Свете сейчас удачно дополняются новыми материалами о развитии ламоводства в Андах. Ламоводство возникло в горах и в определенный момент стало важной основой существования целого ряда групп отсталого горного населения. Занимаясь до некоторой степени собственным земледелием, горцы вели активный обмен с прибрежными областями, что, видимо, и оказало существенное влияние на особое развитие в их хозяйстве ламоводства. Вместе с тем последнее имело здесь придомный и лишь местами отгонный характер. Никакого кочевого образа жизни здесь не возникло¹²¹.

Учитывая разнообразие условий и процессов сложения кочевничества в разных регионах мира, в настоящее время можно предложить следующие модели этой эволюции.

А. С ростом населения, нехваткой земельных участков и развитием межобщинной специализации труда внутри земледельческо-скотоводческих общностей могли выделяться группы, постепенно переселявшиеся на окраины плодородных земледельческих районов и усиливавшие здесь скотоводческую направленность своих занятий. Этот процесс, уже не раз фиксировавшийся разными авторами в самых различных районах мира, был недавно проанализирован и по археологическим данным из Южной

Африки. Там на протяжении I тыс. н. э. население раннего железного века селилось исключительно на наиболее плодородных землях, где занималось комплексным хозяйством, а с ростом населения, истощением местных земельных ресурсов и изменением социальной структуры многим группам пришлось в конце I — начале II тыс. н. э. переселиться в более бедные области. В этой обстановке развивалось отгонно-пастбищное скотоводство и началось освоение глубинных районов степи¹²². Тем же путем шло формирование преимущественно скотоводческого уклада жизни у некоторых прежде земледельческих групп населения в Передней Азии (западные и восточные семиты), в Иране, в Бактрии, у северных границ Китая и т. д.

Б. Усиленно занимаясь интенсивным земледелием, приводившим к быстрому сокращению пастбищных угодий, земледельцы испытывали все большую нужду в скоте, который был необходим для тяжелых сельскохозяйственных работ, а также использовался в социально-престижной сфере. Поэтому со временем земледельцы стали отдавать свои стада на выпас более отсталым соседям или активно выменивать у них скот. Это безусловно усиливало скотоводческий характер хозяйства на земледельческих окраинах. До недавнего времени в таких отношениях, например, находились со своими соседями апатани Северо-Восточной Индии и многие земледельческие народы Африки. В древности этим путем могло идти развитие скотоводческого хозяйства в восточноевропейских и азиатских степях, в соседствующих с древнеегипетской цивилизацией Нубии и Ливии, а также в горах Перу и Боливии.

В. В некоторых случаях скотоводческий акцент в хозяйстве земледельческо-скотоводческих народов мог усилиться в ходе контактов с мигрирующими в районы их расселения преимущественно скотоводческими группами, носителями скотоводческой системы ценностей. Если группы мигрантов отличались значительным богатством и в военном отношении превосходили местное население, становясь для него референтной группой, то идея престижности подвижного скотоводческого образа жизни могла быстро овладеть умами местных обитателей и стимулировать их стремление следовать примеру пришельцев. Такая картина, видимо, не раз наблюдалась у нилотов, банту и других народов Восточной Африки, а также в евразийских степях.

Г. Наконец определенную, хотя вряд ли большую, роль в становлении кочевой экономики могли сыграть охотничьи группы, заимствовавшие домашних животных у соседних скотоводов. Этот путь, который в последние годы в нашей науке отстаивает С. И. Вайнштейн¹²³, был сопряжен с существенными трудностями и не случайно практически не фиксируется археологическими материалами.

Первые две модели в конечном итоге вели к появлению того,

что можно называть «первичным кочевничеством», а вторые были связаны с производным от него «вторичным кочевничеством». Нетрудно заметить, что становление первичного кочевничества происходило в конце эпохи разложения первобытного общества или даже в период существования ранней государственности и таким образом не могло сыграть сколько-нибудь важной роли в становлении древнейших классовых обществ. Но само по себе развитие скотоводства в рамках земледельческо-скотоводческих обществ делало процесс классовобразования более интенсивным.

*Экологически обусловленные эквиваленты
производящего хозяйства.*

*Хозяйство высших охотников,
рыболовов и собирателей*

Говоря о развитии социальной дифференциации и формировании сложных общественных структур в период разложения первобытного общества, современные западные неозолуционисты связывают эти процессы прежде всего с земледельческо-скотоводческими группами населения, лишь в качестве редкого исключения упоминая о представителях другого рода обществ, основанных на высокоэффективном присваивающем хозяйстве. Между тем последние заслуживают гораздо большего внимания, так как в прошлом они были, по-видимому, распространены много шире, чем это известно по этнографическим источникам, и у многих народов по крайней мере ранние этапы классовобразования наблюдались именно в обстановке развитого присваивающего хозяйства. В конце прошлого столетия это подчеркнул еще Э. Гроссе, расчленив общества охотников, рыболовов и собирателей на ряды высших и низших. К первому разряду относились народы с относительно высокими показателями плотности населения и оседлости, разработавшие сложные и надежные методы создания и хранения запасов пищи и имевшие в связи с этим определенные ее излишки. Не удивительно, что у таких народов нередко наблюдалось далеко зашедшее общественное разделение труда, отмечался активный межобщинный и межплеменной обмен и происходил ярко выраженный процесс социальной дифференциации. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рассматриваемый путь классовобразования отличался определенной ограниченностью, и ни одно из обществ, ведущих исключительно присваивающее хозяйство, не создало на этой основе своей государственности, а процесс классовобразования в этих обществах так и остался незавершенным¹²⁴.

Рассмотрим некоторые примеры такого рода обществ. Лучше всего они изучены, пожалуй, в северо-западных районах Северной Америки на побережье Британской Колумбии. Обитавшие

здесь индейцы занимались разными видами присваивающего хозяйства, но основу их существования составляло рыболовство, и прежде всего лов лосося. Сухопутные ресурсы (дикие животные и растения) служили здесь второстепенными источниками питания и сырья для домашних производств. Вместе с тем добыча лососевых могла проводиться лишь в определенные сезоны года в строго определенных местах, а ее объем из года в год мог сильно колебаться. Поэтому образ жизни в здешних суровых условиях обитания (а вовсе не столь уж благоприятных, как принято считать) требовал высокой организованности, наличия подходящих средств транспорта, развитых механизмов перераспределения полученного продукта, а также определенных социально-престижных стимулов к наращиванию производственной деятельности¹²⁵. Вот почему заселение побережья произошло довольно поздно, а сдвиг к использованию прибрежных и морских ресурсов намечился лишь во второй половине IV—II (в III—II) тыс. до н. э. Еще позже, только на протяжении I тыс. до н. э., рыболовство и морской промысел превратились в устойчивые источники существования, и именно в этот период, как показывают раскопки древних могильников, здесь намечилась социальная дифференциация и появились престижные вещи¹²⁶.

Подчеркнем, что в первую очередь это происходило в северных районах тихоокеанского побережья Северной Америки, для которых были характерны большее количество осадков, более густые леса и более изрезанная линия побережья, чем на юге. В отличие от довольно бедных сухопутных фауны и флоры на севере в определенные сезоны встречалась необычайная концентрация мигрирующих рыб и морских животных (лосось, сельдь, киты, тюлени, морские львы и т. д.). Местные крупные поселки с прочными жилищами были стационарными лишь в том смысле, что из года в год люди постоянно сюда возвращались и проводили в них по несколько месяцев. Однако мало кто жил здесь в течение всего года, так как хозяйственный цикл требовал от двух до пяти раз в год менять место обитания. Например, глинянки следующим образом чередовали свою хозяйственную деятельность. Весной они обитали на особых стоянках, где мужчины ловили рыбу (лосося, камбалу, сельдь и др.) и охотились на тюленей, морских выдр и медведей, а женщины собирали моллюсков, водоросли и дикий сельдерей. В июне многие группы переходили на новые стоянки для сбора птичьих яиц, ягод и водорослей и охоты на тюленей. В августе снова велась охота на морских выдр и постепенно совершалось передвижение к местам осеннего лова лосося. Последний занимал весь сентябрь и частично октябрь, когда производились массовые заготовки пищи на зиму. В декабре — начале февраля многие глинянки обитали в прочных зимних домах в базовых поселках, и лишь юноши временно охотились на горных коз, медведей и тюленей¹²⁷.

Рыбу индейцы северо-запада ловили с помощью разнообразных методов, хитроумных технических приспособлений. Они использовали гарпуны и сети, строили всевозможные запруды, создавали искусственные ловушки. Некоторые группы (в основном нутка) отваживались даже на опасную охоту на китов в открытом море. Правда, это было скорее престижное, чем экономически оправданное занятие.

Быстрое передвижение с одних мест промысла на другие и перевозка крупного улова осуществлялись с помощью лодок. Индейцы использовали несколько типов лодок, предназначенных для разных надобностей, они изготовляли их с помощью каменных и раковинных орудий. Строительством лодок занимались особые мастера, работавшие, как правило, в одиночку. Некоторые группы, в особенности нутка и хайда, изготовляли лодки специально для обмена с соседними племенами.

Высокоэффективные методы ведения хозяйства, богатые уловы рыбы, развитые средства транспорта, создание крупных запасов пищи — все это способствовало высокой концентрации населения. В Британской Колумбии и Юго-Восточной Аляске группы, обитавшие в отдельных жилищах, насчитывали от 20 до 30—40 человек, а состоявшие из нескольких таких жилищ общины объединяли по несколько сотен жителей. Например, у южных квакиутль в начале XIX в. размеры общин варьировали от 100 до 1300 человек. Не удивительно, что кое-где у индейцев северо-запада уже имелись наследственные вожди, отличавшиеся высоким общественным положением и значительными богатствами¹²⁸.

Вместе с тем в сопоставлении с лежащими к югу районами Калифорнии плотность населения на северо-западе была относительно невелика. Это свидетельствует об определенных пределах той линии эволюции, которая была связана со специализированным рыболовством и морским промыслом в северных условиях. Об этом говорит сравнение с более сбалансированной калифорнийской моделью развития присваивающего хозяйства. В Калифорнии отмечались в основном три способа традиционного ведения хозяйства: в низовьях р. Кламат индейцы занимались преимущественно рыболовством, в горах и долинах большей части остальной территории Калифорнии — охотой и сбором желудей и других растений, а в долинах р. Сакраменто и Сан-Хоакин — хорошо налаженным рыболовством, охотой и собирательством. Наибольшая плотность населения (4,5 человека на 1 кв. км) наблюдалась именно в последних районах, тогда как в низовьях р. Кламат и на севере Калифорнии она была ниже (1—4 человека на 1 кв. км), а в других областях — еще ниже (не более 1,0—1,5 человека на 1 кв. км)¹²⁹. Что же касается северо-западного побережья Северной Америки, то в направлении с юга на север плотность населения прогрессивно падала (с 1,0—0,5 до 0,5—0,1 человека на 1 кв. км).

Опираясь на эти данные, можно было бы ожидать, что в Калифорнии уровень развития окажется еще выше, чем на северо-западном побережье. И действительно, здесь встречались глубоко дифференцированные предклассовые структуры, хотя, глубоко северо-западу, и здесь ведение хозяйства требовало периодической смены мест обитания, сезонного чередования различных форм и методов добычи пищи и связанных с этим постоянных изменений размеров и состава отдельных групп. Однако отмеченные процессы проходили в рамках строго разграниченных территорий, причем именно в Калифорнии кое-где начали появляться искусственно сделанные межевые знаки — столбы или груды камней, и люди с детства обучались их различать. Если на северо-западном побережье крупнейшие социально-потестарные единицы были представлены отдельными общинами, то в Калифорнии встречалась иерархия поселков с вождями во главе. Вслед за А. Кребером специалисты часто называют такую форму организации «племячком» (tribelet), подчеркивая, что оно являлось именно социально-потестарной, но отнюдь не этнической единицей, так как соседние племячки почти не различались по языку и культуре. Возглавлявшие их вожди обычно освобождались от самостоятельной добычи пищи и кормились за счет подношений общинников. О высокой эффективности местных хозяйственных систем свидетельствует и тот факт, что в Калифорнии уже наблюдалось выделение отдельных ремесел, и в ряде случаев ремесленники наряду с вождями обитали в центральных поселках и занимались исключительно обслуживанием потребностей знати. Судя по археологическим данным, высокоэффективные системы, основанные на присваивающем хозяйстве, возникли в Калифорнии к рубежу нашей эры, о чем свидетельствует появление крупных стационарных поселков, пышных церемоний, широкого обмена и ярко выраженной социальной дифференциации¹³⁰.

Наконец, высокоразвитое предклассовое общество имело к периоду европейской колонизации и на юго-западе Флориды, где, как сообщают испанские хроники, обитали исторические калуса. Не зная земледелия, они занимались рыболовством, собирательством моллюсков и растительной пищи, охотой на сухопутных и морских животных (тюленей, китов и т. д.). Последняя имела престижный характер, и мясо тюленей считалось деликатесом, позволительным только представителям знати. В центре каждого из расположенных здесь вожеств находилась «столица», к которой тяготели все окружающие поселки. О могуществе местных вождей говорят колоссальные насыпи ритуального значения, созданные коллективным трудом подвластного им населения¹³¹.

В далеком прошлом в Америке не раз встречалась ситуация, когда эффективное присваивающее хозяйство, создававшее основу для возникновения подобных рассмотренным выше структур,

служило серьезным тормозом для проникновения в эти районы, казалось бы, более прогрессивного земледелия. Так было, например, в восточных районах США (культуры адена и хоупвелл), так было и на перуанском побережье, где предклассовые общества начали складываться фактически в тот период, когда здесь уже появились элементы земледелия, которые тем не менее еще долго не могли конкурировать со сложившимися традиционными доземледельческими системами. И, видимо, лишь в тот момент, когда дальнейшее развитие общества потребовало размаха производства, выходящего за рамки возможностей охоты, собирательства и рыболовства, побеждало земледелие. На востоке США это произошло в ходе формирования культуры миссисипи, а на побережье Перу — в раннекерамический период.

Кроме Америки, общества с высокоэффективными системами присваивающего хозяйства в прошлом встречались во многих речных, островных и прибрежных районах мира (предки хантов и манси на Оби, нивхи на Амуре, ительмены Северо-Восточной Сибири, прибрежные коряки, обитатели побережий Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии и т. д.), но многие из них остаются еще мало изученными. Не удивительно поэтому, что, как показали недавние исследования, предки азиатских эскимосов, занимавшиеся морским китобойным промыслом, могли в середине II тыс. н. э. иметь социальную организацию, сопоставимую с обнаруженной у индейцев северо-западного побережья Северной Америки¹³².

Развитые рыболовы встречались и в Африке, например в дельте р. Нигер. Хотя классовое общество формировалось здесь в условиях развития торговли, стимулированной европейцами, важным представляется тот факт, что созданная местными рыболовами к XV—XVI вв. хозяйственная и социальная база оказалась достаточной для эволюции именно в таком направлении¹³³.

До сих пор мы рассматривали модели высокоэффективного присваивающего хозяйства, основанного главным образом на рыболовстве и морском промысле. Однако нельзя упускать из виду и другой вариант, связанный с интенсивным использованием диких растений, далеко не всегда или, во всяком случае, далеко не сразу приводивший к становлению земледелия. Примером такого именно пути развития служат собиратели саго, обитавшие до недавнего времени на некоторых островах Индонезии, на побережье Новой Гвинеи и соседних островов и в устье р. Ориноко¹³⁴. В этих районах именно саго благодаря своим исключительным качествам составляло основу существования местного населения, предоставляя ему не только пищу (иногда до 90% рациона), но и сырье для различных видов производства. Некоторые группы здесь вообще не знали производящего хозяйства, для других оно являлось не более чем второстепенным укладом. Кое-где отмечалось начало культивации саго, но почти повсюду главным

ресурсом жизнеобеспечения служило все же именно дикое саго. Саго даже в диком виде отличается высокой урожайностью, а труд по его обработке удивительно производителен. За несколько часов работы один человек самыми примитивными средствами мог создать четырех-пятисуточный запас пищи не только для себя, но и для нескольких других членов общины. По своей производительности работы по добыче крахмала из саго значительно превышают показатели, встреченные у низших охотников и собирателей, и могут поспорить с довольно развитыми системами мотыжного земледелия. Значительные излишки, которые давало сагодобывающее хозяйство, заготавливались впрок, использовались для обмена с соседями и шли на устройство престижных пиров и церемоний. Например, население ряда районов зал. Папуа могло ежегодно производить несколько сотен тонн саго для обмена с припльзавшими сюда издалека папуасами, получая за это глиняные горшки, каменные топоры и разнообразные украшения.

Добыча саго, растущего крупными площадями, создавала прочную основу для оседлости, и это существенно отличало образ жизни занимавшихся им папуасов от их непоседливых соседей, существовавших за счет подсечно-огневого земледелия. Собиратели саго жили не только более или менее оседло, но и в гораздо более крупных общинах, чем другие папуасы (охотники и т. д.). Поселки по несколько сотен человек не являлись для них редкостью. Довольно высокими показателями отличалась и плотность населения (от 0,5—1,0 до 10 человек на 1 кв км и выше). Обладая высокой урожайностью, саго вместе с тем требовало меньших затрат труда, открывая возможности и для иных занятий. Вот почему у носителей этого хозяйственно-культурного типа встречалась более богатая и разнообразная материальная культура, чем у низших охотников и собирателей и даже у некоторых ранних земледельцев. По уровню развития социальной организации некоторые из обществ собирателей саго, по-видимому, не отставали от индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Однако их руководители обретали высокое положение чаще за счет личных качеств, нежели за счет налаженного механизма наследственной передачи статуса. Наследственные вожди у собирателей саго встречались редко, но зато в этом случае, как показывает пример папуасов корики, они могли осуществлять руководство сразу несколькими общинами.

Таким образом, есть все основания считать, что общества с развитым присваивающим хозяйством сыграли не последнюю роль в процессе классового образования. Другое дело, что в отличие от земледельцев и скотоводов они были в большей мере привязаны к районам с особыми экологическими условиями и не могли разнести свою культуру и образ жизни далеко за рамки этих районов. Однако таких особых районов было в прошлом не так уж и мало. К сожалению, проблема генезиса рассмотренных хозяйств

венных систем и динамики их развития остается еще малоизученной. Однако так как ведение высокопродуктивного присваивающего хозяйства становится оправданным лишь в условиях хорошо налаженного интенсивного обмена, вряд ли следует исключать вероятность того, что в ряде случаев прямое или косвенное влияние на формирование и функционирование описанных выше систем оказали древние земледельцы и скотоводы, способствовавшие возникновению разветвленных сетей обмена. Если эта гипотеза подтвердится, то тем самым еще раз будет подчеркнута то огромное значение, которое имел переход к производящему хозяйству в истории человечества.

Возникновение металлургии

Металлургия считается одним из важнейших достижений человечества, вызвавших целый переворот в характере производительных сил и открывших новые возможности для развития хозяйства и социальных отношений. Вместе с тем многое в истории древней металлургии остается неясным, в частности вопрос о ее роли на разных этапах истории первобытного общества вызывает дискуссии среди специалистов. Так, если идеи, согласно которым использование металлов было начато впервые угро-финнами в Азии (Р. Андрэ, Т. Вайц) или же скотоводами на Северном Алтае (Р. Форбес), имеют сейчас исключительно историографическую ценность, то споры о том, надо ли связывать древнейший этап металлургии в Старом Свете с каким-либо единым центром (Передняя Азия или, например, Юго-Восточная Азия) или следует говорить о ее независимом становлении в самых разнообразных центрах, не затихают и по сей день. Единства нет даже внутри отдельных научных направлений: среди моноцентристов некоторые авторы считают, что дажековка самородной меди возникла в истории лишь единожды в одном районе, из которого и распространилась по всему миру; по мнению других, как раз обработка самородной меди могла возникнуть в ряде мест независимо, но вот выплавка меди из руд и ее литье представляли собой уникальное явление. Что же касается полицентристов, то и они пока что не могут договориться о количестве и локализации древнейших металлургических очагов и их взаимоотношениях между собой¹³⁵.

Более ясной представляется линия развития металлургической технологии: вначале обработка самородной меди (на первых порах способом холоднойковки, затем с помощью горячейковки и отжига) и лишь со временем — получение меди из руд и литье, а вслед за ним и производство искусственных сплавов. Разногласия здесь касаются временной очередности процессов получения рудной меди и литья. Казалось бы, от горячейковки легче перейти к плавке и литью чистого металла, и поэтому некоторые

специалисты отдают приоритет именно такой линии развития. Вместе с тем плавка руд требует более низких температур (800°), чем плавка чистого металла (1050°). Вот почему другие исследователи считают, что плавка и литье чистой меди были более поздними достижениями. Правда, надо учитывать, что при 800° получить медь из руды можно было лишь в особых условиях: при наличии большого количества угля и ограниченном доступе кислорода. Археологические данные пока не позволяют решить этот спор, так как в древнейших металлургических районах выплавка меди из руд и плавка чистого металла появились как будто бы примерно одновременно.

Для добычи рудной меди люди в первую очередь использовали более доступные и легче поддающиеся обработке окисные и карбонатные руды (малахит, азурит) и лишь позже перешли к добыче требующих специальной технологии сульфидных руд. Этот важный с точки зрения развития металлургии рубеж также не получил еще более или менее четкой локализации во времени и в пространстве.

Как бы то ни было, древнейшая надежно документированная кузнечная обработка меди производилась в ряде поселков Передней Азии (Чайюню-Тепези, Магзалия, Рамад, Субердэ, Али Кош) с VIII (VII) тыс. до н. э. Уже тогда она была достаточно широко распространена — от Центральной Анатолии до Юго-Западного Ирана и от Юго-Восточной Анатолии до Западной Сирии. Источниками металла служили богатейшие залежи самородной меди, расположенные, в частности, в районе Эргани в Юго-Восточной Анатолии. Обработанная холодной ковкой самородная медь не позволяла изготавливать сколько-нибудь крупные изделия, и поэтому среди древнейших медных вещей встречались прежде всего бусины, пронизки, иглы и шилья. Ныне большой популярностью пользуется теория, по которой древнейшая металлургия сохраняла такой характер в Передней Азии вплоть до конца VI — первой половины V (до второй половины V) тыс. до н. э. Однако есть основания предполагать, что за это время определенные изменения в технологии все же происходили, без чего металлургический «бум» конца VI — первой половины V (второй половины V) тыс. до н. э. был бы невозможен. Об этом свидетельствуют появление в Чатал-Гуюке в первой половине VII (первой половине VI) тыс. до н. э. техники горячейковки и в еще большей мере наличие свинцовых изделий там же и в более позднем хассунском поселке Ярым-Тепе I, так как свинец мог быть получен только посредством выплавки из свинцовой руды при температуре 327° ¹³⁶. В северных и центральных районах Ирана древнейшие кованные изделия были известны с VII (VI) тыс. до н. э. (Тепе-Заге, Сиалк), на протяжении последующего тысячелетия здесь распространилось литье.

Начиная с конца VI (середины V) тыс. до н. э. на Ближнем Востоке, а с середины V (с начала IV) тыс. до н. э. в Иране появились крупные литые металлические изделия: долота, навершия булав, плоские топоры, кинжалы, серпы. А на протяжении второй половины V — первой половины IV (в IV) тыс. до н. э. в этих районах постепенно распространилось искусственное легирование меди никелем (в Киликии) и мышьяком, иначе говоря, возникло древнейшее бронзолитейное производство. Иранские мастера начали впервые добавлять в бронзу олово (мышьяковисто-оловянистые бронзы) во второй половине V (во второй четверти IV) тыс. до н. э. На протяжении второй половины IV — первой половины III (в III) тыс. до н. э. олово стало спорадически проникать на территорию Передней Азии. Однако до сих пор не ясно, происходит ли оно из каких-либо иранских месторождений или же поступило из еще более отдаленных восточных районов. Недавно было установлено, что один из наиболее вероятных его источников располагался в Афганистане¹³⁷.

К сожалению, мы до сих пор не знаем, когда в Передней Азии и в Иране научились выплавлять медь из руды. Использование малахита наряду с другими минералами для изготовления украшений было известно еще в доземледельческий период (Зави-Чеми—Шанидар). Позже в Чатал-Гуюке малахит употребляли для приготовления зеленой краски. Пока не ясно, для чего предназначались многочисленные куски малахита, обнаруженные в хассунских и халафских поселках Северной Месопотамии. Однако представляется несомненным, что все необходимые предпосылки для плавки руд в Передней Азии во второй половине VI — первой половине V (в V) тыс. до н. э. уже имелись. Расширение металлургического производства нуждалось в мощной сырьевой базе, и уже во второй половине V — первой половине IV (в IV) тыс. до н. э. люди добывали руду в специальных рудниках. Древнейший из них изучен сейчас в Тимне на территории Южного Израиля. К несколько более позднему времени относятся рудники, исследованные в Иране и в Анатолии.

Древнейшие металлические изделия, известные в Закавказье, представлены мелкими поделками и датируются концом первой половины V (рубеж V—IV) тыс. до н. э. Почти все они были сделаны из искусственной мышьяковистой бронзы и либо представляли собой южный импорт, либо были изготовлены на месте под сильным влиянием с юга. Во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. в Закавказье уже велась разработка местных рудных месторождений, и мастера широко использовали разнообразные технологические приемы (плавка, литье, ковка, клепка, отжиг и т. д.). Одновременно шел активный обмен информацией с населением Передней Азии, откуда сюда проникали вещи, изготовленные из никелистой меди, а с середины III (конца III) тыс. до н. э. — из мышьяковисто-оловянистых

сплавов. Набор изделий закавказских мастеров отличался большим разнообразием: еще в раннем бронзовом веке они производили топоры нескольких типов, кинжалы, серпы, рыболовные крючки, шилья, булавки и т. д., а во второй половине III — первой половине II (первой половине II) тыс. до н. э. здесь появились одни из древнейших образцов металлической посуды и искусные ювелирные изделия¹³⁸.

К северу от закавказской куро-аракской культуры в первой половине III (второй половине III) тыс. до н. э. располагалась майкопская культура Северного Кавказа, не имевшая своей меднорудной базы и получавшая металл из Закавказья. Здесь довольно рано сложился своеобразный очаг металлообработки, и местные мастера разработали сложную технологию, в частности для изготовления крупных медных котлов, которые в раннем бронзовом веке никто, кроме них, производить, пожалуй, и не умел¹³⁹. Именно майкопская культура была в это время главным источником металлических изделий для многих групп степного населения Северного Причерноморья и Поволжья.

В Южной Туркмении металлургия возникла во второй половине VI — первой половине V (в V) тыс. до н. э. как безусловно привнесенное из Ирана явление. В это время здесь функционировал очаг ранней металлообработки, существовавший за счет иранской руды и тесно связанный с деятельностью иранских мастеров. Но со второй половины V (в IV) тыс. до н. э. началась разработка местных рудных запасов. С раннего энеолита в Южной Туркмении были известны литье и кованные медные изделия (проколки, шилья, ножи, наконечники дротиков), постепенно сложилась местная школа их изготовления, что и привело к значительному росту числа металлических вещей во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э. В конце эпохи энеолита и в раннем бронзовом веке появились новые приемы литья и были разработаны четкие технологические схемы для создания разных типов изделий, а в середине III (на рубеже III—II) тыс. до н. э. местные мастера научились получать разнообразные сплавы с заданными свойствами¹⁴⁰.

В Афганистане и Белуджистане древнейшие металлические изделия впервые появились также, видимо, из Ирана, о чем свидетельствует медная кованая бусина второй половины VI — первой половины V (V) тыс. до н. э., встреченная в Мехргархе. На протяжении последующего тысячелетия здесь сложился местный очаг металлообработки, а во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э. распространилась оловянистая бронза. Все это создавало предпосылки для расцвета металлургии у создателей хараппской цивилизации. Далее к востоку своеобразный металлургический очаг сложился в Раджастане, откуда металлические изделия поступали как к хараппцам, так и к некоторым энеолитическим культурам Индии. В частности, отсюда первый

металл попал на плато Декан, где его распространение началось на рубеже III—II (в первой половине II) тыс. до н. э.¹⁴¹

Наряду с Кавказом другим древнейшим очагом металлургии в Европе был Балкано-Карпатский регион, где первые медные вещи (шилья, бусы и т. д.) спорадически встречались в поселках разных культур еще в первой половине V (второй половине V) тыс. до н. э. (Югославия, Болгария, Румыния, Венгрия). Происхождение этих изделий окончательно не выяснено, однако пока что нет никаких оснований считать их импортными. Вместе с тем, учитывая более раннее становление металлургии в Передней Азии, и в частности в Анатолии, было бы неверным полностью отрицать вероятность внешнего импульса, повлиявшего на становление древнеевропейской металлургии. Вопрос этот нуждается в дополнительном изучении, и пока что приходится оставить его открытым¹⁴².

В Балкано-Карпатской области металлургия возникла во второй половине VI (второй половине V) тыс. до н. э., а ее расцвет приходился на эпоху энеолита второй половины V — первой половины IV (IV) тыс. до н. э., когда здесь существовало несколько различных очагов металлургии и металлообработки. Специально изучавший эту проблему Е. Н. Черных считает правомерным выделить особую Балкано-Карпатскую металлургическую провинцию (БКМП), включавшую четыре различные зоны: а) юго-восточную (гумельницкий очаг металлургии и трипольский очаг металлообработки); б) юго-западную (культуру винча-плочник, сэлкуца и южные варианты венгерских культур тиса-полгар и бодрогкерестур); в) трансильвано-среднедунайскую; г) предположительно северокарпатскую. Наиболее древнее и наиболее мощное производство металла в БКМП локализовалось в Болгарии и Югославии, где были изучены древнейшие на территории Европы рудники (Айбунар, Рудна-Глава и др.), снабжавшие металлом многие окружающие районы, в том числе лежавшие за границами Балкано-Карпатского ареала. Основными категориями металлических изделий Балкано-Карпатя являлись топоры-тесла, топоры-молоты, тесла-долоты и шилья, причем особым типологическим разнообразием отличались топоры, среди которых встречались, в частности, втульчатые формы. Балканская металлургия характеризовалась необычайной для эпохи энеолита мощностью, и, видимо, не случайно 95% встреченных здесь изделий относились к категории орудий и оружия и лишь 5% — к украшениям. Большим своеобразием отличалась и техника производства: из всех технических приемов наибольшее распространение получило литье, причем для этого использовались не только двустворчатые, но и трех- и даже четырехстворчатые литейные формы, чего в эпоху энеолита ни в одном другом районе мира не наблюдалось. Изделия изготавливались в основном из «чистой меди», но уже во второй четверти IV (к концу

IV) тыс. до н. э. спорадически встречались образцы мышьяковистой и оловянистой бронзы¹⁴³.

В Венгрии, Румынии, Восточной Словакии и Южной Польше первоначально использовались металлические вещи южного балканского происхождения, но многие местные мастера сами ковали мелкие изделия из самородной меди. Со временем, видимо, в период позднего энеолита, и здесь сложились свои очаги металлообработки, работавшие на импортном металле (культуры тисаполгар, лендьел). Не исключена возможность и того, что здесь к концу энеолита началась разработка местных рудных месторождений. На юго-западе СССР в эпоху энеолита располагался связанный с БКМП трипольский очаг металлообработки, который начал функционировать со второй половины V (второй четверти IV) тыс. до н. э. Первоначально трипольцы импортировали с Балкан слитки металла, но к середине IV (концу IV) тыс. до н. э. они начали вывозить отсюда руду. Первые изделия были мелкими и представляли собой главным образом украшения, сделанные кузнечным способом. В первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. на территории Триполья появилось довольно много балканских топоров, и сами трипольцы постепенно начали осваивать технику литья, вначале в открытых, а позже — и в закрытых литейных формах. В этот период ассортимент изделий значительно расширился¹⁴⁴.

Через трипольцев балканский металл проникал еще дальше на восток, и в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. в лесостепной зоне сложились два новых очага металлообработки: среднестоговский и хвалынский, связанные с одноименными культурами. Таким образом, на востоке балканский металл достиг Среднего Поволжья и, возможно, распространялся еще дальше. А на западе энеолитические карпатские топоры спорадически встречались вплоть до территории Франции. Древнейший металл в Италии появился первоначально в ее северных пределах в IV (второй половине IV — первой половине III) тыс. до н. э. вначале в культуре чиоцца, затем в культуре лагоцца. Обе они, в особенности первая, были связаны с балканским ареалом, откуда сюда мог попасть первый металл. А с ними в свою очередь активно контактировала культура диана, локализовавшаяся в середине IV (в конце IV) тыс. до н. э. на о. Липари, и, возможно, не случайно она была древнейшей культурой Южной Италии, знакомой с металлом.

Все это еще раз подчеркивает необычайную мощь БКМП и свидетельствует о ее огромной роли в сложении древнеевропейской металлургии. Тем самым лишается сколько-нибудь серьезных оснований широко распространенная одно время концепция, согласно которой металлургия была разнесена по Европе торговцами-эгейцами. Теперь надежно установлено, что древнейшие очаги металлургии в Европе возникли не только задолго до по-

явления микенской цивилизации, но даже задолго, едва ли не за тысячелетие, до знакомства Эгейды с металлургией вообще.

Помимо БКМП, другим древним самостоятельным центром сложения металлургии в Европе был Иберийский п-ов. Здесь на прибрежных равнинах Южной Испании, в особенности в Аламери, начиная с первой половины IV (второй половины IV) тыс. до н. э. люди активно занимались производством изделий из «чистой меди». Сырьем для них служила рудная медь, добыча которой велась в специальных горных выработках. Один из таких раннеэнеолитических рудников был недавно изучен в Уэльве в Юго-Западной Испании¹⁴⁵. На этой основе к началу III (середине III) тыс. до н. э. сформировалась высокоразвитая энеолитическая культура лос-милларес, носители которой производили древнейшие в Иберии шилья, плоские топоры, кинжалы и т. д. Они использовали главным образом окисные руды и выработали искусную техникуковки и литья, однако искусственные сплавы им еще не были известны. В конце IV — первой четверти III (третьей четверти III) тыс. до н. э. металлургия того же типа наблюдалась и в Португалии.

В середине IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э. многие из, казалось бы, процветающих обществ Юго-Восточной Европы внезапно пришли в упадок. Что послужило причиной этого? Эрозия почв, истощенных длительной земледельческой практикой в условиях архаической техники? Обеднение рудных запасов, основательно оскудевших за время интенсивных разработок? Социальные потрясения, связанные с борьбой знати за власть или с межобщинными войнами? Внутренний кризис, вызванный резким социальным и имущественным расслоением? Нападение внешних врагов, довершивших действие внутренних сил, неудержимо влекущих общество к упадку? По имеющимся данным, все эти причины могли так или иначе сыграть свою зловещую роль в судьбе древнебалканской «протоцивилизации»¹⁴⁶, которая разделила участь многих древнейших протоклассовых и раннеклассовых обществ, отличавшихся крайней неустойчивостью.

Результатом происшедших в середине IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э. событий было формирование циркумпонтийской металлургической провинции, выделенной Е. Н. Черных. Во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э. в Восточной Европе произошла существенная переориентация этнокультурных связей: если прежде энеолитические культуры снабжались исключительно балканским металлом, то теперь культуры раннего бронзового века импортировали металлические изделия преимущественно с Кавказа от носителей майкопской культуры. Вместе с тем на протяжении раннего бронзового века здесь постепенно начали использовать местные источники металла: кемп-обинские и нижнеднепровские мастера все чаще обращались к донбасским запасам меди, а ямно-полтавкинские ремес-

ленники занялись освоением медистых песчаников Южного Приуралья. В то же время обитатели юго-западных пределов нашей страны продолжали импортировать металл из Балкано-Карпатского региона, подражая в своих изделиях болгарским и раннеэгейским образцам (Усатовский и Софиевской очаги металлообработки). Аналогичная картина наблюдалась в Верхнем и отчасти Среднем Поволжье, куда древнейшая металлургия северокарпатского типа была занесена фатьяновско-балановским населением, входившим в ареал центральноевропейских культур шнуровой керамики и боевых топоров. Именно эти мастера начали впервые добывать медь из местных медистых песчаников.

Во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э. на фоне существенных этнокультурных, технико-экономических и социальных изменений, охвативших значительную часть Центральной, Южной и Западной Европы, неудивительным становится распространение металлургии в новые области. Мы видели, что к середине IV (рубежу IV—III) тыс. до н. э. с металлом уже были знакомы обитатели Балкано-Карпатья вплоть до Словакии и Южной Польши, а также Северной и местами Южной Италии и некоторых районов Южной Испании. Еще совсем недавно считалось, что по остальной территории Европы металлургическая традиция распространилась благодаря бродячим металлургам и торговцам, связанным с культурой колоколовидных кубков второй четверти III (конца III) тыс. до н. э. Этот взгляд и до сих пор находит место в работах отдельных авторов. Между тем сейчас он имеет уже чисто историографическое значение, так как в действительности во многих районах металлургия или металлообработка возникли до появления здесь кубков.

Так, в австрийских и швейцарских Альпах собственная металлургия возникла во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э. соответственно в культурах мондзее и пфин, а в Южных Альпах — в первой половине III (второй половине III) тыс. до н. э. в культуре ремеделло. Наиболее богатой металлом в Италии была энеолитическая культура ринальдоне, и некоторые специалисты предполагают, что ее мастера использовали уже не альпийскую, а местную центральноапеннинскую руду из залежей в Коллине Металлифере. В Южной Франции первые металлические изделия появились к концу IV (середине III) тыс. до н. э., а во второй четверти III (четвертой четверти III) тыс. до н. э. здесь синхронно с культурой колоколовидных кубков существовали сугубо местные энеолитические культуры (фонбуи, коз и др.), разрабатывавшие горнорудные источники Центрального массива¹⁴⁷.

Таким образом, в Южной и Центральной Европе металлургия сложилась задолго до распространения культуры колоколовидных кубков или, во всяком случае, ко времени ее появления. Однако во многие другие районы металл проникал лишь в виде ред-

ких импортных изделий. Вот почему для этих мест наступление «эпохи кубков» было событием первостепенной важности и означало становление собственной металлургии или металлообработки. Такая картина наблюдалась, например, в Бретани и Северной Франции, в Бельгии, Нидерландах, Великобритании. Правда, по мнению некоторых специалистов, в Ирландии к этому периоду могла сложиться своя металлургическая традиция, однако строгих археологических доказательств этого нет. В ряде районов Северной Европы, например в Дании, период кубков ознаменовался импортом первых редких еще металлических изделий, тогда как собственные мастера-литейщики появились здесь только со второй четверти II (во второй половине II) тыс. до н. э.

Наконец, для более ранних металлургических центров Юго-Западной Европы распространение культуры колоколовидных кубков означало расширение ассортимента металлических изделий, обогащение его новыми типами и переход к новой более совершенной технологии, в частности к использованию мышьяковистых бронз. А в Великобритании в конце III — первой трети II (второй четверти II) тыс. до н. э. началась разработка местных месторождений олова и появились древнейшие изделия (ножи) из настоящей оловянистой бронзы. Но во многих других районах Западной, Центральной и Южной Европы оловянистые бронзы распространились только в позднем бронзовом веке, и только в Карпатах, продолжавших традиции БКМП, они были известны еще во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э., а в Португалии — во второй половине III (первой половине II) тыс. до н. э.

Таким образом, во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э. «металлургическая горячка» охватила почти всю Европу. Это привело к быстрому истощению месторождений карбонатных и оксидных руд, залежавших ближе к поверхности, и начиная со второй половины III (на протяжении II) тыс. до н. э. в некоторых районах люди начали переходить к добыче сульфидных руд, располагавшихся гораздо глубже и требовавших для своей обработки особой технологии (в Испании, Австрии, Ирландии, на Кавказе и т. д.)¹⁴⁸.

Почему совершился переход от мышьяковистых к оловянистым бронзам? Интересное объяснение этому недавно дал Дж. Чарлз¹⁴⁹. Во-первых, это было вызвано настоящей потребностью в новой технологии металлургии, так как, если при плавке оксидных руд с мышьяком процесс получения бронзы шел нормально, то при замене этих руд на сульфидные мышьяк окислялся и утрачивался. Во-вторых, изготовление оловянистых бронз было выгоднее, потому что олово вообще более устойчиво и его расход в ходе технологического процесса оказывается меньшим, чем расход мышьяка. В-третьих, мышьяк редко встречается в природе, касситерит же часто сопровождает золото, использова-

ние которого со временем все возрастало. В-четвертых, работа с мышьяком была очень вредна для здоровья. Конечно, не все из этих объяснений в равной степени убедительны и пригодны для реконструкции процесса в каждом конкретном районе. И все же было бы неверным оставлять их без внимания, так как в ряде случаев они хорошо увязываются с имеющимся материалом.

Рассмотрим теперь, как шло формирование металлургии в некоторых других районах. Выше уже отмечалось, что древнейший металл мог достигать Южного Приуралья еще в энеолите. Однако первые надежные данные об этом известны пока что только начиная с раннего бронзового века. Далее на восток металлургия распространялась вместе с подвижными группами скотоводческо-земледельческого населения, родственного ямникам. Одной из таких групп были афанасьевцы, достигшие Минусинской котловины в середине III (на рубеже III—II) тыс. до н. э. Они уже могли добывать рудную медь, но обрабатывали ее исключительно кузнечными способами, и только сменившие их во второй половине III — начале II (первой половине II) тыс. до н. э. окуневцы начали здесь производить первые литые изделия и, возможно, использовать искусственные сплавы.

В лесной зоне Западной Сибири древнейшие металлические вещи появились к середине III (рубежу III—II) тыс. до н. э., но широкое распространение металлургии было связано с самусьской и родственными ей культурами первой половины II (середины II) тыс. до н. э. Раньше ее носителей считали охотниками, рыболовами и собирателями, однако теперь, когда на их стоянках найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и собак, а также некоторые косвенные данные о земледелии, их следует включать в ареал культур с производящим хозяйством, подобно всем вышеперечисленным культурам. Теперь встает вопрос и о хозяйстве и образе жизни сейминско-турбинского населения, тесно связанного с самусьцами и обитавшего одно время вдоль кромки леса от Западной Сибири до самых западных рубежей СССР. До недавнего времени их считали охотниками и собирателями, обладавшими некоторыми металлургическими навыками. Сейчас установлено, что это были развитые металлурги, разводившие лошадей и, возможно, знавшие земледелие¹⁵⁰.

И все же на территории нашей страны в прошлом действительно обитали группы охотников, рыболовов и собирателей, занимавшиеся металлургией, и было бы неверным жестко связывать последнюю только с носителями производящего хозяйства. Так, древнейшими металлургами Восточной Сибири были охотники и рыболовы глазковской культуры Прибайкалья и Забайкалья. Первые металлические вещи они изготавливали из самородной меди с помощью холоднойковки по типу прежних каменных и костяных изделий (ножи, кольца, иглы), а начиная со второй четверти II (во второй половине II) тыс. до н. э. они стали плавить

руды и создавать искусственные мышьяковистые и оловянистые сплавы. Меднорудная база была местная — отложения самородной меди и медистые песчаники Иркутского района. Среди местных изделий отмечаются безусловные подражания более южным образцам, что свидетельствует о вторичности здешней металлургии¹⁵¹.

Другим аналогичным примером являлись охотники и рыболовы Таймыра, которые с конца II тыс. до н. э. сами производили бронзу, а впоследствии и железо. И здесь следует говорить о возникновении металлообработки под сильным влиянием с юга, которое достаточно хорошо документировано.

К гораздо более раннему времени, к первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э., относится освоение плавки металла охотниками и рыболовами Нижнего Прикамья (II Тат-Азиевское поселение), которые также заимствовали его у соседей — носителей самарской культуры.

Наконец, не так давно становление металлургии было прослежено у охотников-рыболовов Карелии в первой половине III (второй половине III) тыс. до н. э. Первоначально они ковали самородную медь, а затем перешли к ее плавке, как свидетельствует медеплавильня поселка Пегрема 1. Генезис этой металлургии еще слабо изучен, однако примесь мышьяка в некоторых изделиях явно указывает на наличие каких-то внешних источников¹⁵².

Во всех вышеупомянутых случаях развития металлургии или металлообработки у охотников и рыболовов исследователи не фиксировали сколько-нибудь существенного влияния этого нового рода деятельности на их образ жизни. О значении этого факта речь пойдет ниже.

До сих пор малоизученным остается процесс становления бронзолитейного производства в Китае. Древнейшие металлические изделия появились здесь довольно поздно. Это ножи, шилья, долота, кольца, сделанные из «чистой меди» и связанные с энеолитической культурой цинца конца III — первой трети II (второй четверти II) тыс. до н. э. Настоящая бронза появилась здесь в поселках дворцового типа Эрлитоу и Эрлигань в XVIII—XVII (XVI—XV) вв. до н. э., накануне возникновения раннеклассового шанского государства. Проблема ее происхождения остается остродискуссионной. Отмечая ее несомненное своеобразие, некоторые исследователи склонны говорить о местном возникновении древнекитайской металлургии. Другие, указывая на ее как бы внезапное появление в развитом виде и отсутствие предшествующих этапов развития, а также на оживленные связи населения р. Хуанхе с северными и западными соседями, предполагают определенную роль заимствования. Это тем более оправданно, что со второй половины III — начала II (первой половины II) тыс. до н. э. до Китая докатывались степные влияния, благодаря ко-

торым здесь одно за другим появлялись достижения западного региона: козы и овцы, пшеница и ячмень, колесницы с конной упряжкой и т. д.¹⁵³ Как бы то ни было, ясно, что, возникнув относительно поздно, металлургия не могла сыграть большой роли в сложении раннеклассового общества в Китае.

В Южном Китае в Гонконге бронзовый век начался еще позже — с XIV (XII) в. до н. э.

Относительно ранний очаг металлургии существовал в Юго-Восточной Азии, внутренние районы которой славятся своими крупнейшими в мире запасами оловянной руды. Представителями древнейшей металлургии были мастера культуры банчиенг в Северо-Восточном Таиланде на плато Корат, по окраинам которого располагались богатые месторождения медных и оловянных руд, а также их современники, создатели культуры фунгнгуен на севере Вьетнама.

Вначале люди изготавливали медные, а затем и бронзовые изделия (топоры, наконечники копий, браслеты и т. д.), используя такие технические приемы, как холоднаяковка, отжиг, литье в двусторонние формы. К сожалению, из-за многочисленных более поздних перекопов стратиграфическая картина на многих памятниках остается не всегда понятной, что сильно затрудняет датирование находок. В настоящее время чересчур ранние датировки, полученные вначале для культуры банчиенг, пересмотрены и наиболее обоснованным является предположение о широком распространении бронзолитейного дела в Юго-Восточной Азии к середине II тыс. до н. э.¹⁵⁴

Возможно, столь же рано отдельные металлические изделия начали проникать в островную часть Восточной и Юго-Восточной Азии. Но настоящие неолитические комплексы появились на Филиппинах лишь к концу I тыс. до н. э.

В Африке медно-бронзовая эпоха была известна лишь в некоторых северных районах. В Египте к середине V (началу IV) до н. э., в период бадари, появились первые медные вещи — бусы и булавки, известные в некоторых погребениях. В первый додинастический период, во второй половине V (первой половине IV) тыс. до н. э., медь здесь все еще использовалась в основном для производства украшений, хотя в это время изредка появлялись и орудия труда: рыболовные крючки, гарпуны, долота. Но в целом крупные орудия и оружие широко распространились в Египте только на протяжении второго додинастического периода. Это топоры, кинжалы, тесла. Одновременно первые медные вещи, завезенные из Египта, стали встречаться в Нубии в могильниках так называемой нубийской группы А.

Другим районом очень раннего появления медных изделий на Африканском континенте было Марокко. Еще во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. местные обитатели вели оживленный обмен с неолитическим населением

Испании, поставляя ему скорлупу страусовых яиц, слоновую кость и другие экзотические предметы роскоши и получая взамен глиняную посуду, медь и т. д. Этот обмен начался до появления на испанской земле культуры колоколовидных кубков, в период которой установившиеся ранее связи стали еще более интенсивными. Предполагается, что в бронзовом веке под влиянием европейских импульсов в Западном Магрибе могла сложиться своя металлургия или по крайней мере металлообработка.

И уже бесспорно собственная металлургия, основанная на разработках залежей самородной меди, развилась в Западной Мавритании (Акжужт) и Центральном Нигере (район Агадеса) к началу I тыс. до н. э. Медь здесь обрабатывали холодной или горячей ковкой, а также делали отливки в односторонних литейных формах, но плавки руд еще не знали¹⁵⁵.

Но на основной части территории Африки становление века металлов было связано не с медью или бронзой, а с железом. Проблема происхождения железоделательного производства начала просныться лишь в самые последние годы. Несмотря на то что люди были знакомы с железной рудой едва ли не с палеолита, часто используя охру для самых разнообразных целей, металлические свойства железа долгое время оставались для них неизвестными, а процессом получения его из руд первоначально сумели овладеть лишь немногие. Из всех теорий, пытавшихся объяснить открытие этого процесса, в настоящее время наиболее убедительной представляется та, согласно которой древнейшее рудное железо могло быть получено как вторичный продукт сложной металлургической технологии, связанной с использованием железной руды в медеплавильном производстве в качестве флюса. Теперь это доказано и экспериментально, и этнографически (в Иране и Африке), и археологически (в Тимне)¹⁵⁶. Вместе с тем в течение длительного времени наладить специальное производство железа, видимо, не удавалось, и случайно полученное в медеплавильных железом могло считаться «даром богов». Во всяком случае, первоначально железо представляло огромную редкость и еще в начале II тыс. до н. э. ценилось в Передней Азии в сорок раз дороже серебра.

Древнейшие железные вещи, восходящие к концу VI — первой половине V (второй половине V) тыс. до н. э. в Иране и к первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. в Египте, как правило, изготавливались из метеоритного железа. И лишь небольшое изделие первой половины VI (рубежа VI—V) тыс. до н. э., встреченное в Самарре (Ирак), было выковано из рудного железа. Изделия из метеоритного железа были известны афанасьевцам Южной Сибири, носителям культуры хоупвелл в восточных районах США, древним эскимосам и индейцам северо-западного побережья Северной Америки, в чжоуском Китае; поч-

ти повсюду (за исключением эскимосов) они использовались исключительно в престижно-социальной сфере культуры.

Самое раннее железоделательное производство возникло где-то в Анатолии, по-видимому, в ее северных районах на протяжении второй половины IV — первой половины III (в III) тыс. до н. э. Но и в течение следующего тысячелетия хеттские мастера снабжали соседние территории Передней Азии только предметами роскоши, предназначенными для знати. В частности, еще в раннем бронзовом веке здесь начали входить в моду биметаллические предметы (железные кинжалы с медными или золотыми рукоятками и т. д.) явно неутилитарного назначения. Аналогичное явление наблюдалось в южных районах Европейской части СССР (Куйбышевская обл., Калмыкия) в III — начале II (второй половине III—II) тыс. до н. э.

Переход к массовому производству железа в западной части Старого Света впервые совершился в конце II тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье, где был открыт процесс науглероживания железа, что сделало его значительно тверже. Лишь с этого времени железо смогло составить серьезную конкуренцию меди и бронзе в качестве материала для производства самых разнообразных, прежде всего хозяйственных изделий. А происходившие в этот период серьезные этнокультурные и социальные изменения в странах Древнего мира создали почву для распространения железоделательного производства от Европы до Индии.

Максимальные температуры (1300—1400°), возможные в условиях медеплавильного дела, были недостаточными для плавки железа, оно в результате сыродутного процесса лишь обрело губчатую структуру. Продуктом такой плавки были так называемые крицы, получаемые с помощью восстановления железа углеродом при температуре более 1200°. Дальнейшая кузнечная обработка этих криц велась при температуре более 800°¹⁵⁷.

В Юго-Восточной Азии изделия из кричного железа появились впервые в середине I тыс. до н. э. Первоначально это были престижные биметаллические вещи, изготовленные из бронзовых и железных частей. Но во второй половине I тыс. до н. э. железо здесь стали использовать и для производства орудий труда (топоры, ножи).

В Восточной Азии сложение железоделательного производства шло особым путем. На рубеже II—I тыс. до н. э. в Китае также были известны престижные биметаллические предметы роскоши, но для их создания использовалось не рудное, а исключительно метеоритное железо. Настоящее железоделательное производство возникло здесь лишь во второй половине I тыс. до н. э., но в отличие от европейско-переднеазиатского и юго-восточноазиатского очагов в Китае в это время научились получать гораздо более высокие температуры, при которых железо можно было не только выплавлять из руд, но и отливать в формах. Так возник чугун.

Наконец, третий своеобразный технологический прием был разработан в Африке, где первичным продуктом плавки были не крица и не чугун, а высокоуглеродистая сталь. С ее производством были связаны еще два, как считают, чисто африканских изобретения: высокий цилиндрический горн и предварительный подогрев поступающего в него воздуха. Исходя из этого, а также указывая на большое разнообразие распространенных в Африке железоплавильных печей и названий для железа, отдельные авторы одно время отстаивали идею самостоятельного открытия железа в Африке. Однако сейчас, под давлением новой археологической информации, некоторые из них предлагают, видимо, более соответствующую действительности гипотезу, согласно которой становление африканской черной металлургии было связано с внешними импульсами, но в дальнейшем она могла развиваться вполне самостоятельным путем¹⁵⁸.

Впервые широкое распространение на территории Африки железо получило в Египте в VII—VI вв. до н. э., что было следствием глубоких социально-экономических и технологических изменений, происходивших в это время во всех странах Восточного Средиземноморья. Нет сомнений в том, что именно египетский пример послужил толчком для массового железодельного производства в Мероэ в середине I тыс. до н. э.

По одной из высказывавшихся гипотез, именно отсюда металлургическая традиция распространилась южнее, в район оз. Виктория, в V—IV вв. до н. э. Вопрос этот сложен, так как, с одной стороны, сейчас из области Межозерья имеется ряд более ранних радиоуглеродных датировок, а с другой, переход к черной металлургии в Кении и Танзании совершился в целом лишь к началу нашей эры. Сложение металлургической традиции в Эфиопии также одно время связывалось с импульсами из Мероэ. Но теперь как будто бы есть данные, говорящие о ее появлении здесь из Южной Аравии.

Что же касается Западной Африки, то после открытия культуры нок с уже сформировавшимся к середине I тыс. до н. э. железодельным производством возникновение здесь металлургии многие авторы начали связывать с воздействием финикийской культуры, которое достигало Южной Сахары и примыкающих к ней районов саванны через подвижных гарамантов. Механизм этого процесса остается малоизученным, но его результаты достаточно очевидны: многочисленные горны в поселке Таруга на плато Джос функционировали уже в V в. до н. э. В последних веках I тыс. до н. э. аналогичное производство широко распространилось в долине Нигера от Западной Нигерии до Центрального Мали. Южнее в лесной зоне железо появилось в течение I тыс. н. э., а в поясе саванны в Южном Заире обработка меди и железа началась одновременно к середине I тыс. н. э.¹⁵⁹ Существовало, что железодельное производство возникло и распростра-

нилось много позднее распада общекантуской этнолингвистической общности.

Наряду с железом во многих районах Тропической Африки циркулировали изделия из меди, а кое-где и из бронзы. При этом в южной части Африки, в Великой саванне бассейна р. Конго, где находились богатейшие в мире залежи меди, меднорудное производство возникло ненамного позже, чем черная металлургия. Отдельные авторы даже считают, что медь здесь могла быть открыта самостоятельно в период раннего железного века. Если железо использовалось в этот период в Африке для изготовления орудий труда и оружия (наконечники стрел и копий, клинья, долота, тесла, мотыги и т. д.), то медь применялась главным образом для производства украшений, позже слитков, служивших эквивалентами обмена и показателями богатства. Наиболее ранние медные украшения такого рода были известны в Зимбабве и Замбии еще до 500 г. н. э., в Катанге слитки были обнаружены в могилах VIII—IX вв. н. э., а в Гане и северо-восточной Нигерии древнейшие медные вещи появились в IX—X вв. н. э.

Сложение металлургической традиции в Америке также происходило весьма своеобразно. Один из древнейших очагов металлургии располагался в Андах, где первым известным металлом было золото. Интересно, что, подобно Передней Азии, металлообработка возникла в Центральных Андах без какой-либо видимой связи с керамическим производством. Найденные в Муйо Муко (Перу) каменные молоты и наковальни, предназначенные для обработки золота, датируются 2140—2120 (1800) гг. до н. э., т. е. относятся к тому времени, когда гончарство здесь только зарождалось. Местные мастера изготавливали из золота искусные украшения, используя разнообразные технические приемы (ковка, чеканка, спайка, сварка, кручение проволоки и пр.). А во второй половине I тыс. до н. э. здесь появились биметаллические вещи из золота и серебра. Широкое распространение золота в Перу наблюдалось в связи с культурным влиянием Чавина в 900—420 (800—400) гг. до н. э., которое сейчас связывают с диффузией определенной культурной практики. Однако вне зависимости от этого процесса оригинальные модели развития металлургии наблюдались в ряде других районов. В центральных горах в Перу с XIV—XIII (XII—XI) вв. до н. э. велась разработка медных руд и выплавка из них меди, на побережье Перу и в Бразилии в конце II (начале I) тыс. до н. э. сложился местный очаг металлообработки, работавший, возможно, на рудах, доставляемых с гор караванами лам. В этот же период на центрально-перуанском побережье впервые научились получать знаменитый сплав меди и серебра (тумбага), высоко ценимый впоследствии населением древнеамериканских цивилизаций. Первоначально медь обрабатывали кузнечными способами, но со временем в Южной Америке возникла техника литья¹⁶⁰.

В Мезоамерике металлургические центры вначале в южных, а затем и в северных районах начали возникать на протяжении I тыс. н. э. под явным южным влиянием. Повсюду импортные южные металлургические изделия предшествовали сложению местной металлургии. В Панаму и Коста-Рику первый металл начал поступать из Южной Америки во второй четверти I тыс. н. э., а уже через них к середине I тыс. н. э. с металлом познакомились и майя. Собственная металлургия возникла у последних в VII—IX вв. н. э., когда их древнейшая государственность начала приходить в упадок¹⁶¹.

На юго-западе США медь появилась впервые в комплексах культуры хохокам, поддерживавшей тесные контакты с мезоамериканскими цивилизациями. Древнейшие медные изделия были здесь представлены ритуальными медными колокольчиками рубежа I—II тыс. н. э. В первой половине II тыс. н. э. здесь, видимо, сложилось свое, хотя и маломощное, меднорудное производство, о чем говорит находка в долине Саладо горна доколониального времени.

В северных и восточных районах Северной Америки ранняя история металлургии складывалась совершенно по-иному. Здесь безусловно самостоятельная разработка залежей самородной меди была начата местными охотниками, рыбаками и собирателями вначале в районе Великих озер, а затем в Северной Канаде в долине р. Коппермайн и на далеком западе у р. Медной. Древнейшие медные изделия появились в районе Великих озер еще в середине IV (на рубеже IV—III) тыс. до н. э., но расцвет производства их приходится на вторую половину III—II (II) тыс. до н. э. Они были сделаны преимущественно способом холодной, а иногда и горячейковки по типу более ранних каменных и костяных изделий. Вначале это были мелкие вещи (иглы, шилья), но затем люди научились выковывать более крупные и разнообразные вещи: ножи, наконечники копий, топоры, тесла, гарпуны, рыболовные крючки и др. Гораздо реже встречались украшения — браслеты и бусы. Во второй половине III—II (II) тыс. до н. э. центр этого производства располагался в шт. Висконсин и Мичиган. В районе оз. Верхнее изучены многочисленные карьеры, снабжавшие мастеров сырьем.

В I тыс. до н. э. в связи с развитием на Среднем Западе США стратифицированных обществ, представленных вначале культурой адена VIII—IV (VII—IV) вв. до н. э., а затем хоупвелл II в. до н. э.— II в. н. э., потребность в меди возросла и ее добыча и обработка в районе Великих озер интенсифицировалась. При этом на юг поставлялись главным образом предметы роскоши — украшения, высоко ценившиеся знатью (браслеты, кольца и т. д., а позже — медные пластины с искусными изображениями птиц и животных). В курганах культуры хоупвелл встречалась медь с оз. Верхнее, серебро с оз. Онтарио, а также

метеоритное железо¹⁶². Медь, происходившая из района Великих озер, достигала и юго-восточных областей США, но там в первой половине I тыс. н. э. начали разрабатывать и местные месторождения самородной меди.

Начиная со второй половины III (с II) тыс. до н. э. в северных районах Канады расселились далекие предки современных эскимосов, которые начали разрабатывать богатые местные месторождения самородной меди, в частности, у р. Коппермайн. А в I тыс. до н. э. медь появилась на северо-западе, в районе р. Медной. Повсюду техника обработки меди отличалась определенным единообразием. Из нее изготавливали главным образом орудия производства и оружие при помощи холодной, а кое-где и горячейковки и отжига. Местами, например у тлинкитов, встречался прием шлифования медных орудий, подобно каменным¹⁶³.

Помимо меди, древние эскимосы еще в I тыс. н. э. начали использовать железо. Вначале оно появилось в их западном ареале, где носители берингоморской культуры, получавшие его из Приморья, изготавливали из него гравировальные резцы и иногда ножи. Позже восточные и центральные эскимосы научились выделывать наконечники и ножи из метеоритного и «теллурического» (самородного) железа, а с XI в. н. э. они стали получать кричное железо от норманнов¹⁶⁴. Развитие металлообработки привело к широкому обмену железа на медь, установившемуся между Берингоморьем и долиной р. Медной и между Гренландией и районом р. Коппермайн.

Многим эскимосским и атапаскским группам медные и железные орудия служили прежде всего для хозяйственной деятельности, но в некоторых эскимосских обществах и у народов северо-западного побережья Северной Америки, где уже начался процесс социальной дифференциации, они имели другой смысл, будучи предметами роскоши и показателями богатства. Хотя по своему типу многие из этих металлических изделий принадлежали к категориям орудий труда, они были практически недоступны простым общинникам и по своей функции относились прежде всего к престижно-социальной сфере культуры. Как правило, эти вещи принадлежали вождям и членам их семей, причем не только в недавнем прошлом, но и 2500—2000 лет назад¹⁶⁵.

Рассмотренные материалы заставляют отказаться от сколь угодно прямолинейных заключений о роли возникновения металлургии или металлообработки в разных регионах мира. В советской литературе по этому вопросу имеются расхождения. Так, по В. М. Массону, уже в энеолите появление первого металла имело большой хозяйственный эффект, так как: а) металлические орудия обладали большей производительностью; б) появилась возможность создавать новые виды орудий с новыми качествами; в) наступил конец чрезмерной дифференциации типов орудий, ибо медные инструменты обладали определенной универсаль-

ностью; г) открытие меди привело к массовому производству¹⁶⁶. Иной точки зрения придерживается С. С. Березанская, по мнению которой ранний металл «практически ничего не давал для развития экономики»¹⁶⁷. Более тонкий и, по-видимому, наиболее соответствующий действительности подход предлагает Н. Я. Мерперт, по мнению которого, распространяясь в обществах с разными хозяйственными системами (присваивающими или производящими), металл в определенных случаях способствовал культурной трансформации, но «последняя отнюдь не являлась общей закономерностью и вызывалась далеко не только появлением металла»¹⁶⁸.

Таким образом, решение поставленного вопроса, по-видимому, невозможно без учета конкретной картины развития и локальной специфики. Было время, когда считали, что медные и даже отчасти бронзовые орудия не могли вытеснить из производства каменную технику ввиду своих низких рабочих качеств. Экспериментальные археологические исследования и этнографические данные из разных районов мира внесли в это представление существенные коррективы. Оказалось, что эффективность каменных и медных орудий при работе с разными материалами существенно отличалась. Так, рубка дерева медным топором осуществлялась в три раза быстрее, чем каменным, а в строгании дерева медные ножи превосходили каменные в шесть-семь раз. Зато при долблении лодки и при обработке кости и рога камень мало чем уступал меди¹⁶⁹. Даже стальные топоры в отдельных случаях не могли конкурировать с традиционными каменными теслами, что отчетливо видно на примере рубки саговых пальм на Новой Гвинее.

Иногда считают, что появление более эффективной техники в первобытном обществе непременно должно было вести к наращиванию производства и к ускоренному техническому и социальному развитию. Однако факты показывают, что ее проникновение в разную культурную среду имело далеко не однозначные последствия. Сравним результаты заимствования стальных топоров горными папуасами Новой Гвинеи и калауна о-вов Гудинафа. В обоих случаях новая техника позволяла в три-четыре раза сократить время на расчистку огородов и устройство изгородей. Но если калауна в этих условиях посвятили выигранное время закладке новых огородов и повышению объема урожая, то папуасы-горцы усилили нехозяйственные виды занятий (война, церемонии, хождение в гости)¹⁷⁰. Это могло произойти потому, что, как замечает М. Янг, у калауна главным предметом обмена была растительная пища, тогда как в горах Новой Гвинеи в этом качестве выступали прежде всего свиньи и связки раковин. Но, возможно, на это повлиял и более высокий уровень развития системы лидерства у калауна по сравнению с горными папуасами. Как бы то ни было, в обоих случаях размах церемониально-престижных

ритуалов увеличился, а роль лидеров и их обособленность от остальных общинников возросла.

Рассуждая о возросшей эффективности металлических орудий, мы часто упускаем из виду тот факт, что эта эффективность могла реализоваться лишь при условии их массового производства. Однако было ли это производство в энеолите и бронзовом веке массовым? Специальные расчеты показывают, что даже в Древнем Египте добыча меди не превышала 7 т в год и египтяне должны были ввозить медь из соседних стран. В Центральной Европе в одном из наиболее мощных центров добычи руды производство меди поначалу не превышало 16,5 т в год, а в таком крупном производственном центре, как Восточный Казахстан, оно едва достигало нескольких тонн. В микенскую эпоху в Пилосе, важном торгово-ремесленном центре, 400 бронзолитейщиков, судя по письменным документам, нуждались лишь в 1 т бронзы в год. По расчетам В. С. Бочкарева, крупнейший металлообрабатывающий очаг в Нижнем Поднепровье в позднем бронзовом веке не отличался сколько-нибудь большой мощностью. Краснояцкая мастерская могла дать всего 330 изделий, а Завадовская — 240. И это — для всего Северного Причерноморья конца II — начала I тыс. до н. э.¹⁷¹

Названного количества меди и бронзы было явно недостаточно для того, чтобы снабдить орудиями всех общинников. Вот почему, а отнюдь не из-за своих якобы низких производственных качеств, медь и бронза долгое время сосуществовали с каменной техникой. На протяжении энеолита и значительной части бронзового века металл функционировал главным образом в социально-престижной сфере и был доступен лишь немногим. И именно поэтому категории ранних металлических изделий в развитых стратифицированных обществах ограничивались разнообразными украшениями и видами оружия, а орудий труда среди них было мало (в основном только тесла, долота, топоры). Впрочем, и последние, видимо, нередко относились к «орудиям труда» лишь по форме. Так, одни из наиболее распространенных в балкапском энеолите «орудий» — топоры типа Видра — имитировали ритуальные проушные каменные топоры с золотыми рукоятками и сами использовались безусловно в той же церемониальной функции. Аналогичным образом к середине III (концу III) тыс. до н. э. медные кинжалы начали использовать в ритуале вместо прежних каменных, а медные браслеты и кольца — вместо раковинных. В Северной Европе, которая импортировала металл с юга, в позднем бронзовом веке из него изготавливали такие церемониальные вещи, как крупные бронзовые топоры, наполненные внутри глиной для экономии металла, а также большие бронзовые щиты, совершенно бесполезные в бою. Здесь металлические вещи порой специально создавались в качестве погребального инвентаря и для захоронения в особых ритуальных кладах¹⁷².

Даже в древнейших раннеклассовых обществах металл нередко служил интересам знати и функционировал в престижно-социальной сфере. Так, в Шумере в раннединастическую эпоху медь являлась большой редкостью и стоила дорого. У ремесленников и высших чиновников ее было мало, а у простых общинников вообще почти не было. Медные земледельческие орудия появились не ранее аккадского периода. В Китае в шанскую эпоху металлургии обслуживали исключительно знать, а простым крестьянам бронза была недоступна. В древних цивилизациях Америки металлы, как правило, служил для изготовления изделий очень высокой престижной ценности, хотя здесь встречались кузнецы, обрабатывающие медь и бронзу и для простых общинников¹⁷³.

Конечно, во всех отмеченных примерах речь шла о территориях, где или своего металла было мало, или переход к металлургии произошел довольно поздно. Однако так как дело в этих случаях касается древнейших первичных государств, то это уже само по себе говорит о том, что металл здесь не мог играть скольконибудь существенной роли в хозяйстве в период их формирования. Даже в Европе, где объем металлургического производства на протяжении эпохи бронзы неуклонно нарастал, массовое изготовление сельскохозяйственного инвентаря из бронзы началось только к концу бронзового века. Так как изрядно обедневшие к этому времени рудные запасы были уже истощены, это привело к серьезному кризису, вытти из которого помогла распространившаяся к этому времени новая технология — производство железа.

Таким образом, на протяжении эпохи раннего металла знать в большой мере монополизировала использование металла. Однако это вовсе не означает, что металлические орудия были полностью изъяты из сферы производства. Как будет показано ниже, становление ремесла во многом было связано с обслуживанием и занятиями знати, представители которой, уделяя все меньше внимания земледелию, нередко не считали для себя зазорным заниматься производством разнообразных предметов материальной культуры. А иногда ремесло считалось даже привилегией отдельных знатных семейств. Вот почему наш вывод вовсе не противоречит положению о том, что распространение металлических орудий могло привести к дальнейшему совершенствованию обработки дерева, кости, развитию художественных промыслов и т. д. И, видимо, не случайно в отличие от сельскохозяйственной техники орудия для этих родов занятий начали появляться довольно рано.

Таким образом, в социально дифференцированных обществах, причем не только с производящим, но и с присваивающим хозяйством, металл, как правило, находился под контролем знати. Например, у атапасков атна все мужчины-общинники участвовали в добыче самородной меди, но поступала она целиком в распоряжение вождей, которые и обладали основной массой встречав-

шихся здесь медных наконечников стрел, копий и ножей. Зато у охотников, рыболовов и собирателей, не охваченных еще интенсивным процессом классового образования, легко доступные богатые залежи самородной меди могли использоваться всеми без исключения общинниками для производства необходимого хозяйственного инвентаря, и наличие медных орудий не влияло здесь на характер взаимоотношений между людьми. Видимо, именно такая картина и встречалась в древности на Американском Севере, в Карелии и ряде других районов. Однако если такие общества вовлекались в обмен металлом с более развитыми соседями, испытывавшими острую потребность в престижных изделиях, то это могло ускорить процесс разложения у них первобытных отношений. Примером такого пути развития могут служить охотники, рыболовы и собиратели некоторых районов Великих озер, поддерживавшие оживленный обмен с южными культурами адена и хоупвелл.

Совершенно иная ситуация, обусловившая, по Ф. Энгельсу, целый переворот в производстве¹⁷⁴, сложилась в мире с распространением ранней черной металлургии. В отличие от меди железные руды достаточно часто встречались в самых разных районах мира и по крайней мере поначалу, до истощения их поверхностных отложений, были довольно легко доступны. Теперь для многих групп населения проблема дефицита металла исчезла. Из железа начали производить самый разный инвентарь, в том числе и сельскохозяйственный, и это действительно коренным образом преобразовало земледельческую технику, позволив осваивать новые недоступные прежде области. В первую очередь это сказалось в массовом наступлении на леса как в умеренной зоне Европы, так и в тропических районах Африки и Азии. До недавнего времени этот процесс можно было наблюдать у ибанов Саравака, отважно отвоевывавших у леса все новые и новые пространства, что без железных топоров было невозможно. Не меньшую революцию произвел и железный лемех, позволивший создать более совершенные типы рал, а на закате первобытности в некоторых северных районах Европы перейти к работе настоящим плугом. Для Северной Европы все это имело особое значение, так как основные ее пространства были заняты тяжелыми моренными почвами, недоступными для обработки архаическим деревянным ралом. Только с этих пор здесь начался истинный расцвет земледелия. Не меньшую роль в ряде районов могло сыграть появление железной мотыги. Как считает Дж. Конна, только в этих условиях началось интенсивное земледельческое освоение глинистых земель Северо-Восточной Нигерии, и там возникла прочная оседлость¹⁷⁵.

Переход к более дешевым железным орудиям должен был отразиться и на судьбах ремесла, которое стало доступным самым широким слоям населения, хотя благодаря системе особых санк-

ций (табу) знать, возможно, стремилась сохранить в своих руках эти привилегированные функции. С переходом к железу другие металлы не утратили своего престижного значения. Медь, бронза, золото, серебро и другие металлы теперь в еще большей степени начали использоваться как символы богатства и власти, для производства предметов роскоши и украшений, а также в качестве денежных эквивалентов. В начальный период из железа также изготовляли украшения, художественные изделия, ритуальные предметы, богато отделанное оружие и т. д. В ряде случаев, например в Африке население должно было снабжать вождей железными мотыгами, которые хранились в их домах, символизируя их могущество.

Развитие горного дела и добыча полезных ископаемых

Развитие производства на протяжении эпохи неолита, расширение рамок престижно-социальной сферы культуры, многообразная атрибутика которой отражала усложнение стратификации общества, стимулировали освоение новых видов сырья и прогрессивное увеличение объема их добычи. Все это со временем привело к появлению мощных горных выработок, причем, по словам Н. Н. Гуриной, на протяжении неолита были разработаны все основные приемы горного дела (шахты, подбой, штреки, крепёжные столбы, вентиляционные окна и т. д.), которые использовались людьми и в последующие эпохи. Трудно сказать, где и когда впервые разработки поверхностных выходов ценных горных пород превратились в массовое горнодобывающее производство. Как мы теперь знаем, в Европе уже в позднем неолите и в энеолите такие работы шли полным ходом¹⁷⁸. Они проводились прежде всего для добычи высококачественных сортов кремня. Крупнейшие разработки кремня в Зарубежной Европе в IV — первой половине III (второй половине IV—III) тыс. до н. э. были известны в Спиеinne (Бельгия), Граймз-Грейвзе (Великобритания), Гран-Пресиньи (Франция), Кшемешках (Польша) и т. д. Аналогичные выработки второй половины IV — начала II (III — первой половины II) тыс. до н. э. на территории нашей страны изучены в Гродненской области, в Среднем Поднестровье, в Донбассе, а также в Узбекистане. В Египте кремнедобывающие шахты функционировали со второй половины V (начала IV) тыс. до н. э.

Древнейшие шахты в Европе были связаны с культурами уиндмилл-хилл (Великобритания), михельсберг (Центральная Европа), шассей (Франция), лендзел (Южная Польша и Австрия) и воронковидных кубков (Польша и Южная Швеция).

Поначалу кремень добывали открытым способом, прокладывая траншеи. В Бельгии такие траншеи достигали 10 м в длину и 3—4 м в глубину. Иногда здесь встречались и расширившиеся

книзу огромные колоколовидные ямы глубиной до 10 м. Позже, когда люди научились изготавливать крепежные столбы, структура выработок усложнилась. В Спиенне к этому времени относились шахты глубиной до 16 м, которые соединялись с радиально отходящими галереями (штреками). О большом опыте и глубоких познаниях горняков говорит тот факт, что эти шахты прорезали насквозь слои с низкосортным кремнем и целенаправленно углублялись до нижележащих отложений высококачественного сырья. Основным способом добычи было разведение костров, нагревавших породу, которую потом обливали водой. Для этого нужно было много топлива и воды, но зато не требовалось сколько-нибудь сложных орудий труда, и люди вполне обходились каменными молотами и роговыми кирками. Кое-где для работ использовались лестницы. Места работы на больших глубинах освещались глиняными светильниками.

Добыча кремня открытыми карьерами, шахтами и штреками достигала порой значительных размеров. Так, шахты Спиенны располагались на площади более 50 га, в Граймз-Грейвзе было обнаружено более 366 древних шахт, во многих других аналогичных районах Великобритании — более 100, а в Кшеменках в Польше — более 1000!

Помимо кремня в позднем неолите и энеолите наблюдалась оживленная добыча и других полезных ископаемых, изделия из которых широко распространялись по соседним территориям на десятки, а то и сотни километров. Так, в неолите в Австрии и Швейцарии, а в энеолите — в Сицилии люди активно разрабатывали отложения сланца; в Центральной Европе были известны шахты для добычи яшмы; в Бретани и, возможно, в Швейцарии располагались месторождения нефрита, из которого выделяли церемониальные топоры; в Восточной Македонии добывали опал, андезит и базальт; в Югославии под Белградом и в Центральной Италии найдены древнейшие разработки киновари. Аналогичным образом могла начаться добыча малахита и азурита, их первоначально толкли и растирали в ступках для приготовления красок (Чатал-Гуюк в Анатолии). Большую роль в хозяйственной и социальной жизни первобытной Европы играл обсидиан, происходивший из ряда средиземноморских и карпатских месторождений. Со второй половины V (начала IV) тыс. до н. э. в Западной Европе велась добыча камня для строительства мегалитов. Места его добычи сейчас изучены в Бретани (Франция) и Гуинете (Англия). Там огромные плиты высекали каменными орудиями или с помощью огня и воды, используя при этом и естественные трещины.

Еще одним важным объектом горных выработок в поздней первобытности служила соль. Поначалу ее, видимо, добывали двумя способами — испарением соленой воды и сжиганием соленосных растений. Судя по археологическим и этнографическим источ-

никам, эти два основных метода существовали во множестве разнообразных вариантов¹⁷⁷. Некоторые народы (ашанти и др.) собирали соль на морских побережьях, другие (в некоторых внутренних районах Африки и на севере Юкатана) устраивали искусственные водосборы из соленосных источников, где соль накапливалась естественным образом в результате испарения воды на солнце; третьи разработали специальную технику для искусственного выпаривания соли. Так, индейцы Миссисипи использовали для этого крупные глиняные чаши, где воду испаряли с помощью раскаленных камней, а в Конго люди подогревали такие сосуды на огне. Древнейшее производство соли с помощью особых отстойников и выпаривания соленой воды в особых сосудах на огне изучено в Южной Польше, оно связано с поселками солеваров культуры лендел первой половины IV (второй половины IV) тыс. до н. э. Аналогичное производство в Тюрингии под городом Галле было налажено населением унетицкой культуры во второй половине III — начале II (первой половине II) тыс. до н. э. На черноморском побережье Кавказа оно процветало в первой половине I тыс. до н. э., а на тихоокеанском побережье Мезоамерики началось не позднее рубежа нашей эры¹⁷⁸.

В Африке, Юго-Восточной Азии, в некоторых районах Нового Света и на Новой Гвинее этнографически известен и иной способ добычи — сжигание соленосных растений. Иногда в качестве соли использовали полученный пепел, а иногда сок. В ряде случаев сжигали кусок обычного дерева, предварительно вымоченный в соленой воде. А кое-где соленосные растения не сжигали, а сушили и растирали.

В бронзовом веке в Европе началась добыча каменной соли. Наиболее ранние такие шахты обнаружены в Центральной Европе в Гальштатте и в Халльин-Дюрнберге, где мастера извлекали куски соли с помощью обычных роговых кирок и каменных молотов. Более ранние соляные копи (энеолит) обнаружены в Палестине у Мертвого моря. На юго-западе США в долине р. Солт известны первобытные шахты, обслуживавшие ранние культуры индейцев пуэбло.

Считается, что разработка полезных ископаемых в неолите подготовила почву для возникновения горнорудного производства. Возможно, кое-где так и было, однако, как отмечает Ю. С. Гришин, переход от первого ко второму был не прост. Нужны были новые знания, так как медные руды располагались иначе и обладали иными свойствами¹⁷⁹. Интересно, что древнейшие известные нам рудники возникли ненамного позже, а то и одновременно с кремнедобывающими шахтами. Тимна в Палестине, Рудна-Глава и Айбунар на Балканах, Уэльва в юго-западной Испании — все они датируются второй половиной V — первой половиной IV (IV) тыс. до н. э. или первой половиной IV (второй половиной IV) тыс. до н. э. К несколько более позднему

времени — середине IV (концу IV — началу III) тыс. до н. э. относятся такие ранние рудники на Ближнем и Среднем Востоке, как Козлю в Анатолии и Вешновех в Иране. Однако они, вне всяких сомнений, не являлись здесь самыми древними, так как залежи самородной меди в Эргани-Мадене в Восточной Анатолии начали разрабатываться еще в VIII (VII) тыс. до н. э. Отметим, что открытые карьеры по добыче самородной меди в районе Великих озер в Северной Америке возникли без какой-либо видимой связи с кремнедобывающими шахтами. По-видимому, горнорудное дело, как и вообще добыча полезных ископаемых, возникло естественным способом из разработки первоначально поверхностных выходов необходимого сырья с переходом к открытым карьерам, а потом и закрытым способам добычи после истощения легко доступных вышележащих месторождений. А единство примитивной технологии (разработка узких жил, использование каменных молотов, роговых кирок и костяных клиньев, применение огня и пр.) вряд ли всякий раз говорит о генетической преемственности между добычей кремня и руды, так как в первобытных условиях такие приемы были единственно возможными и к их использованию многие группы могли перейти самостоятельно.

Ранние рудные выработки представляли собой узкие щелевидные карьеры шириной 50—70 см. В Айбунаре они достигали длины 10 м и более, а глубины 2—4 м. Аналогичные карьеры встречались в ранний период в Тимне, Рудна-Главе и Уэльве¹⁸⁰. Гораздо более крупные шахты разрабатывались в Зальцбурге в Австрии с 2000 (1700) г. до н. э. Размеры этих карьеров и шахт были таковы, что они не позволяли трудиться одновременно сколько-нибудь большому числу людей, а иногда тянувшиеся вдоль жил щели были настолько узки, что в них могли поместиться только дети. Вместе с тем, так как сырье надо было транспортировать, а для его добычи нужны были топливо и вода, то участвовать в работах должны были не одиночки, а целые группы людей. Как велики были эти группы и из кого они состояли? Постановка этих вопросов довольно актуальна, так как в литературе нередко встречается мнение о том, что уже в раннюю эпоху могло произойти выделение специализированных групп горняков.

По расчетам Ю. С. Гришина, разработка руд в карьерах Восточного Казахстана могла вестись группами по 8—10 человек, как это до недавнего времени встречалось в некоторых районах Средней Азии. В раннеклассовом Египте для добычи руд также требовалось не более 5—15 человек. В Перу в эпоху инков для сезонных работ по добыче золота и серебра государство посылало небольшие группы в 20—50 человек. Аналогичная картина наблюдалась в меднорудном производстве в Чили. В шахтах Австрии в позднем бронзовом веке также могли трудиться группы размером до 50 человек. У хая в Танзании добычей руды руководил главный «металлург», который набирал для этого пример-

по 30 мужчин. В Катанге в начале XX в. кое-где наблюдались разработки руд при участии 15 женщин под руководством одного мужчины¹⁸¹.

Половозрастной состав таких групп, судя по африканским данным, мог быть очень различным. У ряда народов Восточной Африки, которые получали железо из железоносного песка, этим занимались исключительно женщины и дети. Аналогичная картина могла наблюдаться в ранней черной металлургии в Северной Анатолии, где существовали сходные условия добычи железа. В ряде районов Африки, в особенности в области Великой саванны, добыча руды являлась сезонным делом, которое организовывал «главный металлург». Например, йеке Катанги занимались добычей руды после сбора урожая сорго в течение всего сухого сезона. В это время вождь уводил членов общины к рудникам, где и устраивались временные медеплавильные поселки. Мужчины добывали медную руду карьерами глубиной до 6 м, а женщины и дети собирали малахит с поверхности земли. Одновременно другие члены общины, не занятые в горных работах, возделывали недалеко от рудников небольшие участки земли, причем в свободное время им в этом помогали и рудокопы.

Аналогичным образом занимались добычей железной руды и фиша Танзании. У них «главный металлург» отбирал среди общинников необходимую для этого группу из мужчин, женщин и детей и уводил ее на сухой сезон к рудникам, где женщины и дети собирали топливо и переносили руду, добытую мужчинами. В строительстве сыродутных печей здесь также совместно участвовали мужчины, женщины и дети. Таким образом, во многих районах Африки, в том числе в ряде раннеклассовых обществ, горное дело еще не только не отделилось от металлургии и не превратилось в новую профессию, но и не отделилось от земледелия и было доступно всем общинникам, получавшим за это куски сырого железа.

Сходная картина наблюдалась в Индии, где традиционные кузнецы агария сами занимались и добычей руды, и ее плавкой, причем в этом активно участвовали не только мужчины, но и женщины^{181а}.

Правда, так было не везде. У азанде добычей железной руды и получением из нее железа могли заниматься только взрослые мужчины, которые брали с собой в рудники сыновей для обучения. У хайя Танзании и идулу Анголы встречалось то же самое. У некоторых народов Конго женщины и дети помогали только в добыче руды, а участвовать в плавке руды им запрещалось, их отправляли назад в поселок. У джолуо Южного Судана руду могла добывать каждая семья, но плавку осуществляли специальные металлурги, с которыми было положено делиться полученным металлом.

Следовательно, горное дело далеко не сразу выделилось в осо-

бое ремесло. Это подтверждается и археологически. Во-первых, кое-где в старых шахтах исследователи находили захоронения мужчин, женщин и детей, что свидетельствует о равном участии всех половозрастных групп в добыче первоначально кремня, а затем и руды. Во-вторых, почти повсюду рядом с шахтами обнаружены остатки временных хижин и следы обработки добытого сырья — отщепы и сколы от первичной обработки кремня около кремнедобывающих шахт и шлаки и обломки печей у рудников. Иногда, как, например, в Тимне, шахты вообще располагались в таких местах, где круглогодичное обитание было невозможно. Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые считают, что древнейшее горное дело было доступно всем общинникам и имело сезонный характер¹⁸². Более того, месторождения полезных ископаемых первоначально не охранялись сколько-нибудь строгими правами собственности. Поэтому, например, разработка кремня в Спиенне одно время велась синхронно носителями михельсбергской культуры и культуры СУМ. Зато отдельные шахты уже принадлежали только тем общинам, которые их разрабатывали.

В отличие от других районов Европы, где обнаружены древнейшие рудники, на Балканах не удалось найти следов первичного металлургического производства. По-видимому, там уже во второй половине V — первой половине IV (IV) тыс. до н. э. с рудников транспортировали не готовый металл в слитках, а руду, которую в удаленных поселках обрабатывали мастера-металлурги. В этот период аналогичная ситуация наблюдалась в Нижнем Египте, получавшем руду с Синая, и в Абу-Матаре в Палестине, куда руду привозили с юга за 100 км. А население Тепе-Яхья (Иран) получало руду из месторождений Апарак-Талмесси, расположенных от него в 800 км. Все это свидетельствует о развитии транспортных средств, представленных, возможно, телегами, без которых такие дальние перевозки были немыслимы. Аналогичный процесс перехода от импорта слитков металла к импорту руды фиксировался в позднем энеолите на юге Средней Азии (Алтын-депе), в раннем бронзовом веке в Закавказье, в андроновское время в Казахстане, в позднем бронзовом веке в Северной Италии и т. д. Все это свидетельствует о существенных изменениях в характере металлургического производства и обмена и, видимо, об отделении горного дела от металлургии.

Изменения могли принять и другой характер. Так, в позднем бронзовом веке у андроновцев Южного Урала и срубников Донбасса имелись специальные поселки металлургов, расположенные рядом с карьерами¹⁸³. По-видимому, здесь наблюдалась картина, сходная с встреченной у йоруба, где целые поселки размерами более 100 человек иногда специализировались на металлургии, снабжая округу радиусом в несколько сотен километров. И все же, как показывают данные из Трансвааля¹⁸⁴, специализация

таких поселков могла быть ограниченной, их население наряду с металлургией продолжало заниматься земледелием и скотоводством.

Развитие домашних промыслов и становление ремесла

Формирование ремесла, как писал Ф. Энгельс, подготовило почву для «второго крупного разделения труда», означавшего значительный прогресс в производстве и общественных отношениях¹⁸⁵. Оно имело настолько универсальный характер, проявляясь с завидной регулярностью практически во всех регионах мира, где наблюдался процесс классовобразования, что В. М. Массон в одной из своих работ даже рискнул назвать предклассовый период «периодом ремесел»¹⁸⁶.

Впрочем, решение вопроса о роли и месте ремесла в предклассовых обществах в немалой степени зависит от того, что понимать под ремеслом. В марксистской литературе уже давно было обращено внимание на необходимость различать ремесло и домашние промыслы. Под последними понимается производство изделий в самом домохозяйстве для его внутреннего потребления, тогда как ремесло призвано обслуживать прежде всего внешних заказчиков или рынок¹⁸⁷. Домашние промыслы были доступны каждой семье или семейной группе, а ремеслом занимались отдельные специалисты, обладавшие особыми знаниями и навыками, нередко хранившимися в тайне от остальных общинников.

Так как за свой труд ремесленники получали определенную плату, то рано или поздно с ростом специализации они должны были порвать с сельскохозяйственным трудом, как это отметил Ф. Энгельс, говоря об отделении ремесла от земледелия^{187а}. Современные данные позволяют детализировать это положение, показывая, что отделение ремесла от земледелия произошло далеко не сразу. Сейчас известны примеры того, что даже в некоторых раннеклассовых обществах такого отделения в полном смысле слова не совершилось. Более того, во многих случаях работа на заказ могла предшествовать производству товаров для рынка. Следовательно, появление работы на заказ, начало рыночного производства и окончательное отделение ремесла от земледелия — все это разные моменты на временной шкале. Картина становления ремесла в еще большей степени усложнялась тем, что ход и интенсивность этого процесса в различных видах производства протекали по-разному, различным был комплекс будущих ремесел в разных областях мира, в сельской местности и в протогородах условия для эволюции ремесла также были далеко не одинаковы. На проявление локальной вариативности могли влиять и некоторые исторические обстоятельства, связанные с межплеменным разделением труда.

Следовательно, процесс сложения ремесла отличался большой сложностью, и его изучение требует дифференцированного подхода. Определенные шаги в этом направлении в науке уже делаются¹⁸⁸, хотя, к сожалению, единые критерии для выделения отдельных этапов сложения ремесла еще не выработаны, причем различные авторы нередко по-разному оценивают сходные в принципе данные. Частично поэтому, а частично и в связи с тем, что археологические факты нередко вообще не допускают сколько-нибудь однозначной интерпретации, обратимся вначале к некоторым этнографическим источникам. Так как, по справедливому предположению многих исследователей, процесс сложения ремесла ранее всего затронул металлургию, причем некоторые авторы (Г. Чайлд, Р. Форбес, В. М. Массон, Е. Н. Черных и др.) считают, что в силу сложности своего занятия металлургии с самого начала являлись ремесленниками-профессионалами, рассмотрим характер раннего металлургического производства, как он рисуется этнографически¹⁸⁹.

Весьма архаическая картина металлургии наблюдалась у некоторых земледельцев и скотоводов Кении, у которых еще не сложилась сколько-нибудь существенная социальная дифференциация. Здесь металлургии добывали железо из железоносного песка, который их жены и дети намывали в близлежащих речках. Сыродутный процесс протекал в чашевидных ямах, представлявших собой наиболее примитивный тип плавильни, а для кузнечной обработки металла мастера использовали железные молоты, наковальни и щипцы.

Главным продуктом этого производства являлись слитки металла, предназначенные для обмена. У камба и кикуйю производство металлических изделий осуществлялось только по заказу. Предварительно сговорившись с мастером, заказчик снабжал его необходимым топливом, а иногда и слитками металла. За работу мастер получал пиво и скот, однако металлургия здесь еще не отделилась от земледелия: мастера и члены их семейств занимались обычным сельскохозяйственным трудом, который и составлял основной источник их существования.

Зато у туген металлургии ковали железо круглый год, производя изделия на продажу, но и здесь в своем питании они не зависели от успехов обмена, так как земледелием и скотоводством регулярно занимались их домочадцы. Мастера у туген имели большие запасы изделий, реализация которых происходила двояко: либо покупатели приходили к ним из округи радиусом до 32—48 км, либо сами они навещали соседние общины, предлагая свой товар. При этом иногда они снабжали изделиями не только соплеменников, но и чужаков. А камба специально устраивали небольшие колонии среди соседних этносов для снабжения их медными украшениями.

Так как источники добычи металла в Кении были ограничены,

здесь наблюдалось своеобразное разделение труда между металлургами. Те из них, кто жил рядом с месторождениями, осуществляли все металлургические операции от добычи металла до производства изделий, а остальные мастера занимались только металлообработкой, получая слитки либо от заказчика, либо обменом. У вышеназванных народов Кении металлургия не являлась монополией каких-либо отдельных родов или каст, но члены некоторых родов (например, двух из тринадцати родов у кикуюю) ею вообще не занимались.

Аналогичная картина наблюдалась в некоторых других регионах мира. В Северо-Восточной Индии кузнецы имелись лишь в некоторых поселках и, занимаясь собственным земледелием, одновременно снабжали свою и соседние общины металлическими изделиями. Иногда, как, например, у апатани, металлообработкой в принципе могли заниматься все общинники, но на практике она являлась монопольным делом членов только одного рода, так как понижала статус человека. У ао-нага постепенно шел процесс отделения металлообработки от земледелия, но он не завершился и в наши годы. В Центральной Индии традиционная металлургия находилась в руках кузнецов агария, которые вместе со своими семьями всегда жили обособленно от земледельческих общин, хотя и не порывали полностью с земледелием. В добыче руды и выплавке железа здесь принимали участие и мужчины, и женщины. Но изготовлением изделий ведали исключительно мужчины¹⁹⁰.

Говоря об особенностях ранней металлургии, некоторые авторы пытаются проследить постепенное ее расчленение на ряд отдельных специализированных звеньев¹⁹¹. Судя по африканским и южноазиатским этнографическим данным, наиболее изученным, ранее всего особым родом занятий, доступным лишь немногим знатокам своего дела, стала металлообработка. Выше уже отмечалось, что добыча руды и получение слитков металла первоначально велись совместно всеми общинниками, включая женщин и детей. При этом либо они участвовали наравне на всех этапах таких работ, либо общедоступным был труд лишь рудокопов, а плавка руды осуществлялась более замкнутой группой. Но в любом случае все участники добычи руды получали по слитку сырого металла, для дальнейшей обработки которого требовалось обращаться к специалисту-кузнецу. По-видимому, именно кузнечное дело было первоначально монополизировано членами отдельных родов, а остальные звенья металлургического производства оставались доступными всем общинникам гораздо дольше.

Со временем в силу растущей сложности металлургического процесса, обучение которому чаще всего велось по родственной линии, занятие металлургией и металлообработкой все жестче связывалось с отдельными родами. При этом, как правило, знания передавались от отца к сыну или реже — от дяди к племян-

нику. Иногда, как у некоторых народов Конго, одновременно могло встречаться и то, и другое, причем мастер передавал сыну более глубокие знания, а племяннику оставлял после смерти весь кузнечный инвентарь.

Следующим шагом было превращение металлургов в замкнутую эндогамную касту. Это происходило потому, что мастерство металлообработки было окружено тайной, искусство кузнеца вызывало страх, и люди опасались давать им в жены своих дочерей (чагга Танзании); в других случаях, не имея скота, металлурги не могли заплатить традиционный брачный выкуп, и поэтому обычные невесты были им недоступны (динка Судана): наконец, часто металлурги находились на положении презируемой группы и тем более не могли породниться с другими общинниками. Впрочем, в обществах, где металлургия являлась высокопрестижным занятием, мастера могли и сами искусственно поддерживать свою обособленность, сохраняя секреты своего мастерства внутри узкого круга лиц.

Специализация и разделение труда среди металлургов шли по линии отделения добычи руды и выплавки металла от кузнечного дела (хайя Танзании), разделения на рудокопов-металлургов, специалистов по обработке криц и кузнецов (китара Уганды), отделения добычи руды, доступной всем общинникам, от выплавки металла, ведущейся уже особыми специалистами (джолуо Южного Судана), выделения из среды кузнецов искусных ювелиров, изготовлявших ценные престижные украшения. Иногда, как, например, у йеке Катанги, происходило отделение медников от мастеров черной металлургии. Проследить какую-либо строгую последовательность этих событий не удастся, так как у разных народов они наблюдались в разной очередности, причем вне жесткой связи с общим уровнем развития. Пока что возможным представляется лишь вывод о том, что, как правило, четкая дифференциация металлургического производства происходила лишь в предклассовых или даже раннеклассовых обществах. То же самое касается и возникновения замкнутых каст металлургов.

До сих пор речь шла об этапах эволюции металлургии внутри единого этноса. Однако наряду с этим встречался и другой путь, связанный с межэтническим разделением труда. Лучшее всего он известен в Восточной Африке, где специфика хозяйственной деятельности скотоводческих народов с их высокой потребностью в металле стимулировала развитие металлургии у более отсталых охотников и собирателей, которые, постепенно забрасывая свои прежние занятия и заимствуя металлургические навыки, все более превращались в замкнутые ремесленные касты (доробо среди масаев и др.). Иногда в то же положение попадали другие иноэтнические группы, вынужденные в силу каких-либо причин покинуть прежнюю территорию обитания (себеи среди племен календжин, окебо среди алуров и т. д.). Как правило,

отмеченные группы попадали в подчиненное положение от доминировавших на тех или иных территориях этносов.

Совершенно иная картина наблюдалась на Новой Гвинее, где некоторые группы западных папуасов еще в XVI в. заимствовали навыки черной металлургии у индонезийцев. Не имея своей металлургической базы, они импортировали железо с Молуккских о-вов и ковали из него длинные широкие ножи и наконечники копий, снабжая ими многие северные районы Ириан-Джайя. Лишь члены немногих избранных родов имели право заниматься металлообработкой, являясь одновременно колдунами и торговцами железными изделиями. Так, кузнецы и мореплаватели с о. Биак часто путешествовали в лодках от о. Тимора до границы с Папуа — Новой Гвинеей, обменивая свою продукцию на пищу¹⁹².

Интересный пример такого рода представляли и лохары-гадулия — одна из кочевых скотоводческих групп в Восточном Раджастане в Северной Индии. Они жили металлообработкой и продажей крупного рогатого скота, круглый год кочуя по определенным путям в повозках, запряженных быками. С середины марта до конца мая они обитали крупными общинами на базовых стоянках. В это время они обновляли и укрепляли свои социальные связи, заключали браки, организовывали праздники и одновременно снабжали металлом и скотом соседей-земледельцев. В конце мая это сообщество распалось на мелкие семейные группы, которые в течение июня работали в разных земледельческих поселках. В это время убравшие урожай озимых крестьяне нуждались в починке сельскохозяйственного инвентаря и могли щедро за это заплатить. Последнее представляло для лохаров большое значение, так как они должны были обеспечить себя запасами зерна перед близившимся трудным сезоном дождей. Осень лохары посвящали торговле крупным рогатым скотом, необходимым крестьянам для земледельческих работ, а зимой занимались в основном металлообработкой, передвигаясь из поселка в поселок, ремонтируя земледельческие орудия крестьян и продавая им волов. Так как кузнечная работа требовала участия 4—5 человек, то ею занимались все члены семьи — муж, жена и дети. Лохары обрабатывали главным образом железный лом с помощью горячейковки¹⁹³.

Рассмотренные данные позволяют сделать следующие выводы (не во всем согласные с встречающимися в археологической литературе концепциями). а) Профессионализация металлургов не являлась изначальной. Первым действительно профессиональным ремеслом стало кузнечное дело, тогда как другие отрасли металлургии еще долго оставались всем доступными занятиями. Профессиональная металлургия первоначально была уделом отдельных семей, а затем стала монополией отдельных родов («кланов»). Однако, вопреки мнению Е. Н. Черных¹⁹⁴, это вовсе не оз-

начало, что во втором случае мастера непременно селились обособленно от других общинников. Ведь, во-первых, даже в условиях монопольного владения секретами мастерства далеко не все члены рода становились ремесленниками, а во-вторых, в обстановке децентрализованных родов мастера и в этом случае жили в разных общинах, продолжая обслуживать их прежним способом. В ряде случаев ремесленники-сородичи даже стремились поселиться обособленно друг от друга в разных общинах, чтобы иметь постоянный спрос на свою продукцию. Поэтому нет оснований считать, что наличие отдельных мастерских ремесленников в поселках или единичных захоронений ремесленников в могильниках автоматически исключало вероятность существования особых ремесленных родовых групп. б) Окончательное отделение металлургии от сельского хозяйства происходило, как правило, только в раннеклассовых обществах, да и то не везде. Даже в том случае, когда сам кузнец переставал участвовать в земледелии, последним активно занимались его домочадцы. в) Становление и развитие металлургии было связано прежде всего не с внутриобщинным, а с межобщинным разделением труда. Ограничение сбыта рамками одной общины делало занятие ремеслом абсолютно бесперспективным.

Второй и третий выводы идут в разрез с появившейся у нас недавно концепцией «общинного ремесла», согласно которой ранние мастера-профессионалы обслуживали будто бы только свои собственные общины, якобы питаясь за их счет и получая вознаграждение из «общественных фондов»¹⁹⁵. г) Древнейшие металлургии работали на заказ, а рыночное производство возникло позже. Заказчики снабжали мастеров топливом, а иногда помогали им в работе и предоставляли сырье. д) Так как металлургия далеко не сразу отделилась от земледелия, первоначально труд металлургов имел сезонный характер и производился в период относительного затишья в земледельческих работах. е) Образ жизни металлургов в разных районах в связи с конкретной исторической ситуацией довольно рано перестал быть сколько-нибудь единообразным. В одних местах они жили оседло, обслуживая приходящих из округи заказчиков, в других они сами временно ходили по соседним поселкам, предлагая свои услуги или изделия на обмен. В одних случаях они временно посещали иноэтничные территории, снабжая их металлом, в других постоянно жили в иноэтничном окружении, иногда по образу жизни и системе хозяйства довольно сильно отличаясь от своих соседей.

Некоторые из отмеченных закономерностей выявляются и при изучении становления других ремесел, которые, однако, в своем развитии, как правило, запаздывают по сравнению с металлургией. Например, у камба, где металлургии уже работали на заказ, гончарство целиком оставалось в рамках домашнего промысла. Зато у кикую женщины из общин, которые находились рядом с

залежами высокосортной глины, занимались изготовлением горшков на рынок. У масаев глиняную посуду изготавливали лишь несколько женщин, которые снабжали ею остальное население, в том числе и иноплемеников, не порывая при этом с земледелием. Иногда женщины-мастерицы сами везли посуду на рынок, но чаще покупатели к ним приезжали сами.

Несмотря на товарный характер производства, техника гончарства оставалась примитивной, ручной, никаких специальных гончарных горнов не было.

Принципиально тот же характер имело гончарное производство у диола Южного Сенегала. Но там женщины занимались им после сбора урожая и использовали вращающийся столик — прототип примитивного гончарного круга. Возможно, поэтому производительность труда здесь была выше, чем у масаев: если у масаев за месяц женщина делала в среднем 10 сосудов, то у диола за три недели она могла изготовить их в 20 раз больше. У апатани Северо-Восточной Индии наблюдалась монополизация гончарного искусства четырьмя родственными группами («кланами») поселка Мичи-Бамин. Лишь входившие в них женщины могли им заниматься; иначе говоря, те из них, которые приходили сюда по браку, имели право научиться гончарству, а те, которые после замужества покидали поселок, обязаны были забыть это ремесло. Во многих случаях эволюция гончарства была связана с превращением его в мужское занятие, однако в некоторых раннеклассовых африканских обществах, например в излучине Нигера, гончарство было уделом жен кузнецов, причем в этом случае мужья и жены входили в разные ремесленные корпорации¹⁹⁶.

Зарождение ткацкого ремесла тоже было связано с женским трудом. Например, этим славилась женщины апатани, создававшие ткани не только для себя, но и для обмена с соседними горнами дафла. А иногда они даже временно селились среди дафла, работая на заказ и получая за это пищу и хлопок¹⁹⁷. Позже ткачество могло стать мужским наследственным ремеслом, как это произошло в некоторых раннеклассовых обществах в Конго.

Таким образом, как показывают широкие кросскультурные сопоставления¹⁹⁸, чем глубже оказывалась специализация труда, тем с большей силой проявлялась тенденция к монополизации таких видов труда мужчинами, причем даже в тех районах, где у этносов с менее выраженной специализацией эти работы делали женщины.

Если во многих районах мира ремесленная специализация была связана первоначально с металлургией, то отсутствие последней вряд ли могло принципиально изменить ход второго крупного общественного разделения труда. Так, у майя оно выдилось в выделение мастеров-ювелиров, скульпторов и каменотесов, гончаров, мастеров по деревообработке, корзинщиков, спе-

специалистов по обработке раковин, кремня и обсидиана и т. д.¹⁹⁹ А в Полинезии, где отсутствовала не только металлургия, но и гончарство, появились мастера-лодочники, костерезы, изготовители тапы и плетеных изделий, а на Гавайях при дворе вождя имелся даже специалист-«архитектор».

Иногда ремесленная специализация могла охватить целые поселки или отдельные племенные группы. Так, у хайнаньских ли внутриобщинного разделения труда практически не было, но зато каждая племенная группа славилась какими-либо изделиями: одна — вышивкой, другая — изготовлением рыболовных сетей и гончарством, третья — производством головных уборов, плетеных изделий и стульев. Сходная ситуация наблюдалась в некоторых районах Юго-Восточной Азии и Конго, причем, как бы развиты ни были ремесла, они повсюду оставались у населения вторым занятием после земледелия²⁰⁰.

В условиях интенсивного обмена домашние промыслы в ряде случаев не только не превращались в ремесло, но даже отмирали. Так, у кхаси, одного из наиболее развитых народов Северо-Восточной Индии, ремесло отличалось наименьшим уровнем специализации. Аналогичным образом куба Конго, хотя и знали гончарство, предпочитали выменивать посуду у соседей. По-видимому, именно в таких отношениях с соседями состояли носители триалетской культуры в Закавказье во второй половине III — начале II (первой половине II) тыс. до н. э., когда здесь отмечался резкий упадок собственного ремесла, хотя процесс социальной дифференциации нарастал. В такой ситуации потребности более развитых народов в ремесленных изделиях могли ускорить процесс становления ремесла у отсталых соседей.

Какое место мастера-специалисты занимали в жизни общества? Вопрос этот приобрел особую актуальность с тех пор, как А. Фробениус, а за ним и У. Клайн показали, что во многих восточноафриканских обществах металлургии имели особенно низкий статус, к ним относились с презрением, а в Конго и в Западной Африке они занимали высокое социальное положение и пользовались всеобщим уважением. Позже Р. Форбес нашел сходную картину в ряде районов Азии, и дуализм в отношении к мастерам стал рассматриваться как универсальное явление²⁰¹. Пытаясь выявить исторические корни такого отношения, Д. А. Ольдерогге предположил, что в Африке положение уважаемых прежде кузнецов, тесно связанных с культом предков, круто изменилось после принятия ислама, нанесшего этому культу сокрушительный удар. Однако это объяснение оказалось недостаточным, так как в Восточной Африке кузнецы нередко являлись презираемой кастой и там, куда влияние ислама не докатилось. По мнению М. Роуллендса, кузнецов уважали прежде всего там, где металлургическая традиция имела более глубокие корни. Но

в Восточной Африке металлургия возникла не позднее, чем в Западной, и даже раньше, чем в Южной.

По-видимому, ближе к истине стоит точка зрения тех исследователей, которые подчеркивают, что приниженное положение ремесленников отмечается именно там, где их касты восходят к родо-племенным группам бывших охотников и собирателей, к иноэтничным группам населения или к обедневшим местным родам. Эта картина отмечалась не только в Африке, но и в Аравии²⁰². Униженное положение испытывали прежде всего те ремесленники, которые относились к более отсталым по сравнению с доминирующим этносом группам или же к группам, считавшимся низкими в силу иного культурного облика. Так, в скотоводческих районах Восточной Африки металлургия, как правило, не имели скота, символизирующего здесь высокий престиж и богатство, и скотоводы относились к ним с презрением. Видимо, то же самое происходило в Центральной Индии, где часть этноса, начавшая заниматься металлургией, моментально выделялась в особую социальную единицу, получая приниженный статус агария. Однако ничего подобного не отмечалось у ряда земледельческо-скотоводческих народов Африки, где металлургов, напротив, уважали.

Есть все основания предполагать, что древнейшие специалисты-металлурги пользовались высокой репутацией, основанной на владении ими тайнами мастерства, которое связывали с общением со сверхъестественными силами. И не случайно древние металлурги нередко считались колдунами и специалистами в области магии. Дифференцированное отношение к ним возникло позже, после превращения ремесленников в замкнутые касты, проявлявшие сильную тенденцию к эндогамии. В некоторых случаях эти касты занимали приниженное положение.

Однако, очевидно, более нормальной для позднепервобытных апополитейных обществ была противоположная картина, когда ремесло становилось уделом знатных семей. Это сплошь и рядом встречалось в Великой саванне в Африке, где металлургией занимались прежде всего вожди и их ближайшие родичи или представители других знатных семейств. Там же кузнецы владели иногда и другими ремеслами: резьбой по дереву, выделкой одежды и т. п. По словам Ю. М. Кобищанова, «кузнечное и шорное дело, изготовление деревянных изделий и скульптур, ткачество, профессиональная музыка были в бантуской, центральной и южной частях Западной Африки привилегией правящей верхушки общества»^{202а}. Местные царьки нередко должны были публично показывать свое искусство в кузнечном деле, и по преданию многих африканских народов, создателями древнейших государств были именно кузнецы.

Легенды индейцев северо-запада Северной Америки также отождествляли кузнеца, богача и вождя, причем местами (у хай-

да) вожжи здесь до недавнего времени занимались обработкой меди и являлись искусными резчиками по камню, дереву, кости и т. д. В вождествах Панамы золотокузнецы входили в состав знати, а кое-где этим ремеслом занимались и сами касики.

Еще в раннем средневековье многие короли Западной и Северной Европы занимались кузнечным делом. В шанском Китае металлурги являлись одной из наиболее привилегированных социальных групп и обслуживали лишь правителя, знать и дружину. А в Месопотамии центрами развития ремесла служили храмы, что само по себе свидетельствует об особом значении ремесленного производства. Аналогичный статус ремесло имело во многих развитых районах Полинезии, где знать, почти полностью порвав с сельскохозяйственным трудом, продолжала активно участвовать в ремесленном производстве. Кое-где существовали даже чисто аристократические ремесла. Так, на Тонга только знать занималась строительством лодок и резьбой по китовой кости; женщины знатных семей здесь выделывали тапу, изготовляли плетеные изделия и гребни, а материал для них предоставляли женщины из простонародья²⁰³.

Конечно, было бы неверным представлять дело так, что древнейшим ремеслом повсюду занимались только вожжи или их ближайшие родичи. Однако кажется вполне правдоподобным, что в период классового образования первичное ремесло (т. е. возникшее самостоятельно, а не привнесенное извне) часто являлось уделом выдающихся людей, игравших значительную роль в социальной жизни. Наряду с колдунами, искусными воинами, богатыми земледельцами и скотоводами, эти люди составляли ту верхушку общества, из которой происходили вожжи. Понимая те выгоды, которые несло ремесло в период интенсивного развития обмена и престижной экономики, знатные семьи почти повсюду стремились его монополизировать, что и приводило к сложению ремесленных каст, и прежде всего металлургов. Именно в этот период, осознав большую экономическую и социальную силу ремесла, вожжи стремились монополизировать его или, во всяком случае, не выпускать из-под своего контроля²⁰⁴.

Так, у хайя в Танзании некоторые кузнецы, происходившие из родов металлургов, должны были пожизненно обслуживать вождя и его двор, а другие металлурги обязаны были платить ему налог сырым металлом или готовыми изделиями за право добывать руду и жечь уголь в лесу. Здесь по своему влиянию металлурги занимали второе после вождей место. У азанде Центральной Африки кузнецы обладали высоким престижем, их не принуждали обрабатывать царские земли, подобно другим общинникам, но зато им вменялось в обязанность снабжать царский двор металлическими изделиями. В некоторых ранних государствах Западной Африки военная сила и политическая власть были связаны с железоделательным производством, и местные

правители стремились осуществлять жесткий контроль над ним. В частности, одной из целей войн здесь был захват иноэтничных кузнецов, которые должны были обслуживать местных правителей, получая за это значительные привилегии²⁰⁵.

С распространением металла и дифференциацией металлургического производства контроль знати над металлургией мог несколько ослабеть. Так, в ранних государствах Мезоамерики и Центральных Анд лишь ювелиры работали преимущественно для знати, а кузнецы могли обрабатывать медь и бронзу и для простых общинников. То же наблюдалось и в истории других ремесел. Например, у луба в Конго со временем появились особые мастера (бвана мутумбо), которые обслуживали только потребности знати, создавая для них такие ритуальные и престижные вещи, как скамеечки, табуреты, маски, амулеты, жезлы. При этом повсюду с земледелием порывали в первую очередь именно те ремесленники-профессионалы, которые обслуживали вождя и его двор и получали там за это пищу. Кое-где вожди могли наделять их земельными участками, обрабатываемыми рабами, но, как правило, это происходило уже в условиях ранней государственности.

Так, в Южной Месопотамии процесс выделения профессиональных ремесленников завершился еще к середине IV (концу IV) тыс. до н. э. Но и на протяжении III тыс. до н. э. они не столько продавали свои изделия, сколько сдавали их храму или во дворец, получая за это продукты или наделы земли. Ремесленники, работавшие при дворцах у ацтеков, также либо кормились из дворцовых запасов, либо пищу им поставляли рабы²⁰⁶.

Иногда считается, что процесс становления ремесла был тесно связан с развитием производящего хозяйства и наблюдался только в земледельческо-скотоводческих обществах. На самом деле он был присущ и высокоразвитым обществам рыболовов, охотников и собирателей. Так, все рассмотренные выше стадии обособления ремесла встречались в прошлом у различных народов Калифорнии. Там в некоторых обществах занятия ремеслом было связано с личным талантом, в других передавалось наследственным путем, в третьих имелись особые корпоративные группы ремесленников, вступление в которые требовало внесения высокой платы. Некоторые мастера, например создатели первобытных раковинных денег у помо, уже не участвовали в непосредственном производстве пищи, получая ее в обмен на свои изделия. В других случаях богачи использовали на тяжелых хозяйственных работах рабов, а сами занимались изготовлением предметов роскоши. Во многих калифорнийских обществах мастера по изготовлению луков, плетеных изделий, украшений из раковин, гончары и др. наряду с вождями и колдунами составляли высший привилегированный слой. По статусу они находились ниже вождей, но выше простых общинников, и их защищали особые ре-

лигиозные нормы, у них были свои духи-покровители и тайные общества. Как правило, эти мастера обитали в крупных центральных поселках и обслуживали прежде всего потребности других представителей знати²⁰⁷.

В процессе вызревания классового общества, с дальнейшей дифференциацией сфер деятельности знать, узурпировав функцию управления, постепенно отказывалась от менее выгодных, с ее точки зрения, занятий. Так, со временем, как подчеркивает Ю. М. Кобищанов, она отказалась от ремесла, хотя и продолжала его контролировать. При этом ремесло становилось уделом не связанных с ней родственными узами общинников, иноплеменного зависимого населения, а иногда и рабов.

Что могут рассказать археологические данные о древнейших этапах становления ремесла? Археологически процесс формирования ремесла и его особенности могут фиксироваться по очень разным показателям: развитие специфической более или менее сложной технологии, появление специализированных мастерских и их пространственное расположение по отношению к другим постройкам, характер сырьевой базы и особенности транспортировки сырья, облик готовой продукции и специфика ее использования, наличие погребений мастеров-профессионалов или хранилищ готовых изделий, характер обмена и т. д.²⁰⁸

Об особенностях развития металлургической техники выше уже писалось. Рассмотрим теперь важнейшие этапы эволюции гончарства, связанные прежде всего с совершенствованием гончарных печей и появлением гончарного круга²⁰⁹. Возникновение специальных гончарных горнов способствовало улучшению обжига сосудов и, следовательно, позволяло расширить ассортимент, а кроме того, создавало предпосылки для развития массового производства. В древнейший период сосуды обжигались в простых ямах, качество обжига было низким, и самая ранняя посуда не могла использоваться для жидкостей. Древнейшие печи зафиксированы в Передней Азии в VII (VI) тыс. до н. э. в Анатолии (Чатал-Гуюк), Северной (Ярым-Тепе 1) и Средней (Телле эс-Савван) Месопотамии. Уже во второй половине VII — начале VI (второй половине VI) тыс. до н. э. в поселках хассунской культуры имелись довольно сложные двухъярусные печи. В неолитических поселках Закавказья в VI — начале V (в V) тыс. до н. э. керамику обжигали в архаических корытообразных ямах, а в следующем тысячелетии здесь кое-где появились двухъярусные печи (Аликемек-тепеси).

Крупные гончарные горны в энеолите имелись и на Балканах (Караново, Овчарово), и, видимо, с ними были генетически связаны двухъярусные гончарные печи триполья, появившиеся там в среднюю фазу, в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. В Южной Туркмении древнейшие горны, известные с позднего энеолита, отличались первоначально меньшим совер-

шенством. Они представляли собой горизонтальные двухкамерные печи, и лишь позже, в бронзовом веке, здесь появились более эффективные двухъярусные сооружения.

Таким образом, в VI—IV (V—IV) тыс. до н. э. гончарные горны широко распространились от Балкан и Северо-Западного Причерноморья до Южной Туркмении и Афганистана. Об их эффективности свидетельствует тот факт, что, если самая ранняя керамика обжигалась на костре очень неравномерно при температуре 500—800°, то лучшие образцы сосудов VI—IV (V—IV) тыс. до н. э. свидетельствуют о строго регулируемом обжиге при температуре 800—900° и даже 1000°.

В Восточной и Юго-Восточной Азии печи для обжига появились также рано. В поселке Баньшо эпохи яншао в Китае был обнаружен целый комплекс таких печей горизонтального плана, а во Вьетнаме древнейшие гончарные печи появились во второй половине IV (в III) тыс. до н. э.

Гончарный круг также оказал большое влияние на керамическое производство, способствуя прежде всего массовости и стандартизации продукции. Древнейший гончарный круг медленного вращения появился в Месопотамии и Иране в конце VI — первой половине V (во второй половине V) тыс. до н. э., а в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э. гораздо более совершенный круг широко распространился на Ближнем и Среднем Востоке от Палестины до Афганистана и Белуджистана. В Закавказье он появился, возможно, со второй половины IV (в III) тыс. до н. э., но был еще весьма архаичным и применялся мало. К середине III (концу III) тыс. до н. э. столь же примитивный круг использовался на Северном Кавказе посетителями майкопской культуры. В Южной Туркмении гончарный круг стал известен с середины III (рубежа III—II) тыс. до н. э.

Замечательным открытием последнего времени было установление факта использования высокопроизводительного гончарного круга энеолитическим населением Балкан, особенно в районе Варны. Это еще раз свидетельствует о высоком уровне развития балканских обществ во второй половине V — первой половине IV (в IV) тыс. до н. э. Поэтому кажется не лишним основания предположение Т. Г. Мовши о том, что и трипольские мастера в поздний период могли быть знакомы с гончарным кругом. Упадок энеолитических культур на Балканах привел и к временному исчезновению здесь гончарного круга, однако на протяжении второй половины IV (первой половины III) тыс. до н. э. его использование постепенно возродилось.

В Северном Китае архаичный тип гончарного круга — поворотный столик — был известен еще гончарам яншао, но они пользовались им довольно редко. С течением времени его применение становилось все более регулярным (Мяодигоу II, Хуатин и т. д.), а в ряде районов (культура хоуган II в Хэнани и классический

луншань Шаньдуна) в третьей четверти III (начале II) тыс. до н. э. на круге изготовлялась уже половина всей посуды.

В низовьях Янцзы и в Гонконге круг стал использоваться для изготовления некоторых видов сосудов еще в первой половине IV (второй половине IV) тыс. до н. э., причем в Гонконге это отмечалось у развитых рыболовов, охотников и собирателей. Но в широкий обиход мастеров-ремесленников круг вошел здесь в первой половине III (второй половине III — начале II) тыс. до н. э.

Во Вьетнаме поворотный столик начали использовать в позднем неолите во второй половине IV (в III) тыс. до н. э., а бóльшая часть посуды местной культуры раннего бронзового века (фунгнгуен) уже носила следы применения настоящего гончарного круга.

Таким образом, вопреки распространенному одно время мнению, гончарный круг в различных районах мира возник достаточно рано, задолго до появления классового общества. Поэтому, отмечая определенный технический прогресс, связанный с его изобретением, следует всегда учитывать его конкретный тип и обстоятельства, в которых он применялся. Как считает Э. В. Сайко, основные технические изменения в гончарном производстве произошли не тогда, когда впервые начали использовать архаичский гончарный круг, а в тот момент, когда появился круг быстрого вращения, ибо только последний обеспечивал ощутимую массовость производства. По ее данным, введение такого гончарного круга повысило производительность труда не менее чем в 6—8 раз²¹⁰.

Было бы неверным связывать становление гончарного ремесла с неперенным наличием обжигательных горнов и гончарного круга. На большей части территории Африки ни того, ни другого не было, и тем не менее, как отмечалось выше, здесь наблюдалось производство посуды на рынок, а следовательно, существовало настоящее ремесло. То же самое происходило в наиболее развитых районах Америки. Так, о высокой специализации гончарного производства в Мексике в долине Оахаки во второй половине I тыс. до н. э. свидетельствуют большие скопления керамического брака и разнообразие типов сосудов. Но древнейшие гончарные горны возникли здесь, на склонах Монт-Альбана, лишь в начале второй половины I тыс. н. э., когда период классового разложения уже давно завершился. Традиционное мексиканское гончарство включало и использование поворотного столика, который в руках искусных мастеров мог работать не хуже гончарного круга. Но время его возникновения археологически еще не установлено. Вопреки устоявшимся представлениям, кое-где в Америке был известен и настоящий гончарный круг. Следы его применения недавно были обнаружены на побережье Перу в контексте культуры рекуай середины I тыс. н. э. Но, во-первых, тогда здесь

уже существовало раннеклассовое общество, а во-вторых, наличие гончарного круга, служившего здесь узким целям производства сугубо ритуальных сосудов, не могло отразиться на технологии массового производства.

Что можно сказать об эволюции организации мастеров-ремесленников по археологическим данным? По-видимому, наличие отдельных мастерских, располагавшихся на территории поселка, свидетельствует либо о выделении мастеров-умельцев, занимавшихся ремеслом независимо от своей родовой принадлежности, либо о деятельности членов децентрализованных родов, широко рассеянных по разным поселкам. Такого рода мастерские (металлургические, кремнеобрабатывающие, ткацкие и т. д.) были известны на Балканах, в Северо-Западном Причерноморье и в Испании на протяжении энеолита, в Южной Туркмении и Северном Пакистане в позднем энеолите, на Кавказе и в Северной Европе в раннем бронзовом веке и т. д. Первоначально добыча руды и выплавка металла велась коллективно целыми общинами (Тимна, Уэльва и т. д.), а полученные слитки обрабатывались в поселках специальными мастерами. Очевидно, более сложная организация производства была необходима при транспортировке не слитков, а руды за многие десятки километров от копей до места выплавки металла. Во всяком случае, это требовало эффективного транспорта, так как выплавленная медь весила в 40 раз меньше, чем содержащая ее руда. Такие перевозки, как отмечалось выше, кое-где были известны еще в энеолите.

Со временем ремесленники обособлялись в отдельные замкнутые касты, и, видимо, отражением этого служило их совместное расселение либо особым кварталом на территории поселка, либо группой за его пределами. Наиболее ранний такой гончарный квартал обнаружен в Северной Месопотамии в халафском поселке Ярым-Тепе II. Сходный процесс хорошо прослежен в Северо-Западном Причерноморье, где к середине IV (концу IV) тыс. до н. э. кое-где отмечалось скопление гончарных горнов на окраинах поселков, а во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э. уже появились целые скопления таких горнов за пределами поселков. Так возникли мощные гончарные центры, снабжавшие целую округу. На Кавказе ремесленные мастерские (металлургические, гончарные, кремнеобрабатывающие) начали располагаться за пределами поселков с конца II (рубежа II—I) тыс. до н. э. В Южной Туркмении квартал ремесленников-гончаров возник в Алтын-депе в эпоху бронзы. А в Северном Китае эта ремесленная организация была известна еще в эпоху яншао: в восточной части поселка Баньло был обнаружен целый гончарный квартал, содержащий не менее 6 печей для обжига.

Кое-где отмечалась ремесленная специализация целых поселков. На территории СССР она хорошо изучена в трипольской культуре, где некоторые общины, обитавшие недалеко от выходов

высококачественного кремня, постепенно начали снабжать кремневыми изделиями довольно значительные области. Со временем в таких поселках (Незвиско III, Поливанов Яр и др.) возникли крупные специализированные мастерские, занимавшиеся первичной обработкой кремня, но окончательная выделка орудий велась общинниками в собственных жилищах, где иногда встречались целые клады каменных заготовок²¹¹. Именно с такой общинной специализацией следует связывать термин «общинное ремесло». По-видимому, аналогичная картина организации камнедобывающего и камнеобрабатывающего ремесла наблюдалась во второй половине IV (первой половине III) тыс. до н. э. в Южной Азии, где изучена огромная мастерская Леван-Дар-Дариз, снабжавшая каменными изделиями (кольцами, шлифованными топорами, молотами, терочниками) многие поселки долины Инда²¹².

Иногда удается проследить устойчивую связь развития ремесла с процессом образования городов, а следовательно, и с усилением контроля за ним со стороны знати. Так, если в третьей четверти V (начале IV) тыс. до н. э. в Сузиане гончары имелись в каждом небольшом поселке, то в дальнейшем основную часть керамики давали ремесленники только крупных центров (Сузы, Чога-Мами), откуда сосуды распространялись в маленькие поселки. В долине Оахаки в Мексике аналогичный процесс происходил во второй половине I тыс. до н. э.: если до этого лишь одна из пяти гончарных мастерских локализовалась в местном вождеском центре (Монт-Альбан), то теперь — четыре из шести. В обоих рассмотренных случаях наблюдалось упрощение и стандартизация посуды, но в крупных центрах она все же отличалась большим разнообразием, чем в мелких поселках²¹³. То же наблюдалось в I тыс. н. э. в излучине Нигера, где бурно шел процесс образования городов. Там в мелких поселках (до 500 кв. м) металлургические мастерские отсутствовали, в средних (1–5 га) — встречались нерегулярно, а в крупных (более 5 га) они были постоянной неотъемлемой чертой²¹⁴. В еще большей степени связь ремесла с вождескими центрами фиксировалась во второй половине IV — первой половине III (в III) тыс. до н. э. в различных причерноморских районах, где мастерские регулярно встречались внутри каменных крепостей, тогда как простые общинники обитали за пределами крепостных стен.

О большом влиянии на раннее развитие ремесла интересов формировавшейся знати свидетельствует сам набор изделий, связанных прежде всего с социально-престижной сферой и религиозными ритуалами (пышные украшения, дорогое оружие, ритуальные предметы, богатая посуда и т. д.). Именно в эпоху энеолита и бронзы необычайного размаха достигло производство неутилитарных предметов, предназначенных для ритуального уничтожения. В это время многие высокохудожественные изделия изготавливались специально в качестве погребального инвентаря или

для захоронений в кладах. Например, в богатых могилах варненского некрополя (Болгария) специалисты обнаружили множество каменных, кремневых и металлических изделий без каких-либо следов предварительного использования. А некоторые вещи здесь вообще были непригодны для использования: известняковый топор с золотой рукояткой и водонепроницаемые сосуды. Многочисленные вещи ритуально-престижного назначения были найдены в Европе в могилах культуры колоколовидных кубков, причем именно они определяли облик этой культуры. Интересам знати служило и ювелирное дело, достигшее довольно высокого уровня в Закавказье в конце III—II (во II) тыс. до н. э.

Кем были древние ремесленники и какой образ жизни они вели? К сожалению, имеющихся данных все еще недостаточно для однозначного ответа на этот вопрос. И все же кое о чем можно догадываться, опираясь на такой источник, как древние погребения. В частности, можно попытаться решить проблему, поставленную еще В. Г. Чайлдом: были ли древнейшие металлурги детрибализованным бродячим населением?

Пожалуй, древнейшими из известных могил ремесленников являются погребения литейщиков тисаполгарской культуры (энеолит Венгрии)²¹⁵. Они были связаны с самым богатым локальным вариантом этой культуры; в этих погребениях обнаружено наибольшее число погребального инвентаря, в частности керамики. И только среди материалов этого варианта были встречены золотые украшения и ритуальные медные топоры-молоты. Их владельцы жили в горах, занимались металлообработкой и добычей разнообразных полезных ископаемых и снабжали ими остальное население тисаполгара. Следовательно, мастера литейщики жили среди своих соплеменников. Речь могла идти о корпоративном ремесле, хранившемся в тайне от остального населения этой культуры. Таким образом, мастера здесь не являлись ни детрибализованными, ни бродячими и, очевидно, имели высокий престиж и принадлежали к слою формировавшейся знати.

Древнейшие погребения металлургов на территории СССР также относятся к эпохе энеолита. Они были недавно обнаружены на левобережье Днепра в могильниках второй половины V — первой половины IV (IV) тыс. до н. э. Интересное исследование по установлению статуса мастеров металлообработки предпринял В. С. Бочкарев. Изучив их известные погребения в различных культурах бронзового века Восточной Европы второй половины III — начала II (первой половины II) тыс. до н. э. (катакомбная, полтавкинская, абашевская, фатьяновская), он пришел к выводу о том, что эти мастера были строго связаны с той или иной культурой и, следовательно, не являлись детрибализованным бродячим населением. Правда, исследователь строил свои соображения на минимальном круге источников, так как в изучен-

ных им могильниках встречались лишь единичные погребения мастеров, что допускает и иную трактовку. Так, по Е. Н. Черных, в полтавкинских погребениях литейщиков встречались своеобразные вещи, что как будто бы позволяет говорить о большой обособленности кузнецов и литейщиков от остального населения. Установив, что в ямно-полтавкинском ареале, используя местные приуральские рудные месторождения, мастера продолжали создавать изделия по типу кавказских, Е. Н. Черных предполагает миграцию сюда значительного числа металлургов-литейщиков с Кавказа.

Однако в ходе широкого обследования позднеямных и катакомбных могильников Нижнего Подонья и степного Крыма С. С. Березанской удалось обнаружить гораздо больше погребений кузнецов и литейщиков, чем имел в своем распоряжении В. С. Бочкарев. В Предкавказье аналогичную работу проделал В. П. Шилов. Полученные данные показали, что мастера как будто бы являлись носителями местных культурных традиций²¹⁶. О том же говорят немногочисленные аналогичные погребения в европейской культуре колоколовидных кубков²¹⁷, что свидетельствует против выдвинутого В. Г. Чайлдом тезиса о бродячих металлургах и торговцах. И все же данных еще слишком мало, и они нередко весьма противоречивы, чтобы в настоящее время можно было окончательно решить эту спорную проблему. Ясно, что картина ранней металлургии была достаточно сложной, как совершенно справедливо подчеркивает в своих работах Е. Н. Черных: в одних районах активно трудились местные мастера, в других металлические изделия импортировались извне, наконец, в третьих могла идти речь о деятельности пришлых иноэтничных металлургов.

Как бы то ни было, в эпоху бронзы мастеров-металлургов в Европе было не так уж мало. По данным В. С. Бочкарева, из 200 полтавкинских погребений в Поволжье 3 принадлежали литейщикам. С. С. Березанская называет более высокую цифру: 10—12 могил кузнецов из 256 катакомбных погребений в Нижнем Подонье и 6—7 из 170 в степном Крыму. В целом это не такой уж низкий процент, если учесть, что в 1945 г. у апатани Северо-Восточной Индии на 10 тыс. человек приходилось лишь 3 кузнеца.

Помимо мастеров-металлургов, в середине III (на рубеже III—II) тыс. до н. э. в степной полосе Восточной Европы (позднеямная, предкавказская и катакомбная культуры), а также в Центральной и Западной Европе (культура колоколовидных кубков) выделялись такие специалисты, как изготовители стрел, кожевники, плотники, костерезы, что нашло отражение в особенностях погребального инвентаря. Некоторые из этих профессий пользовались особой популярностью. Например, могилы мастеров по изготовлению древков и наконечников стрел на

Южной Украине встречались в 3—4 раза чаще, чем погребения кузнецов и литейщиков. Иначе говоря, этим ремеслом владел почти каждый мужчина. И хотя искусство металлургии было распространено не столь широко, приведенные цифры, возможно, позволяют предполагать, что и здесь еще не наблюдались каких-либо кастовых перегородок. К тому же выводу ранее пришел Е. Н. Черных, руководствовавшийся иной логикой рассуждения.

В Восточной Европе погребения мастеров эпохи бронзы нередко выделялись среди других своим богатством. Это было характерно также и для культуры колоколовидных кубков. Как теперь установлено, здесь все погребения мастеров содержали особые престижные предметы (прежде всего сами кубки), следовательно, были связаны с представителями формировавшейся знати. В Великобритании погребения ремесленников (кузнецов и кожевников) наряду с могилами воинов относились к наиболее богатым захоронениям. Однако в Центральной и Северо-Западной Европе погребения мастеров значительно отличались от богатых захоронений. А значит по социальному статусу мастера занимали промежуточное положение между простыми общинниками и вождями (в отличие от первых примеров, где их престиж мало чем уступал самим вождям). Богатый инвентарь, встреченный в могилах мастеров-ювелиров в иранском поселке Шахрисохта второй половины IV (первой половины III) тыс. до н. э., также свидетельствует о привилегированном статусе этих ремесленников.

К такому же выводу о связи ремесленников со слоем знати можно прийти, анализируя археологические данные из Мезоамерики. В долине Оахаки в Мексике остатки ремесленного производства были обнаружены в крупном поселке Сан-Хосе-Маготе первой четверти I тыс. до н. э. Прежде всего это были следы производства магнетитовых зеркал, широко распространенных в это время по долинам вплоть до Мексиканского залива. Интересно, что в тех же домах производилась обработка раковин и слюды и там было встречено много престижных вещей, полученных путем дальнего обмена, например высоко ценящиеся обсидиановые пластины. Все это позволяет считать исследованные жилища домами представителей знати, усиленно занимавшихся производством престижных изделий и активно участвовавших в дальнем обмене.

В других местах Мексики удалось проследить постепенное возрастание контроля со стороны знати за ремесленниками, обрабатывавшими обсидиан, который с течением времени все чаще использовался для производства престижных ценностей²¹⁸.

Напротив, ремесленники-гопчары Южной Туркмении (Алтын-деле) в раннем бронзовом веке жили в большой бедности. Но зато орудия для металлообработки встречались здесь как в бедных, так и в богатых кварталах. В целом это соответствует

этнографическим данным о том, что гончарство в гораздо меньшей степени было связано с престижной экономикой, чем металлургия.

Обмен и его особенности в предклассовых обществах

Предклассовый период, как было показано выше, характеризовался подъемом сельского хозяйства, увеличением плотности населения и упрочением оседлого образа жизни многих земледельческих обществ. Одновременно кое-где началась скотоводческая специализация, хотя эти скотоводы и не порвали еще с земледелием. Специфика отдельных культурно-хозяйственных типов была выражена достаточно ярко, а объем производства, связанного с ними, прогрессивно увеличивался. Все это уже само по себе обуславливало развитие обмена между группами, специализировавшимися в том или ином виде хозяйства. Известно много примеров такого обмена, существовавшего между земледельцами, скотоводами, рыболовами и охотниками.

Обмен в предклассовый период представлял собой весьма сложную картину, так как его характер сильно различался в зависимости от его организации (личные связи или рынок), субъектов обмена (родичи или неродичи, соплеменники или иноплеменники, общины или отдельные индивиды и пр.), объектов обмена (пища, сырье, ремесленные изделия), принадлежности обменивающихся сторон к тем или иным хозяйственно-культурным типам, целей обмена и т. п. Особенно обмен усилился с развитием ремесленного производства. Как писал Ф. Энгельс, «с разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена — товарное производство»^{218а}.

Не вдаваясь в излишние детали, приведем несколько примеров, свидетельствующих о многообразном характере обмена в изучаемую эпоху. Одной из фундаментальных его предпосылок было разнообразие географических условий, усугубленное значительно усилившейся специализацией отдельных групп. Выше уже отмечалось нарастающее разделение носителей производящего хозяйства на преимущественно земледельческие и преимущественно скотоводческие группы. С самого начала между ними возник интенсивный обмен сельскохозяйственной продукцией, значение которого еще более возросло с тех пор, как земледельцы стали испытывать нужду в рабочем скоте и шерсти для ткачества, а у все более специализировавшихся скотоводов возросла потребность в зерне и ремесленных изделиях. Если одни группы отдавали предпочтение разведению скота, то другие при наличии особо благоприятных условий могли направить все силы на развитие рыболовства. Так, лабинза в Северо-Западном Заире с по-

мощью ряда технических усовершенствований добились высоких уловов, позволявших им не только обеспечивать рыбой себя и свои семьи, но и вести активный обмен с соседними земледельцами. У баротсе (лози) Западной Замбии в зависимости от природной обстановки разные группы населения выращивали разные культурные растения, которые также служили предметом обмена.

Вместе с тем в целом земледельцы, как правило, были способны обеспечить себя пищей самостоятельно, и более важное значение для них имел обмен ремесленными изделиями и сырьем для их производства. У тех же баротсе гончарством занимались прежде всего в речной долине, богатой подходящей глиной, а корзины и деревянную посуду изготовляли обитатели окраинных лесов. Кроме того, отдельные племена поставляли в обмен воск для починки деревянных изделий, металлические мотыги, топоры и кося, циновки, лодки-долбленки и т. д. А леле Заира в обмен на искусно выделанные ими ткани получали от соседей калебасы, керамику, железо, медь и растительные красители.

Носители производящего хозяйства вели также активный обмен с охотниками, рыболовами и собирателями. Они поставляли им разные виды сельскохозяйственной продукции (зерно, скот и пр.) и ремесленные изделия (металлические, керамические, деревянные вещи и т. д.), получая взамен мясо диких животных, ягоды, мед, рыбу, древесину, целебные травы и т. д. Иногда этот обмен достигал таких масштабов, что большая часть материальной культуры охотников и собирателей состояла из вещей иноплеменного происхождения, как это произошло у пигмеев мбути в Заире. Кое-где, получая от соседей железо, охотники и собиратели учились сами обрабатывать его способом холоднойковки, что отмечено у хадзапи и пигмеев-бинга в Африке, пуанов Саравака и т. д. В дальнейшем такие тесные отношения между охотниками-собирателями и земледельцами-скотоводами могли привести к превращению первых в особую ремесленную касту (кузнецы, кожевники, плотники и пр.). В качестве примеров таких каст назовем тумаль, йибир и мидган в Сомали, fuga в Юго-Западной Эфиопии, хаддад в Чаде.

Обмен пищей у высших охотников, рыболовов и собирателей имел свои специфические особенности. Так, у помо в Центральной Калифорнии каждая община в целом, как правило, сама обеспечивала себя пищей, но в силу географического положения некоторые виды пищевых ресурсов (определенные виды пресноводной рыбы, лосось, желуди и пр.) она вынуждена была выменивать у соседей. Один-два раза в год обитатели внутренних районов отправлялись на побережье за дарами моря, а прибрежные жители время от времени уходили для обменных операций в глубь материка. Обменные пиры у помо устраивались особым образом, типичным для охотников и собирателей. Если общине

посчастливилось собрать высокий урожай желудей или добыть большой улов рыбы, она приглашала соседей для его дележа. При этом ожидалось, что соседи заплатят за гостеприимство соответствующим числом связок раковин, служивших здесь символом богатства и высокого престижа и выполнявших роль своеобразного обменного эквивалента.

У индейцев северо-западного побережья Северной Америки обмен нередко имел иной характер. Здесь его вели не столько для получения пищевых ресурсов, сколько ради приобретения отдельных ремесленных изделий и сырья для производства (лодки, циновки, шкуры животных, медь и т. д.). Об интенсивном обмене, существовавшем в этих районах, свидетельствует распространение особого торгового жаргона («чинук»).

Для получения ремесленных изделий в предклассовый период люди должны были обращаться к специалистам-мастерам, родственникам или неродственникам (соплеменникам или иноплеменникам). Как видно на примере леле Заира, мастера снабжали родственников продуктами своего труда в силу родственных обязательств за незначительную, чисто символическую плату. Так, за свое изделие мастер получал от родственников 1—2 куска материи, а от чужака — до 50—100 кусков. Это свидетельствует против уже упоминавшейся выше концепции «общинного ремесла». В случае обмена между людьми, не состоявшими в родстве, на первый план выступали отношения партнерства, которые, как и прежде, являлись в предклассовый период характернейшей чертой обмена. Наивысшей степени близости отношения партнерства достигали в побратимстве, связывающем людей узами псевдородства на всю жизнь. Чтобы стать побратимами, люди должны были совершить ряд особых обрядов. Например, у камба мужчины, происходившие из разных родов, вначале обменивались дарами (пивом, козами), а под конец полоскали горло из одного и того же сосуда и сосали кровь из порезов на руках друг у друга. С этих пор они обязаны были всю жизнь поддерживать друг друга и оказывать взаимную помощь, а их дети считали себя сиблингами. Несколько иной, но имевший те же последствия обряд осуществлялся между иноплеменниками, желавшими стать побратимыми. Такие отношения имели особое значение в условиях участвовавшего межплеменного обмена, с одной стороны, и усилившихся военных столкновений, с другой.

Отношения партнерства позволяли вести обмен не только между отдельными людьми, время от времени навещавшими друг друга, но и на крупных сборищах, которые посещались целыми общинами и племенными подразделениями, как это наблюдалось, например, на северо-западном побережье Северной Америки.

Вместе с тем, хотя и далеко не везде, в ряде мест в предклассовый период возникли примитивные рынки, где обмен велся на иных условиях, вне зависимости от партнерства и каких бы

то ни было родственных обязательств. Такие рынки были известны кое-где в Западной и Восточной Африке, куда в определенные дни недели со всей округи собирались люди, привозя на обмен зерно, скот и продукцию скотоводства, глиняные сосуды, железо, дрова, мед и т. д. Эти рынки возникали прежде всего на границах разных географических зон или разных племен с особой хозяйственной специализацией. Здесь преобладал натуральный обмен, часто не требовавший никаких обменных эквивалентов, хотя кое-где встречались такие эквиваленты с ограниченными функциями, о чем речь пойдет ниже. Особый интерес представляли рынки в металлургических районах, где люди вели обмен железной рудой, слитками металла, углем и т. д. В Восточной Африке на такие рынки сходилось до 4—5 тыс. человек.

Таким образом, тенденции, связанные с ведением самообеспечивающего хозяйства, продолжали в изучаемый период преобладать, и обмен пищей во многих местах играл еще второстепенную роль в жизнеобеспечивающей экономике, в особенности у земледельческого населения. Даже скот и сырье, способное служить для производства орудий труда, или сами эти орудия первоначально часто использовались в обмене вовсе не для достижения каких-либо чисто утилитарных целей, а прежде всего из ритуально-престижных соображений.

Ранее мы уже отмечали широкое распространение дарообмена в эпоху позднеродовой общины²¹⁹. В тот период он был доступен всем общинникам и его основная роль заключалась в создании и укреплении социальных связей, на которые можно было бы опереться в тяжелых жизненных ситуациях. Однако уже тогда преимущества от такой обменной сети постепенно начали получать в первую очередь лидеры, «большие люди», которые нередко прибирали к рукам организацию межобщинного и межплеменного обмена или по крайней мере устанавливали над ним контроль. Расцвет этой системы и усиление ее престижного аспекта приходилось на предклассовый период, когда функция престижного обмена, выступавшего теперь, как правило, в форме дальнего обмена сырьем или готовыми изделиями, несколько изменилась. Роль обмена как механизма установления социальных связей, имевших теперь особое значение для социально-постаршей сферы, сохранилась. Однако наряду с этим особую самостоятельную ценность приобрели сами обмениваемые вещи: предметы роскоши, ритуальные изделия, символы статуса и т. д., постепенно приобретающие функции сокровищ. Именно с созданием этих вещей, как мы пытались показать выше, в первую очередь и были связаны многие виды формировавшегося в ту пору ремесла.

В Европе такого рода обмен развивался еще в позднем неолите, и не случайно именно в ту эпоху отмечался расцвет кремнедобывающей промышленности. Начиная с позднего неолита

кремь и другие виды сырья или готовые изделия распространялись в Европе за сотни километров от мест своего залегания, причем чем далее, тем выше была их престижная ценность. Так, в мастерских Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса и п-ова Корнуэлл изготавливались особые церемониальные топоры, обмен которыми велся на всей территории Великобритании. В этой обменной сети в ходу были и жадеитовые топоры, происходившие из Центральной Европы. Не меньшую ценность для позднеолитических обитателей Великобритании представляли сосуды, изготовленные из глины с п-ова Корнуэлл. Об особой церемониальной и/или ритуальной роли этой керамики и кремневых топоров свидетельствует тот факт, что в процессе обмена они попадали в такие места, где имелись свои источники и кремня, и глины²²⁰.

В Северной Европе в позднеолитический период изготовлялось множество кремневых топоров размерами от 15—20 до 50 см. Лишь более мелкие из них были приспособлены для работы, а самые крупные весом до 40 кг для этого, очевидно, не подходили. Интересно, что именно последние путешествовали на огромные расстояния, обладая неутилитарной церемониальной функцией. Аналогичную роль в отличие от рабочих рубящих орудий играли так называемые «боевые топоры», широко распространенные в самых разных культурах второй половины IV — первой половины III (в III) тыс. до н. э. от Балкан до Польши. Во Франции шахты Гран-Пресиньи давали сырье для изготовления ритуальных кинжалов, которые, как правило, использовались в качестве погребального инвентаря, причем в таких местах, где были свои неплохие месторождения кремня. Половина известного числа этих кинжалов найдена в радиусе 300 км от шахт, 75% — в радиусе 350 км, а отдельные экземпляры удалось обнаружить на расстоянии до 800 км.

Большой интерес в связи с поднятой темой представляют данные о распространении рюгенского кремня в Северной Европе. В радиусе 200 км от рюгенских месторождений встречались только отходы от изготовления изделий из этого сырья, но самих изделий не было. В радиусе 200—400 км фиксировались находки кинжалов и топоров, а за пределами 400-километровой зоны встречались только топоры! Здесь, очевидно, речь идет об особенностях обмена церемониальными изделиями между разными группами населения.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с помощью обмена люди стремились получить прежде всего какие-либо редкие вещи или труднодоступное сырье. При этом они преследовали явно не утилитарные цели, так как интересы их хозяйства вполне могли удовлетворяться местными источниками сырья и местными изделиями. Если обмен таких пород камня, как базальт, трахит и жадеит, на кремь, осуществлявшийся в раннем неолите по Рейну между некоторыми территориями Бельгии и ФРГ,

можно объяснить хозяйственными целями, то для обмена обсидиана на кремль, установившегося в позднем неолите между Южной Польшей, с одной стороны, и Северной Венгрией и Словакией, с другой, требовались, очевидно, иные стимулы²²¹.

О возрастании престижной ценности вещей, привезенных издалека, говорят следующие факты. В энеолите из Северной Италии на юг на расстояние до 650 км распространялись топоры из зеленого камня, причем чем дальше было расстояние, тем меньше были размеры изделий, зато росло их престижное значение, так как никаких следов работы на них не фиксировалось. В двух случаях облик этих топоров был таков, будто их носили в качестве украшений. Зато во всех районах, куда эти топоры попадали, для хозяйственных надобностей население использовало обычные топоры из местных пород камня. Аналогичная картина выявилась при изучении находок обсидиана, происходившего с островов Пальмарола и Липари (Южная Италия) и достигавшего Центральной Италии. На обсидиановых пластинах, обнаруженных в наиболее удаленных районах, почти не фиксировалось следов работы.

Помимо каменных орудий в качестве предмета высокой престижной ценности в Италии с середины IV (конца IV) тыс. до н. э. широко использовалась импортная декоративная керамика, тогда как для домашних нужд люди повсюду изготавливали грубые лепные сосуды на месте. Обмен ценными сосудами велся не только между носителями разных культур в самой Италии, но даже между обитателями итальянского и восточного побережий Адриатического моря. О церемониальном назначении этой посуды говорит, в частности, тот факт, что в ней нельзя было держать жидкость, а при мытье ее узоры легко смывались²²².

Не менее поучительной представляется история обмена прибалтийским янтарем в поздненеолитный период. Начало использования янтаря для обмена в Дании датируется второй половиной IV — первой половиной III (III) тыс. до н. э., когда наряду с кремневыми топорами он функционировал здесь в сфере престижных отношений. Более ранние находки янтаря концентрировались в Западной Дании, где располагались его месторождения, однако со временем его крупные скопления появились в мегалитических могилах Восточной Дании. Последнее свидетельствует о росте интереса к нему со стороны формировавшейся знати.

До середины III (начала II) тыс. до н. э. ареал янтарных находок не выходил за пределы побережий Балтийского и Северного морей. Однако во второй половине III — начале II (первой половине II) тыс. до н. э. в престижно-социальной сфере здесь произошли существенные изменения, отразившиеся и на характере обмена, рамки которого значительно расширились. Распространение янтаря в Южной Прибалтике прекратилось, зато он ши-

роко встречался в знатных погребениях Бретани, Южной Великобритании, Франции, ФРГ, ГДР, Польши, Центральной Греции. А в Дании появилась бронза, сменившая янтарь в качестве предметов роскоши и показателя престижа. Вплоть до второй половины I тыс. до н. э. именно ее, а не янтарь, клали в качестве погребального инвентаря в богатые могилы. Таким образом, влияние и внешние связи прибалтийской знати в течение второй половины III—II (II) тыс. до н. э. значительно расширились, и благодаря им она могла взамен янтаря, мехов и других изделий получать с юга ценные металлические предметы²²³.

Возникновение металлургии поначалу не привело к каким-либо принципиальным изменениям в характере позднеолитического обмена. Металлические изделия лишь дополняли набор престижных ценностей, а кое-где и сменили прежние символы статуса и богатства. Так, наряду с каменными топорами или вместе с ними с территории Балкан по соседним районам вплоть до Южной Польши и Молдавии во второй половине V — первой половине IV (в IV) тыс. до н. э. стали широко распространяться медные топоры²²⁴.

С появлением металлургии произошли и некоторые изменения в темпах развития разных территорий. Крупные металлургические центры стремительно обогащались, что привело здесь к ускорению процессов социальной и имущественной дифференциации. Об этом свидетельствует изучение богатейшего для своего времени варненского некрополя в Северо-Восточной Болгарии.

Правда, в некоторых районах металлические изделия далеко не сразу вытеснили традиционные престижные ценности. Например, если в энеолите кремневые и обсидиановые ритуальные изделия распространялись по всей Италии, то металл из месторождений Центральной Италии не выходил за пределы ареала радиусом 100—150 км.

Но в целом металлические изделия, как правило, служили для обмена на какие-либо редкие нужные вещи. Так, скотоводы нанди Кении на металлические вещи выменивали у охотников доробо мед и плетеные изделия; саката Конго использовали железные и медные вещи для обмена с соседями на соль и предметы роскоши; хайя Танзании в XIX в. поставляли железо в раннеклассовые общества Буньоро, Буганду, Анколе в обмен на слоновую кость, а в предшествующее время аналогичным способом получали скот и соль; кузнецы чагга специально для обмена выковывали высококачественные наконечники копий и т. д.²²⁵ Все это приводило к тому, что слитки и изделия из металла со временем начали использовать в качестве «первобытных денег».

Первоначально в качестве обменного эквивалента и для разного рода выплат, в том числе брачного выкупа, у разных народов использовались самые разнообразные вещи. Чаще всего, как отмечал уже Ф. Энгельс²²⁶, таким эквивалентом служил скот,

причем в этом качестве он использовался кое-где даже у тех народов, которые уже знали и медь, и железо (например, козы у камба и кикуйю в Кении). У других народов в той же функции могли применяться каменные топоры, раковины, бруски соли и т. д. Очень часто для разных обменов использовались разные эквиваленты. Например, у апатани Северо-Восточной Индии главным обменным эквивалентом служил митхен (гаял), наряду с ним в этом качестве использовались свиньи и другие домашние животные, тибетские бронзовые мечи и куски материи. Крупные земельные участки продавались здесь только за митхенов. Так, заливной рисоводческий участок размером 0,6—0,8 га стоил от 20 до 50 митхенов, рисовая терраса в 0,2 га — 10 митхенов и более, бамбуковая роща в зависимости от ее местоположения — 0,5 митхена. Но огород можно было купить за 1 свинью или 1 тибетский меч или 3—4 куска материи. Таким образом, жизненно важные земельные участки продавались здесь только за митхенов, но для покупки менее ценных вещей можно было использовать и другие эквиваленты. То же наблюдалось у хайнаньских ли, где земли и повозки оценивались только буйволами, а сельскохозяйственные орудия и ремесленные изделия — корзинами риса, хотя и здесь четких «цен» еще не сложилось²²⁷.

В позднем неолите, энеолите и бронзовом веке «денежные эквиваленты» разного облика встречались и в Европе. Например, в энеолите Болгарии эту функцию могли иметь раковины спондилуса, деналии, кардиум, бусы из кварца, охра, сосуды и т. д. В энеолитической Испании ту же роль могли играть морские раковины, которые встречались на расстоянии до 100 км от побережья, причем в Куэва-де-лос-Тойос был обнаружен горшок с этими раковинами на разной стадии обработки. В позднем неолите в Северной Европе в качестве «денег» могли использоваться каменные топоры и кинжалы, клады которых известны в Скандинавии. В некоторых районах Центральной Европы ту же функцию могли играть бруски соли и т. д. Даже в раннеклассовых обществах раковины могли сохранить эту функцию, как это произошло в государстве Конго. Там женщины о. Луанда обязаны были собирать на побережье океана раковины нзимбу, которые учитывались особыми чиновниками и предоставлялись в монопольное распоряжение царя.

Вместе с тем с появлением металла и изготовлением из него престижных изделий последние кое-где брали на себя роль «первобытных денег». Для этого, например, могли служить навязанные на шнуры медные бусины, обнаруженные в ареале культуры кортайо в Швейцарии. То же, возможно, относится к сделанным в Бретани втульчатым топорам, хорошо известным в кладах позднего бронзового века от Южной Франции до Дании и Ирландии²²⁸. А в Великобритании в раннем железном веке для торговых сделок использовались железные пластины.

Металлические обменные эквиваленты, их функции и история возникновения довольно хорошо изучены сейчас в Центральной и Южной Африке. На юге Африки медеплавильное производство с ранней поры обслуживало престижную сферу культуры: металлические браслеты, бусы и слитки распространялись за сотни километров от мест своего изготовления. К рубежу I—II тыс. н. э. медные слитки приобрели стандартную форму и стали, видимо, регулярно использоваться в качестве обменного эквивалента и символа высокого статуса. Во всяком случае, в XIV—XV вв. н. э. они были уже хорошо известны во многих районах Замбии и встречались, в частности, в очень богатых могилах. Наряду с ними в качестве обменного эквивалента здесь в это время функционировали деревянные стержни, обвитые медной проволокой стандартной длины. В недавнем прошлом крестовидные слитки меди широко применялись для обмена в Центральной Африке, причем кое-где у них уже имелась устойчивая цена. Так, в богатом медью районе Северо-Западной Замбии у ндембу за 100 крестов можно было купить 1 слоновый бивень, а за 150 — рабыню. При удалении от этого центра ценность крестов возрастала: у олемба за невесту отдавали 8 крестов, у куба бивень стоил 5 крестов, а у леле за 1 крест можно было купить раба. У сото Трансвааля обменным эквивалентом служили не только медные изделия, но и такой земледельческий инвентарь, как железные мотыги. При этом 30 медных стержней (марале) по ценности были приравнены к 55 железным мотыгам, или 1 слоновому бивню, или 8—10 головам крупного рогатого скота²²⁹.

Кем и как осуществлялся обмен престижными ценностями в предклассовых обществах? Одно время В. Г. Чайлдом, а вслед за ним и некоторыми другими авторами развивалась гипотеза об очень раннем появлении специальных торговцев — едва ли не на заре бронзового века. Отдельные исследователи и сейчас склонны приписывать именно их деятельности рассмотренные выше примеры дальнего обмена. В частности, с ними пытались связывать обмен янтарем, фаянсовыми бусами и другими престижными ценностями в Северной и Центральной Европе. Между тем новейшие данные как будто не подтверждают эту идею. В настоящее время удалось выявить ряд промежуточных центров, служивших перевалочными пунктами в посредническом обмене. Время от времени пути обмена изменялись, и роль таких центров не была постоянной. Так, во второй четверти II (середине II) тыс. до н. э. знать Западной Дании импортировала много ценных изделий с юга ФРГ. При этом важную роль в посредническом обмене играли районы устья Эльбы и Шлезвиг-Гольштейна, откуда импортные вещи направлялись не только в полуостровную Данию, но и в Зеландию. В конце II тыс. до н. э. более важный центр посреднического обмена возник в Мекленбурге. Местная знать, взявшая под свой контроль обмен между югом и севером, основное

число импортных ценностей направляла теперь в Восточную Данию и Южную Швецию, причем на рубеже II—I тыс. до н. э. большую роль в этом обмене начали играть морские средства сообщения, связывающие Восточную Данию с устьем Одера²³⁰. О том, что в ранний период обмена вещи курсировали на дальние расстояния при помощи многочисленных посредников, свидетельствует и отмеченный выше факт уменьшения веса и размера ритуальных топоров в зависимости от расстояния.

Механизм оборота престижных цепностей хорошо виден на примере центральноамериканских вождеств, которые детально исследовала М. Хелмс²³¹. Для повышения своего престижа и власти вождям и знати там требовалось иметь много редких не-утилитарных вещей — золота, жемчуга, тканей и т. д. Главным средством их получения было участие в дальнем посредническом обмене, цепочки которого растягивались порой на многие сотни километров. Вожди, чьи территории располагались в стороне от основных артерий обмена, нередко вели войны, стремясь захватить их главные узлы. Другими способами улучшения своего положения были династические браки, «партнерство» и т. д. Иногда для усиления притока редких импортных изделий вожди внутренних районов стимулировали расширение добычи каких-либо особых ресурсов, имевшихся на их территории. Например, из ряда внутренних районов в обмен на продукцию ремесла поступало сырое золото; вожди островов Панамского залива поставляли жемчуг, а на побережье Карета добывались красивые морские раковины. Некоторые группы специально для обмена производили гамаки и ткани, оружие и керамические изделия, а на тихоокеанском побережье люди занимались выпариванием соли. Из окраинных районов все эти предметы поступали в расположенные на главных путях обмена вождества и там перераспределялись. Этот обмен имел ярко выраженный престижный характер и преследовал прежде всего политические цели. Более вовлеченные в обмен вожди центральных районов сосредоточивали больше престижного богатства и были окружены наибольшим числом сторонников, а периферийные вожди попадали в ту или иную зависимость от первых.

Оценивая роль этого обмена, следует иметь в виду прежде всего его глубокое престижное, символическое значение. Индейцы Центральной Америки верили в особую сверхъестественную силу, которой разные люди якобы наделялись в разной степени. Величина этой силы внешне выражалась в таланте и способностях человека. В частности, успешное ведение обмена доказывало особое могущество вождя. И именно эту силу должны были изображать и символизировать подлежавшие обмену редкие престижные вещи: золотые украшения, полихромная керамика, резные деревянные, костяные и каменные изделия, ткани с символическими узорами и т. д.

Помимо посреднического обмена в Центральной Америке и, видимо, в других районах мира имелся и иной способ получения престижных вещей. Для получения специальных знаний юноши, претендовавшие на должности вождя, предпринимали далекие путешествия с целью обучения у прославленных вождей, причем чем дальше им приходилось путешествовать, тем больший вес в глазах населения имели добытые этим путем знания. За обучение юноши платили не только личным трудом, но и определенными ценностями: золотом, жемчугом, тканями и т. д. Со своей стороны и учителя могли дарить способным ученикам особые украшения. В данном случае циркуляция престижных вещей между отдаленными районами отнюдь не являлась результатом деятельности каких-либо специальных торговцев, а была побочным результатом престижно-социальных отношений.

Рассмотренный престижный обмен неизбежно вел к тому, что некоторые вещи, доступные прежде всем общинникам, со временем приобретали высокую символическую ценность и начинали скапливаться в руках вождей и знати. Этот процесс удалось детально проследить на примере обмена обсидианом в Передней Азии. Если в раннем неолите распространение обсидиана было подчинено закону нормального распределения, т. е. его количество в первобытных поселках прогрессивно убывало с удалением от мест его добычи, то в позднем неолите и энеолите картина резко изменилась. Теперь находки обсидиана концентрировались в основном в крупных поселках, независимо от их расстояния от его источников, а в мелких поселках он встречался редко или вообще отсутствовал. Все это свидетельствует об исчезновении первобытного равенства и о выделении вождеских центров, которые взяли под свой контроль обмен престижными изделиями²³². Явление того же рода фиксировалось на Балканах, где в богатых энеолитических могильниках было обнаружено огромное число раковин спондилус, происходивших из Эгеиды, хотя в последней эти находки встречались много реже. То же самое отмечалось в бронзовом веке в Центральной и Северной Европе.

Таким образом, на протяжении значительной части предклассового периода обмен, в том числе и довольно сложный, производился без участия каких-либо специальных торговцев. Встает вопрос, когда произошло их выделение из основной массы населения. С этой точки зрения большое значение имеет изучение печатей, известных с глубокой первобытности. Керамические и каменные печати-штампы появились в Передней Азии еще в VIII—VII (VII—VI) тыс. до н. э. (Телль-Абу-Хурейра, Джармо, Чатал-Гуюк, Ярым-Тепе I). На Балканах они ведут свою историю также с неолита. В позднем неолите пуговицевидные печати начали распространяться в Леванте, а с первой половины IV (второй половины IV) тыс. до н. э. печати-штампы широко использовались от Египта до Южной Туркмении. Всегда ли эти из-

делия играли роль знаков собственности? Очевидно, нет. По-видимому, правы те специалисты, которые связывают их первоначальную функцию с ритуалом и магией и видят в древнейших из них амулеты-обереги. Видимо, именно поэтому наиболее ранние из этих изделий служили для нанесения узоров на тело, для украшения посуды, для нанесения орнаментов на ткани, кожаные и деревянные изделия и т. д. Косвенно на это указывает тот факт, что в Южной Туркмении и в Иране печати-штампы встречались прежде всего в могилах женщин-мастериц. Да и древнеегипетские вельможи еще в начале III тыс. до н. э. продолжали носить их в качестве амулетов²³³.

Очевидно, об использовании этих печатей как знаков собственности можно говорить лишь с той поры, когда их отпечатки появились на каких-либо ценных вещах, предназначенных для обмена, и когда возникли пломбы-запоры на помещениях. Картина становления и развития знаков собственности была детально прослежена в Юго-Западном Иране, где в предклассовый период было известно два рода отпечатков печатей на глине: пломбы-запоры на глиняных сосудах, корзинах и дверях особых помещений, а также пломбы на посылках с товарами. Детальное изучение печатей и их отпечатков помогло обнаружить и особенности обмена в Сузиане начиная с середины V (конца V) тыс. до н. э. Было выяснено, что в самих Сузах, являвшихся крупным вождемским центром, встречались и печати, и их отпечатки, а в окружающих маленьких поселках — только печати. Сопоставление печатей и их отпечатков показало, что посылки с продуктами направлялись только из мелких поселков в Сузы, а не наоборот²³⁴. В данном случае речь шла скорее всего о налаженной системе налогообложения, однако косвенно эти данные свидетельствуют также о становлении настоящей торговли.

И действительно, к первой половине IV (к второй половине IV) тыс. до н. э. относятся неопровержимые факты того, что обменные отношения в Передней Азии уже переросли рамки примитивного дарообмена. Именно в этот период здесь широко распространились глиняные шары-«посылки», заполненные разнообразными миниатюрными глиняными изделиями, призванными фиксировать количество и качество посланных товаров. В настоящее время в Иране, Ираке, Израиле, Сирии и Саудовской Аравии известно уже более 300 таких шаров с метками торговцев, оставленными на их внешней поверхности с помощью специальных печатей. Помимо торговых, эти шары могли выполнять и другие функции: с их помощью могли учитывать долги и налоги, фиксировать продажу земельных участков и т. д. Не случайно такие шары встречались иногда в царских архивах²³⁵. К периоду их бытования относится и появление семитского термина «тамкара» (торговец), который был со временем заимствован древнейшими шумерами.

К сожалению, мы еще плохо знаем образ жизни ранних торговцев. Неизвестно, в частности, в какой степени его определяла именно торговля и насколько она была оторвана от остальных занятий (земледелия, скотоводства, ремесла и т. д.). Однако в конце предклассовой эпохи торговцы, очевидно, представляли уже отчетливо выделяющуюся прослойку, так как в начале III тыс. до н. э. целые общины месопотамских торговцев обитали уже в некоторых поселках Ирана (Годин-Тепе) и Северной Сирии (Телль-Брак). Интересно, что и в этот период они торговали главным образом предметами роскоши, обслуживая храмы, царей и знать, не забывая при этом и своих выгод. Так постепенно на закате предклассового общества вызревало третье, по словам Ф. Энгельса²³⁶, свойственное лишь цивилизации крупное общественное разделение труда.

В силу неравномерности общественного развития престижный обмен связывал не только общества равной экономической мощи, но и типологически несходные общества. В этом случае обменивавшиеся стороны могли преследовать совершенно разные цели. Однако итогом таких обменных отношений нередко было ускорение развития более отсталого общества. Так, энеолитические группы Южной Испании еще во второй половине IV — первой половине III (III) тыс. до н. э. установили активные контакты с более отсталыми охотниками, рыболовами и собирателями Северо-Западной Африки. Они получали оттуда слоновую кость и скорлупу страусовых яиц, поставляя в обмен янтарь, агат, изящные глиняные сосуды и другие редкие изделия. В результате в третьей четверти III (начале II) тыс. до н. э. на территории Марокко началось социальное расслоение и появились богатые погребения. Аналогичные процессы ускоренного социального развития в условиях интенсивного обмена наблюдались и в других районах Африки, контактировавших с раннеклассовыми обществами. При этом закономерности эволюции обмена там могли быть иными. В частности, в этих случаях иногда довольно рано начинали выделяться группы торговцев, а иногда торговлей начинали заниматься целые этносы, внутреннее развитие которых еще не создавало условий для сколько-нибудь существенной социально-экономической дифференциации²³⁷.

Возникновение прибавочного продукта

Во втором томе нашего издания уже отмечалось, что образ жизни даже отсталых охотников и собирателей сильно контрастировал с тем упрощенным представлением о нем, которое когда-то бытовало в науке. Они голодали далеко не так часто и занимались поисками пищи и ее добычей далеко не так много, как одно время считали. Все это свидетельствует об относительной эффективности их хозяйственной деятельности, которая уже на

этой стадии развития давала определенные излишки. Последние и составляли тот избыточный продукт, без которого в отличие от жизнеобеспечивающего продукта, по определению Ю. И. Семёнова, было «возможно нормальное физическое, а тем самым и социальное существование» людей²³⁸. В позднербовытный период избыточный продукт сыграл важную роль, создавая материальные предпосылки для развития социальной дифференциации и классовообразования. Однако он еще не был способен стать основой для угнетения человека человеком, которое возникло только тогда, когда избыточный продукт превратился в прибавочный. Лишь на основе последнего, производство которого отличалось значительным объемом и регулярностью, отношения эксплуатации стали живой общественной реальностью.

Проведенный выше анализ показывает, что в предклассовый период были созданы самые мощные за весь первобытный период производительные силы. Каковы были стимулы роста избыточного продукта и как он использовался? Напомним, что первобытный дарообмен играл роль своеобразной страховки: объединенные его узлами индивиды как бы давали обязательство во всем помогать друг другу. Ясно, что чем больше было у человека таких друзей-партнеров, тем прочнее и шире оказывалась его социальная опора, тем свободнее он чувствовал себя в своих жизненных проявлениях и тем выше была его общественная репутация. Так наличие избыточного продукта создавало почву для появления влиятельных лидеров, «больших людей», а впоследствии и вождей. Со своей стороны, осознав далеко идущие последствия, которые имела для них дарообменная сеть, эти люди пытались всемерно содействовать ее дальнейшему расширению. И в этом проявлялось обратное воздействие надстройки на базис, на что неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма.

Другим важным механизмом, способствовавшим упрочению положения влиятельных людей, были межобщинные, а кое-где и межплеменные праздники-пиршества. Первоначально последние служили интересам всех членов общества, оживляя социальные связи и облегчая задачу обмена информацией. Однако со временем лидеры все основательнее участвовали в организации этих пиршеств и все чаще претендовали на причитающуюся за это славу. Постепенно общинные в прошлом пиры приобретали ярко выраженный сословный оттенок, и на первый план выходила личность их организатора.

Развитый дарообмен и престижные пиры составляли костяк того явления, которое принято называть «престижной экономикой». Концепция «престижной экономики» впервые была выдвинута американским этнографом Корой Дюбуа, и вот уже полвека ее оценка вызывает бурные споры. Ведутся они и в нашей науке²³⁹. Суть их сводится к тому, как понимать «престижную экономику». Если видеть в ней лишь механизм идеологической над-

стройки, якобы способствующей социальной стратификации и классовому образованию вне зависимости от экономического базиса, то такой подход нас вряд ли может удовлетворить. Да он и не вяжется с фактами. Если же понимать под «престижной экономикой» те экономические рычаги, посредством которых формирующаяся знать укрепляла свои позиции, использовала общественный продукт в своих интересах и постепенно втягивала в сферу своей политики широкие массы населения, то в таком контексте концепция «престижной экономики» способна служить полезным инструментом в руках исследователей.

Действительно, в условиях сложившегося земледельческо-скотоводческого образа жизни или при наличии высокоэффективного присваивающего хозяйства подавляющее большинство общинников было вполне удовлетворительно обеспечено пищей, и у них не было стимула наращивать производство. Иначе обстояло дело в хозяйствах «больших людей» или лидеров, которые обязаны были оправдывать свое высокое положение в обществе прежде всего «щедростью» в раздаче значительных богатств. Поэтому они, как правило, отличались необычайным трудолюбием и стремились иметь больше жен, детей и других домочадцев, своей работой способствовавших производству значительного объема пищи, превышавшего жизненно необходимые потребности. Мало того, развивая связанную с престижной экономикой систему «займов и кредитов», влиятельные люди при подготовке пиршества занимали множество продуктов у своих родичей и партнеров, тем самым стимулируя и у них интенсификацию хозяйственной деятельности. Так престижная экономика едва ли не с самого начала влияла на жизнеобеспечивающую сферу производства.

Влияние это было многообразным. Так, у папуасов Новой Гвинеи, где отмечались ранние этапы развития рассматриваемого явления, «большие люди» назначали сроки проведения праздника, следили, чтобы общинники перед его приближением не были слишком расточительны, а также, пользуясь своим авторитетом, сами устанавливали сроки выплаты долгов кредиторам. Нередко они ведали и межобщинным обменом. Иначе говоря, уже здесь представители формирующейся знати регулировали производство общественного продукта и активно использовали его для расширения сферы своего влияния. Развитие престижной экономики имело и другую сторону, так как кое-где оно шло вразрез с интересами жизнеобеспечивающего производства. На той же Новой Гвинее встречались случаи, когда, истратив огромные запасы продуктов на социально-престижные церемонии и пиры, население испытывало голод, причем нередко более жестокий, чем случался в этих же местах у отсталых охотников и собирателей. Уничтожая огромные стада свиней для ритуалов, папуасы сплошь и рядом страдали белковым голоданием.

Все это также стимулировало повышение объема производства, причем, заметим еще раз, этого требовала не только и не столько забота о резервах на случай неурожая, сколько предчувствие близившихся расточительных пиров. И не случайно широкое статистическое обследование показало, что хранение запасов продовольствия было свойственно прежде всего предклассовым обществам и гораздо реже — отсталым земледельцам и скотоводам²⁴⁰.

Ярким примером воздействия престижных отношений на хозяйственную практику является выращивание бобового растения пуерарии в Меланезии и на Новой Гвинее. Клубни пуерарии достигали гигантских размеров и весили от 12 до 45 кг. Потребление их в рамках отдельных семей было непрактичным, и их обычно разводили как праздничную ритуальную пищу и использовали для приема гостей. О высокой престижной роли пуерарии говорит и тот факт, что повсюду за ней ухаживали только мужчины, на Новой Гвинее отведать ее имели право только старики, а на Новой Каледонии она была доступна лишь лицам высокого статуса²⁴¹.

Известно, что во многих районах мира важную роль на престижных пирах и церемониях играли особые напитки увеселительного или наркотического действия. В разных местах их изготовляли то из риса, то из проса, то из ячменя, то из маиса и т. д. При этом богат мог тратить на их производство до половины урожая. С этой точки зрения не лишена основания гипотеза о том, что разнообразные сосуды для питья, сменившие на заре бронзового века в Европе архаические неолитические чаши, были связаны именно с производством таких напитков (вино, пиво, кумыс и пр.)²⁴². Ведь, видимо, не случайно время их появления в целом совпадало с эпохой формирования здесь стратифицированных обществ.

В еще большей степени о том же говорит распространение во многих районах Западной и Центральной Европы во второй-третьей четвертях III (на рубеже III—II) тыс. до н. э. колоколовидных кубков, которые и сами являлись показателями высокого статуса, и встречались в комплексах с редкими престижными вещами. Уже давно предполагали, что кубки были связаны с питьем каких-то ценных возбуждающих напитков. Недавно это блестяще подтвердили находки в Дании и Шотландии, свидетельствующие о связи кубков с медом, по крайней мере в поздний период их бытования. Так как мед был липовый, а липы в Шотландии никогда не росли, остается думать, что речь шла о церемониальном питье, привезенном сюда с далекого юга²⁴³. Остатки пива и фигурки пивоваров, дошедшие до нас от додинастического Египта, возможно, отражают то же явление.

Уже не раз отмечалось, что престижный фактор мог способствовать развитию ремесла. И действительно, в Меланезии для

укрепления своего лидирующего положения «большие люди» нередко должны были построить новый богато украшенный мужской дом. Для этого они вербовали много помощников, а по окончании работ устраивали для них пир. У сиуаи о. Бугенвиль для повышения своего влияния богач обязан был добыть новый ритуальный барабан, для чего под его руководством в мужском доме работал особый мастер.

Повсюду формировавшаяся знать для усиления своих социальных позиций устраивала престижные состязания-потлачи, суть которых заключалась в публичном проявлении «щедрости». Первоначально речь шла об отчуждении исключительно съестных припасов, однако со временем для этого начали использовать и предметы роскоши, продукты ремесла. Вначале слава от таких праздников доставалась всему роду или общине, однако со временем происходила ее персонификация в лице отдельных богачей или лидеров. Та же участь ждала и престижно-ритуальное богатство, якобы призванное сверхъестественным образом способствовать процветанию рода. Так, на о. Шуазель составлявшие это богатство связки раковин (кесу) доверялись на хранение самому влиятельному, иными словами, самому богатому человеку, причем он имел право использовать их по своему усмотрению, в том числе и для престижных обменов. Тем самым богач устанавливал контроль над родовой собственностью.

Особую форму отчуждение имущества, связанное с потлачевидными отношениями, приняло на о. Гуадалканал, где для повышения своего престижа богач должен был тайно зарыть свое богатство, состоявшее из связок раковин, в землю²⁴⁴. Мы специально обращаем внимание на эти факты намеренного захоронения престижного богатства, так как в нашей литературе до сих пор принято трактовать первобытные клады исключительно как «торговые» или «ремесленные». А между тем известно сообщение Цезаря о престижно-ритуальных кладах, устраивавшихся галлами. Те же обычаи наблюдались в Дании с конца II тыс. до н. э. до VII в. н. э. Первоначально клады здесь содержали разнообразные престижные (украшения, оружие и т. д.) и ритуальные (драгоценные сосуды, религиозные символы и т. д.) вещи, а позже — связки завернутого в ткани оружия, одежду, лодки или повозки, которые намеренно топились в озере или болоте. В Нигерии в Игбо-Укву недалеко от богатых захоронений была обнаружена обмазанная глиной яма, битком набитая медными и бронзовыми изделиями, железными лезвиями и бытовой посудой, относящимися к началу II тыс. н. э.

В литературе кладам давалось самое разное объяснение: ритуальное захоронение общинного или индивидуального богатства, склад металлурга, запасы торговца, временное укрытие ценностей от военной опасности, постоянный тайник религиозного характера²⁴⁵. По-видимому, к кладам следует относиться дифференци-

рованно, всякий раз стараясь выяснить их конкретную функцию. Нам кажется, что облик многих ранних кладов, содержащих ценные престижные вещи, причем не только металлические, свидетельствует об их связи прежде всего с социально-престижной деятельностью. Таковы Карбунский клад конца V (второй четверти IV) тыс. до н. э. в Молдавии, клад первой половины IV (второй половины IV) тыс. до н. э. в Плочнике на Балканах, клад середины IV (конца IV) тыс. до н. э. в Бейцесултане в Анатолии, клад того же времени в Нахал-Мишмаре в Палестине, Ереванский клад раннего бронзового века в Закавказье, клад периода культуры колоколовидных кубков в Бретани. Все они содержали особые высокохудожественные изделия не утилитарного назначения и, как правило, были спрятаны в специальных тайниках. Так, клад из Нахал-Мишмара был обнаружен в глубине пещеры, он насчитывал более 400 завернутых в циновку вещей: 240 металлических наконечников булав, 20 металлических долот и топоров, 80 металлических жезлов, 6 наконечников из гематита, 1 каменное наконечник, 10 металлических диадем и 6 изделий из слоновой кости и т. д.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ранние клады состояли преимущественно из однотипных предметов высокой престижной ценности, способных служить обменными эквивалентами. Например, к ранней фазе культуры унетица в Центральной Европе относились клад в Брезинчене и в Дискау. Первый на две трети состоял из бронзовых топоров (103 экз.), а второй — исключительно из бронзовых топоров (293 экз.). Все это не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет именно о престижно-ритуальных кладах. Их невозможно считать складами литейщиков, так как здесь встречалось слишком много однородных не утилитарных предметов роскоши, а если среди них и находились орудия труда, то, как правило, без следов работы. Кроме того, как уже отмечалось, помимо металлических в них были найдены и другие изделия. И, наконец, эти клады следует рассматривать в прямой связи с более ранними кладами каменных топоров и кремневых кинжалов, известных в предшествующий период, например, в Северной Европе, и синхронными им кладами топоров из жадеита в Центральной Европе. Считать эти клады торговыми трудно, потому что торговли как таковой в ранний период не было, а равным образом отсутствовали и специальные торговцы. Пожалуй, только с развитого бронзового века можно предполагать появление в Европе складов металлического лома, оставленных литейщиками и кузнецами.

Захоронение престижных богатств было лишь одной из форм борьбы за лидирующее положение в обществе, характерной для ранних этапов классового образования. Несравненно более распространенной ее формой являлись престижные пиры с массовой раздачей имущества и публичной демонстрацией богатства. Эти пот-

лачевидные ритуалы были настолько широко распространены у самых разных народов мира, что, вопреки мнению, высказанному недавно Дж. Фридменом²⁴⁶, их невозможно считать только лишь результатом «деволюции», вызванным крушением прежней иерархической системы. Фридмен прав лишь в том, что в ряде случаев, например у некоторых народов Северо-Восточной Индии, престижные пиры сыграли определенную роль в процессе вторичного классового образования. То же самое наблюдалось местами и в Африке. Так, у африканских тонга на протяжении XX в. с истощением постоянных участков земли постепенно совершался переход к подсеčno-огневому земледелию и соответственно возрастала роль личной хозяйственной инициативы. Если ранее статус, связанный с обработкой постоянных участков, передавался по наследству, то в новых условиях на первый план выступали индивидуальные способности в расчистке и обработке девственных земель. При этом в обществе появились «большие люди», между которыми возникло ожесточенное соперничество из-за социальных привилегий²⁴⁷.

Вместе с тем все эти примеры лишь доказывают то, что потлачевидные пиры могли служить универсальным механизмом, способствовавшим развигию процесса классового образования. При этом соперничество, наблюдавшееся при их устройстве и проведении, было свойственно не только самым ранним этапам классового образования, но отмечалось и позднее. Так, у индейцев северо-запада Северной Америки и у вождей Центральной Америки при наличии конических кланов и закреплении определенных статусов наследственным путем потлачевидные пиры-соревнования играли ничуть не менее важную роль. А изучение процесса классового образования в Океании показывает, что они выросли естественным образом из общинных церемоний, организация и проведение которых узурпировались формировавшейся знатью²⁴⁸.

Из чего складывались доходы последней? Вопреки встречающемуся порой в западной литературе представлению, престижная экономика не только открывала доступ к социальным привилегиям, но давала и немалый материальный доход. Начнем с того, что так называемая «щедрость» никогда не оставалась неоплаченной. Дар или почти любое отчуждение имущества всегда требовали соответствующего ответного подношения, причем нередко еще более ценного. Кроме того, в силу своего, как считалось, прямого родства с могущественными предками и исполнения ряда должностных обязанностей вождь мог получать лучшие куски мяса, добытого на охоте, престижные виды рыбы или морских млекопитающих, плоды первого урожая, часть природного сырья, разрабатывавшегося на его территории, или готовых изделий из этого сырья. Лучшие мастера считали честью создавать вещи, необходимые вождю и его домохозяевам в хозяйственной и социальной жизни, а простые общинники часть своего времени могли по-

свящать обработке земельных участков вождя или починке его дома. Определенную мзду вождь получал также за исполнение судебной, посреднической и миротворческой ролей. Так, у кофьяр судебные функции вождя оплачивались козами и другими вещами, он получал определенную долю мяса во время общественных жертвоприношений животных, мог копить богатство в качестве посредника и миротворца, а также регулярно снабжался пивом, которое каждая семья обязана была ему поставлять. Кроме того, некоторые общины обеспечивали вождя зерном, железными мотыгами и солью. А простые общинники помогали ему обрабатывать поле и чинить крышу жилища. Пример кофьяр показывает, что престижные пиры были выгодны и по другой причине. Здесь вождь часто устраивал богатые поминальные пиршества в честь умерших, не оставивших наследников, и за это к нему переходили их земельные участки ²⁴⁹.

Конечно, частью полученных этими способами богатств вождь делился с остальными общинниками, что вело к дальнейшему повышению его влияния, но другую, главную их часть он использовал на свои нужды. Судя по многочисленным этнографическим и палеоантропологическим данным, уровень жизни знати во многих предклассовых обществах был значительно выше, чем у простых общинников, а питание — несравненно лучше, и средний вес тела знатных людей на несколько килограммов превышал вес простых общинников. В частности, такая картина наблюдалась в Полинезии, где на этом основании исследователи одно время даже считали, что знать принадлежала к иной антропологической группе, чем другие общинники ²⁵⁰.

Все это делает уязвимой распространенную на западе концепцию редистрибуции (перераспределения) в том виде, в каком она была выдвинута субстантивистами (К. Полани, Дж. Дальтон), а подчас использовалась и некоторыми неозволюционистами ²⁵¹. Если на первых порах «большой человек» занимался мобилизацией общинных ресурсов для организации церемоний в интересах всей общины и впоследствии общинники полностью возвращали себе свой первоначальный вклад, то с развитием власти вождей ситуация коренным образом изменилась. Для поздней поры предклассового общества есть все основания говорить о становлении системы налогообложения, данничества и т. д. Описывая все эти различные отношения в рамках единой концепции редистрибуции, некоторые авторы только затемняют дело, создавая иллюзию социального мира и гармонии ²⁵².

На деле в процессе классового образования широкие общественные интересы все более отступали на второй план перед корыстными побуждениями правящей верхушки. Так, если когда-то вся община участвовала в строительстве мужского дома, который являлся неотъемлемой частью ее быта, то теперь общинники были принуждены возводить пышные жилища вождей и монументальные

святилища, в которые сами они не имели права даже входить. К тому же типу общественного труда следует относить коллективную обработку земельных участков вождя, значение которой возрастало по мере того, как вожди сами переставали в ней участвовать. То же происходило и со строительством колоссальных мегалитических сооружений, призванных прославлять прежде всего представителей знати.

Общественный продукт, в той или иной форме поступающий к вождям, чем дальше, тем больше расходовался на содержание пышного двора, где представители знати наслаждались роскошью и обслуживались многочисленной челядью. К концу предклассовой эпохи встречались случаи, когда при дворе вождя таким образом обитало несколько сотен человек. И естественно, что для их прокормления вождь должен был изыскивать все новые и новые ресурсы.

Все это требовало увеличения объема производимой продукции. И не случайно археологические данные свидетельствуют о росте со временем объемов хранилищ. Так, в ранний период трипольской культуры сосуды для хранения зерна достигали высоты 30—35 см, а в средний период их размеры увеличились чуть ли не втрое. То же самое наблюдалось в поселках куроаракской культуры раннего бронзового века в Закавказье. Там в это время появились сосуды для хранения зерна высотой 80 см и более. Для той же цели использовались крупные ямы, где можно было держать не менее 300 кг зерна.

Главным источником доходов вождям служили их собственные обширные земли, обрабатываемые, как было отмечено, трудом общинников, всевозможные налоги и поборы, а также все более усиливавшиеся со временем войны. Только в эту эпоху войны стали вестись специально ради грабежа, и в первую очередь с целью захвата земли. Последнюю вожди либо присоединяли к своим владениям, либо раздавали приближенным. Не менее важной формой обогащения являлось и данничество, позволявшее одним этносам безвозмездно пользоваться плодами труда других²⁵³. Все эти отношения свидетельствуют о возникновении ранних форм эксплуатации, они были возможны лишь с превращением избыточного продукта в прибавочный. Четко выделить рубеж этой трансформации не удастся, так как ранние формы эксплуатации нередко выступали в прежних традиционных формах. Однако сейчас мы можем твердо говорить о том, что в позднем неолите и энеолите интенсивность войн возросла, о чем свидетельствует распространение крепостных сооружений²⁵⁴. Возникшая в определенный момент пропасть между знатью и простыми общинниками все более увеличивалась, что находило отражение, в частности, в формировании особой субкультуры, присущей представителям высшего слоя²⁵⁵. И, наконец, в некоторых поселках или протогородах в предклассовый период квар-

талы знати начали отгораживаться от остальной территории крепостными стенами²⁵⁶, что говорило уже об определенном накале социальных противоречий между знатью и простыми об- щинами.

- ¹ О современных буржуазных теориях становления государственности см.: *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society, Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. N. Y., 1967; *Service E. R.* Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975; *Carneiro R. L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. V. 169. P. 733-738; The Early State. The Hague, 1978; Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Philadelphia, 1978; The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981.
- ² *Мельников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924; *Huntington E.* Civilization and climate. New Haven, 1924; *Idem.* Mainsprings of Civilization. N. Y., 1945.
- ³ *Boserup E.* The Conditions of Agricultural Growth. L., 1965; Population Growth: Anthropological Implications. Cambridge, 1972; *Cohen M. N.* The Ecological Basis of New World State Formation: General Local Model Building // TSNW.
- ⁴ *Фрэйзер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 99-108; *Jones G. D., Kautz R. R.* Issues in the Study of New World State Formation // TSNW; *Coe M. D.* Religion and the Rise of Mesoamerican States // TSNW; *Keatinge R. W.* The Nature and Role of Religious Diffusion in the Early Stages of State Formation: an Example from Peruvian Prehistory // TSNW.
- ⁵ *Gumplowicz L.* The Outlines of Sociology. Philadelphia, 1899; *Lowie R. H.* The Origin of the State. N. Y., 1927; *Landtman G.* The Origin of the Inequality in the Social Classes. Chicago, 1938; *Carneiro R. L.* A Theory of the Origin of the State; *Carneiro R. L.* The Chiefdom: Precursor of the State // TSNW.
- ⁶ *Childe V. G.* Man Makes Himself. L., 1941.
- ⁷ *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
- ⁸ *Павлова-Сильванская М. П.* Зарубежные критики о книге К. Витфогеля «Восточный деспотизм» // НАА. 1971. № 2; *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; *Он же.* Концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. P. 68, 72-74, 76; *Flannery K. V.* The Cultural Evolution of Civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics. 1972. V. 3; *Earle T.* Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: the Halelea District, Kauai, Hawaii. Ann Arbor, 1978; *Friedberg C.* The Development of Traditional Agricultural Practices in Western Timor: from the Ritual Control of Consumer Goods Production to the Political Control of Prestige Goods // ESS; *Van Liere W. J.* Traditional Water Management in the Lower Mekong Basin // WA. 1980. V. 11. N 3; *Sherratt A.* Water, Soil and Seasonality in Early Cereal Cultivation // Ibidem; *Gilman A.* The Development of Social Stratification in Bronze Age Europe // CA. 1981. V. 22. N 1; *Service E. R.* Origins of the State... P. 273-275.
- ⁹ *Steward J. H.* Theory of Culture Change. Urbana, 1955. P. 192; *Sahlins M. D.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968. P. 43; *Oates J.* Mesopotamian Social Organization: Archaeological and Philological Evidence // ESS; *Hunt R. C., Hunt E.* Canal Irrigation and Local Social Organization // CA. 1976. V. 17. N 3.
- ¹⁰ *Renfrew C.* Trade and Culture Process in European Prehistory // CA. 1969. V. 10. P. 151-159; Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.

- ¹¹ *White L. A.* The Evolution of the Culture. N. Y., 1959. P. 292; *Sahlins M.* Stone Age Economics. Chicago, 1972. P. 140.
- ¹² *Adams R. Mc.* The evolution... P. 12; *Service E. R.* Origins of the State... P. 8; *Peebles C. S., Kus S. M.* Some Archaeological Correlates of Ranked Societies // AAn. 1977. V. 42. P. 426–427; *Earle T.* Economic and Social Organization...; *Carneiro R. L.* A Reappraisal of the Roles of Technology and Organization in the Origin of Civilization // AAn. 1974. V. 39. N 2; *Carneiro R. L.* The Chiefdom... P. 56; *Smith P. E. L., Young T. C.* The Evolution of Early Agriculture and Culture in Greater Mesopotamia: a Trial Model // Population Growth... P. 19.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 169.
- ¹⁴ Там же. С. 174.
- ¹⁵ *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 8, 9, 26; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 177, 188.
- ¹⁶ См., например: ПИДО; Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; Становление классов и государства. М., 1976; Первобытное общество. М., 1975; Исследования по общей этнографии. М., 1979; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1982; Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тезисы докладов. М., 1973; От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- ¹⁷ *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена // КСИА. 1962. Вып. 88; *Хлопик И. Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи...; *Андреев И. Л.* Философский анализ в трудах Энгельса перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971. С. 477.
- ¹⁸ Подробно о состоянии проблемы первого крупного общественного разделения труда см.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 340.
- ¹⁹ Здесь и далее на первом месте стоит календарная дата, а в скобках за ней — радиоуглеродная. Пересчет дат был сделан по работе: *Ralph E. K., Michael H. N., Han M. C.* Radiocarbon Dates and Reality // MASCA Newsletter. 1973. V. 9. N 1.
- ²⁰ *Harlan J. R.* A Wild Wheat Harvest in Turkey // Archaeology. 1967. V. 20. N 3; *Flannery K. V.* The Origins of Agriculture // ARA. 1973. V. 2. P. 298, 299.
- ²¹ *Clark C., Haswell M. R.* The Economics of Subsistence Agriculture. London, 1964. P. 33–41.
- ²² *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953; *Андрюханов Б. В.* Древние оросительные системы...; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974; *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеозитоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977; *Childe V. G.* Old World Prehistory: Neolithic // Anthropology Today. Chicago, 1953; *Smith P. E. L., Young T. C.* The Evolution of Early Agriculture...; *Sherratt A.* Water, Soil and Seasonality...
- ²³ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 128 и сл.; *White L. A.* The Evolution of the Culture. P. 287; *Smith P. E. L.* Land-use, Settlement Patterns and Subsistence Agriculture: a Demographic Perspectives // MSU; *Fleming A.* The Genesis of Pastoralism in European Prehistory // WA. 1972. V. 4. N 2. P. 183, 184.
- ²⁴ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 125; *Jarman H. N.* Early Crop Agriculture in Europe // UISPP. IX Congress. Colloque XX. Origine de l'élevage et de la domestication. Nice, 1976. P. 116–144; *Sherratt A.* Water,

- Soil and Seasonality... P. 314, 345; *Hairstead P.* Counting Sheep in Neolithic and Bronze Age Greece // PP. P. 318–320; Early European Agriculture. Cambridge, 1982. P. 145, 146.
- ²⁵ *Коробкова Г. Ф.* Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия // 150 лет Одесскому археол. музею АН УССР. Киев, 1975; *Она же.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. 1978. Вып. 152.
- ²⁶ *Кларк Г.* Доисторическая Европа. С. 103; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 102; *Слободин В. М.* Развитие и смена систем земледелия до I тысячелетия н. э. // Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М., 1952. С. 25; *Sherratt A.* Water, Soil and Seasonality... P. 314, 345.
- ²⁷ *Кларк Г.* Доисторическая Европа. С. 99–103; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 102.
- ²⁸ Ср., например: *Jensen J.* The Prehistory of Denmark. L., 1982. P. 98, 99; *Rowley-Conwy P.* Slash-and-burn in the Temperate European Neolithic // ГРВР.
- ²⁹ *Oates D., Oates J.* Early Irrigation Agriculture in Mesopotamia. // PESA. P. 120.
- ³⁰ *Clark C., Haswell M. R.* The Economics... P. 33, 34.
- ³¹ *Ibid.* P. 37, 38.
- ³² *Adams R. Mc.* The Evolution... P. 43; *Freeman D.* Report on the Iban. L., 1970; *Fürer-Heimendorf Ch. von.* The Apa Tanis and their Neighbours. L., 1962. P. 19; *Odaka K.* Economic Organization of the Li Tribes of Hainan Island. New Haven, 1950. P. 65; *Turner II B. L., Harrison P. D.* Prehistoric Raised-field Agriculture in the Maya Lowlands // Science. 1981. V. 213. P. 399–404; *Netting R. McC.* Hill Farmers of Nigeria: Cultural Ecology of the Kofyar of the Jos Plateau. Seattle, 1970.
- ³³ *Oates D., Oates J.* Early Irrigation Agriculture... P. 120.
- ³⁴ Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982, С. 184–187; *Fürer-Heimendorf Ch. von.* The Apa Tanis... P. 19; *Odaka K.* Economic Organization...; *Netting R. McC.* Hill Farmers...; *Kirch P. V.* Polynesian Prehistory; Cultural Adaptation in Island Ecosystems // AS. 1980. V. 68. N 1. P. 46.
- ³⁵ *Андреанов Б. В.* Древние оросительные системы...; *Он же.* Земледелие наших предков. М., 1978; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 150–179; *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978, и др.
- ³⁶ *Helbaeck H.* Samarran Irrigation Agriculture at Choga Mami in Iraq // Iraq. 1972. V. 34. Pt. 1; *Oates D., Oates J.* Early Irrigation Agriculture...
- ³⁷ *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Д., 1970. С. 53, 54, 108; *Лисицына Г. Н.* К вопросу о раннем земледелии в Южной Грузии // Человек и окружающая среда. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1984; *Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1982. С. 106, 107, 132; *Говзелия Д. Д.* Квемокартлийская археологическая экспедиция 1978–1980 гг. // Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси, 1982. С. 13–17.
- ³⁸ *Брегадзе Н. А.* Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982. С. 77–79; *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976. С. 166, 167.
- ³⁹ *Андреанов Б. В.* Древние оросительные системы...; *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие...
- ⁴⁰ *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979. С. 37.
- ⁴¹ *Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze Age in Europe: an Introduction to the History of Europe, c. 2000–700 BC. L., 1979. P. 220, 221; *Smith C. D.* Western Mediterranean Europe: A Historical Geography of Italy, Spain and Southern France since the Neolithic. L., 1979. P. 177–184; *Gilman A.* The Development of social stratification... P. 6, 7.
- ⁴² Ср.: *Sherratt A.* Water, Soil and Seasonality... P. 323; *Allchin B. and R.* The Rise of Civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982.

- ⁴³ *Мухлинов А. И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977. С. 55; *Chesnov Y. V.* Ethnocultural History of Southeast Asia as Based on the Materials of the 14th Pacific Sciences Congress // AP. 1979. V. 22. N 2. P. 210, 211; *Higham C.* The Economic Basis of Prehistoric Thailand // AS. 1979. V. 67. N 6; *Higham C. Kijngam A., Manly B., Moore S.* The Bovid third Phalanx and prehistoric Ploughing // JAS. 1981. V. 8. N 4; *Van Liere W. J.* Traditional Water Management...
- ⁴⁴ *Андрюанов Б. В.* Древние оросительные системы... С. 82, 83; *Chang T. T.* The Rice Cultures // EHA. P. 147.
- ⁴⁵ *Yen D. E.* The Development of Agriculture in Oceania // Studies in Oceanic Culture History. Honolulu, 1971. V. 2.
- ⁴⁶ *Spriggs M.* Taro Cropping Systems in the Southeast Asia - Pacific Region: Archaeological Evidence // AO. 1982. V. 17. N 1; *Golson J. Kuk* and the History of Agriculture in the New Guinea Highlands // Melanesia: Beyond Diversity. Canberra, 1982.
- ⁴⁷ *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство Тропической Африки. М., 1972; *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство и аграрный строй Тропической Африки. М., 1977; *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974; *Он же.* Мелконаатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; *Поплинский Ю. И.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1978. С. 119, 120; *Sutton J. E. G.* Irrigation and Soil-conservation in African Agricultural History // JAH. 1984. V. 25. N 1.
- ⁴⁸ *Denevan W. M.* Hydraulic Agriculture in the American Tropics: Forms, Measures and Recent Research // MS.
- ⁴⁹ *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 72, 73; *MacNeish R. S.* A Summary of the Subsistence // The Prehistory of the Tehuacan Valley. Austin, 1967. V. 1. P. 306.
- ⁵⁰ *Blanton R., Kowalewski S., Feinman G., Appel J.* Ancient Mesoamerica: a Comparison of Change in Three Regions. Cambridge, 1981. P. 46-48, 54, 113, 114; *Nichols D. L.* A Middle Formative Irrigation System near Santa Clara Coatlitan in the Basin of Mexico // AAn. 1982. V. 47. N 1.
- ⁵¹ *Гуляев В. И.* Земледелие древних майя // Природа. 1982. № 9; *Freidel D. A., Scarborough V.* Subsistence, Trade and Development of the Coastal Maya // MS. P. 133-145.
- ⁵² *Lipe W. D.* The Southwest // ANA; *Plog F.* The Keresan Bridge: An Ecological and Archaeological Account // SAR; *Masse W. B.* Prehistoric Irrigation Systems in the Salt River Valley // Science. 1981. V. 214. P. 408-414.
- ⁵³ Mississippian Settlement Patterns. N. Y., 1978.
- ⁵⁴ *Moseley M. E.* The Evolution of Andean Civilization // ANA; *West M.* Early Water-table Farming in the North Coast of Peru // AAn. 1979. V. 44. N 1; *Knapp G.* Prehistoric Flood Management on the Peruvian Coast: Reinterpreting the «Sunken Fields» of Chilca // AAn. 1982. V. 47. N 1.
- ⁵⁵ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 213; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 164-175.
- ⁵⁶ *Mercer R.* Introduction // FPBP; *Charman J. C.* «The Secondary Product Revolution» and the Limitations of the Neolithic // Bulletin of the Institute of Archaeology. L., 1983. N 19. P. 112; *Sherratt A.* The Secondary Exploitation of Animals in the Old World // WA. 1983. V. 15. N 1.
- ⁵⁷ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 213, 214; *Steensberg A.* The Husbandry of Food Production // EHA. P. 48; *Orme B.* Anthropology for Archaeologists: an Introduction. L., 1981. P. 279, 280.
- ⁵⁸ *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. С. 37; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры... С. 106; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 379; *Он же.* Энеолит Кавказа. С. 133; *Gimbutas M.* The First Wave of Euroasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // JIES. 1977. V. 5. N 4. P. 292.

- ⁵⁹ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия; *Брегадзе Н. А.* Очерки... С. 84; *Маринов В.* Етнографски паралели на някои археологически находки и ситуации // *Интердисциплинарни изследованиа*. София, 1982. Вып. 9. С. 105; *Радунчева А.* Праисторическа епоха // Развитие на земеделието по българските земи. София, 1981. С. 18, 19.
- ⁶⁰ *Коробкова Г. Ф.* Трипольские мотыги...; *Она же.* Экспериментальный анализ...; *Черныш Е. К., Массон В. М.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // *Энеолит СССР*. С. 234.
- ⁶¹ *Thapar B. K.* New Traits of the Indus Civilization at Kalibangan: an Appraisal // *South Asian Archaeology*. L., 1973; *Steensberg A.* The Husbandry... P. 49.
- ⁶² *Clark C., Haswell M. R.* The Economics of Subsistence Agriculture. P. 55.
- ⁶³ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. С. 237–240; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 147–153.
- ⁶⁴ *Satonen A.* Agricultura Mesopotamica nach sumerisch-akkadischen Quellen. Helsinki, 1968; *Smith P. E. L., Young T. C.* The Evolution of Early Agriculture...; *Oates D., Oates J.* Early Irrigation Agriculture...; *Sherratt A.* Plough and Pastoralism: Aspects of the Secondary Products revolution // *PP*.
- ⁶⁵ *Fronzaroli P.* On the Common Semitic Lexicon and its Ecological and Cultural Background // *Hamito-Semitic*. The Hague, 1975; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2; *Старостин С. А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // *Древняя Анатолия*. М., 1985.
- ⁶⁶ *Кушнарева К. Х., Лисицына Г. Н.* О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы) // *СА*. 1979. № 2; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 50, 51; *Есаля С. А.* Древняя культура... С. 163.
- ⁶⁷ *Сарианиди В. И.* Новый центр древневосточного искусства // *Археология Старого и Нового Света*. М., 1982. С. 70; *Кузьмина Е. Е.* Этапы развития колесного транспорта Средней Азии // *ВДИ*. 1980. № 4. С. 14, 19.
- ⁶⁸ *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднемного погребения конца III – начала II тысячелетия до н. э. // *СА*. 1973. № 3; *Никитенко М. М.* О датировке балканского рала // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977; *Лихачев В. А.* Рало из погребения у с. Верхняя Маевка // *Древности степного Поднепровья (III–I тысячелетия до н. э.)*. Днепропетровск, 1982; *Шарафутдинова Э. С.* Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // *КСИА*. 1982. Вып. 176.
- ⁶⁹ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 114, 115; *Sherratt A.* Plough and Pastoralism... P. 267, 268; *Gilman A.* The Development of Social Stratification... P. 5.
- ⁷⁰ *Steensberg A.* The Husbandry... P. 49; *Jensen J.* The Prehistory... P. 153.
- ⁷¹ *Jensen J.* The Prehistory... P. 223, 224.
- ⁷² *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 89; *Ho P.-T.* The Cradle of the East. Chicago, 1975. P. 115, 116; *Chang T. T.* The Rice Cultures. P. 147.
- ⁷³ *Diep D. H.* The Generation and Evolution of the Wet Rice Planting among the Ancient Viet // *Khao co hoc*. 1980. N 3; *Higham C., Kijngam A., Manly B., Moore S.* The Bovid Third Phalanx...
- ⁷⁴ *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство...
- ⁷⁵ *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории Великой саванны. М., 1978. С. 28–30. С этой точки зрения трудно согласиться с К. Экхольм, утверждающей, что становление ранней государственности в Конго не было связано с каким-либо совершенствованием земледельческой техники. См.: *Ekkholm K.* Power and Prestige. The Rise and Fall of the Kongo Kingdom. Uppsala, 1972. Этот вывод основан на неверном подходе – отождествлении производительных сил исключительно с орудиями труда. Земледельческую систему как такую К. Экхольм не рассматривает.

- ⁷⁶ Гуляев В. И. Земледелие древних майя.
- ⁷⁷ Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.
- ⁷⁸ Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. М., 1981. С. 287–298; Янушевич З. В. Земледелие в раннем триполье (по данным палеоботаники) // Первобытная археология – поиски и находки. Киев, 1980; Halstead P. Counting sheep... P. 327.
- ⁷⁹ Johnson A. W. Individuality and Experimentation in Traditional Agriculture // HE. 1972. V. 1. N 2.
- ⁸⁰ Renfrew J. Palaeoethnobotany. The Prehistoric Food Plants of the Near East and Europe. N. Y., 1973; Zohary D., Spiegel-Roy P. Beginnings of Fruit-growing in the Old World // Science. 1975. V. 187. P. 319–327; Gilman A. The Development of Social Stratification... P. 6; Halstead P. Counting sheep... P. 316; Есаян С. А. Древняя культура... С. 167, 168; Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки...; Янушевич З. В. Земледелие в раннем триполье...
- ^{80a} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 163.
- ⁸¹ Murdock G. P., Provost C. Factors in the Division of Labor by Sex: a Cross-cultural Analysis // Ethnology. 1973. V. 12. N 2; Burton M. L., White D. R. Sexual Division of Labor in Agriculture // AA. 1984. V. 86. N 3.
- ⁸² Furer-Heimendorf Ch. von. The Apa Tanis... P. 25–44.
- ⁸³ Odaka K. Economic Organization...
- ⁸⁴ Netting R. McC. Hill Farmers... P. 133, 134.
- ⁸⁵ Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- ⁸⁶ Шнирельман В. А. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979; Он же. Происхождение скотоводства. М., 1980; Sherratt A. Plough and Pastoralism...; Halstead P. Counting Sheep... P. 316.
- ⁸⁷ Clark C., Haswell M. R. The Economics of Subsistence Agriculture. P. 53–58.
- ⁸⁸ Подробно см.: Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 219–226; Bökönyi S. Development of Early Stock-rearing in the Near East // Nature. 1976. V. 264. N 5581; Sherratt A. Plough and Pastoralism... P. 276–285; Sherratt A. The Secondary Exploitation...
- ⁸⁹ Harrison G. G. Primary Adult Lactase Deficiency: Problem in Anthropological Genetics // AA. 1975. V. 77. N 4; Simoons F. J. Dairying Milk Use and Lactase Malabsorption in Eurasia: a Problem in Culture History // Anthropolos. 1979. V. 44. P. 61–80.
- ⁹⁰ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; Bökönyi S. The Earliest Waves of Domestic Horses in East Europe // JIES. 1978. V. 6. N 1–2; Bibikova V. I. Formen der Viehzucht bei den äneolitischen Stämmen Südosteuropas // Modern Probleme der Archäologie. B., 1975; Sherratt A. The Secondary Exploitation... P. 96, 97; Littauer M. A., Crowell J. H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden, 1979. P. 24, 25.
- ⁹¹ Ермолова Н. М. Новые исследования остатков млекопитающих из энеолитического поселения Анау // Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук. Ашхабад, 1985. № 1. С. 86.
- ⁹² Кузьмина Е. Е. Этапы развития...; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 232, 233.
- ⁹³ Bulliet R. W. The Camel and the Wheel. Cambridge, 1975; Ripinsky M. M. The Camel in Ancient Arabia // Antiquity. 1975. V. 49. N 196.
- ⁹⁴ Бибикина В. И. Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н. э. // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения... С. 302.

- ⁹⁵ *Кравец В. П.* Глиняные модельки саночек и челна в коллекциях Львовского исторического музея // КСИИМК. 1951. Вып. 39; *Круц В. А., Рыжов С. Н.* Тальянки — поселение трипольской культуры на Буго-Днепровском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
- ⁹⁶ *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4; *Она же.* Этапы развития.; *Piggot S.* The Early Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. 1969. V. 14; *Sherratt A.* Plough and Pastoralism...
- ⁹⁷ *Dinu M.* Clay Models of Wheels Discovered in Copper Age Cultures of Old Europe Mid-Fifth Millenium BC // JIES. 1981. V. 9. N 1—2.
- ⁹⁸ *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства...; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1977. С. 24, 22; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 231, 232; *Мерперт Н. Я.* Энеолит юга СССР и евразийские степи // Энеолит. СССР. С. 325.
- ⁹⁹ *Heizer R. F.* Ancient Heavy Transport, Methods and Achievements // Science. 1966. V. 153. P. 821—830.
- ¹⁰⁰ *Hole F.* Pastoral Nomadism in Western Iran // Explorations in Ethnoarchaeology. Albuquerque, 1978. P. 140—145.
- ¹⁰¹ *Levy T. E.* The Emergence of Specialized Pastoralism in the South Levant // WA. 1983. V. 15. N 1; *Gilbert A. S.* On the origins of Specialized Nomadic Pastoralism in Western Iran // WA. 1983. V. 15. N 1; *Zagarell A.* The Prehistory of the Northeast Bahtiyari Mountains, Iran. Wiesbaden, 1982.
- ¹⁰² *Богущий П., Грыгель Р.* Древнейшие земледельцы Среднеевропейской равнины // В мире науки. 1983. № 6; *Tringham R.* Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. L., 1971. P. 90; *Sterud E. L.* Prehistoric Populations of the Dinaric Alps: an Investigation of Interregional Interaction // SAgr.
- ¹⁰³ Ср.: *Богущий П., Грыгель Р.* Древнейшие земледельцы... С. 84; *Early European Agriculture.* Cambridge, 1982. P. 195, 196.
- ¹⁰⁴ *Мерперт Н. Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- ¹⁰⁵ *Мерперт Н. Я.* Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. 1980. Т. 235; *Она же.* Энеолит юга СССР...; *Синюк А. Т.* Энеолит лесостепного Дона // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. 1980. Т. 235; *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев, 1984; *Gimbutas M.* The First Wave...
- ¹⁰⁶ *Шнайдштейн Е. В.* Ямные погребения Калмыкии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов. Оренбург, 1980.
- ¹⁰⁷ *Галкин Л. Л.* Северный Прикаспий в древности // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- ¹⁰⁸ *Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников днепро-молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- ¹⁰⁹ *Бибикова В. И.* Фауна Деревки и ее особенности // Новые открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 1; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. С. 24, 22.
- ¹¹⁰ *Sherratt A.* Plough and Pastoralism...; *Halstead P.* Counting Sheep...; *Jensen J.* The Prehistory... P. 144.
- ¹¹¹ *Мерперт Н. Я.* Древнейшая культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976; *Gimbutas M.* The First Wave...; The Transformation of European and Anatolian Culture c. 4500—2500 BC and its Lega-

- cy // JIES. 1981. V. 9. N 1-2; *Harrison R. J.* The Beaker Folk: Copper Age Archaeology in Western Europe. L., 1980.
- ¹¹² *Murray J.* The First European Agriculture. Edinburgh, 1970. P. 104-107.
- ¹¹³ *Fleming A.* The Genesis of Pastoralism in European Prehistory // WA. 1972. V. 4. N 2; *Bradley R.* Prehistorians and Pastoralists in Neolithic and Bronze Age England // Ibidem; *Orme B.* Anthropology for Archaeologists... P. 255-272.
- ¹¹⁴ *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 101-110, 240, 241; *Van Noten F.* Rock Art of the Jebel Uweinat (Libyan Sahara). Graz, 1978.
- ¹¹⁵ *Поплинский Ю. И.* Из истории этнокультурных контактов... С. 103-128; *Camps G.* Beginnings of Pastoralism and Cultivation in North-West Africa and the Sahara: Origins of the Berbers // CHA. 1982. V. 1. P. 620-623.
- ¹¹⁶ *Clark J. D.* The Domestication Process in Sub-Saharan Africa with Special Reference to Ethiopia // UISPP. IX Congress. Colloque XX. Origine de l'élevage et de la domestication. Nice, 1976. P. 77, 78, 86-88; *Bower J. R. F., Nelson Ch. M.* Early Pottery and Pastoral Cultures of the Central Rift Valley, Kenya // Man. 1978. V. 13. N 4.
- ¹¹⁷ *Lewis H. S.* The Origins of the Galla and Somali // JAH. 1966. V. 7. N 1; *Grottanelli V. L.* The Peopling of the Horn of Africa // Africa. 1972. Anno 27. N 3; *Turton E. R.* Bantu, Galla and Somali Migrations in the Horn of Africa: a Reassessment of the Juba/Tana Area // JAH. 1975. V. 16. N 4; *Phillipson D. W.* Early Food Production in Sub-Saharan Africa // CAH. 1982. V. 1. P. 798, 799; *Robertshaw P., Collett D. A.* New Framework for the Study of Early Pastoral Communities in East Africa // JAH. 1983. V. 24. N 3.
- ¹¹⁸ *Jacobs A. H.* Maasai Pastoralism in Historical Perspective // Pastoralism in Tropical Africa. Oxford, 1975. P. 407-412; *Sutton J.* The Archaeology of the Western Highlands of Kenya. Nairobi, 1973. P. 13, 14, 83, 84.
- ¹¹⁹ *Stemler A., Harlan J., De Wet J.* Caudatum Sorghum and Speakers of Chari-Nile Languages in Africa // JAH. 1975. V. 16. N 2.
- ¹²⁰ *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 106, 107; *Lattimore O.* Inner Asia Frontiers of China. L., 1940. P. 53-75.
- ¹²¹ *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 171-175.
- ¹²² *Maggs T.* The Iron Age Sequence South of the Vaal and Pongola Rivers: Some Historical Implications // JAH. 1980. V. 21. N 1; *Denbow J.* A New Look at the Later Prehistory of the Kalahary // JAH. 1986. V. 27. N 1.
- ¹²³ *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX МКАЭН. Доклады сов. делегации. М., 1973.
- ¹²⁴ *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. С. 27, 28; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы... С. 188, 189; *Шнирельман В. А.* «Неолитическая революция» и неравномерность исторического развития // Проблема переходного периода и переходных общественных отношений. М., 1986; *Yesner D. R.* Maritime Hunter-gatherers: Ecology and Prehistory // CA. 1980. V. 21. N 6; *Testart A.* The Significance of Food Storage among Hunter-gatherers: Residence Patterns, Population Densities and Social Inequalities // CA. 1982. V. 23. N 5; *Ingold T.* The Significance of Storage in Hunting Societies // Man. 1983. V. 18. N 3.
- ¹²⁵ *Suttles W.* Coping with Abundance: Subsistence on the Northwest Coast // Man the Hunter. Chicago, 1968; *Donald L., Mitchell D.* Some Correlates of Local Group Rank among the Southern Kwakiutl // Ethnology. 1975. V. 14. N 4.
- ¹²⁶ *Ames K. M.* The Evolution of Social Ranking on the Northwest Coast of North America // AAn. 1981. V. 46. N 4.
- ¹²⁷ *Laguna F. de.* Under Mt. St. Elias: the History and Culture of the Yakutat Tlingit. Washington, 1972. V. 1. P. 360.
- ¹²⁸ *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья

- Северной Америки // ТИЭ. 1961. Т. 70; *Она же*. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 134–170; *Drucker P.* Cultures of the North Pacific Coast. San Francisco, 1965; *Schalk R. F.* Land Use and Organizational Complexity among Foragers of Northwestern North America // SES. 1981. V. 9.
- ¹²⁹ *Baumhoff M. A.* Ecological Determinants of Aboriginal California Population. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 221–226.
- ¹³⁰ Antap. California Indians Political and Economic Organization. Ramona, 1974; *King T. F.* Don't that Beat the Band? Nonegalitarian Political Organization in Prehistoric Central California // SAR; *Moratto M. J.* California Archaeology. Orlando, 1984.
- ¹³¹ *Goggin J. M., Sturtevant W. C.* The Calusa: a Stratified, Nonagricultural Society // Explorations in Cultural Anthropology. N. Y., 1964.
- ¹³² *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
- ¹³³ *Horton R.* From Fishing Village to City-State // Man in Africa. L., 1969.
- ¹³⁴ Подробно см.: *Шницерльман В. А.* Собиратели саро // ВИ. 1983. № 11.
- ¹³⁵ *Childe V. G.* Man Makes himself; *Forbes R. J.* Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950; *Wertime T. A.* The Beginnings of metallurgy: a New Look // Science. 1973. V. 182. P. 875–887; *Tylecote R. F.* A History of Metallurgy. L., 1976; *Renfrew C.* Problems in European Prehistory. Edinburgh, 1979.
- ¹³⁶ *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Древнейшая металлургия Месопотамии // СА. 1977. № 3; *Рындина Н. В.* Человек у истоков металлургических знаний // Путешествия в древность. М., 1983; *Esin U.* Die Anfänge der Metallverwendung und Bearbeitung in Anatolien // DM; *Heskel D. L.* A Model for the Adoption of Metallurgy in the Ancient Middle East // СА. 1983. V. 24. N 3; *Moorey P. R. S.* The Archaeological Evidence for Metallurgy and Related Technologies in Mesopotamia, 5500–2100 B. C. // Iraq. 1982. V. 44. N 1.
- ¹³⁷ *Wertime T. A.* The beginnings...; *Esin U.* Die Anfänge...; *Heskel D. L., Lamberg-Karlovsky C. C.* An Alternative Sequence for the Development of Metallurgy: Tepe Yahya, Iran // CAI; *Muhly J. D.* The Bronze Age Setting // CAI; *Mulhy J. D.* Sources of Tin and the Beginnings of Bronze Metallurgy // American Journal of Archaeology. 1985. V. 89, N 2.
- ¹³⁸ *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры...; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века; *Есаян С. А.* Древняя культура...; *Геворкян А. Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
- ¹³⁹ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века.
- ¹⁴⁰ *Сайко Э. В., Терехова Н. Н.* Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981; *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. С. 52–56.
- ¹⁴¹ *Jarrige J.-F., Meadow R. H.* The Antecedants of Civilization in the Indus Valley // SA. 1980. V. 243. N 2; *Allchin B. and R.* The Rise of Civilization...; *Agrawal D. P.* The Indian Bronze Age Cultures and Their Metal Technology // Advances in World Archaeology. 1982. V. 1.
- ¹⁴² Ср.: *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971. С. 105, 106; *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978. С. 276. *Renfrew C.* The Autonomy of the South-East European Copper Age // PPS. 1969. V. 35; *Jovanovic V.* Rudna Glava: najstarije rudarstvo bakra na Centralnom Balkanu. Beograd, 1982; *Charman J. C., Tylecote R. F.* Early Copper in the Balkans // PPS. 1983. V. 49.
- ¹⁴³ *Черных Е. Н.* Горное дело...; *Она же*. О юго-восточной зоне балкано-карпатской металлургической провинции эпохи энеолита // Studia Praehistorica. София, 1978. Т. 1–2; *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии; *Jovanovic V.* Rudna Glava...
- ¹⁴⁴ *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство...; Чер-

- или *Е. К., Массон В. М.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР...
- 145 *Rothenberg B., Blanco-Freijeiro A.* Studies in Ancient Mining and Metallurgy in South-West Spain. L., 1981.
- 146 *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2; *Мернер Н. Я.* О племенных союзах...; *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии; *Gimbutas M.* The First Wave...; *Dennell R. W., Webbley D.* Prehistoric Settlement and Land Use in Southern Bulgaria // Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
- 147 *Primas M.* Frühe Metallverarbeitung und Verwendung im Alpenen und Zirkumalpinen Bereich // DM; *Guilaine L., Vaquer J.* Les débuts de la métallurgie dans le Midi de la France et en Italie du Nord // DM; *Briard J.* L'apparition du cuivre et le développement des industries métallurgiques en France, principalement dans l'ouest // DM; *Renfrew C., Whitehouse R.* The Copper Age of Peninsular Italy and the Aegean // Annual of the British School at Athens. 1974. V. 69; *Gallay A.* The Western Alps from 2500 to 1500 b. c. (3400–2500 BC). Traditions and Cultural Changes // JIES. 1981. V. 9. N 1–2; *Barker G.* Landscape and Society: Prehistoric Central Italy. L., 1981.
- 148 Правда, датировка этого момента не является строго установленной: *Sherratt A.* Resources, Technology and Trade: an Essay in Early European Metallurgy // PESA. P. 578; *Tylecote R. F.* Furnaces, Crucibles and Slags // CAI. P. 190–193; *Shepherd R.* Prehistoric Mining and Allied Industries. L., 1980. P. 175–184; *Rothenberg B., Blanco-Freijeiro A.* Studies... P. 169.
- 149 *Charles J. A.* The Coming of Copper and Copper-Based Alloys and Iron: a Metallurgical Sequence // CAI. P. 176–178.
- 150 Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987; *Сунчугаев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975; *Пяткин Б. Н.* Металлургия и металлургия андроновского времени // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. Но ср.: *Сергеева Н. Ф.* Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1981. С. 39.
- 151 *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 77; *Сергеева Н. Ф.* Древнейшая металлургия...
- 152 *Журавлева А. П.* О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии // КСИА. 1975. Вып. 142; *Она же.* Датировка поселений мезолита — раннего металла в Уницкой губе Онежского озера // СА. 1984. № 4.
- 153 *An Z.* Some Problems Concerning China's Early Copper and Bronze Artifacts // Early China, 1982/83. V. 8; *Barnard N.* Further Evidence to Support the Hypothesis of Indigenous Origins of Metallurgy in Ancient China // The Origins of Chinese Civilization. Berkeley, 1983.
- 154 *Wheeler T. S., Maddin R.* The Technique of the Early Thai Metalsmith // Expedition. 1976. V. 18. N 4; *Bayard D. T.* The Chronology of Prehistoric Metallurgy in North-East Thailand: Silabhum or Samrdhabhum? // Early South East Asia. Oxford, 1979; *Higham C. F. W.* The Ban Chiang Culture in Wider Perspective // Proceedings of the British Academy, 1983. L., 1984. V. 69.
- 155 *Van der Merwe N. J.* The Advent of Iron in Africa // CAI. P. 498; *Harrison R. J.* The Beaker Folk... P. 157, 158; *Camps G.* Beginnings of Pastoralism... P. 612–615; *McIntosh S. K., McIntosh R. J.* Current Directions in West African Prehistory // ARA. 1983. V. 12. P. 241, 242.
- 156 *Rothenberg B., Tylecote R. F., Boydell P. J.* Chalcolithic Copper Smelting: Excavations and Experiments // Archaeo-metallurgy. L., 1978. V. 1. P. 1–11; *Wertime T. A.* The Pyrotechnologic Background // CAI. P. 13–16.
- 157 CAI.
- 158 *Андреев И. Л.* Черная металлургия: древнейшая в мире // Африка еще не открыта. М., 1967; *Ольдерогге Д. А.* Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки // Africana. Этнография, история, лингв.

- вистика. Л., 1969; *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества... С. 108—110; *Он же.* Мелконатуральное производство... С. 62, 63.
- ¹⁵⁹ *Куббель Л. Е.* Африка // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978. С. 168—172; *Shaw T.* Nigeria. Its Archaeology and Early History. L., 1978. P. 84—87; *Van der Merwe N. J.* The Advent of Iron...; *Maret P. de.* Recent Archaeological Research and Dates from Central Africa // JAH. 1985. V. 26. N 2—3.
- ¹⁶⁰ *Bray W.* Ancient American Metalsmith // Proc. of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland for 1971. L., 1972. P. 25—43; *Lechtman H.* The Central Andes: Metallurgy without Iron // CAI.
- ¹⁶¹ *Bray W.* Ancient American Metalsmith; *Bruhns K. O., Hammond N.* A Maya Metal-worker's Tool from Belize // Antiquity. 1982. V. 56. N 218.
- ¹⁶² Lake Superior Copper and the Indians: Miscellaneous Studies of Great Lake Prehistory. Ann Arbor, 1961; *Griffin L. B.* The Midlands and Northeastern United States // ANA.
- ¹⁶³ *Аверкиева Ю. П.* К истории металлургии у индейцев Северной Америки // СЭ. 1959. № 2. *Witthoft J., Euman F.* Metallurgy of the Tlingit, Dene and Eskimo // Expedition. 1969. V. 11. N 3; *Franklin U. M., Badone E., Gotthardt R., Yorga B.* An Examination of Prehistoric Copper Technology and Copper Sources in Western Arctic and Subarctic North America. Ottawa, 1981.
- ¹⁶⁴ *Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.* К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам // СЭ. 1977. № 4; *McCartney A. P., Mack D. J.* Iron Utilization by Thule Eskimos of Central Canada // AAN. 1973. V. 38. N 3.
- ¹⁶⁵ *Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.* К проблеме проникновения железа... С. 105; *Аверкиева Ю. П.* К истории металлургии...; *Shinkwin A.* Dakah De'nin's Village and the Dixthada Site: a Contribution to Northern Athapaskan Prehistory. Ottawa, 1979; *Emmons C. T.* Copper Neck-rings of South Alaska // AA. 1908. V. 10. N 4.
- ¹⁶⁶ *Массон В. М.* Введение: Постановка вопроса. Понятие «энеолит». // Энеолит СССР. С. 6. Ср.: *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство... С. 7, 8.
- ¹⁶⁷ *Березаньская С. С.* Про роль металлургии у сусильному прогреси в эпоху міді та бронзи // Археологія. Київ, 1971. Т. 2. С. 9.
- ¹⁶⁸ *Мерперт Н. Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж, 1981. с. 7, 8.
- ¹⁶⁹ *Семенов С. А.* Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 208.
- ¹⁷⁰ *Salisbury R. F.* From Stone to Steel: Economic Consequences of a Technological Change in New Guinea. Cambridge, 1962. P. 105—111; *Heider K.* Archaeological Assumptions and Ethnographical Facts: a Cautionary Tale from New Guinea // SWJA. 1967. V. 23. P. 57; *Cranstone B. A. L.* The Tifalmin: a Neolithic People in New Guinea // WA. 1971. V. 3. N 2. P. 133; *Young M. W.* Fighting with food. Leadership, values and social control in a Massim society. Cambridge, 1971. P. 255.
- ¹⁷¹ *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди и олова. М., 1980. С. 122; *Бочкарев В. С.* К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // ДПР. С. 9—10; *Halstead P.* Counting Sheep... P. 333; *Tylecote R. E.* Furnaces... P. 189. Но ср.: *Shepherd R.* Prehistoric Mining... P. 176—185.
- ¹⁷² *Sherratt A.* Resources... P. 579; *Renfrew C.* Varna and the Social Context of Early Metallurgy // Antiquity. 1978. V. 52. P. 199—203; *Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze Age... P. 517, 518.
- ¹⁷³ *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 94; *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. P. 99; *Bray W.* Ancient American Metalsmith. P. 35.
- ¹⁷⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 161.

- ¹⁷⁵ *Connah G.* Three Thousand Years in Africa: Man and His Environment in Lake Chad Region of Nigeria. Cambridge, 1981. P. 160—162; *Shaw T.* Nigeria... P. 69.
- ¹⁷⁶ Подробно см.: *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976; *Sherratt A.* Resources...; *Shepherd R.* Prehistoric Mining...; *Jovanovic B.* Rudna Glava...
- ¹⁷⁷ *Nenquin J.* Salt. A Study in Economic Prehistory. Brugge, 1961.
- ¹⁷⁸ *Соловьев Л. Н.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии // СА. 1950. Вып. 14; *Jodlowski A.* Eksploatacja soli na terenie Ma'opolcki w pradziejach i we wczesnym sredniowieczu // Studia i materiały do dziejów zup colnych w Polsce. Kraków, 1971. T. 4. S. 243, 244; *Mathias W.* Die Salzproduction — ein bedeutender Faktor in der Wirtschaft der Frühbronzezeitlichen Bevölkerung an der mittleren Saale // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Berlin, 1976. Bd. 60; *Andrews A. P.* The Salt Trade of the Ancient Maya // Archaeology. 1980. V. 33. N 4.
- ¹⁷⁹ *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди... С. 54, 55.
- ¹⁸⁰ *Черных Е. Н.* Горное дело...; *Rothenberg B., Tylecote R. F., Boydell P. J.* Chalcolithic Copper Shelting...; *Rothenberg B., Blanco-Freijeiro A.* Studies in Ancient Mining...; *Jovanovic B.* Rudna Glava...
- ¹⁸¹ *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди... С. 85, 86; *Bray W.* Ancient American Metalsmith. P. 33; *Shepherd R.* Prehistoric Mining... P. 176—185; *Schmidt P. R.* Historical Archaeology: a Structural Approach in an African Culture. L., 1978. P. 39; *Cline W.* Mining and Metallurgy in Negro Africa. Menasha, 1937.
- ^{181a} *Elwin V.* The Agaria. Oxford, 1942.
- ¹⁸² *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди... С. 88; *Shepherd R.* Prehistoric Mining... P. 148—152; *Lechtman H.* The Central Andes... P. 283. Об африканских данных см.: *Cline W.* Mining and Metallurgy...; *Evans-Pritchard E. E.* Zande Iron-working // Paideuma. 1967. V. 13. P. 31.
- ¹⁸³ *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди... С. 92; *Татаринов С. И.* К вопросу о существовании в Северном Причерноморье горно-металлургического центра во II—I тыс. до н. э. Древние медные рудники Донбасса // 150 лет Одесскому археологическому музею...; *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология: поиски и находки. Киев, 1980.
- ¹⁸⁴ *Van der Merwe N. J., Scully R. T. K.* The Phalaborwa Story: Archaeological and Ethnographic Investigation of South African Iron Age Group // WA. 1971. V. 3. N 2.
- ¹⁸⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 163.
- ¹⁸⁶ *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества // Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966. С. 160—165.
- ¹⁸⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328, 329.
- ^{187a} *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 163.
- ¹⁸⁸ См., например: *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи...; *Он же.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; ДПР; *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976; *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги; *Колчин Б. А., Сайко Э. В.* Особенности развития и организации производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981; *Rowlands M.* The Archaeological Interpretation of Prehistoric Metalworking // WA. 1971. V. 3. N 2.
- ¹⁸⁹ *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества...; *Он же.* Мелкопонатуральное производство...; *Cline W.* Mining and Metallurgy...; *Rowlands M.* The Archaeological Interpretation...
- ¹⁹⁰ *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 58; *Routledge W. S., Routledge K.* With a Prehistoric People. The Akikuyu of British East Africa. L., 1910. P. 81—

- 88; *Lindblom G.* The Akamba in British East Africa. Uppsala, 1920. P. 526—533; *Hodder I.* Symbols in Action. Ethnoarchaeological Studies of Material Culture. Cambridge, 1982. P. 59—61; *Fürer-Heimendorf Ch. von.* The Apa Tanis... P. 72; *Elwin V.* The Agaria.
- ¹⁹¹ *Черных Е. Н.* Металл-человек-время. М., 1972. С. 190—192; *Он же.* Древняя металлообработка... С. 159 и сл.; *Forbes R. J.* Metallurgy in Antiquity. P. 74—77.
- ¹⁹² *Katma F. C., Kooijman S.* Ramawa Forja. Child of the Fire. Iron Working and the Role of Iron in West New Guinea. Leiden, 1973.
- ¹⁹³ *Misra P. K.* The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities // Pastoralists and Nomads in South Asia. Wiesbaden, 1975.
- ¹⁹⁴ *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка... С. 160, 161.
- ¹⁹⁵ *Массон В. М.* Экономические предпосылки... С. 54—56; *Он же.* Экономика и социальный строй... С. 63; ДПР. С. 3—5, 18—22, 23—26, 27—29; *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги...; *Черных Е. Н., Массон В. М.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. С. 236; *Forbes R. J.* Metallurgy in Antiquity. P. 78.
- ¹⁹⁶ *Routledge W. S., Routledge K.* With a Prehistoric People... P. 98; *Hodder I.* Symbols in Action... P. 37—40; *Linares de Sapir O.* Diola Pottery of the Fogny and the Kasa // Expedition. 1969. V. 11, N 3; *Fürer-Heimendorf Ch. von.* The Apa Tanis... P. 71; *McIntosh R. J., McIntosh S. K.* Forgotten Tells of Mali. New Evidence of Urban Beginnings in West Africa // Expedition. 1983. V. 25. N 2. P. 43, 44.
- ¹⁹⁷ *Fürer-Heimendorf Ch. von.* The Apa Tanis... P. 49, 50.
- ¹⁹⁸ *Murdock G. P., Provost C.* Factors in the Division of Labor... P. 213. Советским археологам удалось установить, что у некоторых финно-угорских народов в период раннего средневековья литьем металлических украшений занимались женщины и лишь в X—XI вв. этот вид деятельности стал сферой мужского труда (см.: *Голубева Л. А.* Женщины-литейщицы. К истории женского ремесленного литья у финно-угров // С.А. 1984. № 4). Участие женщин в литейном деле этнографам до сих пор как будто бы не известно.
- ¹⁹⁹ *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 64—68; *Blanton R., Kowalewski S., Feinman G., Appel J.* Ancient Mesoamerica... P. 199.
- ²⁰⁰ *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя... С. 58; *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории... С. 34—36; *Odaka K.* Economic organization... P. 50, 51.
- ²⁰¹ *Черных Е. Н.* Металл-человек-время. С. 192—194; *Cline W.* Mining and Metallurgy...; *Forbes R. J.* Metallurgy in Antiquity...
- ²⁰² *Периц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М. С. 146, 147; *Ольдерогге Д. А.* Сумаоро...; *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества... С. 155; *Он же.* Мелконатуральное производство... С. 161 и сл.; *Rowlands M.* The Archaeological Interpretation... P. 216, 217.
- ^{202a} *Кобищанов Ю. М.* Мелконатуральное производство... С. 183.
- ²⁰³ *Кобищанов Ю. М.* Мелконатуральное производство... С. 183, 184; *Аверкиева Ю. П.* К истории металлургии... С. 68; *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества... С. 157; *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. С. 94; *Шнирельман В. А.* Классообразование...; *Barbeau M.* Haida Carvers in Argillite // National Museum of Canada. Ottawa, 1957, Bull. 139; *Ekholm K.* Power and Prestige... P. 121, 125, 127; *Roosevelt A. C.* The Goldsmith. The Coclé Style of Ancient Panama // The Ancestors. Native Artisans in the Americas. N. Y., 1979. P. 79.
- ²⁰⁴ См. также: *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества... С. 156, 157; *Он же.* Мелконатуральное производство... С. 185, 186.
- ²⁰⁵ *Schmidt P. R.* Historical Archaeology... P. 29, 38; *Evans-Pritchard E. E.* Zande Iron-working. P. 26—30; *Barnes S. J., Ben-Amos P.* Benin, Oyo and

- Dahomey. Warfare, State Building and the Sacralization of iron in West African History // Expedition. 1983. V. 25. N 2.
- ²⁰⁶ Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории... С. 49; История Древнего Востока. М., 1983. Т. 1. Ч. 1. С. 121; Bray W. Ancient American Metalsmith. P. 34, 35; Adams R. Mc. The Evolution of Urban Society... P. 89.
- ²⁰⁷ Bean L. J. Social Organization of Native California // Antap... P. 23, 28.
- ²⁰⁸ Массон В. М. Экономика и социальный строй... С. 59; Колчин Б. А., Сайко Э. В. Особенности развития... С. 29, 30; Evans R. K. Early Craft Specialization: an Example from the Balkan Chalcolithic // SAR. P. 115.
- ²⁰⁹ Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971; Она же. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982; Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения...; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века; Энеолит СССР; Chang K.-C. The Archaeology of Ancient China. New Haven, 1977; Foster G. M. The Potter's Wheel: an Analysis of Idea and Artifact in Invention // SWJA. 1959. V. 15. N 2.
- ²¹⁰ Сайко Э. В. Техника и технология... С. 92—98.
- ²¹¹ Попова Т. А. Кремнеобрабатывающее производство трипольских племен (по материалам поселения Полявапов Яр) // Первобытная археология...; Черныш Е. К., Массон В. М. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии.
- ²¹² Allchin B. Stone Industries of Lewan, Tarakai Qila and Lak Largai in the Bannu Basin // South Asian Archaeology. 1979. B., 1981.
- ²¹³ Wright H., Johnson G. Population, Exchange and Early State Formation in South-Western Iran // AA. 1975. V. 77. N 2. P. 279—281; Blanton R., Kowalewski S., Feinman G., Appel J. Ancient Mesoamerica... P. 81.
- ²¹⁴ McIntosh R. J., McIntosh S. K. Forgotten Tells... P. 43, 44.
- ²¹⁵ Vognar-Kutzian I. The Early Copper Age Tisapolgar Culture in the Carpathian Basin. Budapest, 1972. P. 164.
- ²¹⁶ Бочкарев В. С. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2; Береганская С. С. Первые мастера-металлургии...; Шилов В. П. Первые ремесленники эпохи бронзы в предкавказских степях // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982; Черных Е. Н. Металл-человек-время. С. 185, 186; Он же. Древняя металлообработка... С. 165, 166, 171; Он же. Metallургические провинции... С. 279.
- ²¹⁷ Harrison R. J. The Beaker Folk...; Gallay A. The Western Alps... P. 48, 49.
- ²¹⁸ Winter M. C., Pires-Ferreira J. W. Distribution of Obsidian among Households in two Oaxacan Villages // The Early Mesoamerican Village. N. Y., 1976; Blanton R. et al. Ancient Mesoamerica... P. 55—57; Spence M. W. The Social Context of Production and Exchange // Contexts for Prehistoric Exchange. N. Y., 1982.
- ^{218a} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 163.
- ²¹⁹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 341 и сл.
- ²²⁰ Orme B. Anthropology for Archaeologists... P. 213, 214; Shepherd R. Prehistoric Mining...
- ²²¹ Подробно см.: Sherratt A. Resources...
- ²²² Barker G. Landscape and Society... P. 162—168.
- ²²³ Jensen J. The Prehistory of Denmark. P. 103, 104, 156—162.
- ²²⁴ Vulpe A. Zu den Anfängen der Kupfer- und Bronzemetallurgie in Romänien // DM.
- ²²⁵ Rowlands M. The Archaeological Interpretation... P. 220; Schmidt P. R. Historical Archaeology... P. 40.
- ²²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 160.
- ²²⁷ OdaKa K. Economic Organization... P. 74, 75; Fürer-Heimendorf Ch. von. The Apa Tanis... P. 17—19, 51. 52.
- ²²⁸ OttawaWay B., Strahm C. Swiss Neolithic Copper, Beads: Currency, Ornament

- or Prestige Items? // *Wa*. 1975. V. 6. N 3; *Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze Age... P. 474.
- 229 *Fagan B. M.* Early Trade and Raw Materials in South Central Africa // *Pre-colonial African Trade*. L., 1970. P. 30—33; *Bisson M. S.* Copper Currency in Central Africa: the Archaeological Evidence // *WA*. 1975. V. 6. N 3; *Van der Merwe N. J., Scully R. T. K.* The Phalaborwa Story... P. 192.
- 230 *Jensen J.* The Prehistory of Denmark. P. 166, 167.
- 231 *Helms M. W.* Ancient Panama: Chiefs in Search of Power. Austin, 1979.
- 232 *Renfrew C., Dixon J.* Obsidian in Western Asia: a Review // *PESA*.
- 233 Подробно см.: *Кинк Х. А.* Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., 1976. С. 52—54; *Хлопин И. Н.* О так называемых печатях // *Проблемы археологии*. Л., 1978. Вып. 2. С. 33—38; *Массон В. М.* Алтын-дене. Л., 1981. С. 88; *Антонова Е. В.* К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока // *СА*. 1984. № 4.
- 234 *Wright H., Johnson G.* Population... P. 271—273.
- 235 *Schmandt-Besserat D.* The Envelopes that Bear the First Writing // *Technology and Culture*. 1980. V. 21. N 3; *Schmandt-Besserat D.* From Tokens to Tablets: a Re-evaluation of the So-called «Numerical Tablets» // *Visible Language*. 1981. V. 15. N 4.
- 236 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 165.
- 237 *Pre-colonial African Trade*. L., 1970.
- 238 См. также: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // *Становление классов и государства*. М., 1976. С. 81; *Он же.* О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // *СЭ*. 1976. № 4. С. 107. Правда, не все советские исследователи согласны выделять «избыточный продукт» в качестве особой социально-экономической категории. См. например: *Козодоев И. И.* О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике // *СЭ*. 1977. № 3.
- 239 *Аверкиева Ю. И.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 166, 167; *Семенов Ю. А.* Первобытная коммуна... С. 81 и сл.
- 240 *Cohen R., Schlegel A.* The Tribe as a Socio-political Unit: a Cross-Cultural examination // *Essay on the Problem of Tribe*. Seattle, 1968.
- 241 *Watson J. P.* Pueraria: Names and Traditions of a Lesser Crop of the Central Highland, New Guinea // *Ethnology*. 1968. V. 7. N 3.
- 242 *Sherratt A.* Plough and Pastoralism... P. 280—282.
- 243 *Harrison R. J.* The Beaker Folk... P. 68, 69, 104; *Dickson J. H.* Bronze Age Mead // *Antiquity*. 1978. V. 52. N 205.
- 244 Подробно о меланезийских престижных отношениях см.: *Шнирельман В. А.* Классообразование... О других социальных причинах появления тайников см.: *Семенов Ю. И.* Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // *СЭ*. 1977. № 2. С. 27, 28.
- 245 *Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze Age... P. 314.
- 246 *Friedman J.* Tribes, States and Transformations // *Marxist Analyses and Social Anthropology*. L., 1975. P. 161—202.
- 247 *Scudder T.* Social Anthropology and the Reconstruction of Prehistoric Land use Systems in Tropical Africa: a Cautionary Case Study from Zambia // *OAPD*. P. 363—366.
- 248 *Drucker P.* Cultures of the North-Pacific Coast; *Helms M. W.* Ancient Panama... P. 29; *Шнирельман В. А.* Классообразование...
- 249 *Netting R. McC.* Sacred Power and Centralization: Aspects of Political Adaptation in Africa // *Population Growth*... P. 224—226.
- 250 *Шнирельман В. А.* Классообразование... С. 106; *Clark C., Haswell M. R.* The Economics... P. 8; *Schoeninger M. J.* Diet and Status at Chalcatzingo: Some Empirical and Technological Aspects of Strontium Analysis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1979. V. 51. N 3; *Brown A. B.* Assessment of Palaeonutrition from Skeletal Remains // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1981. V. 376. P. 408; *Hatch J. W., Geidel R. A.*

Tracing Status and Diet in Prehistoric Tennessee // *Archaeology*. 1983. V. 36, N 1.

- ²⁵¹ Об этом см.: *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии» // *Этнологические исследования за рубежом*. М., 1973. С. 53, 54.
- ²⁵² Критика концепции редистрибуции с этих позиций появилась в последнее время и в западной науке. *Peebles C. S., Kus S. M.* Some Archaeological Correlates... P. 423, 424; *Sanders W. T., Webster D.* Unilinealism, Multilinealism and the Evolution of Complex Societies // *SAr*. P. 270, 271; *Carneiro R. L.* The Chiefdom... P. 61–63.
- ²⁵³ *Периц А. И.* Данничество // IX МКАЭН. Докл. сов. делегации. М., 1973; *Он же.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // *Проблемы типологии в этнографии*. М., 1979.
- ²⁵⁴ См., например: *Массон В. М.* К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // *КСИА*. 1966. Вып. 108; *Мерперт Н. Я.* Древнейшие каменные крепости Болгарии // *Новое в археологии*. М., 1972; *Sherratt A.* Plough and Pastoralism... P. 293–295.
- ²⁵⁵ *Шнирельман В. А.* Классообразование...
- ²⁵⁶ *Haas J.* Class Conflict and the State in the New World // *TSNW*; *Саруаниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 152.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА

Появление производящего хозяйства имело важнейшие последствия для всех без исключения областей жизни человеческого общества. Собственно именно эти последствия и позволяют рассматривать переход от присваивающего хозяйства к производящему как один из главных поворотных пунктов истории человечества. Они касались и материально-технической стороны общественного производства, и его социальных аспектов, прежде всего отношений собственности как всей целостности производственных отношений, и, наконец, социальной структуры в целом, вызвав такую ее перестройку, результатом которой стало складывание принципиально нового типа общества — классового общества и принципиально иной в сравнении с ранее существовавшей системы власти в обществе — политической власти, нашедшей свое выражение и оформление в государстве.

В области общественного производства главными из таких последствий были разделение труда, его индивидуализация и возникновение частной собственности. В основе этих процессов лежало повышение общественной производительности труда, что привело к появлению регулярного избыточного продукта, который в новых условиях превращался в прибавочный (правда, не все исследователи согласны с необходимостью различать эти виды продукта, превышающего необходимый). Частная же собственность сделалась экономической основой всех последующих коренных изменений в структуре общества и их необходимым условием. Она решительно изменила характер и собственно материального производства, и распределения произведенного продукта, включая его обращение и его потребление. В частности, только рождение частной собственности сделало возможным тот переход приоритета в сфере распределения к перераспределению общественного продукта, чему такое внимание уделяется в западной экономической антропологии (хотя сам этот переход был весьма существенной, но все же вторичной предпосылкой трансформации всего комплекса социально-экономических отношений человеческого общества).

В области производственных отношений такие изменения в общественном производстве в целом создали возможность для формирования совершенно нового типа общественных отношений — отношений эксплуатации и неразрывно с ними связанных отношений господства и подчинения, выливавшихся в зависимость одних индивидов или групп от других. Закрепление раз-

личного положения тех или иных общественных групп в общественном производстве в силу изменения отношений собственности прокладывало путь к образованию классов, т. е., по определению В. И. Ленина, групп людей, «из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

В области социальной организации возникновение производящего хозяйства создало возможность такого изменения ее форм, которое было по сути своей равнозначно разложению этих последних в том виде, в каком они сложились в эпоху развитого первобытного общества, и принципиально изменило соотношение таких форм и их относительное значение во всей общественной структуре. На передний план все более выдвигалась в качестве основной ячейки общественной организации (и общественного производства) семья, притом в совершенно новых формах, а род и община, утрачивая свое прежнее значение, трансформировались с учетом приоритета семьи, превращаясь постепенно в общественные единицы, обеспечивавшие и гарантировавшие бесперебойное функционирование семьи как ведущей экономической ячейки общества. Резкое изменение претерпело взаимное положение полов: общество неуклонно двигалось в сторону поначалу преобладания, а затем и господства мужчины в подавляющем большинстве определяющих сфер общественной жизни.

Вместе с тем было бы неверно абсолютизировать значение появления производящего хозяйства для начала процесса разложения первобытного общества и формирования общества классового, рассматривая это появление как совершенно неперемное условие. Опыт освоения некоторыми человеческими коллективами особо благоприятных по своим природным условиям зон сделал возможным в ряде случаев получение такой массы общественного продукта, которая оказывалась сопоставимой с продуктом, получаемым от ранних форм производящего хозяйства, а иногда, в особенности на ранних этапах существования производящего хозяйства, и превосходила его по объему (см. об этом главу I). Такие высокоспециализированные общества охотников и рыболовов, как, например, индейцы северо-западного побережья Северной Америки (тлинкиты, хайда, цимшиан, квакиютли), достигли весьма высокого уровня развития частнособственнических отношений и отношений эксплуатации, претерпели ошутимое имущественное расслоение и вплотную подошли к рубежу появления классового общества. Более того, некоторые аспекты процесса разложения первобытнообщинного строя в этих обществах могут рассматриваться как едва ли не «классические» его примеры. Говоря в самой общей форме, для начала этого процесса важна была в первую очередь масса общественного продукта, делавшая возможным регулярный избыточный продукт, и лишь затем — способы его получения. Другой вопрос, что завершение процес-

са, т. е. окончательное складывание классового общества, на базе даже высокоспециализированного присваивающего хозяйства было, по-видимому, все же невозможно; во всяком случае, науке ни один такой случай не известен. Это и позволяет говорить о том, что классовое общество в конечном счете могло сложиться лишь на основе хозяйства производящего.

Наконец, общее усложнение общественной организации, вызывавшееся в конечном счете усложнением общественного производства, и складывание классовой структуры, основывавшейся на эксплуатации человека человеком, потребовали усложнения и развития органов управления. Специализация таких органов, одной из главных задач которых было подавление сопротивления со стороны основной массы населения, еще не расставшейся с общественно-психологическими установками, характерными для развитого первобытного общества, неминуемо вела к появлению обособленной от народа публичной власти — государственной власти, т. е. политической организации общества, сделавшейся орудием классового господства и обеспечивавшей превращение экономически господствующего класса также и в политически господствующий².

Все эти явления и процессы в их совокупности и взаимодействии составили один из важнейших этапов в истории человеческого общества — этап образования классов и государства, классов и политогенеза. Далее они будут рассматриваться в соответствии с очерченными выше сферами общественной жизни, в рамках которых они протекали.

Возникновение частной собственности

Как уже было показано в предшествующей главе, возрастание материально-технических возможностей общественного производства при переходе его на стадию производящего или высокоспециализированного присваивающего хозяйства обеспечивало значительный рост массы совокупного общественного продукта, а это открывало путь для появления регулярного избыточного продукта. Тем самым, с одной стороны, становилось возможным накопление материальных ценностей в таких масштабах, которые делали это накопление принципиально отличающимся от того, что позволяла экономика общества с присваивающим хозяйством; они отличались и в количественном отношении, и по их социальному использованию. С другой же стороны, неуклонно возрастающая, пусть даже и очень медленно, общественная производительность труда имела неминуемым следствием все большую индивидуализацию труда. А отсюда следовала и объективная возможность парцелярного присвоения произведенного продукта, включая и избыточный, т. е. возможность обособления собственности производителя на этот продукт от общей собственности всего коллекти-

ва, которая была характерна для развитого первобытного общества.

Оба эти обстоятельства вели в свою очередь к разделению труда и к ускоренному развитию обмена. Обмен приобретал все более регулярный характер, и его регулярность открывала в перспективе возможность появления производства, специально ориентированного на обмен,— товарного производства³. Непременным условием такого производства оказывалось свободное отчуждение производимого продукта; таким образом, и с этой стороны обособление собственности на последний было объективной необходимостью.

Появление обособленной собственности в непосредственной перспективе вело к возникновению частной собственности и неразрывно с нею связанных отношений эксплуатации. Необходимость разграничения понятий обособленной и частной собственности вытекает из того, что само по себе обособление собственности индивида или группы от общей собственности всего человеческого коллектива, в который такие индивид или группа входят, не обязательно влечет за собой эксплуатацию, хотя и создает для нее необходимые условия. В то же время частная собственность неотделима от отношений эксплуатации и вне них не существует. В этом смысле ее можно рассматривать как завершающий этап эволюции обособленной собственности, когда реализуются те возможности, о которых говорилось выше⁴.

Именно реализованная возможность эксплуатации составляла качественное отличие вновь возникавшей формы собственности и от собственности личной, существовавшей в первобытном обществе периода его расцвета. Появление частной собственности и сделалось главной и необходимейшей предпосылкой разложения первобытного общества и становления общества классового, основанного на эксплуатации человека человеком⁵. Такая роль сохранялась за частной собственностью при любых конкретно-исторических вариантах формирования классового общества (основные такие варианты будут рассматриваться далее).

Вполне очевидно, что самый процесс складывания обособленной собственности и превращения ее в дальнейшем в частную собственность, т. е. возникновения явлений, принципиально отличных от того, что знало первобытное общество, не мог не быть достаточно продолжительным. Столь же очевидно и то, что на ранних его стадиях, когда материально-техническая база общественного производства, состояние производительных сил ставили достаточно жесткие ограничения на пути парцеллизации труда, не могло быть речи о появлении обособленной или частной собственности отдельных лиц. Она неизбежно должна была быть собственностью какой-то группы внутри коллектива в целом и именно в таком качестве противостояла общей собственности всего этого коллектива. Отсюда следует необходимость разграниче-

ния понятий индивидуальной и групповой частной собственности. Накопление богатств происходило в рамках отдельных семей, причем в число накапливаемого входил уже не только продукт, произведенный данной семьей, но и средства производства в виде орудий труда, что коренным образом отличалось от порядка, существовавшего в родовой общине, где последние были коллективной собственностью⁶.

Естественно, что с самого начала обособления групповой собственности и при последующем ее превращении в групповую частную собственность процесс этот протекал в условиях объективного неравенства между отдельными семейными коллективами. На темпы и масштаб накопления собственности непосредственно влияли численный и половозрастной состав семей и в особенности возникшее и непрерывно углублявшееся разделение общественного труда на непосредственно связанный с материальным производством и организационно-управленческий. Те семьи, членам которых доставалось выполнять в коллективе функции управления, сколь бы несложными поначалу ни были эти функции, в конечном счете оказывались в более выигрышном положении. Это было прямо связано с тем, что управление коллективами надсемейного уровня во все большей степени включало в себя перераспределение производимого в данной общине продукта. Самое появление таких возможностей перераспределения продукта отражало прогрессивные перемены в общественном производстве, его существенно возросший потенциал. Но в то же время оно создавало и возможность отчуждения части перераспределяемого общественного продукта в пользу перераспределяющего, т. е. практически в пользу верхушки общин и родов. Открывался путь к превращению избыточного продукта в прибавочный, иными словами, к появлению эксплуататорских отношений.

Однако противопоставление групповой и индивидуальной обособленной, а затем и частной собственности не следует абсолютизировать. Семейные коллективы, имевшие доступ к перераспределению произведенного продукта и, стало быть, способные его отчуждать в свою пользу, были, как общее правило, семьями и родней родовых главарей и вождей. Именно последние были реальными распорядителями и самого процесса производства, и распределения материальных результатов этого производства. Сохранявшиеся представления о групповой собственности семьи неизбежно должны были стать прикрытием, по-видимому, довольно рано паметившейся тенденции к формированию индивидуальной частной собственности этих лиц.

Речь шла о том же самом противоречии между групповой и индивидуальной собственностью, но уже на ином уровне: внутри обособлявшейся семьи. Здесь противостояли друг другу групповая обособленная собственность семьи и зарождавшаяся индиви-

дуальная собственность отдельных ее членов, стремившихся к обособлению последней уже от общесемейной собственности. Глава же семьи стремился монополизировать распоряжение всей семейной собственностью, обнаруживая в этом смысле ту же тенденцию к превращению ее фактически в свою обособленную, а затем и частную индивидуальную собственность⁷. В этом он встречал сопротивление со стороны остальных взрослых мужчин семьи: они были заинтересованы в том, чтобы сохранить свое положение групповых собственников (хотя, так сказать, в идеале проявляли стремление к выделению из состава первоначальной семьи и к превращению в глав самостоятельных хозяйственных семейных ячеек). Тем не менее общий рост производства и руководящее положение главы семьи в масштабах общины или рода создавали ему дополнительные возможности для накопления такой собственности. Поэтому и этап групповой частной собственности должен был проходиться за относительно краткий исторический срок, и складывавшаяся на основе частной собственности имущественная дифференциация делаться все более выраженной.

Экономику эпохи разложения первобытного общества и формирования классов и государства отличала несомненная специфика по сравнению с экономикой как развитого первобытного общества, так и общественных организмов, в которых уже сложилась классовая организация. Специфика эта в самом общем виде сводилась к сравнительно незначительной роли рыночного обмена, заметному возрастанию роли распределительных процессов и к увеличению значения элементов престижного обмена и потребления. Такая специфика требует особого понятийно-терминологического аппарата для описания рассматриваемых явлений и процессов, и этот аппарат был предложен экономической антропологией, прежде всего К. Поланьи. Взгляды Поланьи и его последователей, особенно Дж. Дэлтона, неоднократно рассматривались в работах отечественных исследователей, указывавших на бесспорные слабости выдвинутых экономантропологами концепций⁸. Тем не менее предложенный Поланьи аппарат при условии критического к нему отношения может быть использован достаточно эффективно, почему и нашел применение в советской литературе. Здесь можно будет ограничиться предельно кратким изложением взглядов исследователя.

Поланьи ввел в науку понятия реципрокации и редистрибуции, связав их с определенными стадиями общественного развития: первую — с «племенным» обществом, вторую — с обществом «архаическим»; в современном же обществе, по номенклатуре Поланьи, распределение произведенного продукта осуществляется через рыночные отношения⁹. Нетрудно видеть, что племенное общество более или менее совпадает с первобытнообщинным строем, архаическое — с докапиталистическими классово-антагонистическими формациями, а «современное» — с капиталистиче-

ским. Смысл реципрокации составляет, говоря в самом общем виде, обмен материальными благами или услугами, происходящий между различного характера группами (семейными, родственными, соседскими и т. п.), существующими в данном обществе. Такие группы совершенно равноправны в своих взаимоотношениях и связаны между собой стабильными взаимными обязательствами. Иными словами, такой обмен, по определению исследователя, «симметричен» и происходит как бы в горизонтальной плоскости. Подобным же образом распределяется и произведенный общественный продукт, будь то избыточный или прибавочный; впрочем, в принципе возможно такое распределение и части необходимого продукта.

Содержание редистрибуции составляет распределение уже только избыточного продукта, притом в вертикальной плоскости и в обоих направлениях: от непосредственных производителей продукт поступает в распоряжение лиц, занимающих в обществе руководящее положение (сначала это главарь или вождь с его ближайшим окружением, а на более поздних этапах развития — формирующаяся центральная власть в той или иной ее форме), а затем часть его возвращается производителям в виде общественных фондов, покрывающих затраты на нужды всего коллектива, или помощи малоимущим членам последнего, или же страхового фонда на случай стихийных бедствий или столкновений с соседями. Как затраты на нужды всего коллектива здесь налжежит рассматривать и содержание лиц или групп лиц, осуществляющих руководство обществом — хозяйственное, административное, идеологическое, военное.

Собственно рыночное распределение рассматривается в схеме Полањи как явление весьма позднее. Однако он признавал важную роль и таких форм обмена, как дарообмен или организованная (*administered*) торговля, в особенности на этапе архаического общества, по его классификации¹⁰. Такие формы обмена могли сочетаться с отношениями реципрокации (при обмене дарами между равноправными племенами или раиними государствами) или же редистрибуции (в тех случаях, когда речь шла об организованной торговле, направляемой центральной властью, притом нередко на основе монополии, когда полученные товары включались в общую редистрибуционную сеть).

Поскольку при редистрибуции не может быть речи о симметрии в отношениях партнеров, иными словами — об их равенстве, появление редистрибутивных отношений открывало один из важных каналов для формирования сначала имущественного неравенства, а в более отдаленной перспективе — и отношений зависимости и эксплуатации и вело к складыванию антагонистических классов. Таким образом, в вытеснении реципрокации редистрибуцией Полањи усматривал основной смысл тех явлений и процессов в сфере распределения общественного продукта, которыми

характеризовалась эпоха разложения первобытного общества и формирования классов и государства.

Бесспорно, в концепции Поланьи нашли верное отражение некоторые черты специфики экономики этой эпохи. В целом, однако, при использовании созданного им понятийного аппарата следует учитывать по меньшей мере три существенных порока его концепции. Прежде всего, в ней рассматривается только сфера распределения, т. е. лишь одна сторона процесса общественного производства в целом, а непосредственное производство материальных благ и вопросы трансформации отношений собственности вообще не затрагиваются при анализе момента перехода от первобытности к классовому обществу. В результате самый этот переход объясняется причинами по существу вторичными, а не базовыми.

Во-вторых, обменные отношения существовали и достаточно широко практиковались задолго до организованной торговли, по терминологии Поланьи. Из его концепции по существу выпадает простой обмен материальными ценностями, не опосредованный какими-либо эквивалентами, хорошо известный и в первобытности, т. е. на стадии «племенного» общества. Кроме того, его стадия «архаического» общества фактически находится уже за пределами переходной эпохи, что неправомерно суживает и сферу функционирования дарообмена, существовавшего и в эту эпоху и раньше.

Наконец, нельзя не заметить, что редистрибуция как таковая, т. е. перераспределение произведенного продукта, могла иметь место и в развитом первобытном обществе задолго до начала его разложения и даже в условиях присваивающего хозяйства, если это вызывалось той или иной формой экстремальных условий, в которых мог оказаться человеческий коллектив.

Что служило объектом отчуждения при формировании сначала обособленной, а затем и частной собственности? На первых порах это были, несомненно, излишки продовольствия и отдельные виды ремесленных изделий (или сырья для их производства). Появление земледелия и скотоводства означало появление неизвестных ранее возможностей сохранения таких излишков, что должно было оказывать ускоряющее влияние на самый процесс накопления, при всей неустойчивости производящей экономики в пору, когда она делала первые шаги. По всей видимости, довольно быстро к накоплению собственности в виде реальных потребительных стоимостей добавилось и их накопление в форме каких-то общепринятых в том или ином историко-культурном регионе вещественных эквивалентов, либо выполнявших функцию как бы опредмеченных денег, либо образывавших, по определению Дж. Дэлтона, «примитивные ценности», которые имели лишь престижное значение, но чаще всего никакой потребительной стоимости¹¹. На более поздних этапах, непосредственно пе-

ред складыванием классовой структуры и государственности, в число накапливаемых ценностей вошли и люди — рабы и зависимые различных категорий. Накопление существовало ускорилось расширением обмена, превращением его в регулярную форму хозяйственной деятельности. Тем самым к отмечавшемуся выше объективному неравенству между семейными коллективами добавлялись и внешние факторы, активно стимулировавшие неравномерность процесса накопления и вытекавшую из этого имущественную дифференциацию общества.

Археологические материалы и этнографические данные, прежде всего описания отдельных обществ, находившихся к моменту такого описания на этапе перехода от развитого родового строя к классовому обществу, дают достаточные свидетельства как имущественного неравенства, так и его социальных коррелятов. Многочисленные раскопанные погребения в Европе, в Юго-Западной и Средней Азии, датируемые концом энеолита и эпохой ранней бронзы, содержат значительные материальные ценности и в то же время обнаруживают очень неравномерный характер их распределения. Кроме того, находки из позднеэнеолитических и энеолитических памятников свидетельствуют и о том, что можно, по-видимому, определить постепенное вызревание самого представления о частной, во всяком случае — об обособленной собственности. К таким свидетельствам принадлежат, например, вещи из додинастических погребений древнего Египта (амратская культура), несущие на себе явные знаки собственности и притом обозначающие определенно не родовую собственность, так как они разные в разных захоронениях¹². По всей вероятности, знаками собственности и одновременно с этим магическими оберегами служили и так называемые пуговицевидные печати из энеолитических находок Греции и Передней Азии, в частности, относящиеся к халафской культуре в Верхней Месопотамии и аналогичные, а также чечевицеобразные печати-штампы более поздней убайдской культуры в Нижней и Средней Месопотамии (V тыс. до н. э.)¹³. И тем более выполняли такую функцию цилиндрические печати из месопотамских и протоисламских находок, датируемые началом III тыс. до н. э.¹⁴

О прогрессирувавшем накоплении богатств, равно как и о неравномерности их распределения между членами общества, свидетельствуют многочисленные археологические находки, ареалы которых отнюдь не ограничиваются долиной Нила и Месопотамией. Очень характерны в этом смысле курганные погребения на территории Европейской части СССР и в других европейских странах. Не менее убедительную картину имущественной и социальной дифференциации дают погребения иньской эпохи в Китае и тем более погребения эпохи Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Здесь захоронения четко подразделяются на несколько категорий, различавшихся составом погребального инвентаря: от драгоценно-

стей до вообще полного отсутствия какого бы то ни было инвентаря. Археологические данные находят здесь подтверждение и в письменных памятниках¹⁵. О расслоении общества достаточно ясно говорят и материалы из погребений Юго-Восточной Азии¹⁶. Аналогичную картину рисуют и мезоамериканские данные, причем не по одним только царским погребениям¹⁷. Помимо погребений, картину возраставшей имущественной дифференциации, неразрывно связанной с возрастанием экономических возможностей общества, рисуют нам и многочисленные клады Восточной и Центральной Европы, содержавшие главным образом оружие, орудия труда и украшения (что само по себе достаточно симптоматично для эпохи непосредственного перехода от разлагавшегося первобытного общества к классово-структурной и государственной организации)¹⁸.

Примечательно, что если эти процессы археологически зафиксированы так называемыми «княжескими» курганами, относящимися еще к догосударственной эпохе (типа Майкопского кургана конца III тыс. до н. э.), то в целом такая же картина рисуется и гораздо более поздними описаниями погребений вождей в других регионах мира, что со всей несомненностью подчеркивает именно стадийно обусловленный характер таких форм погребальной обрядности. О нем говорят, например, курганное погребение огузского вождя, которое в начале X в. видел в Северном Приаралье Ибн Фадлан¹⁹, или же совершенно сходные, во многом даже в деталях, церемонии захоронения правителей у различных (и явно догосударственных) народов Западной Африки, наблюдавшиеся арабскими, а затем и европейскими путешественниками с X по XV в.²⁰

Накопление обособлявшейся собственности, превращение ее в частную собственность происходило в противоречивых формах, выражавших противоречивость самого процесса. С одной стороны, формирующаяся частная собственность могла образовывать весьма значительные по местным масштабам богатства. Об этом свидетельствуют, например, этнографические материалы, освещающие общественный быт индейцев северо-западного побережья Северной Америки, создавших хозяйственно-культурный тип высокоспециализированных рыболовов и охотников на морского зверя. У вождей таких племен, как, скажем, тлинкиты, счет одних только рабов шел на десятки²¹. Однако значительная часть накопленных богатств расходовалась по правилам, характерным для управления родовым или общинным имуществом, хотя практически большинство рядовых членов соответствующего коллектива доступа к этому имуществу не имели. Даже у квакиютлей, довольно далеко продвинувшихся по пути сложения частнособственных отношений, медные пластины, игравшие на побережье роль сокровищ, продолжали считаться неотчуждаемым родовым имуществом, хотя в реальности давно уже превратились в на-

следственное имущество семьи вождя²². Аналогичных примеров известно немало, и отмечались они в самых различных районах земного шара.

Такая противоречивость вызывалась и была обусловлена той оппозицией накоплению частных богатств и образованию частной собственности, которую на этой стадии развития общества неизменно обнаруживало общественное сознание людей переходной эпохи, воспитанное на еще сохранявших немалую силу общественно-психологических установках эгалитарного родового строя. В самом деле, такие установки основывались на принципе равнообеспечивающего распределения материальных ценностей, этот принцип не мог оправдать ни непродуктивное накопление любых ценностей, будь то в форме потребительных стоимостей или предметов чисто престижного назначения, ни чрезмерное, по представлениям общества, резко превышающее какие-то средние размеры приобретение таких ценностей. Еще менее можно было его примирить со становлением частной собственности, даже в ее групповом варианте. Отсюда и вытекала упоминавшаяся выше необходимость маскировать появление такой складывавшейся частной собственности внешней формой распоряжения собственностью рода или общины на благо всех членов этих коллективов.

Правда, против свободного распоряжения накапливаемым имуществом действовали не только общественно-психологические, но и объективные социально-экономические причины, прежде всего не завершившаяся еще окончательно индивидуализация труда. В той или иной степени продолжала существовать необходимость определенной производственной кооперации в масштабах всего коллектива, и полное обособление отдельных семей и их собственности оставалось невозможным не только психологически, но и технико-экономически. А тем самым опять-таки создавались условия для сохранения коллективистских психологических установок, восходивших к развитому родовому строю. Таким образом, и с этой стороны возникал конфликт между ними и все усиливавшейся тенденцией к хозяйственному обособлению отдельных семей и к накоплению в них частной собственности.

Как можно судить по весьма представительному этнографическому материалу, такой конфликт имел универсальный характер и в самых разнообразных проявлениях наблюдался в различных частях земного шара. Характерно при этом, что в иных случаях объектом серьезного недовольства членов коллектива могли оказываться даже не накопленная собственность как таковая и не самый факт ее приобретения, а просто способность к такому приобретению, которая превышала средний по масштабам данного социального организма уровень: даже случайная большая удача воспринималась с подозрением. Например, у бемба Центральной Африки и в нашем столетии устойчиво сохранялось неприязненное отношение к чрезмерно, по представлениям сопле-

менников, удачливому земледельцу или, скажем, сборщику дикого меда. Его хозяйственные успехи почти неизменно объяснялись колдовством, и это сразу же ставило человека в положение врага общества: «По убеждению бемба, если человек находит в лесу одно пчелиное гнездо — это удача, два — крупная удача. Если же он найдет три, то это уже колдовство»²³. Вполне понятно, что такого рода социально-психологические установки оказывали отнюдь не благоприятное обратное воздействие на совершенствование методов труда и повышение его эффективности, существенно замедляя эти процессы.

Возникавший таким образом конфликт, разумеется, требовал какого-то разрешения, без этого нормальное функционирование общества довольно скоро стало бы невозможным. Средства его преодоления оказывались достаточно многообразными. По-видимому, самым простым из них бывало принудительное перераспределение чрезмерных, по мнению соплеменников, богатств, причем принуждение могло быть как моральным, так и чисто насильственным; хотя, вероятно, эти формы принуждения чаще всего сочетались друг с другом. Так, у оленеводов Севера Сибири обычай в XVII—XVIII вв. фиксировал предельный размер стада на одну семью в 100 голов, излишки же попросту отбирали либо сородичи, либо соседи²⁴. У описанных Р. Ферсом тикопи чрезмерное, на взгляд коллектива, накопление ценностей предотвращалось при помощи «насильственного обмена»²⁵; аналогичные сведения имеются и относительно эскимосов Северной Америки²⁶. Наконец, «классическим» примером насильственного разрешения конфликта можно считать описанный Л. Поспишилом (и с тех пор постоянно приводимый в литературе) случай у папуасов капауку: от сыновей чрезмерно богатого и скупого, по мнению соплеменников, человека потребовали убить отца²⁷.

Впрочем, устранение конфликта вовсе не всегда и не обязательно приобретало форму перераспределения накопленного имущества. Возможна бывала — и достаточно хорошо документирована этнографическими материалами — и довольно широко встречающаяся ликвидация накопленных богатств в случае смерти их собственника, восходящая, правда, к гораздо более раннему времени, чем интересующий нас здесь период. Происходила она либо путем прямого их уничтожения, либо (видимо, на более поздних этапах) в виде раздачи имущества участникам погребальной церемонии. Такая процедура, затрагивавшая в первую очередь собственность главарей и вождей, выступала в качестве составной части ритуала похорон²⁸.

Можно предположить, что надобность в отмеченных выше жестких методах разрешения проблемы имущественных излишков возникала, по-видимому, только тогда, когда семья или лицо, накопившие такого рода излишки, противились их отчуждению в пользу коллектива сородичей или сообщинников. Конечно, какая

бы то ни было статистика на этот счет отсутствует, но представляется намного более вероятным, что гораздо шире были распространены иные формы урегулирования конфликта, сводившиеся в общем виде к сознательному перераспределению накопленных богатств самими их собственниками. В пользу такого взгляда говорят как обилие этнографической информации о подобных явлениях, так и то немаловажное обстоятельство, что эти «мирные» методы не просто обеспечивали какое-то временное снятие конфликтной ситуации: именно они открывали путь к дальнейшей социально-экономической дифференциации общества, превращавшейся с течением времени уже в дифференциацию классовую.

Самым известным из таких методов следует, видимо, считать потлач — специфический праздник, отмеченный у многих индейских племен Северной Америки, в особенности населявших ее северо-западное побережье, и давший в этнографической литературе название целому классу схожих по социально-экономическому содержанию явлений. Генетически потлач и аналогичные ему явления (потлачевидные институты) представляли, вероятно, дальнейшее развитие только что упоминавшегося обычая уничтожать накопленные богатства. Сущность потлача заключалась в том, что его устроитель представлял на всеобщее обозрение собранные богатства, от одеял до лодок и рабов (притом как рабы считались самой большой материальной ценностью), а затем все их раздавал приглашенным. При этом предметами особой гордости служили и размер раздаваемых богатств, и самый факт их раздачи²⁹. Поводом же к организации потлача могло послужить любое мало-мальски заметное событие в жизни устроителя: свадьба, поминки, похороны, вступление в мужской союз (тайное общество) и т. п. У алгонкинских племен района Великих озер (оджибве) аналогом потлача племен северо-западного побережья служил так называемый «Праздник мертвых», хотя северные алгонкины (мопанье) знали потлач и в «чистом» виде³⁰.

Близки по смыслу к потлачу и получившие особое распространение на островах Меланезии престижные пиры. На таких пирах запасы продовольствия, накапливавшиеся иногда на протяжении многих месяцев, поедались гостями за один присест. При этом для устроителя пира делом чести было пригласить как можно больше сотрапезников³¹. Видимо, в данном случае генетическая связь с обычаем уничтожения богатств выступает особенно ярко.

Все подобные обычаи и ритуалы действительно могли в какой-то степени способствовать поддержанию норм и общественно-психологических установок, свойственных родовому обществу периода его расцвета. Видимо, не следует также сбрасывать со счетов и то, что они, в особенности на первых порах, могли быть достаточно действенным средством сплочения коллектива в условиях, когда его начинали подтачивать объективно неизбежные конф-

ликты, вызывавшиеся ускоренным развитием производительных сил общества и общественной производительности труда после перехода к производящему хозяйству. И все же в общен историческом плане они неспособны были сколько-нибудь существенно замедлить становление частной собственности. Более того, как уже было сказано, в силу своей внутренней противоречивости они способствовали достижению результатов, прямо противоположных тем целям, которые, казалось бы, ставились при воплощении в жизнь этих обычаев и ритуалов.

Действительно, устроитель потлача или аналогичного ему торжества нес, на первый взгляд, весьма ощутимые материальные потери. Но потери эти не были безвозвратными ни в чисто материальном смысле, ни тем более с социальной точки зрения. Прежде всего, продолжавший действовать в общественной практике принцип взаимности в обмене услугами обеспечивал ему возвращение розданных богатств в форме ответных даров во время празднеств такого же рода, устраивавшихся затем его прежними гостями. Причем нередко такие ответные дары существенно превосходили по своей совокупной ценности первоначальные. Не случайно такой крупный исследователь потлача, как Ф. Боас, склонен был рассматривать последний как своего рода выгодное помещение капитала под проценты или как создание некоего страхового фонда, призванного обеспечивать благополучие потомков устроителя³². Правда, эта точка зрения Боаса встречает достаточно критическое отношение, особенно в последние годы³³. Но остается несомненным и едва ли не более важным, что все потлачеподобные торжества влекли за собой рост популярности их устроителей, обеспечивали постоянное увеличение числа их сторонников и создавали устроителям благоприятные возможности для занятия ключевых общественных должностей.

Последние два обстоятельства приобретали особую важность по мере дальнейшего усиления имущественной дифференциации, что влекло за собой появление в обществе все большего числа маломущих и полностью пеимущих членов, готовых поддержать щедрого дарителя против его соперников в борьбе за эти общественные должности. О социально-политических последствиях этого речь пойдет ниже, здесь же следует подчеркнуть, что сами такие должности обеспечивали немаловажные возможности для дальнейшего накопления частных богатств путем ли их непосредственного отчуждения или в форме практически бесконтрольного распоряжения общественным достоянием.

Конечно, такое распоряжение обставлялось, особенно на ранних этапах процесса, определенными и поначалу достаточно строго соблюдавшимися условиями. Занимавший должность обязан был оказывать материальную поддержку нуждавшимся в ней членам коллектива, притом в довольно широких масштабах, как то зафиксировано, например, этнографическими материалами о

меланезийцах о Новой Британия или о мандари южных провинций Судана или о фиджийских моала³⁴. При этом Дж. Бакстон, изучавшая мандари, специально подчеркивает непосредственную связь между распоряжением общественными фондами и привлечением на сторону главаря линиджа возможно большего числа сторонников — «клиентов», а позднее — и зависимых людей.

Однако, хотя накопление в руках отдельных семей или даже у отдельных лиц (соотношение в этих рамках групповой и индивидуальной собственности — вопрос особый, который будет рассмотрен далее) и вело к зарождению частной собственности, противостоящей собственности всего коллектива, условия для окончательной победы частнособственнических отношений могли создаться лишь в том случае и тогда, когда в сферу таких отношений оказалось вовлеченным важнейшее, основное средство труда — земля. До этого момента частная собственность неизбежно должна была оставаться в обществе подчиненной, а то и побочной формой собственности. Более того, сопротивление, оказываемое ее становлению традициями родового и общинного коллективизма, о которых говорилось выше, делало ее неустойчивой и в определенной мере обратимой. Это и понятно: «частная собственность как противоположность общественной, коллективной собственности, — указывал К. Маркс, — существует лишь там, где... внешние условия труда принадлежат частным лицам»³⁵. Иначе говоря, без появления частной собственности на землю, определяемой Марксом как монополия «известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»³⁶, невозможно было превращение частнособственнических отношений в ведущие, т. е. в конечном счете — окончательное утверждение классового общества.

Становление частной земельной собственности по вполне понятным причинам встречало еще большее сопротивление в обществе, чем формирование такой собственности на другие виды материальных богатств. Против нее действовали не только коллективистские социально-психологические установки, но и прежде всего такой мощный объективный фактор, как сохранение собственности общины на землю. Оно оставалось необходимостью, обусловленной в первую очередь уровнем развития производительных сил общества к началу разложения первобытнообщинного строя: этот уровень, как уже говорилось, требовал определенной степени коллективизма при обеспечении условий для нормальной производственной деятельности (хотя отсюда не обязательно непосредственно в процессе материального производства).

В то же время коллективная собственность общины на землю выступала в качестве важнейшей формы социальной связи между членами этой общины. Замена данной формы связями иного типа, хотя и была неизбежна в общен историческом смысле, требо-

вала немало времени. Как раз поэтому, хотя с экономической точки зрения земельная собственность общины постепенно и утрачивала смысл, но вытеснение ее частной земельной собственностью было очень длительным процессом и неизменно сопровождалось яростной борьбой³⁷.

Этнографические материалы показывают нам весьма широкий спектр переходных форм от общинной к частной земельной собственности: от собственности вождей на Гавайях (носившей, однако, не индивидуальный, а корпоративный характер) до многих африканских обществ, где понятия земельной собственности, обособленной от собственности общины, не возникло до первых десятилетий XX в. Поэтому естественно, что появлялись в немалом числе как бы промежуточные формы, в которых первоначально складывалась земельная собственность отдельных семей, противостоявшая земельной собственности рода и общины.

Она распространялась в первую очередь на те земли, которые традиционно не рассматривались как принадлежавшие общинному коллективу. Разумеется, такими могли быть только новые для этого коллектива земли. Отсюда широко известные в обществах, находящихся на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя, явления типа преимущественных земельных прав первопоселенцев, начавших обрабатывать те или иные участки, вольной заимки и им подобных. Характерно при этом, что, скажем, право первопоселения, как это во множестве случаев зафиксировано этнографически, например у народов субсахарской Африки, служило основой отнюдь не одних только ритуальных прав «хозяев земли». Оно обеспечивало верхушке первопоселенцев вполне ощутимые материальные выгоды: и как руководители общины, образовавшейся вокруг некогда осевшей в данной местности семьи, и как «хозяева земли» в ритуальном смысле они получали от членов общины более или менее регулярные подношения практически со всех видов производственной деятельности, хотя размер таких подношений обычно бывал нефиксированным³⁸. Другими словами, здесь открывался достаточно эффективный канал формирования отношений зависимости и эксплуатации, который в более отдаленной перспективе заканчивался уже классовой дифференциацией членов общинного коллектива.

Статус главы общины как распределителя прав на пользование общинной землей служил одним из важных факторов, усиливавших имущественное расслоение вовсе не в одних только новопоселенческих коллективах. До тех пор пока основные хозяйственные угодья — пахотные земли, выгоны, охотничьи земли — продолжали считаться общинной собственностью, глава общины имел возможность получать материальную выгоду за счет подношений тех или иных семейных коллективов, заинтересованных в получении прав на пользование более богатыми и плодородными землями. Понятно поэтому, что общинная верхушка все более

стремилась к полной монополизации распоряжения общинными землями, включая — что очень существенно — и придание такой монополии наследственного характера. Таким образом, самое сохранение обычного для развитого родового общества порядка распоряжения общинной землей в потенции заключало в себе возможность превращения такого порядка в изменяющихся исторических условиях в полную его противоположность, а общинных земель — в частную собственность.

Однако, по-видимому, гораздо более действенным средством разложения общинной земельной собственности и трансформации ее в частную был, так сказать, встречный процесс: стремление отдельных семей в составе общины окончательно закрепить за собой монопольное распоряжение выделенными им участками. Повышение общественной производительности труда делало такие обособленные коллективы все менее зависимыми от общины в производственном процессе. Именно здесь и пролегал, насколько можно судить, магистральный путь становления частной собственности на землю. Характерно при этом, что в земледельческих обществах сложение такой собственности на пахотные земли заметно опережало по времени приватизацию пастбищных и промысловых угодий.

Сложение частной собственности на землю, как уже сказано, засвидетельствовано в этнографических материалах и в письменных исторических источниках во множестве переходных форм и вариантов. На одном конце шкалы можно видеть меланезийцев большинства островов или некоторые народы Африки: у всех этих народов семья владеет общинной землей, только пока эта земля ею обрабатывается³⁹. Но уже на части островов Меланезии, например на Новой Каледонии, наделные земли сохранялись за семьей и в тех случаях, когда они не обрабатывались⁴⁰. Наконец, верхний конец шкалы представлен древними германцами, подробно изученными Ф. Энгельсом: здесь пашия фактически уже сделалась собственностью отдельных семей⁴¹. При этом существенное значение имело, несомненно, наличие достаточных площадей доступной для использования земли. Там, где ее было много, а средняя плотность населения оставалась невелика (как на большей части Тропической Африки), возможности появления групповой земельной собственности, противостоявшей общинной, были большими, хотя вовсе не обязательно реализовывались.

Форма коллективной собственности на землю дольше всего сохранялась у скотоводческих народов, ведущих пастушеский или кочевой образ жизни. Однако по существу монополизированное родо-племенной верхушкой кочевников или пастухов право распоряжаться использованием пастбищами и водоемами при руководстве кочеванием и выпасом скота также превращалось в разновидность обособленной земельной собственности, хотя в пастушеской и кочевой среде складывания частной собственности

на землю в столь ярко выраженных формах, как у земледельцев, обычно все же не происходило⁴².

Нельзя, однако, забывать, что складывание частной земельной собственности завершалось, как общее правило, уже в классовом обществе. К тому же и эта собственность существенно отличалась от полной частной собственности, характерной для общества капиталистического, в том отношении, что любая докапиталистическая частная земельная собственность всегда сохраняла ограниченный, более или менее условный характер (включая и возможность существования «двойной» земельной собственности, когда один из собственников находился в зависимости от другого и им эксплуатировался)⁴³. В этой связи представляется плодотворным предлагаемое А. Я. Гуревичем разграничение семейной и частной (точнее, видимо, «собственно частной») собственности на землю⁴⁴. Тем не менее даже семейная собственность была начальным вариантом частной собственности, противопоставившей себя собственности всего коллектива, общинной.

Развитие частнособственнических отношений не ограничивалось, однако, как уже говорилось, таким противоположением групповой (включая и семейную) частной собственности собственности коллективной. Те же причины, которые вызвали к жизни самую частную собственность — рост общественной производительности труда, его разделение и парцелляция, — влекли за собой углубление противостояния и распространение его на внутрисемейный уровень. Такая тенденция стимулировалась и тем, что по мере становления производящего хозяйства приоритет в общественном производстве все более переходил к таким видам труда, которые с самого начала были по преимуществу мужскими: это относилось в первую очередь к пашенному (плужному) земледелию, скотоводству и металлургическому производству. К тому же именно эти виды деятельности были более тесно связаны с обменом, это оказывалось особенно важно, учитывая ту роль, какую обмен играл в подрыве коллективистских начал в экономике и в появлении частной собственности. В итоге возможность обособиться и стать единоличным главой самостоятельной хозяйственной ячейки оказывалась в техническом смысле реальной для любого трудоспособного мужчины. И именно этим определялась роль частнособственнических отношений в эволюции отношений семейно-родственных, а через них — и социальной структуры в целом. Появление частной собственности необходимо влекло за собой прогрессирующее уменьшение размеров семейно-родственных коллективов: конечным пунктом такого развития столь же неизбежно оказывалась малая семья, в наибольшей степени способная реализовать в своей структуре и функционировании именно частнособственнические отношения. А это означало принципиальный поворот в истории общественной организации человечества.

Обособление семьи и его социальные последствия

В истории первобытного общества наблюдалась устойчивая (понятно, в общен историческом смысле) корреляция между развитием форм собственности, и в особенности становлением собственности частной, и эволюцией форм семьи. В советской науке была предложена следующая схема последовательных ступеней, или этапов, этого процесса: «Первый этап: выделение в роде собственности больших семей, частной по отношению к внешнему миру, но коллективной, групповой по отношению к самой семейной общине; второй этап: выделение так называемой отдельной собственности глав больших семей, обособляющейся уже и по отношению к групповой собственности большесемейного коллектива; третий этап: выделение собственности малых семей, надолго становящихся основными носителями частнособственнических отношений»⁴⁵. Понятно, что такие изменения в формах семейной организации должны были иметь далеко идущие последствия для других элементов общественной структуры, прежде всего для таких важнейших ее частей, как род и община, должны были повести к изменению их соотношения с семьей и друг с другом и их относительного места во всей системе социальных связей. Такие изменения действительно происходили на всей территории ойкумены, и понятно, что локальные особенности порождали большое многообразие их конкретных вариантов. Локальные исторические условия привели и к значительной растянутости этих изменений во времени: начавшись в наиболее благоприятных экологически частях земного шара в начале IV тыс. до н. э., они у многих народов субсахарской Африки, Океании, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии не вполне завершились и сегодня.

Однако при всем многообразии и неравномерности рассматриваемого процесса его социально-экономическая сущность была единой. Она заключалась в преодолении возникшего в результате ускорившегося развития производительных сил общества несоответствия между ними и производственными отношениями. В той форме, какую последние имели в позднеродовой общине, они оказывались уже несовместимы с пачавшимся хозяйственным обособлением отдельных семейных коллективов, а самая община такого типа не могла более оставаться главной производственной единицей. В борьбе между зарождавшимися частнособственническими отношениями и присущим развитой родовой общине коллективизмом происходило становление нового типа социальных связей, а производственные отношения все более отделялись от кровнородственных.

Обособление семьи и ее трансформация. Выражением этого процесса стало образование в рамках разлагавшейся позднеродо-

вой общины новых хозяйственных ячеек в виде отдельных семей, сначала больших, а затем и малых, экономика которых во все большей степени основывалась на частной собственности. А в ходе этого претерпевала качественные изменения и сама семья и — шире — вся система семейно-брачных отношений в целом. Противоречие между семьей и родом под воздействием перемен в общественном производстве чем дальше, тем больше разрешалось в пользу семьи.

Формировавшиеся обособленные семьи могли функционировать в качестве хозяйственных ячеек только в том случае, если такая семья образовывала постоянный производственный коллектив, притом достаточно прочный. Неизменным условием этого была достаточная стабильность состава семейной ячейки. Отсюда вытекала необходимость замены существовавшего в первобытном обществе периода его расцвета парного, или, по другой терминологии, первобытногалитарного, протогалитарного⁴⁶, брака более прочным постоянным союзом брачащихся сторон.

С другой стороны, именно в таких семейных хозяйственных ячейках производилась большая часть отчуждаемого в виде частной собственности прибавочного продукта. В условиях коренных перемен в общественном разделении труда и связанного с ними относительного возрастания значения труда мужского эта частная собственность во все большей степени обнаруживала тенденцию к тому, чтобы стать как раз мужской собственностью. Тем самым, естественно, порождалось стремление к передаче ее прямым потомкам мужчины. Но на пути к этому стояло такое препятствие, как их принадлежность к роду матери.

Правда, это препятствие могло и ослабляться в тех случаях, когда у того или иного человеческого коллектива наличествовал ранний отцовский род. Такой род обеспечивал мужчинам определенное преобладание в обществе, в частности облегчал накопление мужской собственности и ее передачу по мужской линии. Но, во-первых, ранний отцовский род этнографически зафиксирован, как правило, у общностей, развивавшихся в достаточно специфических природных зонах (например, у аборигенов Австралии или у некоторых групп папуасов), и потому, видимо, был распространен гораздо меньше материнского. А во-вторых, ранний отцовский род, как общее правило, существовал параллельно с материнским и не мог целиком исключить действие материнскородовых норм наследования имущества.

И, наконец, превращаясь в обособленную хозяйственную ячейку, семья оказывалась объективно заинтересована в сохранении за собою «своих» мужчин, так как они составляли теперь самую производительную и квалифицированную часть ее рабочей силы. А этому препятствовала весьма распространенная в развитом первобытном обществе укоренокальность брака.

Таким образом, существовавшие в развитом родовом обществе

формы семейно-брачных отношений все более приходили в противоречие с потребностями общественного производства, и это делало неизбежным коренное их изменение. Смысл таких неизбежных перемен в обобщенном виде сводился к максимальному ограничению, а в перспективе — и к полному прекращению связи семьи как обособленной хозяйственной ячейки с родом жены. Понятно, что это не могло не оказать резко отрицательного влияния на положение женщины в семье и в обществе в целом, о чем пойдет речь ниже.

Преодоление отмеченных выше препятствий на пути обособления семьи в хозяйственном отношении и окончательного превращения ее в главную экономическую ячейку общества происходило в таких формах, как, во-первых, изменение локальности брачного поселения; во-вторых, изменение счета родства в семье с материнского на отцовский; в-третьих, изменение организационных принципов строения семьи на диаметрально противоположные прежним с установлением безраздельного господства в ней мужчины. Все эти явления, которые в совокупности своей означали переход от развитой материнскородовой организации, характерной для первобытного общества периода его расцвета, к патриархату, были неразрывно связаны друг с другом. Они происходили на протяжении длительного периода и неизбежно сопровождались возникновением множества разнообразных компромиссных вариантов семейно-брачных отношений, вариантов, отражавших, с одной стороны, переходное состояние общества, а с другой — стремление людей такого переходного общества, прежде всего, конечно, его мужской части, ломать традицию в рамках традиции, по выражению К. Маркса⁴⁷.

По-видимому, изменение локальности брачного поселения несколько предшествовало смене линейности счета родства. Во всяком случае, этнографически зафиксировано множество случаев сосуществования патрилокальности с матрилинейностью⁴⁸, но матрилокальность брака в сочетании с патрилинейным счетом родства представляет скорее исключение или же отражение какого-то своеобразного варианта перехода к патриархату⁴⁹. Однако конечным результатом процесса все же была патрилокальность. Притом характерно, что, насколько позволяет судить этнографический материал, это происходило быстрее в тех случаях, когда дело касалось семей, имевших доступ к распределению общественного продукта и, во всяком случае, располагавших значительными материальными возможностями. В подобных условиях прямая связь между складыванием патрилокальности брачного поселения и формированием обособленных от всего коллектива хозяйственных ячеек (а также и появлением внутри таких ячеек отдельной мужской собственности) достаточно очевидна. Такие факты засвидетельствованы у многих народов, например, в Океании и в субсахарской Африке, находившихся к моменту основа-

тельного знакомства с ними европейских наблюдателей на разных стадиях разложения первобытного и складывания классового общества⁵⁰. В случаях же сохранения матрилинейного счета родства при патрилокальном браке возникали различные «промежуточные» формы, из которых, по всей видимости, одной из самых распространенных и едва ли не самой типичной был авункулат вместе со связанным с ним авункулокальным поселением.

Сохранение материнского счета родства при уже утвердившейся в данном обществе патрилокальности брачного поселения означало, что дети женщины по-прежнему принадлежат к роду матери и рано или поздно в него возвращаются, тогда как их мать остается в семье мужа и в его роде. После возвращения в род матери ближайшим старшим родственником молодого человека оказывался брат матери; фактически дети сестры занимали место его собственных детей, которые в свою очередь уходили в род своей матери⁵¹. Брат и завершал воспитание молодежи, поселявшейся в его семье, выступая как бы в роли «социального отца». Таков общий смысл авункулата, однако в общественной практике он мог сочетаться со многими другими внешними формами: например, восприниматься как «усыновление» или как «возвращение детей», по определению М. О. Косвена. В принципе при переходе племянника в семью брата матери возникала так называемая авункулатная семья, в которой взрослая мужская часть состояла из дяди и племянников, тогда как отношения между реальными родителями и их детьми занимали сравнительно небольшое место. В практике такие отношения принимали разный облик: возможно, бывало и «двойное подчинение» молодых людей — и отцу и дяде, но и в этих случаях брат матери имел преимущество перед отцом.

Авункулат описан у очень многих народов в разных частях земного шара — в Океании, Африке, Юго-Восточной Европе, причем выступает во множестве обличей. Конечно, было бы неправомерно его рассматривать исключительно в качестве явления, вытекающего из борьбы материнского и патриархального принципов общественной организации. И при господствующих материнских отношениях братья матери по необходимости оказывались в роде важнейшей рабочей и военной силой и как старшие мужчины обеспечивали защиту и социализацию детей своих сестер. Особенно ясно эта функция братьев матери проявлялась в случаях смерти родителей (прежде всего, конечно, матери) или при недостаточных материальных возможностях родителей⁵². Наряду с большими правами дяди на племянника существовали и довольно широкие права племянников на имущество дяди. Это явление отмечено, например, в Меланезии, в Полинезии, у бантуязычных народов Южной Африки и многих других народов⁵³.

Авункулокальное поселение — отнюдь не единственный пример попыток компромиссного решения проблемы локальности брачного поселения. Известны и другие формы такого рода компромисса. К ним относятся, например, временная дислокальность (как правило, до рождения первого ребенка) или временная ускорилокальность непосредственно после заключения брака в обществах, давно и окончательно ставших патриархальными. Последний вариант отмечен, например, у народов Средней Азии и Казахстана, где он в равной степени встречается при разных формах хозяйства⁵⁴. Вообще же, как будет видно из дальнейшего, определение локальности во многих случаях включает значительный элемент условности.

Еще один промежуточный вариант на пути к патриархальной семье представлен так называемой братской семьей, состоявшей из братьев или дядей с племянниками⁵⁵, хотя в принципе сама по себе братская семья — явление гораздо более раннее, нежели эпоха перехода к патриархату. Тем не менее по сравнению с авункулатной семьей эта форма семейной организации в большей мере соответствовала потребностям такого перехода. Дело в том, что авункулатная семья не отвечала одной из ведущих тенденций исторического развития: максимальному укреплению обособленных семей, основывавшихся как производственные единицы на частной собственности. К тому же не соответствовал развитию частнособственнических отношений и обязательный при авункулате порядок наследования от дяди к племяннику, по-прежнему исключавший прямых потомков мужчины из числа его наследников.

В этом отношении очень характерно отмеченное Р. Ферсом у тикопия отношение к наследованию земли. Он цитирует одного из своих информантов: «Если у человека неприятности с родней его по линии отца, он уйдет и станет жить у брата своей матери. Если та семья вымрет, он останется там жить по-прежнему... Сам он скажет: «Я живу на земле брата моей матери». Но если бы он сказал «на моей земле», то потом люди из рода брата его матери пришли бы к нему и выгнали его вон, так как он назвал землю своей. Но до тех пор, пока этот человек признает их собственность, они ему позволяют там оставаться»⁵⁶. Типичное же для братской семьи наследование от брата к брату в какой-то степени смягчало это противоречие, по все же не в состоянии было его устранить полностью. Брат сам по себе оказывался компромиссной фигурой: он мог наследовать и по линии отца, и по линии матери. Но в случае смерти всех братьев наследовал не сын старшего из них, а старший из сыновей их сестер, т. е. в конечном счете все опять происходило по нормам, отнюдь не патриархальным⁵⁷.

Таким образом, задача изменения порядка наследования решалась повсеместно, и решение ее также принимало разнообраз-

ные формы. В конечной перспективе это вело к изменению счета родства, но до наступления этого момента продолжали создаваться дальнейшие компромиссные варианты, ориентированные не столько на то, чтобы коренным образом изменить порядок наследования, сколько на то, чтобы обойти его традиционные нормы. В частности, во многих случаях в практике стали разграничиваться собственность рода и обособленная собственность мужчины: первая пока не подвергалась отчуждению, тогда как последней мужчина распоряжался уже по собственному усмотрению, т. е. мог ее передать непосредственно своим сыновьям. Это касалось прежде всего скота (ставшего одной из самых ранних форм частной собственности), самостоятельно расчищенных и возделанных земельных участков, отдельных заново посаженных плодовых деревьев, различного рода «денежных» эквивалентов и т. п. (следует только учитывать, что такие эквиваленты отнюдь не представляли единой меры труда и потребления, а служили узко специализированными по видам обмениваемых на них ценностей средствами обмена)⁵⁸.

Ранее всего такие формы наследования, сочетавшиеся с четко выраженной тенденцией к оттеснению сыновьями мужчины его племянников как наследников, были, видимо, зафиксированы этнографами в Меланезии. Уже в конце 80-х годов XIX в. Р. Кодрингтон отметил: «На всех этих островах Меланезии наблюдается примечательная тенденция к замене детей сестры собственными детьми и другими сородичами мужчины в наследовании его имущества; и начинается это, видимо, там, где имущество создано собственными усилиями мужчины, по большей части с помощью его сыновей. Таковы, например, огороды, заново расчищенные из-под леса, его деньги, свиньи и каноэ»⁵⁹. Аналогичные сведения имеются и о народах других районов земного шара.

Известны и иные варианты попыток примирить традиционные и новые порядки. Одним из них был билатеральный счет родства — и по матери, и по отцу. Этот порядок, при котором обыкновенно сохранялись и авункулатные отношения, давал возможность наследования по обеим линиям; при этом нередко имущество наследовалось по отцовской линии, а социальный статус — по материнской⁶⁰. Такие явления были отмечены, например, у туарегов, у монго и некоторых других народов⁶¹.

Еще одним способом сделать возможным наследование и по отцовской и по материнской линиям была так называемая перемежающаяся филиация. При таком порядке часть детей относилась к материнскому роду, а другая часть — к отцовскому. Критерием отнесения к той или другой категориям служил порядок появления детей на свет, иногда пол ребенка⁶². Впрочем, по мнению некоторых исследователей, и генетический и функциональный аспекты таких переходных вариантов, как перемежающаяся филиация или билатеральный счет родства, не могут счи-

таться окончательно выясненными и остаются дискуссионными⁶³.

Изменение локальности брачного поселения, бывшее само по себе следствием появления и укрепления в обществе частнособственнических отношений, находилось в непосредственной связи с изменением самого характера брака. Уведя жену к себе при вирилокальном браке, муж тем самым лишал ее родичей ее рабочей силы, и это должно было быть компенсировано. Отсюда началось принципиальное изменение самого смысла традиционных брачных даров родне невесты и всего акта такого дарения. Если при развитой родовой общине эти дары служили прежде всего символом дружественных отношений между родами жениха и невесты и, соответственно, их размеры не играли первостепенной роли, то в новых условиях речь шла уже о вполне реальном возмещении рабочей силы женщины. Иначе говоря, жених теперь должен был выкупать эту рабочую силу у семейства будущей жены. Так появился покупной брак, широко известный у самых разных народов, оседлых или кочевых, ср. наличие обозначения брачного выкупа у славян (вено), бантуязычных народов Южной Африки (лобола и его фонетические варианты), арабов (махр) или тюрков (калым). Очень характерно, что становление этого условия заключения брака шло параллельно с укреплением частнособственнических начал в экономической жизни общества и в большой мере таким укреплением обуславливалось. В самом деле, с превращением прежних брачных даров в выкуп за невесту размер такого выкупа значительно вырос. И хотя по-прежнему считалось, особенно поначалу, что выкуп родне невесты выплачивает род жениха, однако как раз появление обособленной, а затем и частной собственности отдельных семей (а в более отдаленной перспективе — и отдельных индивидов внутри этих семей) обеспечивало неизмеримо более широкие возможности для сбора выкупа. Хотя это же обстоятельство вело и к резкой дифференциации членов общества по отношению к возможностям заключения брака, открывая тем самым дополнительный канал складывания отношений зависимости и эксплуатации.

Связь покупного брака с накоплением частной собственности можно убедительно продемонстрировать на примере народа бемба и родственных ему народов нынешних Замбии, Зимбабве и Малави. Здесь прослеживается определенная закономерность, выражающаяся в том, что поселение новобрачных неизменно вирилокально (они селятся у родных мужа) в тех случаях, когда за невесту выплачен крупный выкуп. Если же последний сравнительно невелик, то, хотя и здесь в целом преобладает тенденция к вирилокальности и патрилокальности, однако же не столь редки и случаи матрилокального поселения. То же самое отмечается и тогда, когда выкуп за невесту выплачивался в отработочной форме⁶⁴.

Покупной брак и выкуп как необходимое условие его заключения породили в значительной мере и такую форму заключения брака, как умыкание: насильственный захват или похищение женщины⁶⁵. Хотя умыкание никогда не имело сколько-нибудь широкого распространения и не рассматривалось в качестве нормальной формы заключения брака, оно весьма характерно в том смысле, что функционально при любой из известных его форм — насильственной, браке уводом или браке уходом⁶⁶ — стремление избежать уплаты выкупа за невесту или хотя бы существенно уменьшить его размер выступало как один из главных мотивов действий будущего мужа.

Таким образом, покупной брак как бы подводил итог определенного этапа развития условий заключения брака под воздействием все укреплявшихся частнособственнических отношений. В нем как бы нашли обобщенное выражение происходившие по мере складывания частной собственности изменения в локальности брака, счете родства, и в то же время он знаменовал и принципиальное изменение порядка наследования имущества в семье.

Во всех областях семейно-родственных отношений происходило медленное, но неуклонное отступление традиций развитого первобытного общества под натиском новых экономических реальностей: укрепление семьи в качестве экономической ячейки общества вело в конечном счете к смене материнского счета родства и наследования отцовским.

Однако и после того, как этот процесс по существу уже завершился, достаточно долго сохранялся ряд обычаев и обрядов, долженствовавших как бы стимулировать соблюдение традиционных брачных норм, существовавших в развитом родовом обществе. Понятно, что эти обычаи и обряды зарождались еще в переходный период, точно так же, как аналогичные им по функции компромиссные явления, о которых говорилось выше. Общий смысл всего их комплекса можно, коротко говоря, определить как символическую подстановку мужчины на место женщины в таких сферах и явлениях общественной жизни, которые и по своей сущности были и оставались чисто «женскими».

В самой прямой своей форме такая символическая подстановка предстает в проявлениях травестизма, т. е. симуляции перемены пола, зафиксированных этнографически у некоторых народов Сибири (например, чукчей) и Северной Америки. В этих случаях речь шла об отречении мужчины от своего действительного пола и о временном, а порой и постоянном его функционировании в женской роли или наоборот — женщины в мужской. Не исключено, что возникновение этого явления относится как раз к эпохе перехода от развитого материнскородового строя к патриархату; однако его происхождение и основы все же не могут пока считаться окончательно выясненными⁶⁷.

Несравненно большее распространение — практически его можно считать существовавшим повсеместно — получил обычай кувады, т. е. симуляции мужчиной-отцом акта деторождения во время реальных родов у жены или сразу же после них. В литературе этим названием сейчас обозначается весьма широкий круг обычаев, достаточно разнообразных по форме: от демонстрации родовых схваток, т. е., так сказать, «собственно кувады», до соблюдения диеты до или после рождения ребенка. Кувада в таком расширенном понимании была отмечена наблюдателями почти у всех групп аборигенного населения обеих Америк, в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии (включая Камчатку, где ее видели у ительменов спутники Беринга), в Меланезии, у некоторых африканских народов (хотя в целом в Африке она распространена намного меньше) и даже у жителей отдельных районов западноевропейских стран — Страны басков, юго-запада Франции, центральной и южной Англии⁶⁸. Существует множество описаний конкретных явлений этого круга, отражающих многообразие ее проявлений, и предпринималось немало попыток дать объяснение этого обычая. В настоящее время в науке преобладает объяснение, восходящее к Бахофену и Тайлору. Согласно этой точке зрения, кувада есть свидетельство и выражение борьбы мужчины за право считаться отцом своих детей и, стало быть, вести их родословную по мужской линии, т. е. в конечном счете — за установление отцовского порядка наследования имущества. В эпоху перехода от развитого материнского строя к патриархату для преодоления традиции, по которой дети целиком принадлежали роду матери, отцу приходилось при помощи соответствующих ритуальных действий становиться как бы «второй матерью» своего потомства; только в таком качестве он получал на него права⁶⁹.

Правда, было бы неправомерно рассматривать куваду как исключительно прагматический обычай. Еще в прошлом столетии было высказано предположение о том, что в сознании человека первобытного общества существовали какие-то представления о, так сказать, двояко направленной магической связи: между отцом и ребенком и между мужем и женой. Кувада и могла бы выражать такие представления. Само по себе такое объяснение едва ли можно считать удовлетворительным, во всяком случае исчерпывающим. Однако было бы, видимо, несправедливо отрицать наличие в куваде значительных элементов имитативной и охранительной магии, направленных на обеспечение здоровья и благополучия и роженицы и ребенка. Поэтому скорее всего следует видеть в куваде достаточно сложное и запутанное сочетание сугубо практических и магических моментов, притом отражающих еще и влияние разных временных стадий развития обычая. И вместе с тем подобный взгляд на вещи не противоречит пониманию кувады в общи исторической перспективе именно как сред-

ства «оформления» отцовских прав на ребенка со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями⁷⁰.

Кувада — лишь наиболее яркий и широко распространенный из обычаев, символизирувавших переход от материнского счета родства к отцовскому. Многообразие вариантов конкретно-исторической обстановки порождало и разнообразие переходных форм. Можно назвать и другие реликтовые явления, засвидетельствованные этнографически, которые говорят о постепенном становлении норм патрилинейности, протекавшем в упорной борьбе с традициями развитого родового строя. Как один из примеров таких явлений можно, скажем, рассматривать отмеченный у индейцев кроу обычай дарения ребенка-первенца родителям его отца. Правда, такой важнейший ритуальный акт, как наречение новорожденного именем, еще не перешел в род отца, но не остался он и в роде матери. Вместо этого по просьбе отца кто-либо из особо известных и прославленных воинов племени выполнял функции «крестного отца», т. е. фигуры, явно переходной по своему характеру⁷¹.

В итоге всех отмечавшихся выше изменений в семейно-родственной организации общества, вызванных становлением частной собственности и хозяйственным обособлением отдельных семей, эпоха разложения первобытного общества характеризовалась на ранних своих этапах формированием так называемой большой семьи, которая и противостояла теперь родовой общине в качестве основной хозяйственной ячейки общества. В общенациональной перспективе эта форма семьи должна была уступить место малым семьям, складывавшимся под воздействием того же самого развития частнособственнических отношений, которое повело к выделению большой семьи. Однако в подавляющем большинстве известных науке случаев этот процесс заканчивался уже в рамках возникавшего классового общества, причем большесемейная организация обнаруживала большую живучесть и способность продолжать свое существование и в таком обществе. Именно поэтому большая семья может рассматриваться как определяющая форма семейной организации на протяжении всего переходного периода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

Существовало два главных варианта большесемейной организации: семья патриархальная и семья позднематеринская. В любом из этих вариантов она состояла из родственников по происхождению или по браку; они выступали как коллективные собственники всего достояния семьи, включая и средства производства (за исключением земли, особенно поначалу), и совместно участвовали в производстве и потреблении. На ранних этапах разложения первобытного общества, когда возникала большая семья в любой ее форме, индивидуализация труда при заданном уровне развития производительных сил и общественной производительности труда еще не достигла такого уровня, на котором

бы отпала потребность в сохранении тех коллективистских начал, какие достались в наследство от развитого родового общества. Поэтому сохранение определенных черт первобытного коллективизма было важнейшей характеристикой большой семьи, что находило выражение и в совместной собственности, и в совместном производстве и потреблении.

Другой весьма существенной особенностью большой семьи, независимо от того, была ли она патриархальной или позднематеринской (матрилинейной), служило то, что, представляя уже обособленную производственную ячейку общества и в этом своем качестве будучи уже продуктом разложения первобытности, эта семья никогда не бывала единственной такой ячейкой. Она непременно входила в состав более крупной производственной и социальной единицы. Такой единицей была прежде всего община в новой ее форме, пришедшей на смену развитой родовой общине «классической» первобытности. К тому же семья при этом оставалась и частью рода, также претерпевавшего трансформацию (см. ниже).

И, наконец, все то же хозяйственное обособление большой семьи превращало ее самое в разновидность общинной структуры, находившуюся, по выражению Д. А. Ольдерогге, на пересечении линий родовой и общинной структур. С одной стороны, большая семья, которая может быть названа также большесемейной или домовой общиной, представляла минимальный уровень общинной иерархии. С другой же стороны, она строилась вокруг группы членов рода, будь то патриархального или позднематеринского, к которым присоединялись их свойственники⁷².

Самый механизм образования большой семьи в разных ее вариантах пока не может считаться окончательно выясненным. Высказывалось мнение о ее существовании уже в эпоху развитого материнскородового строя в виде матрилинейной («материнской») семьи. Впоследствии, согласно этой точке зрения, либо происходило превращение последней в большую патриархальную семью, либо она вообще прекращала свое существование⁷³. Однако представляется маловероятным существование в развитом родовом обществе больших семей в полном смысле этого слова, т. е. большесемейных общин как обособленных хозяйственных ячеек, хотя само по себе складывание в рамках родовой общины родственных групп с совместным производством и потреблением и было принципиально возможно⁷⁴.

С другой стороны, был сформулирован тезис о происхождении патриархальной большой семьи на основе синтеза парных семей развитого материнскородового общества⁷⁵; в последнем случае признавалась, впрочем, и принципиальная возможность трансформации материнских семей такого общества в большесемейные материнские общины.

Как бы то ни было, генеральная линия исторического разви-

тия семьи, видимо, пролегла через превращение большесемейных материнских общин в патриархальные семьи (хотя следует признать, что этнографически не зафиксирован ни один достоверный случай завершения этого процесса). Однако в любом случае совершенно неприемлемо представление о большесемейной общине как о результате объединения малых семей, якобы исконно патриархальных. Такое представление было достаточно характерно для немарксистской литературы и нашло выражение и в терминологии: обычным обозначением большой семьи в англо-американской литературе служит термин «extended family», т. е. «расширенная семья».

Большесемейные общины могли отличаться друг от друга составом включаемых в семью членов и числом включаемых поколений. При этом патриархальные семьи отличало обычно большее единообразие состава по сравнению с семьями матрилинейными. Соответственно разными бывали и нормы наследования имущества, равно как и степень экономической объединенности лиц, входивших в состав большесемейной общины.

Если говорить о патриархальной большой семье, то она включала обычно три-четыре, реже — пять поколений родственников по отцовской линии. Это были один или несколько братьев с их женами, детьми, внуками и правнуками; жены взрослых детей и внуков также включались в ее состав. Численный состав таких общин колебался в весьма широких пределах: от нескольких десятков до 200, иногда даже 300 человек; при особой многочисленности большой семьи она могла образовать население отдельного поселка⁷⁶.

Патриархальный характер большой семьи предполагал вирилокальное поселение и патрилинейность как единственно возможное постоянное сочетание. В матрилинейных же больших семьях возможна была различная локальность, и это предопределяло и большую сложность их состава по сравнению с семьями патриархальными, о чем шла речь выше (хотя было бы неверно абсолютизировать влияние локальности в данном вопросе).

Кроме того, вопрос усложняется еще и тем, что при таком описании не всегда разграничиваются собственно матрилинейная семья, т. е. структура, в основе которой находилась группа женщин, принадлежавших к одному роду, и принципиально от нее отличная форма семейно-брачной организации, строившаяся вокруг группы братьев и сестер, иначе говоря, и женщин и мужчин одного рода. Эту вторую форму, долго и достаточно успешно соперничавшую с большой материнской семьей, Ю. И. Семенов обозначает термином «родья»⁷⁷. Причем разграничить их довольно трудно, так как не обеспечивает должной определенности как раз единственный, казался бы, надежный критерий — локальность брака: при дислокальном браке речь идет о родье, при матрилокальном — о семье.

Но дело в том, что у одного и того же народа этнографически засвидетельствованные большие матрилинейные группы могли иметь разную локальность. Так было, например, у яо Центральной Африки: обычно муж приходил в группу жены, но в случае, если в брак вступал старший из братьев, входивших в состав такой матрилинейной группы, т. е. фактический глава родья, он вводил жену в свою семью⁷⁸. Это, однако, все же лишь исключение, подтверждающее правило, так как в норме семья у яо включала жену, ее мужа и их дочерей с мужьями и детьми. Таким же был состав матрилинейной большой семьи у микронезийцев о. Трук или у индейцев хопи⁷⁹.

Иной вариант состава — группа братьев и сестер, а также дети последних; в качестве примеров можно назвать конго или минангкабау. В этом случае можно говорить о родье в ее, так сказать, классической форме⁸⁰. У ашанти при патрилокальном браке типичное матрилинейное домохозяйство — *фиефо* — состояло из мужа, жены, их неженатых и незамужних детей, женатых детей с их женами и т. д., хотя в отдельных случаях могло включать только мужа и жену с их детьми. Все это заставляет говорить об определенной условности обычных обозначений локальности брачного поселения. Ведь по существу у ашанти преобладал не столько патрилокальный брак, сколько такой, который можно обозначить как вириматрилокальный: молодые супруги поселились в матрилинейной группе мужа⁸¹.

Использование в качестве примера обществ минангкабау и ашанти, имеющих, по преобладающей сейчас точке зрения, уже раннеклассовый характер, может на первый взгляд показаться не вполне корректным. Но этот подход открывает возможность исторической реконструкции одной из возможных форм становления частнособственнических отношений в обществах, сохранявших матрилинейную филиацию в ходе разложения первобытнообщинного строя. Дело в том, что и у минангкабау и у ашанти мы встречаемся с так называемой поздней родьей. Эта последняя выступала в качестве ячейки становления и укрепления частной собственности и в этом смысле была фактически аналогом патриархальной семьи. Возникнуть же поздняя родья могла как в результате непосредственной эволюции родья более раннего периода, так и вследствие ослабления, а то и полного исчезновения существовавшей прежде большой материнской семьи⁸².

Матрилинейные большесемейные общины и разные формы родевой организации известны у довольно большого числа народов, однако в целом они были распространены, несомненно, меньше, чем большие патриархальные семьи (да и меньше изучены). В то же время, как в свое время показал М. М. Ковалевский, патриархальная большая семья была едва ли не универсальным институтом в эволюции человеческого общества⁸³. Но эта уни-

версальность распространяется, по-видимому, лишь на более ранний из двух известных типов такой семьи, который М. О. Косвен обозначил как демократический. Второй, отцовский, тип он рассматривал как результат перерождения первого в условиях уже сложившегося классового общества⁸⁴. В любом случае отцовская патриархальная семья характерна именно для классовых социально-политических организмов.

Описанный выше состав патриархальной большой семьи (семейной общины) типичен для демократического типа этой организации. Такая община представляла структуру, строго иерархическую. Возглавлял ее старший из мужчин (в случае его немощи — следующий за ним по старшинству); жена его обычно считалась главой женской половины состава общины. Власть и самого патриарха и старшей из женщин была весьма реальной. Глава семьи руководил всей хозяйственной и социальной жизнью коллектива, на нем же лежали и важнейшие ритуальные обязанности в культовой сфере. Тем не менее особо важные вопросы, так или иначе затрагивавшие всю семью как целое, решались обычно сообща на собрании ее взрослых членов, притом нередко (особенно на ранних этапах развития большесемейной организации) — членов обоего пола. Классическим (хотя и поздним) образцом патриархальной большесемейной общины демократического типа может считаться достаточно подробно изученная «задруга» у южных славян⁸⁵.

Понятно, что в исторической реальности дело не ограничивалось только названными двумя типами патриархальной большесемейной общины. Между ними существовало, при сохранявшемся неизменным общем направлении развития, немало промежуточных, переходных форм. К тому же, как уже сказано, отцовский тип семьи скорее всего не был универсальным. Однако и в патриархальных семьях демократического типа действовали те же самые факторы, что и в отцовских: их распадение на малые семьи начиналось и существенно ускорялось обособлением имущества в первую очередь главы общины. Это, собственно, можно рассматривать как частный случай тенденции к обособлению малых семей в хозяйственном смысле. В таком же направлении действовала и типичная для большесемейной общины черта — включение в нее как в производственный коллектив неполноправных, а зачастую и несвободных членов. И результатом взаимодействия всех этих факторов неизбежно оказывалось торжество частнособственнических отношений в форме появления малых семей и превращения их в самостоятельные хозяйственные единицы, а значит, распад большой семьи.

На основе этнографических материалов можно построить схему этапов такого распада патриархальной семейной общины. И реальной основой такой схемы будет степень убывания коллективистских начал, которые когда-то эту общину отличали, и сте-

пень возрастания хозяйственной обособленности членов семьи. Она отразит реально существовавшую и непрерывно усиливавшуюся тенденцию к уменьшению состава семьи по мере дальнейшей индивидуализации труда, к переходу от большой семьи к малой — тенденцию, о которой уже была речь.

Наиболее ранний этап: все живут вместе и совместно обрабатывают принадлежащие семье поля. Семейным имуществом безраздельно распоряжается глава большесемейной общины, он же представляет общину во взаимоотношениях с духами предков, выдвигая все связанные с этим обряды. Естественно, что именно он решает и все вопросы, связанные с брачным выкупом: получает его за выдаваемых замуж девушек семьи и обеспечивает выкупом юношей семьи, вступающих в брак. Пережитком братской семьи можно считать то, что в таких случаях руководство семейной общиной после смерти ее главы переходило, как общее правило, к его братьям и только потом — к их сыновьям в соответствии со старшинством последних. Наследование власти непосредственно сыновьями патриарха встречалось, видимо, несравненно реже; здесь возможны были и случаи мипората.

Второй этап представлен тогда, когда работа всех членов семьи на общем поле сохраняется, но наряду с нею появляются и источники обособленного дохода в виде огородов, урожай с которых остается в распоряжении отдельных членов семейной общины. Видоизменяется существовавшее на предыдущем этапе правило, в соответствии с которым глава последней снабжает пищей и одеждой всех ее членов: теперь кормление ограничивается «компенсацией» лишь того времени, какое затрачено на выполнение работы на всю семью. Культурная сторона дела и регулирование брачных отношений остаются целиком в руках главы семьи.

Эти аспекты руководства жизнью большесемейной общины остаются за патриархом и на следующем этапе — тогда, когда уже появились отдельные поля входящих в общину индивидуальных семейных пар. Поэтому патриарх продолжает распоряжаться коллективным общинным полем, которое служит той материальной базой, на коей основывается заключение браков членами общины.

Наконец, при наибольшем развитии частнособственнических начал в жизни патриархальной большесемейной общины индивидуальные семьи, входящие в ее состав, окончательно превращаются в малые семьи в социально-экономическом смысле, живут уже отдельно и самостоятельно ведут хозяйство. Общесемейное поле прекращает свое существование, поэтому и все вопросы, связанные с брачным выкупом, переходят в компетенцию глав малых семей. Общность сохраняется практически только в культурной сфере, и кроме того, за патриархом остается достаточно важная функция — дача разрешений на заключение браков. Практически это уже полный распад большесемейной общины⁸⁶.

Изменения в общественном положении полов. Одним из главных проявлений разложения первобытного общества и одновременно одной из важнейших предпосылок его ускорения стало принципиальное изменение общественного положения полов. В большинстве жизненно важных сфер функционирования общества происходило оттеснение женщины на второй план, которое неминуемо сочеталось со все большим подчинением ее мужчине. Это неизбежно вытекало из изменения относительного значения мужского и женского труда в хозяйственной деятельности. Такое изменение само было следствием перехода от присваивающего к производящему хозяйству и связанного с этим неизбежного развития и углубления общественного разделения труда. Появление новых видов хозяйственной деятельности основательно изменило традиционное половозрастное разделение труда, существовавшее в эпоху развитого присваивающего хозяйства. Основой экономики все более становились отрасли, основывавшиеся либо исключительно, либо преимущественно на труде мужчин: скотоводство, пашенное земледелие, металлургия и металлообработка. Углубление разделения труда вело к постепенному выделению в качестве самостоятельных отраслей производства таких видов его, как ткачество и гончарство.

По-видимому, окончательному отделению ремесла от земледелия и превращению его в самостоятельную отрасль производственной деятельности, т. е. второму крупному общественному разделению труда, предшествовал довольно продолжительный период развития домашних промыслов (см. главу I). Это вело к тому, что мужчина, занимавшийся такими новыми видами производственной деятельности, вторгался в сферу труда, бывшую как бы исконно женской. Тем самым и в ней происходило оттеснение женского труда на второстепенные роли: либо путем его исключения из того или иного промысла, либо через ограничение его использования определенным кругом операций, как правило, вспомогательных. Возможны были, правда, и случаи монополизации женщинами отдельных важных видов ремесла: например, у многих народов Тропической Африки исключительно женским видом ремесла стало гончарство⁸⁷ (хотя, с другой стороны, весьма распространена и чисто мужская специализация на ткачестве⁸⁸). Однако это были скорее все же исключения: тенденция к вытеснению женщины из определяющих отраслей материального производства оставалась преобладающей и особенно укрепилась по мере превращения ремесла в самостоятельную отрасль деятельности. Ограничение участия женщин в основных видах хозяйственной деятельности нередко сопровождалось появлением разного рода запретов, смещавших проблему уже в идеологическую сферу и способствовавших со временем изменению статуса женщины в общественном мнении. Все эти процессы и в области общественного производства и в идеологической сфере подготов-

ливали то всемирно-историческое поражение женского пола, по определению Ф. Энгельса, каким сделалось в конце концов установление патриархата⁸⁹.

Оттеснение женщины на второй план происходило и тогда, когда экологические условия диктовали сохранение типично женских видов труда в качестве экономической основы общества. Это относится прежде всего к мотыжному земледелию. По мере расширения возделываемых площадей, в особенности при подсечно-огневой системе земледелия (именно она преобладала в масштабах всей ойкумены на ранних этапах разложения первобытного общества), такие работы, как вырубка леса и расчистка новых земель (а в особо благоприятных условиях речных долин — и ирригационные работы), требовали именно мужского труда.

Таким образом, одной из главных тенденций в области изменения общественного положения полов в эпоху разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества оказывалось отстранение женщины от основных видов хозяйственной деятельности и ограничение ее участия в общественном производстве рамками сугубо домашнего хозяйства, т. е. практически обслуживанием мужа и других мужчин его семьи. Это, впрочем, не следует понимать буквально. Характерно, что даже при мотыжном земледелии как экономической основе общества (притом что такое земледелие — занятие женское) женщина, с одной стороны, как правило, не может распорядиться землей, а с другой, если мужчины и участвуют в полевых работах, на ее долю остается скорее переработка уже произведенного продукта.

И дело заключается отнюдь не в количественных масштабах женского труда, они как раз могут быть весьма значительными и по массе произведенного продукта и по его месту в экономике коллектива, а в том, что мужчины сохраняют полный контроль над всей хозяйственной деятельностью общества, как это не раз было описано, скажем, у папуасов Новой Гвинеи⁹⁰. А такой контроль основывался на коренном изменении отношений собственности, и именно последнее обстоятельство служило определяющим фактором изменения общественного положения женщины. С появлением частной собственности и хозяйственным обособлением семьи мужчина делался собственником, групповым или индивидуальным, важнейших средств производства. И в этих новых условиях распределение произведенного продукта и его потребление происходили уже не по трудовому вкладу каждого участника процесса производства, а по собственности, что сразу же ставило женщину в неравное и зависимое положение.

Перемены в базисных отношениях находили соответствующее выражение в надстроечных явлениях, изменение общественного положения полов закрепляется в общественном сознании. И достигается это как с помощью все более утверждавшегося в общественной психологии представления о женщине как существе

низшего порядка по сравнению с мужчиной, так и чисто террористическими методами — за счет направленной на запугивание женской части населения деятельности мужских союзов (см. ниже).

Все эти перемены в общественном производстве с необходимостью вели к ограничению участия женщин в общественной жизни коллектива, а в перспективе — и к относительно полному вытеснению их из этой сферы. В том же направлении действовали и обусловленные развитием и укреплением частнособственнических отношений изменения в семейно-родственной организации. Неблагоприятное влияние оказывали здесь и изменение локальности брака, и переход к отцовскому счету родства с вытекавшим из него патрилинейным наследованием, и появление покупного брака.

При вирилокальном брачном поселении женщина, как правило, не входила в род мужа, хотя активно функционировала как член соответствующего производственного коллектива — общины. Тем самым она исключалась из участия в общественной жизни рода мужа. Сохранявшиеся же у нее родственные и идеологические связи со своим родом и своей семьей неизбежно ослабевали, так как реально участвовать в жизни своего материнского рода женщине при поселении в роде мужа становилось затруднительно. К тому же такого рода проявления общественной активности далеко не всегда должны были встречать благоприятное отношение со стороны родственников и сородичей мужа. А с другой стороны, развитие покупного брака и начинавшееся складывание моногамной нуклеарной семьи во все большей степени вели к тому, что женщина просто превращалась в объект купли-продажи и именно так и начинала восприниматься общественным сознанием.

Как раз ко времени становления патриархата относится и переосмысление возникавших задолго до этой эпохи, но именно теперь получавших широкое распространение и приобретавших явную антиженскую социальную направленность представлений о женщине как о существе, ритуально нечистом и даже вредоносном, в особенностях при родах, менструациях и других чисто женских физиологических отправлениях. Особо опасной представлялась обычно менструальная кровь, которая, как считалось, была способна не только ритуально осквернить, но и вообще погубить мужчину (этому не противоречит существовавшая, например, у ряда лагуасских племен Новой Гвинеи практика симуляции менструального кровотечения при инициации юношей)⁹¹. Естественным следствием такого рода представлений служили многочисленные ограничения, налагавшиеся на женщину в форме изоляции ее на время родов в особых строениях или вообще за пределами поселения⁹² или же в виде запрета прикасаться к тем или иным орудиям труда, а тем паче — к оружию⁹³. В том

же ряду явлений стоят и складывавшиеся в этот период представления о подобающем и неподобающем в поведении женщины — например, запрет есть вместе с мужчинами, первой обращаться к мужчине, находиться в помещении вместе с гостями-мужчинами и т. п.⁹⁴

Развитие покупного брака сделало затруднительным, а в конечном итоге — и вовсе невозможным развод по инициативе жены: ее родня обычно не имела желаний, а иногда и возможности возратить выкуп. И если в тех обществах, где мужское господство еще находилось в стадии становления, женщина все же могла, проявив настойчивость, добиться возвращения выкупа⁹⁵, то чем дальше, тем меньше оказывалось это возможным. Общество рассматривало теперь жену как собственность семьи ее мужа; и даже овдовев, женщина продолжала считаться такой собственностью, что вело к широкому развитию левирата⁹⁶.

Переход к отцовскому счету родства и к патрилинейному наследованию имущества, с одной стороны, существенно ограничил права женщины на ее детей и фактически устранил ее из числа возможных наследователей. С другой стороны, эти же причины в конечном счете поставили женщину в неравное с мужем положение в сфере половой жизни. Для нее это означало полное уничтожение некогда существовавшей и воспринимавшейся как нечто естественное половой свободы, тогда как муж в немалой мере продолжал такой свободой пользоваться. И этнографические материалы и письменные памятники свидетельствуют о крайнем ужесточении санкции, которой женщина подлежала за супружескую неверность — вплоть до предоставления мужу права убить жену. И если, как подчеркивал Энгельс, установление моногамии имело оборотной стороной появление проституции⁹⁷, то следует иметь в виду, что начинался этот процесс еще задолго до возникновения моногамной семьи, на достаточно ранних этапах разложения первобытного общества.

Специфическим аспектом этой же проблемы можно считать и такое явление, как многоженство. Его связь с появившимся и развивавшимся в обществе имущественным неравенством в общем очевидна: иметь несколько жен могли, как общее правило, лишь сравнительно состоятельные мужчины. Причем, насколько можно судить, существование многоженства не зависело непосредственно от патриархального или матрилинейного характера общества⁹⁸. Впрочем, связь между многоженством и уровнем общественного развития не следует и абсолютизировать: оно отмечалось и у некоторых народов, еще не перешагнувших рубеж производящего хозяйства, например у отдельных групп пигмеев и бушменов⁹⁹. Однако такое явление, как взятие наложниц, связано с установлением патриархата и развитием имущественной дифференциации вполне однозначно, хотя возникло оно, видимо, уже тогда, когда формирование нового типа социальных связей

и предпосылок образования классового общества продвинулось достаточно далеко.

Конечным результатом всех этих процессов стало повсеместно распространившееся оттеснение женщин от общественной жизни; полное бесправие женщины в делах управления даже тогда (и особенно тогда), когда жена стала инкорпорироваться в род мужа, установилось у многих народов и было безоговорочно воспринято как должное. А за этим следовало и общее приниженное положение женщины в обществе, причем приниженность эта постепенно охватывала все сферы жизни: хозяйственную, социально-поведенческую, семейную, идеологическую. Подводя итог такого развития, Энгельс писал: «Жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его (мужа.— Л. К.) желаний, в простое орудие деторождения»¹⁰⁰.

Этот тезис суммирует определяющие тенденции развития при переходе общества от развитого материнского строя к патриархату. Однако конкретная их реализация во многом зависела от общеисторической обстановки в той или иной части земного шара; в частности, не в последнюю очередь от того, как протекала эволюция надсемейных общественных структур.

Трансформация надсемейных общественных структур. Превращение семьи в главную хозяйственную ячейку общества влекло за собой не просто изменение ее соотношения с такими социальными структурами, как род и община, и не просто изменение относительного места последних в общественной организации в целом. Оно требовало и принципиальных перемен в характере обеих этих структур. Нужен был иной тип общины: существенно ограниченной в своих хозяйственных функциях, а главное — в правах собственности по сравнению с родовой общиной периода ее расцвета. Но это в свою очередь означало, что необходимо решительное изменение роли и места рода и самого его характера. Род не мог больше служить центром, вокруг которого строилась община как производственный коллектив. За ним, правда, оставались очень важные функции: обеспечение социально-идеологической интеграции коллектива в рамках трансформирующейся общины и регулирование семейно-брачных отношений, но это одновременно означало, что каметилась тенденция к превращению рода в главным образом надстроечный институт. Притом такой поздний род во все большей степени интегрировал именно как надстроечный институт социальные ячейки совершенно нового типа — большие семьи, или семейные общины. Они с самого начала выступали как обособленные хозяйственные единицы, что было немислимо в роде периода его расцвета. По-видимому, именно эта тенденция находила свое отражение в появлении в эпоху разложения первобытного общества вторичных родоподобных структур типа патронимии и линиджа. Эти структуры были одним из итогов параллельной эволюции основных форм социаль-

ной организации; наряду с ними сложились первобытная соседская (также протокрестьянская, соседско-родовая) община¹⁰¹ и поздний род в его патриархальной и позднематеринской («поздний матриархат») формах¹⁰².

Конечно, в исторической действительности, по-видимому, никогда не существовало ни «чистого», т. е. совершенно свободного от материнскородовых пережитков, патриархального рода, ни «чистого» позднего матриархата, в котором бы вовсе не обнаруживались патриархальные элементы.

В самом деле, во всех позднематеринских обществах действовали те же факторы и наблюдались те же явления, которые в иных условиях давали как результат появление патриархата. Конечно, выражались они с разной степенью интенсивности, но общие тенденции совершенно несомненны. И тут и там на базе относительно быстрого подъема общественной производительности труда развивалась обособленная групповая собственность, а затем и частная собственность отдельных семей; семья превращалась в основную хозяйственную ячейку общества, и все это происходило на фоне возраставшей роли мужского труда в экономике.

Понятно, что во всех обществах «позднего матриархата» наличествовало то, что можно определить как патриархальные тенденции. Во многих из них присутствовали элементы авункулата, иногда приобретающие функцию социального разграничителя, когда «особые отношения» молодого мужчины с братом его матери были присущи социальной верхушке. Так было, например, у бариба северных районов современного Бенина: молодой аристократ «васангари» воспитывался у своего дяди по матери и опирался на того в начале своей карьеры¹⁰³. Аналогичные порядки наблюдались и у некоторых других народов Африканского континента.

Во многих позднематеринских обществах исследователи сталкивались с появлением вирилокальности брачного поселения¹⁰⁴. И повсюду в таких обществах мужчины стремились так или иначе если и не отменить, то во всяком случае обойти материнский порядок наследования. Тем не менее все такие черты, в общепсихологической перспективе завершавшиеся утверждением патриархата, так и не дали этого результата в позднематеринских обществах. Хотя в конечном счете эти черты и возобладали в общественной организации, но, во-первых, происходило это уже непосредственно перед сложением классового общества, а иногда и позднее — после его становления; а во-вторых, такое преобладание принимало внешний облик отцовскоправовых норм в некоторых специфических и специализированных сферах общественной жизни, а отнюдь не развитого патриархата. Нормы эти касались прежде всего имущественных вопросов, в первую очередь порядка наследования в связи со счетом родства, и правового статуса женщины в обществе. И их внедрение было непосред-

ственно связано и сочеталось с разложением уже большесемейной общины и выделением из нее в качестве самостоятельных хозяйственных ячеек малых семей, а также с развитием товарно-денежных отношений.

Выше говорилось о возможности раздела большесемейных общин разного типа под влиянием укрепления в них частнособственнических начал. В общеисторической перспективе распад таких общин на обособленные малые семьи был в принципе неизбежен. Однако это был достаточно долгий процесс, и в ходе его столь же неизбежно должны были складываться определенные «промежуточные» формы, отражавшие неуклонное укрепление частнособственнических отношений, но одновременно и немалую живучесть пережитков первобытного коллективизма. По-видимому, одним из таких промежуточных вариантов, притом получившим широкое распространение в обществах, переходивших от первобытнообщинного строя к патриархату, было объединение нескольких семей, возводящих свое происхождение к общему хорошо всем понятному предку, мужскому или (реже) женскому. Будучи связаны общим происхождением, эти семьи сохраняли довольно тесные родственные и идеологические связи, включая и общий культ. Одновременно между ними существовала и некоторая хозяйственная общность, причем отнюдь не ограничивавшаяся одной только родственной взаимопомощью. Обычно присутствовало совместное владение хотя бы частью всей совокупности земель, принадлежавших входившим в объединение семьям. Удерживалась и территориальная связь: такие группы родственных семей обычно и селились вместе либо сравнительно обособленными кварталами внутри более крупных населенных пунктов со смешанным по происхождению населением, либо вообще особыми поселениями.

Такие объединения родственных семей получили в отечественной литературе название «патронимия», предложенное М. О. Косвеню в 1931 г.¹⁰⁵ Дальнейшие исследования выявили присутствие аналогичных общественных структур у многих народов и в разных частях земного шара. Вместе с тем стало очевидно, что самое название «патронимия» сужает реальный масштаб явления: такого рода группы родственных семей вполне могли строиться и на матрилинейной основе — таков, например, кампуэнг у минангкабау Суматры¹⁰⁶, тогда как термин «патронимия» связывает их исключительно с патриархатом. В западной науке это ограничение снимается либо употреблением для обозначения таких групп термина «клан», либо разграничением «патри-» и «матрилиней» — линиджей (англ.) или линьяжей (франц.). Что речь идет об одном и том же явлении или во всяком случае об очень близких явлениях, хорошо видно из предположенного Дж. Мёрдоком определения клана: «Социальные группы, состоящие из нескольких домохозяйств, главы которых ведут

происхождение от общего предка»¹⁰⁷ (такое понимание предполагает также территориальное единство и определенную степень внутренней интеграции группы, т. е. непрременные черты патронимии в понимании М. О. Косвена).

Сам М. О. Косвен рассматривал патронимию как явление универсальное, относя ее возникновение в известной нам по различным категориям источников форме к эпохе патриархально-родового строя, т. е. к сравнительно позднему времени, и полагая, что она образуется «в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины». Отсюда вытекает и разнообразие вариантов состава патронимической группы: либо большие патриархальные семьи вторичного образования (после сегментации), либо сочетание больших и малых семей (последние в свою очередь возникают при сегментации вторичных больших семей), либо на поздних этапах только малые семьи¹⁰⁸. При этом патриархальный род трактовался им как совокупность патронимий¹⁰⁹.

Представление о патронимии как о результате сегментации разрастающейся большесемейной общины сейчас преобладает в нашей науке (хотя высказывались и сомнения по его поводу)¹¹⁰. Правда, не столь бесспорной, как это казалось М. О. Косвену, представляется сейчас универсальность этого явления. И еще большие разногласия вызывает вопрос о соотношении патронимии и патриархального рода: диапазон высказанных точек зрения простирается от признания патронимии родоподобным новообразованием¹¹¹ до трактовки ее как структуры, идентичной клану, и потому самостоятельной формы социальной организации, существовавшей параллельно роду¹¹².

По-видимому, сколько-нибудь удовлетворительное решение данной проблемы требует обязательного учета двойственного характера патронимии (понимаемой в широком смысле). Как показал Ю. И. Семенов, она сочетала в себе как чисто генеалогический, так и территориально-хозяйственный аспекты. В первом случае речь шла о группе потомков одного предка, носящих общее имя; для классической патронимии это были как мужчины, так и их сестры и дочери. Жены мужчин в такую группу не входили в силу ее экзогамного характера. Во втором случае, т. е. как локально-хозяйственная структура, патронимия включала и жен мужчин, причем эти жены обязательно происходили из других генеалогических групп; но костяком такой структуры неизменно оставалась именно генеалогическая группа мужчин. Поэтому в качестве составной части патриархального рода выступала патронимия в ее облике генеалогической группы. Объединением же самостоятельных в хозяйственном отношении семей была патронимия в ее роли локальной хозяйственной группы; в последнем случае она практически функционировала как самостоятельная община или же субобщина¹¹³. Иными словами,

как и большесемейная община, патронимия располагалась на скрещении линий родового и общинного развития.

При всей своей распространенности патронимия как общественная структура, способствовавшая утверждению частнособственнических отношений в разлагавшемся первобытном обществе, оставалась все же второстепенной по сравнению с большой семьей и складывавшейся первобытной соседской общиной, хотя в отдельных районах ей и могло принадлежать видное место в этом процессе в силу того, что она с самого начала «стойко соединяла начала коллективистического и частнособственнического»¹¹⁴.

Большая семья (семейная община, домовая община), как уже говорилось, непременно входила составной частью в более крупные структурные единицы разлагавшегося первобытного общества. Говорилось и о том, что как домохозяйство она лежала на скрещении линий общинной и родовой структур. Но как раз последняя оказывалась в эпоху разложения первобытнообщинного строя, как правило, заметно ослабленной и относительно малоустойчивой вне зависимости от того, в какой форме протекал самый процесс разложения — через патриархальный или через позднематеринский род. Род лишался большей части прежних экономических функций, делокализовывался и утрачивал территориальное единство. И на надсемейном уровне его место все больше отходило к общине. Причем это была уже община принципиально иного типа, нежели родовая община периода развитого первобытного общества: место связей, построенных на принципе родства, занимали связи территориальные, соседские. Община все более становилась объединением соседящих друг с другом больших семей, и родственные связи в ней утрачивали ведущую роль, хотя, конечно, такое оттеснение происходило достаточно медленно. Более того, на первых порах нередко оказывалось обличение сугубо территориальных по своей сущности связей и отношений в форму родственных отношений, теперь нередко фиктивных, на что обратил внимание уже Г. Мэн¹¹⁵ и что впоследствии было подтверждено многими этнографическими исследованиями.

Тем не менее по своему социально-экономическому содержанию новая форма общинной организации представляла формирующуюся общину соседскую. Как известно, К. Маркс в качестве основной характеристики такой общины независимо от степени ее развитости называл изначально ей присущий дуализм между частной собственностью входящих в нее семей и сохраняющейся коллективной общинной собственностью¹¹⁶. В соседской общине за ней оставалась собственность на главное средство производства — землю во всех ее производственных разновидностях (пахотную, пастбищную, охотничьи угодья и т. д.). В то же время каждая большая семья, представляющая здесь низший таксономический уровень общинной структуры, ведет хозяйство независимо от

других семей и самостоятельно распоряжается произведенным продуктом; в применении к земледелию Маркс формулировал это положение так: «каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично»¹¹⁷. Таким образом, соседская община образовывала такую социально-экономическую единицу, в состав которой входили ведущие самостоятельное хозяйство семьи, объединенные соседскими, т. е. территориальными, связями, а также общей собственностью на основные средства производства.

В этих условиях наличие или отсутствие реального родства между семьями, составлявшими общину, в силу того, что они вели обособленное хозяйство, не представляло существенного значения. Этнографические материалы свидетельствуют о возможности разных вариантов; от чисто родственных по составу и сохраняющих экзогамию до полностью соседских, состоящих из неродственных семей. Между такими полярными формами существовало немало промежуточных. Во всяком случае, едва ли можно, например, рассматривать как противоположные структуры соседскую общину и патронимию, предполагая первую обязательно состоящей из неродственных семей, как то делал М. О. Косвен¹¹⁸. Больше того, достаточно хорошо изучены случаи, когда соседские общины составлялись из семей, входящих в состав одной патронимии¹¹⁹. Это, понятно, не исключает и возможности распространения на соседей терминов кровного родства или перенесения на вновь сформировавшуюся соседскую общину тотемного названия прежней родовой общины или включения в систему экзогамных запретов соседних, но отнюдь не родственных коллективов. Такие явления также достаточно хорошо известны этнографам¹²⁰.

Однако считать вновь складывавшиеся общинные структуры периода разложения первобытного общества только соседскими значило бы чрезмерно упрощать проблему. Такая их характеристика, во-первых, не позволила бы понять и оценить специфику этих структур, а во-вторых, разграничить общину переходного периода и ту соседскую общину, которая веками сохранялась уже в обществах классовых. Относительно быстрое вытеснение трансформированных форм родовой организации соседской (по основным тенденциям ее эволюции) общиной, о чем говорилось выше, вовсе не означало немедленного вытеснения такого элемента, как родовая собственность. Параллелизм между общинной и родовой формами коллективной собственности, переплетение двух типов связей — родовых и соседских — сохранялись на всем протяжении периода разложения первобытности; более того, в немалом числе случаев этот параллелизм обнаруживали и раннеклассовые общества. Что же касается раннего этапа складывания соседской общины, то здесь сосуществование этих форм собственности могло выливаться и в несомненный приоритет собствен-

ности родовой перед общинной. Так, в частности, обстоит дело во всей Меланезии (за исключением южной части Новых Гебрид)¹²¹: функции соседской, территориальной общины оказывались подчинены функциям общины родовой.

Таким образом, новые формы общинных структур, возникавшие в ходе разложения первобытного общества, выступали как переходные — от собственно родовой к собственно соседской общине. Их главной чертой служило сочетание, переплетение двух типов связей — соседских и родовых. И темп вытеснения первыми последних зависел в конечном счете от степени устойчивости патриархального или позднематеринского рода в каждом конкретном случае. Однако в целом такая община представляет прежде всего ранний этап соседской общины — этап, отягощенный пережитками классической первобытности, прежде всего сохранением родовой собственности на основные средства производства наряду с общинной. В таком смысле она представляет именно первобытную соседскую общину, по определению А. И. Першица¹²².

В то же время их несомненно переходный характер, неоднократно подчеркивавшийся в литературе, заставляет других исследователей попытаться выделить уже внутри таких структур разные стадии, или этапы, такого перехода. Так, Ю. В. Маретин предлагает разграничить общину соседско-родовую, вырастающую непосредственно из родовой, в которой соседские связи занимают явно подчиненное положение в сравнении с родовыми¹²³ (этот тип общинной организации он связывает лишь с самыми ранними стадиями производящего хозяйства), и соседско-большесемейную, где отдельные домовые общины выступают как самостоятельные экономические ячейки. Он подчеркивает особое значение именно последней формы общины, рассматривая ее вслед за М. М. Ковалевским как особую ступень в эволюции и общинных и семейных структур.

По сути дела аналогичной позиции держится Н. А. Бутинов, который говорит о большесемейно-соседско-родовых или семейно-родовых общинах, к которым он относит общины древнего Двуречья; говорит он также и о гетерогенной общине, подчеркивая приоритет неродственного типа связей в такой структуре¹²³. Ю. И. Семенов предпочитает обозначать раннюю соседскую общину как пракрестьянскую¹²⁴.

В принципе все эти определения удобны в том отношении, что делают акцент либо на составе общины, либо на основном направлении ее эволюции. Однако для передачи главного в характеристике типичной для эпохи разложения первобытности формы общинной структуры, т. е. для указания на два вида коллективной собственности, на которых она строится — родовую и общинную, самым удобным представляется, видимо, именно определение «первобытная соседская община».

Вопрос о времени возникновения соседских форм общины в

настоящее время решается, как общее правило, в пользу довольно ранних стадий разложения развитого родового общества; мнение о генетической связи соседской общины с эпохой военной демократии¹²⁵, высказывавшееся в свое время М. О. Косвеню, не находит серьезного подтверждения в фактическом материале. Как можно судить по археологическим данным, разделение земельного фонда общин на индивидуальные участки и коллективные пастбища происходило в Западной Европе еще в эпоху ранней бронзы, а в Средиземноморье, во всяком случае в наиболее продвинувшихся в своем развитии его частях, например на Кипре, — даже в неолитическое время¹²⁶.

По-видимому, не может быть сомнения в универсальном распространении как соседской общины вообще, так и первобытной соседской общины. Это подтверждается анализом данных об обществах, где разложение первобытности происходило в любой из трех реально отмечавшихся форм: патриархальной, позднематеринской или, условно говоря, безродовой. В последнем случае можно говорить об особенно раннем появлении первобытной соседской общины в ее соседско-родовой форме, если пользоваться терминологией, предложенной Н. А. Бутиновым, — «родовой» в том только смысле, что здесь на территориальную общину переносились многие функции рода как надстроечного явления (см. ниже). При патриархальном и позднематеринском роде наблюдалось сосуществование в течение определенного времени рода и соседской общины; однако в процессе их «соревнования» все преимущественно в длительной перспективе были на стороне общины. Род чем дальше, тем больше терял свои хозяйственные функции, превращаясь в конечном счете в сугубо надстроечное явление, в то время как община, с самого начала выступавшая как структура не просто социальная, но социально-экономическая, в которой связи социальные в конечном счете определялись производством, становилась основной формой организации общества.

Важнейшим направлением разложения первобытного общества и его превращения в общество классовое было движение от развитого материнскородового строя к патриархату. В принципе повсеместно на смену материнскому роду шел род патриархальный — так выглядит картина в большинстве известных науке случаев. В ходе такой смены происходило и принципиальное изменение места рода в жизни общества вследствие неизбежного из-за развития частной собственности и хозяйственного обособления отдельных семей перераспределения функций между различными общественными структурами и институтами.

Итак, новый, патриархальный род шел на смену роду материнскому. Однако едва ли можно говорить о прямой преемственности между этими формами родовой организации, т. е. о том, что род патриархальный вырастал как непосредственный результат разложения рода материнского, так сказать, на его разва-

линах. Первоначально этот вопрос решался в науке именно таким образом. В частности, Морган говорил просто о смене счета родства в рамках той же родовой организации¹²⁷. Это было вполне естественно и логично, если принять во внимание, что материнский род для Моргана совпадал с матрилинейным счетом родства, а проблеме локальности брака он вообще не рассматривал. Ближайшей к этому точки зрения придерживался и М. О. Косвел с той, однако, разницей, что для него определяющим моментом была не столько перемена счета родства, сколько кардинальное изменение характера составлявших род семей: основу складывания патриархата он видел в трансформации материнской большой семьи в патриархальную¹²⁸. Однако позднее в нашей науке решительно возобладало мнение, согласно которому патриархальный род представлял скорее новообразование: по мере того как возникали патриархальные патрилинейные семьи, как объединение которых в конечном счете и предстает патриархальный род, происходило отмирание материнского рода. Такой взгляд обосновывается достаточно убедительными соображениями, прежде всего децентрализацией материнских родов, степень которой все возрастала, и связанным с этим неминуемым ослаблением родовых связей, а также длительностью перехода, порождавшей множество промежуточных форм организации.

Моментом, существенно способствовавшим становлению патриархального рода, могло в некоторых случаях быть существование у данного народа раннего отцовского рода. Такая форма родовой организации, сама по себе, как отметил Ю. И. Семенов, совершенно не связанная с накоплением богатств и их переходом в руки отдельных семей¹²⁹, тем не менее облегчала в перспективе возникновение и имущественного неравенства, и частной собственности прежде всего тем, что с самого начала предоставляла возможность наследования по мужской линии и исключала длительный и нелегкий процесс смены филиации. Но и в этих случаях не было речи о непосредственной трансформации раннего отцовского рода в патриархальный: все необходимые для этого изменения протекали в рамках отдельных складывавшихся патриархальных семей. К тому же ранний отцовский род, этнографически зафиксированный, например, у австралийских аборигенов и ряда папуасских групп¹³⁰, в целом был, как уже говорилось, распространен несравненно меньше рода материнского.

Отличие патриархального рода от материнского и раннего отцовского при несомненных чертах внешнего сходства было принципиальным. Главное заключалось в том, что состав патриархального рода с самого начала предполагал существование обособленных в хозяйственном отношении семей — патриархальных семей. Эти семьи противостояли роду как независимые хозяйственные ячейки, тогда как сам род хозяйственной ячейкой быть переставал; уже поэтому существование такого рода подрывало самые

основы родового строя. Членами патриархального рода были все члены составлявших его семей, ведущие происхождение от общего предка — они и образовывали самый род. В этом заключалось несомненное сходство патриархального рода как новообразования с патронимией (как было сказано, некоторые исследователи и рассматривают последнюю как родоподобное образование). Однако сходство в данном случае ограничивалось генеалогическим аспектом обеих этих форм общественной организации. В то же время патриархальный род в отличие от патронимии практически не функционировал в качестве единой локально-хозяйственной группы, выступая как совокупность таких групп, представленных отдельными патронимиями и патриархальными семьями.

То, что род переставал быть производственной ячейкой, не могло не нанести серьезного ущерба его устойчивости. Следствием этого оказывались участвовавшие случаи дробления родовых структур и их последующего воссоздания, зачастую с частичной или полной рекомбинацией элементов рода прежнего. И более того, как показывает этнографический материал некоторых народов Сибири, в ряде случаев такое воссоздание рода происходило на базе отдельных больших семей, что было бы невысказимо при материнскородовом строе ¹³¹.

Тем не менее патриархальный род в его развитом виде отнюдь не превратился еще в чисто надстроечное явление, хотя главной его функцией и сделались защита сородичей перед лицом окружающего мира и обеспечение идеологического единства входивших в род семей. Одновременно за ним сохранялись и весьма важные хозяйственные функции (хотя теперь они имели скорее «обеспечивающий», а не активный производственный характер). Прежде всего в подавляющем большинстве случаев род в его новой форме оставался верховным собственником земли, хотя в практике эта земля уже была разделена между семьями и патронимиями; сохранением права преимущественного наследования и преэмпции в немалой степени обеспечивалась экономическая устойчивость основных хозяйственных ячеек, т. е. отдельных семей.

Род обеспечивал своим членам защиту в конфликтных ситуациях (это приобрело особое значение в богатую бурными событиями эпоху классового образования), а также выступал как гарант их обязательств, в первую очередь имущественных. За родом сохранялось и осуществление взаимной помощи между его членами; можно, по-видимому, говорить о том, что противоположность между коллективным трудом сородичей и взаимопомощью, которую отмечал Н. А. Бутинов уже на самых ранних этапах разложения первобытности ¹³², в развитом патриархальном роде находила свое логическое завершение в виде победы взаимопомощи. Наконец, оставаясь в подавляющем большинстве случаев экзогамным, род целиком сохранил за собой роль регулятора семей-

но-брачных отношений. Следует, впрочем, сказать, что иногда носителями экзогамии, а в некоторых случаях — и эндогамии, оказывался не сам род как целое, а его подразделения — патриархальные семьи или возникавшие вновь при переходе к патриархату патронимии. Так обстояло дело, например, у малагасийцев и особенно у ряда народов со скотоводческим хозяйством: арабов, курдов, некоторых бантуязычных. Необходимость сохранить имущество в рамках патриархальных семей повлекла за собой широкое распространение ортокузенных браков¹³³.

Как уже говорилось, разложение первобытного общества могло помимо патриархата происходить и через позднематеринский род, или «поздний матриархат». В этом случае материнский род не прекращал своего существования; он подвергался, однако, глубокой и принципиальной трансформации, в результате которой оказывалось возможным складывание классового общества непосредственно на базе такого трансформированного материнского рода. Этот вариант был, по-видимому, в целом не столь распространен в истории человечества, как род патриархальный. Однако и он представлен материалами достаточно большого числа доступных этнографическому наблюдению народов, притом в разных районах земного шара. Так, материнский род в его поздней форме сохранялся у бемба и яо Центральной Африки, у народов горных областей Ассама, а как пережиточная форма — в раннеклассовых обществах ашанти и фон Западной Африки и минангкабау Суматры¹³⁴.

Общей с патриархатом и определяющей чертой здесь было то, что и материнский род также переставал быть носителем производственных функций, превращаясь в преимущественно надстроечное явление. Роль же основных хозяйственных ячеек переходила к большим семьям, сохранявшим матрилинейность счета родства. Однако такая матрилинейность отнюдь не исключала действия в условиях «позднего матриархата» общих закономерностей, характерных для эпохи разложения первобытнообщинного строя.

Основной хозяйственной деятельностью в матрилинейных больших семьях оставался мужской труд, хотя это, как и в случае развития через патриархат, ни в коей мере не умаляло важной роли труда женского, однако с теми же ограничениями, о которых говорилось выше. Не удивительно, что сами такие семьи, как общее правило, возглавлялись мужчинами. В целом, однако, общественное положение женщины при таком пути развития бывало все же более высоким, нежели при патриархате.

Можно задаться вопросом, чем объяснялось сохранение материнского рода в его поздней форме? Ответы на этот вопрос предлагались различные, и акцент в них делался на разных факторах исторического развития и на разных их сочетаниях. Преобладающее место в таких объяснениях занимают указания на ведущую

роль женщины в мотыжном земледелии там, где последнее образовывало основу экономики¹³⁵. Основной аргумент в пользу роли мотыжного земледелия при сохранении материнского рода заключен в том, что при такой форме земледелия в тропической зоне, как правило, сохраняется необходимость в использовании коллективных форм труда, а это способствовало и сравнительно долгому сохранению производственных функций за общиной, строившейся на материнском роде и его локализованных частях. Существенно и то, что в обществах, основанных на мотыжном земледелии, природные условия зачастую препятствовали диверсификации хозяйства, а то и делали ее вообще невозможной при наличном уровне развития производительных сил. Это в свою очередь тормозило развитие межобщинного обмена, а тем самым замедлялся и процесс становления обособленной мужской собственности, неизменно служившей одним из важнейших факторов и необходимой предпосылкой подрыва и разложения материнской родовой организации в ее развитом виде. Так, природные условия существенно затрудняли или вообще исключали возможность появления скотоводства — во всяком случае разведение крупного рогатого скота — в лесной зоне Африки к югу от Сахары, чем замедлялось и становление частнособственнических отношений у большинства народов этой зоны. Все эти условия придают немалую убедительность тезису о мотыжном земледелии как одном из главных моментов, обеспечивавших сохранение материнского рода в его поздней форме.

Немаловажным доводом в пользу справедливости этого тезиса может послужить и то, что действительно общества, в которых разложение первобытности шло через «поздний матриархат», в большинстве своем лежат именно в зонах тропического мотыжного земледелия. Однако этот критерий вовсе не абсолютен. Не так мало позднематеринских обществ основано на иных, чем мотыжное, видах земледелия: ирригационном и даже плужном. Более того, некоторые из таких обществ вообще основывались на присваивающем хозяйстве, как, например, высокоспециализированные рыболовы и охотники на морского зверя северо-западного побережья Северной Америки — тлинкиты, цимшияны, хайда. Известны матрилинейные общества даже у кочевых скотоводческих пародов, скажем, у туарегов Сахары. Да и при мотыжном земледелии ведущая роль в ряде случаев оставалась за мужским трудом при сохранении позднего материнского рода, примером чего могут служить те же ашанти или индейцы хопи. Наконец, известны и патриархальные общества, основой хозяйства которых служило мотыжное земледелие.

Среди других объяснений причин сохранения позднематеринского рода можно упомянуть подчеркивавшийся Ю. П. Аверкиевой и М. О. Косвеню «максимальный расцвет» родовых отношений при такой общественной организации¹³⁶ или же выдвиги-

нутую В. И. Равдоникасом концепцию руководящей роли женщины в общественном хозяйстве¹³⁷. Сохранение материнского рода предлагалось объяснять и относительно высоким темпом перехода от родового общества к раннеклассовому, что, как предполагается, не давало сложиться патриархальному роду¹³⁸, однако ни одна из этих точек зрения сейчас не представляется, по-видимому, достаточно обоснованной историческими и этнографическими данными, для того чтобы претендовать на роль универсального объяснения.

Наконец, была показана возможность сохранения в отдельных случаях у того или иного народа материнского рода в его поздней форме не просто вследствие перемен в хозяйстве и общественном разделении труда, но и под воздействием внешних обстоятельств политического и культурного характера, а иногда и просто в результате сознательного и целенаправленного консервирования традиционных форм общественной организации. В этом смысле наиболее характерно, по всей видимости, изученное А. И. Першицем общество туарегов Сахары. Здесь сохранение позднематеринского рода в кочевом скотоводческом обществе, где совершенно бесспорно присутствовали и заметные элементы патриархальных отношений, в значительной мере вытекало из сознательного поддержания древней социокультурной традиции, служившей своего рода гарантией сохранения этнической общности перед натиском более многочисленных и сильных соседей¹³⁹ и, добавим, обеспечивавшей достаточно жесткую границу между господствующими кочевниками и зависимым от них негроидным земледельческим населением.

Все перечисленные выше факторы могли, по-видимому, внести свой вклад в сохранение материнского рода у тех или иных народов и в том или ином регионе; но ни один из них не может рассматриваться как целиком определяющий именно такой ход общественной эволюции. Как мы видели, нельзя этого сказать даже о мотыжном земледелии. Вероятно, правильнее будет говорить о каком-то комплексе причин, включавшем самые разные моменты, причем сочетание последних могло быть сугубо индивидуальным в каждом конкретном случае. Подобные моменты могли быть значимы только в данных условиях, оставаясь несущественными или малосущественными с позиций всемирно-исторического процесса. Несомненной представляется в любом случае роль общеисторической обстановки, этнической истории, в частности специфики этногенеза, культурной традиции (обращалось, например, внимание на возможность закрепления за женщинами тех или иных важных организационно-административных функций в обществе, когда мужчины в силу конкретных условий существования и хозяйственной деятельности этого общества бывали подолгу оторваны от своих производственных коллективов¹⁴⁰). В целом, однако, проблема того, почему переход к пат-

риархату не был явлением всеобщим, еще нуждается в дальнейшем изучении.

В рамках «позднего матриархата» тоже складывались и функционировали достаточно многочисленные и разные переходные, компромиссные формы организации. Этнографически они засвидетельствованы преимущественно в сфере семейно-брачных отношений и наследования имущества. Существование и укрепление матрилинейных семейных общин препятствовало концентрации имущества в руках мужчины. Отсюда вытекала весьма часто сохранявшаяся в таких обществах раздельность имущества супругов, особенно хорошо изученная у некоторых бантуязычных народов Центральной Африки (например, у ила или же у тонга¹⁴¹), у папуасов Новой Гвинеи и микронезийцев¹⁴² (хотя само по себе раздельное владение супругов имуществом — явление гораздо более раннее). Более того, хозяйственные связи между мужем и женой вообще оказывались довольно неустойчивыми. Это же можно сказать и об общности имущественных интересов между отцом и его детьми. В таких условиях укрепление матрилинейной большой семьи в качестве главной хозяйственной ячейки и главного конституирующего элемента позднематеринского рода вело к тому, что укреплялась главным образом связь обоих супругов с их семьями, и в результате муж оказывался все слабее связан с семьей жены. Нередко следствием этого становилась даже дислокальность брака и в конечном счете — общее ослабление его прочности.

Таким образом, если и устанавливались в конце концов отцовскоправовые связи и нормы, то происходило это в упорной борьбе с нормами «позднего матриархата», которые во всяком случае обнаруживали завидную устойчивость по отношению к новым тенденциям. Можно даже с немалой долей вероятности предполагать, что самый процесс установления отцовскоправовых норм оказывался в ряде случаев обратимым. Ведь, скажем, даже у раннеклассовых манангкабау, испытавших заметное влияние ислама, сохранялась ускорилокальность брака, а муж в доме жены формально не пользовался никакими правами ни на детей, ни на имущество¹⁴³. К тому же у минанкабау в общественной организации присутствовали и элементы раздельного владения имуществом, а женщине наследовали ее дочери.

При эволюции общества по типу позднего матриархата существенно отличалось от сложившегося в патриархальных общественных организациях и место женщины в общественной жизни: она играла в ней достаточно активную роль и могла занимать весьма высокое положение. Этнографические материалы, в особенности относящиеся к народам субсахарской части Африканского континента, фиксируют многочисленные проявления такого статуса женщины: от уже упоминавшейся имущественной самостоятельности до участия в отправлении верховной власти. При-

том соправление мужчины и женщины, засвидетельствованное этнографически у многих народов в различных частях региона — например, у ашанти, лунда, ганда, конго, куба, руанда и ряда других, а до того отмечавшееся еще средневековыми арабоязычными авторами¹⁴⁴, может, по-видимому, рассматриваться как типическая черта потестарно-политической культуры народов субсахарской Африки, восходящая к некоему древнему культурному субстрату.

Вместе с тем сам по себе бесспорный факт значительно большей сохранности важных элементов «позднематриархальной» организации у народов Тропической Африки по сравнению с народами других районов земного шара не дает никаких оснований к тому, чтобы резко противопоставлять пути исторического развития африканских обществ развитию народов Европы или Азии, утверждая, будто именно «позднематриархальные» общественные структуры были главной чертой африканской специфики, воспрепятствовавшей формированию в субсахарской Африке классового общества. Подобные утверждения, характерные для националистически настроенных африканских историков¹⁴⁵, явно противоречат тому факту, что черты «позднего матриархата» в общественной организации тех же ашанти или ганда ни в коей мере не исключали складывания у этих народов отношений эксплуатации и зачатков политической власти. Сама по себе такая форма разложения первобытного общества, как «поздний матриархат», в конечном счете вела к классовому обществу с той же неизбежностью, с какой это происходило при патриархате, если только естественный процесс социальной эволюции не прерывался какими-либо привходящими обстоятельствами.

Наконец, как уже говорилось выше, бывали возможны и не столь редкие случаи, когда развитие шло вообще без видимого наличия какого бы то ни было варианта поздней родовой организации. В таких случаях единственной общественной структурой надсемейного уровня оказывалась территориальная община, функции которой по необходимости были сочетанием элементов, присущих и родовой и соседской формам общинной организации. На такую общину в значительной степени переносились и надстроечные функции рода как института социальной интеграции и регулятора семейно-брачных отношений.

В принципе эволюция таких общинных структур была направлена в сторону их превращения в общины соседские. В этой эволюции наблюдалось немало черт, которые были характерны для патриархата. Определяющее значение имело здесь то, что главной хозяйственной единицей общества служила обособленная пеквогамная большесемейная община, во главе которой, как общее правило, стоял мужчина. Преобладание мужчин в таком рода обществах было бесспорным: брак был моногамным, счет родства велся обычно по отцовской линии, реже оказывался билате-

ральным. И все же это преобладание не приобретало таких последовательных и жестких форм, какие ему бывали свойственны в патриархальном роде и которые позволяют говорить о безраздельном господстве мужчины в обществе.

Такая специфика побуждает некоторых современных исследователей рассматривать эти общества как самостоятельную форму разложения первобытнообщинного строя. Однако, учитывая постепенное нарастание патриархальных элементов в таких территориальных общинах, в особенности же весьма близкую к патриархальной организацию большой семьи, равно как и то, что движение этих общин в направлении общины соседской ускорялось (что означало прежде всего усиление частнособственнических начал в их экономическом функционировании) по мере прогрессировавшего разложения первобытности, предпочтительным будет, видимо, считать такие «безродовые» общества лишь специфическим вариантом патриархата¹⁴⁶.

Специфика в данном случае заключалась в том, что чаще всего такой вариант наблюдался у коллективов, оказывавшихся в относительной изоляции в сложной природной обстановке. Так обстояло дело у чукчей и некоторых других палеоазиатских народов, у эскимосов Северной Америки, у некоторых индейских племен Амазонии¹⁴⁷. По-видимому, у этих народов материнский род в его развитой форме уже распался, а отцовский не сложился в силу неблагоприятных экологических и культурных условий. Тут могли играть роль и территориальная раздробленность некогда целостной этнической общности вследствие переселений или внешнего воздействия и последовавшего затем регресса, хозяйственного и идеологического, и коренное изменение форм хозяйства и образа жизни. Сохранить экзогамию как главную характеристику рода в таких условиях чаще всего оказывалось невозможно. Могло при этом сказаться и ослабление родовых связей в период перехода от материнского рода к отцовскому. В то же время некоторые исследователи полагают, что в отдельных случаях вообще отсутствовала возможность складывания патриархального рода¹⁴⁸. Как бы то ни было, все эти обстоятельства не изменяют главного: данная форма социальной эволюции вполне укладывается в рамки общих закономерностей процесса разложения первобытного общества и формирования общества классового.

Возникновение общественных классов

Рассмотренные выше явления в экономической и социальной сферах: появление и укрепление частной собственности, сначала групповой, а позднее — и индивидуальной, хозяйственное обособление семьи и последовавшая за этим трансформация важнейших звеньев социальной структуры на надсемейном уровне — общины и рода — открывали путь к появлению нового типа отношений

между людьми, принципиально невозможного в развитом первобытном обществе, строившемся на эгалитарных принципах, — отношений эксплуатации, а вслед за этим и классовых отношений.

Отношения эксплуатации. Исходным пунктом возникновения таких отношений были в целом те же факторы, которые послужили причинами начавшегося разложения первобытного общества: развитие производительных сил и рост общественной производительности труда, сделавшие возможным получение регулярного избыточного продукта и частное его присвоение, а также дальнейшее развитие общественного разделения труда, которое стало предпосылкой не только безвозмездного отчуждения части этого продукта у непосредственного его производителя, но и его перераспределения.

В условиях, когда главной производственной ячейкой общества становились большие семьи или семейные общины в разных их вариантах, различия в численном и половозрастном составе этих семей, в природных условиях хозяйствования, в индивидуальных способностях и качествах отдельных их членов в сочетании с углублявшейся индивидуализацией труда неизбежно должны были, как уже говорилось, повести к появлению различий и в экономических возможностях отдельных семей. Это означало на практике, что масса избыточного продукта, поступавшего в распоряжение какой-либо одной семьи (или нескольких семей), оказывалась ощутимо большей, нежели у другой или других. Конечно, на ранних этапах разложения первобытного общества возможности накопления были минимальными и по социальным и по чисто техническим причинам, а эффективные способы длительного хранения продукта (прежде всего, понятно, продовольствия) еще только начинали создаваться. В такой обстановке если не единственным, то во всяком случае важнейшим каналом обращения такого складывавшегося имущественного неравенства в пользу более состоятельных семей оказывалась престижная экономика. Это служило еще одной причиной широкого развития потлачевидных обычаев (оно затрагивалось при обсуждении вопроса о формировании частной собственности).

Дело, однако, не ограничивалось чисто престижным соперничеством между относительно крупными коллективами. Дальнейшее укрепление частнособственнических отношений вело и к дальнейшему укреплению индивидуальных семей, пока еще входивших в состав семейных общин, но уже обнаруживавших все усиливавшуюся тенденцию к превращению в малые семьи в социально-экономическом смысле, т. е. в полностью самостоятельные хозяйственные единицы. А это сопровождалось проникновением престижных экономических отношений и в самый больше-семейный коллектив. И таким путем эгалитарные принципы распределения, характерные для развитого первобытного общества, уступали место принципам обмена услугами и материальными

ценностями между членами общины. Причем такие отношения повсеместно эволюционировали от построенных на обмене эквивалентов (что уже само по себе принципиально отличалось от равнообеспечивающего распределения, характерного для родовой общины периода ее расцвета) к таким, при которых одна из сторон стремилась получить и действительно получала больше, чем другая.

Существенно здесь было то, что возможность перераспределения общественного продукта в свою пользу (это составляло естественный следующий шаг) получали те коллективы, которые обычно бывали связаны с отправлением их членами тех или иных функций по руководству обществом. Зависимость была достаточно сложной и связанной с таким важнейшим процессом в общественном развитии, как начинавшееся отделение отправления таких функций от непосредственно производственной деятельности. Объективным основанием данного процесса служило дальнейшее развитие и усложнение общественного производства и углублявшееся разделение труда, которые в свою очередь вели к усложнению и социальных структур.

Чем дальше продвигались все эти взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы, тем большей становилась потребность в специализации труда по руководству обществом и управлению им¹⁴⁹. В то же время появление регулярного избыточного продукта делало такую специализацию возможной, по мере того как она укреплялась, возрастал и общественный престиж управленческо-организационной деятельности. И, таким образом, доступ к подобной деятельности, участие в ней означали и доступ к перераспределению общественного продукта; такое перераспределение открывало возможности относительно быстрого и устойчивого повышения авторитета, престижа и социального статуса лиц, осуществлявших организационно-управленческие функции, а вслед за этим — и тех общин, семейных или соседских, к которым последние принадлежали.

Заслуживает внимания то, что в данном случае направление процесса оказывалось как бы противоположным обычному для развития первобытного общества: статус коллектива следовал за статусом индивида. Однако такое положение могло просуществовать сравнительно недолго: довольно скоро на первое место вновь вышла причастность к статусу коллектива, притом коллектива уже значительно суженного в своем составе и построенного по принципу генеалогической линейности — появился так называемый «присвоенный» статус¹⁵⁰.

Специализация организационно-управленческой функции означала постепенное сокращение участия ее носителей в материальном производстве, хотя сам по себе управленческий труд, как указывает К. Маркс, оставался трудом производительным¹⁵¹. В перспективе это означало полное их исключение из сферы не-

посредственно производственной деятельности. Наблюдается четко прослеживаемая на этнографических материалах зависимость между уровнем развития производительных сил общества и степенью освобождения от участия в такой деятельности лиц, управлявших обществом, т. е. в конечном счете — размерами слоя этих лиц. Шкала подобной зависимости, построенная, скажем, на материалах Полинезии, зафиксированных этнографически, простирается от участия вождя в физическом труде на о-вах Футуна или Пукапука до исключения из участия в непосредственной производственной деятельности не только аристократов арики и членов их семей, но и сравнительно широкого круга их приближенных — на Гавайях. Между этими «полюсами» существовало несколько промежуточных стадий, например на Тикопия, на Самоа, на Тонга, где каждая последующая характеризовалась расширением круга освобожденных от физического труда¹⁵².

И по мере того как освобождение управляющих от прямого участия в материальном производстве распространялось на те коллективы, к которым они принадлежали, прежде всего, понятно, на их семьи, в обществе появлялся слой нетрудового населения, существовавший исключительно за счет перераспределения прибавочного продукта. А следовательно, складывалась эксплуатация. И больше того, появление нетрудового населения означало, что более высокий социальный статус обеспечивает доступ к относительно большей доле общественного продукта (через прибавочный продукт). Это же означало подрыв эгалитаризма, свойственного развитому первобытному обществу, и появление в обществе социальной дифференциации уже на основе доступа к общественному продукту.

Эта дифференциация усугублялась еще тем, что и функции организационно-управленческого характера сами дифференцировались по степени их важности для общества, что влекло за собой и различие в размерах присваиваемой их носителями доли прибавочного продукта. У истоков этого явления лежала неизменно существовавшая объективная необходимость обеспечить поддержание жизни лиц, выполнявших самые важные для нормальной жизни первобытного коллектива виды труда; а умственный и управленческий труд стали таковыми на достаточно ранних этапах общественного развития. По мере же дальнейшей эволюции общества, усложнения общественного производства и социальной структуры неизбежно должна была сложиться и определенная иерархия видов труда. А специализация их столь же неизбежно усугубляла дифференциацию между членами общества и к тому же вела к появлению рангов, т. е. по существу к оформлению и закреплению в общественном сознании и в социальной практике сравнительного статуса общественных функций.

Необходимость специализации организационно-управленческого труда и, соответственно, выделения части общественного

продукта на содержание тех, кто этот труд выполняет, но не участвует непосредственно в производстве продукта, вполне осознается членами разлагающегося первобытного общества. Идеологически эта необходимость осмысливается как существование между главарем или вождем, с одной стороны, и массой рядовых членов коллектива, с другой, определенных взаимных обязательств, взаимной помощи. Такая идеологическая установка, естественно, может долгое время маскировать появление эксплуататорских отношений, т. е. образование и углубление неэквивалентности в осуществлении этих взаимных обязательств. В немарксистской западной науке представление о «взаимопомощи», «обоюдной зависимости» и т. п. между вождями и рядовыми членами общества получило весьма широкое распространение¹⁵³.

Этому способствует и то, что, действительно, «в обществах, где социальные противоречия и групповые конфликты развиты слабо (а именно таковы общества, пребывающие на ранних стадиях разложения первобытности.— Л. К.), крайне трудно определить, где кончается власть функции и где начинается власть эксплуатации»¹⁵⁴. Само по себе признание того, что такого рода представления о взаимности в отношениях распространены в разлагающемся первобытном обществе повсеместно, вполне справедливо. Однако именно на этой основе возникли в западной науке концепции некоей «взаимной эксплуатации», якобы существующей между социальной верхушкой и рядовыми членами общества. Такое перенесение идеологического представления в историческую реальность совершенно неправомерно. Действительно, зарождение различных форм эксплуатации, в особенности эндогенных, происходило, как правило, под прикрытием норм взаимоотношений, характерных еще для развитого эгалитарного общества. Больше того, даже раннее рабство осмысливалось главным образом в категориях родственных отношений.

Точно так же функционирование позднепотестарной и вырвавшейся из нее политической организации, в которой решающую роль играла именно социальная верхушка, перерождавшаяся в господствующий класс, в определенной степени обеспечивало интересы всего общества, во всяком случае в том, что касалось сохранения его целостности перед лицом других обществ.

Все это, однако, не может изменить того факта, что отношения, начинавшиеся некогда как реально обеспечивавшие интересы обеих сторон, становились все более асимметричными, вырождаясь в несомненно эксплуататорские, когда всякая взаимопольность из них уходила на задний план. В обстановке современной идеологической борьбы концепция «взаимной эксплуатации» имеет двойкий смысл. С одной стороны, ею как бы оправдываются в принципе любые эксплуататорские отношения в обществах с антагонистическими классами: ведь задачи организации общественного производства и внешней обороны, жизненно важные в

любом обществе, так или иначе приходится решать господствующему классу. С другой же — в неявной форме проводится идея об «извечности» эксплуатации в той или иной ее форме в человеческом обществе. Идеологический смысл концепции «взаимной эксплуатации» настолько очевиден, что она встречается весьма скептическое отношение и у многих западных исследователей, отнюдь не считающих себя марксистами¹⁵⁵.

Зарождение эксплуататорских отношений само по себе означало, что общество вступает на путь классовообразования. Как показал в свое время Ф. Энгельс, в принципе оно могло проходить этот путь двояко: либо через непосредственное отчуждение производимого в общественном производстве прибавочного продукта на основе собственности на основные средства производства, либо же путем монополизации общественных должностных функций¹⁵⁶. Конкретный исторический и этнографический материал предоставляет в распоряжение исследователей процесса разложения первобытного и становления классового общества примеры того и другого вариантов развития. Это вызывало в свое время оживленные, хотя в целом, видимо, малопродуктивные дискуссии о приоритете того или иного из них в истории человечества.

Дело в том, что соотношение намеченных Энгельсом путей складывания эксплуататорских отношений и классового общества в реальном всемирно-историческом процессе было, несомненно, гораздо сложнее, нежели простая альтернатива «или — или». Скорее должно, по-видимому, говорить о разных сторонах одного и того же процесса, в конечном счете друг от друга неотделимых. Ведь и в том и в другом случае существование дела заключалось в отчуждении у непосредственного производителя определенной (по возможности большей) доли произведенного им прибавочного продукта. Тем не менее при нынешнем уровне наших знаний об истории позднепервобытных и выраставших из них предклассовых общественных организмов можно все же с достаточным основанием предполагать, что во всемирно-историческом масштабе путь монополизации общественных должностных функций представителями социальной верхушки при складывании первичных форм эксплуататорских отношений на самых ранних этапах классовообразования должен был, хотя бы по чисто логическим основаниям, встречаться чаще, нежели непосредственное отчуждение прибавочного продукта на основе монополизации тех или иных средств производства.

Как настойчиво подчеркивал сам Энгельс, последний путь классовообразования требует сравнительно высокого уровня развития производства, т. е. в последнем счете достаточно высокой общественной производительности труда. Но это, насколько можно судить, вплоть до последних этапов разложения первобытного общества вовсе не было таким уж распространенным явлением: и техника и технология в таком обществе оставались рутин-

ными и эволюционировали достаточно медленно. Выделение же организационно-управленческих функций, которое само по себе становилось действенным средством оптимизации общественного производства (даже если это и не осознавалось), начиналось на гораздо более ранних стадиях общественного развития, чем те, на которых общественная производительность труда достигала сравнительно высокого уровня. Собственно говоря, оно должно было происходить еще в развитой родовой общине.

Вместе с тем сама монополизация этих функций еще не означала бы непременно появления эксплуатации, если бы отсутствовал соответствующий механизм, который позволял бы реализовать эту монополию в конкретных формах отчуждения и перераспределения прибавочного продукта. Таким механизмом стали отношения зависимости, строившиеся на господстве и подчинении. В самом деле, возможность появления в разлагающемся первобытном обществе эксплуатации непосредственно связана с наличием в нем отношений господства и подчинения: иначе невозможно будет отчуждение у непосредственного производителя какой-то части произведенного им продукта, тем более всего этого продукта. Поэтому та или иная степень зависимости объекта эксплуатации от того, кто его эксплуатирует, оказывалась на всем протяжении эпохи классовообразования, да и в докапиталистических классовых обществах, необходимым условием самого существования эксплуататорских отношений. Именно об этом говорил К. Маркс, когда подчеркивал, что чем меньше связующая сила («общественная мощь») средств обмена, тем большей должна быть сила связующей общности; и если такая мощь отнята у вещи, то эта общность принимает форму власти одного человека над другим, т. е. отношения личной зависимости, причем поначалу, отмечает Маркс, отношения вполне первобытные¹⁵⁷.

Говоря об отношениях господства и подчинения и о зависимости, следовало бы, видимо, заметить, что и те и другая поразному проявлялись внутри какого-либо данного общественного организма и вне его. В первом случае они на ранних стадиях своего существования основывались, как правило, не на насилии, а скорее на психологическом подчинении; именно это делало возможным перерождение традиционных подношений в подати или ренту в более поздний период развития. В то же время вне своего коллектива насильственные методы с самого начала служили основой, на которой строилась эксплуатация, хотя это и не было абсолютно универсальной закономерностью. Возможны бывали в принципе и не раз встречались в действительности случаи «дифференциального доступа» к тем или иным природным условиям производства, если использовать терминологию американских неозволюционистов¹⁵⁸. В этих случаях какой-то один человеческий коллектив оказывался в более благоприятном расположении по отношению, например, к земельным ресурсам или к воде в усло-

виях засушливой зоны. Здесь возникала реальная, хотя, конечно, не всегда реализованная возможность последующего складывания эксплуататорских отношений уже на основе той или иной степени распоряжения основными средствами производства. Но и тогда такие отношения складывались, собственно, на основе зависимости, которая в данном случае предшествовала эксплуатации; к тому же эксплуатация существовала здесь прежде всего в отношениях между коллективами.

Отношения эксплуатации и зависимости складывались в достаточно многообразных формах. В этом процессе взаимодействовали собственно социально-экономические, экологические, демографические факторы. И разные их сочетания во многом определяли, какую именно конкретную форму принимали отношения эксплуатации и зависимости (или комплекс отношений «эксплуатация — зависимость», что было бы, видимо, даже точнее).

Среди таких факторов присутствовали как эндо-, так и экзогенные. Само собой разумеется, что ведущее место в целом принадлежало объективно обусловленному эндогенному развитию. Но его конкретные темпы и формы в немалой мере определялись взаимодействием с другими общественными организациями, в особенности с теми из них, которые к моменту контакта оказывались более продвинувшимися по пути формирования общества классового. Это относится и к контактам между различными обществами, пребывавшими на разных стадиях разложения первобытности, и тем более между такими уже в основном завершившими процесс классовобразования общественными организациями.

Более подробно эта сторона дела будет рассматриваться далее, пока же следует иметь в виду следующее обстоятельство самого общего характера. Если допустить возможность чисто эндогенного развития эксплуататорских отношений, то механизм их формирования должен бы быть более или менее однозначен: его возможные варианты определялись бы только социально-экономическими структурами данного общества, в первую очередь уровнем, какого они достигли, и экологическими условиями, в которых это общество существует. Бесспорно, эти факторы, прежде всего первый из них, оставались определяющими и при усиленном воздействии факторов внешних, экзогенных. Но в последнем случае число возможных вариантов оформления отношений эксплуатации и зависимости существенно возрастало уже просто в силу большего числа переменных, участвовавших в происходившем процессе. В принципе любой контакт с другой, пусть даже идентичной в стадильном смысле социально-экономической структурой, в какой-то, возможно, на первый взгляд и незаметной, степени отклонял эндогенное развитие данного общественного организма от его спонтанного «естественного» протекания.

Конечно, зависимость и эксплуатация складывались в течение достаточно продолжительного времени. Их законченные формы,

даже если иметь в виду ранние такие формы, вызревали из некоего континуума переходных вариантов, в которых эксплуатация в материальном смысле, т. е. отчуждение у производителя прибавочного продукта, присутствовала далеко не всегда. Примером такого промежуточного варианта служит широко известный и достаточно глубоко изученный меланезийский «бигмен»¹⁵⁹. Во взаимоотношениях бигмена с его сторонниками отношения эксплуатации в строгом, экономическом смысле этого слова если и присутствуют, то в самой зачаточной форме. Основой материальных возможностей бигмена для привлечения к себе сторонников оставался его собственный труд и труд членов его семьи. Не случайно практически все исследователи подчеркивают необходимость для бигмена трудиться больше и активнее, чем большинство окружающих¹⁶⁰. Использование же труда «свиты», с одной стороны, не носит постоянного и институционализованного характера, а с другой, имеет внешнюю форму традиционной общинной или родовой взаимопомощи.

Если рассматривать эти взаимоотношения в категориях экономических и пользоваться термином, предложенным Ю. И. Семеновым¹⁶¹, то между бигменом и его сторонниками несомненно присутствуют отношения обмена. Однако эти отношения складываются уже между людьми неодинакового статуса, а принцип эквивалентности чем дальше, тем больше нарушается. В конечном итоге обменов обнаруживает все более выраженную тенденцию к превращению в перераспределение продукта, и, таким образом, появление каждого нового бигмена только усиливает паметившийся в обществе процесс смены этих форм реализации полученного прибавочного продукта. При этом происходит и одновременное нарушение «симметрии» первоначально складывавшихся отношений взаимозависимости: по мере вытеснения обмена перераспределением прибавочного продукта зависимость малоимущего или имеющего более низкий статус соплеменника от «своего» бигмена делается несравненно большей, нежели зависимость последнего от каждого из его сторонников. Можно, видимо, утверждать, что и в данном случае зарождение отношений эксплуатации проходило в неразрывной связи со становлением отношений зависимости.

Отношениями господства—подчинения и зависимости характеризуются все известные нам ранние формы эксплуатации. К ним в отечественной литературе сейчас относят домашнее рабство, разнообразные виды внутриобщинной эксплуатации и даннические отношения¹⁶². Все эти формы отличает слабая дифференцированность; выделить их в чистом виде, как правило, не удается, поскольку они обычно сосуществовали друг с другом, иногда переплетались, а внешние их проявления нередко оказывались сходны между собой. Это обусловливается тем, что зарождение начальной эксплуатации, как уже сказано, происходило в рамках

своего рода континуума переходных форм, и при этом долго сохранялись внешние признаки отношений, характерных для развитого первобытного общества. Поэтому споры о том, какая из этих ранних форм эксплуататорских отношений была первичной, начавшиеся еще в 30-е годы и продолжавшиеся до самого недавнего времени¹⁶³, представляются малопродуктивными. По всей видимости, гораздо ближе к истине взгляды тех исследователей, которые говорят о параллельном развитии всех этих форм с последующим превращением одной из них в ведущую под воздействием конкретных исторических обстоятельств развития того или иного общества¹⁶⁴.

Рабство. Можно сказать, что отношения рабства все же более доступны для непосредственного наблюдения. Они достаточно хорошо представлены этнографическими материалами из самых разных районов земного шара: субсахарской Африки, Северной и Южной Америки, Меланезии, Северной Сибири. Естественно, что местные экологические и хозяйственные условия, демографические и культурные моменты вносили черты своеобразия в то, как здесь складывалось раннее рабство и в каком направлении шло его развитие. Однако общие тенденции оставались в принципе одинаковыми: главным было то, что рабство сделалось весьма эффективным ускорителем социального расслоения общества, открывавшего в перспективе путь классообразованию и политогенеза.

По-видимому, самой ранней из известных форм рабства было возникшее из адаптации военнопленных в семейные коллективы победителей (военные действия несомненно были первичным источником появления рабов: они были зафиксированы еще в изделиях амратской культуры в Нильской долине, т. е. в IV тыс. до н. э.). Первоначально адаптировались, как правило, женщины и дети; использовать взрослых боеспособных мужчин при низком уровне развития экономики было затруднительно, поэтому они обычно уничтожались. Правда, бывали и исключения: иногда адаптировались и мужчины, если требовалось в какой-то мере возместить военные потери.

Существенно при этом, что адаптация происходила преимущественно в семье предводителей, чем создавались дополнительные предпосылки для закрепления статуса последних. Тем не менее первоначально адаптированный военнопленный с точки зрения его прав и возможностей практически не отличался от победителей. Положение начало меняться с появлением в обществе регулярного избыточного продукта, когда возникли возможности производственного использования пленянина. Конечно, и здесь эти возможности реализовались не сразу же по их зарождению. На первых порах речь шла об адаптации пленного в качестве младшего и уже поэтому неполноправного члена семьи, который использовался или на женских работах, или для выполнения таких ви-

дов труда, которые были либо особенно тяжелыми, либо считались недостойными полноправного мужчины. Характерно при этом и применение труда полонянина в земледелии там, где последнее считалось исключительно женским занятием. Так обстоит дело в земледельческих племенах Южной Америки, у индейцев Северной Америки, у ряда народов субсахарской Африки¹⁶⁵. Именно с этого момента можно говорить о появлении домашнего рабства.

Для этого этапа развития рабства характерно сравнительно хорошее отношение к рабу. Прежде всего статус раба отнюдь не был постоянным: по прошествии определенного времени раб мог превратиться в полноправного члена нового коллектива. Он мог вступать в брак, пользовался в полной мере имущественными правами, его участие в общественной жизни и даже в военных мероприятиях никак не ограничивалось. Какой-либо специфический аппарат контроля и принуждения отсутствовал. Далекое не всегда рабское состояние было и наследственным; потомки рабов считались свободными. Жестокое обращение с рабами у тех народов, где сфера использования рабского труда оставалась ограниченной, а возможности торговли рабами отсутствовали, засвидетельствовано в этнографических материалах относительно редко. Зато примеры достаточно мягкого отношения к рабам и их сравнительно высокого общественного статуса довольно многочисленны¹⁶⁶.

Тем не менее во взаимоотношениях домашнего раба и того коллектива, в состав которого он входил, по-видимому, всегда сохранялась некая «несбалансированность» прав и обязанностей между индивидом и группой, даже в тех случаях, когда пленника включали в семью на правах младшего члена. Такой «как бы родич», с одной стороны, не мог рассчитывать на ту меру поддержки и помощи со стороны группы, на какую имел право родич настоящий. С другой же стороны, права группы на этого «как бы родича» были абсолютны и никакому ограничению не подвергались¹⁶⁷. Насколько можно судить, даже в условиях домашнего рабства в большинстве случаев сохранялось предствление о рабе как о чужаке, пребывающем в маргинальном положении. Причем это вовсе не мешало во многих случаях полному или почти полному равенству между рабами и свободными в материальном отношении. Хорошо известные слова Тацита о «такой же простоте» воспитания господ, как и рабов, у древних германцев, «пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания»¹⁶⁸.

Не менее характерно отношение к рабам и у сьерра-леонских шербро: в материальном отношении положение детей свободных и рабов совершенно одинаково, обращение с детьми рабов даже более мягкое, чем с детьми свободных. Но обосновывается такое обращение с первыми снисходительно-пренебрежительным взгля-

дом на них, его можно сформулировать так: «Что с них взять!»¹⁶⁹.

У других народов восприятие рабочего состояния как свидетельства неполноценности в социальном смысле заходило и дальше.

Так, у индейцев Северной Америки соплеменник, попавший в рабство, но сумевший бежать из него, попадал по возвращении в свой коллектив в положение еще более приниженого и презираемого изгоя. Избавиться от этого он мог только устройством потлача (но это было совсем не просто: возможности накопить необходимые для потлача запасы бывали у такого человека ограниченными). У маори же бесцельным оказывалось и самое бегство из рабства, так как прежний коллектив не принимал такого беглеца и отсылал его обратно: он считался утратившим покровительство духов племени и тем самым лишался прав и обязанностей члена последнего¹⁷⁰.

Свидетельством широкого распространения таких представлений в обществах, находившихся на ранних этапах разложения первобытности, может считаться и то, что для ритуальных убийств — в форме ли жертвоприношений или при погребении вождей и просто влиятельных лиц — использовались исключительно рабы-полоняники. Впрочем, подобные социально-психологические мотивы едва ли следует рассматривать как главную причину таких форм использования рабов. Главной причиной оставалась недостаточная потребность в рабочей силе на данном уровне развития общественного производства, в труде рабов могло не быть особой потребности. Во всяком случае, отсутствовала особая сфера его приложения, и это позволяло рассматривать рабов как своего рода страховой фонд для различного рода ритуальных мероприятий, не имевших производственного характера.

Вместе с тем появление самых ранних форм рабства имело весьма существенное влияние на начинавшуюся в обществе социально-экономическую дифференциацию. Даже если рабы практически выступали в чисто престижной роли (увеличивая численность зависимых от того или иного индивида людей, что ему обеспечивало дополнительный авторитет), они, освобождая его от какой-то части домашних работ, создавали более благоприятные условия для участия своего господина в общественных делах.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о том, выступали ли рабы первоначально как собственность общины или как собственность частная. Первая точка зрения встретила возражения из-за своей недоказанности в качестве универсального явления¹⁷¹. Дело, однако, в том, что в свете сказанного выше о характере частной собственности на ранних стадиях разложения первобытного общества как собственности непременно групповой самый вопрос представляется некорректным. Совершенно естественно, что индивидуальное частное рабовладение могло возникнуть и

возникало отнюдь не с самого начала процесса социальной дифференциации.

Дальнейшее развитие использования рабского труда, к чему создавались дополнительные возможности по мере роста общественного производства, неминуемо должно было повести к расширению сферы применения его, в частности к «выходу» рабства за пределы домашнего хозяйства. Появилось производственное рабство: труд раба начали использовать не как вспомогательный, а в главных отраслях хозяйства, занимая в них все большее место. Соответственно резко возросла заинтересованность в увеличении числа рабов и, как следствие, в диверсификации источников их приобретения.

По-видимому, наряду с увеличением числа военнопленных (что было связано с возрастанием роли войны как фактора социального развития именно в период разложения первобытного общества) одной из самых ранних форм такой диверсификации стала наследственность рабского статуса; параллельно проходил и процесс «выведения» раба за рамки категорий родственных отношений, в которых он рассматривался в подавляющем большинстве случаев при рабстве домашнем¹⁷². Понятно, что такие изменения произошли не сразу, а развивались через какие-то промежуточные этапы. Пожалуй, самым типичным образцом таких промежуточных этапов можно считать временный характер рабского состояния, растянутого на несколько поколений, с постепенным повышением статуса потомков раба в первом поколении. Такие явления лучше всего исследованы на африканских, в частности западносуданских и центральноафриканских материалах, причем обнаруживался достаточно широкий спектр возможностей: от отсутствия какой бы то ни было социальной мобильности в этом смысле до превращения в свободного человека в третьем-четвертом поколениях¹⁷³.

Следует, однако, сказать, что этнографические материалы свидетельствуют о скорее теоретическом характере последней возможности. Отмеченное выше отрицательное отношение общества к лицам рабского состояния в условиях производственного рабства могло только усилиться. Даже после нескольких переходных ступеней потомок раба не делался равен свободному; и более того, во всех случаях такого «ступенчатого» освобождения он оставался неполноправным человеком, зависящим от потомков бывшего хозяина. Здесь находился один из путей становления внутриобщинной эксплуатации, когда такие люди включались в состав общины.

Другим новым источником приобретения рабов сделалось обращение в рабство соплеменников за долги. Этот вариант можно рассматривать как лежащий на границе между рабством и внутриобщинной эксплуатацией, т. е. как переходный между тем и другим. Он выявлен этнографически у довольно большого числа

народов Африки, Азии и Северной Америки¹⁷⁴. Переходность этой формы рабства заключалась, в частности, в том, что ее складывание неминуемо должно было встречать серьезное сопротивление коллектива, сохранявшего еще многие традиции развитого первобытного общества. В последнем столь резкая форма неравенства его членов была просто немыслима, и это имело объективное основание в потребности определенного единства и взаимопомощи среди соплеменников. В той мере, в какой эта потребность сохранялась и в эпоху разложения первобытности, она лежала в основе сопротивления порабощению последних. Отсюда возникали, как и в других случаях, определенные компромиссы между традицией и инновацией: чаще всего обратить соплеменника в рабство за долги было возможно, но зато он не мог быть продан за пределы своего племени¹⁷⁵.

Такое ограничение вплотную подводит нас к еще одному новому источнику рабов — их купле-продаже. Усиление имущественной дифференциации во многих случаях выражалось прежде всего в накоплении относительно большого числа рабов в одних руках. Иногда именно рабы считались основной формой аккумулируемого богатства; самый яркий пример тому дают, видимо, индейские общества северо-западного побережья Северной Америки, в частности тликинты. Это отражалось и в многообразии форм использования рабского труда, и в сравнительной многочисленности рабов в составе всего населения, и в весьма оживленной работорговле, при которой цены на раба достигали порой сотен долларов¹⁷⁶.

Само собой разумеется, что главным источником рабов для продажи оставались военные предприятия, интенсивность и частота которых в тликинтском обществе отмечалась всеми наблюдателями. Следует иметь в виду, что работорговля играла заметную роль как стимулятор разложения первобытного общества не только в тех случаях, когда пленник оставался в пределах захватившего его общества, но и тогда, когда непосредственное его использование в этих обществах еще не было возможным и рабов продавали более развитым, часто классовым обществам. Так или иначе, захваченный и проданный пленный создавал определенную общественно-психологическую основу для преодоления традиции, не допускаящей использования принудительного труда другого человека (не говоря уже о том, что торговля с высокоразвитыми соседями выступала также в качестве немаловажного ускорителя разложения первобытных обществ).

Говоря об использовании рабского труда в производственной сфере, следует, по-видимому, иметь в виду, что формы такого использования, т. е. самые формы эксплуатации раба, не только были очень разнообразными, но и в целом мало соответствовали тому, что обычно понимается под рабством — в виде рабства античного или плантационного. Применение труда рабов в важ-

нейшей отрасли хозяйства — земледелии — скорее должно было принимать вид, в принципе мало отличный от использования попадавших в зависимость от социальной верхушки свободных общинников. Сажаемые на землю рабы эксплуатировались, будучи посажены на землю и сохраняя какое-то хозяйство. Таким образом, и в этом случае происходил как бы «перелив» одной из ранних форм эксплуататорских отношений в другую¹⁷⁷. Немаловажным результатом такого перелива было то, что он ставил трудно преодолимое препятствие на пути возникновения классового общества в его рабовладельческой форме. Преобладала тенденция к становлению эксплуатации, по определению А. И. Першица, «зачаточной феодальной, или прафеодальной»¹⁷⁸, хотя такое преобладание и не было абсолютным, оставляя место для иных разновидностей эксплуататорских отношений, в частности многочисленных видов кабалы.

Внутриобщинные формы. Рабство входило в жизнь параллельно со становлением внутриобщинных форм эксплуатации, т. е. таких, при которых формировавшаяся родовая или общинная аристократия перераспределяла в свою пользу произведенный в обществе прибавочный продукт. Исходным пунктом их появления было именно такое перераспределение: избыточный продукт, производимый в обществе, в определенной своей доле поступал в распоряжение руководителей данного коллектива для использования, с одной стороны, на общественные нужды (куда входило и содержание самих этих вождей, по мере того как усложнение общественной структуры и общественного производства сокращало их возможности для непосредственного участия в производстве), с другой — в качестве своего рода страхового фонда на случай разного рода непредвиденных кризисных ситуаций¹⁷⁹. Такое положение в зародыше содержало в себе возможность эксплуатации: поступающий в распоряжение вождя продукт с самого начала превышал необходимый для непосредственного потребления его и его семьи объем.

Существенное место среди условий возникновения эксплуатации внутри общины занимало и возникшее и непрерывно укреплявшееся право вождя распоряжаться общинными землями, что создавало определенную зависимость от него рядовых общинников, зависимость, которая еще усиливалась организационно-управленческими функциями вождя, значение которых все возрастало с развитием общества. Характерно при этом, что такое положение существовало, видимо, достаточно долго без обособления собственности вождей и других руководящих лиц, во всяком случае в общественном сознании.

Все эти варианты возникновения внутриобщинной эксплуатации засвидетельствованы у многих народов. Так, превращение племенной собственности, находившейся в распоряжении вождей, в источник их обогащения хорошо изучено на примере многих

бантуязычных народов Южной и Юго-Восточной Африки — тсвана, свази и др. — и у мандеязычных и иных народов Западной Африки¹⁸⁰. Общества Океании рисуют нам целую гамму переходов от простого распоряжения землями общины в Меланезии до собственности аристократии на все земли в сочетании с фиксированными податями, которыми облагались общинники на Гавайях и на Таити¹⁸¹. Как раз гавайско-таитянский вариант развития и представлял в наиболее «чистом» виде прафеодалную эксплуатацию, о которой говорилось выше.

Эксплуататорские отношения внутри общины могли складываться на основе не только перераспределения продукта, но и услугообмена. Именно он лежал в основе кабальных отношений. Экономической предпосылкой возникновения таких отношений оказывалась углублявшаяся имущественная дифференциация общества, в результате которой появлялись во все большем числе лица, неспособные самостоятельно вести хозяйство — то ли по демографическим причинам, то ли в силу отсутствия доступа к основным средствам производства. Здесь речь шла уже об эксплуатации преимущественно на индивидуальной основе. Человек, вынужденный обратиться за помощью к более богатому или сильному соплеменнику, тем самым оказывался рано или поздно включенным в сеть неравного услугообмена, когда покровитель получал от своей помощи большую выгоду, нежели тот, кому такая помощь оказывалась.

Формы, какие приобретал этот вид эксплуатации, были очень многообразны. Это могло быть использование труда зависимых людей в составе семьи — клиентов, «воспитанников», «работников» (в их число могли входить и члены побежденных в войне общин¹⁸²) и т. п. Во всех подобных случаях речь шла об отработке тех или иных форм помощи, полученных от покровителя: будь то кров и пища, орудия труда и средства производства, включая иногда и земельные участки, или возврат «ссуды» (чаще всего продовольственной), выданной под «проценты». Последний вариант получил полное распространение скорее уже в обществах раннеклассового уровня, однако этнографические материалы фиксируют его и в ряде обществ, пребывавших на стадии разложения первобытнообщинного строя. Ростовщичество было известно в Юго-Восточной Азии, например, у каба Индокитая, на Филиппинских островах у ифугао, где процент составлял 100, на некоторых меланезийских островах: на севере Новых Гебрид и на Банковских островах, здесь процент достигал таких же величин¹⁸³. Весьма характерно при этом, что у тех же каба в роли «ростовщиков» выступали прежде всего деревенские вожди и колдуны. Развитие ростовщичества неминуемо вело к появлению кабального должничества; положение кабального должника первоначально отличалось от положения раба: скажем, у луба он оставался владельцем своего участка земли и не мог

быть с него согнан, пока его обрабатывал. В то же время раба-должника хозяин мог согнать с земли в любой момент¹⁸⁴. Не приходится, однако, сомневаться в том, что развитие кабального должничества в перспективе вело лишь к расширению долгового рабства, так как при невозможности вернуть долг дело заканчивалось продажей в рабство либо членов семьи должника, либо его самого.

Достаточно распространены были и разные виды издольной аренды — скота, зерна и т. п. Если в общем плане такая аренда в конечном счете приводила арендатора к тому же кабальному должничеству, а затем и к долговому рабству, то в некоторых случаях, и прежде всего в кочевых и пастушеских скотоводческих обществах, она оказывалась прикрыта видимостью следования традициям родо-племенной взаимопомощи. В таких случаях кабальная зависимость от заимодавца консервировалась и могла существовать очень долго, особенно учитывая общую незавершенность процессов классообразования у кочевников. Эта форма зависимости, обозначаемая в отечественной литературе как саунные отношения, также могла существовать в нескольких вариантах¹⁸⁵. Часть из них относится непосредственно к интересующему нас времени разложения первобытного общества, другие наблюдались скорее в обществах раннеклассовых. По-видимому, самым ранним таким вариантом была внешне безвозмездная раздача скота малоимущим соплеменникам. Он известен у арабов, туарегов, некоторых бантуязычных народов, у казахов. Внешне все имело вид традиционной взаимопомощи: тот, кто получал скот, получал дополнительные средства к существованию, а выигрыш того, кто скот давал, заключался прежде всего в укреплении связей между ним и получателем, в которых последний оказывался в определенной степени зависимости от дарителя. Не следует, впрочем, сбрасывать со счетов и экономические выгоды: часть продукта, получаемого от розданного скота, возвращалась к дарителю в виде подношений, родственных или соседских, в знак благодарности, а кроме того, раздача части стада была средством обеспечить лучшую сохранность скота в условиях нестабильного и рискованного пастушеского или кочевого хозяйства. Таким образом, и в этом случае саун способствовал укреплению тенденций, действовавших в направлении разложения первобытности.

В такой же, если не в большей степени толкали развитие в этом направлении и собственно издольные варианты сауна, когда речь шла об отдаче скота на выпас на условиях выплаты фиксированной доли продукта или когда издольщик получал определенное количество скота в виде платы за выпас. Этот вид саунных отношений собственно и был определен некоторыми авторами как кабальный¹⁸⁶. Несколько специфичную разновидность издольного сауна образовывали, вероятно, взаимоотношения

между скотоводами и земледельцами на границах оседлых районов и степи. Здесь земледельцы передавали свой скот на выпас скотоводам, выплачивая им определенную долю урожая¹⁸⁷.

Вопрос о том, считать ли кабальные формы эксплуатации особым способом производства — кабальничеством (термин, предложенный ранее Ю. И. Семеновым), сейчас решается (в том числе и самим создателем термина) отрицательно: в этом смысле кабала представляет, как можно судить, туликовый вариант развития. Различные виды ее включают в себя элементы разных форм эксплуатации, и только конкретно-историческая обстановка решала, какой из них станет ведущим; пожалуй, именно такая нерасчлененность служила характернейшей особенностью кабалы. Но в целом можно, видимо, говорить о том, что в большинстве случаев развитие направлялось в сторону формирования прафеодалных отношений¹⁸⁸. Очевидно, эта тенденция вообще была преобладающей в становлении и эволюции внутриобщинных форм эксплуататорских отношений.

Данничество. Недифференцированность ранних форм эксплуатации, их способность переходить одна в другую проявлялись и на границе между внутриобщинной эксплуатацией в ее кабальных вариантах и третьим основным видом эксплуататорских отношений эпохи разложения первобытности — данничеством. Оно возникало не из перерождения традиций развитого первобытного общества. Однако то, что данничество связано прежде всего с эпохой классовобразования, не означает, что оно не могло в тех или иных формах существовать и на наиболее ранних этапах разложения первобытного общества. В форме натуральных повинностей оно существовало, скажем, у индейцев степных районов Северной Америки, не говоря уже об ирокезах, и даже на о. Новая Британия, где жители полуострова Газели обложили данью примитивных земледельцев байнингов, населявших внутренние районы¹⁸⁹.

Эта форма эксплуатации получила тем не менее особое развитие именно в эпоху классовобразования, когда резко выросло значение военных предприятий, все более приобретающих чисто грабительский характер. Результатом таких военных действий, например, у кочевников-скотоводов могло быть установление той разновидностьи сауна, которую А. И. Першиц обозначает как «принудительный»¹⁹⁰. При ней завоеватели обязывали покоренное население содержать стада вождей-победителей, а сауп таким образом превращался в некий вид дани (что не исключало взимания дани и в других формах). Существеннее всего здесь было, вероятно, то, что по такой же модели начинали постепенно строиться отношения между вождями и рядовыми общинниками уже и внутри общества завоевателей. Такой ход развития можно наблюдать, например, у ндебеле Юго-Восточной Африки, подчинивших себе шона и тсвана¹⁹¹.

Характерной особенностью данничества как формы эксплуатации было то, что при даннических отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые тем не менее в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности¹⁹². Именно коллективный характер эксплуатации позволяет его рассматривать как специфическую форму эксплуататорских отношений.

По своему экономическому содержанию данничество олицетворяло ту же тенденцию, которая позднее служила основой феодальной эксплуатации: речь шла об отчуждении при помощи внеэкономического принуждения прибавочного продукта, произведенного в собственном хозяйстве производителя. Поэтому в большинстве случаев данничество в своем развитии перерастало как раз в феодальную эксплуатацию, становясь таким образом важным фактором и одним из источников феодализации общества. Так шло развитие классового общества у древних германцев и славян, у арабов и кельтов. Во всех этих случаях сравнительно легко и быстро совершился переход от зависимости коллективной к зависимости индивидуальной. Менее часты, видимо, были случаи, когда за счет относительно высокой степени отчуждения производителя от средств производства складывались формы эксплуатации, как бы промежуточные между крепостничеством и рабством, ярчайшим примером здесь служит спартанская илотия. Достаточно частыми представляются случаи, когда данническая зависимость в конечном счете приводила к образованию кастовых структур, как то произошло, например, в восточноафриканском Междозерье¹⁹³.

Признание параллельности существования и развития трех рассмотренных выше ранних форм эксплуатации отнюдь не означает, что их исторические возможности были одинаковы. Одни из них оказывались тупиковыми, тогда как другие по мере своей эволюции перерастали в способы эксплуатации, типичные для классового общества, иначе говоря, становились основой соответствующих классово-антагонистических способов производства. К первым относились практически все виды кабальной эксплуатации и данничество: не становясь самостоятельными способами производства, они, однако, обнаруживали завидную жизнеспособность в качестве побочных форм отчуждения прибавочного продукта. В такой роли они могли долгое время сохраняться уже в рамках сложившихся классовых обществ. Но формировались такие общества уже на основе видов эксплуатации, вырвавшихся с одной стороны, из зачаточного рабства, с другой же — из отношений перераспределения прибавочного продукта внутри общины, приводивших в перспективе к прафеодальным, а затем и к раннефеодальным отношениям.

Иными словами, можно, по-видимому, предполагать, что анта-

гонистические способы производства складывались главным образом на основе отношений внутренней эксплуатации, или эндоэксплуатации, а таковыми были прежде всего рабство и монополизация общественно-административных функций (и соответственно перераспределение прибавочного продукта). Впрочем, четкую грань между эндоэксплуатацией и внешними формами эксплуатации, т. е. экзоэксплуатацией, можно провести далеко не всегда; скажем, главным источником поступления рабов всегда оставался внешний захват. Да и монополизация организаторских функций во многом была связана именно с внешней военной деятельностью и ею ускорялась, о чем еще пойдет речь далее.

Вместе с тем, как было отмечено в литературе, различные способы и виды ранней эксплуатации различались не только потому, были ли они направлены на само данное общество или вовне, но и по наличию или отсутствию определенных элементов организации труда эксплуатируемых¹⁹⁴. При этом можно заметить, что присутствие такого рода элементов отличало как раз эндоэксплуататорские отношения. Ни один из типичных видов экзоэксплуатации — данничество, военный грабеж, разовые поборы с применением военной силы или с угрозой ее применения и т. п. — не требовал того, чтобы производственная деятельность тех, кто такой эксплуатации подвергался, хотя бы в какой-то степени организовывалась эксплуататором. Формы же эксплуатации, ведущие в перспективе к развитому производственному рабству или к феодальным отношениям, по необходимости такую организацию предполагали и, значит, в том, что касалось общественного производства, могли рассматриваться как стимулирующий его момент. Хотя, если говорить о рабстве, потребность в организации производства, строго говоря, могла возникнуть лишь тогда, когда оно начинало перерастать в производственное. Ни домашнее рабство, ни различные формы кабальной зависимости не нуждались в какой бы то ни было организаторской деятельности за пределами хозяйства семейной общины.

Таким образом, мы вправе утверждать, что домашнее рабство, кабала и внешние формы эксплуатации были не просто более примитивны, чем те виды эксплуататорских отношений, которые в конце концов выливались в классово-антагонистические способы производства. Они могли предшествовать таким отношениям, подготавливая их складывание. В пользу такого предположения дополнительно свидетельствует и то, что подобные примитивные формы эксплуатации этнографически зафиксированы у некоторых народов с высокоразвитым присваивающим хозяйством: так обстояло дело у части народов Северной Сибири, у алеутов и эскимосов, у ряда индейских племен северо-западного побережья Северной Америки¹⁹⁵. Принципиальная возможность такого пути становления более развитых форм эксплуататорских отношений

представляется поэтому бесспорной, однако вопрос о том, был ли этот путь универсальным, пока остается открытым.

Внешние факторы классообразования. Рассмотрение ранних форм эксплуатации приводит нас к необходимости проанализировать вслед за внутренними причинами их появления (среди которых главными были рост общественной производительности труда и появление регулярного избыточного, а затем прибавочного продукта) также и некоторые внешние факторы, которые в свою очередь ускоряли формирование имущественного и социального неравенства и эксплуататорских отношений. К таким факторам относились прежде всего появление и ускоренное развитие военной деятельности с грабительскими целями, а также развитие и расширение обмена и торговли.

Война. Вся эпоха разложения первобытного общества и формирования классов и государства характеризуется непрерывным возрастанием роли военных предприятий в жизни общества. Возможность военного грабежа, т. е. по сути дела быстрого насильственного изъятия общественного продукта, и притом не только прибавочного, но очень часто и необходимого, открывала перспективу сравнительно легкого обогащения победителей и повышения их жизненного уровня, каким бы шатким и ненадежным это повышение ни было. Такая перспектива делалась все более заманчивой по мере дальнейшего роста общественного производства. И военные предприятия, ориентированные на изъятие общественного продукта у более слабых соседей, равно как и на защиту от подобного рода поползновений со стороны других соседей, чем дальше, тем больше становились специализированной и требовавшей относительно высокого уровня организации сферой человеческой деятельности; происходило превращение разрозненных вооруженных столкновений, вызванных зачастую чисто случайными причинами, в войны в полном смысле этого слова. Война, говоря словами Ф. Энгельса, сделалась постоянным промыслом¹⁹⁶.

Специализация всевозраставшей части мужского населения на военной деятельности имела существенные последствия для самых разных областей общественной жизни — материально-технической, социально-потестарной, этнокультурной. Потребности военной организации вызвали к жизни заметный рост металлургического производства, связанный с появлением и относительно быстрым совершенствованием собственно военного оружия. Характерно при этом, что уже само по себе такое совершенствование влекло за собою ускорение имущественного расслоения общества: более прогрессивные виды вооружения, в особенности оборонительного, оказывались доступны лишь более состоятельным воинам, что во множестве случаев засвидетельствовано археологическими материалами¹⁹⁷.

В социально-потестарной сфере регулярный характер войны

вел к укреплению позиций военных руководителей, вокруг которых собирались особенно искусные и удачливые воины, сделавшие войну своим постоянным занятием. Здесь пролегал один из важнейших путей классовобразования и институционализации отделенной от народа публичной власти, с одной стороны, и здесь же, с другой стороны, находился зародыш одного из самых типичных для предклассовой и раннеклассовой эпохи общественных конфликтов: конфликта между старой социальной верхушкой, родовой и общинной по происхождению, и новой, военной.

Наконец, в области этнокультурной повышение роли войны потребовало принципиальных изменений в структуре основных этносоциальных общностей. Потребности обороны вызывали, с одной стороны, укрупнение масштаба этих общностей; важнейшей из них во все большей степени становилось племя. С другой стороны, это племя было уже прежде всего военно-потестарной структурой, решительно отеснявшей на задний план остатки родовой организации. Более того, явственно обнаруживалась тенденция к складыванию надплеменных общностей типа союзов племен или конфедераций их. Типичными образцами таких надплеменных общностей, зафиксированными этнографически, были ирокезская и ашантийская¹⁹⁸. Дальнейшее укрепление военной организации в конечном счете вело к появлению военно-демократических и военно-иерархических форм общественной организации, ставших затем важными ступенями на пути классово- и политогенеза.

Вместе с тем война сама по себе отнюдь не обязательно вела к сложению классов и к политогенезу. Она выступала как ускоряющий фактор — это бесспорно, но классовобразование и политогенез могли быть ускорены лишь там, где к тому существовали объективные предпосылки. В этом смысле абсолютно несостоятельна концепция, выводящая появление классов и государства из завоевания одних этносоциальных общностей другими (так называемая теория насилия), до сего времени пользующаяся определенным кредитом в немарксистской зарубежной науке (К. Оберг, Дж. Барнс, Р. Карнейро, отчасти Л. Крайдер¹⁹⁹).

Конечно, сейчас эта концепция практически уже не выступает в такой категорической форме, в которой она была изложена в конце прошлого века австрийским социологом Л. Гумпловичем, в свою очередь развивавшим взгляды основателя так называемой антропогеографической школы Ф. Ратцеля. Для Гумпловича источником появления государства, классов и иных социальных групп были столкновения между «ордами», каждая из которых составляла определенное антропологическое и этническое единство. В результате таких столкновений на сравнительно высоких этапах общественной эволюции победители в таких столкновениях поработают побежденных — так возникает государство. Внутри же государства то, «что на примитивнейшей ступени было

борьбой антропологически различных орд... на высшей ступени развития... обращается в борьбу социальных групп, классов, сословий и политических партий». В основу всякого социального и политического развития Гумплович кладет удовлетворение материальных потребностей, которое осуществимо только через насильственное принуждение одних человеческих групп другими ²⁰⁰.

Дальнейшее развитие взгляды Гумпловича получили в работах Ф. Оппенхаймера, обосновавшего как основной вариант такого развития покорение земледельческого народа кочевниками-скотоводами или морскими разбойниками, а конкретную разработку — в особенности в рамках так называемой хамитской теории, провозглашавшей создание культур большинства населения Тропической Африки делом рук скотоводов-«хамитов» ²⁰¹.

В наши дни взгляды сторонников теории насилия принимают главным образом форму дискуссий об относительной роли внутренних факторов социально-экономической эволюции разлагающегося первобытного общества и внешнего военного воздействия на такое общество. Общим, однако, остается именно преувеличение значения последнего фактора, хотя никому уже не приходит в голову отрицать важность внутреннего социально-экономического развития в процессах, ведущих к складыванию классов и государственности. Поэтому долг историка-марксиста — последовательно и аргументированно отстаивать тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового общества и государства.

Признание этого положения ни в коей мере не означает отрицания того, что война играла видную роль в классово- и политогенезе. Весьма плодотворно, например, различие войны-грабежа на ранних стадиях этого процесса и войны-завоевания на его завершающем этапе. В последнем случае могли возникать различные позднепотестарные и раннеполитические структуры с последующим превращением неизбежной в них этнической стратификации, всегда, впрочем, сочетавшейся с социальной, в чисто классовую. Этот вариант развития был, по-видимому, достаточно распространен в отдельных районах земного шара, однако считаться универсальным он ни в коем случае не мог. Вместе с тем исторический опыт такого рода убедительно опровергает главную посылку теории насилия: как правило, при завоевании каким-либо общественным организмом другого такого организма, стоящего на более высокой ступени социально-экономического и культурного развития, именно победители в конце концов приспособивались к тем отношениям, которые находили на завоеванной территории, а не наоборот; на это обращал внимание еще Энгельс ²⁰².

Война как ускоритель процессов классовобразования и политогенеза действует в условиях сложных многосторонних отноше-

ний между многими факторами: экологическими, демографическими, культурными, хозяйственными, каждый из которых оказывает то или иное позитивное или негативное влияние на развитие данного общества. Известно, например, что индейские племена Амазонии вели множество войн, притом довольно ожесточенных; однако никаких серьезных признаков классового и популяционного генезиса у них не наблюдалось²⁰³. Не раз этнографические исследования показывали, что и в условиях малоземелья, вызывавшего повышенную военную активность, эта активность практически не оказывала влияния на темпы классового образования, если общий уровень развития соответствующих обществ не достигал какого-то определенного порогового значения в смысле общественной стратификации или более или менее устойчивой и централизованной потестарной организации²⁰⁴.

Можно, по-видимому, говорить о нескольких путях, какими война способствовала классовому генезису. В первую очередь важно то, что войны, особенно победоносные, т. е. обеспечивавшие захват значительной добычи, как уже говорилось, интенсифицировали развитие социальной стратификации, добавляя к ней стратификацию имущественную. Это происходило двояким путем: во-первых, успешная война увеличивала численность включаемых в состав общества неполноправных и зависимых групп людей, главным образом за счет полона; во-вторых, военные трофеи включались в систему распределения продукта, существующую в обществе, в гораздо меньшей степени, чем обычный прибавочный продукт, в этом обществе произведенный (точнее, они обращались, притом с самого начала, в значительно суженной по составу участников сети такого перераспределения).

Социально-экономические последствия частых и более или менее регулярных войн дополнялись последствиями демографическими. Ускорялось дробление старых общностей, а это сопровождалось ускоренным разрушением традиционных кровнородственных связей и утверждением связей территориальных, т. е. в конечном счете разложением прежних социальных структур. К тому же войны, как общее правило, вызвали перегруппировку населения, нередко насильственную. А это создавало повышение его плотности, что само по себе увеличивало производственные возможности таких областей и благоприятствовало ускоренной централизации власти и управления. Ведь повышенная плотность населения объективно увеличивала размеры и плотность редистрибуционной сети, а это требовало укрепления системы руководства обществом²⁰⁵.

И, наконец, война выступала как средство выдвижения на передний план более сильных и централизованных социально-потестарных общностей. Как следствие такие общности обнаруживали повышенную агрессивность, и это вполне естественно стимулировало уцелевших соседей к ускоренному развитию организацион-

но-управленческих функций и выполняющих их органов (т. е. толкало их на один из главных путей складывания эндоксплуатации).

Обмен и торговля. Немаловажную роль в создании предпосылок классовобразования и политогенеза сыграли также обмен и торговля. Эта их роль сделалась особенно очевидной в эпоху разложения первобытного общества, когда разделение труда повело к появлению собственно экономического обмена и к его внедрению не только на границах между разными общественными организациями, но и в отношении внутри этих организмов. И прежде всего — первобытной соседской общины как важнейшей экономической ячейки перерождавшегося позднепервобытного общества.

Тем не менее даже простой дарообмен, предшествовавший обмену экономическому (не говоря уже о торговле, которая, говоря словами К. Маркса, «повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт»²⁰⁶), должен был в какой-то степени способствовать нарушению традиционного социально-экономического равенства в обществе. Но, вероятно, ярче всего такое нарушение еще на первых стадиях разложения первобытного общества обнаруживалось в престижном обмене (который, впрочем, существовал только параллельно с обменом экономическим, восходившим к гораздо более раннему времени, и никогда не мог претендовать и не претендовал на то, чтобы последний заменить). В престижном обмене чаще всего фигурировали, как уже говорилось выше, предметы, зачастую не имевшие реальной потребительной стоимости, но представлявшиеся общественному мнению особо социально ценными и потому и получившие в экономической антропологии обозначение «примитивные ценности». Даже в тех случаях, когда накопление такого рода предметов в одних руках было невозможно (а то и просто не допускалось общественным мнением), самый факт соприкосновения с ними, причастности к их обмену резко повышал престиж, а затем и статус индивида в глазах других членов коллектива.

В этом отношении очень показателен существовавший на островах Северо-Восточной Меланезии церемониальный обмен «кула». В этом по сути своей ритуальном действе, впервые описанном Б. Малиновским в 1920 г., в качестве примитивных ценностей служили браслеты из белых раковин, двигавшиеся в цепи последовательных обменов в одном строго определенном направлении (в схематическом виде — против часовой стрелки), и длинные ожерелья из красных раковин, направление движения которых в цепи было противоположным движению браслетов. Уже сам по себе факт включения в кольцо обменов сразу же повышал статус вступающего в него участника. Тем более, что здесь действовало практически нерушимое правило: «однажды в кула включенный, навсегда в нем остается». К этому следует добавить

и немаловажный, хотя, так сказать, побочный фактор: если самые браслеты *муали* и ожерелья *сулава* никто из участников обмена не мог сохранить у себя надолго, то под прикрытием церемониального обмена происходил и обычный экономический обмен предметами, необходимыми для потребления и зачастую недоступными жителям тех или иных из островов²⁰⁷. И в любом случае самая прикосновенность к примитивным ценностям и кратковременное обладание ими служили одним из важнейших и самых действенных средств укрепления общественного статуса индивида, особенно занимавшего положение неформального лидера, в частности бигмена.

Что же касается собственно торговли, то она тем более выступала как один из эффективных факторов ускоренного складывания имущественного неравенства, а затем, в более отдаленной исторической перспективе, и классовой структуры общества. Особенно ясно это появлялось в тех случаях, когда дело касалось торговли на дальние расстояния. Эта торговля требовала как совершенно обязательного условия для своего существования вполне определенной более или менее стабильной и, самое главное, перекрывавшей локальные границы организационной структуры. При наличии известных условий дальняя торговля могла сделаться и одним из главных моментов в процессе классового образования. К этим условиям следует отнести прежде всего такую характеристику внутренней организации общества, как наличие некоей социальной верхушки, способной взять в свои руки создание подобной структуры.

При этом, если за это дело первоначально бралась родовая и общинная верхушка, то под воздействием торговли она могла взять на себя и создание системы перераспределения общественного продукта, перекрывавшей границы отдельных общин; тем самым у этой верхушки появлялась объективная возможность стать правящим слоем в какой-то этносоциальной общности большего масштаба. Впрочем, и на более ранних этапах процесса разложения первобытнообщинного строя и классово- и политогенеза дальняя торговля могла, с одной стороны, предоставить в распоряжение традиционной социальной верхушки дополнительные материальные средства для укрепления ее руководящего общественного положения (и в меньшей степени — для создания и укрепления дифференциального уровня потребления), а с другой, именно в силу данного обстоятельства действовать как своего рода «катализатор» при формировании именно такой надобщинной сети перераспределения продукта.

Подобный ход развития с большой долей убедительности засвидетельствован в общественном развитии ряда народов Западной Африки, где дальняя торговля оказалась классовообразующим фактором первостепенной важности. Однако как раз в этом случае было в полной мере представлено и другое, внешнее, условие,

сделавшее возможным такой ход процесса, а именно наличие уже сложившихся классовых обществ, по отношению к которым то общество, в котором происходило формирование редиистрибуционной сети, оказывалось периферийным. По-видимому, относительно самостоятельная роль торговли в движении классогенеза вообще была возможна лишь при сочетании этих двух условий²⁰⁸.

Не раз обращалось внимание на то, что в обществах, находившихся на стадии завершения классогенеза, а тем более в обществах раннеклассовых, центральная власть, будь то позднестаршая или государственная, стремилась к монополизации торговли, во всяком случае внешней²⁰⁹. По всей видимости, здесь можно наблюдать продолжение и дальнейшую эволюцию тенденции монополизировать любые организационно-управленческие функции, т. е. направить складывание эксплуататорских отношений по более простому из двух главных путей его реализации. Но вместе с тем в рамках проявления самой этой тенденции должно было наблюдаться и стремление к образованию особых профессиональных групп, специализировавшихся на торговой деятельности, а затем постепенно превращавшихся в особый слой правящей социальной верхушки, т. е. в купечество как таковое. Однако какие-то группы людей, занятые преимущественно обменными операциями, несомненно появлялись и намного раньше, в частности при осуществлении обмена между соседними общинами, т. е. локального обмена. Эти группы в определенной степени участвовали в перераспределении прибавочного продукта, и их деятельность также оказывалась фактором, способствовавшим быстрейшему разложению традиционных структур первобытного общества. Тем не менее конституироваться как специфическая социально-профессиональная группа населения, что означало бы, как указывал Ф. Энгельс, третье крупное общественное разделение труда²¹⁰, торговцы смогли лишь после завершения процесса классового образования и сложения политической, государственной надстройки.

Формирование классовой структуры общества. Складывание отношений эксплуатации и зависимости, утверждение и дальнейшее углубление социальной и имущественной дифференциации означали, что общество вплотную подошло к рубежу, на котором в основном заканчивается процесс классового образования и далее которого возникает и функционирует общество, состоящее из антагонистических классов, т. е. «больших групп людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают», таких групп, «из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в опреде-

ленном укладе общественного хозяйства»²¹¹. Разлагавшееся первобытное общество вступало в эпоху классовобразования в непосредственном смысле слова²¹², итогом которой оказывалось классовое общество в какой-либо из возможных его форм: рабовладельческой, феодальной, а по мнению некоторой части исследователей, также и «азиатской» (или политарной²¹³).

Становление классового общества было процессом сложным и многосторонним, затрагивавшим все сферы жизни. Перемены в экономической, социально-потестарной, идеологической и других областях проходили более или менее синхронно. В ходе стратификации общества происходило прежде всего оформление круга лиц, отправлявших организационно-управленческие функции, в самостоятельный социальный слой. Руководящее положение в обществе превращалось в наследственное, и это сопровождалось институционализацией такого рода наследственности. По существу речь шла о том, что общественные должности и общественные фонды постепенно начинали восприниматься как своего рода групповая частная собственность. Конечно, осознавалось это далеко не сразу: видимость расходования ресурсов общины на нужды всех ее членов сохранялась, а к тому же в экстремальных ситуациях разного рода, типа неурожая или стихийных бедствий, она и вовсе не обязательно была видимостью. Тем не менее постепенная узурпация права распоряжаться практически всем производившимся в общине прибавочным (и не только прибавочным) продуктом оставалась определяющей тенденцией.

Такая узурпация обычно сопровождалась появлением определенных привилегий для лиц, осуществлявших руководящие функции в обществе. Эти привилегии начинали складываться уже у примитивных земледельцев и представляли главным образом преимущественное право главарей и вождей на ценности, которые в представлениях членов данного коллектива имели наибольшее значение. Это хорошо видно на примере некоторых групп южноамериканских индейцев: у боро вождь получал в пользование лучшие земельные участки²¹⁴; у хиваро он имел право первого выбора женщин из военной добычи²¹⁵; у чикита только вожди могли иметь несколько жен²¹⁶. Важность последней привилегии станет особенно ясна, если вспомнить, что в условиях примитивного земледелия рабочая сила женщин служила едва ли не основой всего хозяйства. И это находило соответствующее выражение и в общественной психологии. Скажем, у папуасов кума, изучением которых занималась М. Рэй, жены стояли на первом месте среди богатств любого бигмена, а неженатые мужчины служили объектом всеобщего презрения и даже не допускались к участию в ритуальных танцах²¹⁷. Во всех таких случаях перед нами — зародышевые формы той неразрывной связи между обладанием властью и привилегиями, которая в дальнейшем будет характерна для всякого общества с антагонистическими классами²¹⁸.

Надо сказать, что грань между добровольными подношениями или добровольным (в принципе) трудом на поле бигмена или иного неформального лидера и такими же по размеру подношениями и трудовыми усилиями, но уже приобретавшими фактически характер повинности в пользу формального вождя, была в высшей степени зыбка и трудноуловима, особенно поначалу. По-видимому, одним из важнейших критериев их различения могло бы служить то, что бигмену и его родичам приходилось работать самим, тогда как непосредственное участие вождя в материальном производстве все более и более сходило на нет. При этом формы, в каких происходила трансформация традиционных форм внутриобщинных взаимоотношений в отношения эксплуатации, были весьма многообразны. Скажем, осознававшаяся обществом необходимость все большей специализации организационно-управленческих функций могла вести к выделению особых земельных участков, которые обрабатывались общинниками, а собранный с них урожай поступал в распоряжение вождя, так сказать, на представительство. Но на о. Манам вожди распространили эту норму и на возделывание их собственных огородов под тем предлогом, что общинники эти огороды обрабатывали ради подготовки коллективных празднеств ²¹⁹.

У луба Центральной Африки все исследователи единодушно отмечали злоупотребление властью со стороны особых вождей, распоряжавшихся деревенскими землями: проявления фаворитизма при переделах, насильственный захват лучших участков. А при допущении на общинные земли чужака все более четко вырисовывалась тенденция к узурпации его взносов за аренду, формально вносившихся в пользу всей деревни, старостой и деревенской знатью ²²⁰.

Точно так же у многих западноафриканских народов, особенно мандеязычных, право главы деревенской общины на получение (опять-таки по идее — в пользу всей деревни) небольших подношений от чужаков, желавших получить для обработки участок общинной земли, постепенно распространялось и на самих общинников. Аналогичным образом постепенно сделалась обязательной и передача главе общины определенной доли охотничьей добычи или улова рыбы, полученных на общинных землях; и здесь повинности подлежали и свои и чужие. При этом главы деревенских общин пользовались отнюдь не только такими источниками личного дохода. В их фактически бесконтрольное распоряжение поступала большая часть продукта, произведенного и свободными общинниками, и зависимыми людьми: считалось, что те и другие пять дней в неделю работают на общину. И более того, глава общины мог использовать в своих материальных интересах трудовые объединения возрастных групп деревенской молодежи ²²¹. В двух последних случаях мы имеем дело с обществами, уже довольно далеко продвинувшимися по пути разложения

первобытнообщинного строя, поэтому можно, видимо, говорить о попытках отчуждения основного средства производства — земли.

Но и без этого вожди во все большей степени получали возможность распоряжаться не только собственным имуществом, но и общинными фондами для своих престижных трат. Скажем, на полуострове Газели вожди именно таким образом использовали находившиеся у них на хранении общинные богатства; одной из главных форм этого была выплата брачного выкупа за молодых людей, не располагавших средствами для этого. Личный выигрыш вождя от такой выплаты был весьма ощутимым: должники привязывались к нему и увеличивали число его сторонников, тем самым укрепляя позиции вождя²²².

Вообще же практика привязывания к себе должников даже в тех случаях, когда она не сопровождалась кабальной эксплуатацией или долговым рабством, по-видимому, была распространенной формой укрепления позиции начинавшей складываться наследственной знати. Больше того, она, по всей вероятности, занимала заметное место и тогда, когда о наследственной передаче статуса еще не было речи. Например, как отметил Л. Поспишил, у папуасов капауку должники бигмена были его вернейшими последователями, а раздача ценностей тем, кто такие долги выплатить не сможет, была «вернейшим путем к влиянию и почестям»²²³. И это легко объяснимо: тот же Поспишил подчеркивает, что нужно было иметь много родственников и друзей, чтобы занять в обществе капауку высокое положение²²⁴.

Такое же положение зафиксировано этнографами у других народов мира. Так, у индейцев прерий и плато молодой бедняк мог взять в долг лошадей для участия в набеге и благодаря охотничьей добыче стать независимым в хозяйственном отношении. Но, не говоря уже о том, что он возвращал арендованную лошадь ее хозяину и передавал ему часть захваченного добра, прежде всего лошадей, он и позднее, даже разбогатев, обязан был время от времени дарить одну-две лошади бывшему своему покровителю²²⁵. Сходные факты отмечались и у оленеводов Северной Сибири — якутов, ненцев, эвенков, оленных чукчей²²⁶. Не случайно приводимое М. Салинзом эскимосское изречение, гласящее, что подарки создают рабов, как бичи создают собак. И вполне справедливо: в таких случаях щедрость вождя приобретала как бы принудительный характер для тех, на кого она была обращена²²⁷. Характерно при этом, что во всех отмеченных выше случаях в большой степени сохранялась видимость родовой взаимопомощи; отмирание этой видимости, с одной стороны, требовало длительного времени, а с другой, в таком отмирании обычно и не ощущалось надобности, так как она значительно смягчала начинавшие вызревать социальные противоречия.

Такое сохранение внешней формы прежних отношений взаимопомощи и прежних представлений о роли и функциях вождя,

вероятно, сыграло заметную роль в процессе отчуждения основного средства производства — земли в пользу социальной верхушки. Даже в относительно весьма продвинутых в своем развитии обществах, например у йоруба, дворцовые земли рассматривались как принадлежащие всей общине и подлежащие использованию в ее общих интересах (что нашло отражение и в йорубской устной традиции). Тезис «оба (правитель.— Л. К.) принадлежит народу» в данном случае выражал сущность представления о вожде как о символе единства и благополучия всей общности²²⁸. Точно так же и у бантуязычных народов Южной и Юго-Восточной Африки доходы поступали не вождю как таковому, а его сану, т. е. в конечном счете — вождю как олицетворению народа в целом²²⁹. В последнем случае длительному сохранению традиционных представлений о взаимоотношениях между вождем и рядовыми общинниками способствовало то, что в конкретных условиях региона уровень жизни вождя на практике не мог сколько-нибудь существенно отличаться от уровня жизни общинника: единственное заметное различие заключалось в количестве жен, которые у вождя насчитывались десятками, а то и сотнями.

Что касается реального отчуждения социальной верхушкой земельного фонда, то темпы и размах этого процесса в немалой степени зависели от обеспеченности общества землей. В Тропической Африке, где практически не знали земельного голода, данный процесс вообще не получил завершения. В то же время в Океании он не только принял широкие масштабы, но и может быть прослежен на разных его этапах. Противоположными полюсами выступали Меланезия, на большинстве островов которой вожди не пользовались какими-либо исключительными правами на землю (и практически не получали сколько-нибудь существенных приношений от общинников), и Гавайи и Таити, а также некоторые острова Микронезии, где все земли считались принадлежащими вождям, а рядовые общинники выплачивали уже строго фиксированные подати и несли повинности. Между этими полюсами располагались такие промежуточные ступени, как общества Новой Каледонии, где вожди уже узурпировали значительную часть общинных земель, хотя и не получали приношений; Новая Зеландия, где маорийские вожди добавили к этому как раз такие приношения, хотя размеры их еще и не фиксировались; о-ва Тонга, где вождям принадлежала собственность на весь земельный фонд, а общинники оказались фактически прикреплены к земле и несли уже обязательные повинности, хотя и не фиксированные по размерам. Понятно, что реальные формы отчуждения земель этими примерами не исчерпывались, отдельные варианты наблюдались на Тробрианских островах, на Маркизах и в других частях Океании²³⁰. Но в любом случае направление процесса представляется совершенно однозначным — к отчуждению земли в пользу вождей.

Несомненная специфика отличала процессы классовообразования в кочевых скотоводческих обществах. С одной стороны, скотоводческое хозяйство в силу легкой отчуждаемости скота и делимости его поголовья было едва ли не самой благоприятной средой и самой ранней сферой появления частнособственнических отношений, на что обращал внимание еще Ф. Энгельс²³¹. Но, с другой стороны, такие черты, свойственные кочевому скотоводческому хозяйству, как его застойность, неспособность к хозяйственно-техническому совершенствованию выше определенного и довольно ограниченного уровня, крайняя зависимость от природных условий, делали самый процесс накопления скота как главного богатства в значительной мере обратимым. К тому же, как отмечал К. Маркс, кочевое хозяйство способно было поглотить лишь очень ограниченное количество трудовых ресурсов²³². При наличии всех этих черт чрезмерное имущественное расслоение на базе частной собственности на скот неминуемо повело бы к утрате обществом его кочевого характера из-за вынужденного оседания бедноты. К такому же результату должно было бы повести и формирование частной земельной собственности. Согласно преобладающей в последние годы точке зрения, в кочевых обществах не наблюдалось отчуждения земель в пользу социальной верхушки как необходимого условия и элемента классовообразования²³³, потому что в тех случаях, когда такое отчуждение имело место, общественный организм переставал быть кочевым с хозяйственной точки зрения. В итоге, как отмечалось в литературе, кочевые общества сами по себе неспособны были достигнуть уровня развития, превышавшего раннеклассовый. И переступали они этот порог только тогда, когда входили в состав политических организмов, включавших районы как с земледельческим, так и со скотоводческим хозяйством²³⁴. Иначе говоря, это обстоятельство демонстрирует лишний раз необходимость установления частной собственности на землю в любой ее форме как неперемнное условие завершения процесса классовообразования.

Нараставшая степень узурпации социальной верхушкой производимого в обществе прибавочного продукта сопровождалась двумя весьма важными процессами в эволюции самой этой верхушки: соединением в одних руках руководства родом и общиной, т. е. складыванием общинно-родовой знати в полном смысле этого слова, и закреплении наследственного характера привилегированного статуса этой верхушки.

Объединение руководства общиной и родом происходило по мере дальнейшей децентрализации родов. В этих условиях община, все более оттеснявшая род на задний план в качестве экономической структуры, превращалась в объединение локализованных частей нескольких родов. Однако то, что род все же сохранял определенное значение как структура экономическая и тем более социальная, обеспечивало главам целых родов или их частей, ло-

кализированных в разных общинах, руководящее положение и в рамках общинной организации. В результате эта общественная прослойка все более концентрировала в своих руках распоряжение общественной жизнью и произведенным продуктом. Слияние в одну группу двух «линий» общественного руководства вместо их противостояния облегчало процесс поляризации общества на привилегированных и рядовых.

Наследственность руководящего статуса складывалась в непосредственной связи с формированием единой системы перераспределения продукта в обществе. В ее бесперебойном функционировании объективно было заинтересовано все общество, поскольку в обстановке усложнения общественного производства и общественной структуры такое функционирование было необходимым условием их дальнейшего развития. По мере складывания таких систем руководство ими становилось, как общее правило, одной из главных составных частей процесса управления коллективом. Происходило слияние управления системой перераспределения продукта и руководства обществом в целом, и увеличение размеров перераспределяющей сети вследствие возрастания численности и плотности населения или территориального распространения этой сети неизбежно требовало укрепления власти вождя²³⁵.

Естественно, что и общество в целом и носители соответствующих должностей были заинтересованы в сохранении преемственности в руководстве, в его максимальной стабильности и обоснованности, а следовательно — в налаженной системе передачи и усвоения накапливавшегося в этой области опыта. В обществе, не знавшем письменности, самым простым и привычным путем передачи такого опыта была межпоколенная трансмиссия его в рамках семьи. Отсюда и появлялась тенденция к закреплению организационно-управленческих функций за семьями тех, кто эти функции уже осуществлял. Начиная складываться система наследственных носителей власти. Притом в связи с усложнением общественной структуры усложнялась и эта система, постепенно приобретая иерархический характер. В сочетании с тенденцией к использованию вождями и иными формальными лидерами общественных фондов в личных интересах, о которой шла речь выше, это неминуемо вело к формированию наследственной аристократии, соединявшей в своих руках руководство всеми сферами общественной жизни, включая и экономику (через перераспределение продукта). И одновременно происходило превращение права на такое руководство и власти в обществе в своего рода корпоративную собственность этой аристократии, причем последняя уже очень рано стала обнаруживать склонность к постоянному сужению состава корпорации, имевшей доступ к власти. В этом смысле справедливо утверждение о том, что становление общественных должностей в то же время было одним из самых ранних шагов к институционализации общественного неравенства²³⁶.

Правда, примеры наследственной власти главарей и вождей этнографически засвидетельствованы были даже в обществах, находившихся еще очень далеко от самых ранних этапов разложения первобытности. Они были отмечены, например, у бушменов или у некоторых племен австралийских аборигенов²³⁷. Тем не менее как преобладающая тенденция переход к наследственной передаче власти проявился лишь при уже сравнительно далеко зашедшем процессе разложения первобытного общества.

В то же время параллельно с выделением наследственной аристократии развивался аналогичный процесс и на противоположном полюсе общественной структуры. Здесь возникала все более многочисленная прослойка неимущих и малоимущих членов общества, с самого начала оказывавшихся в весьма многообразных формах зависимости от такой аристократии. Сюда входили разного рода кабальщики, включая и кабальных должников, клиенты (как добровольные, так и происходившие от военнопленных), арендаторы и т. п., не говоря уже о рабах, которые зачастую вообще не воспринимались как входящие в состав общества. Обычно все они не составляли сколько-нибудь значительной доли общей численности населения (хотя известны и противоположные случаи, но в большинстве таких случаев этнографически засвидетельствованный высокий процент различных категорий зависимого и неполноправного населения, иногда доходивший до двух третей общей численности, бывал непосредственно связан с наступлением колониальной эпохи и развитием работорговли²³⁸). Как бы то ни было, даже образуя незначительную часть населения, все эти категории зависимых соплеменников, во все большей степени утрачивавших свое гражданское равноправие, оказывали ощутимое воздействие на социально-экономическую структуру общества, ускоряя разложение еще сохранявшихся в нем элементов первобытного эгалитаризма.

Прежде всего их существование и характер их отношений с аристократией как бы узаконивали наличие в обществе эксплуататорских отношений. А помимо этого аристократия как раз за счет этой эксплуатации обретала большую степень независимости от рядовых общинников, а это означало в более отдаленной перспективе включение в число объектов эксплуатации также и самих общинников.

Типичным для данного этапа общественной эволюции было, видимо, то, что в общественном сознании происходившие в социальной структуре изменения в значительной степени, если не в основном, осмысливались и воспринимались в категориях родственных отношений. Отсюда возникало множество вариантов соподчинения между отдельными единицами социальной структуры практически на всех ее уровнях — от племен до семейных общин. Взаимоотношения между этими единицами внешне принимали форму отношений между «старшими» и «младшими», прямыми

и боковыми линиями родства и т. п. Но при этом в положении прямых потомков и старших оказывались, как правило, уже индивиды и семьи, принадлежавшие к нарождавшейся общинно-родовой знати. Можно с достаточной долей вероятности предполагать, что во многих общественных организациях, например океанийских или африканских, именно разграничение прямых и боковых линий сородичей и родственников сыграло первостепенную роль в институционализации наследственной власти отдельных семей, а следовательно, и в создании одной из главных черт будущей политической организации складывавшегося классового общества (разделение на «старших» и «младших» предполагалось при этом как нечто само собой разумеющееся).

Речь идет о форме общественной структуры, открытой в Полинезии в 30-х годах нашего столетия и получившей обозначение «конический клан», или «рэмедж»²³⁹. Такие структуры строились на двойном принципе: старшинства в диахронном плане и степени удаленности от вертикальной линии прямых потомков родоначальника, считавшейся старшей, — в синхронном. Таким образом, социальный статус родственной группы и входящего в ее состав индивида при прочих равных условиях оказывался как бы функцией расстояния между ними и прямыми потомками предполагаемого основателя клана. На этой основе могли строиться отношения в весьма широком диапазоне вариантов: от утверждения монопольного права на власть за какой-то одной линией аристократического рода до того, что все общество в целом начинало восприниматься как «единый крупный рэмедж», по выражению М. Салинза²⁴⁰. В данном случае категории родственных отношений выступали уже как идеологическая санкция и обоснование привилегированного статуса сравнительно небольшой части членов общества. Именно поэтому как раз для заключительного этапа разложения первобытного общества, непосредственно предшествовавшего формированию общественных классов и политической организации, т. е. государственности, был характерен заметный рост интереса к генеалогиям. И интерес этот зачастую вызывал потребность в лицах, профессионально занимающихся передачей генеалогий и прославлением правящих линий. Подобное явление существовало у многих народов мира; оно хорошо изучено, например, в обществах Тропической Африки²⁴¹.

Рождение государства

Параллельно классовому образованию шел и политогенез — формирование нового типа власти и управления, завершившееся появлением государства, т. е. аппарата обеспечения классового господства, ориентированного на превращение «экономически господствующего класса», по определению Ф. Энгельса, также и в «политически господствующий класс»²⁴². Сложение же политической

организации в свою очередь помогало дальнейшему закреплению экономического господства этого класса.

Хотя определяющую роль неизменно играло формирование в обществе классовой структуры, непосредственно связанное с изменениями в базисе, в целом складывание классов и государства были процессами не только параллельными, но и неотделимыми друг от друга. В известном смысле они даже не могут считаться самостоятельными, а представляют разные стороны одного и того же более общего явления: становления классово-антагонистического общества на развалинах общества первобытного. И диалектика их взаимодействия заключалась прежде всего в том, что они непрерывно усиливали друг друга.

Вместе с тем становление классового общества вовсе не ограничивалось этими сторонами: по мере того как оно продвигалось все дальше, происходили существеннейшие изменения и в идеологической сфере: развивалась идеологическая рационализация перемен в экономической, социальной и политической областях жизни. На смену эгалитарной традиции развитого первобытного общества все более приходило признание правомерности имущественной и социальной дифференциации членов общества, неравного их доступа к материальным и духовным ценностям, наследственного характера этого неравенства. И, наконец, создавалась новая норма — правовая, которой предстояло обеспечить интересы социальной верхушки, превращавшейся в господствующий эксплуататорский класс.

Все эти явления и процессы составляли содержание эпохи классовообразования и постоянно переплетались друг с другом. Разграничить их возможно в принципе лишь на логическом уровне. Во всяком случае, при рассмотрении любого из них необходимо всегда помнить об их неразрывной связи. И все же определяющую роль играл именно двуединый процесс классово- и политогенеза, результатом которого стало полное изменение характера общества.

Надобщинные структуры: племя и объединение племен
Усложнение организационной структуры общества, все большее ее иерархизация происходили не только на общинном уровне. Для позднего этапа разложения первобытнообщинного строя весьма типичным было как раз укрупнение и усложнение единиц надобщинного уровня. На передний план все больше выступало племя, причем теперь оно было в первую очередь социально-потестарным организмом, тогда как его этническая функция все более оказывалась моментом второстепенным.

Место племени в общей эволюции исторических общностей человечества сделалось сейчас предметом довольно острых дискуссий. Смысл их в общем сводится к тому, что восходящее к Л. Моргану представление о племени как об одновременно этнокультурной и социально-потестарной общности действительно

главным образом для племен уже сравнительно позднего этапа разложения первобытности; собственно такими и были прокезские племена, на базе которых построена концепция Моргана²⁴³. Исходя из этого, некоторые исследователи (прежде всего М. Фрид) выдвинули тезис о том, что племя как форма общественной организации вообще было явлением вторичным, возникавшим под воздействием контактов с более развитыми этнокультурными общностями, тем более с классовыми обществами²⁴⁴. Для нас здесь сам по себе вопрос о первичности или вторичности племенной организации не столь важен, хотя и можно утверждать, что критика традиционных в науке представлений о племени, будучи и в самом деле довольно обоснованной по многим пунктам, все же, видимо, не дает должных аргументов в пользу категорических утверждений об его вторичном характере²⁴⁵. И в любом случае совершенно несомненно, что именно в эпоху классового образования племя предстает перед нами как важнейшая социально-потестарная общность.

С племенем этого типа были органически сопряжены такие формы институционализации власти, как военно-демократические и военно-иерархические. Те и другие ускоряли дальнейшее социально-экономическое расслоение общества, и выделявшаяся при этом племенная знать стала одной из главных фигур в процессе классового образования, противостоя рядовым соплеменникам. И наоборот: появление такой новой племенной знати, включая и случаи возможного превращения в нее прежней общинно-родовой аристократии, было непосредственно связано с возросшей потестарной и военной ролью племени. Эти процессы, с одной стороны, прямо обуславливались разрушением некогда обычной замкнутости общин по мере расширения производства и обмена, что требовало увеличения размеров социально-потестарных единиц. С другой стороны, в этом же направлении действовала и все увеличивавшаяся потребность в укрупнении таких единиц из-за непрерывно расширявшихся масштабов грабительских военных предприятий: выстоять в одиночку изолированная община просто не могла. И, наконец, далеко не последнюю роль сыграло и стремление уже сформировавшейся общинно-родовой знати по возможности распространить сферу своего непосредственного влияния, а затем и включить в нее неродственные первоначальной общности группы населения: таким путем существенно увеличивалась масса поступавшего в распоряжение этой верхушки общества и перераспределявшегося ею общественного продукта.

Ко времени такого возрастания важности племенного, т. е. надобщинного, яруса социальной структуры род уже повсеместно в большей или меньшей мере подвергся децентрализации и не мог послужить ни основой, ни препятствием для интеграции общин, состоявших теперь из децентрализованных частей разных родов, в какие-то более крупные структурные единицы. Естественно,

что такими единицами должны были оказываться племена, но построенные по существу уже на принципиально новой основе: место племени как объединения **взаимобрачающихся родов все** больше занимало племя в качестве **важнейшей потестарной общности** (хотя, с точки зрения сугубо формальной, оно по-прежнему состояло из родов). В данной связи можно говорить о корреляции между степенью развития племенной организации и ее характером и тем, насколько продвинувшимся по пути классообразования бывало то или иное общество. Едва ли случайно, что **такая — преимущественно потестарная по смыслу — форма племени почти не существовала у австралийских аборигенов, а наибольшее распространение получала в позднепервобытных общественных организмах, представлявших максимально высокий для того или иного региона земного шара уровень социального развития.**

Действие тех же самых факторов, которые вели к превращению племени в преимущественно социально-потестарную общность, с необходимостью вызывало и дальнейшую интеграцию — теперь уже на надплеменном уровне. Формы такой интеграции прошли в своем развитии несколько этапов. Более ранний из них представлен в этнографически зафиксированном виде прежде всего объединениями североамериканских индейских племен — такими, скажем, как лига ирокезов, союз дакота, конфедерация криков и др. Здесь между входившими в объединения племенами еще сохранялись относительно равноправные отношения, а степень автономии каждого из этих племен оставалась достаточно велика. Но уже на примере все той же лучше всего изученной лиги ирокезов можно увидеть, как такого рода объединения равных мало-помалу превращались в иерархически организованный союз, в состав которого входили уже и племена, не связанные с основателями союза никакими родственными узами. И притом включались эти племена в лигу в качестве «младших», иначе говоря, неполноправных и эксплуатируемых членов: их нередко сгоняли с принадлежавших им земель, а главной формой их эксплуатации ирокезами служила выплата дани²⁴⁶. На таких правах входили в лигу ирокезов делавары, часть гуронов, шауни, некоторые нейтральные племена. Характерно все же для переходного состояния ирокезского общества, что наряду с такими откровенными формами общественной стратификации и эксплуатации широкое распространение получила и практика массовой адопции чужаков. Однако и эти «усыновленные» оставались как бы соплеменниками второго сорта: об этом говорит хотя бы широкое использование их труда в земледелии, т. е. в традиционно для ирокезов «женской» отрасли общественного производства, да еще совместно с женщинами²⁴⁷.

Подобного рода иерархические союзы племен ни в коей мере не были исключительной особенностью коренного населения Се-

верной Америки. Они существовали в Африке (туареги, объединения бантуязычных нгуни, шона Мономотапы), в Юго-Восточной Европе (фракийцы), в евразийских степях, например у скифов, массагетов. Во всех этих случаях внутри таких объединений, по-видимому, обязательно присутствовала эксплуатация: с одной стороны, коллективная — «младших» племен союза его полноправными («благородными») племенами; с другой стороны, на индивидуальной основе — захватывавшихся в плен иноплеменников и неполноправных адаптированных чужаков. Кроме того, почти всегда существовала данническая эксплуатация покоренных соседей, не включаемых в союз. Такая внешняя эксплуатация, если к ней добавить еще и военный грабеж, могла становиться очень интенсивной; в какие-то периоды она могла оказываться и главным источником прибавочного продукта, поступавшего в распоряжение руководящей верхушки союза, образуя экономическую основу ее существования уже в качестве племенной знати. Точнее — родо-племенной, коль скоро в обществе сохранялись и функционировали и немаловажные элементы родовой организации, в первую очередь в идеологической области и в сфере регулирования брачных отношений. И в то же время значительное место, которое занимала порой такая внешняя эксплуатация в разных ее формах, объективно на какое-то время отодвигало на задний план попытки этой новой аристократии перейти к отчуждению прибавочного продукта у рядовых ее соплеменников, а то и вовсе делало их ненужными (хотя обедневшие члены общины уже все чаще оказывались объектом эксплуатации).

Пути и механизмы институционализации власти. Самое появление и существование новой, родо-племенной, аристократии было неразрывно связано с принципиальными изменениями в управлении обществом. Усложнение общественной организации потребовало и создания особых органов для управления племенем, а тем более союзом племен. Такие органы управления сделали одним из важнейших этапов на пути институционализации власти и отделения ее от народа. При этом конкретно-историческая обстановка в разных регионах земного шара предопределяла несомненное своеобразие тех путей и форм, в каких происходила такая институционализация у разных народов, локальную специфику данного процесса.

В принципе можно говорить о трех этнографически зафиксированных главных путях, которыми шел политогенез. Эти пути с определенной долей условности можно определить как *военный, аристократический и плутократический*, имея при этом в виду, что едва ли и здесь существовали, так сказать, «чистые» формы того, другого и третьего, совершенно свободные от отдельных черт других путей.

По-видимому, количественно преобладал в масштабах ойкумены первый из этих путей — военный, учитывая то постоянно воз-

раставшее значение, какое приобретала война как способ изъятия общественного продукта и его перераспределения. Однако такое преобладание не было абсолютным. И если сам общий итог развития по любому из этих путей оказывался в конечном итоге практически одинаков, то темпы этого развития и облик, который приобретала возникавшая в результате его власть, отделенная от народа, могла существенно различаться. Различным бывало при этом и относительное значение в процессе политогенеза разных механизмов его: военной деятельности, организационно-хозяйственного и идеологического руководства, непосредственно имущественной стратификации как таковой и некоторых других.

Так, в случае движения политогенеза по военному пути решающим механизмом оказывались военно-демократические и военно-иерархические формы организации власти.

Военная демократия и военно-иерархические структуры. Превращение войны в постоянный промысел с неизбежностью потребовало и соответствовавших этому изменений в общественном разделении труда. Появились лица (ими за очень редкими исключениями были только мужчины, что уже само по себе было показателем той трансформации, какую претерпела социальная структура), специализировавшиеся целиком на военной деятельности. Конечно, такая специализация произошла далеко не сразу; достаточно длительное время вооруженную силу любого племени или союза племен составляло практически все их взрослое мужское население. Военный предводитель поначалу выдвигался благодаря своим организаторским и тактическим способностям, храбрости и умению владеть оружием, а полномочия его были эффективны лишь во время военных предприятий.

Однако углублявшаяся специализация военного дела, стремительный рост его значения в жизни общества довольно быстро потребовали превращения функции военного предводителя в постоянную должность. А сделавшись постоянной, эта должность, точно так же как и все прочие общественные должности в эту историческую эпоху, обнаружила несомненную тенденцию к превращению в наследственную.

Это легко можно продемонстрировать на примере все той же лиги прокезов. В ней было два военных вождя, чьи должности традиционно считались наследственно принадлежащими двум родам племени сенека. Военные вожди по должности входили в совет лиги, однако поначалу они занимали в этом органе подчиненное положение в сравнении с сахемами, представлявшими в совете все роды и племена прокезов. Но в обстановке почти непрерывных военных предприятий влияние этих вождей со временем возросло настолько, что они практически сравнялись с сахемами. И даже более: военные вожди стали обнаруживать все более и более заметную тенденцию к оттеснению сахемов на задний план и при руководстве чисто гражданскими делами

лиги²⁴⁸. Это и не удивительно. Непрерывные войны, в которых пока еще участвовало подавляющее большинство взрослого мужского населения, повсеместно служили тем фактором, который все более упрочивал высокий статус воинов в общественных организациях эпохи классового образования. И поэтому даже там, где не существовало формального разделения функций между военными и невоенными руководителями, удачливый военачальник имел предпочтительные шансы на то, чтобы объединить в своих руках все руководство обществом. И именно эти процессы сделали важнейшей предпосылкой складывания сначала военно-демократических, а затем и военно-иерархических структур.

Одновременно с возвышением военных предводителей шел и процесс образования прослойки людей, для которых война и военный грабёж сделали главным, а затем и единственным источником средств к существованию. Существование такой прослойки само по себе могло служить стимулом к повышению агрессивности данного общественного организма в отношении с соседями. Совершенно естественно, что такие военные «профессионалы» охотно группировались вокруг удачливого военного вождя, создавая ему относительно независимую опору внутри племени или союза племен. Так формировалась дружина подобного вождя. Но коль скоро ее образование не могло решить задач военного характера в их полном объеме (состав дружины обычно бывал сравнительно невелик, хотя, конечно, ее значение отнюдь не определялось только численным составом), сохранялось и народное ополчение, образованное всеми боеспособными мужчинами. Существование такого ополчения было достаточно серьезным препятствием на пути полного подчинения общинников родо-племенной знати, а народное собрание далеко не всегда еще превратилось в чисто формальный институт.

В результате складывалась потестарная структура, включавшая в качестве основных элементов народное собрание, совет старейшин и вождя, названная Морганом «военной демократией». Типичным образцом военной демократии Морган считал лигу ирокезов²⁴⁹. Военный аспект этой формы управления заключался в том, что народное собрание составлялось не просто из общинников, а из общинников-воинов, так сказать, вооруженного народа; параллельно с этим при ней военный предводитель совершенно определенно выступал на переднем плане, отеснив на вторые роли совет старейшин. Демократический же ее аспект состоял именно в сохранении и в определенной эффективности как раз народного собрания и совета старейшин. Такая демократия была вполне реальной: скажем, у ирокезов существовала специальная категория вождей, представлявших в совете лиги женское население и простых общинников («вожди Сосны»). Притом титулы эти не передавались по наследству и получали их люди действительно выдающихся способностей²⁵⁰. Но в то же время то

была и ограниченная демократия: неодинаковы были права сахемов разных родов и племен, неравным было их представительство, а самое существование «вождей Сосны» свидетельствовало о том, что простой народ и женщины были отстранены от непосредственного управления²⁵¹.

Ограниченность военной демократии проявлялась и в фактическом неравенстве уже в среде самих воинов. Бóльшая и наиболее ценная часть военной добычи доставалась теперь военному предводителю и его дружинникам. Идея равенства воинов при дележе награбленного трансформировалась в представление о том, что воин, принимающий участие в походе, имеет право на долю в добыче, а какова эта доля, зависит уже от его положения в военной иерархии. Это нашло свое отражение в нормах раздела, сложившихся у самых разных народов, находившихся на стадии военной демократии или сходных с ней. Привилегированное в этом смысле положение высших разрядов воинов наблюдалось, например, у ндебеле²⁵², у арабов доисламской эпохи и в более поздние времена (более того, норма мусульманского права, фиксировавшая, что конный воин получает три доли в добыче против одной, на которую имеет право пеший, по существу отражала уже сложившееся разграничение между рядовыми общинниками и племенной аристократией ко времени возникновения ислама), у ряда народов древней Европы.

Военная демократия как одна из форм становления институционализированной публичной власти в эпоху классового образования была распространена достаточно широко, возможно даже, что у большинства народов мира²⁵³. В свое время было распространено представление о ней как об универсальном явлении и к тому же непосредственно предшествующем формированию государства²⁵⁴. В последующем отношение к данному вопросу стало значительно менее категоричным, так как, во-первых, было установлено, что отнюдь не все общества, известные этнографической науке, обнаруживали сколько-нибудь заметные следы военно-демократических отношений, а во-вторых, выяснилось, что военная демократия не переходила непосредственно в политическую организацию (государство): за нею следовали общественные структуры, которые могут быть обозначены как «военно-иерархические»²⁵⁵.

Смысл военно-иерархической формы организации власти заключался в том, что власть военного предводителя во все большей степени основывалась не столько на авторитете традиции, сколько на факторах реального социального могущества: на богатстве, широком круге зависевших от него лиц разных социальных категорий и — последнее по порядку, но не по значению! — на силе, представленной его дружинниками. Дружина с самого начала создавалась вне рамок традиции, ее членов объединяли не родственные и не общинные связи, а специализация на военной

деятельности, заинтересованность в военном грабеже как главным источнике средств к существованию и преданность удачливому военному предводителю. Больше того, в рамках дружины чаще всего не действовали те грани между лицами разного происхождения и исходного социального статуса, которые достаточно строго соблюдались в обществе в целом: дружинником вождя мог стать вольноотпущенник и даже раб, им мог быть любой чужак. Именно это обеспечивало преданность его вождю, а также и тот хорошо известный факт, что во множестве предклассовых обществ постоянная гвардия правителя чаще всего формировалась из чужаков, не имевших сколько-нибудь прочных корней в данном обществе. Опираясь на такое орудие, военный вождь мог не только выдвинуться на первое место в обществе, став фактически его руководителем, но серьезно перераспределить влияние и богатство в пределах слоя родо-племенной аристократии.

В самом деле, дружинники и другие приближенные вождя, используя свои независимые от традиции материальные возможности и все тот же авторитет организованной силы, с успехом соперничали со старой знатью за власть и влияние, причем в случае необходимости вождь мог обязать последнюю считаться со своей волей. По-видимому, процесс борьбы между традиционной родо-племенной знатью и новой аристократией, военной по происхождению, носил универсальный характер. И заканчивался он, как общее правило, победой новой аристократии, а старая отеснялась ею на второй план.

Конечно, традиционная знать оказывала определенное сопротивление, в отдельных случаях оно могло быть и весьма упорным, но если новые люди не покушались на их собственность и в то же время представляли надежный противовес возможному недовольству рядовых общинников, дело обычно заканчивалось той или иной формой компромисса. С этими обстоятельствами, видимо, связано и наблюдаемое в ряде предклассовых и раннеклассовых обществ преимущественное внимание традиционной знати к расширению внутриобщинных форм эксплуатации и к известной интенсификации своего хозяйства.

Отмеченные выше изменения постепенно находили и идеологическую санкцию. Представления о закономерности и необходимости существования привилегированного положения непосредственного окружения вождя, все более превращавшегося в единоличного руководителя общества, и его самого завершались в перспективе представлением о вожде как об олицетворении целостности и благополучия коллектива. Отсюда уже совсем недалеко было до идеи сакрального характера власти правителя, и такая сакральная власть действительно нередко возникала. Это хорошо можно проиллюстрировать примером многих африканских народов — лози, тсвана, сукума — др.²⁵⁶ Если говорить об общей тенденции развития представлений о власти в эпоху классовообра-

зования, то одним из ее аспектов стала замена коллектива в качестве символа общества и залога его благополучия (в форме совета старейшин или народного собрания, или всех взрослых членов семьи) индивидом (в лице вождя, правителя). Понятно при этом, что речь шла не о личности данного конкретного вождя, а об институте, олицетворением которого он представлял²⁵⁷.

Все эти явления, вместе взятые, предопределяли глубокое перерождение военной демократии как формы организации власти. Демократические элементы системы сходились на нет, реальная власть оказывалась в руках военного вождя с его родней и приближенными, и на месте народовластия, пусть уже и ограниченного, вырастало авторитарное военно-иерархическое правление. Собственно, именно общества этого уровня в наибольшей степени соответствуют тому, что М. Фрид обозначил как стратифицированное, т. е. такое, в котором дифференцированным статусам соответствует уже неравенство в доступе к важнейшим ресурсам общества, а в смысле организации власти и управления обществом — понятие вождества (*chiefdom*), предложенное в таком контексте Э. Сервисом²⁵⁸. Однако структуры власти такого вида могли возникнуть и без непременно прохождения этапа военной демократии и следующей за нею военно-иерархической ступени.

Главная отличительная черта того пути политогенеза, который выше был обозначен как аристократический, заключалась в том, что в этих случаях становление отдельной от народа надобщинной власти происходило на основе перерождения традиционной родо-племенной аристократии, отеснявшей от участия в отправлении власти рядовых общинников. Ведущим механизмом процесса выступали концентрация в руках этой аристократии и последующая узурпация ею руководства общественным производством и перераспределением общественного продукта. При этом в руках того же социального слоя сохранялось и руководство всей военной деятельностью. Этот вид деятельности занимал в жизни общества весьма заметное место, социальный и общественно-психологический статус воина неизменно оставался высоким, а доходы от военных предприятий обеспечивали существование дружин у вождей, происходивших из традиционной знати. Но самостоятельного социального слоя военной аристократии, которая могла бы противостоять перерождающейся родо-племенной, не возникало, и это исключало в принципе возможность появления в обществе параллельных центров власти. Поэтому военный аспект жизнедеятельности таких обществ при всей его несомненной важности не мог играть той определяющей роли в институционализации власти, какую он сыграл в обществах военно-демократических, а затем военно-иерархических.

То, что при таком пути политогенеза в руках традиционной аристократии сосредоточивалось и идеологическое руководство обществом, обусловило и такую черту пошедших этим путем об-

ществленных организмов, как особенно широкое распространение сакральной верховной власти. Собственно, именно в применении к обществам такого типа и представляется более или менее справедливым мнение о кумуляции верховным правителем власти, светской и духовной, как о типической черте складывавшихся таким путем вождейств (что высказывалось в западной науке²⁵⁹). В то же время для вождейств, возникающих иными, т. е. прежде всего военными путями, этот тезис представляется чрезмерно категоричным.

Вместе с тем исследования последних десятилетий выявили, что бигмен как центральная фигура в развитии политогенеза по плутократическому пути, по-видимому, сам был результатом достаточно продолжительной эволюции в разделении труда. Изучение различных народов главным образом Новой Гвинеи показало, что бигмен в его «классической» форме, зафиксированной М. Салинзом в 1963 г., вовсе не представлял универсального явления. У ряда народов существовали разные типы «больших людей» — «великие воины», «великие шаманы», «великие охотники», однако их авторитет оставался ограничен соответствующими сферами деятельности, не будучи непосредственно связан ни с появлением большого числа приверженцев, ни со всевозрастающим влиянием на дела коллектива в целом (что у бигмена обеспечивалось широким его участием в церемониальном обмене). Превращение и «великих воинов», и «великих шаманов» в бигменов в полном смысле слова бывало лишь очень редким исключением; точно так же и бигмен весьма редко бывал «великим шаманом» или «великим воином»²⁶⁰. Иначе говоря, все такие пути оказывались малоперспективными с точки зрения институционализации власти.

В то же время имеющиеся этнографические материалы показывают, что бигмены появляются почти исключительно в тех обществах, где существовали относительно развитые материальные возможности для церемониального обмена²⁶¹. То есть в обществах, более продвинувшихся в экономическом развитии, что и дает основания рассматривать бигмена как стадийно более высокое явление, нежели просто «большие люди». Попытки последних занять в коллективе господствующее положение не исключались и действительно происходили, но, как правило, терпели неудачу по причине отсутствия материальной базы для поддержания власти.

Наконец, еще один путь политогенеза, обозначенный выше как плутократический и стадийно, видимо, более ранний, чем предыдущие два, характеризовала постепенная концентрация власти в руках отдельных лиц, в основе которой лежало накопление такими лицами значительных по местным условиям материальных ценностей и формирование вокруг них на этой основе достаточно многочисленных и активных групп сторонников. Механизм

же подобно пути складывания институционализированной публичной власти, отделенной от народа, на ранних стадиях его действия проще всего можно, видимо, проследить на примере уже упоминавшегося выше меланезийского бигмена. Как говорилось, это были индивиды, пользовавшиеся в обществе высоким авторитетом и высоким статусом, что давало им возможность оказывать порой решающее влияние на жизнь коллектива. Помимо авторитета бигмен использовал для сохранения и укрепления своего статуса обычные формы престижной экономики: ему приходилось устраивать потлачи, раздачи имущества, а также кормить группировавшихся вокруг него сторонников и прихлебателей из числа менее состоятельных членов общества, включая и многочисленных родичей по крови и по браку. Без такого рода свиты сторонников бигмен просто не был бы бигменом, т. е. лицом, имеющим значительный вес и немалое влияние в обществе (хотя характер этого влияния оставался сугубо неформальным). Наличие как можно большего числа сторонников, которые в свою очередь активно действовали в сторону увеличения авторитета своего «патрона», составляло неременное условие поддержания бигменом своего статуса. В обществе возникал, таким образом, неформальный «центр давления», если выразиться современным языком.

Положение бигмена не было наследственным: сын его вовсе не обязательно становился бигменом. Во всяком случае, приобретение такого статуса требовало от него не меньших усилий, чем от отца. Конечно, чем большими оказывались достававшиеся ему от отца материальные возможности, тем выше были шансы на успех. Однако, по-видимому, не приходится говорить о том, что установление наследственной передачи статуса было быстрым и легким процессом. Больше того: именно неформальное положение бигмена в обществе и сугубо индивидуальные основания его влияния, не говоря уже о власти над соплеменниками, создавали возможность появления в данном общественном организме не одного, а нескольких бигменов и, соответственно, соперничества между ними. А это существенно затрудняло попытки институционализировать их положение в обществе, тем более что меланезийский бигмен существовал и функционировал, как общее правило, при отсутствии сколько-нибудь действенных иных институтов руководства обществом.

Насколько можно судить по этнографическим материалам, такой путь институционализации власти был распространен заметно меньше двух предыдущих. Он представлен в основном в Меланезии и на Новой Гвинее, отчасти в Юго-Восточной Азии.

Прочие механизмы институционализации власти: мужские (тайные) союзы. Возможные варианты механизмов институционализации власти вовсе не исчерпывались рассматривавшимися выше. В ряде случаев интеграция общества на надобщинном

уровне осуществлялась и иными методами. Одним из распространенных механизмов такого рода во многих случаях оказывались мужские, или тайные, союзы. При этом такие союзы в принципе могли выполнять эту роль при любом из отмеченных выше путей полигогенеза.

Этот общественный институт начинал складываться еще в развитом родовом, а возможно, даже и в раннеродовом обществе, но с началом перехода к патриархату он превратился в весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения. Мужские союзы непосредственно выростали на базе мужских домов позднеродовой общины, задачей которых была социализация мужской молодежи и подготовка ее к превращению во взрослых самостоятельных членов общества. Связь мужских союзов с обрядностью инициаций достаточно очевидна даже в тех случаях, когда сами по себе союзы выступают уже как реликтовое явление (например, у некоторых земледельческих народов Западной Африки), и уж тем более тогда, когда союз функционирует в качестве живой социальной реальности, как у многих народов Меланезии²⁶².

Насколько можно судить, в эпоху становления патриархата мужские союзы приобрели едва ли не универсальный характер. Лучше всего они изучены в Меланезии и Западной Африке²⁶³, но этнографически засвидетельствованы и у микронезийцев и индейцев Северной Америки²⁶⁴, а как пережитки — у многих народов Европы и Азии²⁶⁵.

Почти синонимичное обозначение «тайные» в применении к мужским союзам в высшей степени условно: о существовании союза обычно прекрасно знали все члены данного коллектива, больше того, совершаемые союзом акции, направленные на то, чтобы запугать непосвященных, и прежде всего женщин, достаточно широко рекламировались. В тайне от непосвященных сохранялись, как правило, имена главарей и членов союза, места его сборищ и характер этих сборищ, имена непрременных духов-покровителей союза и связанные с ними церемонии. Союзы нередко имели свой особый язык, понятный только их членам, причем нередко доступ к такому языку зависел от ранга того или иного индивида в союзе: рядовые члены могли его и не понимать.

Вступление юноши в союз символизировало прекращение его прежнего существования, его «смерть» и «возрождение». Это обстоятельство давно было замечено исследователями. «Почти везде,— писал уже в 1908 г. Г. Уэбстер,— обряды инициации включают мимическое изображение смерти и воскресения посвящаемого. Новая жизнь, к которой он пробуждается после инициации, есть полнейшее забвение прошлой. Она сопровождается, естественно, новым именем, новым языком и новыми привилегиями»²⁶⁶. Эта связь инициации со вступлением в мужской

союз выражала «смерть» иницируемого в качестве члена материнского рода и его «возрождение» как члена рода отцовского.

Впрочем, в обществах, находившихся к моменту знакомства с ними этнографов на этапе разложения развитого родового строя, были засвидетельствованы и женские союзы, более или менее аналогичные по структуре и их положению по отношению к женскому населению союзам мужским. Такие женские союзы обычно рассматриваются как организации, возникавшие в противовес мужским союзам. Однако они получили куда меньшее распространение да и в принципе были не в состоянии сколько-нибудь эффективно противостоять последним, так как становление мужских союзов опиралось на ведущую тенденцию экономического развития: парцеллизацию труда и собственности и их приватизацию. Такая общая бесперспективность использования женских союзов для противодействия утверждению патриархата вовсе не означала, однако, что они не в состоянии были иногда приобретать заметное влияние. Например, в странах побережья Бенинского залива женские союзы были немалой экономической силой. Но подобные исключения не меняют общего правила.

Среди союзов можно выделить такие, которые охватывали практически все взрослое мужское население, и союзы с более ограниченным составом. В первом случае, примерами которого можно назвать западноафриканские союзы поро и бонду у народов темне и менде, вступление в союз было для мужчины непрременным условием не только доступа к общественным должностям, но даже и вступления в брак. У соседних кпелле тот же союз поро был основой всей общественной жизни, полностью ее контролируя. Аналогичным образом обстояло дело, скажем, и на островах Банка в Меланезии. В других случаях доступ в союз с самого начала был возможен лишь для сравнительно состоятельных лиц. Такими оказываются союзы йоруба Южной и Западной Нигерии — огбони, эгунгун и др.—или союз мидевин у северных оджибвеев. Не исключено, что эти две модели отражают разные этапы эволюции самого института союзов в связи с социально-экономическим развитием общества в целом.

Экономический аспект функционирования союзов с несомненной очевидностью свидетельствует о прямой связи этого института с развитием частной собственности и имущественной дифференциации. Весьма существенно, что вступительный взнос в союз, как общее правило, делался как раз за счет обособленной (а впоследствии — частной) мужской собственности; использовать для этого коллективную собственность рода было бы невозможно. В то же время союзы обеспечивали своим членам возможность сохранения и приумножения именно их частной собственности: членство в союзе было весьма действенным средством защиты частных по отношению к коллективу имущественных интересов.

Например, тубуан — глава союза дук-дук на о. Новая Британия — мог табуировать плантации и отдельные плодовые деревья, принадлежавшие члену союза, делая их таким образом недоступными для всех, кроме последнего. Конечно, тубуан делал это отнюдь не бескорыстно, но зато владелец табуированных объектов укреплялся за счет его табу в качестве исключительного распорядителя этих объектов, т. е. как частный собственник²⁶⁷. Более того, связь с союзом создавала мужчине влиятельное положение в общине, как бы ставя его вне традиционных родовых порядков и в то же время выше них. Таким путем внутри формально сохранявшейся развитой родовой организации появлялись структуры, в сущности внеродовые и надродовые, активно разрушавшие ее функции и права. Но ничуть не менее, если не более, важно то, что мужские союзы оказались способны сыграть заметную роль в становлении политической власти и политической организации в целом, сделавшись одним из каналов институционализации публичной власти, отделенной от народа.

С самого начала ведущие позиции в союзах занимала родовая верхушка, сделавшая их действенным средством накопления в своих руках материальных ценностей. Довольно быстро, по-видимому, вступительные взносы в союзах приняли достаточно внушительные размеры, что в ряде случаев затрудняло вступление в эти организации малоимущих соплеменников. И коль скоро руководящее положение и здесь принадлежало, особенно на сравнительно поздних этапах эпохи классовобразования, общинно-родовой знати, союз предоставлял ей в высшей степени удобное орудие для укрепления своего господства над рядовыми членами общества. И происходило это даже тогда, когда членство в союзе было практически обязательным для всякого мужчины. Ведь и в таком случае достижение высокого положения в союзе, а тем более доступ к руководству им зависели непосредственно от имущественного положения претендента. Действовала та же самая диалектика, что и при складывании внутриобщинных форм эксплуатации: статус обеспечивал дополнительные возможности приобретения богатства, богатство облегчало повышение статуса²⁶⁸.

Роль и возможности союзов, т. е. по существу их руководителей, увеличивало и то, что очень часто союзам формально принадлежали важные организационно-управленческие функции: помимо решающей роли в подготовке молодежи к роли взрослых членов общества, на союзах нередко лежала и организация разного рода общественных работ²⁶⁹. При этом внутри самих союзов существовала стратификация их членов по рангу и соответствующему ему статусу.

Взаимоотношения мужских (тайных) союзов и формальных главрей и вождей могли быть и бывали разными, но в целом скорее прослеживалась тенденция к постепенному превращению

союзов в реальную власть и к подчинению вождя этой власти, во всяком случае, тогда, когда власть последнего еще не институционализировалась. Так, например, обстоит дело у населения полуострова Газели: здесь вождь у гуантуна пользовался влиянием прежде всего как руководитель или хотя бы член союзных дук-дук или ингийет²⁷⁰. У менде и темне Западной Африки первоначальное соперничество вождей и союзов завершилось в конце концов определенным компромиссом, так что союзы фактически сделались частью аппарата власти. Но при этом полного равноправия сторон не наблюдалось: в частности, союз получил возможность влиять на выбор членов совета вождя, но вождь крайне редко мог добиться введения в руководящие органы союза желательных для себя кандидатов²⁷¹.

В любом случае мужские союзы были очень эффективной формой институционализации власти. Так, например, у многих африканских народов они стали той структурой, из которой непосредственно вырастала сакральная верховная власть: иерархия внутри союза была параллельна иерархии органов такой власти за счет господства и там и тут все той же общинно-родовой знати²⁷².

Прочие механизмы институционализации власти: общинно-кастовые структуры. Наконец, этнографически засвидетельствован еще один возможный механизм институционализации власти при переходе к классовому обществу, минуя военно-демократический этап. В ряде случаев этот процесс шел через складывание структур, определяемых в отечественной литературе как общинно-кастовые²⁷³ или же сословно-кастовые²⁷⁴. Механизм их образования не всегда ясен, хотя очевидно, что в основе его лежит жесткая фиксация сложившихся в какой-то момент форм общественного разделения труда под воздействием тех или иных конкретных исторических условий существования данного общественного организма, причем происходила такая фиксация на уровне не индивидов, а целостных профессиональных групп²⁷⁵. Не подлежит сомнению, что становлению таких структур способствовало завоевание, превращавшее побежденных в зависимое неполноправное население, как это было, скажем, в восточноафриканском Межозерье²⁷⁶; однако известны случаи их складывания и без всякого участия военного фактора²⁷⁷.

В качестве дополнительных моментов, облегчавших формирование этих структур, указывали на слабое развитие обмена, равную иерархизацию статуса родов и общин и раннюю узурпацию социальной верхушкой основных средств производства²⁷⁸. Существенно то, что однажды сложившись, такая форма общественной организации обнаруживала значительную устойчивость и могла серьезно замедлять процесс классовобразования и политогенеза. Примером такого хода этого процесса может послужить общество народа и (носу) в высокогорном районе Ляншань ки-

тайской провинции Сычуань. Здесь существовало четыре сословия, одно из которых — собственно и, или носу — считалось «благородным» и ни в каком производительном труде не участвовало, а остальные три — цюйно, аця и сяси — пребывали в разной степени зависимости, от полукрепостной до полурабской. При этом владеть членами более низких сословий могли не только носу, но также и цюйно и аця. Характерно, что самоназванием всего народа сделалось именно название его высшего сословия. И тем не менее, невзирая на столь развитую социальную стратификацию, общество и так и не переступило порога возникновения классов и государства. Из-за низкого уровня развития производительных сил и очень ранней нерархизации родов, состоявших из членов только одного сословия каждый, становление публичной власти пошло по пути превращения аристократических родов в потестарные структуры, крайне затруднив становление политической организации. «Организация политической власти на основе кровнородственного единства оказалась... не в состоянии преобразоваться в политическую власть, основанную на классовом единстве»²⁷⁹.

Легитимизация новых форм власти. Институционализация власти в любой форме протекания этого процесса потребовала серьезных перемен и в идеологической сфере. Новая власть, в особенности зарождавшаяся верховная власть вождя, нуждалась в идеологической санкции. Здесь действовал двойной ряд причин. С одной стороны, престиж удачливого главаря или вождя, поначалу основывавшийся на его личных достоинствах, его авторитет среди членов коллектива постепенно стали подменяться авторитетом и престижем занимаемой им общественной должности, переносимым на того, кто ее занимает²⁸⁰. С другой стороны, трансформация общественных институтов, складывание социальной стратификации и эксплуататорских отношений, наконец, изменение самого характера власти по мере складывания вождества на месте прежней рыхлой племенной структуры требовали обоснования в глазах общества, еще не утратившего многих представлений, свойственных развитому родовому обществу.

Первое обстоятельство находилось в непосредственной связи с двумя следствиями. Во-первых, авторитет сана стал связываться с некими присущими ему возможностями, превышающими обычные человеческие способности, каковые возможности проецировались и на носителя сана. Обычно принято говорить о представлениях о некоей сверхъестественной благодати типа полинезийской маны²⁸¹, хотя надо сказать, что эта точка зрения уже довольно давно подвергалась критике²⁸². Во-вторых, вполне естественным было для человека разлагающегося первобытного общества предположить, что такого рода возможности (назовем их условно «сверхчеловеческими») распространялись не только на носителя сана в данный момент, но и на его род-

ственников; вопрос о том, насколько широким было восприятие обществом этого круга, в данном случае представляется второстепенным, важен самый принцип. Все это открывало путь к наследственной власти — наследственной в пределах группы, которая, однако, обнаруживала тенденцию к сужению по мере приближения к высшему уровню управления обществом.

Обоснование происходящих в обществе перемен, легитимизация новых форм власти и отношений власти происходили нередко, хотя и отнюдь не всегда, путем ее сакрализации. Формы и степень ее могли быть разными, но существо оставалось единым. Верховный правитель воспринимался как связующее звено между коллективом и миром сверхъестественного, он представляет за своих соплеменников перед этим миром, перед этим сверхъестественным, будь то боги или духи предков, и поэтому наделен благодатью, а иногда и харизмой, т. е. непогрешимостью и особой одаренностью, вплоть до способности творить чудеса.

Вполне естественно, что действия такого правителя и его окружения должны были восприниматься общественным сознанием как получившие своего рода божественную санкцию. А это представление столь же естественно распространялось постепенно и на любые новшества, происходившие в социально-экономической сфере, включая привилегии верхушечного слоя, имущественное и социальное неравенство и эксплуатацию. Конечно, внедрение всех такого рода новшеств происходило не без сопротивления, нередко очень упорного. Это сопротивление принимало форму особых, зачастую институциональных, норм, которые должны были противодействовать произволу правителя и нарушению им традиции (а тенденция к этому обнаруживалась достаточно рано: Хогбин отметил, что среди меланезийских вождей некоторые вели себя так, «как будто они были господами своего народа»²⁸³). В число таких норм входил и ритуализованный конфликт, особенно хорошо изученный британскими антропологами в обществах Центральной и Юго-Восточной Африки, находившихся на стадии перехода к классообразованию²⁸⁴. Тем не менее остановить объективно обусловленный процесс перерождения власти вождя в политическую они, конечно, не могли, хотя и замедляли его в какой-то степени. И сакрализация верховной власти в обществе составляла достаточно эффективный противовес таким замедляющим факторам.

Слияние двух упомянутых выше причинных рядов вело в перспективе к довольно частому следствию: появлению фигуры сакрального вождя. Он мог одновременно выполнять и жреческие функции, мог не делать этого — и тогда рядом с ним появлялся специальный верховный жрец, по существу дела от этого не менялось. Служа символом общества, гарантом его целостности и благополучия, сакральный правитель был очень действенным средством укрепления новых, надплеменных, потестарных струк-

тур, непосредственно предшествовавших появлению политической власти. Впрочем, следует разграничивать фигуры правителей сакральных и обожествленных: последние появляются только в обществе классовом²⁸⁵.

Именно потому, что сакральная власть способствовала стабилизации предклассовых общественных структур, т. е. прежде всего вождества как формы институционализации власти, она может быть прослежена у большого числа народов как по письменным свидетельствам, так и по данным этнографии. Ее широкое распространение в таком историческом контексте привело к тому, что, как уже говорилось, многие исследователи на западе склонны рассматривать сакрализацию власти как обязательную характеристику вождества, т. е. формы организации власти, которая уже непосредственно предшествует государству. Однако универсальность этой черты как определяющей в социально-потестарном и социально-психологическом облике вождества пока не может считаться доказанной.

При всех различиях, какие могли существовать между рассмотренными выше путями институционализации власти в обществе, все они подготавливали складывание в конечном счете организации политической. Притом процесс этот шел тем активнее, чем быстрее нарастали и чем острее становились противоречия между массой рядовых общинников и социальной верхушкой. Тем не менее его замедляло сохранение многих пережиточных форм общинно-родовой демократии, в особенности представления о племенном единстве и обычая взаимопомощи. До поры до времени такие традиции могли достаточно эффективно маскировать складывавшиеся отношения эксплуатации, тем самым позволяя им утвердиться, но они же и препятствовали повышению ее нормы так быстро, как того хотелось бы социальной верхушке, превращавшейся уже в протокласс эксплуататоров. И сделать это было особенно трудно в обществах, шедших к политической организации через военно-демократические, а затем военно-иерархические формы власти: в таких обществах всякий свободный был потенциальным воином. Как раз поэтому одним из важнейших и неременных условий формирования власти политической было постепенное сужение круга лиц, имевших доступ к военным предприятиям и соответственно к оружию, т. е. в конечном счете лишение народа оружия²⁸⁶. Но это требовало определенного времени для материально-технической и идеологической подготовки.

Политическая организация: главные характеристики. Для окончательного перехода к политическому обществу и его утверждения теперь было необходимо появление власти нового типа: не связанной с массой населения в реализации властной воли и вообще отделенной от этого населения. Но подобное отделение было возможно при наличии некоторых обязательных условий, которые

одновременно становились и главными характеристиками новой власти, сменявшей прежнюю, потестарную, — условий экономических, социальных и организационных.

Экономической основой политической власти стало превращение многообразных, но еще не институционализованных поначалу способов отчуждения прибавочного продукта у непосредственных производителей в постоянно функционирующую систему налогообложения. Такая система, становление которой было, разумеется, не разовым актом, а достаточно продолжительным процессом, интегрировала и внутриобщинный и внешний прибавочный продукт в единую по своему социально-экономическому содержанию категорию подати. Речь идет именно о содержании, так как в общественном сознании еще очень долго сохранялось разграничение разных видов подати по их происхождению. Податью становились в первую очередь традиционные подношения вождю со стороны общинников — фактически уже более или менее регулярные, но пока еще не считавшиеся обязательными и не воспринимаемые общественным мнением как таковые. При этом происходила уже и фиксация их размеров, которые могли в какой-то степени колебаться, пока сохранялась хотя бы фикция добровольности подношения. В подати превращались по мере укрепления господства новой социальной верхушки над ранее завоеванными областями и включения таких областей в единый предгосударственный территориальный комплекс и дани покоренного населения.

Но отделение власти от народа, равно как и бесперебойное функционирование системы налогообложения в качестве экономической основы политической власти, были бы немислимы, если бы их не обеспечивала специализированная часть складывавшегося аппарата управления — специализированная в первую очередь на принуждении, на подавлении сопротивления актам власти внутри самого общества. Именно превращение такого внутреннего подавления в самостоятельную функцию власти, обеспеченную соответствующими организационно-техническими возможностями, и знаменовало, как считают некоторые исследователи, окончательное появление государства в полном смысле этого слова, т. е. орудия классового господства²⁸⁷. Аппарат отделенной от народа публичной власти формировался на основе прежде всего подчиненного вождю военного персонала: это был уже практически готовый инструмент насилия, который оставалось только частично обратить внутрь общества.

Помимо принуждения физического важное место в становлении политической организации занимало также принуждение психологическое и нормативное. Его значение резко возросло в период формирования классов и государства. Механизмами такого принуждения служили религия, мораль и право. Их функционирование (а что касается права — то и его возникновение)

будет подробно рассмотрено в специальных разделах книги. Для настоящей главы существенно то, что в каун становления классово-антагонистического общества религия и мораль как средства социальной регуляции подвергались по сути дела классово направленной и в значительной мере сознательной трансформации, которая была призвана обеспечить не просто религиозную и моральную санкцию происходивших перемен, но и соответствующее им регулирование поведения членов общества²⁸⁸. Зарождавшееся же право было с самого начала ориентировано на такое регулирование в духе складывавшихся эксплуататорских, классовых отношений.

Накопец, важнейшей характеристикой нарождавшегося государства был и переход от родо-племенного деления населения к делению территориальному в качестве основы административной структуры. Завершение процесса перехода от связей кровнородственных к связям территориальным, начавшегося с началом разложения первобытного общества, знаменовало окончательную смену общества гражданского (*societas*) обществом политическим (*civitas*), по определению Моргана²⁸⁹. Причины этого заключались прежде всего во все прогрессирувавшем дроблении родов и племен и в их перемешивании, развивавшемся по мере активизации контактов между разными этническими общностями; эти контакты особенно активизировались как раз в эпоху классовобразования. В результате разрушалась изначально предполагавшаяся связь родовых подразделений с определенной территорией, которую они занимали и которая им принадлежала. Вследствие всеусиливавшейся и ускорявшейся децентрализации родов и более крупных племенных подразделений «территория осталась, но люди сделались подвижными», по выражению Ф. Энгельса²⁹⁰. Понятно, что в таких условиях и регулировать общественное производство, включая отчуждение и редистрибуцию прибавочного продукта, и вообще управлять обществом оказывалось возможно, только основываясь на территориальном принципе.

Но этим смысл внедрения территориального управления не ограничивался. Оно было действенным инструментом в деле устранения тех препятствий на пути окончательной консолидации классового общества, которые еще ставили остатки прежней родо-племенной организации. Во-первых, оно подрывало традиции родо-племенной солидарности, присущие такой организации, облегчая эксплуатацию рядовых общинников; в идеале вновь возникавшая политическая надстройка над обществом вообще бы предпочла иметь дело с индивидуальным объектом эксплуатации, но и группы бывших родовичей и соплеменников, окруженные такими же группами, но принадлежащими к другим родо-племенным общностям, могли оказать гораздо менее эффективное сопротивление. Во-вторых, территориальная администрация в силу этих же причин резко ослабляла влияние традиционной родо-

племенной знати на локальном уровне и ее противодействие функционированию сложившейся государственности.

Три отмеченных выше обстоятельства: появление налогообложения, возникновение независимой от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления, и переход к территориальному разделению народа вместо родо-племенного — были главными чертами уже сложившегося государства. Конечно, они вовсе не обязательно формировались совершенно синхронно: конкретно-исторические условия могли в какие-то моменты выдвигать на первый план, например, территориальное деление общества. Отмечалось, что именно оно в некоторых случаях могло знаменовать возникновение государства²⁹¹. Выше говорилось о возможности считать таким рубежом появление специализированного аппарата подавления. В целом, однако, только совокупность всех трех этих черт позволяет говорить о завершении политогенеза в данном обществе и о появлении на исторической арене государства²⁹².

Понятно, что возможная (и действительно присутствовавшая во многих случаях) неодновременность складывания этих главных отличительных черт государственности должна была давать в историческом развитии конкретных обществ определенные промежуточные варианты, когда при наличии какой-то одной или двух таких черт отсутствовала третья. Поэтому, видимо, полезно проводить разграничение государства и элементов государственности. Так, например, в Западной Европе одним из важнейших таких элементов стали государственные повинности, прежде всего главная из них, военная. Больше того, произошло отделение права от обязанности: пользоваться своими правами свободный общинник мог, лишь выполняя обязанности, т. е. в первую очередь неся воинскую повинность. Характерно при этом превращение в повинность главной характеристики свободного человека в относительно недалеком прошлом, в эпоху военной демократии, — его участия в военных предприятиях. Население достаточно рано стало подразделяться по территориальному принципу, когда устанавливалась непосредственная связь верховной власти с общинами (хотя остатки родо-племенного деления сохранялись при этом довольно долго, что, в частности, отражалось в преобладании племенного права даже при отправлении правосудия центральной властью и ее представителями). Но государственный аппарат, отделенный от населения, либо вовсе отсутствовал, либо находился в зачаточном состоянии²⁹³.

В условиях Тропической Африки медленнее всего складывалось территориальное деление населения; деление его по родо-племенному принципу сохранялось во многих случаях: например, в бассейне Конго, на большей части Восточной Африки, на Африканском роге — до самого колониального раздела континента. И даже в наиболее развитых обществах Гвинейского побережья

оно сохраняло немалое значение. Между тем здесь, скажем, у йоруба или фон, существовали и довольно развитая административная структура, и регулярные налоги и повинности²⁹⁴. Наконец, возможны бывали случаи, когда складывались сравнительно регулярные и стабильные формы налогов, но отсутствие государственного аппарата для их сбора, равно как и сохранение родо-племенного деления населения, заставляли осуществлять взимание налогов в форме полюдья²⁹⁵. По-видимому, общей особенностью для всех таких вариантов становления государства было то, что эксплуатация рядовых свободных осуществлялась в формах, прикрытых внешним обликом традиции или косвенных (а иногда — в тех и других), не имея еще откровенно антагонистического характера. Однако в любом случае эти рядовые свободные в своей массе оказывались уже отстранены от реального осуществления власти и от управления обществом.

Неравномерное развитие всемирно-исторического процесса неизбежно вело к тому, что классовый и политогенез протекал с разной скоростью в разных частях земного шара. В результате складывавшиеся в районах с наиболее благоприятными условиями первые классовые общества оказывались как бы островами в океане общественных организмов, находившихся на различных стадиях перехода от первобытнообщинного строя к классовому. Именно так выглядели первые цивилизации Старого Света, возникшие в речных долинах Месопотамии, Нила и Инда в окружении множества доклассовых обществ. Так рождалась проблема взаимодействия классовых обществ с их первобытной (в широком смысле слова — и действительно первобытной и разлагавшейся позднепервобытной) периферией. Более подробно она будет рассматриваться в своем месте, в данном же контексте, т. е. в процессе политогенеза, она приобретала облик вопроса о соотношении «первичной» и «вторичной» государственности, если пользоваться терминологией М. Фрида²⁹⁶, и роли первой из них в формировании второй.

Влияние центра и периферии было несомненно взаимным, хотя степень этой взаимности очень варьировала и о полной сбалансированности говорить не приходилось почти никогда. Но с интересующей нас сейчас точки зрения представляется достаточно очевидным, что в доклассовых и предклассовых обществах, находившихся в прямом контакте с общественными организмами, уже переступившими порог цивилизации, вызревание всех определяющих элементов политической организации и складывание государства в полном смысле этого слова, т. е. аппарата классового господства, могли заметно ускориться (хотя такой ход развития вовсе не был «автоматическим»).

Политическая организация: дополнительные характеристики. Помимо таких важнейших, определяющих черт государственности, как регулярное налогообложение, постоянный специализиро-

важный аппарат принуждения и территориальное деление населения вместо родо-племенного, сложившееся политическое общество отличали и другие черты, часть которых ненамного уступала по важности и как показатель наличия государственности перечисленным трем. Такие черты служили одновременно и неотъемлемыми признаками завершения в основном процесса политогенеза, и результатом обратного влияния сложившейся государственной организации на социально-экономические структуры. Так обстояло дело с общинной организацией и с формированием города как самостоятельного социально-экономического явления первостепенной важности.

Отмеченное выше установление прямого контакта между общинами и верховной властью, непосредственно или через ее представителей, означало важнейшее изменение в судьбах общины и в самом ее характере. С одной стороны, она утрачивала значение самостоятельного социального организма — «отдельного, единичного общества... самостоятельной единицы социального развития»²⁹⁷. Эта роль переходила от нее к возникшему государству; именно оно обретало самостоятельность, община же превращалась в суборганизм в рамках государственной структуры, в низовую единицу такой структуры, административную и фискальную. При этом, как правило, государство оставляло за ней определенный уровень самоуправления, однако со строгим подчинением государственной власти.

С другой же стороны, община лишалась и статуса основной экономической ячейки общества. За ней оставалась роль хозяйственного организма, но экономическими ячейками становились отдельные домохозяйства, выступавшие теперь в качестве формы обособленной собственности²⁹⁸. Это знаменовало превращение первобытной соседской (соседско-родовой, протокрестьянской) общины в соседскую. Понятно, что это произошло не сразу: окончательному превращению первой во вторую предшествовал более или менее продолжительный период в зависимости от конкретно-исторических условий, в которых существовало то или иное общество, — переходный этап формирования новых хозяйственных ячеек-домохозяйств. Форму общины, характерную для такого переходного этапа, было предложено обозначать как пракрестьянскую²⁹⁹. Однако с точки зрения организации власти в обществе такая община уже оказывалась только суборганизмом в структуре социального организма-государства. Поэтому, как подчеркнул Ю. И. Семенов, «начиная с появления пракрестьянской общины периодизация истории общества перестает совпадать с периодизацией истории общины»³⁰⁰. Определяющим моментом общественного развития становится в конечном счете классовая борьба в рамках общества классового и возникающей в нем собственно соседской (крестьянской) общины, выраставшей из пракрестьянской.

По своему социально-экономическому содержанию этот процесс состоял в превращении групповой частной собственности в индивидуальную частную собственность. Однако на передний план выступали именно моменты потестарно-политические: крестьянская община — это социальный суборганизм политического, государственного общества и, таким образом, находится на качественно ином уровне общественного развития по сравнению с протокрестьянской — потестарно-социальным организмом периода разложения первобытности. Поэтому можно говорить и о том, что складывание государства сделалось важнейшим рубежом истории общинной организации, и о том, что появление соседской (крестьянской) общины немыслимо без государственной структуры и потому свидетельствует о наличии последней.

Сложнее обстоит дело с формированием города и связью этого явления с процессом классово- и политогенеза. Как известно, Г. Чайлд рассматривал «городскую революцию» как неотъемлемую составную часть становления цивилизации³⁰¹. В последующем чрезмерная категоричность такой точки зрения была достаточно основательно подвергнута сомнению. Однако остается бесспорным фактом, что древнейшие очаги городской жизни совпадали с очагами первичной государственности — Месопотамией и Мезоамерикой. Едва ли может вызвать сомнение и то, что формирование города как определенного социально-экономического и социально-политического явления было процессом, достаточно растянутым во времени, и что городу в таком его качестве должна была предшествовать некая форма относительно крупного поселения, которая может быть обозначена как «протогород».

Эти протогорода, насколько можно судить и по месопотамскому и мезоамериканскому материалу, возникали как центры сельскохозяйственной округи, из которых осуществлялось как хозяйственное, так и потестарно-политическое руководство последней. По-видимому, протогород с самого начала выполнял и функции культурного центра. Органическую связь таких поселений с сельскохозяйственным производством, как известно, подчеркивал К. Маркс: «Эта форма... предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)»³⁰². Именно такая роль формирующихся городов очень четко предстает перед нами, например, в Месопотамии протописьменного периода, где город непременно бывал связан с тем или иным магистральным каналом или отводом от такого канала; вокруг такого ирригационного сооружения и строилась сельскохозяйственная зона данного города³⁰³. Подобные ранние городские центры с прилегавшими к ним поселениями меньшего размера и сельскохозяйственными угодьями образовывали сначала социально-потестарную, а затем, по мере того как оформлялась

классовая структура общества, и социально-политическую организацию, обычно обозначаемую как город-государство, или «ном» (также «номовое государство») ³⁰⁴.

Вопрос о том, как соотносились в древнейших городах административно-культурная и торгово-ремесленная функции, вызывавший споры в отечественной и мировой науке ³⁰⁵, по-видимому, должен решаться в пользу решительного преобладания первой из этих функций. Не случайно К. Маркс обращал внимание на первоначально непроизводительный характер городов: «крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы стаи, как нарост на экономическом строе в собственном смысле» ³⁰⁶. И все же по мере того, как протогород укреплялся в роли потестарно-политического центра и резиденции правителя и его окружения, возрастало и его значение как центра ремесленного производства и торговли (тем более что с приближением к появлению политической организации происходило и складывание профессионального ремесла на основе прежних домашних промыслов). Оба эти вида деятельности активно стимулировались существованием в городском поселении гораздо более обширного рынка за счет присутствия относительно многочисленных потребителей, дополнявшегося в тому же начавшейся классовой по своему смыслу дифференциацией потребления. И чем дальше продвигался процесс классовобразования и политогенеза, тем большее значение приобретал город как центр ремесла и торговли; здесь приходится учитывать и ту роль торговли как фактора, ускорявшего классовобразование, о которой говорилось выше. Происходило превращение протогорода в город в полном смысле этого слова, т. е. административный, культовый и торгово-ремесленный центр, в определенном смысле противостоящий своей сельской округе и вырастающий в основном за счет перемещения в него значительной доли населения последней ³⁰⁷.

Тем самым закреплялось наметившееся разделение все расширявшейся части ойкумены на городской центр и сельскую периферию, оказавшее в дальнейшем огромное воздействие на всю последующую историю человечества. И как и изменение статуса общины, такое разделение знаменовало достижение обществом уровня политического общества и появление государства. В обоих случаях существо вопроса оставалось одним и тем же: завершение распада первобытного общества и появление на исторической арене общества классового.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 171.

³ Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII; Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху // ВИ. 1973. № 3; Он же. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1975; Markets in Africa. Ed.

- Bohannan P., Dalton G. Evanston, 1962; *Sahlins M. Stone Age Economics*. L., 1974. P. 277—314.
- ⁴ О необходимости различения обособленной и частной собственности косвенно свидетельствует то обстоятельство, что Ф. Энгельс в четвертом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» заменил термин «частная собственность», примененный в первом издании его труда (1884), на «обособленная собственность», а слова «частное владение» — на «владение семей». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 58.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 152.
- ⁶ См.: *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 160—161 (ТИЭ. Т. 54); *Семенов Ю. И.* Проблема начального этапа родового общества // ПИДО. С. 196—197.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 58—59.
- ⁸ См.: *Семенов Ю. И.* Теоретические основы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; *Бутинов Н. А.* Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм. Критические очерки // Актуальные проблемы этнографии и современной зарубежной наука. Л., 1979. С. 73—88; Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 129—132.
- ⁹ *Polanyi K. Semantics of General Economic History // Readings in Anthropology*. V. 2. N. Y., 1959. P. 162—184.
- ¹⁰ *Polanyi K. The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires*. Glencoe, 1957. P. 262 f.
- ¹¹ *Dalton G. Karl Polanyi's Analysis of Long-Distance Trade and His Wuder Paradigm // Ancient Civilizations and Trade*. Albuquerque, 1975. P. 97—98.
- ¹² *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 96; *Histoire générale de l'Afrique*. V. 2. Afrique ancienne. P. 1981. P. 683.
- ¹³ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 75, 82, 88; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964. С. 206, 430; *Childe V. G. Social Evolution*. L., 1952. P. 126.
- ¹⁴ История Древнего Востока. С. 154—158; *Ferlioli P., Fiandra E.* The Administrative Functions of Clay Sealings in Protohistorical Iran // *Iranica*. Napoli, 1979; *Geschichte der Urgesellschaft*. Gramisch B., Grünert H., Haifmann E. u. a. V., 1982. S. 229.
- ¹⁵ *Крюков М. В.* Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 199—203.
- ¹⁶ *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С. 25—51.
- ¹⁷ *Гуляев В. И.* Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976. С. 225—239; *Он же.* Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя // СЭ. 1969. № 4; *Becker M. J.* Indications of Social Class Differences Based on the Archaeological Evidence for Occupational Specialisation among the Classic Maya at Tikal, Guatemala // *Revista Espanola de Antropologia Americana*. 1983. XIII. P. 29—46.
- ¹⁸ *Массон В. М.* Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке // ВИ. 1967. № 5. С. 85; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974. С. 207—208, 211 и др.
- ¹⁹ *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комм. Харьков, 1956; Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комм. под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- ²⁰ Арабские источники по этнографии и истории Африки X—XII вв. позднее

- Сахары. М.; Л., 1965. С. 183; История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 337.
- 21 *Аверкиева Ю. П.* К истории металлургии у индейцев Северной Америки // СЭ. 1959. № 2. С. 74—75; *Она же.* Род и община у алгонкинов и атапасков Американского Севера // Разложение родового строя... С. 117—119; *Она же.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 150—152; *Suttles W.* Coping with Abundance: Subsistence on the Northwest Coast // *Man the Hunter.* Ed. Lee R. B., DeVore I. Chicago, 1968. P. 66.
- 22 *Аверкиева Ю. П.* К истории металлургии... С. 76; *Она же.* Индейцы Северной Америки. С. 155—156.
- 23 *Gluckman M.* Order and Rebellion in Tribal Africa. L., 1963. P. 96. См. также: *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в культурную историю. М., 1979. С. 49.
- 24 Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. С. 98.
- 25 *Firth R.* Primitive Polynesian Economy. L., 1965. P. 316—318.
- 26 *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964. С. 135—136.
- 27 *Pospisil L.* Karauku Papuans and Their Law // Yale University Publications in Anthropology. N 54. New Haven, 1958. P. 80.
- 28 *Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 3-4. С. 66; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. Изд. 3-е. М., 1982. С. 184; *Burger F.* Die Küsten- und Bergvölker der Gasellenhalbinsel. Ein Beitrag zur Völkerkunde von Neuguinea unter besonderer Hervorhebung rechtlicher und sozialer Einrichtungen. Stuttgart, 1913. S. 31.
- 29 *Аверкиева Ю. П.* К истории общественного строя индейцев северо-западного побережья Северной Америки (Род и подгач у тлинкитов, хайда и цимшиян) // Американский этнографический сборник. 1. М., 1960 (ТИЭ. Т. 58); *Она же.* Индейцы Северной Америки... С. 81—82, 104—108, 159—168; *Turner L. M.* Ethnology of the Ungava District // Bureau of American Ethnology. 11th Annual Report. Wash., 1894. P. 415—417; Cooperation and Competition among Primitive Peoples. N. Y., 1937; *Herskovits M. J.* Economic Anthropology. N. Y., 1952. P. 152 f. В этих исследованиях представлены описания различных вариантов подгача и подгачевидных обычаев. Интерпретацию их см. также: *Boas F.* Social Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Wash., 1897; *Swanton J.* Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // Bureau of American Ethnology. 26th Annual Report. Wash., 1908. P. 435 f.; *Mauss M.* Essai sur le don. Formes et raison d'échange dans les sociétés archaïques // *Année sociologique.* Nouvelle sér. 1925. V. 1; *Benedict R.* Patterns of Culture. L., 1934; *Codere H.* Fighting with Property // American Ethnological Society. Monographs. 18. N. Y., 1950; *Drucker Ph., Heizer R.* To Make My Name Good: A Reexamination of the Southern Kwakiutl Potlatch. Berkeley, 1967; *Suttles W.* Coping... P. 56—68; *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture. N. Y., 1968. P. 312—314.
- 30 *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгонкинов и атапасков... С. 19—23, 82—85.
- 31 *Маретина С. А.* Община у горных народов Ассам // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 26—27; *Hogbin H. I.* Social Advancement in Guadalcanal, Solomon Islands // *Oceania.* 1938. V. 8. P. 285—305; *Bascom W. R.* Ponapean Economy // *SWJA.* 1948. V. IV, N 2. P. 241; *Bose J. K.* The Gana Nokma Ceremony of the Garos of Assam // *Man in India.* V. XV. 1935. N 4. P. 260—262. Причем такие пиры сохраняли заметное место и в обществах, где процесс классовообразования уже близился к завершению, а то и в раннеклассовых; см.,

- например: *Фроянов И. Я.* Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // СЭ. 1976. № 6. С. 39—46.
- ³² *Boas F.* Social Organization... P. 341; *Idem.* Summary of the Work of the Committee of British Columbia // Report of the British Association for the Advancement of Science. L., 1898. P. 682.
- ³³ См.: *Аверкиева Ю. П.* К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки // КСИЭ. 1946. № 1. С. 27; *Она же.* Индейцы Северной Америки... С. 161—162; *Drucker Ph.* Rank, Wealth and Kinship in Northwest Coast Society // AA. 1939. V. 41. N 1. P. 55—65; *Dalton C.* «Bridewealth» versus «Brideprice» // AA. 1966. V. 68, N 3. P. 737.
- ³⁴ *Burger F.* Die Küsten... S. 52—53; *Buxton J.* The Mandari of the Southern Sudan // Tribes without Rulers. Studies in African Segmentary Systems. L., 1958. P. 81—82; *Sahlins M. D.* Moala: Culture and Nature on a Fijian Island. Ann Arbor, 1962. P. 294.
- ³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 411.
- ³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 165.
- ³⁷ См., например: *Firth R.* Social Change in Tikopia. N. Y., 1959. P. 160.
- ³⁸ См., например: *Куббель Л. Е.* Из истории древнего Мали // Африканский этнографический сборник. V. История, этнография, лингвистика. М.; Л., 1963 (ТИЭ. Т. 76). С. 60—61; *Coutumiers Juridiques de l'Afrique Occidentale Française*, t. I—III. Comité des Etudes Historiques et Scientifiques de l'A. O. F. Publications. Sér. A, N 8—10. P., 1939; *Forde D.* The Yoruba-Speaking Peoples of South-Western Nigeria // Ethnographic Survey of Africa. Pt. III (Western Africa). L., etc., 1950.
- ³⁹ *Oliver D.* Solomon Islands Society. Cambridge, Mass., 1955; *Firth R.* We, the Tikopia. L., 1936; *Idem.* The Work of Gods in Tikopia. L., 1940; *Pospisil I.* Kapauku Papuan Economy // Yale University Publications in Anthropology, 67. New Haven, 1963.
- ⁴⁰ *Guiart J.* Structure de la chefferie en Mélanésie du Sud. P., 1963 (Travaux et Mémoires. Université de Paris. Institut d'Ethnologie. LXVI). P. 670—680; *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. Seattle 1958.
- ⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 329—335; Т. 21. С. 150—151. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 468—472.
- ⁴² *Потанов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. Ср. также: *Першиц А. И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 11; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 153—154; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1967. С. 289—301.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 65; Т. 46. Ч. 1. С. 38—39. Ср. также: *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 87—98; *Неусыгин А. И.* Собственность и свобода в варварских правдах (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв.) // *Неусыгин А. И.* Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974. С. 192—201; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 27—30.
- ⁴⁴ *Гуревич А. Я.* Проблемы... С. 39—40.
- ⁴⁵ *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История... С. 185—186; *Harris M.* Cannibals and Kings. The Origins of Cultures. N. Y., 1977. P. 70; ср. также: *Першиц А. И.* Развитие форм собственности... С. 156—171.
- ⁴⁶ См.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 237—238.
- ⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 45. С. 311.
- ⁴⁸ Обзор соответствующих данных см.: *Kroeber A. L.* Basic and Secondary Patterns of Social Structure // JRAI. 1938. V. LXVIII. P. 300—301; *Murdock G. P.* Social Structure. N. Y., 1949. P. 207, 211.
- ⁴⁹ О некоторых вариантах такого развития см.: *Долгих Б. Р.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 439 (ТИЭ. Т. 55);

- Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 32—33; *Richards A.* Mother-Right among the Central Bantu // Essays Presented to C. G. Seligman. Oxford, 1934. P. 267—279.
- ⁵⁰ Так, например, обстояло дело у многих народов Западной (ашанти), Центральной (бамба, яо), Экваториальной (майомбе) Африки, у тробрианцев. В ряде случаев отмечалась патрилинейность только в правящих группах населения (минагкабау Суматры, средневековые маундинги и др.).
- ⁵¹ *Косвен М. О.* Авункулат // СЭ. 1948. № 1. С. 12 и сл.; *Ольдерогге Д. А.* Система лобола и различные формы кузенного брака в Южной Африке // *Ольдерогге Д. А.* Эпигамия. Избранные статьи М., 1982. С. 116—118; *Lowie R. H.* The Avunculate in Patrilineal Tribes // AA. 1922. V. 24.
- ⁵² *Hogbin H. I.* Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions. L., 1934. P. 139—140; *Forde D.* Kinship in Umor Double Unilateral Organization in a Semi-Bantu Society // AA. 1939. V. 41. N 4.
- ⁵³ *Rivers W. H.* The History of Melanesian Society. V. 1. L., 1914. P. 366 f.; *Williamson R. W.* The Social and Political Systems of Central Polynesia. V. II. Cambridge, 1924. P. 152; *Junod H. A.* The Life of a South African Tribe. V. 1. L., 1927. P. 269.
- ⁵⁴ См., например, выделенный Н. П. Лобачевой «кипчакский комплекс» в брачной обрядности народов Средней Азии и Казахстана: *Лобачева Н. П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном ритуале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. Анализ семантики этого явления см.: *Чистов К. В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 225—226.
- ⁵⁵ *Бромлей Ю. В.* Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 171—174; *Косвен М. О.* Семейная община и патрионимия. М., 1963. С. 83—85.
- ⁵⁶ *Firth R.* Social Change in Tikopia. P. 160.
- ⁵⁷ *Ольдерогге Д. А.* Система пкита (взаимоотношения родов у нкуду по данным конца XIX — начала XX в.) // *Ольдерогге Д. А.* Эпигамия. С. 92—93; *Rivers W. H.* Social Organisation. L., 1926. P. 68.
- ⁵⁸ *Бутинов Н. А.* Американская экономическая антропология. С. 84—85; *Hogbin H. J.* Social Change. L., 1958. P. 145.
- ⁵⁹ *Codrington R. H.* The Melanesians: Studies in Their Anthropology and Folklore. Oxford, 1894. P. 68.
- ⁶⁰ *Roberts S., Komaroff J.* A Chiefs Decision and the Devolution of Property in a Tawana Chiefdom // Politics in Leadership. A Comparative Perspective. Ed. Shack W. A., Cohen P. S. Oxford, 1979. P. 115—135.
- ⁶¹ *Murdock G. P.* Double Descent // AA. 1940. V. 42. N 8.
- ⁶² *Першиц А. И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 327—330; *Ольдерогге Д. А.* Система пкита... С. 84—85.
- ⁶³ *Косвен М. О.* Авункулат, С. 22.
- ⁶⁴ Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 99.
- ⁶⁵ *Richards A.* Some Types of Family Structure Among the Central Bantu // African Systems of Kinship and Marriage/Ed. Radcliffe-Brown A. R., Forde C. D. Oxford, 1951. P. 249—250; *Eadem.* Mother-Right Among the Central Bantu. P. 267—279; *Gouldsbury C.* Notes on the Customary Law of the Awemba and Kindred Tribes // Journal of the African Society. 1915—1916. V. XV. P. 36—53, 157—183.
- ⁶⁶ Сводку литературы см.: *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX в. М.; Л., 1959. С. 195—208. Классификацию форм умыкания см.: *Штернберг Л. Я.* Род и семья у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 166 и сл.; *Смирнова Я. С.* К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавка-

- за) // Проблемы типологии в этнографии. С. 265—269; *Tylor E. B.* On a Method of Investigating the Development of Institutions; Applied to Laws of Marriage and Descent // *JRAI.* 1889. V. 18. P. 2.
- ⁶⁷ *Богораз В. Г.* Чукчи. Т. II. Л., 1939; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 173; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. И.* История первобытного общества. С. 174.
- ⁶⁸ *Dawson W. R.* The Custom of Couvade. Manchester, 1929.
- ⁶⁹ *Bachofen J. J.* Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861. S. 17, 225; *Taylor E. B.* On a Method...
- ⁷⁰ *Tylor E. B.* Researches into the Early History of Mankind. L., 1865. P. 287—297; *Frazer J. G.* Totemism and Exogamy. V. IV. L., 1910. P. 244—255; *Reed K. E.* Nama Cult of the Central Highlands. New Guinea // *Oceania.* 1952. V. 23. P. 1—25; *Hiatt L. R.* Secret Pseudo-Procreation Rites among the Australian Aborigines // *Anthropology in Oceania.* N. Y., 1971.
- ⁷¹ *Lowie R. H.* The Crow Indians. N. Y., 1956. P. 42.
- ⁷² *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 13.
- ⁷³ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 41—42.
- ⁷⁴ *Першиц А. И.* Развитие форм собственности... С. 161.
- ⁷⁵ *Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории // СЭ. 1965. № 5. С. 90; *Он же.* Происхождение брака и семьи. С. 225—227.
- ⁷⁶ *Косвен М. А.* Семейная община и патронимия. С. 49; *Richards A.* The Bemba of North-Eastern Rhodesia // Seven Tribes of British Central Africa. Manchester, 1961. P. 171.
- ⁷⁷ *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. С. 205—206.
- ⁷⁸ *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины... С. 21—23; *Mitchell J. C.* The Yao of Southern Nyasaland // Seven Tribes of British Central Africa. P. 292—353.
- ⁷⁹ *Murdock G. P., Goodenough W. H.* Social Organisation of Truk // *SWJA.* 1947. V. 3, N 4; *Eggan F.* Social Organisation of the Western Pueblos. Chicago, 1950. P. 231, 263 f.
- ⁸⁰ *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины... С. 40—47; *Маретин Ю. В.* Община соседско-большесемейного типа у мивангкабау (Западная Суматра) // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 79—81.
- ⁸¹ *Rattray R. S.* Ashanti Law and Constitution. Oxford, 1929. P. 2—3; *Попов В. А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982. С. 46—48.
- ⁸² *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. С. 226—227.
- ⁸³ *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт из области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1905. С. 89. В недавнее время тезис об универсальности большой семьи подвергся сомнению, см.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 108.
- ⁸⁴ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 70, 72, 88.
- ⁸⁵ См., например: *Ковалевский М. М.* Родовой быт...; *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 47—70.
- ⁸⁶ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур... С. 15—16.
- ⁸⁷ *Кобицанов Ю. М.* Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 149—152; *Huntingford C. W.* The Southern Nilo-Namites // *Ethnographic Survey of Africa.* Pt. VIII (East Central Africa). L., 1953. P. 37, 73, 89; *Haberland E.* Zum Problem der Jäger und besonderen Kasten in Nordost- und Ost-Afrika // *Paideuma.* 1962. H. 2.
- ⁸⁸ Такая специализация, правда, не абсолютна: чаще речь идет об использовании чисто «мужского», т. е. вертикального ткацкого стана, тогда как на горизонтальных станах работают женщины; см., например: *Vau-*

- mann H., Westermann D. Les peuples et les civilisations de l'Afrique. P., 1970. P. 337, 356, 381, 399.
- ⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 60.
- ⁹⁰ См., например: Бугинов Н. А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и северо-западной Меланезии) // Равные земледельцы. Этнографические очерки. JL, 1980. С. 111—125; Langness L. L. Ritual, Power and Male Dominance in the New Guinea Highlands // The Anthropology of Power. Ethnographic Studies from Asia, Oceania and the New World/Ed. Fogelson R. D., Adams R. N. N. Y. etc. 1977. P. 4—5, 16.
- ⁹¹ См., например: Meggitt M. J. Male-Female Relationship in the Highlands of Australian New Guinea // AA. 1964. V. 66 (Special Issues: New Guinea, the Central Highlands, pt 2). P. 204—224; Hogbin H. I. The Island of Menstruating Men. N. Y., 1970.
- ⁹² См., например: Андрески А. Старые женщины рассказывают Пер. с англ. М., 1974.
- ⁹³ Meggitt M. J. Male-Female Relationship... Langness L. L. Sexual Antagonism in the New Guinea Highlands: A Bena Bena Example // Oceania. 1967. V. 37. P. 161—177.
- ⁹⁴ Большая часть таких норм нашла обобщенное выражение в обычаях избегания, см.: Максимов А. Н. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого // Этнографическое обозрение. 1908, № 1-2; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 85 и сл.; Смирнова Я. С. Обычай избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху // СЭ. 1961. № 2. С. 44—45; Она же. Свадьба без новобрачных (к вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа) // СЭ, 1976. № 1. С. 140—144; Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. JL, 1969. С. 206 и сл. Самый термин «избегание» был предложен Э. Тайлором, см.: Tylor E. B. On a Method... P. 246—252.
- ⁹⁵ Landtman G. The Kiwai Papuans of British New Guinea. L., 1927; Meggitt M. J. The Enga of New Guinea Highlands: Some Preliminary Observations // Oceania. 1958. V. 28. P. 253—330; Langness L. L. Courtship, Marriage and Divorce: Bena Bena // Pigs, Pearlshells and Women/Ed. Glasse R. M., Meggitt M. J. Englewood Cliffs, 1969.
- ⁹⁶ См., например: Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи.. С. 90—94; Абрамзон С. М. Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. М., 1973. С. 58—65.
- ⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 70.
- ⁹⁸ Malinowski B. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea. N. Y., 1929; Bowers N. Permanent Bachelorhood in the Upper Kaugel Valley of Highlands New Guinea // Oceania. 1965. V. 36, N 1.
- ⁹⁹ Murdock G. P. Ethnographic Atlas. Pittsburgh, 1967. P. 62, 94, 123.
- ¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 60.
- ¹⁰¹ Першиц А. И. Развитие форм собственности... С. 168 и др.; Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. С. 30—31; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 67; Она же. О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. С. 84, 89—90; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. С. 171—181.
- ¹⁰² Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 96—103; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. С. 171—181.

- ¹⁰³ *Lombard J* Structures sociales de type féodal en Afrique Noire. Etude des dynamismes internes et des relations sociales chez les Bariba du Dahomey. P.; La Haye, 1965. P. 56.
- ¹⁰⁴ *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины... С. 49—52; *Попов В. А.* Апатитцы в XIX в. С. 46—48 (хотя сам В. А. Попов предпочитает вслед за Н. А. Бутиновым — а в более отдаленной перспективе и за Дж. Мёрдоком — говорить в данном случае о вириматрилокальности. См.: *Бутинов Н. А.* Локальность брака // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. С. 72; *Murdock G. P.* Social Structure. P. 18).
- ¹⁰⁵ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 97 и сл.; *Он же.* Распад родового строя у удмуртов // Уч. зап. НИИ народов Сов. Востока. Вып. 2. М., 1931.
- ¹⁰⁶ *Маретин Ю. В.* Община соседско-большесемейного типа... С. 77—78.
- ¹⁰⁷ *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1940. P. 6, 195—199; *Murdock G. P.* Social Structure. P. 68; *Middleton J., Tait D.* The Lineage and the Lineage System // Kinship and Social Organisation. Garden City, 1968.
- ¹⁰⁸ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 102.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 119.
- ¹¹⁰ См.: *Робакидзе А. И.* Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; *Давыдов А. Д.* Семейная община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества, с. 177; иное мнение см.: *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976; *Он же.* Рец. на кн.: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия // СЭ. 1965. № 6.
- ¹¹¹ *Робакидзе А. И.* Патронимия...
- ¹¹² *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6. С. 90—93. В данном случае точка зрения исследователя близка к позиции Мёрдока. См. выше.
- ¹¹³ *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах... С. 81.
- ¹¹⁴ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120.
- ¹¹⁵ *Maine H.* Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. L., 1861. P. 130—131.
- ¹¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 404.
- ¹¹⁷ Там же. С. 418.
- ¹¹⁸ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120—121.
- ¹¹⁹ См., например: *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. С. 15; *Иванова Ю. В.* Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в работах советских историков. М., 1964. С. 8.
- ¹²⁰ См., например: *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгонкинов и атапасков... С. 61—64, 140—148; *Она же.* Индейцы Северной Америки. С. 59—60, 123—125; Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 288—289.
- ¹²¹ *Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 3-4. С. 48 и др.; Народы Австралии и Океании. С. 430—434.
- ¹²² *Першиц А. И.* Развитие форм собственности... С. 168 и сл.; *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Энгельс и некоторые проблемы первобытной истории. С. 30.
- ¹²³ См.: *Дьяконов И. М.* Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1; *Маретин Ю. В.* Община и ее типы в Индонезии. М., 1964. С. 8—9. *Он же.* Община соседско-большесемейного типа... С. 60—66; *Бутинов Н. А.* Первобытный строй (основные этапы и локальные варианты) // ПИДО. С. 148—154; *Он же.* Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. JL., 1967. С. 177 и сл.; История Древнего Востока. С. 97, 108—109, 130—132.
- ¹²⁴ *Семенов Ю. И.* О стадияльной типологии общины. С. 84.
- ¹²⁵ *Косвен М. О.* К вопросу о древневосточной общине // ВДИ. 1963, № 4. С. 32.

- ¹²⁶ См., например: *Хазанов А. М.* Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы // ВДИ. 1975. № 4. С. 8.
- ¹²⁷ *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 39, 196—197. Эту точку зрения, по-видимому, молчаливо принял и Энгельс.
- ¹²⁸ *Косвен М. О.* Авункулат. С. 10; *Он же.* Переход от матриархата к патриархату // Родовое общество. М., 1951. С. 89; *Он же.* Семейная община и патронимия. С. 47.
- ¹²⁹ *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. С. 218.
- ¹³⁰ Там же. С. 216—219; *Meggitt M. J.* Enga Political Organisation. A Preliminary Description // *Mankind*. 1957. V. 5. N 4. P. 133—135; *Reay M.* The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands. L., 1959. P. 25—52.
- ¹³¹ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С. 9.
- ¹³² *Бугинов Н. А.* Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев по материалам Новой Гвинеи и северо-западной Меланезии // Ранние земледельцы. Этнографические очерки. JL, 1980. С. 127.
- ¹³³ См., например: *Spencer F.* The Arabian Matriarchate: An Old Controversy // *SWJA*. 1952. V. 8. P. 481—490; *Barth F.* Father's Brother's Daughter in Kurdistan // *SJA*. 1954. V. 10. P. 164—171; *Murphy R. F., Kasdan L.* The Structure of Parallel Cousin Marriage // *AA*. 1959. V. 61. P. 17—29; *Leach R.* Rethinking Anthropology. L., 1961. P. 110.
- ¹³⁴ *Болдырева С. А.* Черты материнскородовой организации у гаро и кхас Ассама // Индийский этнографический сборник. М., 1961; *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины...; *Марегина С. А.* Особенности социальной организации мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии // Ранние земледельцы. Этнографические очерки. С. 144—157; *Марегин Ю. В.* Минангкабау // Народы Юго-Восточной Азии. М. 1966, С. 507—508; *Он же.* Община соседско-большесемейного типа... С. 68, 72—106; *Понов В. А.* Ашантийцы в XIX в. Впрочем, последний автор подчеркивает, что безоговорочное отнесение ашанти к матрилинейным народам несколько упрощает реальную картину развития, см. с. 127—128; *Rattray R. S.* Ashanti Law and Constitution. Oxford, 1929; *Herskovits M. J.* Dahomey, An Ancient West African Kingdom. V. 1. Locust Valley. N. Y., 1938; *Richards A.* Some Types of Family Structure...; *Mitchell J. C.* The Yao of Southern Nyasaland // Seven Tribes of British Central Africa. Manchester, 1961.
- ¹³⁵ *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Т. 1. JL, 1947. С. 101; *Косвен М. О.* О периодизации первобытной истории // СЭ. 1952. № 3. С. 155; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 31. Ср. также: *Lowie R. H.* Primitive Society. P. 160; *Murdock G. P.* Social Structure. P. 204—205; *Schmidt W.* Das Mutterrecht. Wien; Mödling, 1955. S. 7 f.; *Matrilineal Kinship*. Berkeley; L. A., 1961. P. 658 f.
- ¹³⁶ *Аверкиева Ю. П.* Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки // СЭ. 1958. № 5. С. 160; *Косвен М. О.* Переход от матриархата к патриархату. С. 94.
- ¹³⁷ *Равдоникас В. И.* История... С. 68.
- ¹³⁸ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 329 и сл.
- ¹³⁹ *Першиц А. И.* Общественный строй гуарегов Сахары. С. 354—355; *Murdock G. P.* Africa... P. 408.
- ¹⁴⁰ Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 103.
- ¹⁴¹ *Richards A.* Some Types of Family Structure; *Colson E.* Marriage and Family among the Plateau Tonga of Northern Rhodesia. Manchester, 1958. См. также: *Ольдерогге Д. А.* Основные черты развития систем родства // СЭ. 1960. № 6. *Он же.* Типы домашней общины... С. 31—36.
- ¹⁴² *Meggitt M. J.* The Enga of the New Guinea Highlands. P. 253—330; *Bascom W. R.* Ponape: A Pacific Economy in Transition. Berkeley and L. A., 1965. P. 18, 67.

- ¹⁴³ *Маретин Ю. В.* Община большесемейно-соседского типа... С. 80—90, 100—104.
- ¹⁴⁴ *Куббель Л. Е.* Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов // СЭ. 1961. № 1; *Орлова А. С.* История государства Конго в XVI—XVIII вв. М., 1968. С. 198—199; *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории великой саванны. М., 1978. С. 102, 193—194; *Pogge P.* Im Reiche des Muata-Jamwo. В., 1880. S. 156—157, 227—228; *Baumann H.* Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika // ZE. 1926. Jg. 58. H. 1—2; *Irtam T.* The King of Ganda. Lund. 1944; *Vansina J.* Les anciens royaumes de la Savane. Léopoldville, 1965.
- ¹⁴⁵ См., например: *Diop Ch. A.* Afrique Noire pré-coloniale. P., 1960; *Idem.* Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique? P., 1967; *Obenga Th.* L'Afrique dans l'antiquité. Egypte pharaonique — Afrique Noire. P., 1973. Анализ этих концепций см.: *Куббель Л. Е.* Историческая наука в Верхней Вольте, Гвинее, Камеруне, Конго, Мали, Нигере, Сенегале // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 41—45.
- ¹⁴⁶ См.: *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 181.
- ¹⁴⁷ *Вдовин И. С.* Из общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3. С. 60—61; *Файнберг Л. А.* К вопросу о родовом строе у некоторых племен Амазонии // СЭ. 1957. № 1. С. 137; *Он же.* Общественный строй эскимосов и алеутов. С. 207—209; *Он же.* Первобытнообщинные отношения у эскимосов Гренландии // Разложение родового строя и формирование классового общества. С. 176—177; Народы Австралии и Океании. С. 607—609; *Токарев С. А.* Происхождение общественных классов на островах Тонга // СЭ. 1958. № 1. С. 124; *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 156—164.
- ¹⁴⁸ *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. Л., 1968. С. 6. Прим. 9; *Он же.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // ПИДО. Кн. 1. С. 130.
- ¹⁴⁹ О соотношении этих понятий см.: *Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. С. 245—247.
- ¹⁵⁰ *Linton R.* The Study of Man. N. Y., 1936. P. 115.
- ¹⁵¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. I. С. 422.
- ¹⁵² *Burrows E. G.* Ethnology of Futuna // Bull. B. P. Bishop Museum. 1936. N 138. P. 43; *Beaglehole P.* Ethnology of Pukapuka // Ibid. 1938. N 150. P. 246; *Firth R.* The Work of the Gods in Tikopia. L., 1940. P. 236; *Idem.* Primitive Polynesian Economy. N. Y., 1950. P. 196; *Handy E. S. C.* History and Culture in the Society Islands // Bull. B. P. Bishop Museum. 1930. N 79. P. 43; *Sahlins M.* Social Stratification... P. 31—32, 98; *Idem.* Moala; *Guitart J.* Structure de la chefferie en Mélanésie du Sud. P., 1963. P. 650—670; *Malo D.* Hawaiian Antiquities // Special Publication. B. P. Bishop Museum. 1951. N 2. P. 63 f.; *Seaton L. S.* The Early State in Hawaii // The Early State. Ed. Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague etc., 1978. P. 280—286.
- ¹⁵³ См., например: *Firth R.* Economics of New Zealand Maori. Wellington, 1959. P. 133; *Ivens W. G.* Melanesians of the Southeast Solomon Islands. L., 1927. P. 255; *Oliver D. A.* Solomon Island Society. P. 342; *Richards A.* Land, Labor and Diet in Northern Rhodesia. L., 1961. P. 147—150.
- ¹⁵⁴ *Godelier M.* Rationalité et irrationalité en économie. P., 1966.
- ¹⁵⁵ См., например: *Sahlins M.* Stone Age Economics. P. 134—135; *Cook S.* Economic Anthropology: Problems in Theory, Method and Analysis // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Ed. Honigmann J. J. Chicago, 1973. P. 825.
- ¹⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 183—186.
- ¹⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 100—101.
- ¹⁵⁸ См., например: Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Ed. Cohen R., Service E. R. Philadelphia, 1978. Passim.; *Hogbin H. I.* Transformation Scene: The Changing Culture of a New Guinea Village. L.,

1951. P. 122 f.; *Oliver D. A. Solomon Islands Society*. P. 442 f.; *Sahlins M. D. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief. Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History*. 1963. V. 5, N 3. P. 287 f.; *Idem Stone Age Economics*. P. 135—139; *Chowning A., Goodenough W. Lakalai Political Organisation // Anthropological Forum*. 1965—1966. V. 1. P. 457.
- 159 *Hogbin H. I. Transformation Scene...* P. 131; *Oliver D. A. Solomon Island Society*. P. 446; *Sahlins M. D. Poor Man...* Passim.
- 160 См., например: *Hogbin H. I. Transformation Scene...* P. 131; *Oliver D. A. Solomon Island Society*. P. 446; *Sahlins M. D. Poor Man...* Passim.
- 161 *Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства*. М., 1976. С. 63.
- 162 См.; *Перицц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии*. С. 59; *Первобытное общество. Основные проблемы развития*. С. 113.
- 163 О предполагаемом приоритете рабства см., например: *Толстов С. П. Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 7-8. С. 205 и сл.; *Семенов Ю. И. О периодизации первобытной истории*. С. 79. О внутриобщинной эксплуатации см.: *Токарев С. А. Происхождение общественных классов...* С. 151 и сл.; *Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании // НАА*. 1966. № 2. С. 64 и сл. О возможном приоритете данничества см.: *Shiozawa K. Les historiens japonais et le mode de production asiatique // La Pensée*. 1965. N 122. P. 65.
- 164 См.: *Первобытное общество. Основные проблемы развития*. С. 118; *Перицц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества*. С. 192—193. Следует также учитывать, что те самые конкретно-исторические причины, которые позднее превращали одну из ранних форм эксплуатации в ведущую, могли благоприятствовать и более быстрому ее развитию до этого момента.
- 165 См., например: *Файнберг Л. А. О формах социальной организации индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в. // Американский этнографический сборник*. 1. М., 1960. С. 134; *Аверкиева Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки*. М.; Л., 1941; *Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества...* С. 208—213.
- 166 *Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей*. Л., 1965. С. 89; *Аверкиева Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки*, С. 11; *Чеснов Я. В. Народ кава // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. М., 1968. С. 163; *Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества...* С. 210—212. Ю. М. Кобищанов считает домашнее рабство возникшим из патриархального, с чем трудно согласиться прежде всего потому, что эти термины почти неизменно употреблялись в источниках как синонимы, а также и потому, что то, что обозначали как «патриархальное» рабство, в такой же степени можно встретить и в обществах, развивавшихся по пути позднего магриархата.
- 167 *Kopytoff I., Miers S. Introduction // Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives*. Ed. Miers S., Kopytoff I. Madison, 1977. P. 26.
- 168 *Tacit. Germ.*, 20.
- 169 *MacCormack C. P. Wono: Institutionalised Dependency in Sherbro Descent Groups // Slavery in Africa*. P. 197.
- 170 См., например: *Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины...* С. 25—28 и др.; *MacLeod W. C. Economic Aspects of Indigenous American Slavery // AA*. 1928. V. 30, N 4. P. 643; *Shortland E. Traditions and Superstitions of the New Zealanders*. L., 1856. P. 82 f.
- 171 *Первобытное общество. Основные проблемы развития*. С. 113.
- 172 См., например: *Kopytoff I., Miers S. Introduction*. P. 25.
- 173 *Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв.* С. 59—62; *Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории...* С. 247 и сл.; *Кочакова Н. В. Города-го-*

- сударства йорубов. М., 1968. С. 132 и сл.; *Томановская О. С.* Лоанго, Канго и Нгойо. Историко-этнографический очерк. М., 1980. С. 62—63; *Labouret H.* Le servage, étape entre l'esclavage et la liberté en Afrique Occidentale // *Afrikanistische Studien...* 26. В., 1955. С. 151 f.; *Murdos G.* Africa... Р. 76.
- ¹⁷⁴ См., например: *Аверкиева Ю. П.* Рабство у индейцев Северной Америки, С. 76; *Чеснов Я. В.* Народ кава. С. 162—163; *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории... С. 249; *MacLeod W. C.* Debtor and Chattel Slavery in North America // *AA.* 1925. V. 27, N 3. P. 37 f.
- ¹⁷⁵ Данные такого рода см., например: *Львова Э. С.* Социальная структура государств Куба и Луба (конец XIX в.) // *Социальные структуры доколониальной Африки.* М., 1970. С. 163—165; *Кочакова Н. Ю.* Особенности производства и присвоения прибавочного продукта в странах Бенинского залива (традиционные формы) // Там же. С. 33—36; *Она же.* Города-государства йорубов. С. 118.
- ¹⁷⁶ См.: *Аверкиева Ю. П.* Рабство у индейцев Северной Америки; *Она же.* Индейцы Северной Америки... С. 151—155; *Suttles W.* Coping with Abundance... Р. 66. Характерно, что в данном случае все происходило в достаточно типичном позднематеринском, а не патриархальном обществе.
- ¹⁷⁷ Многозначность термина «раб» для условий доколониальной Африки убедительно показана, например, С. Майерс и И. Копытовым (Introduction. P. 22—24).
- ¹⁷⁸ *Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации... С. 62. См. также: Исследования по общей этнографии. С. 130.
- ¹⁷⁹ *Primitive, Archaic and Modern Economics.* Essays by K. Polanyi. Ed. Dalton G. N. Y., 1968. P. 9, 13; *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. P. 116—118.
- ¹⁸⁰ *Schapera I.* A Handbook of Tswana Law and Custom. L., 1938; *Idem.* Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956; *Coutumiers Juridiques de l'Afrique Occidentale Française.* T. I—III. P., 1939.
- ¹⁸¹ Сводка этих данных: *Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации... С. 61. См. также: *Sahlins M. D.* Moala; *Guiart J.* Structure de la chefferie... P. 652—660.
- ¹⁸² В качестве примера можно указать на лиц, принадлежавших в социальной категории «кио» на островах Мангарева, Мангаиа и Пасхи; см.: *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. P. 48, 49, 60, 171, 178.
- ¹⁸³ *Бартон Р. Ф.* Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // СЭ. 1934. № 1—2. С. 134; *Чеснов Я. В.* Народ кава; *Godrington R. H.* The Melanesians. P. 324, 326; *Burger F.* Die Küsten... S. 8; *Barton R. F.* Ifugao Economics. Berkeley; Los Angeles, 1922 (University of California. Publ. in American Archaeology and Ethnology. V. 15, N 2).
- ¹⁸⁴ *Львова Э. С.* Социальная структура... С. 168—169.
- ¹⁸⁵ Подробно об этом см.: *Першиц А. И.* К вопросу о сауных отношениях // Основные проблемы африканистики. С. 104—110.
- ¹⁸⁶ *Семенов Ю. И.* Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // *НАА.* 1965. № 4. С. 78—79; *Он же.* Об одной из раннерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. С. 261, 271—272. См. также: *Потанов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений... С. 85.
- ¹⁸⁷ См., например, о взаимоотношениях скотоводов фульбе с земледельческим населением Западного Судана: *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. С. 127.
- ¹⁸⁸ *Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации... С. 62.
- ¹⁸⁹ *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. С. 228—231, 277—278; *Кабо В. Р.* Становление классового общества... С. 64, 67; *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907. S. 159; *Burger F.* Die Küsten- und Bergvölker... S. 8.
- ¹⁹⁰ *Першиц А. И.* К вопросу о сауных отношениях. С. 107.

- ¹⁸¹ См.: *Потехин И. И.* Военная демократия матабеле // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. С. 243—244.
- ¹⁸² *Першиц А. И.* Данничество. М., 1973; *Он же.* Начальные формы эксплуатации... С. 62; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 192.
- ¹⁸³ *East African Chiefs.* P. 134, 148—153, 198—200; *Maquet J.* Pouvoir et société en Afrique. P. 137—189; *Perلمان M. L.* The Traditional System of Stratification among the Ganda and Nyoro of Uganda // *Social Stratification in Africa.* L., 1970. P. 149—150, 158.
- ¹⁸⁴ *Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации... С. 64; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 193.
- ¹⁸⁵ Общественный строй у народов Сибири. С. 110, 259—263, 291; *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. С. 129 и сл.; *Аверкиева Ю. П.* Род и община... С. 115—116; *Она же.* Индейцы Северной Америки. С. 101 и сл. Характерно, однако, что в последнем случае исследовательница задавалась вопросом, не было ли появление описываемых ею домашних форм рабства результатом контактов между кучинами и тликиитами; у последних давно существовало рабство производственное.
- ¹⁸⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.
- ¹⁸⁷ Таковы, например, многочисленные находки эпохи раннего железа в Европе; см.: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. С. 177, 200, 279—280.
- ¹⁸⁸ См., *Морган Л. Г.* Лига Ходеносауни, или ирокезов. М., 1983; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. С. 218—240; *Попов В. А.* Ашантийский оман как вариант племенной организации // Африка. История, историография. М., 1980. С. 4—21; *Он же.* Ашантийцы в XIX в. С. 55—60 (в последнем случае особенно очевидно преобладание в этносоциальной организации военного элемента); *Rattray R. S.* Ashanti Law and Constitution. Ch. 10; *Boahen A.* The Rise of Akan // *The Middle Age of African History.* L., 1967.
- ¹⁸⁹ *Oberg K.* The Kingdom of Ankole in Uganda // *African Political Systems.* Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E. E. L., 1940. P. 121—162; *Barnes J. A.* Politics in a Changing Society. A Political History of the Fort Jameson Ngoni. Capetown etc., 1954; *Carneiro R.* A Theory of the Origin of the State // *Science.* 1970. V. 169. P. 733—738; *Crader L.* Formation of the State Englewood Cliffs, 1968.
- ²⁰⁰ *Гумплович Л.* Основы социологии. СПб., 1899. С. 192, 194.
- ²⁰¹ *Oppenheimer F.* The State: Its History and Development Viewed Sociologically. L., 1914. P. 55—81. Приложение этой теории к истории Африки см.: *Frobenius L.* Kulturgeschichte Afrikas. Wien, 1933; *Baumann H., Westermann D.* Les Peuples et les civilisations de l'Afrique. P., 1970. *Westermann D.* Geschichte Afrikas. Staatenbildungen südlich der Sahara. Köln, 1952.
- ²⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 188.
- ²⁰³ *Meggors D. J.* Amazonia: Man and Culture in a Counterfeit Paradise. Chicago, 1971. P. 109 f.
- ²⁰⁴ Такой вариант развития хорошо изучен, например, у папуасов горных областей Новой Гвинеи; см.: *Gardner R., Heider K. G.* Gardens, Environment and Society in the Central Highlands of New Guinea. Seattle, 1972.
- ²⁰⁵ См.: Исследования по общей этнографии. С. 138—139; *Harris M.* Cannibals and Kings. P. 76.
- ²⁰⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 364.
- ²⁰⁷ *Malinowski B.* Kula: the Circulating Exchange of Valuables in the Archipelagos of Eastern New Guinea // *Man.* 1920. V. 20. P. 97—105; *Idem.* Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of New Guinea. N. Y., 1961. P. 81—83.
- ²⁰⁸ Ср.: *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. С. 9—10, 314—345.
- ²⁰⁹ Этот взгляд восходит к К. Поланьи, см.: *Polanyi K.* The Economy as In-

- stituted Process. P. 260 f. См. также: Древний Восток: город и торговля. Ереван, 1973; *Renfrew C. Trade and Culture Process in European Prehistory* // CA. 1969. V. 10, N 2—3. P. 162; *Dalton G. The Economic System* // A Handbook of Method in Cultural Anthropology. Ed. Naroll R., Cohen R. N. Y., 1973. P. 463—469; *Alden J. R. Trade and Politics in Proto-Elamite Iran* // CA. 1982. V. 23. N 6. P. 628.
- ²¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 165—166.
- ²¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
- ²¹² Данный термин обозначает здесь фактически завершающий этап классовообразования. Последнее можно в широком смысле считать начинающимся со времени появления в обществе регулярного прибавочного продукта. Не вызывает, однако, сомнения, что существовало качественное различие между начальными стадиями процесса в таком широком смысле и временем, когда социальная дифференциация стала перерастать в классовую, т. е. основанную на эксплуататорских отношениях.
- ²¹³ Последний термин предложен Ю. И. Семеновым. См.: *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная революция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 115. Самая возможность существования в истории азиатского, или политарного, способа производства принимается отнюдь не всеми исследователями, ср.: *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975; *Жуков Е. М.* Социологические и исторические законы // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 5—43; *Ильин Г. Ф.* Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // ВДИ. 1983. № 3. С. 13—38.
- ²¹⁴ *Forde C. D.* Habitat, Economy and Society. L., 1934. P. 135.
- ²¹⁵ *Stirling M. W.* Historical and Ethnographic Material on the Jivaro Indians // Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bull. 117. Washington, 1938. P. 56.
- ²¹⁶ *Métraux A.* Native Tribes of Eastern Bolivia and Western Mato Grosso // Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bull. 134. 1942. P. 125.
- ²¹⁷ *Reay M.* The Kuma. P. 47—48, 84—85, 97—98, 161.
- ²¹⁸ *Lenski G. E.* Power and Privilege. A theory of Social Stratification. N. Y. etc., 1966. P. 44—46.
- ²¹⁹ *Wedgwood C. H.* Report on the Research in the Manam Island // Oceania. 1934. V. IV. N 4. P. 384.
- ²²⁰ *Львова Э. С.* Социальная структура... С. 141—143.
- ²²¹ Сводку этих данных см.: *Куббель Л. Е.* Из истории древнего Мали // Африканский этнографический сборник. V. М.; Л., 1963. С. 60—62 (ТИЭ. Т. 76).
- ²²² *Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии. С. 48.
- ²²³ *Pospisil L.* Kapauku Papuan Political Structure // Systems of Political Control and Bureaucracy in Human Societies. Ed. Ray F. N. Y., 1959. P. 21.
- ²²⁴ *Ibid.* P. 18.
- ²²⁵ *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. С. 268—270.
- ²²⁶ Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 302, 393, 406—410.
- ²²⁷ *Sahlins M.* Stone Age Economics. P. 133.
- ²²⁸ Выражение традиционных взглядов см.: *Johnson S.* The History of the Yorubas. L., 1921. P. 95. См. также: *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. С. 82—85; *Она же.* Особенности производства... С. 43—44. Взгляды Н. Б. Кочаковой на сущность традиционных поземельных отношений у йоруба и других народов этого региона недавно подверглись серьезной критике; см.: *Следзевский И. В.* Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 90—95.

- ²²⁹ *Gluckman M.* The Kingdom of Zulu in South Africa // *African Political Systems*. P. 44—46; *Schapera I.* Government and Politics... P. 99—102.
- ²³⁰ *Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии. С. 17 и сл.; *Он же.* Происхождение общественных классов на островах Тонга. С. 125; *Бутинев Н. А.* Маори. Историко-этнографический очерк // *Океанийский этнографический сборник*. М., 1957. С. 111; *Он же.* Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М., 1968. С. 132—134, 141 и сл.; *Williamson W.* The Social and Political Systems of Central Polynesia. V. III. P. 256, 354—356; *Firth R. We, the Tikopia*. P. 384, 397; *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. P. 38—39, 78—79, 72—73, 161—164; *Idem.* Moala; *Gitari J.* Structure de la chefferie... P. 653—657.
- ²³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 58.
- ²³² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 327.
- ²³³ См.: *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; *Он же.* Кочевое общество казахов в XVII—начале XX в. Алма-Ата, 1971; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. С. 290—301; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. С. 153—154.
- ²³⁴ *Khazanov A. M.* Les grandes lignes de la formation des classes dans la société primitive // *Problèmes théoriques de l'ethnographie*. Moscou, 1971. P. 71 ss.
- ²³⁵ *Harris M.* Cannibals and Kings. P. 76.
- ²³⁶ *Lenski G.* Power and Privilege. P. 132 ff.
- ²³⁷ *Spencer B., Gillen F.* The Native Tribes of Central Australia. L., 1899. P. 10; *Howitt A. W.* The Native Tribes of South-Western Australia. L., 1904. P. 293; *Marshall L.* Kung African Bands // *Africa*. 1960. V. 30. P. 325—355.
- ²³⁸ См., например: *Grace J. J.* Slavery and Emancipation among the Mende of Sierra Leone // *Slavery in Africa*. P. 417 f.; *Kopytoff I., Miers S.* Introduction. P. 59—61.
- ²³⁹ Первый из терминов принадлежит П. Кирхгофу, см.: *Kirchoff P.* The Principles of Clanship in Human Society // *Readings in Anthropology*. V. 2. P. 259—270. Он противопоставлял такой «разветвляющийся» клан собственному роду, обозначаемому им как «клан равноправных» (equalitarian clan). Второй термин — Р. Ферсу, см.: *Firth R. We, the Tikopia*. P. 345—361. По-видимому, самое удачное определение такой общественной структуры принадлежит М. Салинзу: «Неэкзогамная внутренне стратифицированная однолинейная... генеалогическая группа. Расстояние от старшей линии потомков общего предка служит критерием стратификации»; см.: *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. P. 140.
- ²⁴⁰ *Ibid.* P. 141.
- ²⁴¹ См., например: *Bohannan L.* A Genealogical Charter // *Africa*, 1952. V. 2. P. 301—315; *Vansina J.* De la tradition orale. Tervuren, 1961; *Barnes J. A.* Genealogies // *The Craft of Social Anthropology*. Ed. Epstein A. L. L., 1967.
- ²⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 171.
- ²⁴³ См., например: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 246—248.
- ²⁴⁴ *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. P. 154—174; *Idem.* The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975; *Hymes D.* Linguistic Problems in Defining the Concept of «Tribe» // *Essays on the Problems of Tribe*. Seattle, 1968. P. 23—48; *Southall A.* The Illusion of Tribe // *The Journal of Asian and African Studies*. 1970. V. 5. P. 28—50.
- ²⁴⁵ См., например: *Кабо В. Р.* [Ред. на кн.: *Fried M. H.* The Notion of Tribe] // *НАА*, 1979. N 2.
- ²⁴⁶ *Морган Л. Г.* Лига Ходеносауни, или ирокезов. С. 27—31.
- ²⁴⁷ *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. С. 230—231.
- ²⁴⁸ *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 86—87, 100.
- ²⁴⁹ Там же. С. 84—133.
- ²⁵⁰ *Морган Л. Г.* Лига Ходеносауни, или ирокезов. С. 58—61.
- ²⁵¹ *Goldenweiser A.* Iroquois Social Organisation... // *The North American Indians. A Source Book*. N. Y., 1967. P. 567—571. Следует, правда, сказать, что

- сам Морган отнюдь не переоценивал демократизм лиги ирокезов, рассматривая ее не столько как демократию, сколько скорее как олигархию, т. е. в буквальном смысле «правление немногих» (притом эти немногие стремились преградить прочим доступ к власти); см.: *Морган Л. Г.* Лига Ходеносауни, или ирокезов. С. 59, 76—77.
- ²⁵² *Потехин И. И.* Военная демократия матабеле. С. 246—248.
- ²⁵³ *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 193.
- ²⁵⁴ *Толстов С. П.* К вопросу о периодизации первобытной истории // СЭ. 1946. № 1. С. 26, 30; *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии // Родовое общество; *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5.
- ²⁵⁵ *Лащук Л. П.* О характере классовобразования в обществах ранних кочевников // ВИ. 1967. № 7; *Хазанов А. М.* «Военная демократия» и эпоха классовобразования // ВИ. 1968. № 12; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 194—195.
- ²⁵⁶ *Hecht E. D.* Der Herrscher und seine Ratgeber in Afrikanischen sakralen Konigtum // Annales de l'Afrique Centrale. N 65. Terruren, 1965. S. 208—210, 214—216, 210—214; *Gluckman M.* The Kingdom of Zulu... P. 54—55.
- ²⁵⁷ *Kubbel L. E.* Ideologie und Ritual bei der Herausbildung einer obersten Macht beim Uebergang zur frühen Klassengesellschaft // EAZ, 23 Jg. H. 1. S. 63—72.
- ²⁵⁸ *Fried M. H.* On the Evolution of Social Stratification and the State. P. 720 f.; *Idem.* The Evolution of Political Society. P. 185—226; *Service E.* Primitive Social Organisation. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1971. P. 132—169. Самый термин chiefdom впервые был употреблен в 1953 г. К. Обергом для обозначения одной из форм общественной организации у индейцев Амазонии; см.: *Oberg K.* Indian Tribes of Northern Matto Grosso. Wash., 1953.
- ²⁵⁹ См., например: *Service E. R.* Origins of the State and Civilisation. P. 93—94, 294—295; *Cohen R.* Introduction // Origins of the State. P. 16; *Rappaport R.* The Sacred in Human Evolution // Annual Review of Ecology and Systematics. 1971. V. 2. P. 37.
- ²⁶⁰ *Goldman I.* The Evolution of Polynesian Societies // Culture in History. P. 696—698; *Earle T.* Economic and Social Organisation of a Complex Chiefdom: the Halelea District, Kana'i, Hawaii, Ann Arbor, 1978; *Idem.* A Reappraisal of Redistribution: Complex Hawaiian Chiefdoms // Exchange Systems in Prehistory. L., 1977. P. 213—229.
- ²⁶¹ *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. P. 249—250.
- ²⁶² См., например: *Zahan D.* Sociétés d'initiation bambara. Le Ndomo. Le Koré. P., 1960; *Langness L. L.* Ritual, Power and Male Dominance... P. 6—11.
- ²⁶³ Народы Африки // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1954. С. 272—274; Народы Австралии и Океании // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1956. С. 451—456; *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. С. 80—81, 153—155; *Schurtz H.* Altersklassen und Männerbunde, Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. B., 1902; *Danks B. R.* On the Shell-Money of New Britain // JRAI. 1888. V. XVII. N 4; *Burger F.* Die Küsten- und Bergvölker... S. 9—15; *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee. S. 584 f.; 598 f.; *Rivers W. H. R.* The History of Melanesian Society. V. 1. P. 138 f.; *Harley G. W.* Notes on the Poro in Liberia. Cambridge, Mass., 1941; *Butt-Thompson F. W.* West African Secret Societies. Their Organisations, Officials and Teaching. L., 1929; *Dennett R. E.* The Ogboni and Other Secret Societies in Nigeria // Journal of the African Society. 1916. V. 16, N 6; *Beier U. H.* The Egungun Cult // Nigerian Magazine. 1956. N 51; *Bossche J. V.* Sectes et associations secretes au Congo Belge. Léopoldville, 1954.
- ²⁶⁴ *Миклухо-Маклай Н. Н.* Остров Вуап. Антрополого-этнографические за-

- метки из дневника // Собр. соч. в 5 томах. Т. III. М.; Л., 1951; *Он же*. Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию. Архипелаг Пелау // Там же; Народы Австралии и Океании. С. 741—742; *Аверкиева Ю. П.* Род и община... С. 18—19; *Она же*. Индейцы Северной Америки... С. 81—82; *Hickerson H.* The Feast of the Dead among the Seventeenth Century Algonkians of the Upper Great Lakes // AA. 1960. V. 62, N 1; *Idem.* Notes on the Post-Contact Origin of the Midewiwin // Ethnohistory. 1962. V. 9, N 4.
- 265 См., например: *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4; *Семенов Ю. И.* Проблема начального этапа родового общества // ПИДО. С. 209—260.
- 266 *Webster H.* Primitive Secret Societies: A Study in Early Politics and Religion. N. Y., 1968. P. 38.
- 267 См.: *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee. S. 584 f. Относительно роли имущественного фактора в деятельности меланезийских союзов см. также: *Danks B. R.* On the Shell-Money... P. 317; *Burger F.* Die Küsten- und Bergvölker. S. 11—13; *Rivers W. H. R.* The History of Melanesian Society. V. 1. P. 140—141.
- 268 Это очень хорошо определил Риверс, описывая меланезийские союзы тамате и сукве: союзы-де — сложная организация, «посредством которой приобретает богатство. А так как продвинуться в этих корпорациях могут лишь богатые или же лица, имеющие богатых друзей, организация эта служит средством закрепления и даже демонстрации социального ранга, коль скоро ранг этот зависит от обладания богатством» (*Rivers W. H. R.* The History of Melanesian Society. V. 1. P. 141).
- 269 См., например: *Monteil Ch.* Les Empires du Mali. Etude d'histoire et de sociologie Soudanaises // Bull. du Comité de Etudes Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Française. 1929. T. XII, N 3—4. P. 312; *Labouret H.* Les Manding et leur langue. P., 1934. P. 98—99; *Pollet E., Winter G.* L'Organisation sociale du travail agricole des Soninké (Dyahunu, Mali) // Cahiers d'Etudes Africaines. 1968. V. VIII, N 32.
- 270 *Burger F.* Die Küsten... S. 11.
- 271 *Hecht E. D.* Der Herrscher... S. 216—217.
- 272 *Ibid.* S. 31—32.
- 273 *Кобищанов Ю. М.* Системы общинного типа // Община в Африке. Проблемы типологии. С. 254—260; *Он же*. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982. С. 145—149. Едва ли можно, однако, согласиться с тезисом исследователя о том, что «каста может рассматриваться как модификация родовой общины, утратившей более чем наполовину свое прежнее социально-экономическое содержание... но во многом сохранившей родовую форму».
- 274 Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 126.
- 275 Ср. различные определения понятия «каста»: *Кобищанов Ю. М.* Системы общинного типа. С. 256; *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971. С. 37 и сл.; *Leach E. R.* Aspects of Caste in South India, Ceylon and Pakistan. Cambridge, 1960. P. 6; *Maquet J.* Pouvoir et Société en Afrique. P., 1970. P. 148; *Vaughan J. H.* Caste Systems in the Western Sudan // Social Stratification in Africa. P. 62; *Todd D. M.* Caste in Africa // Africa. 1977. V. 47, N 4.
- 276 *Maquet J.* The Premise of Inequality in Rwanda. A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. L., 1961; *Idem.* Rwanda Castes // Social Stratification in Africa. P. 93—122.
- 277 *Марегина С. А.* Община у горных народов Ассамы. С. 24—25, 35—38.
- 278 Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 126.
- 279 *Итс Р. Ф., Яковлев А. Г.* К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. С. 106.

- ²⁸⁰ *Landtman G.* The Origin of the Inequality of the Social Classes. Chicago, 1938. P. 64—65.
- ²⁸¹ См., например: Народы Австралии и Океании. С. 463—464; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. С. 87; *Mackenzie M.* Mana in Maori Medicine // The Anthropology of Power. P. 48—50; *Seaton S. L.* The Early State in Hawaii. P. 276—277.
- ²⁸² *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964. С. 337; *Firth R.* The Analysis of Mana: An Empirical Approach // Journal of the Polynesian Society. 1940. V. 49. P. 483—510; *Lane R. B.* Power Concepts in Melanesia and North-Western North America // Anthropology of Power. P. 370—373.
- ²⁸³ *Hogbin H. I.* Transformation Scene... P. 144—145.
- ²⁸⁴ *Gluckman M.* Custom and Conflict in Africa; *Idem.* Order and Rebellion in Tribal Africa; *Turner V. W.* Schism and Continuity in an African Society: A Study of a Ndembu Village. Manchester, 1957; *Middleton J.* Lugbara Religion: Ritual and Authority Among an East African People. L., 1960. См. также: *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М., 1977. С. 112—125; *Lombard J.* L'Anthropologie britannique contemporaine. P., 1972. P. 200—209.
- ²⁸⁵ Как раз этот момент не учитывает, по-видимому, Л. С. Васильев, когда говорит о «приобретении божественного статуса» именно правителем вожинства; см.: *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 37.
- ²⁸⁶ *Harris M.* Cannibals and Kings. P. 78.
- ²⁸⁷ *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. С. 346; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История... С. 195.
- ²⁸⁸ *Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография. С. 261—264.
- ²⁸⁹ *Морган Л. Г.* Древнее общество.
- ²⁹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170.
- ²⁹¹ Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 129; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. С. 196.
- ²⁹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170—171.
- ²⁹³ См.: *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство и феодальное государство в Норвегии в X—XII вв. // Средние века. XX. М., 1961. С. 13, 25, 27; *Неусыгин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале Западной Европы раннего средневековья) // ВИ. 1967. № 1. С. 70, 81; *Колесницкий Н. Ф.* К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // ПИДО, С. 635.
- ²⁹⁴ *Кочакова Н. Б.* Города-государства йоруба. С. 134—167; *Herskovits M. J.* Dahomey... V. II; *Akinjogbin J. A.* Dahomey and its Neighbours, 1708—1818. Cambridge, 1967. P. 110—117.
- ²⁹⁵ См., например: *Кобищанов Ю. М.* «Полудье» в Тропической Африке // НАА, 1972. № 4; *Куббель Л. Е.* Верни Ловетт Камерон и его экспедиция // Камерон В. Л. Пересекая Африку. М., 1981. С. 7.
- ²⁹⁶ *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. P. 240—242; *Idem.* The State, the Chicken and the Egg or What Came First? // The Origins of the State. P. 37; *Price B.* Secondary State Formation: An Explanatory Model // Ibid. P. 179—184.
- ²⁹⁷ *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ. 1966. № 8. С. 94.
- ²⁹⁸ *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна... С. 39. См. также: *Мартин Ю. В.* Основные типы общины в Индонезии. С. 348.
- ²⁹⁹ *Семенов Ю. И.* О стадийной типологии общины. С. 84.
- ³⁰⁰ Там же.
- ³⁰¹ *Childe V. G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. V. 21, N 2; *Idem.* Man Makes Himself. L., 1956.
- ³⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 465.

- ³⁰³ История Древнего Востока. С. 139, 167.
- ³⁰⁴ Там же. С. 139. См. также: *Дьяконов И. М.* О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. 1950. № 2; *Он же.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973; *McAdams R.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; *McAdams R., Nissen R.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago; L., 1972.
- ³⁰⁵ Ср., например: *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества // VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. Док. археологов СССР. М., 1966; *Он же.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977; *Гуляев В. И.* Города-государства майя (структура и функция города в раннеклассовом обществе). М., 1979.
- ³⁰⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 470.
- ³⁰⁷ *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города. С. 31—32; *McAdams R., Nissen R.* The Uruk Countryside. P. 87.

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В любом человеческом обществе, на каком бы уровне развития оно ни находилось, каждое новое поколение людей, прежде чем стать его полноправными и полноценными членами, должно овладеть накопленной предшествующими поколениями культурой, в том числе соционормативной, пройти определенные этапы включения в систему общественных отношений.

Этот процесс в этнографической науке, социологии, социальной психологии принято называть социализацией и (или) инкультурацией.

По наиболее распространенной точке зрения, термины «социализация» и «инкультурация» — синонимы. Есть также мнение, наиболее четко сформулированное М. Мид, что термином «социализация» следует обозначать процесс усвоения индивидуумом норм поведения, общих для вида *Homo sapiens*, тогда как «инкультурация» — это усвоение культуры того этноса, к которому принадлежит человек¹. В дальнейшем изложении мы, следуя за подавляющим большинством авторов, будем употреблять термины «социализация» и «инкультурация» как синонимы. Отметим также, что социализация, как вообще, так и в частности в первобытном обществе, имеет две стороны. Она включает в себя и социально контролируемые целенаправленные воздействия на личность (воспитание), и ненамеренные спонтанные воздействия, в результате которых индивид приобщается к культуре, становится пригодным к выполнению различных социальных ролей. В первобытную, как и в последующие эпохи социализация детей — необходимое средство межпоколенной трансмиссии культуры².

В связи с тем, что в предшествующих двух томах серии не было специальных глав о социализации и этот вопрос или вообще не затрагивался, или затрагивался весьма кратко среди множества других тем, в данной главе говорится о социализации не только в эпоху разложения первобытного общества. В качестве предварения этот процесс в меру необходимости рассматривается и для предшествующих исторических периодов.

О социализации в эпоху становления первобытного общества трудно сказать что-либо определенное, так как для этого времени не имеется этнографических аналогов. Можно лишь предполагать, что воспитание и обучение подрастающего поколения у архантропов во многом напоминало этот процесс у высших животных. У них в отличие от низших животных необходимые для жизни навыки в значительной степени приобретаются не наслед-

ственно, а вырабатываются в процессе наблюдения за взрослыми животными, подражания им, в особенности в играх, при обучении взрослыми своего потомства³.

Скорее всего и в коллективах формирующихся людей дети и подростки осваивали необходимые для жизни навыки, наблюдая за деятельностью взрослых: изготовлением орудий труда, охотой и сбором съедобных растений и т. д. Имитируя эту деятельность в играх, дети готовились к жизни охотников и собирателей.

В формирующемся человеческом обществе при неразвитости у архантропов и палеоантропов членораздельной речи роль звуковой коммуникации в процессе инкультурации, как думается, была невелика. Вряд ли можно сомневаться и в том, что на этой стадии не существовало формального обучения.

И много позднее, в ранне- и позднепервобытных общинах неолитов, обучение обычно было неформальным. Ведущую роль в нем играли не словесные поучения, а самостоятельное наблюдение за действиями и поведением взрослых с последующим подражанием им. Именно так, например, осуществлялась социализация в ранне- и позднепервобытных общинах негритов и атапасков Американской Арктики и Субарктики, у ягуа тропической Америки. Иногда такой тип инкультурации сохранялся позднее — уже в эпоху классового образования, скажем, у квакиютлей северо-западного побережья Северной Америки, хауса, фульбе и йоруба Западной Африки⁴. И в первобытной (родовой) общине, и в эпоху классового образования процесс социализации проходил несколько этапов, в одних обществах неформальных, а в других, напротив, строго формализованных.

После этих предварительных замечаний обратимся к нашей теме, т. е. к механизмам социализации в эпоху разложения первобытного общества и классового образования. Эти механизмы были различны на разных стадиях, которые проходил процесс социализации. Поэтому и рассматривать их целесообразно в отдельности для различных периодов жизни подрастающего поколения.

Младенчество

Во многих обществах младенец считался еще не вполне человеком. Пожалуй, наиболее ярко выраженным такое представление было у некоторых народов Африки. Так, у венда Трансвааля (провинция ЮАР) ребенка до появления зубов не признавали за человека и относили его к категории вещей. «Он еще не человек, он — вода», — говорили венда. Умершего младенца не оплакивали. У ламба Замбии младенец также считался подобным воде и не признавался человеком до истечения лунного месяца после рождения. У догон Западного Судана развитие от зачатия до рождения ребенка представлялось как период движения от «мифического прамира к людскому обществу». Развивающийся плод, как

считали догоны, был подобен рыбе, а новорожденного соответственно сравнивали с живой рыбой⁵.

С этими широко распространенными в первобытном обществе, особенно на последней фазе его развития, представлениями о «предчеловеческом» этапе в развитии детей, видимо, связан обычай давать имя ребенку не сразу после рождения, а спустя некоторое время. Этот промежуток между рождением и наречением мог длиться от нескольких дней (у сога и киси Африки, хиваро Южной Америки, хопи и квакиютль Северной Америки) до полугода или даже нескольких (пяти-шести) лет (у кубео Южной Америки, северных якутов)⁶. Какое-то время после рождения у младенца не было не только имени, которое бы определило его место среди людей, но, как считалось, и души. Чтобы он приобрел ее, в некоторых обществах применяли специальные приемы. Например, хиваро давали младенцу в возрасте нескольких дней мягкий галлюциноген с целью помочь ребенку «увидеть» и приобрести душу «арутам», обладание которой, по верованиям хиваро, защищает ее обладателя от насильственной смерти и вредоносной магии⁷.

В начальный период жизни ребенок считался особенно беззащитным перед злыми духами, обитателями того мира, который он недавно покинул. В возникновении такого представления, вероятно, сыграла немалую роль большая смертность младенцев в первобытном обществе.

По мнению северных якутов, новорожденному в первые дни его жизни угрожали многочисленные злые духи. Для отпугивания их под подушку ребенка клали нож в ножнах, подвешивали над люлькой блестящие предметы: серебряные пластины, ложки, серьги. Новорожденному вместо имени давали какую-нибудь кличку, которая должна была обмануть злого духа. Чаще всего с этой целью пользовались собачьими кличками. Ребенка называли по имени только в возрасте трех лет.

Во многих семьях, чтобы обмануть злого духа, старшие сестры и братья называли младших сестер — братьями, а братьев — сестрами. Иногда родители прокалывали мальчикам уши и вставляли серьги, чтобы черт подумал, что это девочка и оставил ребенка в покое. В первые дни жизни ребенка не показывали посторонним, боясь людей с «дурным глазом»⁸.

В процессе социализации наречение имени ребенку играло большую роль. Имя включало ребенка в родовую организацию и могло определять его положение в ней. Нередко и в эпоху родовой общины, и в эпоху ее разложения ребенок, подросток получал по различным поводам несколько имен. «Многочисленные имена одного человека были своего рода координатами, позволяющими точно определить его место в семье, его положение в роде, в частности его связи с предками»⁹.

Выше уже отмечалось, что у некоторых народов младенец до

появления зубов, истечения лунного месяца или другой временной границы не признавался человеком. У некоторых народов, например конго Африки, такой границей между «предчеловеческим» и человеческим существованием ребенка и было наречение. По предательствам конго, до получения имени младенец — не человек, а кимпитау — гусеница или куколка бабочки¹⁰. Лишь с получением имени ребенок, по взглядам конго, становится человеком. Такой взгляд вполне естествен в обществе, в котором имя указывает на место человека в социальной структуре.

Кроме того, у конго имя могло указывать, что человек прошел через обряды посвящения в тайное общество кимпари. У йоруба одно имя человека отражало обстоятельства его рождения (иге — появившийся ногами вперед), другое — принадлежность к семье вождя или племенной знати (имена со словами *олу* — «вождь», *ойе* — «титул»), третье указывало на родовую принадлежность ребенка и т. д.¹¹ У квакнютль первое имя, которое давали ребенку в возрасте 4 дней, не указывало на общественное положение. В возрасте одного года, когда ребенок начинал ходить, ему давали еще одно имя из набора имен, принадлежавших патриархальной семье, к которой относились его родители¹².

У тлинкитов человек мог иметь два имени: с материнской и отцовской стороны. Первое имя давалось сразу после рождения матерью или родственниками по материнской линии. Мальчика нарекали именем кого-либо из умерших родственников, отличавшегося храбростью. Второе имя давалось значительно позднее, во время больших поминков по какому-либо родственнику со стороны отца, хотя бы он ничем не был знаменит. Дети бедных людей, у которых не было средств устроить такие поминки, не имели второго имени, напротив, богатый (вождь) мог дать второе имя своему сыну сразу после рождения, но с обязательством устроить потом большие поминки¹³.

Такое различие в наречении детей бедных и богатых членов общины отражало неравномерность перехода от материнскородовых к патриархальным отношениям. Известно, например, что в традиционном тлинкитском обществе брак у рядовых общинников был матриликален, а в среде вождей практиковались патрилокальные браки. У них же прослеживались тенденции к патрилинейности счета происхождения и наследования¹⁴. Для богатых обряд наречения становится средством накопления имущества в интересах ребенка. У квакнютль, когда ребенку давалось первое имя, устраивали потлач. При этом ожидалось, что в течение года гости вернут ребенку удвоенную стоимость полученных ими подарков и это заложит основу его личного богатства.

Так в эпоху классовообразования в важном элементе социализации — наречении имени ребенку проявляются различия между богатыми и бедными семьями, вождями и рядовыми общинниками.

В некоторых обществах в период начавшегося разложения первобытного общества утрачивался четкий порядок паречения детей. Например, у хиваро в одних семьях отец давал имя и сыновьям и дочерям, в других отец давал имя сыновьям, мать — дочерям. Имя ребенку своего пола могут также давать отец отца и мать матери. Обычно ребенку давали имя умершего родственника из поколения родителей или дедов, сыну — имя родственника, который много работал и убил врагов, девочке — имя женщины, уважаемой за трудолюбие¹⁵. Имена нередко являлись названиями животных и особенно птиц, иногда не имели никакой смысловой нагрузки.

О маленьком ребенке чаще всего заботились, кроме матери и отца, старшие братья и сестры младенца, а также нередко другие родственники, проживавшие в том же доме. Особое внимание обращалось на то, чтобы научить их ходить, им прививают правила гигиены, предостерегают от опасностей.

У одних племен мать постоянно носила младенца с собой, у других мать, уходя на огород или еще куда-то, оставляла ребенка на попечение других членов семьи. Например, у квакиютлей ребенка до одного года, когда он начинал ходить, держали припеленутым к твердой кедровой доске-колыбели, которую мать постоянно носила с собой. Раз в день младенца мыли.

У хопи юго-запада США о новорожденном заботились мать и сестры отца. Несколько дней комату держали затемненной. Ребенка мыли и делали присыпку золой. На 12-й день, когда совершался обряд наречения, ребенка выносили на солнце. Первый год дети были около матери. Когда ребенок достигал года и начинал ходить, от колыбели отказывались. Детей часто выносили на воздух их старшие братья и сестры, присматривавшие за ними. Дети ели, где, когда и что хотели. Их учили послушанию, им внушали, что опасны высота, огонь, нарушение запретов¹⁶.

У хиваро Эквадора через две недели после родов женщина возобновляла работы на огороде. Если в семье была дочь четырех лет или старше, мать поручала ей присмотр за грудным ребенком. Если он плакал, девочка брала его на руки и пела ему колыбельные песенки. В них она призывала мать скорее вернуться и покормить дитя. Другие кормящие матери домохозяйства (у мужчины часто две или несколько жен) не предлагали молока ребенку. Если у матери было мало молока, она кормила ребенка разжеванным маниоком. Ребенка иногда кормят грудью до 6 или 7 лет. Часто мать кормила грудью сразу двух детей — младшего и старшего¹⁷.

Чтобы обучить детей ходить, у многих народов применяются специальные приемы и устройства. Так, у сога Уганды к коленям ребенка подвязывали колокольчики. Их звук нравился ему, и это побуждало его двигаться. У хиваро, чтобы научить ребенка ходить, отец делал поручень около кровати матери.

С раннего возраста детям прививались и нормы гигиены. Например, у хиваро детей поощряют мыть руки и мыться. Им говорили, что если они не будут мыть руки перед едой, они не будут расти. Девочкам дополнительно говорили, что если они не будут мыть руки перед приготовлением еды или напитка, пища и питье получатся плохими. Маленьких детей приучали купаться, чтобы это помогало им позднее научиться хорошо плавать¹⁸.

Детство

Процесс инкультурации детей имел некоторые различия у разных народов, зависевшие во многом от того, насколько из состава общины выделилась большая или малая семья. При слабой степени такого выделения социализация носила преимущественно не семейный, а общинный характер. При этом большую роль в процессе социализации могли играть различные формы общения детей и подростков. В определенные возрастные периоды они в некоторых обществах даже играли ведущую роль в процессе социализации. Как замечает советский исследователь М. В. Осорина, группы сверстников «являются чрезвычайно важным фактором социализации ребенка и удовлетворяют его растущие социальные потребности: в общении, в информации, в совместной деятельности и т. д., формируя чувство принадлежности, столь необходимое для становления личности как члена общества».

Одной из важнейших форм этого общения были игры. Во время их не только усваивались необходимые для будущей жизни различные умения и трудовые навыки. В игре, как отмечает И. С. Кон, формировались «общие навыки социального поведения, специфические системы ценностей, ориентация на групповые или индивидуальные действия и т. п.»¹⁹

В отповскородовой общине ягуа едва ребенок начинал ходить, мать поручала его заботам остальных детей общины, составлявших свой особый коллектив. Старшие дети, а не родители учили младших говорить, плавать, стрелять из игрушечных стрелометательных трубок сарбаканов, знакомили с окружающей природой. Совместные игры детей разного возраста были основной формой социализации.

Родители не вмешивались в этот процесс, пока не происходило что-либо чрезвычайное (например, болезнь ребенка). В остальном детей поощряли учиться на собственном опыте, даже если последствия этого опыта оказывались болезненными или неприятными. Например, исследователь ягуа П. Фехос обратил внимание отца трехлетней девочки на то, что она принялась играть с гнездом муравьев. Однако отец не остановил девочку и спокойно ждал, пока ее покусает муравья. Взрослые только предупреждали детей, чего им следует избегать. Например, мужчина, убив ядовитую змею, собирал детей общины и показывал ее им, объяс-

няя, что она опасна. Это единственный вид коллективного обучения детей ягуа взрослыми.

Родители принимали активное участие в воспитании детей с 6—8-летнего возраста, когда мальчики начинали сопровождать взрослых на охоту, а девочки — помогать матерям по хозяйству. При этом физические наказания как метод воспитания совершенно не применяются; если детей бранят, то без крика. Когда дети совершают плохие поступки, ягуа говорят: «Дети малы и не знают, как поступить лучше»²⁰.

У ягуа мальчиков и девочек приучали гордиться тем, что родители звали их помогать в различных делах. Детей прямо не хвалили, но в их присутствии родители говорили друг другу, что их сын или дочь сделали по хозяйству за день, и так повторялось изо дня в день. Дети постепенно привыкали все более активно участвовать в труде общины, и к наступлению зрелости они были вполне готовы занять место взрослых членов общины с их правами и обязанностями.

Юноши у ягуа по достижении половой зрелости не подвергались никаким испытаниям и не проходили каких-либо обрядов. Только взрослый (по размерам) сарбакан и посох указывали, что юноша стал мужчиной.

Девушка в период менструации изолировалась на 10 дней в специальной хижине и соблюдала некоторые пищевые запреты. На 10-й день она мылась в реке и возвращалась к обычной жизни в хижине.

Лишь у отдельных народов детская группа продолжала играть большую роль в процессе социализации и в период далеко зашедшего экономического обособления малой семьи в составе общины. Но детская группа в таких условиях приобретала новые черты. Из коллектива для игр она во многом становилась автономной, хотя и не формализованной, экономической группой в составе общины. У ятмул среднего течения р. Сеник (Папуа — Новая Гвинея) общинная социализация, когда дети селений или какой-то его части действовали в составе единой группы, сочеталась с семейной, когда они работали в интересах своих семей, помогая родителям. Инкультурация осуществлялась неформально через наблюдение и подражание детей поведению взрослых. Как писал А. Чаунинг: «Многому ребенок научается, когда он просто следует за взрослыми и отчасти развлечения ради наблюдает за ними и пытается сам что-то сделать»²¹.

Дети у ятмул очень рано начинали участвовать в хозяйственной деятельности. Большинство работ производилось вне хижины на открытом воздухе, и дети по мере сил и умения принимают в них участие. Сначала они помогали при простейших трудовых операциях, например сплетая шнурки, используемые при изготовлении сумок. Постепенно дети научались делать плетеные сумки от начала до конца. Так, помогая в работе взрослым, они

осваивают трудовые процессы, состоящие из нескольких операций.

Многие виды деятельности, такие, как охота или ловление рыбы, осваивались во время игр. Играя, например, в охоту, дети приобретали необходимые навыки и умения. Постепенно игры, имитирующие трудовую деятельность взрослых, все больше сменялись настоящей работой.

Очень рано, с четырех-пятилетнего возраста, дети начинали выполнять различные поручения, например собирали хворост, использовались как посыльные. До 7-летнего возраста на детей не распространялось половозрастное разделение труда, в соответствии с которым в обществе ятмул изготовление рыболовных снастей, лов рыбы и меновая торговля — женское занятие, а постройка домов, лодок, разбивка огорода и ряд других сельскохозяйственных работ — мужское.

Маленькие дети, мальчики и девочки, проводили больше времени с матерью, а не с отцом, помогали ей в повседневных делах. Половое разделение труда у подростков складывалось в основном к 14 годам. Девочки в этом возрасте были способны выполнять любую женскую работу. Юноши в состоянии выполнять любую мужскую работу с 18 лет, так как постройка дома, лодок и некоторые другие мужские занятия требовали значительной физической силы.

Хронометраж работы подростков показал, что 12-летняя девочка работала в среднем 3 часа в день, а 17-летний юноша — 4,5 часа. Для сравнения отметим, что взрослый в селении ятмул Палимбей трудился в среднем 40 часов в неделю. Примерно половину времени дети делали что-то для себя, а другую — для родителей и других членов своей семьи и общины.

Рассказывая швейцарской исследовательнице Флоренс Вайс о своем времяпровождении, дети ятмул из общины Палимбей не подразделяли свое время на работу и отдых, на время, потраченное на себя и на выполнение поручений взрослых. Когда дети и подростки помогают родителям или другим взрослым, они делают это, как правило, по своей инициативе, без всякого нажима со стороны последних.

Работая для себя, дети имели свободный доступ к земле, воде и к сырьевым ресурсам окружающей селение местности. Правда, обрабатываемые земли были разделены между членами родов, живших в селении, но имелось достаточно свободных необрабатываемых земель, на которых мальчики, начиная с 5-летнего возраста, разбивали крошечные огороды, где сажали преимущественно сладкий картофель. Девочки ловили рыбу. Часто дети из какой-то части селения объединялись в группу и отправлялись вместе собирать съедобные плоды.

Большую часть добытой пищи (урожай со своих огородов, пойманную рыбу, найденные в лесу плоды) дети съедали между

основными трапезами, пищу для которых готовили их матери. Меньшую часть самостоятельно добытых продуктов питания они отдавали своим родителям. При этом родители не могли сами взять то, что дети принесли домой, например пойманную рыбу, а должны были ждать, когда дети сами поделятся с ними, или же попросить на это разрешения у своего сына или дочери. Этот порядок распространялся не только на пищевые продукты, но и на принесенное детьми в дом сырье для каких-либо поделок. Если дети приносили что-нибудь (пищу или сырье) не родителям, а более дальним родственникам, то они рассчитывали, что последние раньше или позже отдадут их чем-то.

Исходя из всего вышесказанного, Ф. Вайс утверждает, что дети в общине ятмул образовывали во многом автономную экономическую группу²². Нам думается, что эта группа играла важную роль в социализации детей у ятмул.

Возможно, с этой экономической самостоятельностью детей была связана и их большая независимость в отношениях с родителями. Например, Ф. Вайс была свидетельницей того, как девятилетняя девочка, которой надоело заботиться о младшей сестре, ушла из дома и несколько недель жила у своей бабушки. Этим она поставила свою семью в трудное положение, так как ее мать не могла отлучиться из дома, чтобы наловить рыбы, пока не нашла временную помощницу по уходу за младшей дочерью. И тем не менее в разговоре с Ф. Вайс мать не только не осуждала старшую дочь, но пояснила, что поведение той вполне нормально и она сама поступала в детстве подобным образом²³.

В целом в эпоху классового образования общинная социализация, насколько можно судить по этнографическим данным, нередко утрачивала прежнее большое значение. Семья в значительной степени обособлялась в составе общины, и соответственно социализация происходила преимущественно не в общине, а в семье, чаще всего патриархальной, будь то у высших охотников и рыболовов, скотоводов или земледельцев. При этом значение группового общения детей как фактора социализации уменьшалось по сравнению с предшествующей эпохой. Исключение в этом плане представляли наиболее крупные патриархальные семьи, бытовавшие до недавнего времени или сохраняющиеся до сих пор, например у народов Нигерии. В большинстве же обществ в процессе социализации резко возрастала роль семьи как института социализации.

У некоторых народов, находящихся на стадии поздней первобытной общины, взрослые не только не считали игры детей средством инкультурации, а напротив, препятствовали играм и стремились к относительной изоляции детей своей семьи от их сверстников из других семей. Так, у хиваро взрослые не одобряли игр детей, так как считали, что это ведет к уклонению от работы. Шутки между детьми также не одобрялись. Если дети

пытались играть, родители их останавливали, особенно если дети разного пола играли вместе.

Одна из наиболее характерных черт социализации у хиваро — относительная изоляция детей от их сверстников за пределами полигинной семьи в связи с тем, что домохозяйства располагались в лесу на большом расстоянии друг от друга. В каждом домохозяйстве чаще всего была одна семья: муж, его жены и дети. Эта изоляция воспитывала чувство отчужденности от остальной части племени. Кроме того, в традиционных поучениях, которые по утрам отцы делали своим детям, также содержались предостережения относительно общения с чужими людьми. Рассредоточение населения в маленьких домохозяйствах на большой площади имело своим следствием плохую информационную связь между ними. Это наряду с другими причинами порождало непонимание, подозрительность, враждебность в отношениях между членами разных семей, что оказывало существенное влияние и на взаимоотношения детей²⁴.

Порядки хиваро — это редкий случай воспитания отчужденности между детьми из разных семей, связанный с постоянными военными конфликтами между отдельными домохозяйствами. Но и в целом на последнем этапе развития первобытного общества уменьшилась по сравнению с предшествующим периодом роль сверстников как фактора социализации и соответственно возросла роль взрослых в процессе социализации нового поколения. Так, у находившихся на этом этапе северных якутов или, скажем, индейцев атапасков велико было значение семьи как института социализации.

У северных якутов-оленовладельцев дети не были изолированы от взрослых, а напротив, постоянно находились под присмотром кого-либо из старших членов семьи, так как большую часть года проводили в чуме. От детей ничего не таили и, по возможности, ни в чем не ограничивали, физические наказания (порка, лишение еды) почти не применялись. Грубое или жестокое обращение с ребенком осуждалось обычаем. Таким образом, если пользоваться терминологией, предложенной И. С. Коном, для северных якутов был характерен заботливо теплый эмоциональный тонус отношения родителей и других старших членов семьи к детям²⁵.

Родители, родственники, гости обычно уделяли детям много внимания: мастерили им игрушки, рассказывали сказки. О младших детях обычно заботились их старшие братья и сестры.

В социализации детей, подготовке к выполнению различных социальных ролей, в усвоении трудовых навыков и т. д. было велико значение игр. Почти все детские игры были связаны с охотой, оленеводством, промысловым бытом. И мальчики, и девочки получали от родителей в подарок миниатюрные фигурки

оленей, расставляя которые, дети играли в охоту, «выпасали» стадо и т. д. Для детей делали также маленькие фигурки гусей и собак, модели нарт, долбленок, детских колыбелей, куклы из сучка, обшитого тряпками, кукольные постельные принадлежности.

Девочки нянчились с куклами. Мальчики 4—5-летнего возраста занимались «охотой» с детским луком размером от 30—40 см до 1 м. Они пускали тупые стрелы в стволы деревьев, оленей и собак, постепенно приобретая навыки быстрой и меткой стрельбы. Распространенной детской игрой было накидывание арканов на бродящих около жилья оленей, а за отсутствием их — на ветви деревьев, на собак или друг на друга. Чтобы подкрасться к чуткому оленю, не подпускающему к себе близко, дети старались незаметно перебежать от дерева к дереву, прятаясь за кочки и другие предметы. Обычно для этих игр использовался настоящий аркан. Во время перекочевок мальчики постарше объезжали молодых оленей.

В период полярной ночи дети много времени проводили около костра, подбрасывая в него поленья, поправляя их, сгребали угли и т. д. Девочки готовили для кукол еду. Дети копировали празднества взрослых: играли в свадьбу, устраивали состязания, например меряясь силой. Игры большим коллективом, как правило, не проводились, так как в стойбище обычно было небольшое число семей и, следовательно, немного детей.

Детей рано приучали к труду. В основном это был индивидуальный труд в семье.

С 6—7 лет девочек учили шить, они начинали помогать матери в приготовлении пищи, в уборке жилища, его сборке и разборке, упаковке имущества при перекочевках, в уходе за младшими братьями и сестрами. С 12—13 лет девочки выделывали оленьи шкуры, шили одежду, обувь, вышивали бисером. С этого возраста им поручались и тяжелые работы — рубка дров, подвозка льда. Девушки иногда заменяли отца и братьев при выпасе оленей.

Мальчики 8—10 лет получали маленький поз, им поручали ставить петли на зайца. Иногда они принимали участие и в охоте взрослых мужчин. Если мальчик успешно охотился, рос его авторитет в семье и взрослые снисходили до совета с ним. За успехи хвалили, а за лень, упрямство и другие недостатки порицали и вышучивали: провинившиеся получали обидные прозвища, например «урахалаах» — «последний олень в караване». Воздействуя па самолюбие ребенка, родители добивались ревностного отношения к промыслу. «Сознательно передавая свой хозяйственный опыт детям, родители бессознательно внушали им и свои представления о мире, обычаях, верованиях»²⁸.

Детям внушался кодекс поведения, включавший много запретов, большинство которых касалось или промысла, или поведе-

ния с другими людьми: запрещалось смотреть вслед уходящему на охоту, чтобы «не спугнуть зверя», запрещалось кричать в лесу, перебивать взрослых и т. д. Представления о мире, о добре и зле дети усваивали, наблюдая промысловые обряды, камлания шаманов, слушая сказки, в которых осуждались жадность, воровство и другие пороки. Так дети северных якутов постепенно усваивали хозяйственные навыки, нормы поведения, духовную культуру и без формализованных возрастных переходов становились постоянными и полноправными членами общества.

У другой северной этнографической группы — атапасков Канады и Аляски, в силу экологической обстановки не перешедших к производящему хозяйству и относящихся к хозяйственно-культурному типу высших охотников, социализация также происходила главным образом в семье. Учителями являлись родители, деды и бабушки, старшие братья и сестры. При этом, как подчеркивают большинство исследователей, социализация осуществлялась в значительной степени не путем словесного обучения, а посредством имитации. Подражая, дети приобретали основные культурные навыки взрослых, усваивали моральные ценности общества.

С детьми у атапасков обращались ласково, редко наказывали или заставляли действовать против воли, особенно редки были телесные наказания. Они применялись, если дети медленно усваивали нормы социального поведения.

Большое внимание уделялось трудовому воспитанию. Мальчики рано начинали сопровождать отца или старшего брата в охотничьих поездках. К 10—12 годам мальчики должны были иметь опыт охотника. В племенах атапасков первая добыча мальчика отмечалась празднеством, на которое отец мальчика приглашал гостей. В связи со строгим разделением детей по полу девочка с раннего детства была тесно связана с матерью и ее деятельностью по ведению домашнего хозяйства. Она помогала матери готовить пищу, обрабатывать впрок мясо и рыбу, выделывать кожу, шить одежду, собирать ягоды. По мере взросления девочки все в большей степени заботились о младших братьях и сестрах²⁷.

Наступление зрелости у мальчиков в большинстве групп атапасков не сопровождалось особыми обрядами, хотя этот период считался очень важным и оказывающим влияние на всю последующую жизнь. В это время юноша должен был лишь соблюдать небольшие запреты. В некоторых группах атапасков практиковались, хотя и в редуцированном виде, обряды инициации мальчиков. О них, а также об обрядах и обычаях, связанных с наступлением половой зрелости девушек, будет сказано отдельно в разделе об инициациях.

На более позднем этапе разложения первобытнообщинных и

становления классовых отношений, чем вышерассмотренные племена, находились ифугао острова Лусон (Филиппины). Основой их хозяйства было интенсивное поливное земледелие (выращивание риса) на горных террасах. К началу XX в. ифугао, по определению их исследователя М. В. Станюкович, находились на стадии возникновения имущественного неравенства, в их среде выделялась «феодализирующаяся» верхушка²⁸.

Большая семья у ифугао, как и в рассмотренных обществах, также являлась важным очагом социализации, но у них имелись свои особенности²⁹. Как только ребенок немного подрастал, основная забота о нем ложилась на его братьев и сестер (туланг). Туланг выполняли свои обязанности по уходу за младшими братьями и сестрами с шести-семилетнего возраста. Переход из младшей возрастной группы в более старшую происходил по достижении ребенком четырех-пяти лет. С этого времени девочки начинали носить юбки, а мальчики — набедренные повязки. С этого же возраста мальчики и девочки ночевали не дома, а в домах молодежи — мужских и женских агамангах. При этом дети были свободны в выборе агаманга и нередко переселялись из одного в другой. Но в основном дети выбирали себе агаманги, расположенные в той же долине, где в селении жили родители.

В агамангах жили не только дети, но также девушки и юноши, вдовы и холостые мужчины. При этом в мужском агаманге жили только мальчики и подростки, юноши, также взрослые мужчины приходили сюда на время днем, а ночевали чаще в женских агамангах, где у них обычно были любовницы.

Агаманги — важные очаги социализации у ифугао. При этом их функции никоим образом не ограничивались половым просвещением. Здесь же мальчики и девочки узнавали от старших верования и мифы своего народа, знакомились с нормами обычного права и т. п.

Переселение детей в агаманг не означало их отрыва от семьи. Именно с этого времени дети начинали приобщаться к трудовой деятельности в семье. Мальчики учились строить террасы для земледелия, оросительные системы, вскапывать поля, охотиться. Учились они и военному делу. Девочки учились ухаживать за посевами, полоть, собирать урожай. Все эти навыки мальчики и девочки приобретали, сопровождая своих отцов и матерей во время трудового дня. В свободное от работы время родители (обычно отец) и старшие родственники знакомили детей с историей семьи, генеалогией, рассказывали о кровных врагах семьи и советовали не дружить с их детьми.

Многие дети узнавали сами, наблюдая за жизнью взрослых. Дети допускались всюду, в том числе и на обряды жертвоприношений. Они видели и слышали все и так приобретали основную часть своих знаний и навыков.

Заметная роль в социализации принадлежала играм. Например, мальчики играли в «поход за головами», девочки — в ткачих и т. д. При этом ядро каждой группы детей составляли родственники одного пола и примерно одного возраста.

Характерная черта социализации ифугао — большая самостоятельность и независимость детей в обществе. Наказания, особенно физические как прием воспитания были очень редки. Применяли их в основном матери. Если ребенок делал что-то опасное или запретное, его обычно не наказывали, просто говорили «плохо» или «табу». Большая независимость детей, отсутствие страха перед наказанием способствовали развитию личной инициативы, которая очень ценилась и всячески поощрялась взрослыми. Вместе с тем в детях воспитывалось чувство принадлежности к семье, взгляд на нее как на высшую ценность.

Итак, у ифугао имелись два основных института социализации: большая семья, включая сюда и группу родственников-сверстников, и агаманг. Каждый из этих институтов имел свои функции, но в некоторых случаях, например, когда речь шла об усвоении детьми норм обычного права, эти функции перекрывали друг друга.

Надо отметить также, что несмотря на наличие в обществе ифугао имущественной и социальной стратификации, положение «законных» детей жестко не разграничивалось с положением детей, рожденных вне брака, а также с положением детей слуг и даже рабов. Дети последних всегда были свободными, и в их социализации много общего с социализацией детей более высоких социальных слоев общества.

По-видимому, еще дальше по пути разложения первобытно-общинных и становления классовых отношений пошли такие народы Африки, как хауса, фульбе, нуне и некоторые другие. Социализация у них также осуществлялась в значительной мере в большой семье, но воспитание носило более жесткий характер. Важной чертой воспитания стало беспрекословное подчинение авторитету отца — главы большой семьи, распространяемыми приемами воспитания стали физические наказания, а также запугивание детей и подростков. В обращении взрослых с детьми, хотя и не у всех народов, ласка и внимание уступили место строгости. Среди детей в пределах большой семьи участились столкновения из-за пищи и других благ. Более сильные или более проворные дети отнимали пищу у сверстников и младших. Значительно уменьшилась по сравнению с порядками в первобытной общине самостоятельность детей и подростков. При этом положение девочек ухудшилось в большей степени, чем положение мальчиков. Девочки пользовались гораздо меньшей свободой, их чаще запугивали злыми духами и т. п. У девочек в соответствии с нормами патриархального общества воспитывалось подчиненное поведение.

Как и на более ранних этапах социально-экономического развития, инкультурация у разных народов осуществлялась не единообразно, а во многих вариативных формах, зависевших от этнических традиций, экологической обстановки, направлений хозяйства и различий в степени разложения первобытнообщинных и становления классовых отношений. Так, у народов Нигерии — земледельцев и скотоводов хауса, нуне, фульбе, тала и др. — родители обычно мало направляли поведение маленьких детей в семье. Они считали, что дети обучались нормам поведения, наблюдая за старшими детьми и взрослыми. После того как ребенок достигал возраста, когда он был способен понимать простые истины и выполнять элементарные поручения внутри домохозяйства, ему внушали, что взаимозависимость всех членов большой семьи существенна для благополучия семьи как целого³⁰. Повседневными вопросами воспитания занималась главным образом мать. Глава семьи — отец вмешивался только в случае серьезного нарушения ребенком норм поведения, и ему принадлежало окончательное решение, какие меры принять. Эти меры включали порку, угрозы, лишение каких-либо благ. Девочки пользовались меньшей свободой, чем мальчики, им прививали сознание подчиненности своего положения.

По традиционным представлениям народов Нигерии, ребенок рождается несовершеннолетним, и если не быть с ним строгим и даже суровым, он сделает много глупого и дурного и себе и другим. Поэтому и к мальчикам, и к девочкам применялись телесные наказания. Наиболее строго детей наказывали за воровство и ложь. Детям могли не дать есть, если они опоздали к трапезе.

Особенно часто физические наказания детей практиковались у йоруба, уже перешедших порог классового общества, но сохранивших значительные пережитки предшествующего этапа развития. В то же время у некоторых групп иббо, находившихся на несколько более низком уровне социально-экономического развития, отцы проявляли сдержанность в наказании, особенно сыновей, так как боялись, что за суровые наказания дети отомстят, став взрослыми. Использование страха было доминирующим способом контроля взрослых над подростками в процессе социализации. Дети воспитывались в беспрекословном послушании. Ласковое обращение с детьми не было распространено. Отвечая на вопросы одного из исследователей, только 10% мальчиков и 6% девочек сказали, что они ощущают любовь родителей. Очень редко можно было увидеть, чтобы родители держали на коленях или ласкали детей, вышедших из периода младенчества³¹.

В большесемейном домохозяйстве у йоруба, иббо, хауса численность членов доходила до 70 человек, в том числе детей — около 20 человек. Недостаток внимания и ласки со стороны

взрослых способствовал тому, что дети с раннего возраста сплачивались в группы сверстников. Дружеские отношения между членами таких групп сохранялись и тогда, когда дети становились взрослыми. В играх таких групп сверстников усваивались многие уроки социализации. Старшие братья и сестры заботились о младших, когда матери работали в поле. Во многих семьях старшие дети учили младших нормам личной гигиены, поведению во время еды и т. д. Но старшие и младшие дети у йоруба или ибo не образовывали постоянных игровых групп, как это имело место, например, у ягуа³².

Не у всех народов Африки, находившихся на этапе разложения первобытнообщинных и становления классовых отношений, воспитание было столь суровым, как у народов Нигерии. Например, у сога Уганды дети были окружены вниманием взрослых. Ребенка поощряли, когда он говорил, учили здороваться и прощаться, просить еду и воду. Как только ребенок начинал ходить, мать и другие взрослые родственники учили его правилам этикета, постепенно знакомили с социальными нормами, с духовными ценностями своего народа. Детям даже разрешалось, как у ифугао, присутствовать на религиозных церемониях³³.

У мандинго Мали дети деревни собирались вечерами около старой женщины или старика послушать предания, сказки. Исследовательница мандинго М. Ли подчеркивала, что так прививалось детям уважение к освященным традицией моральным нормам³⁴. Таким образом, фольклор для детей был у мандинго, и не только у них, одним из важнейших механизмов «обучения культуре»³⁵.

У тупинамба Бразилии особую роль в процессе социализации играли поучения старейшин, способствовавшие поддержанию племенных традиций. Несмотря на возникновение в обществе тупинамба стратификации, наличие более или менее знатных линиджей, у них не было закрытых социальных групп с определенными привилегиями, принадлежностью которых были бы специфические знания и культурные ценности. Знания и культура были доступны всем и передавались от поколения к поколению. Социализация оставалась общей и равной³⁶.

Если этнические традиции у сога Уганды, мандинго Мали, тупинамба Бразилии и многих других народов, находившихся на разных этапах разложения первобытных и становления классовых отношений, усваивались в процессе общинного воспитания, то трудовое воспитание происходило в значительной мере в семье. Например, в больших семьях тупинамба мальчиков рано учили стрелять из лука, готовили к роли охотников и воинов. У коньяги Гвинеи мальчики с 4 лет все больше времени проводили с отцом, а девочки — с матерями, перенимая их опыт. Скажем, дочь горшечницы подражала матери, изготавливая из

глины маленькие горшки. Так же поступают девочки у хиваро Эквадора, изготовлявшие маленькие сосуды, когда мать делала большие.

В трудовом воспитании, будь то у квакиютль и хопи Северной Америки, тушинамба и хиваро Южной Америки, коньяги Гвинеи, соблюдался принцип «учить, делая», т. е. на своем примере при минимуме словесного инструктажа³⁷. Такова была практика трудового воспитания и в первобытной (родовой) общине. Только там оно осуществлялось преимущественно в рамках общины, и на более позднем этапе — преимущественно в рамках большой семьи³⁸. Например, у хопи мальчики с 6-летнего возраста начинали выполнять простые сельскохозяйственные работы, охотиться и рубить тонкие деревья. Девочки носили воду, готовили, подметали пол и помогали своим матерям в других делах. На них же ложилась забота о младших братьях и сестрах³⁹. У хиваро девочки занимались этим с 4—6 лет, а с 6 лет или немного позднее начинали помогать матери в сельскохозяйственных работах: посадке, прополке и уборке урожая.

Мальчики с 4-летнего возраста учились охотиться с сарбаканом. Сначала они стреляли из игрушечных сарбаканов бабочек, когда мальчику исполнялось 6 лет или около того, отец делал ему настоящий маленький сарбакан и колчан. Пока мать работала в огороде, мальчик бродил вокруг и стрелял в маленьких птиц, которые прилетали покормиться на цветы маниока. Убитых птиц он приносил матери, и она готовила из них еду. Примерно в девятилетнем возрасте мальчик уже искусно стрелял из сарбакана, и отец брал его на охоту. Отец всегда хвалил сына, когда тот пробовал плести маленькие корзинки, делать модели домов и плотов и т. д.

Мальчики 12—13 лет на равных участвовали в работе с оцнами, включая защиту от врагов и участие в военных набегах (нередко и в более раннем возрасте)⁴⁰.

У самых разных народов детей воспитывали в сознании, что они составляют важную часть общества, а их труд — вклад в общее благосостояние.

Как мы видим, в принципах воспитания в эпоху первобытной родовой общины и в эпоху ее разложения было много общего. Но начинали ощущаться, особенно в обществах, где получило развитие патриархальное рабство, и важные различия. Так, у алеутов мальчики учились быть искусными в промыслах и военном деле. Девочек учили шить, вышивать, готовить. Но ни мальчиков, ни девочек почти не учили тому, что И. Вениаминов называл «мелочным домоводством», включая сюда постройку дома, уборку и т. д. Это считалось делом калгов — рабов. «Вообще, — по словам И. Вениаминова, — родители не думали приучить детей трудолюбию и домоводству, говоря, что дети их

не из роду калгов». Главным поприщем юношей считались военные занятия⁴¹.

На этапе классового образования у некоторых народов существовало формальное обучение. Оно было различным для сыновей вождей и знатных людей, с одной стороны, и простых общинников — с другой. Так, школы имелись на некоторых островах Полинезии. Типичным образцом их были маорийская *варе-кура*. Школы в Полинезии делились на две категории: высшую и низшую. В школах высшей категории обучались только дети знатных родителей — арики. Здание, в котором происходили занятия, считалось священным. Строительный материал для него собирали все члены племени, строили же школу для «благородных» только жрецы. Женщинам запрещалось приближаться к этому зданию.

Дети арики поступали в *варе-кура* примерно в 12 лет. Обучение продолжалось четыре—пять лет, учились четыре—пять месяцев в году (с осени до весны). Занятия проводились по вечерам, днем же учащиеся занимались физическими упражнениями или просто отдыхали. Основными предметами в *варе-кура* были религия, мифология, история, астрономия, до некоторой степени сельское хозяйство. Преподавателями были жрецы. По окончании курса обучения устраивались экзамены. Главным их содержанием была демонстрация выпускниками школы приобретенной за время обучения магической силы — совершение различных «чудес», непонятных и недоступных простым людям.

В школе для простых людей юноши и девушки обучались всему, что должно войти в круг их повседневных обязанностей, когда они станут взрослыми. Девушки учились выполнять различные домашние работы, юношей обучали навыкам земледелия, плетению сетей, изготовлению ловушек, приемам охоты и рыболовства.

Школы для простых людей, как правило, имелись во всех поселениях, и в каждой из них занималось до 100 человек. Школа для «благородных» была одна для всего племени, и число учащихся в ней обычно не превышало 20—30 человек.

Кроме школ, в Полинезии существовало также индивидуальное ученичество у мастеров-ремесленников — строителей домов, строителей лодок и т. д.⁴²

В эпоху первобытной (родовой) общины физические наказания детей, как правило, не практиковались. Отсутствовали они и в некоторых обществах, находившихся на этапе классового образования (например, у алеутов). У северных атапасков, северных якутов, ифугао физические наказания были редки и являлись исключением из правила, а не обычным методом воспитания.

В некоторых обществах последней эпохи развития первобытного строя физические наказания были нередки, но они не применялись к маленьким детям. Для большинства детей индейцев хопи, чтобы они себя вели хорошо, достаточная мера воздействия —

упреки или высмеивание за плохое поведение и похвала и одобрение за хорошее. Лишь если ребенок очень плохо себя вел, могли позвать брата матери, чтобы он побил ребенка или подержал его голые пятки над дымным костром. Другим способом добиться послушания детей у хохи служила угроза, что во время инициации ребенок будет подвергнут обрядовому хлестанию. Хлестать или не хлестать иницируемого — решал его отец. И обычно сама угроза хлестания в будущем обеспечивала хорошее поведение в настоящем.

Кража или конфликт из-за мяса у хиваро осуждались, и при повторении отец наказывал детей битьем крапивой. Тех же, кто и после такого наказания продолжал ломать вещи, брал без спроса мясо и отложенные про запас продукты, наказывали более сурово. В маленький костер клали много перца, наклоняли над ним ребенка и прикрывали куском ткани. Надышавшись перечных паров, ребенок терял сознание. Когда он приходил в себя, его предупреждали, что если он снова плохо будет себя вести, ему сожгут волосы (но эта угроза никогда не приводилась в исполнение).

Если ребенок ставил под сомнение знания и авторитет отца, говорил об отце: «он слишком стар и не знает, что говорит», то ему давали сильный галлюциноген, чтобы он впал в транс. Хиваро верили, что в транс ребенок увидит, что многие утверждения отца верны, и станет менее непочтительным.

По-видимому, физические наказания становятся обычным и широко распространенным приемом воспитания лишь на позднем этапе разложения первобытнообщинных отношений, на пороге классового общества. Так, у хауса и некоторых других народов Нигерии физические наказания составляли более 30% всех наказаний. Наряду с ними широко практиковалось заугивание детей злыми духами⁴³.

Таким образом, на протяжении истории первобытного общества наказания как прием социализации, как правило, ужесточались. Отсутствие физических наказаний сменилось их широким распространением. Развились и более изощренные способы воздействия на психику ребенка. В некоторых обществах редким стало ласковое обращение родителей с детьми⁴⁴.

Инициации

Важным этапом в процессе социализации были инициации — обряды и испытания, знаменующие переход юношей и девушек в категорию взрослых. Как отмечалось в предыдущем томе серии, инициации были распространены и в эпоху первобытной родовой общины, хотя далеко не повсеместно. В период разложения первобытного общества и становления классовых отношений обычай инициаций сохранялся, но также не был всеобщим. У ряда наро-

дов, например у северных якутов, его не было, и процесс взросления подрастающего поколения совершался постепенно, не делаясь на формализованные периоды.

У тех народов, у которых в эпоху классового образования практиковались инициации, они многим напоминали инициации у племен, находившихся на более низком этапе развития. Комплекс инициационных обрядов и обычаев обычно включал трудные, а нередко и жестокие испытания, длительную изоляцию иницируемых от своей общины и т. д. Эти элементы в разных сочетаниях присутствовали в инициации у таких народов Африки, как догон, миконде, чагга, наудебу и др. У догон юноши подвергались обрезанию, у наудебу на каждом плече и на его лице делали много надрезов, длина которых на плечах доходила до 30 см. У маконде иницируемые месяцами жили в специальном лагере вдали от родной деревни. У многих народов Африки иницируемые должны были заниматься тяжелым трудом, не мыться, есть грубую пищу, а главное — подчиняться приказам старших и вождей⁴⁵.

В редких случаях процесс инициаций, например у нуэр, не включал ни преднамеренного обучения, ни моральной тренировки. Вместе с тем, как отмечал Э. Эванс-Притчард, после инициации домашние обязанности и положение в семье молодого мужчины радикально менялись. Вступал в силу сохраняющийся всю жизнь запрет пить молоко, изменялась манера еды и т. д. «Мужчине давали быка, и он становился скотоводом, отец или дядя давали ему коня, и он становился воином»⁴⁶.

Инициации могли не включать, например у хиваро, физических испытаний. Вместо них воздействовали на психику. Но и в этом случае иницируемый, чтобы утвердить свой статус мужчины, обычно должен был проявить себя как охотник, воин и т. д. (хиваро, тупинамба). Процесс инициаций мог осуществляться в несколько этапов, символизирующих определенные возрастные рубежи.

Выше уже упоминалось, что новорожденному у хиваро давали мягкий галлюциноген. Девочкам в возрасте 6—8 лет снова давали галлюциноген. Галлюциноген давался на 4-дневном празднике уру аук («детское глотание»), в котором в среднем принимали участие полдюжины девочек. До этого они в течение недели соблюдали пищевые ограничения: не ели мясо животных и птиц. Праздник устраивают вблизи дома отца одной из девочек. Каждый день девочки танцевали, а затем им давали галлюциноген и вечером отводили в шалаш в лес, где они должны были лежать, чтобы наступили видения обильных урожаев, кур и свиней. Тем временем взрослые танцевали и пили до зари.

По понятиям хиваро, увидеть «душу» — значит приобщаться к родовым ценностям, развить в себе те качества характера, которые ценились в обществе хиваро, — честность, трудолюбие,

а также расширяли реальное знание ребенком окружающего мира.

Когда мальчик хиваро достигал примерно 16 лет, он шел в лес, убивал ленивца и изготовлял тсансу (законсервированную специальным образом голову). Затем отец или другой родственник-мужчина устраивал два праздника тсанса, на которых соблюдались те же обряды, что и на празднествах, сопутствующих приготовлению тсанса из голов убитых врагов. После второго празднества юноша считался взрослым и ему разрешали носить этсемат — головной убор мужчин хиваро, представляющий собой длинную повязку с красными и желтыми перьями туанов. Такая повязка — атрибут воинов. Ее конец перекидывали через плечо и привязывали к нему головы убитых врагов. Устройство праздника означало также, что молодой человек мог жениться, но обычно он вступал в брак в 21—23 года.

По случаю достижения девушкой зрелости ее отец также устраивал два праздника. Первый, меньший, длился два дня, второй устраивали полгода спустя, когда семья собирала достаточное число свиней и кур, чтобы кормить гостей 6—7 дней. Во время этого праздника девушку поили водой, смешанной с растертыми листьями табака, для того чтобы ей во сне предстали бы видения, предвещающие успех в выращивании культурных растений и домашних животных⁴⁷.

Две инициации были у хопи. Первая из них вводила в организацию, объединявшую посвященных в культ качинов. Качины — духи, которые, по верованиям хопи, приходят в их селения каждый декабрь, а в июле возвращаются к себе домой в горы Сан-Франциско с посланиями от хопи божествам. В культ качинов инициировались мальчики и девочки в возрасте от 6 до 10 лет. У каждого рода были свои качины. Инициация в культ качинов, как уже отмечалось, могла сопровождаться или не сопровождаться обрядовым хлестанием иницируемого членами организации. До создания племенного совета организация культа качинов была единственной общеплеменной организацией хопи. В возрасте от 15 до 20 лет мальчики хопи проходили вторые инициации в одно из мужских обществ. После этого они считались взрослыми.

Среди танайна Канады мальчики в возрасте около 15 лет дважды посылались в лес на срок до пяти дней. Первые пять дней они не должны были ни есть, ни пить. Во второй пятидневный срок им разрешалось пить только через костяную трубку (чтобы не мучиться жаждой в последующей жизни). Соблюдение этих запретов должно было принести молодому человеку богатство и успех. У племени каска Канадского Севера окончание детства отмечалось испытаниями в выдержке. При наступлении зрелости юноша в некоторых группах уходил искать духов-помощников⁴⁸.

Различные запреты, связанные с наступлением половой зрелости у девушек, и менструальные табу известны всем группам северных атапасков. Знакомство с ними было важным элементом социализации девушек.

В целом в эпоху классовообразования инициации сохраняли свое значение как акт включения молодежи в общество взрослых с приобретением соответствующих прав и обязанностей. Вместе с тем у инициаций появились новые цели и особенности, отсутствовавшие на предшествующем этапе развития. Так, у танайна Канады считалось, что строгое соблюдение инициационных запретов должно было принести молодому человеку богатство. Инициации перестали быть всеобщими и равными. Иницилируемый в некоторых племенах уже не только вступал в мир взрослых, но и посвящался в одно из тайных обществ, члены которого имеют какие-то привилегии и которое доступно не для всех. Нередко инициации из общинного обряда для коллектива сверстников становились семейным делом, обрядом для юноши или девушки из одной семьи (хиваро, квакиютль). В процессе инициаций начала поощряться конкуренция между детьми и подростками. Так, у квакиютль детей учили соперничать с равными по возрасту, но в то же время подчиняться установленным обществом нормам поведения⁴⁹.

Семья могла устраивать в честь сына потлачи по мере того, как он подрастал, отмечая важные навыки, которые он приобрел, или получение нового имени с сопутствующими привилегиями. Самый важный потлач для юноши знатного происхождения устраивался, когда он иницировался в одно из тайных обществ и получал геральдические украшения и другие привилегии. Этот потлач означал также, что юноша стал мужчиной и может жениться.

Девушки по достижению зрелости удалялись в маленькие хижины, где их кормила женщина-шаман. Пить им разрешалось только через трубчатую кость из крыла орла, чтобы «не заразить воду». По возвращении девушки в общину устраивался потлач, чтобы отметить, что она стала взрослой и готова к замужеству.

Для обрядов и обычаев инициации в переходной период от доклассового к классовому обществу характерен дуализм. С одной стороны — эти обряды способствовали поддержанию устойчивости доклассового общества, сохранению его структуры и моральных норм, сглаживанию имущественного и социального неравенства. Как писала О. Пом, «бедные и богатые, сыновья знати и потомки рабов, те, кто сообще прошел через испытание инициаций, являются в известной степени близнецами». И далее она отмечала, что люди, принадлежавшие к одной инициационной группе, обычно поддерживали друг друга, например, входив в совет деревни, защищали одну и ту же точку зрения в спорах⁵⁰.

Но, с другой стороны, там, где инициации перестали быть

всеобщими, где они сочетались с посвящением в тайные общества и раздачей даров как средством повышения социального престижа иницируемого и увеличения его богатства, они не закрепляли первобытное равенство, а напротив, способствовали его разрушению.

- ¹ *Hoebel E. A., Weather Th. Anthropology and the Human Experience. N. Y., 1979. P. 334; Mead M. Socialization and Enculturation // CA. 1963. V. 4. N 12. P. 184—188.*
- ² *Кон И. С. Социализация // БСЭ. Т. 24. М., 1976. С. 221; Он же. Введение // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 4.*
- ³ *Tux K. A. Предыстория общества (сравнительно-психологическое исследование). Л., 1970. С. 154—156; Chance M., Jolly Cl. Social Groups of Monkeys, Apes and Men. N. Y., 1970. P. 118, 121, 134; Kummer H. Primate Societies. Group Techniques of Ecological Adaptation. Chicago, 1971. P. 118; Fossey D. Development of the Mountain Gorilla // Great Apes. Menlo Park, 1979. P. 139—184.*
- ⁴ *Balicki A. The Netsilik Eskimo. Garden City, 1970. P. 105; Van Stone J. Athapaskan Adaptations. Hunters and Fishermen of the Subarctic Forests. Chicago, 1974. P. 78; Fejos P. Ethnography of the Yagua. N. Y., 1943. P. 71—74; Hodge W. The First Americans. Then and Now. N. Y., 1981. P. 417—418; Hake J. Child-Rearing Practices in Northern Nigeria. Ibadan, 1972. P. 29.*
- ⁵ *Roumequere-Eberhardt J. Pensée et société africaine. P., 1963. P. 27—28. Doke C. The Lemba of Northern Rhodesia. L., 1931. P. 134; Dieterlen C. L'image du corps et les composantes de la personne chez les Dogon // La notion de personne en Afrique Noire. P., 1973. P. 219—222. Цит. по: Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 234—235.*
- ⁶ *Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977. С. 117; Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 237; Harner M. The Jivaro. Garden City, 1973. P. 84; Hodge W. The First Americans. P. 278, 417; Goldman I. Tribes of the Vaupes-Caqueta Region // HSAI. V. 3. P. 787; Maubury-Lewis D. Akwe-Shavante Society. L., 1974. P. 232, 234.*
- ⁷ *Harner M. The Jivaro. P. 84.*
- ⁸ *Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. С. 116—117.*
- ⁹ *Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 242.*
- ¹⁰ *Van Wing J. Etudes Bakongo. P., 1959. P. 220. Цит. по: Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 243.*
- ¹¹ *Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 242—243.*
- ¹² *Hodge W. The First Americans. P. 417—418.*
- ¹³ *Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. III. С. 91.*
- ¹⁴ *Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 138, 146.*
- ¹⁵ *Harner M. The Jivaro. P. 83—85.*
- ¹⁶ *Hodge W. The First Americans. P. 277—278, 417—418.*
- ¹⁷ *Harner M. The Jivaro. P. 85—86.*
- ¹⁸ *Fejos P. Ethnography of the Yagua. P. 72; Harner M. The Jivaro. P. 87.*
- ¹⁹ *Кон И. С. Этнография детства (проблема методологии) // СЭ. 1981. № 5. С. 13; Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований // СЭ. 1983. № 3. С. 38.*
- ²⁰ *Fejos P. Ethnography of the Yagua. P. 72—74.*
- ²¹ *Chowning A. Child-Rearing and Socialization // Encyclopaedia of Papua New Guinea. Carlton, 1972. P. 161; Weiss F. Kinder schildern ihren Alltag. Die Stellung des Kindes im ökonomischen System einer Dorf, gemeinschaft im Papua New Guinea (Palimbei, Yatmul, Mittelsepik). Basel, 1981. S. 374.*
- ²² *Weiss F. Kinder schildern ihren Alltag. S. 378—381.*

- ²³ Ibid. S. 373—374.
- ²⁴ *Harner M.* The Jivaro. P. 88—89.
- ²⁵ *Кон И. С.* Этнография детства. С. 11.
- ²⁶ *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленьеводов. С. 117—120.
- ²⁷ *Van Stone J.* Atharascan Adaptations. P. 78—81.
- ²⁸ *Станюкович В.* Социализация детей и подростков у пифуао (Филиппины) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. 1983. С. 205.
- ²⁹ Сводка сведений, собранных различными исследователями по этому вопросу, содержится в статье: *Станюкович М. В.* Социализация детей. С. 212—228.
- ³⁰ *Ngwobia Uka.* Growing up in Nigeria Culture. Ibadan, 1966. P. 29, 35, 62.
- ³¹ *Hake R.* Child-Rearing Practices... P. 9—10, 24, 39, 40—43, 44; 46 f.; *Henderson R. and H.* An Outline of Traditional Onitsha Socialization. Ibadan, 1966. P. 34.
- ³² *Hake R.* Child-Rearing Practices... P. 10, 23—24, 47—48.
- ³³ *Batamukiwi M.* Birth and Childhood in Bugabula Country, Busoga, Uganda // Occasional Papers in African Traditional Religion and Philosophy, Kampala, 1972. V. 7, N 59. P. 19. Цит. по: *Иорданский В.* Хаос и гармония. С. 243.
- ³⁴ Цит. по: *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. С. 247.
- ³⁵ *Осорина М. В.* Современный детский фольклор... С. 37; *Логман Ю. М.* Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика // Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971. С. 167—177.
- ³⁶ *Fernandes F.* Aspectos da Educação na Sociedade Tupinamba // Völkerkundliche Abhandlungen. Bd. I: Beiträge zur Völkerkunde Südamerikas. Hannover, 1964. S. 84—85; *Метраух А.* The Tupinamba // HSAI. V. 3. P. 111—116.
- ³⁷ *Hodge W.* The First Americans. P. 278, 417—418; *Fernandes F.* Aspectos... S. 85; *Harner M.* The Jivaro. P. 92; *Gessain M.* Femmes coniagui (Guinée) // Femmes d'Afrique Noire. P., 1960. P. 29.
- ³⁸ См. сн. 36, а также: *Вениаминов И.* Записки. Ч. II. С. 71.
- ³⁹ *Hodge W.* The First Americans. P. 278.
- ⁴⁰ *Harner M.* The Jivaro. P. 92.
- ⁴¹ *Вениаминов И.* Записки... Ч. II. С. 71—73.
- ⁴² Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 637—640; Ancient Hawaiian Civilization. Honolulu, 1933. P. 51—54.
- ⁴³ *Hake J.* Child-Rearing Practices... P. 24.
- ⁴⁴ Ibid. P. 46.
- ⁴⁵ *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. С. 247—252; *Thomas L.* Le pluralisme coherent de la notion de personne en Afrique Noire traditionnelle // La notion de personne en Afrique Noire. P., 1973. P. 414; *Dieterlen G.* L'image du corps... P. 69; *Harris L.* The Initiation Rites of the Makonde Tribe. Livingstone, 1944. P. 20; *Ndesario A.* Ujamaa (African Socialism) and Christianity in Chagga Tradition // Occasional Research Papers in African Traditional Religions and Philosophies. Kampala, 1972. V. 7. N 61. P. 34; *Wasungu P.* Les classes d'âge et initiation chez les Nawdeba (Togo) // Classes et associations d'âge en Afrique de l'Ouest. P., 1971. P. 66.
- ⁴⁶ *Evans-Pritchard E.* The Nuer. Oxford, 1940. P. 53.
- ⁴⁷ *Harner M.* The Jivaro. P. 93—94.
- ⁴⁸ *Hodge W.* The First Americans. P. 272, 278.
- ⁴⁹ *Ford C.* The Life of a Kwakiutl Chief. New Haven, 1941. P. 77; *Hodge W.* The First Americans. P. 417—418.
- ⁵⁰ *Paulme O.* Introduction // Classes et associations d'âge en Afrique de l'Ouest. P., 1971. P. 17.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Способ реконструкции

Для того чтобы получить представление об этнической и демографической ситуации в современных обществах, проводятся разнообразные переписи, отличающиеся разной целевой направленностью и имеющие поэтому разную форму¹. Ряд документов хозяйственной отчетности в древнейших и древних государствах, в том числе и храмовая отчетность, не представляя столь полных данных, как современные переписи², могут быть условно приравнены к ним, так как иногда доносят до нас прямую информацию о численности отдельных групп населения, их языковых и культурных особенностях, их хозяйственной занятости и быте. Интерпретация подобных сведений нелегка; как правило, длительные дискуссии возникают вокруг истолкования отдельных этнических и социально-экономических терминов, чему есть много примеров³, но при всей спорности таких толкований они опираются на письменную традицию и разнообразные письменные источники, которые допускают взаимную критическую проверку⁴. Однако возникновение письма в достаточно широких хронологических рамках все же совпадает с началом классового образования и сложением государств.

Рассматриваемая нами эпоха разложения позднепервобытной общины и перехода в отдельных южных районах ойкумены к классовому обществу, археологически соответствующая эпохе энеолита и бронзы, хронологически примерно соответствующая V — первой половине II тыс. до н. э., практически почти лишена письменных источников. На первый взгляд это звучит парадоксально, так как и в Египте, и в Двуречье, и в Китае мы имеем письменные памятники, заведомо относящиеся к III тыс. до н. э., во II тыс. до н. э. их количество значительно увеличивается и образуются новые очаги возникновения письменности⁵, но все они происходят лишь из небольших районов древнейших государств и являются, если можно так выразиться, полностью внешними для подавляющего большинства обществ, населявших первобытную ойкумену в эту эпоху. Содержащиеся в них сведения демографического и этнического характера весьма случайны и не складываются в общую картину. Может быть, именно поэтому до детального изучения вещественных археологических памятников проблемы демографии и этнообразования еще сравнительно недавно не выделялись самостоятельно при рассмотрении истории древнейших государств и окружающей их первобытной периферии, а отдельные замечания на эту тему носили в основном случайный характер⁶.

Более полные данные могут быть извлечены из изучения палеоантропологических и археологических материалов. Палеоантропологический материал сознательно поставлен на первое место, так как он дает прямую информацию о части демографических показателей: среднем возрасте умерших (от которого можно перейти к определению длительности репродуктивного периода и поколения в целом), в том случае, если могильники полностью раскопаны, — о проценте детской смертности и среднем возрасте умерших в детстве⁷. Разработанные в антропологии методы определения биологического возраста индивидуума достаточно объективны и позволяют фиксировать его с точностью до 1—2 лет в период роста и с точностью до 5—10 лет во взрослом состоянии⁸. Переход от этих первичных данных к средним характеристикам не требует никаких специальных допущений, и поэтому средние показатели можно считать также достаточно объективными.

К сожалению, перечисленными параметрами прямая информация и исчерпывается. Никаких даже косвенных оснований для определения численности населения палеоантропологический материал не дает и дать не может. Если могильник раскопан полностью, то общее число захороненных в нем людей, разумеется, может быть подсчитано. Но значение этой цифры очень условно. Время функционирования могильника в подавляющем большинстве случаев охватывает несколько поколений, а на скелетах нет никаких специальных обозначений того, какое поколение они представляют; палеоантропологический материал в этом отношении не дает в наше распоряжение никаких указаний. Правда, разрабатывается методика топографической характеристики могильников⁹, позволяющая как будто дифференцировать их более старые и новые части, но последние, строго говоря, совсем обязательно должны соответствовать поколениям. Существенны в этой связи и еще два соображения. В целом любой могильник более или менее соответствует обособленной группе, которую можно называть популяцией, хозяйственным коллективом, группой родственных семей, родо-племенным объединением и которая в действительности в зависимости от места и времени выступает то в одной, то в другой из этих ипостасей. Тогда численность захороненных отражает в какой-то мере численность коллектива. Однако и здесь велика одна существенная оговорка: последнее поколение никогда не попадает в могильник, так как люди не могут хоронить самих себя.

Использование одного и того же могильника близкородственными группами иллюстрируется многими этнографическими примерами¹⁰; в этих случаях, следовательно, оценка числа захороненных весьма неопределенна, так как заранее неизвестно, представители скольких групп захоронены в нем, неизвестен и сам факт использования его одной или несколькими группами. Но еще большую неопределенность в наши оценки вносит неполная

репрезентативность могильника для той или иной группы, которую нельзя учесть пока никакими средствами. Речь идет о захоронении части популяции или группы за пределами могильника. В археологической литературе неоднократно высказывалась мысль о практиковавшемся в ряде случаев захоронении детей отдельно от взрослых¹¹. А воины, которые погибали на стороне? А какие-то индивидуумы, которые в соответствии с культурной традицией, в данном общественном коллективе бытовавшей, должны были быть захоронены по специальному обряду, не вместе с остальными? Нет, палеоантропологический материал не может дать сколько-нибудь точных сведений о численности населения в пределах той или иной территории или позволить оценить численность какой-то группы.

Любые формы археологической реконструкции, имеющие целью установление численности того или иного коллектива, так же, как и палеоантропология, не дают прямой информации, так как определяют эту численность, опираясь на косвенные свидетельства: размеры поселений, численность жилых комплексов, количество потребляемой пищи (которое само по себе тоже не дается в виде какого-то обобщенного показателя, а фиксируется косвенно). Такой подход к определению численности древних коллективов разрабатывается в археологии уже не менее трех десятилетий¹², но сама процедура реконструкции не очень сильно изменилась по сравнению с ранними работами, да и достоверность конечных цифр возросла не намного¹³. Все же археологический и палеоантропологический материал в этом случае взаимодополнительны друг другу, и, комбинируя их, можно получить косвенное представление о численности населения и более точную прямую информацию о возрастной структуре и продолжительности жизни древних популяций.

Какую роль во всех этих реконструкциях могут играть этнографические наблюдения, т. е. сведения о демографических параметрах в традиционно-отсталых обществах? Применительно к рассматриваемому периоду — по-видимому, самую ограниченную, хотя сводки демографических данных об отсталых обществах, правда, уже несколько устаревшие, опубликованы и содержат богатый набор сведений¹⁴. Эта ограниченность проистекает от двух причин: невозможности найти в современности такие общественные коллективы, которые с уверенностью, даже относительной, допускали бы их стадиальную синхронизацию с обществами эпохи энеолита и бронзы, весьма разнообразными и в хозяйственном, и в культурном отношении, и по причине контактов почти всех без исключения ныне существующих отсталых обществ с развитой европейской цивилизацией, что не могло не деформировать их естественных демографических характеристик. И ныне существующие отсталые общества, и первобытные коллективы рассматриваемого отрезка времени относятся к группе синполи-

тейных¹⁵, но в первом случае длительность контактов с классовыми обществами, а, следовательно, и глубина их деформирующего влияния значительно больше. Поэтому ретроспекция доставляемых этнографией демографических данных на эпоху разложения первобытного общества, раннего классовобразования и формирования первых государств выглядит весьма проблематичной.

Переходя к оценке возможностей реконструкции этнической ситуации, следует сразу же отметить «пемоту» палеоантропологических материалов. Фигурировавшие в старой антропологической и историко-этнографической литературе формулировки (индоевропейский тип, индоиранский, тюркский и т. д.) имеют теперь лишь историческое значение¹⁶. Сложность антропологического состава большинства современных народов заставляет предполагать эту сложность и по отношению к древним народам. Правда, совпадение границ расовых и этнических или языковых общностей было, по-видимому, большим в древности, чем в настоящее время¹⁷, но это не меняет дела по существу: все равно антропологическая гетерогенность древних народов весьма вероятна, а это лишает установление этнической принадлежности по антропологическим особенностям какой-либо доказательной силы. Известное значение имеет ретроспективный путь — поиск антропологических компонентов, зафиксированных в составе современных народов, в древности¹⁸, но ретроспективная экстраполяция в данном случае далеко не всегда может быть уведена вглубь до интересующего нас периода времени, и кроме того, следует считать с хорошо известными и многократно исторически зафиксированными случаями перехода на новый язык без каких-либо изменений антропологических особенностей¹⁹. Таким образом, палеоантропологический материал дает основания для суждения о родстве или отсутствии родства конкретных древних популяций, но для обсуждения вопросов их этнической принадлежности может быть использован в редких и благоприятных случаях, например при возможности той же экстраполяции на древность данных по современному населению.

Многолетняя дискуссия о возможности истолкования археологических культур в качестве культурно-географического выражения этнических общностей до сих пор не пришла к ясным результатам и продолжает порождать прямо противоположные суждения — от позитивного решения вопроса о связи археологических культур с этническими общностями²⁰ и даже выделения этноархеологии²¹ до весьма скептического отношения к возможности определять этническую принадлежность по следам материальной культуры²². Дискуссия эта продолжает идти весьма интенсивно, но уже сейчас можно предполагать невозможность однозначных решений в разных условиях места и времени, иными словами, зависимость конечного вывода об этническом значении того или

иного археологического комплекса от конкретной историко-культурной реальности. Выявились и принципиальные трудности: неясность критериев выделения этнически значимых элементов материальной культуры при археологических раскопках и зависимость археологических материалов непосредственно от условий географической среды. Что в результате остается для этнической реконструкции? Можно, по-видимому, все же предполагать, что значительная территориальная контрастность археологических комплексов и их разнообразие в пределах того или иного района скорее свидетельствуют в пользу полиэтничности его населения, чем наоборот. Об этнической информации в рассматриваемый период, доставляемой этнографией, можно повторить то же, что было сказано выше о ценности доставляемых ею демографических данных.

Письменные памятники III и особенно II тыс. до н. э. позволили в ряде случаев абсолютно убедительно восстановить характер языков, на которых говорило древнее население²³. Люди долины Нила говорили на одном из семито-хамитских языков, язык междуречья Хуанхэ и Янцзы связан непосредственной преемственностью с современным китайским. В этих двух случаях имеет место прямое совпадение с современной лингвистической картой. В других случаях такого совпадения нет: в Малой Азии до греков и хеттов проживали народы, говорившие на неиндоевропейских языках²⁴, на Балканах также имеются свидетельства распространения неиндоевропейского населения²⁵, работы по расшифровке письменности долины Инда показали высокую вероятность того, что она оставлена дравидоязычным населением²⁶. К сожалению, подобная прямая информация имеется лишь по небольшой части ойкумены, в остальных случаях приходится прибегать к экстраполяции на древность современной лингвистической карты, т. е. к косвенной, а поэтому и недостаточно достоверной реконструкции. В общей форме можно лишь предполагать, что языковая дробность в период разложения первобытнообщинной формации была никак не меньше, чем в современную эпоху. Ареалы определенных языковых семей восстанавливаются для этого периода, как уже говорилось, на основе и прямых данных, и косвенных соображений. Этим определяется и оценка достоверности этнической реконструкции: часть восстанавливаемой этнической картины вполне достоверна, часть может считаться даже в самом лучшем случае только более или менее правдоподобной. Но таков характер данных, находящихся до сих пор в нашем распоряжении.

Площадь ойкумены и характер расселения

В отличие от конца четвертичного периода и палеолитической эпохи очертания материков уже приобрели вполне современный характер, а исчезновение мостов суши между материками прервало сухопутное сообщение между ними. Берингейская суша, служившая мостом для перехода человеческих популяций в Америку и сыгравшая столь большую роль в заселении Американского континента человеком, ушла под воду в результате отступления ледника и последовавшего за ним подъема уровня океана примерно 15000—12000 лет тому назад²⁷. Восстанавливаемые палеогеографически и палеофаунистически колебания береговой линии вдоль тихоокеанского побережья Азии на протяжении голоцена²⁸ имели, по-видимому, лишь местное значение. Большие Зондские острова приобрели современные очертания, по-видимому, еще раньше²⁹. Таким образом, самостоятельное, без контактов с населением Старого Света демографическое и этническое развитие населения Австралии и Нового Света весьма вероятно; отдельные проникновения, если они и имели место, не могли изменить общей картины.

Площадь ойкумены, т. е. заселенных человеком пространств земной поверхности, вероятно, уже в эпоху верхнего палеолита и уж во всяком случае в эпоху неолита охватила весь земной шар. Поэтому, может быть, только отдельные острова канадского побережья Ледовитого океана, позже освоенные эскимосами, и Гренландия оставались незаселенными. Площадь ойкумены, следовательно, практически совпадала в рассматриваемую эпоху с площадью суши. Все ландшафтно-климатические пояса, как и локальные ландшафты, пригодные для жизни внутри них, были освоены, и хозяйственная специализация уже достигла высокого уровня, способствовавшего и сбалансированному со средой росту численности, и дальнейшему расселению.

Все это в достаточной мере очевидно и не заслуживает дальнейшего рассматривания, более интересны дифференцированный характер расселения и неравномерное освоение разных экологических ниш в пределах ойкумены. Судить об этом можно, разумеется, лишь по археологическим данным, полностью отдавая себе в то же время отчет в их недостаточной полноте и территориальной выборочности. Выборочность эта проистекает не только за счет степени открытия и изученности памятников, но и за счет изученности той или иной территории в целом. Период энеолита и бронзы изучен гораздо лучше, скажем, в степном поясе Евразии, чем на севере, в лесной и тундровой зонах. В какой-то мере это обстоятельство, по-видимому, отражает неравномерность расселения, по-видимому, сильнее влияя на него полнота изученности памятников: в областях зарождения и развития

производящего хозяйства, особенно в последние годы, достигнуты большие успехи в открытии и раскопках и поселений, и могильников, тогда как в лесной и тундровой зоне сам поиск и обнаружение новых памятников сопряжены с большими трудностями. Поэтому вопрос о характере расселения должен решаться конкретно для отдельных территорий с учетом обоих этих факторов: объективного — равномерности и плотности самого расселения и субъективного — наших знаний о соответствующих памятниках.

Страны Западной Европы, насчитывающие больше столетия археологического изучения, естественно, наиболее богаты археологическими памятниками рассматриваемого времени. Оценивая карты археологических культур эпохи энеолита и бронзы, составленные А. Л. Монгайтом³⁰, мы видим, что границы культур, как бы условны они ни были, соприкасаются друг с другом и, следовательно, на территории Западной и Центральной Европы к этому времени уже не было больших массивов незаселенных территорий; даже в пределах значительных лесных массивов по долинам рек обнаружены археологические памятники этого времени. Не составляли исключения и северные районы Западной Европы, как об этом свидетельствуют археологические карты, учитывающие поселения, могильники, отдельные могилы и предметы, осуществленные в новейшее время³¹. Такой относительно густой и равномерной заселенности Западной и Центральной Европы способствовали и благоприятные ландшафтно-климатические условия, педаром на известных картах Э. Хантингтона она отнесена к числу наиболее мягких по климату для человека районов мира³².

Переходя к территории Восточной Европы, мы сталкиваемся в лесной зоне с переживанием неолитических традиций в эпоху перехода на юге к бронзовому веку, причем чем севернее, тем дольше это переживание имело место³³. Порайонное рассмотрение территории Восточной Европы свидетельствует о том, что в лесной и лесостепной зонах практически не было незаселенных территорий, причем та же ситуация сохранялась и при переходе к эпохе бронзы, о чем можно судить по тем областям, где этот переход может быть достаточно полно прослежен археологически³⁴. Не составляла отличия и степная зона, географически более близкая к первичным очагам производящего хозяйства и демонстрирующая более интенсивное его освоение³⁵. Наличный археологический материал из степной зоны Восточной Европы представлен, правда, по большей части не поселениями, а могильниками, но их распространение более или менее равномерно охватывает степные области.

Продвигаясь из Восточной Европы в восточном направлении, мы все более и более сталкиваемся с иным характером расселения, при котором первобытные коллективы концентрировались преимущественно в более благоприятных районах речных долин,

тогда как водоразделы, особенно крупные, не имели постоянного населения. Такой характер расселения объясняется, очевидно, усилением суровости климата, нарушением в связи с вечной мерзлотой дренажных условий почвы, что ведет к заболоченности значительных участков земной поверхности, к широкому распространению совсем непроходимых или малопригодных для жизни лесных массивов, т. е. в целом к неблагоприятным географическим условиям. Переход к прерывистому расселению начинался, по-видимому, уже с Урала, где даже в южных районах, более благоприятных для жизни, ареалы культур эпохи энеолита и бронзы не перекрывают друг друга и даже не соприкасаются во многих местах³⁶. Разумеется, большую роль в прерывистости ареалов на археологической карте Урала и Сибири в это время играет и недостаточная изученность многих труднодоступных территорий, но ею одной не объяснить отмеченного феномена, прерывистое расселение, надо думать, было характерно для этих огромных областей.

Какова имеющаяся археологическая информация, происходящая из таежной зоны Сибири? Более 40 лет тому назад А. П. Окладников опубликовал карту неолитических культур Сибири³⁷, которая на протяжении десятилетий использовалась как основа многих этногенетических построений и историко-этнологических реконструкций. Неолитические культуры, представленные на этой карте, хронологически были по большей части синхронны памятникам эпохи бронзы из более южных районов. Ареалы культур соприкасались, и таким образом создавалось впечатление о более или менее сплошном заселении территории Сибири человеком, бывшее тем не менее плодом чистой экстраполяции. Накопленная с тех пор информация, в несколько раз превышающая ту, которая была в распоряжении исследователей в 40-е годы, и сейчас не дает нам права реконструировать обширные ареалы для культур эпохи неолита и бронзы в лесной зоне Сибири³⁸, а в тех случаях, когда это делается³⁹, в основу кладутся памятники, разделенные географически огромными расстояниями. Разумеется, и в Сибири, особенно на границе с лесостепью и степью, были благоприятные для жизни человека районы с достаточно густым населением, примером чего является Прибайкалье⁴⁰, но в целом население было в рассматриваемый нами период редким и значительно более малочисленным, чем в Европе.

Однако это заключение не распространяется на степную полосу Сибири. Там, так же как и в степной полосе Европы, археолог имеет дело преимущественно с материалом, который получен при раскопках могильников. Начиная с энеолита и кончая периодом поздней бронзы сменяют друг друга несколько археологических культур, каждая из которых представлена к настоящему времени десятками памятников⁴¹. Разумеется, локальная при-

уроченность этих могильников разнообразна, на некоторых участках наблюдается их повышенная концентрация. Для нашей темы важны, однако, не эти территориальные различия в числе могильников на единицу площади, а то обстоятельство, что могильники обнаруживаются по всей степной зоне без больших промежутков между ними. Расселение здесь поэтому, можно думать, было не прерывистым, а сплошным, было обусловлено, по-видимому, и полукочевым образом жизни, сопровождавшим скотоводческий хозяйственный уклад, организованный по отгонному типу⁴².

Переходя к территории Кавказа и Средней Азии, следует учитывать, что значительная ее часть занята обширными по площади высокогорными массивами, налагавшими определенные ограничения на расселение человеческих популяций в ранние эпохи истории человечества. И высокогорья Кавказа, и крупнейшая горная страна Средней Азии — Памир были заселены человеком еще в палеолите⁴³, но отдельные обживавшие высокогорье популяции не образовывали больших массивов населения, и поэтому высокогорные районы оставались слабо заселенными. То же можно повторить и про среднеазиатские пустыни, хотя еще в неолитическую эпоху на территории современной пустыни были поселения, приуроченные к оазисам, но позже занесенные песком, примером чего является Джейтун⁴⁴. В эпоху энеолита и бронзы развитая речная сеть способствовала возникновению отдельных очагов земледельческой культуры, пример чего мы находим в поселениях Геоксюрского оазиса⁴⁵, но преобладающая часть огромных пустынных земель оставалась незаселенной. Таким образом, в горах и пустынях характер расселения человеческих коллективов больше соответствовал не сплошной, а прерывистой форме расселения, отдельные группы были разделены большими пространствами незаселенных территорий.

В то же время в условиях предгорий (в Средней Азии — при обеспеченности водой, на Кавказе — также преимущественно в плодородных и богатых речных долинах) расселение было более или менее сплошным, как об этом свидетельствует распространение археологических памятников⁴⁶. От сплошного расселения европейского типа этот тип расселения отличался определенной степенью концентрации населения по долинам рек, и поэтому его можно назвать линейным, но он безусловно составляет частный случай сплошного расселения: плотность земледельческого населения была достаточно высока, а культурные контакты между отдельными группами интенсивны.

Изрезанный рельеф и большое ландшафтное разнообразие Средней Азии и Кавказа обуславливали значительное локальное своеобразие историко-культурных и демографических процессов в отдельных районах, но в целом общая картина, видимо, была близка к совокупности тех тенденций, которые мы только что обрисовали. Очень вероятно, что подобная ситуация повторялась

и на пологом в географическом отношении пространстве Передней Азии, во всяком случае на составленных археологами картах видно более или менее равномерное распространение неолитических поселений в относительно хорошо изученной Северной Месопотамии⁴⁷, тогда как население высокогорной афганской части Памира, Гиндукуша и Каракорума остается чрезвычайно редким и в настоящее время⁴⁸.

Переходя к внутренним районам Азиатского материка, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также островному азиатскому миру, мы сталкиваемся в еще большей степени, чем ранее, с неравномерностью археологической изученности отдельных территорий и явной недостаточностью исходных археологических данных для полноценного суждения. По аналогии можно предположить, что высокогорные области Внутренней Азии — Тибетское нагорье и горная цепь Гималаев — были заселены лишь редкими группами, а расселение внутри этих областей носило прерывистый характер. Возможно, джунгли и обилие диких хищников, а также заболоченность огромных пространств в низовьях Ганга и Брахмапутры способствовали прерывистому расселению человеческих коллективов и в Южной и Юго-Восточной Азии, но в нашем распоряжении нет достаточно полных конкретных наблюдений, которые могли бы подтвердить этот вывод. Зато можно определенно утверждать, что как междуречье Хуанхэ и Янцзы в Восточной Азии⁴⁹, так и большая часть территории Японских островов⁵⁰ были густо заселены уже в рассматриваемый нами исторический период, о чем свидетельствует плотная сетка открытых археологических памятников. Но подобную ситуацию, характерную для Японских островов, нельзя считать типичной для всего островного мира Восточной и Юго-Восточной Азии: как ни случайны сведения о древнейших этапах развития человеческой культуры на Филиппинских, а также Больших и Малых Зондских островах, они говорят скорее о дискретном расселении, приуроченном к благоприятным прибрежным и речным, а не к лесистым внутренним районам.

Предшествующий обзор характера расселения человеческих групп в пределах Евразии накануне перехода к первым государственным образованиям и в первые полторы — две тысячи лет их существования крайне схематичен, но этот схематизм выглядит вполне оправданным: более детальное изложение материала потребовало бы гораздо больше места, а что касается интересовавшего нас конечного вывода, то он может быть сделан и на основании сделанного нами схематичного обзора. Этот вывод состоит в том, что в рассматриваемую эпоху в пределах Евразии, которая лучше других материков изучена археологически, особенно в отдельных своих областях, и которая поэтому предоставляет нам более или менее объективную информацию, расселение человеческих групп отличалось локальным своеобразием, было в от-

дельных районах достаточно плотным, при малых расстояниях между группами, непрерывным или сплошным, а в других районах — прерывистым, при котором отдельные группы или их совокупности были разделены большими незаселенными пространствами. Поэтому ойкумена, почти соответствовавшая, как уже говорилось, площади всей суши, если экстраполировать на нее наблюдения над характером расселения в Европе и в Евразии в целом, характеризовалась в то же время внутренней дискретностью, внутри нее еще сохранялись и в эпоху первых государств незаселенные и слабозаселенные территории. Естественно, плотность населения была также различной, а это усиливало возникшую еще, по-видимому, в эпоху присваивающего хозяйства демографическую тенденцию неравномерности в численности населения отдельных обширных областей. Итак, неравномерность расселения приводила к неодинаковой плотности населения, а эта последняя приводила к неодинаковой плотности населения в пределах густонаселенных и малонаселенных географических ниш.

Было бы очень целесообразно проверить эти общие соображения и выводы, сделанные из рассмотрения евразийского материала, привлекая данные о характере расселения на рубеже евразийского энеолита и перехода к классовому обществу в Африке, обеих Америках и Австралии, но имеющиеся материалы совсем скудны и мало прибавляют к уже описанной картине. Все же можно воспользоваться информацией о расселении австралийских племен к приходу европейцев, исходя из того, что за последние пять—семь тысяч лет оно могло много раз измениться в деталях за счет изменения охотничьей территории отдельных племен, но сохраняло свой более или менее стабильный характер в целом. Карта распространения племен австралийских аборигенов к началу европейской колонизации показывает, что восточные районы Австралии были заселены как будто более плотно, чем западные, но в целом расселение носило непрерывный характер и в пределах Австралии, за исключением нескольких пустынных областей, не было территорий, свободных от населения⁵¹. Африканский материал, по мнению автора, пока настолько выборочен и случаен, что он требует большой предварительной обработки, чтобы быть использованным для наших целей. Что же касается имеющихся данных о расселении аборигенного населения обеих Америк до прихода европейцев, то, сопоставляя их с ландшафтной и физико-географической картами Американского континента и археологической документацией, можно думать, что в целом имел место тот же неодинаковый для отдельных областей характер расселения, что и в Азии⁵². Вдоль Кордильеров и Анд выделяются густонаселенные участки, перемежающиеся незаселенными территориями. Слабо заселены были пустынные районы и особенно тропические леса.

Итак, на основе этих весьма отрывочных наблюдений можно

с известной вероятностью сделать тот же вывод, который был сделан раньше: вся ойкумена в рассматриваемую эпоху характеризовалась дискретным и неравномерным расселением — наследием миграционных потоков предшествующих эпох и сопровождавших их демографических процессов. Уже освоив площади почти всей суши, человечество продолжало искать и осваивать внутри нее более благоприятные экологические ниши, оставив многие области незаселенными или слабозаселенными.

Демографические характеристики

Восстановление демографической ситуации для любой древней эпохи есть операция, при отсутствии письменных источников целиком опирающаяся на палеоантропологические данные. Данные эти имеют свою специфику и определенные ограничения по сравнению с обычно используемыми источниками демографической информации. Поэтому палеодемография — область палеоантропологии — отличается по своему содержанию от исторической демографии и пользуется рядом условных понятий, не фигурирующих в исторической и современной демографии. К их числу относится детская смертность, или отношение числа умерших детей к числу взрослых, средний возраст смерти взрослых, дающий лишь косвенное представление о средней продолжительности жизни, продолжительности поколения. Условность этих понятий и своеобразие вкладываемого в них содержания следует иметь в виду при чтении последующих страниц.

Детская смертность. Представление о высокой детской смертности в первобытном обществе и в ранних цивилизациях подтверждается многократными наблюдениями и не вызывает сомнений. Ее причины понятны: биологическая ранимость и малая иммунологическая защищенность детского организма, особо опасные при отсутствии гигиены и по большей части слабых средствах народной медицины. В условиях первобытного общества такая высокая смертность служила естественным механизмом регулирования численности первобытных коллективов, может быть, даже более мощным, чем распространенные способы ограничения рождаемости⁵³. Но представление о высокой детской смертности можно детализировать, воспользовавшись для этого палеоантропологическими материалами из могильников, как уже говорилось, которые были полностью раскопаны и при раскопках которых костные остатки людей были внимательно собраны и затем тщательно исследованы. Выполнение этого условия лишает какого-либо значения соображение о том, что материал из женских и детских погребений доходит до нас выборочно, и это обстоятельство якобы деформирует реконструкцию половозрастного состава древнего населения⁵⁴. К сожалению, могильники, по отношению к которым существовала бы уверенность, что они исчерпаны

археологическими раскопками, насчитываются единицами, что ограничивает объем находящейся в нашем распоряжении информации, но никак не снижает ее объективности.

Из многочисленных опубликованных данных удается выбрать десять могильников с территории Евразии, для которых соотношение между детскими и взрослыми погребениями устанавливается на основании полной выборки из могильника. В отдельных перечисленных ниже случаях нет уверенности, что раскопки доведены до конца, но большие площади раскопок и тщательность сбора палеоантропологических материалов все равно позволяют ожидать представительности выборок. Это четыре могильника на территории Западной Европы: Лерна элладской культуры в Греции⁵⁵, Мокрин культуры курганных погребений в Югославии⁵⁶, Тапе той же культуры в Венгрии⁵⁷, Гроссбренбах на территории ГДР⁵⁸; три могильника на территории Европейской части СССР: Выхватинцы трипольской культуры в Молдавии⁵⁹, Хрящевка и Ягодное срубной культуры в Саратовской области⁶⁰, Баланово фатьяновской культуры в Чувашии⁶¹ и три могильника на территории Азиатской части СССР: Тасты-Бутак андроновской культуры в Казахстане⁶², Сапаллитепа культуры крашеной керамики в Узбекистане⁶³ и Карасук III афанасьевской культуры в Хакасской автономной области⁶⁴. Датировка всех могильников в широком диапазоне времени: от последних веков III тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э. — и только некоторые памятники (Хрящевка и Ягодное, Тасты-Бутак) могут относиться к более позднему времени и захватывают вторую половину II тыс.

Приуроченность находящихся в нашем распоряжении данных практически к одному тысячелетию лишает возможности проследить за динамикой увеличения или уменьшения детской смертности, которая могла бы послужить конкретной демографической характеристикой той или иной популяции и происходящих в ней демографических процессов, но в целом можно предполагать относительную стабильность демографических показателей на протяжении рассматриваемой эпохи. Забегая вперед, можно сказать, что, если дифференцировать перечисленные группы стадияльно, в соответствии с этапами археологической периодизации, то сопоставление энеолитических групп (трипольская и афанасьевская культуры) с остальными, представляющими эпоху развитой бронзы, не обнаруживает никаких ощутимых различий направленного характера. Ниже приводится процент детских скелетов по отношению к числу взрослых скелетов по отдельным могильникам.

Лерна	148,9 (140 детских скелетов на 94 взрослых)	Хрящевка и Ягодное	38,9 (14 на 36)
Мокрин	35,6 (58 на 163)	Баланово	161,3 (50 на 31)
Тапе	40,9 (168 на 411)	Тасты-Бутак	148,3 (43 на 29)
Гроссбренбах	80,0 (48 на 60)	Сапаллитепа	67,8 (59 на 87)
Выхватинцы	170,0 (34 на 20)	Карасук III	77,3 (17 на 22)

Отчетливо виден огромный разброс цифр, который позволяет предполагать, что, несмотря на отбор соответствующей информации, мы все же сталкиваемся со случаями недобора детских скелетов, что объясняется их разрушением в земле. Все же и в тех случаях, когда заведомо весь палеоантропологический материал был собран при археологических раскопках и попал в руки антропологов (Баланово, Сапаллятепа, Карасук III), различия велики и свидетельствуют, по-видимому, о конкретной обусловленности детской смертности условиями места и бытовыми обстоятельствами жизни данной популяции. Эти причины, надо полагать, носили сугубо локальную обусловленность и не могут считаться характерными для более или менее обширных районов: значительный контраст в проценте детской смертности обнаруживают могильники и Европейской части СССР, и Средней Азии и Сибири. Не связан этот контраст и с направлением хозяйственной деятельности: носители афанасьевской, андроновской и срубной культур были преимущественно скотоводами, трипольской культуры и крашеной керамики в Средней Азии — преимущественно земледельцами. По-видимому, основную роль играла конкретная медико-географическая обстановка, изучение которой в современных популяциях осуществляется специальной наукой — медицинской географией⁶⁵, но которая, разумеется, не может быть сколько-нибудь полно восстановлена для древних популяций.

Подводя итог рассмотрению этих данных, следует сказать о большой искусственности усреднения при такой разнице в абсолютной величине конкретных значений. С известной вероятностью можно лишь предполагать, что примерно половина людей в среднем по ойкумене умирала в детском возрасте, не достигая репродуктивного периода и оставаясь за рамками процесса воспроизводства. В дополнение к сказанному о значении конкретной медико-географической ситуации для возникновения локальных различий в уровне детской смертности известную роль могли играть и популяционные различия в уровне рождаемости. Совершенно очевидно, что уменьшение уровня детской смертности в рассматриваемую эпоху по сравнению с эпохой камня было одним из мощных факторов роста общей численности человечества.

Средний возраст смерти взрослых. Этот параметр — один из немногих, фигурирующих почти во всех палеоантропологических работах, в которых сообщаются сведения о возрасте изученных скелетов. К сожалению, эти сведения сообщаются не всегда, но и уже опубликованные данные очень многочисленны и могли бы составить предмет монографической сводки. Естественно, они не могут быть здесь приведены, но сводка их по отдельным обширным территориям, например по территории СССР⁶⁶, демонстрирует их относительную однородность, что позволяет и в этом подразделе ограничиться приведением данных по могильникам, по

которым только что рассматривалась информация о проценте детской смертности.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности экстраполяции данных по этим могильникам на население огромных пространств с господством присваивающего хозяйства и в рассматриваемую нами эпоху — это население таежных просторов Северной Азии, Австралии, Африки и обеих Америк. Теоретически говоря, охотники, собиратели и рыболовы могли иметь не тот средний возраст смерти, какой имели земледельцы (выше или ниже — особая проблема), и, следовательно, земледельческо-скотоводческие районы могли противопоставляться в этом отношении всей остальной ойкумене. Оставаясь в рамках попытки не выходить за пределы фактов и по возможности сузить базу чисто теоретических спекуляций, можно привлечь, как думает автор этих строк, с достаточным основанием имеющиеся весьма скромные данные по палеодемографии мезолитических и неолитических могильников, достаточно полно раскопанных и представляющих разные районы ойкумены. Для мезолита такими могильниками можно считать Оленеостровский могильник на Большом Оленьем острове на Онежском озере⁶⁷, могильники Васильевка I и III в бассейне Днепра на Украине⁶⁸ и могильник Тафоральт на территории нынешнего Марокко в Северной Африке⁶⁹. Для неолитической эпохи можно воспользоваться данными по двум могильникам в бассейне Днепра на Украине — Вольненскому⁷⁰ и Вовнигскому⁷¹. Данные о среднем возрасте смерти приводятся дальше в сопоставлении с данными по обществам с производящим типом хозяйства.

	Мужчины	Женщины
Лерна	36,0 (54) ⁷²	33,9 (40)
Мокриц	38,6 (77)	37,4 (86)
Тапе	36,5 (125)	35,9 (128)
Гроссбренбах	39,0 (31)	36,7 (27)
Выхвятицы	49,9 (12)	39,4 (8)
Хрящевка и Ягодное	32,7 (20)	27,0 (16)
Баланово	31,4 (16)	32,0 (15)
Тасты-Бутак	34,4 (14)	37,5 (15)
Сапаллитепе	36,7 (38) ⁷³	33,8 (49)
Карасук III	36,2 (11)	39,4 (11)
Васильевка I	42,3 (11)	40,0 (2)
Васильевка III	36,3 (15)	44,3 (7)
Тафоральт	30,6 (16)	26,5 (10)
Вольнены	29,4 (13)	33,2 (10)
Вовниги (правобережный могильник)	39,9 (42)	42,9 (22)
Вовниги (левобережный могильник)	45,0 (8)	39,2 (4)

Прежде всего, по-видимому, нужно отметить уже ранее обра-

тившее на себя внимание уменьшение возраста смерти у женщин по сравнению с мужчинами. Значение этого обстоятельства не вполне ясно и требует для своего истолкования дополнительного специального исследования, но сейчас пока правдоподобной кажется гипотеза большей зависимости женщин от антисанитарных условий жизни на местах поселений, чем мужчин. Роды в условиях антисанитарии древних поселений должны были вести к увеличению женской смертности. Постоянное пребывание в поселках в отличие от мужчин, деятельность которых проходила преимущественно за пределами этих поселков, также не могла не создавать неблагоприятной санитарно-гигиенической ситуации. Более ранний возраст смерти нельзя поэтому считать сцепленным с половой хромосомой, но он, по-видимому, предопределен по отношению к женскому организму социально, начиная с самых ранних этапов истории человечества.

Вариации возраста смерти по группам людей, оставившим отдельные могильники, обнаруживают себя достаточно отчетливо, но, похоже, не носят направленного характера. Совершенно очевидно, что популяция из Выхватинского могильника, судя по имеющимся данным, содержала больше долгожителей, чем остальные, но, возможно, сами данные в силу малочисленности несут печать случайности выборки? Противоположный полюс как будто занимали люди, оставившие могильник Тафоральт,— они умирали сравнительно рано. Но эти два контрастных случая не меняют общей довольно монотонной картины: если различия в возрасте смерти и существовали реально между отдельными популяциями, то они носили именно межпопуляционный, а не более общий локальный или социально-культурный характер, не отражали разные направления хозяйственной деятельности и уровень ее развития. Весьма вероятно, что в интересующую нас эпоху, как и в более раннее время, стабильная низкая продолжительность жизни продолжала сохраняться и при переходе к земледелию, что уже позволило автору ранее высказываться в том смысле, что так называемая неолитическая революция могла выражаться в подъеме технической оснащенности человечества и увеличении производительности труда, но не повела к резкому изменению демографических показателей. Таким образом, вопрос, поставленный выше,— о существовании направленных различий в продолжительности жизни в общинах охотников и собирателей, с одной стороны, земледельцев,— с другой,— получает негативный ответ. Отдельные общины находились в более благоприятных или менее благоприятных локальных условиях, но за этими локальными вариациями географических или социально-бытовых условий не вскрывается никаких более общих тенденций.

Средняя продолжительность жизни. Полный охват всех захороненных, отражающийся на знании возраста их смерти, дает среднюю цифру смертности полностью, без каких-либо дополни-

тельных приводящих моментов, соответствующую действительности. Но демографы давно обратили внимание на то, что как бы эта цифра ни казалась объективной на первый взгляд, она подвержена сильному влиянию случайных факторов. Речь идет о многочисленных, в совокупности, может быть, и закономерных, но применительно к личной судьбе случайных факторах, влияющих на ту или иную продолжительность жизни: болезнях, несчастных случаях, бытовых и рабочих травмах, военных столкновениях, голоде и т. д. Все это отражается в продолжительности жизни каждого отдельного человека, повторяю, случайно, но в совокупности приводит к однозначному результату — неизбежному сдвигу средней в сторону уменьшения. Поэтому в демографии и были предложены разнообразные способы вычисления подлинно возможной (читай — непременно всегда увеличенной по сравнению со средним возрастом смерти) в потенциальной перспективе продолжительности жизни.

Способы эти разнообразны по своим исходным посылкам: здесь и опора на возрастной интервал в старости с наибольшим числом смертных случаев, и выделение условного возраста с корректировкой его в соответствии с таблицами доживаемости в данной популяции, и, наконец, попытка определения возраста нормальных смертей с игнорированием случаев насильственной или случайной смерти⁷⁴. В соответствии с заложенной в эти способы предпосылкой об искусственном сокращении подлинной продолжительности жизни разными случайными приводящими обстоятельствами все получаемые с их помощью цифры, естественно, в разной степени, но довольно значительно превышают эмпирически получаемые цифры среднего возраста смерти.

Однако применение к палеоантропологическим материалам любых способов определения потенциальной продолжительности жизни на основе возраста смерти встречается с рядом как технических, так и теоретических трудностей. При очень общей возрастной разбивке палеоантропологических коллекций в нашем распоряжении нет многих нужных параметров: возраста наиболее частых смертей, доживаемости и т. д. В принципе их отсутствие можно было бы преодолеть с помощью какого-нибудь формального приема, но сложнее другая трудность более общего порядка: и эпидемический фон, и смерть от случайных причин играют значительно большую роль в уменьшении продолжительности жизни в древние эпохи по сравнению с современностью. При этом можно предполагать, что роль этих факторов не увеличивается относительно по мере все большего и большего отхода от современности в глубь истории, а определяется конкретными географическими и историческими причинами; иными словами, в определенных ситуациях могли действовать какие-то условия, способствовавшие резкому увеличению продолжительности жизни (особо благоприятный медико-географический фон или охота на безопасную для

человека дичь, например) или наоборот. Все это остается нам неизвестным, а, следовательно, неизвестны и поправки, которые следует вводить в формулы определения средней продолжительности жизни в исторической антропологии или палеодемографии.

К какому выводу приводит все это длинное отступление? К тому, что продолжительность жизни не реконструируется удовлетворительным образом применительно к палеоантропологической информации, не реконструируется она и применительно к рассматриваемому нами историческому периоду. Ясно, что средняя продолжительность жизни была выше, чем средний возраст смерти, который можно определить в соответствии с приведенными данными в среднем в 35 лет. Возможно, если бы мы могли использовать для ее определения современный подход, мы получили бы цифру в 45 или 50 лет, вряд ли выше. По-видимому, цифру примерно в 50 лет и можно считать наиболее вероятной, но ее условность, исходя из всего сказанного выше, очевидна.

Продолжительность поколения. Условная продолжительность поколения для древнего человечества чаще всего принимается за 20 или 25 лет; я и сам при расчетах числа поколений, падающих на тот или иной период времени, неоднократно использовал эту цифру. Если принять 15 лет за стандартную поправку среднего возраста смерти, чтобы получить среднюю продолжительность жизни (естественно, при этом приходится пренебрегать многими приведенными соображениями), то для популяций из выше перечисленных могильников можно получить следующую среднюю продолжительность жизни (округляя ее до года).

	Мужчины	Женщины
Лерна	51	49
Мокрия	54	52
Тапе	51	51
Гроссбрэнбах	54	52
Выхватинцы	65	54
Хрящевка и Ягодное	48	42
Баланово	46	47
Тасты-Бутак	49	52
Сапаллитепе	52	49
Карасук III	51	54
Васильевка I	57	55
Васильевка III	51	59
Тафоральт	46	41
Вольнены	44	48
Вовняги (правобережный могильник)	55	58
Вовняги (левобережный могильник)	60	54

Огромнейший материал о времени начала половой зрелости у женщин в современном человечестве обнаруживает территори-

альные и популяционные колебания в 2—3 года, иногда даже больше, но начало менархе отстоит, как правило, от начала деторождения на 3—4 года. Надо думать, что более или менее сходная ситуация существовала и в первобытном обществе. Это позволяет определить время рождения первого ребенка примерно в 18 лет. Время окончания менархе падает в среднем на 45 лет, но время рождения первого ребенка редко падает на период индивидуальной жизни после 40 лет. Эту цифру можно условно принять за окончание репродуктивного периода. Разумеется, для мужчин эти крайние границы могут быть в отдельных случаях несколько отличными, но отличиями этими можно пренебречь, так как не очень ясно, как их фиксировать. Таким образом, мы приходим к 22 годам как к цифре, отражающей длительность репродуктивного периода и, следовательно, скорость смены поколений.

Хотя только что и приведены были цифры потенциальной продолжительности жизни для мезолитического, неолитического населения и популяций эпохи бронзы, цифры эти имеют реальное значение больше для сравнения с современностью, чем сами по себе. Они безусловно обозначают какую-то потенцию изменения возрастных параметров в той или иной группе, но потенция эта редко реализовывалась, и в этом смысле средняя продолжительность жизни как демографический показатель гораздо дальше отстояла от реального среднего возраста людей в древних популяциях по сравнению с современными народами. Реальная же доживаемость, отраженная в среднем возрасте смерти, оказывается в подавляющем большинстве случаев ниже условного рубежа в 40 лет, что еще сокращает реальную длительность поколения. С округлением до года она равна следующим цифрам.

	Мужчины	Женщины
Лерна	18	16
Мокрин	21	19
Тапе	18	18
Гроссбренбах	21	19
Выхватинцы	22	21
Хрящевка и Ягодное	15	9
Баланово	13	14
Тасты-Бутак	16	19
Сапаллитепа	19	16
Карасук III	18	21
Васильевка I	22	22
Васильевка III	18	22
Тафоральт	13	8
Вольнены	11	15
Вовниги (правобережный могильник)	22	22
Вовниги (левобережный могильник)	22	21

Из приведенного списка определенно явствует, что принятый нами и аргументированный выше 22-летний цикл реализовался по отношению к обоим полам лишь в двух случаях из 16 и по отношению к одному из полов — еще в трех случаях. Если вычислить средние по полам для каждого могильника, а у нас нет другого формального приема для получения количественной характеристики продолжительности поколения (подразумевая под ним продолжительность репродуктивного цикла), то средние цифры в порядке могильников распределяются следующим образом (в годах): 17; 20; 18; 20; 21,5; 12; 13,5; 17,5; 17,5; 19,5; 22; 20; 10,5; 13; 22; 21,5. В половине случаев, как мы видим, длительность поколения была меньше 20 лет, а в отдельных случаях (Хрящевка и Ягодное, Баланово, Тафоральт, Вольненский могильник) значительная часть родительского поколения вымирала, не успев вырастить своих детей до взрослого состояния. Все эти четыре случая относятся, правда, к обществам охотников, рыболовов и преимущественно скотоводов. Таким образом, и эти способы расчетов приводят к тому же выводу: продолжительность жизни была незначительной, а смена поколений осуществлялась быстрыми темпами. Основной демографической ячейкой для рассматриваемого периода разложения позднеродовой общины и перехода к классовому обществу была, следовательно, популяция, состоявшая преимущественно из трудоспособных членов коллектива, с малым процентом стариков и высокой детской смертностью.

Общая численность человечества. Методическая процедура определения численности человечества для периодов дописьменной истории, как уже упоминалось, настолько условна, что многие серьезные авторы вообще отказываются приводить какие-либо цифры и рассматривают рост численности человечества, начиная, например, с Римской империи рубежа н. э. Так поступили У. и Э. Войтинские в фундаментальной книге, ссылка на которую приведена в прим. 1. Также поступает и К. Виттхауер, так поступает и Б. Ц. Урланис⁷⁵. Однозначно предполагается, что все попытки определить численность человечества в более ранние эпохи его истории носят ненаучный характер, и в этом видно следующее за вполне справедливыми критическими соображениями Д. Юма (середина XVIII в.) и К. Белоха (последняя четверть XIX в.) о крайней ненадежности почти всех древних письменных источников, касающихся исчисления населения даже в античной Европе.

С точки зрения автора, некоторый плацдарм для объективного определения численности человечества в разные эпохи дает информация о численности населения Сибири к приходу русских. Аналогичные данные были бы важны по численности коренного населения обеих Америк и Австралии к моменту начала европейской колонизации, но они значительно менее надежны, чем сведения о численности коренных народов Сибири, полученные

Б. О. Долгих на основе исчерпывающей сводки архивных документов о сборе ясака в разных районах Сибири⁷⁶. По расчетам Б. О. Долгих, Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. населяли 236 275 человек, округленно 240 тыс. человек. Советский Союз с площадью примерно в 22,4 млн. кв. км составляет 15% общемировой суши (включая Антарктиду), площадь Сибири — 12,7 млн. кв. км, т. е. 8,7% площади мировой суши (включая все районы Советского Дальнего Востока). Можно достаточно уверенно предполагать, что в эпоху до появления производящего хозяйства плотность населения и распределение его по зональным ландшафтам более или менее соответствовали тому, что мы застаем в Сибири до присоединения к России. На это можно было бы возразить, что в тропиках, скажем, она была иной. Но тропическая зона создает свое, присущее только ей экстремальное давление на человеческие коллективы. Влияние европейской культуры, исключительное ландшафтное разнообразие территории Сибири и достаточная хозяйственно-культурная дивергенция населяющих ее коренных народов говорят в пользу предположения о возможности экстраполяции соответствующих данных на всю ойкумену.

Открытия последних лет, в частности верхнепалеолитических стоянок за Полярным кругом, значительно изменили наши представления о границах первобытной ойкумены в разные эпохи, поэтому условно примем с большей или меньшей степенью вероятности, что в верхнепалеолитическое время вся суша, кроме, естественно, Антарктиды, входила в ойкумену. Конфигурация береговой линии была кое-где другой, могли существовать сухопутные мосты через проливы, но это не меняет принципиально наших расчетов. Площадь Антарктиды составляет 9,3% площади суши. Следовательно, общая численность человечества в эпоху достаточно развитого присваивающего хозяйства, т. е. в верхнем палеолите и мезолите, могла составлять приблизительно 2,5 млн. человек. Учитывая, что многие внутренние районы ойкумены оставались слабоосвоенными человеком, в частности крайне неблагоприятны для обитания были все высокогорные области, откуда, кстати сказать, несмотря на направленные поиски, мы имеем пока мало верхнепалеолитических и мезолитических памятников, есть все основания считать эту цифру еще завышенной.

В каком отношении эта цифра находится к предшествующим, фигурировавшим в литературе? Наиболее известны цифры американского демографа Э. Диви, согласно которому численность верхнепалеолитического человечества составляла 3340 тыс. человек, к началу мезолита, т. е. к началу VIII тыс. до н. э., она возросла до 5320 тыс. человек⁷⁷. В литературе немало разных гипотез искусственного регулирования численности первобытных коллективов с помощью детоубийства и других превентивных механизмов, вызывающих много возражений и с фактической, и с

теоретической стороны, но и в наиболее объективном очерке темпов воспроизводства в первобытном обществе, принадлежащем перу В. И. Козлова, эти цифры цитируются сочувственно⁷⁸. К сожалению, Э. Диви не приводит исходных посылок расчета приводимых им конечных цифр, кроме самых общих соображений, и поэтому, как ни шатки принятые нами основания для соответствующих вычислений, они кажутся предпочтительнее, как и сами результаты вычислений. Цифра в 2,5 млн. человек представляется с нашей точки зрения максимально допустимой для численности человечества при переходе его от присваивающего к производящему хозяйству.

На это можно было бы возразить, что в приведенных расчетах нет необходимого элемента динамики и что для эпох верхнего палеолита и мезолита допускается одинаковая или во всяком случае близкая численность человечества, тогда как на самом деле она должна была бы быть различной в силу естественного прироста численности человечества в более поздние эпохи по сравнению с более ранними. Однако, постулируя непрерывный рост численности человечества, мы, не имея на то достаточных оснований, ретроспективно экстраполируем наши знания демографических процессов в классовом обществе на эпохи дописьменной истории человечества. Более чем вероятно, что, скажем, численность нижнепалеолитического человечества была много меньше, чем верхнепалеолитического, и не только за счет меньшей площади нижнепалеолитической ойкумены в сравнении с верхнепалеолитической, но и за счет большей плотности населения, проистекавшей из более развитых способов эксплуатации охотничьих территорий. Однако на каком-то уровне развития присваивающего хозяйства достигался предел использования природных ресурсов, после чего численность замирала при прочих равных условиях на определенном уже достигнутом уровне. Археологи всего мира вот уже много лет жалуются на трудность обнаружения, редкость и бедность мезолитических памятников, о каких бы территориях ни шла речь. Одна из вероятных гипотез видит объяснение этого в изменении образа жизни и кратковременности мезолитических стоянок. Но не может ли сама их редкость свидетельствовать не о прогрессивном увеличении численности человечества в эпоху мезолита по сравнению с верхнепалеолитическим временем, а о регрессе численности в силу каких-то экологических или иных причин? Такое предположение также не кажется невероятным в свете наших сегодняшних знаний о конкретных событиях истории каменного века.

Так или иначе, цифру в 2,5 млн. человек, сознавая всю ее условность, как уже говорилось, мы принимаем в качестве исходной при начале перехода к земледелию и скотоводству. Опубликованная А. Кабакер сводка радиоуглеродных дат для поселений с элементами развивающегося производящего хозяйства позволя-

ет составить довольно ясное представление о хронологии перехода от присваивающей экономики к производящей на территории всех стран Передней Азии и Средиземноморского бассейна в целом⁷⁹. Ее можно было бы дополнить кое-какими более новыми датами, но они не меняют сущности дела. Однако в связи с недостаточным числом обнаруженных до сего времени памятников наши знания о географии распространения производящего хозяйства по тысячелетиям имеют очень много пробелов: в частности, очень трудно еще представить себе, какой процент области с производящим хозяйством составляли по отношению к ойкумене в разные тысячелетия до н. э., в том числе и на протяжении рассматриваемого периода. Будучи лишены достаточно конкретных данных об этом, мы вынуждены опять прибегать к условным допущениям, стараясь, конечно, держаться более или менее правдоподобных оценок. В качестве такой высокой, но реалистической оценки можно принять, что переход к производящему хозяйству осуществился примерно в пределах 1% суши, и площадь эта оставалась того же порядка в Передней Азии до V тыс. до н. э., хотя, конечно, известное увеличение числа скотоводческих и земледельческих общин имело место за четыре первых тысячелетия развития производящего хозяйства. Мы вынуждены оставить это увеличение без внимания из-за отсутствия конкретных данных и для удобства счета.

1% земной поверхности — это огромный район в 1470 тыс. кв. км, в географических границах которого проживало, по принятому сибирскому масштабу, 27 600 человек, скажем, 28 тыс. человек. С. И. Брук приводит для эпохи позднего средневековья цифру естественного прироста в 2‰, для XVIII—XIX вв. — 4‰⁸⁰. Переход к земледельческому и скотоводческому хозяйству от собирательства, охоты и рыболовства, естественно, значительно расширил возможности первобытного человека в добыче продуктов питания, но не освободил его ни от эндемических заболеваний и эпидемий, ни от антисанитарных условий жизни. Медицинская помощь известна уже с палеолита. В эпоху мезолита, как показывают палеопатологические наблюдения, делался трепанация черепа. Возможно, земледельцы еще продвинулись в накоплении медицинских знаний, но продолжительность жизни продолжала, мы помним, оставаться небольшой, а детская смертность колоссальной. В лучшем случае 1‰ можно рассматривать в качестве трезвой оценки естественного прироста для общества ранних земледельцев и скотоводов. Удвоение численности при таком естественном приросте и при отсутствии действия губительных пандемий происходит за 700—750 лет, т. е. с IX до V тыс. до н. э. имело место пять раз, а численность группы в 28 тыс. человек, вступившей на путь развития в рамках производящего хозяйства, должна была достигнуть максимум около 1,5 млн. человек. Вместе с 2,5 млн. человек охотников, собирателей и рыболовов

это дает для конца VI тыс. до н. э., т. е. для начала рассматриваемого нами исторического периода, цифру в 4 млн. человек общей численности человечества.

Эта оценка оказывается еще более скромной, чем предыдущая для эпохи верхнего палеолита и начала мезолита, по сравнению со всеми другими оценками, фигурирующими в литературе. Упомянутый выше Э. Диви дает, например, в качестве общей численности населения на рубеже V—IV тыс. огромную цифру в 86,5 млн. человек. Оценки советских демографов менее оптимистичны, но и по их мнению к началу V тыс. до н. э. на земле проживало 30 млн. человек⁸¹, т. е. в восемь раз больше, чем в соответствии с нашими расчетами. Однако преимущество этих расчетов при всей их уязвимости состоит в определенности и четкой методической оговоренности промежуточных процедур, почему я не вижу возможности отказываться от конечных результатов. Цифра в 4 млн. человек на начало рассматриваемого нами исторического периода разложения позднеродовой общины кажется достаточно вероятной.

Как выросла численность человечества к концу этого периода, т. е. к середине II тыс. до н. э.? Совершенно очевидно, что первоначальные площади распространения производящего хозяйства на протяжении трех с половиной тысяч лет, начиная с начала V тыс. до н. э. и кончая серединой II тыс. до н. э., постепенно росли за счет тех ландшафтных участков, которые позволяли переход к земледелию и скотоводству. Однако на основании того, что мы знаем теперь из археологических материалов, можно достаточно определенно утверждать, что земледельческо-скотоводческие общины на ранних этапах развития производящего хозяйства были более или менее обширными островами, окруженными популяциями охотников, собирателей и рыболовов, т. е., что ойкумена была дискретна в хозяйственно-культурном отношении. К середине II тыс. до н. э. площадь, освоенная под производящее хозяйство, учитывая не только переднеазиатский, но и другие очаги его возникновения (менее, правда, мощные, чем переднеазиатский), составляла уже, конечно, несколько процентов всей площади суши, но определение конкретной цифры требует специального археологического исследования, да и не диктуется задачами рассмотрения нашей темы. Если считать сохранение естественного прироста прежним (1‰ в год), то 1,5 млн. земледельцев могли возрасти к середине II тыс. до н. э. до 40 млн. человек. Трудно взвешивать демографические масштабы восточноазиатского, юго-восточноазиатского и центральноамериканского очагов перехода к производящему хозяйству, но не кажется невероятным, что они могут увеличить приведенную цифру в полтора или два раза. Итак, начав с 4 млн. численности к началу эпохи разложения позднеродовой общины и перехода к классовому обществу, человечество к концу этой эпохи могло достигнуть числен-

ности почти в 100 млн. человек. Таков итог демографического развития человечества за три с половиной — четыре тысячи лет, начиная с рубежа VI—V тыс. до н. э. и кончая серединой II тыс. до н. э.

Этническая картина

Обилие этнонимов, сохраненных древнейшими письменными источниками, неоднократно подвигало историков к нанесению их на географическую карту. Такие карты ввиду спорности локализации многих этнонимов различаются между собой, на них осталось еще много «белых пятен», но в целом они дают некоторое представление об этническом многообразии в рамках центральной полосы Евразии ко времени возникновения древнейших государств⁸². Параллельно с этим и археологи опубликовали значительное число более или менее подробных карт археологических культур эпохи неолита и бронзы, многие из которых с большими или меньшими основаниями рассматриваются как отражающие этническую специфику⁸³. Постоянно идущей работе по этнической привязке археологических культур не видно конца, она идет с переменным успехом уже много десятилетий, и, не углубляясь специально в ее результаты и ведущиеся вокруг них дискуссии, мы можем констатировать, что во многих случаях она пришла к достаточно объективным и хорошо обоснованным выводам.

Однако древние этнонимы интересны для нас не сами по себе, не как предмет для филологической критики и лингвистического анализа, а как выражения какой-то исторической реальности, обозначение этнической специфики, формы которой нам хотелось бы вскрыть, воспользовавшись для этого как вещественно-культурными реалиями, так и письменными свидетельствами. И вот тут-то письменные источники крайне молчаливы, не дают полноценной информации об этническом лице скрывающегося за этнонимом народа или эта информация очень ограничена, и даже при специальном исследовании в большинстве случаев трудно ожидать получения такой полноты характеристики, например, которую получил М. В. Крюков при анализе китайских источников, анализируя бытовые, психологические, языковые и прочие противопоставления собственно древнейших предков китайцев и окружавших их народов — «варваров»⁸⁴. Поэтому больше известно, какие народы существовали в ту или иную эпоху в том или ином месте, можно догадаться даже в ряде случаев, на каких языках они говорили, но отрывочны сведения об их происхождении и истории, а главное, о процессах их этнической дифференциации с другими народами. Все это подобно тому, как если бы в подавляющей массе случаев, рассматривая современную этническую карту, мы ничего не знали о народах, кроме названий.

В одной из предшествующих работ автору этих страниц пришлось аргументировать точку зрения о том, что одной из фундаментальных причин появления этнических различий является такое социально-психологическое явление, как осознание близости членом своего коллектива и отчужденности их от членов всех остальных коллективов⁸⁵. При такой точке зрения естественным было датировать начало формирования этнических различий самыми ранними этапами антропогенеза. Подобный подход встретил критические возражения, но в конечном итоге автор этих возражений признал, что у архантропов могли иметь место какие-то зачатки этнических общностей⁸⁶, что полностью лишает дальнейший обмен критическими соображениями какого-либо смысла, так как я тоже не считаю этнические общности раннего и среднего палеолита четко организованными в структурном отношении и полностью сравнимыми с более поздними, уже развитыми этническими образованиями, о чем и написано в статье, на которую выше сделана ссылка.

Если предполагать очень раннее формирование зачатков этнических различий и соответствующее этому раннее оформление каких-то этнических общностей, то из этого автоматически вытекает наличие довольно сложной этноструктуры человечества на закате первобытного общества, которая была образована разными по форме и характеру этническими компонентами. Типология их определялась численностью, приуроченностью к присваивающему или производящему хозяйству, уровнем развития социальной организации в рамках соответствующей этнической общности, в частности образованием нарождающейся политической власти, наконец, социальной стратификацией внутри самой этой этнической общности. Многие из этих параметров остаются неизвестными по отношению к конкретным обществам, и в этих случаях возрастает роль этнографических аналогий, несмотря на все сказанное выше о необходимости пользоваться ими с большой осторожностью. Независимость части этих параметров друг от друга также относительна: ясно, что малочисленные этнические образования при прочих равных условиях имели меньше шансов для дальнейшего развития, а это означает для построения системы внутренней многоступенчатой стратификации и институтов политической власти. В то же время эти характеристики как будто не обнаруживают повторяющейся связи с принадлежностью к кругу потребляющих или производящих обществ: не давая обзор всех относящихся к этой проблеме этнографических материалов, укажу лишь, что североамериканская этнография дает хороший пример развитой племенной организации (институт племенных вождей, войны между племенами и т. д., т. е., пользуясь традиционной терминологией, общество «военной демократии») при преимущественно охотничьем направлении хозяйственной деятельности.

Итак, этническая структура общества эпохи разложения позд-

неродовой общины сложна, асимметрична в силу входящих в ее состав разных компонентов, была по-разному организована в различных участках ойкумены. И речь идет не только о нескольких крупных пародах численностью в несколько миллионов человек или близкой к тому, сформировавшихся параллельно с образованием древнейших государств (древние египтяне, предки китайцев), но и о подавляющей массе догосударственных этнических образований, находившихся на разных ступенях общественного развития и вобравших в себя многие из предшествовавших локально действовавших этнокультурных и языковых традиций. Но как бы ни была многообразна форма этих структурных компонентов этнической организации первобытного общества, все же будет правильным, по-видимому, утверждать, что племя в тех или иных ипостасях играло роль одного из наиболее часто встречающихся структурных компонентов. При этом под племенем следует понимать не те четкие и во многом неповторимые формы племенной организации, которые были выявлены Л. Морганом у некоторых групп индейцев Северной Америки, например у ирокезов, а нечто более аморфное: какую-то общность, выражающуюся в общем языке и общей хозяйственной деятельности, большем или меньшем осознании родства и общего происхождения, определенном наборе культурно-бытовых особенностей⁸⁷. Последнее чаще всего сопровождается более или менее единым ритуалом. Тонко дифференцированные и богатые по содержанию культуры, а также жесткая организация политической власти предстают, по-видимому, уже как известный итог предшествующего племенного развития, как более высокая ступень в организации племени и племенном сознании, которое по существу является этническим⁸⁸.

Этнографические наблюдения многократно зафиксировали очень интенсивные этнокультурные контакты между племенами, относящимися к семье носителей близкородственных языков. Такие контакты приводят к образованию надплеменной организации, при которой уже не племя как таковое, а группа племен выступает в виде определенной этнической общности. Подобное многоплеменное этническое образование представляет собою, по-видимому, некоторый итог предшествующего этнического развития, определенный более высокий этап в эволюции форм этничности по сравнению с отдельным племенем. В принципе следовало бы проследить, не образуется ли многоплеменное этническое образование в отдельных случаях за счет сегментации единого племени, но это второстепенный вопрос для нашей темы, к тому же требующий специального исследования. Для такого многоплеменного этнического образования предложено не одно наименование: его называют соплеменностью⁸⁹ или метаплеменем⁹⁰, имеет место полемика вокруг терминологического удобства и этимологического соответствия этих названий⁹¹, но суть дела от этого мало меняется: так или иначе соплеменности, или метаплемена,

могут быть выделены в качестве самостоятельных компонентов этнической структуры человечества на рубеже его перехода к классовому обществу, и такой же самостоятельный компонент образуют отдельные племена.

Кажется небесполезным обратить внимание на соотношение племен и метаплемен, или соплеменностей, с уровнем хозяйственного развития тех или иных коллективов. Ни археологические, ни этнографические данные не дают определенной возможности обнаружить четкие контрастные черты в социальной структуре и своеобразии этнического лица земледельческих или скотоводческих племен и племен охотников, собирателей и рыболовов, т. е. племен присваивающей и производящей стадий в развитии хозяйственной деятельности древнейшего человечества. То же можно повторить и про метаплемена, или соплеменности. Хотя производящие формы экономики несомненно более эффективны и прогрессивны, чем присваивающие, но связь с ними развития социальной организации и этнических признаков многоступенчатая, прямые аналогии между ними не улавливаются никакими методами этнографического исследования или улавливаются лишь как динамические тенденции. По-видимому, в эпоху начала перехода от присваивающего хозяйства к производящему и на протяжении следующих за ним непосредственно тысячелетий сложная диалектика этнического развития состояла в том, что довольно сложные формы социальной организации и этничности достигались и в рамках высокоразвитого присваивающего хозяйства, и в рамках делающей первые шаги производящей экономики. Однако, поскольку вторая была обращена в будущее, а изживающее хозяйство — в прошлое, постольку представляется целесообразным подразделить соответствующие этнические образования на две категории: этносы — племена присваивающей и этносы — племена производящей стадии, этносы — метаплемена, или соплеменности, присваивающей и этносы — метаплемена, или соплеменности, производящей стадии. Налицо, следовательно, минимум четыре компонента этнической структуры, которую мы сейчас рассматриваем.

Жесткая организация власти, превращающая племя или совокупность племен в этнопотестарную общность, характерна во всяком случае для метаплемен, или соплеменностей, вроде конфедерации криков или лиги прокезов, и такие образования увеличивают число компонентов рассматриваемой этнической структуры до шести. Если прибавить к ним упомянутые выше крупные народы внутри первых государств, то число это увеличивается еще на один компонент. Наконец, судя по этнографическим материалам, какое-то своеобразное положение в интересующем нас отношении могли, по-видимому, занимать изолированные народы в горных местностях⁹². Внутри таких народов шли или могли идти внутренние процессы социальной стратификации не за счет

11 История первобытного общества

имущественного расслоения, а вследствие выделения престижных групп или престижных родов, целиком обязанных престижности своим происхождением, например более раннему появлению в пределах той или иной территории. Горная изоляция способствовала автономизации процессов развития от индустрических влияний, стабилизировала поэтому от поколения к поколению внутриэтническую стратификацию и при благоприятных условиях приводила в отдельных случаях к самостоятельному образованию зачаточного государства. Имущественное расслоение и классовообразование следует в подобных ситуациях за социальной стратификацией престижного характера. Народы с таким типом развития, занимавшие особые окраинные территории, — похоже, еще один компонент этнической структуры эпохи разложения первобытного общества.

Все только что сказанное опирается на этнографический материал по многим населяющим горные районы обществам Восточной Индии и Юго-Восточной Азии в целом, некоторых других областей Азии и Африки. Сейчас появилась возможность дополнить его данными о социальной структуре и этнической дифференциации народов, заселяющих предгорья и высокогорные долины Главного Кавказского хребта⁹³. Автор исследования Г. А. Меликишвили вполне справедливо пишет о том, что образование автономной государственности было невозможно в горных районах Кавказа, ибо они входили в сферу влияния государственных образований в равнинных районах Грузии. Но он приводит убедительные данные в пользу необходимости отхода от традиционного взгляда на горные общества как на территориально-родовые и вскрывает внутри них довольно интенсивный процесс классовообразования. Что же касается их этнического лица, то этническая самостоятельность отдельных групп подчеркивается всеми доступными нам этническими маркерами: языком, культурно-бытовыми особенностями, территорией, самосознанием.

Но и этот рассмотренный нами своеобразный компонент этнической структуры общества в эпоху, предшествующую появлению государства, не исчерпывает ее полностью. Следует сказать еще о племенных или межплеменных этнических общностях, которые попадали в условия изобильной продуктивности эксплуатируемых ими биоценозов. Недавно в литературе был специально рассмотрен пример такой группы, иллюстрированный одновременно и археологическими, и этнографическими данными. Это эскимосы, проживавшие на побережье пролива Синявина и на о. Ытыграп. Воздвигнутое ими монументальное сооружение «Китовая аллея» является уникальным на азиатском побережье⁹⁴ и может по масштабу (но не по конструктивным особенностям) сравниться лишь с грандиозным эскимосским кладбищем, раскопанным в Ипиутаке (мыс Хоп на Аляске)⁹⁵. Весьма вероятная датировка «Китовой аллеи» — позднепунукское время, т. е. XII—XIV вв.

н. э. При интерпретации результатов исследования его авторы С. А. Арутюнов, И. И. Крупник и М. А. Членов справедливо пишут о сложной социальной структуре эскимосского общества в эту эпоху, что совпало с исключительно благоприятными экологическими условиями. Такое совпадение повело к хозяйственно-культурному расцвету, появлению имущественного расслоения, усложнению сферы надстроечных явлений, на одно-два столетия сделало эскимосов данного района, говоривших, как и многие другие локальные группы эскимосов, на своем собственном языке, «народом накануне классов».

Пример этот — не единственный из древней истории эскимосов. Упомянутое выше огромное кладбище в Ипиутаке, погребения в котором демонстрируют отчетливую имущественную стратификацию, могло появиться на побережье в условиях суровой Арктики, как и огромный поселок рядом с ним, к которому оно относится, лишь вследствие исключительного обилия морского зверя, носящего сезонный характер⁶⁶.

Все это, правда, явления, типологически относящиеся к эпохе разложения первобытного общества, но хронологически гораздо более поздние, чем рассматриваемый нами отрезок времени. Но С. А. Арутюнов, И. И. Крупник и М. А. Членов не без оснований видят аналогии «Китовой аллее» в Стоунхендже и других мегалитах Европы эпохи неолита и бронзы, а также в мегалитических сооружениях Андского нагорья, оставленных земледельческими предклассовыми или раннеклассовыми обществами. В общем можно констатировать, что при избытке природных ресурсов образуется, по-видимому, этническая общность эпохи разлагающейся позднепервобытной общины, внутри которой начинает идти процесс имущественного расслоения, может быть, даже классовообразования. Такие общности образуют девятый и, надо думать, последний компонент этноструктуры эпохи заката первобытного общества.

Автор далек от мысли считать эту структуру типологически исчерпанной после всех предложенных вниманию читателя соображений о составляющих ее компонентах. Дальнейшие исследования безусловно должны внести в нее коррективы и дальнейшие дополнения. Но намеченные формы этносов, по-видимому, отражают имевшие место в исторической действительности динамические тенденции их развития. Во всяком случае, сейчас трудно добавить к этой типологической схеме что-нибудь фундаментальное, что изменило бы ее не в отдельных конкретных деталях, а по существу.

Переноса все сказанное в диахронную плоскость, следует отметить, что, как уже ясно видно из предыдущего, попытка построить временной ряд из выделенных форм этнических общностей вряд ли может принести какой-либо успех. Более фундаментальным выглядит, если говорить об исторической динамике

и хронологической периодизации, противопоставление в рамках рассматриваемой эпохи ранних этнических общностей поздним, с выделением рубежа IV—III тыс. до н. э. в качестве хронологического рубежа между ними. Речь идет о возникновении первых древнейших государств и, следовательно, о выделении апополитейных и синполитейных этносов. Влияние государственных образований на окружающую их доклассовую периферию специально рассмотрено в серии статей, объединенных в сборник, на который раньше была сделана ссылка⁹⁷, и здесь нет необходимости повторяться. Скажу, однако, что влияние древнейших государств на этнообразование в окружающих районах не могло не быть особенно сильным: огромная концентрация населения в границах государства при разреженности его на периферии, контраст между высокой плотностью населения внутри государственных границ (при их условности в эпоху образования первых государств лучше, наверное, говорить не о государственных границах, а о границах влияния) и малой на периферии сразу же стали возмущающим фактором этнообразования, выбрасывая огромные массы населения в силу высокой плотности на периферию, втягивая одни этносы в процесс консолидации, приводя в походах и войнах к уничтожению других и т. д. Отзвуки таких событий должны были доходить и до окраин ойкумены и в целом, конечно, не только возмущали, но и интенсифицировали этнические процессы, будь то усиление консолидации или дифференциации.

Таким образом, в общей форме, по-видимому, можно утверждать, что в этнических процессах эпохи разложения позднепервобытной общины имели место две стадии: до и после рубежа IV—III тыс. до н. э., т. е. до эпохи образования первых государств. Можно предполагать, что вторая стадия отличалась от первой более интенсивным этнообразованием.

Нельзя не упомянуть, что в противовес сказанному для периодизации этнических общностей эпохи разложения первобытного общества выдвигался принцип их организации из более мелких племенных единиц и привязки к определенной территории, т. е. в целом ареальный подход к самому процессу этнической дифференциации⁹⁸. В связи с этим были выделены два типа этнических общностей: более ранняя межгрупповая, или мегрео, и более поздняя территориальная, или торео. Не отрицая в целом исключительного значения ареала в формировании любых этнических общностей, должен все же сказать, что в существующей историко-этнографической литературе нелегко подобрать классические примеры таких общностей, а затем археологически доказать, что жестко территориально приуроченные этносы являются более поздними, чем так называемые межгрупповые. Поэтому разнесение этнических образований эпохи разложения позднепервобытной общины по категориям апополитейных и синполитейных вы-

глядит более оправданным с исторической точки зрения, тем более что такое разнесение имеет и четкую хронологическую привязку — время возникновения первых государств.

*Этнообразование
в связи с классовобразованием
и организацией власти*

При изложении данных о типах этнических общностей в интересующую нас эпоху истории человечества бегло упоминалось о сопровождающих их процессах классовобразования и организации политической власти. Сейчас нам предстоит рассмотреть эту проблему в целом, опираясь преимущественно на наблюдения над поздними синполитическими обществами. Основной недостаток этих наблюдений тот, что они синхронны и перевод их в диахронный ряд есть всегда результат большей или меньшей экстраполяции. Но они в смысле полноты не уступают почти немым в этом отношении археологическим материалам, а письменная информация не дает в подавляющем большинстве случаев надежных оснований однозначной интерпретации и, как уже говорилось, относится лишь к малой части тогдашней ойкумены.

В. А. Шнирельман произвел тщательный обзор литературы о разных формах этнических общностей в первобытном обществе и проследил динамику во взглядах на племенные структуры как на этнические структуры и роль в их образовании политических и культурных факторов⁹⁹. Историко-этнологическая литература на эту тему исключительно богата и общими соображениями, и фактическими наблюдениями, и здесь можно выделить лишь основные моменты. Прежде всего нельзя не отметить, что, рассматривая проблему в исторической перспективе, мы видим гораздо более определенные формулировки у начала исследования, в XIX — начале XX в., чем в более позднее время и особенно при переходе к современной эпохе. Многие представители эволюционной школы в этнологии рассматривали институт власти как один из основных институтов образования племени, иногда придавая ему первенствующее значение. Такой подход был характерен и для трудов наиболее выдающихся деятелей эволюционного направления Л. Моргана и Э. Тэйлора. Но в дальнейшем было показано, что централизованная власть во многих племенных объединениях совсем не есть единственный критерий племени, ее наличие слабо выражено во многих случаях, тогда как племенное единство отражается в культуре, языке, самосознании, территории и т. д. Хотя каждый из этих критериев ни в коей мере нельзя считать абсолютным, но роль их не менее, а часто и более важна, чем роль политического объединения.

В этой связи фундаментальным представляется выделение вожества (вождество — термин, не очень соответствующий духу

русского языка, но иной трудно подобрать для английского слова *chiefdom*; во всяком случае он все шире стал употребляться в этнографической литературе на русском языке) как одной из форм племенной организации, внутри которой основную роль приобретает централизация власти в руках племенного вождя¹⁰⁰. При такой организации общество сразу же переходит к жесткой внутренней структуре и стремится к расширению своей территории, границы которой приобретают известную округленность.

В современной литературе все более широкое распространение получает точка зрения, согласно которой политическая или потестарная организация имела место на всех этапах истории первобытного общества, кроме, может быть, лишь самых экономически неразвитых обществ охотников и собирателей, и проявляла себя в разных формах, начиная с жесткой централизованной власти, объединяющей несколько племен, и кончая сосуществованием центральной власти с племенными органами самоуправления¹⁰¹. Предложена разработанная дефиниция для разных форм потестарных отношений, но все эти формы в действительности связаны многими переходами, и поэтому дефиниция эта до дальнейших углубленных исследований пока остается достаточно умозрительной.

Как переносится все сказанное на динамику этнических общностей эпохи разложения первобытного общества? По аналогии с современными или близкими к современности отсталыми обществами можно думать о том, что потестарная организация, или организация власти, обслуживала несколько функций, обеспечивая механизм саморегуляции общества, так сказать общественный гомеостаз, поддерживая уже достигнутый уровень общественного развития и способствуя в связи с ростом численности и экономическими достижениями территориальной экспансии данной этнической группы. Л. Е. Куббель в цитированной выше статье сочувственно цитирует точку зрения С. Надела о власти как о такой общественной функции, которая обеспечивает самовоспроизведение самого общества в том смысле, что без этой функции нормальная жизнь общества как самовоспроизводящейся системы невозможна¹⁰². Формально говоря, это, по-видимому, верно, так как без какой-то организующей силы нормальное функционирование даже небольшого коллектива людей в простейших формах совершенно невысказано.

Но всегда ли именно власть в узком смысле слова выступала в роли этой организующей силы? Противопоставление своих чужим обнимает психологическую сферу, но оно лежит в основе возникновения этнического самосознания, которое не менее реально цементирует любой коллектив, чем любые формы официальной власти¹⁰³. Язык, общие традиции бытовой культуры, сумма знаний, образующих информационное поле,— также важные компоненты саморегуляции общества. Таким образом, обществен-

ный гомеостаз в широком смысле слова поддерживался не только властью, хотя потестарные институты несомненно играли в нем важную роль. При всей спорности интерпретации многих богатых погребений эпохи неолита и бронзы как погребений вождей все же само наличие таких погребений свидетельствует в пользу представления о выделении в это время слоя социально значимых личностей, общественные возможности которых с потестарной точки зрения не могли не быть значительнее, чем у рядовых членов коллектива. Интересным археологическим примером, иллюстрирующим эту мысль, являются хронологически более поздние, но стадильно относящиеся к эпохе именно разложения родовой организации богатые погребения в Лации, интерпретирующиеся как захоронения занимавшей высокое место в системе социальной иерархии и обладавшей значительной властью племенной аристократии¹⁰⁴. Те же явления иллюстрирует и общественный строй западногуннской «державы», также важный для нас в том отношении, что он документирован и письменными источниками, и археологическими материалами¹⁰⁵.

Из тех факторов, которые особенно важны в этнообразовании, потестарный механизм влияет в первую очередь на организацию территории: любой коллектив при прочих равных условиях стремился занять максимум территории, которую он только мог освоить на достигнутом уровне экономического развития и при соответствующей численности. Параллельно с этим проявляется стремление к упорядочению и более или менее жесткому округлению границ эксплуатируемой территории. Для эпохи заката первобытного общества и образования первых классовых государств известный материал для суждения об этом дают археологические данные. Вопрос о характере археологических границ на тех или иных территориях и в определенные конкретные эпохи неоднократно ставился в археологической литературе, и по нему накоплена большая литература¹⁰⁶. Не утратила до сих пор своего значения старая работа П. И. Кушнера по сопоставлению археологических границ с историко-этнографическими в Восточной Прибалтике и их этнической интерпретации¹⁰⁷. Но проблема археологической границы вообще, ее характера, проницаемости, влияющих на нее факторов никогда не разбиралась на панорамном и трансэпохальном уровнях, она как следует практически до сих пор не поставлена в археологической науке. Между тем совершенно очевидно, что, если бы знали основные причины, определяющие чересполосность или, наоборот, монолитность археологических границ, мы были бы в состоянии с гораздо большей определенностью судить об их этническом значении в древности, чем делаем это теперь.

Проблема переноса на карту реальных границ археологических культур — тонкое и сложное дело, требующее от исследователя и реального знания характера размещения уже открытых памят-

ников, и учета неполноты информации о них, и немало такта в интерпретации спорных моментов, так как любая форма археологического картографирования при современном уровне наших знаний все же остается несвободной от субъективизма. Все же можно отметить, что при всей условности сопоставления карт археологических культур, скажем, эпохи позднего неолита и бронзы с более ранними, четкая определенность археологических границ видна там, где в нашем распоряжении есть достаточное количество фактических данных, например по Европе. Она выражается в близком соприкосновении ареалов синхронных культур¹⁰⁸, свидетельствующем о более или менее равномерном и плотном расселении в пределах европейской ойкумены и, следовательно, упорядоченности этого расселения. Подобную упорядоченность невозможно представить без развитых потестарных механизмов, регулировавших не только внутриплеменные, но и межплеменные взаимоотношения. В этой связи нельзя не вспомнить убедительно доказанный этнографами факт выхода вождеств на постоянные контакты с окружающими коллективами¹⁰⁹, усиление межгрупповых контактов в эпоху разложения первобытного общества, к которой, по-видимому, и относится стадиально и исторически возникновение вождеств.

Какова могла быть роль таких потестарных механизмов в этнообразовании в рассматриваемый нами период человеческой истории? Противоречивость существующей очень обширной литературы о характере этнического лица археологических культур в конечном счете и определяется сложностью проблемы. Аргументировалась даже, как уже упоминалось, точка зрения о невозможности реконструировать этническую принадлежность на основе археологических данных. В какой-то мере такая точка зрения исходит из неоднократно продемонстрированного этнографами факта несовпадения культурных и этнических границ и абсолютизации этого факта¹¹⁰. Однако, как бы ни трактовать в негативном смысле этнографические данные в этом случае, не следует забывать, что культурный комплекс специфичен для подавляющего большинства народов и, следовательно, вскрываемые археологией культурные различия могут отражать этнические во многих случаях. Следовательно, потестарная организация в эпоху перехода к классовому обществу, нацеленная на стабилизацию эксплуатируемой территории и ее границ, параллельно способствовала и формированию этнического своеобразия, закрепляя памятившиеся этнические различия, тем более что они усиливались еще языковыми и культурными. Надо полагать, что в обществах типа вождеств этот процесс влияния потестарного механизма на этнообразование был значительно сильнее, чем при начале рассматриваемого нами периода истории первобытного общества.

Отметим только что тесную связь культурных и этнических характеристик, мы должны коснуться вопроса о том, в какой мере

потестарная организация стабилизирует культурные особенности, еще и через них влияя на этнообразование. Вопрос этот мало исследован, тем более по отношению к древним обществам. Все же нельзя не упомянуть о закреплении традиций, на которое направлены в любом первобытном коллективе все институты, в той или иной форме осуществляющие потестарную функцию, будь то совет старейшин, старики, выполняющие жреческие обязанности, или племенной вождь. В конечном счете даже общественное и потестарное поддерживание неизменным каких-то поведенческих и предправовых норм есть фиксация культурного стереотипа, свойственного именно данному обществу, и как таковое служит для культуры того или иного народа потестарным стабилизатором¹¹¹. Какие трудности ни вызывает в археологической литературе историко-социологическая интерпретация богатых погребений и монументальной архитектуры эпохи бронзы, все же Кносский дворец на Крите, «царские» погребения микенской Греции и аналогичные им культурные явления не могут расцениваться иначе, как свидетельство выделения владетельной верхушки, которая несомненно в процессе осуществления потестарных функций не только стремилась к расширению контактов с соседними коллективами, но и была заинтересована в сохранении традиционных форм жизни, ее породивших, и традиционной общественной структуры. Многочисленные так называемые царские курганы скифского времени в степных просторах Евразии от Днестра на западе до Монгольского Алтая на востоке выходят за хронологические рамки рассматриваемого периода, но стадияльно они относятся к той же эпохе разложения первобытного общества и говорят о том же процессе этнической консолидации под влиянием потестарного фактора.

В специальной статье, посвященной роли миграционных процессов в формировании новых этнических общностей, были обозначены три исторические ситуации, отражающие соотношение пришлого и местного населения в процессе их взаимодействия; преобладание субстрата над суперстратом, обратное преобладание суперстрата над субстратом и отсутствие брачных контактов между пришлыми и местными группами, при котором пришлые победители довольствуются данью¹¹². Ниже автор выделил внутри модуса этногенеза три формы, частично соответствующие этим ситуациям, но учитывающие момент численности: этногенез при численном преобладании местных популяций, этногенез при численном преобладании пришлых популяций и численное равенство между ними¹¹³. Подобные процессы реально имели место в эпохи неолита и бронзы и могут быть проиллюстрированы богатыми археологическими материалами из различных районов Евразии. В качестве контрастных районов Евразии назовем лишь Британские острова как окраину евразийской ойкумены, и бассейн среднего Енисея и Абакана как ее примерный центр.

В обоих случаях население сменялось не раз на протяжении истории до эпохи средневековья, и смены эти документируются вполне убедительным образом палеоантропологическими материалами и результатами изучения материальной культуры из курганов и поселений разных эпох, а также формами и топографией самих курганов и поселений. Не касаясь всей этой исторической динамики в целом, остановимся на соотношении местного и пришлого населения в эпоху позднего неолита или энеолита и ранней бронзы, так как для эпохи палеолита мы располагаем лишь очень выборочными данными в обоих территориальных случаях. И на Британских островах, и в среднем течении Енисея это охотники и рыболовы¹¹⁴. В свое время проблема появления неолитических культур в Британии рассматривалась только в рамках миграционной гипотезы, но затем мегалитические истоки формирования неолита стали выявляться все более определенно. Разные временные стадии неолита представлены двумя хронологически последовательными культурами. Одна из них, получившая наименование уиндмилхиллской культуры по имени первого открытого поселения, относится к III тыс. до н. э. Раньше памятники этой культуры фигурировали в литературе под наименованием культуры длинных курганов. Ее сменила культура круглых курганов — один из вариантов материковой культуры колоколовидных кубков. Появление этой культуры на Британских островах, по общему мнению, связано с многочисленными переселениями из Бретани¹¹⁵. В то же время в инвентаре круглых курганов прослеживаются какие-то культурные черты, напоминающие о предшествующем времени и свидетельствующие о наличии какой-то культурной преемственности между ними.

Эта культурная преемственность, по-видимому, не была изолированной и сопровождалась генетическими связями. Палеоантропологический материал дает этому веские подтверждения. Старое исследование Дж. Моранта, суммировавшего результаты предшествующей работы, остается единственной сводкой по палеоантропологии Британских островов разного времени¹¹⁶. Оставляя в стороне малозначительные вариации признаков, можно констатировать существенные различия в ширине лицевого скелета и форме головы, еще в 1863 г. абсолютно правильно отмеченные Дж. Тарномом в кратком афоризме: «Длинные курганы — длинные черепа; круглые курганы — круглые или короткие черепа»¹¹⁷. Эти различия не оставляют сомнения в генетическом разрыве между культурами двух хронологических периодов неолитического времени, что подтверждает реальность и значимость существовавшей между ними культурной разницы. Но для нас еще важнее другое: Дж. Морант находит длинноголовый компонент среди брахикранного населения более поздней энеолитической культуры, что свидетельствует об инкорпорации пришлыми племенами, творцами культуры круглых курганов и колоколо-

видных кубков, части местного населения более ранней эпохи неолитического периода.

Палеоантропологические данные вместе с историко-культурными с несомненностью демонстрируют в этом случае небольшую роль субстрата в сложении новой, возможно, и этнической общности, которая представлена культурой круглых курганов и кубков. Совершенно очевидно, что подобное соотношение является функцией относительной численности местного и пришлого населения. Общая оценка численности людей, проживавших на Британских островах в эпоху неолита, дала чрезвычайно скромную цифру в 20 000 человек¹¹⁸, к сожалению без дифференциации ее по разным хронологическим срезам неолитического времени. Численное преобладание пришельцев по сравнению с местным населением обеспечило их культурное и антропологическое доминирование. Но, будь то военные столкновения или мирные взаимоотношения, взаимодействие пришельцев и местных популяций не могло не регулироваться потестарно, причем институт, осуществлявший потестарную власть, при всех обстоятельствах был заинтересован в победе своего этноса и растворении в нем аборигенов и был нацелен на это, хотя подобное предположение и нельзя подтвердить никакими письменными свидетельствами.

Переходя к центру Евразии, мы сталкиваемся приблизительно с той же картиной, датирующейся только тысячелетием позже. Там состояние данных позволяет проследить смену культур, начиная с эпохи энеолита и кончая поздней бронзой. Хотя в археологической литературе, особенно последних двух десятилетий, неоднократно высказывалась мысль о сосуществовании разных культур эпохи бронзы и даже раннего железа, но все же традиционная концепция стадияльно-хронологической последовательности энеолитической афанасьевской, андроновской и карасукской культур сохранила все свое значение¹¹⁹. Каждая из этих культур отличается специфическим типом дошедших до наших дней погребальных сооружений, набором погребального инвентаря и формой сосудов — одним словом, тем сочетанием признаков, которые действительно позволяют говорить об их культурной самостоятельности и в то же время утверждать генетический разрыв между ними. В дополнение к археологической характеристике следует сказать, что и антропологически население этих трех культур достаточно различно, что позволяет говорить о его разном генезисе¹²⁰. Не углубляясь в детали, нужно отметить лишь основное, что выявляется при палеоантропологическом сопоставлении и что находит и археологическое подтверждение: переселение носителей афанасьевской культуры из степной зоны Европейской части СССР в Минусинскую котловину, переселение носителей андроновской культуры из Приаралья и Казахстана, переселение носителей карасукской культуры откуда-то из Средней Азии и Восточного Туркестана.

Однако констатация генетического и культурного разрыва носителей трех перечисленных культур и самостоятельных очагов их генезиса не исчерпывает сложных проблем их происхождения. Отдельные культурные элементы: детали погребального обряда, орнаментальные мотивы, восходящие к афанасьевскому энеолиту, прослеживаются в более поздних культурах — андроновской и карасукской. К аналогичным результатам приводит изучение палеоантропологического материала: при значительной морфологической разнице населения трех культур легко увидеть ранние включения в антропологическом составе более поздних культур. Носители морфологического типа, характерного для афанасьевского населения, приняли участие в формировании антропологического состава населения, оставившего андроновскую и карасукскую культуры, андроновское население оказало аналогичное влияние на карасукское. Вытеснение более раннего населения никогда не было полным, часть его поглотилась пришельцами и играла определенную роль в окончательном сложении их антропологических и культурных особенностей.

Археологическое исследование Минусинской котловины доведено до такого уровня, что мы имеем право утверждать: никаких следов ожесточенных сражений между носителями разных культурных традиций не сохранилось. Правда, такие следы и редки в археологическом и палеоантропологическом материале, но все же принципиальная возможность их обнаружения не исключена. На черепах и скелетах встречаются боевые травмы, в ряде случаев именно они привели к смертельному исходу, но общее их количество по отношению к числу всех захороненных невелико¹²¹. Более или менее мирные взаимоотношения между пришельцами и тем местным населением, которое они заставляли, следовательно, более чем вероятны. Каким образом регулировались эти взаимоотношения? Они не могли регулироваться иначе, как только с помощью потестарной власти суперстрата, которая стремилась к сохранению единства при встрече носителей разных культурных и этнических традиций. А что традиции эти носили в данном случае и этнический характер, представляется очень правдоподобным. При теперь уже очевидной невозможности приписывать всем без исключения археологическим культурам этническое значение совпадения этноса и культуры во многих отдельных случаях не кажется невозможным. В литературе никогда не высказывалось сомнений в этническом лице трех перечисленных культур, более того, большая литература посвящена установлению конкретных языков, на которых говорили их носители¹²². Таким образом, речь идет в данном случае о потестарном регулировании не только культурных, но и этнических взаимоотношений.

Рассмотренные два примера с попыткой показать известную роль потестарного урегулирования при межэтнических взаимоот-

пошениях, опираясь на косвенные выводы из археологических данных, избегают от необходимости подробно касаться двух других этногенетических модусов: преобладания субстрата и полного смешения под этим углом зрения. Ясно, что и в этих случаях роль потестарного урегулирования взаимоотношений между пришельцами и аборигенами, в том числе и этнических, велика, хотя формы этого урегулирования, надо думать, сложнее, чем в приведенных примерах. При равночисленном смешении встречались две потестарные организации, и пока одна из них не оказывалась сильнее в конкретных исторических условиях, не могли не иметь место конфликтные ситуации при стремлении сохранить традиционные нормы жизни именно своей группы. Еще острее подобные ситуации при культурном и этническом доминировании пришлого меньшинства, когда институты, ответственные за потестарную функцию и реализующие ее внутри этого меньшинства, вступают в борьбу с потестарной структурой аборигенного большинства, чтобы преодолеть ее влияние, подчинить ее себе и навязать большинству свой жизненный уклад и свою систему культурных навыков и ценностей. По-видимому, этот процесс, если он развивался относительно мирным путем, охватывал несколько поколений и проходил через несколько стадий ознакомления двух потестарных систем друг с другом, какого-то подобия договора о мирном сосуществовании, скрытых форм борьбы более активной из систем за потестарно-политическое господство, открытых действий, направленных на потестарное утверждение, полного формального подчинения потестарных институтов большинства. Безусловно параллельно шел процесс все более широкого и повсеместного распространения нового языка, всячески инспирируемый победившей потестарной властью¹²³.

Осталось сказать несколько слов о воздействии процесса классовой дифференциации на этническую динамику. Специальный сборник посвящен анализу этнографических материалов по ряду близких к современности отсталых обществ, а также исторических источников и археологических материалов о формировании классового общества на Балканском полуострове и в бассейне Хуанхэ. Наличие материалы показывают, что имущественная дифференциация и начало классового общества — хронологически разные явления, имущественное расслоение начинается сравнительно рано и является предпосылкой образования классового общества и государства. Таким образом, и имущественная дифференциация и начало классовообразования сопровождают этнические процессы эпохи разложения первобытного общества и не могли не оказать какого-то влияния на их динамику.

Представляется вероятным, что это влияние должно было проявляться в двух формах в зависимости от того, какую была внутренняя структура общества, охваченного процессами имущественного расслоения и классовообразования. Если это происходило

в рамках этнически однородного общественного коллектива, то классовобразование не нарушало этнической консолидации, процесс этнообразования, закрепления этнических стереотипов продолжал идти теми же темпами, что и раньше, в обществе с нарождающейся социальной стратификацией и классовой структурой. Неплохими примерами подобного пути развития могут служить общества древнего Китая¹²⁴ или древний Шумер¹²⁵. Иную форму принимает этнообразование при завоевании иноязычных территорий, столкновении победителей и побежденных, говорящих на разных языках, как, скажем, это имело место в истории Британских островов при завоевании их норманнами¹²⁶. В этом случае проявляли себя центробежные тенденции, этнические характеристики формируются в столкновении и сложной борьбе разных традиций побежденных, которые составляют эксплуатируемую массу, и победителей-эксплуататоров. Однако, подобные очень значительные по своим масштабам завоевания свойственны в подавляющей своей части уже более поздним периодам истории рабовладельческой и феодальной формаций. Поэтому есть все основания полагать, что в хронологических рамках рассматриваемого нами отрезка истории первобытного общества влияние классовобразования на этническую динамику проявлялось по первому типу.

Этнолингвистическая картина

Рассмотрение общего хода этнообразования на закате первобытного общества, разумеется, не может заменить естественного желания увидеть за этим конкретные детали, в частности представить себе, пусть с известной степенью допущения, на каких языках говорили в это время в разных участках ойкумены и в какой мере этнолингвистическая карта отличалась от современной. В проявляемой современными исследователями картине очень много гипотетического, и все же сравнительно-историческое языкознание вместе с интерпретацией древнейших письменных памятников накопили некоторое количество наблюдений, которые должны быть здесь рассмотрены. Известное реконструктивное значение имеют и результаты работы в области исторической этнографии и антропологии, хотя значение это в данном случае безусловно вспомогательное.

Недавно В. В. Иванов изложил один из вариантов гипотезы первичной языковой дифференциации человечества, опираясь на ряд новейших достижений сравнительно-исторического языкознания, но вводя в то же время в изложение и гипотетические моменты¹²⁷. Автор сочувственно возвращается к старым взглядам А. Тромбетти и М. Сводеша о едином происхождении всех языков мира, о каком-то пра- или протоязыке, лежащем в основании всех мировых языковых семей, и датирует время его первоначаль-

ного распада временем от 10000—15000 до 30000 лет до н. э., т. е. эпохой верхнего палеолита. Датировка эта достаточно гипотетична, так как сами языковые реконструкции, строго говоря, не дают для нее каких-либо оснований, а датирование явлений языковой динамики на основе экстралингвистических соображений по самой сути своей имеет в высшей степени относительное значение. К эпохе неолита и бронзы исходные макросемьи дальше дифференцировались а их размещение в пространстве можно прокорректировать в ряде случаев письменными памятниками. Но дальнейшее изложение также не лишено гипотетичности, и излагаемый ниже вариант размещения языковых семей в пространстве в эпоху разложения позднепервобытной общины должен рассматриваться лишь как наиболее вероятный в свете наших сегодняшних еще очень несовершенных знаний, как первое приближение к действительности.

Для Африки вероятно широкое распространение койсанских языков. Этногенетические предания, восстанавливаемые с помощью разнообразных историко-этнографических реконструкций факты этнической истории, наконец, кое-какие палеоантропологические данные подтверждают это лингвистическое заключение. Отдельные антропологи высказывались в пользу расселения каппидов или бушменов и готтентотов в древности даже в Северной Африке¹²⁸, но такая крайняя точка зрения не находит поддержки при объективном рассмотрении антропологических фактов¹²⁹.

Северная и часть Центральной Африки были заняты уже носителями иных языков. При гипертрофированной вере в реальное существование огромных макросемей, объединявших протоязыковые состояния многих современных языковых семей, постулируется родство всех африканских языков, распространенных на север от ареала койсанских языков, с афроазиатскими, или афразийскими, языками и через них с другими многочисленными разветвлениями ностратической макросемьи. Между тем конкретные реконструкции протосостояний внутри них или иных больших групп родственных языков с полным основанием позволяют отнести к афроазиатской семье чадские языки¹³⁰, но негативны в этом смысле в отношении языков банту¹³¹. Можно думать, что часть центральных областей Африки были заняты носителями языков банту, тогда как северные области вместе с западными областями Передней Азии составляли ареал афроазиатских языков.

Надо думать, что к V тыс. до н. э. ностратическое единство, если оно реально существовало, должно было полностью распастись на составляющие его компоненты и выделить из себя не только афроазиатские, но и индоевропейские языки. Последние занимали Европу и через Нижнее Поволжье распространились на восток по степному поясу Евразии, возможно, до долины Енисея, а то и дальше в глубь южносибирских и центральноазиатских

степей. Другой мощный компонент ностратического макросемьи — дравидийские языки, как показывают и новейшие расшифровки хараппиской письменности¹³², и распространение реликтовых дравидийских языков, были распространены гораздо более широко, чем сейчас, и на западе, вероятнее всего, контактировали с афразиатскими языками. Многочисленные работы о древних контактах дравидийских языков с финно-угорскими, широко представленные в лингвистической литературе 20–30-х годов и у нас особенно интенсивно популяризовавшиеся С. П. Толстовым¹³³, не нашли подтверждения при дальнейшем более глубоком изучении лексики и морфологии дравидийских языков¹³⁴.

При весьма малых наших знаниях о том, что происходило в рассматриваемый период времени внутри таежных просторов Сибири, трудно сказать, в какой мере дифференцировались сибирские члены ностратического единства — тунгусо-маньчжурские языки или юкагирский. Если подтвердится принадлежность к ностратической макросемье и чукотско-камчатских языков¹³⁵, то это будет во всяком случае аргументом в пользу того, что подавляющая масса сибирских популяций до тихоокеанского побережья Азии, вероятно, и какие-то племена Восточной Азии, были родственны в языковом отношении населению Европы и Южной Азии.

Для эпохи энеолита и бронзы в нашем распоряжении находятся теперь уже достаточно многочисленные палеоантропологические свидетельства широкого расселения европеоидов на восток до Центральной Монголии¹³⁶, но вопрос о возможности их распространения дальше на восток и в более раннее время остается открытым. Открытым остается вопрос и о месте и времени формирования эскоалеутских языков.

Инородный форпост в ностратическом окружении образовывали, по-видимому, праенисейские языки, уже выделившиеся, надо думать, из огромной макросемьи, гипотетически объединявшей северокавказские, енисейские и сино-тибетские языки, а также некоторые палеоевразийские языки (хеттский, хуритский) и североамериканские языки на-дене¹³⁷. Весьма вероятно, что южные территории Средней Азии и Южная Сибирь в ее западной части были тем коридором, который был заселен племенами, объединившими лингвистически предков северокавказских народов и протоенисейцев. В пределах Кавказа носители языков этой макросемьи также соседствовали с людьми, говорившими на ностратических языках, так как ностратическая принадлежность картвельских языков продемонстрирована с высокой вероятностью¹³⁸. Наконец, сино-тибетские языки занимали громадный ареал в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, лишь на самом юго-востоке азиатского материка соприкасаясь с австрострайтскими языками, ареал которых уходил в Океанию¹³⁹. Среди исключительно разнообразных языков Океании выделяется ряд

групп, не родственных австронезийским языкам (компоненту более широкой австро-тайской семьи), но выяснение их генетических взаимоотношений потребует еще немалой работы¹⁴⁰.

Особое положение языков на-дене среди американских языков, которые все в целом видятся как принадлежащие к единой макросемье (что, правда, не снимает с повестки дня ни проблемы ее внутренней дифференциации, схемы которой кардинально меняются до сих пор при переходе от одной лингвистической работы к другой, ни дальнейших поисков аналогий в праязыках Старого Света), заслуживает особого комментария в свете антропологических данных. Некоторые наблюдения над краниологическим типом носителей языков на-дене — атапасков и черноногих показывают, что их предки могли быть более поздними пришельцами на Американский континент, чем предки остальных индейцев¹⁴¹. Вероятное физическое сходство с центральноазиатскими народами также подтверждает намечающуюся липию лингвистических сопоставлений.

Все сказанное о распространении разных языковых семей на закате первобытного общества можно было бы нанести на карту. Но эвристическая ценность такой карты была бы обманчива: любая карта требует известной определенности, а мы не можем сейчас показать на ней никаких определенных границ между ареалами отдельных языковых семей, да и само установление их числа и характера дифференциации остается лишь более или менее вероятным.

¹ О динамике учета численности населения и переписях населения в разных странах см.: *Гозулов А. И.* Переписи населения. М., 1936; *Он же.* Переписи населения земного шара. М., 1970; *Вобль В. К., Пустоход П. И.* Переписи населения. М., 1940; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969; *Он же.* Этническая демография, М., 1977; *Woytinsky W. S., Woytinsky E. S.* World Population and Production. Fuends and Outlook. N. Y., 1953.

² См., например: *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. Для более поздней эпохи см.: *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941.

³ В качестве примера укажу на две книги, посвященные географически близким районам Передней Азии: *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до п. э. М.; Л., 1956; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. Более новый общий обзор: История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.

⁴ Много примеров подобного рода содержат статьи сборника: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

⁵ Одна из сводок, дающих представление о богатстве накопленных письменных памятников и основных аспектах их интерпретации: Тайны древних письмен. М., 1976.

⁶ См., например: *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Т. I—II. Л., 1936.

⁷ См. об этом: *Алексеев В. П.* Популяционная структура человечества и ис-

- торическая антропология // СА. 1970, № 3; *Он же*. Историческая антропология. М., 1979.
- ⁸ *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниметрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- ⁹ Например: *Кожин П. М.* О некоторых проблемах изучения могильников Злоты // Археология Старого и Нового Света. М., 1966; *Он же*. Относительная хронология погребений в могильнике Окунев Улус // СА. 1971. № 3. *Он же*. Археологические обоснования палеодемографических реконструкций // Докл. сов. делегации на IX МКАЭН. М., 1973.
- ¹⁰ Введение на Руси христианства, например, приурочило все кладбища к погостам, поэтому каждое восточнославянское кладбище II тыс. н. э. есть место погребения жителей многих деревень.
- ¹¹ См., например: *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
- ¹² Одна из наиболее ранних попыток: *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы // МИА. 1953, № 38.
- ¹³ Обзор см.: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. JL, 1976.
- ¹⁴ *Carr-Saunders A.* The Population Problem: a Study in Human Evolution. Oxford, 1922; *Idem.* World Population: Past Growth and Present Trends. L., 1936; *Krzywicki L.* Primitive Society and its Vital Statistics. L., 1934.
- ¹⁵ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
- ¹⁶ См. об этом: *Дебец Г. Ф.* Расы, языки, культуры // Наука о расах и расизм. М.; JL, 1938 (Тр. Ин-та антропологии МГУ. Вып. IV).
- ¹⁷ Попытку аргументации этого факта можно найти: *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974; *Он же*. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- ¹⁸ Так поступил автор при анализе антропологических истоков формирования индоиранских народов: *Алексеев В. П.* Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- ¹⁹ Несколько примеров того специально приведены в работе: *Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1.
- ²⁰ См., например: *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- ²¹ *Kramer C.* (Ed.). Ethnoarchaeology. Implication of Ethnography for Archaeology. N. Y., 1979.
- ²² *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // НАА. 1967, № 1; *Аругюнов С. А., Хазанов А.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6.
- ²³ См. работу, указанную в прим. 5. Там же и библиография.
- ²⁴ *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967; Древние языки Малой Азии. М., 1980; *Ардзинба В. Г.* О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // *Маклуш Дж.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- ²⁵ *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978.
- ²⁶ В известной мере итоговой является статья: *Альбедиль М. Ф., Волчок Б. Я., Кноровов Ю. В.* Исследования протоиндийских надписей // Забытые системы письма. М., 1982.
- ²⁷ *Hopkins D.* See Level History of Beringia during the Last 250 000 Years // Quaternary Research. 1973. V. 3; *Idem.* Landscape and Climate of Beringia

- during Late Pleistocene and Holocene Time // *The First Americans*. N. Y.; Stuttgart, 1979.
- 28 *Линдберг Г. У.* Четвертичный период в свете биогеографических данных. М.; Л., Он же. Крупные колебания уровня океана в четвертичный период. *Биогеографические обоснования гипотезы*. Л., 1972.
- 29 Обзор данных и литературы: Chappell J. *Aspects of Late Quaternary Palaeogeography of the Australian — East Indonesian Region* // *The Origins of the Australians*. Canberra, 1976.
- 30 *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973; Он же. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974.
- 31 *Stenberger M.* *Vorgeschichte Schwedens*. В., 1977.
- 32 *Huntington E.* *Civilisation and Climate*. New Haven, 1939.
- 33 Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита // *МИА*. 1973. № 172.
- 34 См., например: *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *Прыгин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж. 1971; Он же. Поселения абашевской общности. Воронеж. 1976; Он же. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977; Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы. М., 1987.
- 35 Сводку и интерпретацию накопленных археологических данных см.: *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). М., 1968 (Автореф. докт. дисс.); Он же. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- 36 См., например, карту распространения энеолитических культур на Южном Урале и в Поволжье: *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М., 1982.
- 37 *Окладников А. П.* Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // *КСИИМК*. 1941. Вып. IX.
- 38 История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968. Для эпохи неолита см. также: *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- 39 Пример подобной экстраполяции для верхнепалеолитического времени — карта дюктайской культуры: *Мочанов Ю. А.* Новые данные о берингоморском пути заселения Америки (стоянка Майорыч — первый верхнепалеолитический памятник в долине Колымы) // *СЭ*. 1972, № 2. Для неолита и эпохи бронзы в таежной зоне Сибири опорных памятников еще меньше.
- 40 *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1—2 // *МИА*. 1951. № 18; Ч. 3. Глазковское время // *МИА*. 1955. № 43.
- 41 *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- 42 Об этом см.: *Иванова Л. А.* Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея. Л., 1970 (Автореф. канд. дис.).
- 43 *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977; *Ранов В. А.* Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Йхеу (раскопки 1969—1970 гг.) // Археологические раскопки в Таджикистане в 1970 г. Вып. X. Душанбе, 1973; *Ранов В. А., Жуков В. А.* Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1974 г. Вып. XIV. Душанбе, 1979; *Жуков В. А.* Новая стоянка каменного века в Аличурской долине (Восточный Памир) // Там же.
- 44 *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики) // *МИА*. 1971. № 180.
- 45 *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Свод археол. источников. Вып. БЗ—8. М.; Л., 1963; Он же. Геоксюрская группа последний эпохи энеолита

- та. Опыт исторического анализа. М.; Л., 1964; *Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении // Свод археол. источников. Вып. Б 3—8, М.; Л., 1963; *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Там же. 1965.
- ⁴⁶ См., например, обзор памятников: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966; Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.
- ⁴⁷ *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981.
- ⁴⁸ Невозможно предполагать, что эти области были густо заселены в эпоху энеолита и бронзы и затем потеряли большую часть своего населения, об этом нет никаких исторических свидетельств, а экологическая обстановка была еще труднее для человека того времени, не имеющего того технического оснащения, что сейчас.
- ⁴⁹ Сводки данных: *Кучера С.* Китайская археология 1965—1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977; *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; *Kwang-chin Chang.* The Archeology of Ancient China. New Haven; London, 1979.
- ⁵⁰ Общий обзор археологии Японии: *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958.
- ⁵¹ Карты расселения австралийских племен до европейской колонизации см.: Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 76; *Берндт Р. М., Берндт К. Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981.
- ⁵² Данные по Америке невозможно приурочить хронологически к интересующему нас историческому периоду, если исключить несколько очагов развития земледельческой культуры в Центральной и Южной Америке. О характере расселения индейских племен в каууп европейской колонизации существует огромная литература, суммированная в многотомных историко-культурных энциклопедиях, посвященных Южной и Центральной Америке. Прерывистый характер расселения особенно ясно виден в Южной Америке — см., например, карты: *Handbook of South American Indians*. V. 6. Physical Anthropology, Linguistics and Cultural Geography of South American Indians. N. Y., 1950; 1963.
- ⁵³ Опять-таки эти способы ограничения рождаемости зафиксированы этнографически, и неизвестно, в какой степени они использовались в неолите и на заре эпохи бронзы.
- ⁵⁴ Критику гипотезы посмертного отбора см.: *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (ТИЭ. Т. IV).
- ⁵⁵ *Angel L.* The People of Lerna. Analysis of a Prehistoric Aegean Population. Washington, 1971.
- ⁵⁶ *Farkas G., Liptak P.* Physical Anthropological Examination of a Cemetery in Mokrin from the Early Bronze Age // *Morkin, the Early Bronze Age Necropolis.* Dissertations at monographie. T. XI. Washington; Kikinda; Beograd, 1971.
- ⁵⁷ *Farkas G., Liptak P.* Anthropologische Auswertung des bronzzeitlichen Gräberfelds, bei Tápé // *Troumgager O.* Das bronzzeitliche Gräberfeld bei Tápé. Budapest, 1975.
- ⁵⁸ *Ulrich H.* Anthropologische Untersuchungen zur Frage nach Entstehung und Verwandtschaft der thüringischen, böhmischen und mährischen Aunjetitzer. Weimar, 1972.
- ⁵⁹ *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
- ⁶⁰ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42.
- ⁶¹ *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М., 1963.
- ⁶² *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казан-

- стана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актобинской области) // *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА, 1962. № 120.
- 63 *Ходжайов Т. К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Садаллитена. Ташкент, 1977.
- 64 *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1.
- 65 О ее задачах, содержании и методах см.: *Шошин А. А.* Основы медицинской географии. М.; Л., 1962.
- 66 *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР.
- 67 *Якимов В. П.* Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // СМАЭ. 1960. Т. XIX.
- 68 *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка 1 // Сов. антропология, 1957. № 1; *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М., 1966. В ряде последующих работ Т. С. Кондукторова приводит иные средние для мужской серии, свидетельствующие о том, что позже ею был измерен еще один череп. Но его индивидуальные измерения и определение возраста остаются неопубликованными.
- 69 *Ferembach D.* La nécropole épipaléolithique de Taforalt (Maroc oriental) // Etudes des squelettes humains. Rabat, 1962.
- 70 *Сурнина Т. С.* Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника // Антропологический сборник, III. М., 1961. (ТИЭ. Т. LXXI).
- 71 *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологічні матеріали вавницьких пізньонеолітичних могильників // Матеріали з антропології України. Вып. 1. Київ, 1960; *Гохман И. И.* Население Украины...
- 72 В скобках здесь и дальше — число наблюдений. Использована стандартная возрастная дефиниция, в соответствии с которой для возмужалого возраста принята средняя в 30 лет, для зрелого — 45 лет, для старческого — 65 лет.
- 73 В монографии Т. К. Ходжайова приведены несколько отличающиеся цифры. Для подсчета средних использованы опубликованные им индивидуальные определения возраста.
- 74 Обзор см.: *Россет Э.* Процесс старения населения. Демографическое исследование. М., 1968.
- 75 *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941; *Witthauer K.* Die Bevölkerung der Erde. Verteilung und Dynamik. Iotha, 1958; *Idem.* Verteilung und Dynamik der Bevölkerung der Erde. Jena, 1969.
- 76 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960 (ТИЭ. Т. LV).
- 77 *Deevey E.* The Human Population // SA. 1960. Sept.
- 78 *Козлов В. И.* Особенности воспроизводства населения в доклассовом и классовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- 79 *Kabaker A.* A Radiocarbon Chronology Relevant to the Origins of Agriculture // Origins of Agriculture. The Hague; Paris, 1977.
- 80 *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, 1986.
- 81 Народонаселение стран мира. Справочник. М.: 1978.
- 82 Новейшие примеры таких карт: История древнего мира. Т. 1. Ранняя древность. М., 1983.
- 83 Примеры таких карт: *Киселев С. В.* История Южной Сибири; *Монгайт А.* Археология Западной Европы.
- 84 См. написанные им главы в книге: *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- 85 *Алексеев В. П.* О самом раннем этапе расообразования и этногенеза.
- 86 *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- 87 Такая формулировка по существу близка к определению С. А. Арутюно-

- ва и Н. Н. Чебоксарова: *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4; *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // *Расы и народы*. 2. М., 1972.
- ⁸⁸ *Куббель Л. Е.* Этнические общности и постарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982; *Крюков М. В.* Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Там же.
- ⁸⁹ *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982.
- ⁹⁰ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² О специфике их развития на пути к возможному образованию государства см.: *Маретина С. А.* Особенности социальной стратификации и становления государства в изолированных районах (на примере Индии) // *Раннежелезный век Средней Азии и Индии*. Тезисы докладов сов. делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад, 1984.
- ⁹³ *Меликишвили Г. А.* К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев // ВДИ. 1984. № 1.
- ⁹⁴ *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Синявина. М., 1982. См. также: *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* Исторические закономерности и природная среда // *Вестник АН СССР*. 1981. № 2.
- ⁹⁵ *Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic Whale Nunting Culture // *Anthropology Papers of the American Museum of Natural History*. 1948. V. 42.
- ⁹⁶ См. еще: *Алексеев В. П.* Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски // *Зап. Чукотского краеведческого музея*. Вып. IV. Магадан, 1967.
- ⁹⁷ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий.
- ⁹⁸ *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970.
- ⁹⁹ *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982.
- ¹⁰⁰ *Cohen R., Middleton I.* Introduction // *From Tribe to Nation in Africa*. Scranton, 1970.
- ¹⁰¹ См., например: *Smith M.* Pluralism in Precolonial African Societies // *Pluralism in Africa*. Los Angeles, 1974.
- ¹⁰² *Nadel S.* The Theory of Social Structure. L., 1957.
- ¹⁰³ Об этническом противопоставлении «мы — они» см.: *Поршнев Б. Ф.* «Мы и они» как конструктивный принцип психологической общности // *Материалы III Всесоюзного съезда Об-ва психологов*. Т. III. М., 1968. Вып. 1.
- ¹⁰⁴ *Ильинская Л. С.* Находки в древнем Ладии и их место в понимании традиции об Энее на Западе // ВДИ. 1983. № 3; *Немировский А. И., Цымбурский В. Л. Ф.* Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии // ВДИ. 1984. № 3.
- ¹⁰⁵ *Ермолова И. Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V в. // *Древнейшие государства на территории СССР*. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.
- ¹⁰⁶ Общий обзор этой литературы см.: *Монгайт А. Л.* Задачи и возможности археологической картографии // СА. 1982. № 1.
- ¹⁰⁷ *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы // М., 1951 (ТИЭ. Т. XV).
- ¹⁰⁸ См., например: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век.

- ¹⁰⁹ *Cohen R., Schlegel A.* The Tribe as a Socio-Political Unit: a Cross-Cultural Examination // Essays on the Problem of Tribe. Proc. of the 1967 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle; L., 1968.
- ¹¹⁰ Классический пример: *Kroeber A.* Cultural and Natural Areas of Native North America. Berkeley; Los Angeles, 1953.
- ¹¹¹ Обзоры см.: *Cohen R.* Political Anthropology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago, 1973; *Nader L., Ingvesson B.* On Studying the Ethnography of Law and its Consequences // Ibid. Рассмотрение проблемы в целом см.: *Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И.* Этнография и наука о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10.
- ¹¹² *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2.
- ¹¹³ *Алексеев В. П.* Историческая антропология.
- ¹¹⁴ Для Британских островов см.: *Clark J.* The Mesolithic Age in Britain. Cambridge, 1932. Многие дефиниции и теоретические подходы существенно изменились со времени выхода в свет этой книги, но количество материала не увеличилось в сколько-нибудь значительной степени. В Минусинской котловине достоверные мезолитические комплексы неизвестны, хотя по аналогии с другими территориями Сибири их не могло не быть, и они оставлены охотниками, собирателями и рыболовами. См. об этом: *Бадер Н. О.* Мезолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. О том же говорят и некоторые черты инвентаря финальной позднелеолитической культуры на Енисее, получившей наименование кокоревской по названию основного памятника: *Абрамова Э. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.
- ¹¹⁵ Подборку литературы о неолитических культурах Британских островов и обзор этой литературы см.: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век.
- ¹¹⁶ *Morant G.* A First Study of the Craniology of England and Scotland from Neolithic to Early Historic Times, with Special Reference to the Anglo-Saxon Skulls in London Museum // Biometrika. 1926. V. XVIII. Part 1-2.
- ¹¹⁷ *Thurnam J.* On the Two Principal Forms of Ancient British and Gaulish Skulls // Memoirs and Before the Anthropological Society of London. 1863-1864. V. I. Part I-II. P. 158.
- ¹¹⁸ *Clark J., Hawell H.* The Economics of Subsistence Agriculture. L.; N. Y., 1964.
- ¹¹⁹ В дополнение к классической книге С. В. Киселева (сноска 41) и диссертации Л. А. Ивановой (сноска 42) см.: *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- ¹²⁰ *Дебец Г. Ф.* Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антроп. журнал. 1932. № 2; *Он же.* Палеоантропология СССР; *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. I. (ТИЭ. Т. XXI); *Он же.* Антропология андроновской культуры // СЭ. 1967. № 1; *Он же.* О происхождении древнейшего европейского населения Минусинской котловины // Вопросы этнографии Хакасии, Абакан, 1983; *Рыкушина Г. В.* Население среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. Новосибирск, 1980.
- ¹²¹ См. об этом: *Рахлин Д. Г.* Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологически измененные). М., Л.; 1965.
- ¹²² Частично она приведена: *Алексеев В. П.* К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- ¹²³ Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
- ¹²⁴ *Крюков М. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы.

- ¹²⁵ См., например: *Виткин М. А.* Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // ПИДО.
- ¹²⁶ О характере этнических процессов при этом см.: *Козлов В. И.* Англичане. Очерк этнической истории // Народы Зарубежной Европы. Т. II. М., 1965.
- ¹²⁷ *Иванов В. В.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
- ¹²⁸ *Coen C.* The Origin of Races. L., 1963; *Idem.* The Living Races of Man. N. Y., 1965.
- ¹²⁹ Об этом подробнее см.: *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974.
- ¹³⁰ *Пархомовский В. Я.* Проблемы генетической классификации языков Африки // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982; *Он же.* Афразийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982; *Он же.* Чадские языки. Там же.
- ¹³¹ *Озогина Н. В.* Языки банту // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.
- ¹³² *Альбедиль М. Ф., Волчок Б. Я., Кнорозов Ю. В.* Исследования протоиндийских надписей.
- ¹³³ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- ¹³⁴ *Андронов М. С.* Дравидийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.
- ¹³⁵ *Головастиков А. Н., Долгопольский А. Б.* Реконструкция чукотско-корячских корней и ностратические этимологии // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972.
- ¹³⁶ Сводка данных: *Alexeev V., Gohman I.* Physical Anthropology of Soviet Asia. München; Wien, 1983; *Алексеев В. П., Гозман И. И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
- ¹³⁷ Об этом см.: *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и важные связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- ¹³⁸ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971.
- ¹³⁹ Сводка данных и литературы: *Пейрос И. И.* Сино-тибетские и австро-тайские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.
- ¹⁴⁰ Об этом см.: *Беликов В. И.* Океанические языки // Там же.
- ¹⁴¹ *Alexeev V.* First Peopling of America in the Light of Morphological Observations // Studies in Ethnography and Anthropology. Papers Presented by Soviet Participants. Part II. Moscow, 1983; *Алексеев В. П.* Кто они были? (антропологический очерк о заселении Америки) // Наука в СССР, 1984. № 1.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

1. Рациональные знания

Обширный массив рациональных знаний, накопленный на протяжении предшествующей истории первобытного общества, в эпоху его распада претерпевает существенные количественные и качественные изменения, вызванные глубокими экономическими и социальными преобразованиями в жизни древнего человечества. Рост населения, развитие производительных сил, регулярное получение избыточного продукта и формирование связанных с ним новых социально-экономических отношений служили важными стимулами для дальнейшего прогресса астрономических, математических, биологических, медицинских, химико-технологических, географических знаний. Объективные предпосылки для этого прогресса, как показывают результаты современных историко-археологических, этнографических, лингвистических и других научных исследований, сложились в период расцвета первобытного общества¹. Вместе с тем, соответственно конкретным условиям классовообразования, на основе различных производственных, хозяйственных, этнокультурных традиций в разных регионах вырабатываются различные пути развития познавательной деятельности.

Становление и совершенствование земледелия и скотоводства, начиная с их простейших типов, было сопряжено с последовательной реализацией большой суммы новых производственных и технологических процессов, которым предшествовало изготовление специальных орудий на каждой стадии², что по мере прогресса этих отраслей хозяйства вело к практическому освоению, а затем уже к осмыслению широкого спектра новых отношений между пространственными формами и их количественными характеристиками, между различными отрезками времени и единицами их измерения.

Как известно, архаические календари многих народов современные исследователи относят по аналогии к одной категории со счетными бирками, характеризуя их как первоначальный этап развития научных инструментов³. О постепенном вызревании оформления инструментов для пространственных измерений можно судить по археологическим данным: например, по стандартным мерным линейкам с делениями разных масштабов в древнейшей земледельческой цивилизации долины Инда⁴.

Астрономия и календарь. Первобытные календарно-астрономические представления развивались по пути очень медленно возрастающего отделения наблюдений за интервалами времени от

наблюдений за ритмами биологических процессов в природе и в человеческом коллективе. Видимые невооруженным глазом регулярно повторяющиеся циклы движения Солнца и Луны преломлялись в организации жизнедеятельности первобытного общества в эпоху его становления; с его расцветом становится доминирующей практика времяисчисления по Луне, благодаря чему лунный календарь оформляется ранее солнечного⁵.

В эпоху классового развития астрономии и совершенствование солнечного календаря становятся основой прогресса в измерениях времени и представлений о нем. Потребности усложнявшегося производящего хозяйства привели к тому, что расчеты, основанные на движении солнечного цикла (суточная, годовая, сезонная периодичность), вытеснили лунные календари. В различных пережиточных формах продолжали сохраняться представления о счете времени по Луне. В греческом, русском, английском, зулусском, эскимосском и других языках названия календарных месяцев отражают практику лунного времяисчисления. У ряда народов Азии и индейцев Америки, у части древнего населения Средиземноморья длительность года определялась, исходя из 10 месяцев. Характерно совпадение мотивировок такой календарной единицы у предков древних римлян и у американских индейцев: у человека 10 пальцев на руках, счет обычно ведется десятками, числа имеют десятичную систему, беременность женщин длится 10 лунных месяцев (индейцы арапахо, юроки и манданы, кроме этого, делили год на 10 сезонов⁶). О достаточной устойчивости подобных архаических представлений свидетельствуют определенные сюжеты древнетюркского эпоса, гомеровской «Илиады» (исчисление срока родов по лунным месяцам), факты раннего хеттского законодательства (ущерб, связанный с выкидышем у свободных женщин и рабынь, оценивался в зависимости от лунного месяца, на котором была прервана беременность).

Поиски путей совершенствования времяисчисления для нужд сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства вели, в частности, к разработке различных вариантов согласования лунного календаря с солнечным. В лунном синодическом месяце 29,53 солнечных суток, 12 месяцев составляют лунный год в 354,36 солнечных суток, т. е. разница примерно в 11 дней.

Разумеется, «привязка» найденных соотношений прежде всего к местным природным и хозяйственным условиям придавала своеобразную этническую окраску найденным решениям в каждом конкретном случае⁷, не лишая их внутреннего, по сути своей рационального смысла. В этом отношении одним из ярких памятников рациональных знаний первобытной культуры являются мегалитические сооружения. Исследования неолитических и энеолитических менгиров и дольменов на территории Франции выявляют в самой технике их установки элементы точных знаний не

только в области геометрии, арифметики, механики (статики), но и астрономии, о чем говорит довольно высокая степень корректности их ориентации на точку восхода Солнца⁸. Возведенный на рубеже каменного и бронзового веков на территории Англии гигантский мегалитический комплекс Стоунхендж точно фиксировал точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния и захода в день зимнего солнцестояния, мог служить также для предсказания солнечных и лунных затмений⁹. Колоссальные затраты коллективного труда на подобные сооружения говорят о том, что эти знания и расчеты рассматривались как общественное достояние.

Люди давно заметили несовпадение лунного и солнечного календаря, многие народы преодолевали это затруднение, изобретая различные узкоспециализированные по хозяйственным нуждам конкретные календарные расчеты. Таковы, например, календари на определенный год, месяц, неделю, комбинированные месячно-недельные и недельно-годовые календари у охотников и скотоводов Северной Азии¹⁰. Земледельческий календарь зулусов¹¹ из 12 лунных месяцев и двух сезонов был достаточно точен для главного трудового сезона — летних полевых работ; расхождение в счете времени по Солнцу и Луне объяснялось тем, что Луна «путает людей». Вместе с тем зулусы безошибочно предсказывали повторения засух (в среднем через 11 лет) по цветению кустарника ухлалване (это соответствует современным данным о влиянии 11-летних циклов активности Солнца на биосферу Земли¹²); они делили лунный месяц на 10 частей, сутки — на 22 части. Практическая корректировка солнечного и лунного времяисчисления достигалась у зулусов прежде всего наблюдением за звездной группой Плеяд в созвездии Тельца.

Плеяды выделялись на карте звездного неба еще ранними охотничьими общинами. Развитие земледелия расширило диапазон знаний о пространственных и временных особенностях движения Плеяд по небосводу¹³. По ним дополнительно регулировали сроки сельскохозяйственных работ племена и народы Африки, Америки, Океании, Азии, Европы. Например, Гесиод перечислял «труды и дни» земледельца по положению Плеяд.

В Средиземноморье в I тыс. до н. э. из 48 известных созвездий 25, т. е. более половины, обозначались названиями животных¹⁴. Названия созвездий Телец, Овен, Козерог и других созвездий Зодиака (само название которого восходит к древнегреческому слову «животное») отражают первостепенную роль первобытных охотников и скотоводов в формировании карты звездного неба, принятой и развитой затем в раннеклассовом обществе.

Становление первичных астрономических представлений и календарей было неразрывно связано с развитием математических представлений и расчетов, прежде всего счета и измерений, ко-

торые занимали исключительно важное место во всей хозяйственной деятельности человека. Прогресс математических знаний наглядно отражает ход интеллектуального развития человека и общества, поскольку «первой теоретической деятельностью рассудка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением,— подчеркивал К. Маркс,— является счет»¹⁵.

Математические знания. У коренного населения Северо-Восточной Азии существенно различались известные пределы счисления. С. П. Крашенинников выявил у ительменов и коряков практическое пользование числами до 100, а у айнов — в пределах 10 000¹⁶. Числа и счет алеутов, по наблюдениям И. Е. Вениаминова, превосходили 10 000¹⁷. Вместе с тем у азиатских эскимосов — самой близкой к алеутам по происхождению части населения в данном регионе — счисление осуществлялось на их родном языке лишь в пределах первых 100 единиц¹⁸. Учитывая близость языков и других элементов культуры, единый хозяйственно-культурных тип — морской зверобойный промысел в сходной экологической среде, удовлетворительное объяснение значительной разницы в арифметических познаниях эскимосов и алеутов может быть дано лишь в свете детального анализа развития их социальной жизни. Исходя из опыта современных историко-археологических, антропологических и этнографических исследований¹⁹, суть дела заключается в следующем. После того как произошло разделение протоэскоалеутов (в эпоху расцвета первобытного общества, около 8—10 тыс. лет тому назад) на обособленные ветви формирующихся алеутов и эскимосов, некогда общий для них уровень владения счетом и числом сохранился у эскимосов, но значительно возрос у алеутов в связи с процессами разложения первобытнообщинного строя и сопряженной с ними активизацией торговых и других отношений с соседями.

Применительно к другим районам Тихоокеанского бассейна выделяются иные аспекты проблематики, сопряженные с процессами перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Например, в Океании с практикой увязывания плодов хлебного дерева в пучки по четыре сложилась своеобразная процедура счета «пучками» (четверками), при которой, говоря о десятках, полинезец имел в виду в действительности «десятки пучков» (т. е. как бы «сороковки») счисляемых предметов. Пользование снизками раковинных денег как самостоятельными единицами в разного рода счетах ведет к дальнейшему усложнению системы числовых обозначений. Словесные обозначения неопределенно больших множеств, применявшиеся некогда в рамках 10 или 100 единиц, затем постепенно передвигаются выше по шкале числовых обозначений, вплоть до 10 000²⁰.

Расширение границ количественных операций до десятка тысяч вело к совершенствованию других разделов математических знаний. Потребность в измерениях и вычислениях увеличивалась,

но ее реализация становилась все более неравномерной в условиях имущественного и социального расслоения общин.

По свидетельству В. Г. Богораза²¹, для большинства оленеводов-чукчей в XIX — начале XX в. при пальцевом счете двадцатками «пределом знания» назывались числа выше 400 (20 двадцаток), а богатые торговцы оперировали уже понятием тысячи. Активизация отношений с соседями стимулировала все более частое обращение с большими числами и освоение новых способов их фиксации. Обычно, связывая шкурки белок или других животных по 5 или 10, а затем соединяя их в новый пучок, чукча получал после двух последовательных операций новую единицу счета — 20 шкурок, облегчающую дальнейшие расчеты (по тому же принципу, которым пользовались народы Полинезии и Центральной Африки). Подсчитывая своих оленей, богатый чукча пользовался другой единицей счета — «загон». Стада оленей последовательно загонялись в огражденный участок, а затем выпускались, и каждый очередной загон обозначался особыми деревянными кружочками, которые складывались в рукавицу. В итоге хозяин оленей получал представление об их числе, как бы ни превосходило оно известный ему предел счета. Для решения подобных задач бантуязычные скотоводы на юге Африки применяли своего рода «живые счеты». Между считающими скот людьми устанавливались отношения иерархии, аналогичные отношениям между последующими разрядами чисел: первый отмечал согнутыми пальцами единицы в пределах 10, второй — только десятки в пределах 100, третий — только сотни в пределах 1000 и т. д. — следуя десятичной системе.

Особый интерес представляет описание группового счета дней до будущего события у папуасов, оставленное Н. Н. Миклухо-Маклаем: «Я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек... сказав, что каждая бумажка означает 2 дня... Мой папуас стал считать по пальцам, но, должно быть, неладно, по крайней мере другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: ... «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными»²². Таким образом, для решения новой, общественно-важной, в представлениях папуасов, задачи на вычисление времени до некоторого предвидимого будущего, они коллективно реализу-

ют сравнительно сложную иерархию процедур, которой никто из них не пользовался перед этнографом в обычных условиях; их счетная практика обычно ограничивалась размерами стада свиней у данного хозяина («больше свиней не бывает» — обычная мотивировка ими беспольности расширения счета и его фиксации).

Обозначать с помощью пальцев, палочек, соломин, камешков, зерен различные комбинации чисел разных разрядов было удобно в процессе исчисления скота, оценки полученных урожаев, выделения семенного фонда и т. п. общинных работ. Однако сохранять такие комбинации чисел на длительные сроки, точно передавать их на большие расстояния (поскольку этого требовало развитие торговых, простейших арендных, кредитных и прочих отношений между общинами и внутри их) необходимо было уже более надежными средствами. Для более компактной и долговечной фиксации больших чисел преобразуются такие архаические инструменты, как счетные бирки и ремни (или шнуры, веревки). Теперь одна нарезка на бирке может обозначать не только единицу, как прежде, но 5, 10, 20 единиц, в зависимости от системы счисления. Узлы на шнурах или ремнях также стали обозначать числа разных порядков. Использование цветных шнуров с узлами (квицу) обозначает не только 1, 10, 100, но и 1000 единиц в государстве инков (для счета хлеба, серебра, воинов). Вместе с тем простейшие формы «узловой записи» чисел (по узлу на каждую единицу) продолжали существовать у многих племен Америки, у народов Азии и Африки.

Особенно широкое распространение получили бирки. Они позволяли не только фиксировать процесс и результаты вычислений, но и проверить содержание записи через любой промежуток времени. В отношениях между продавцом и покупателем, должником и кредитором достаточно было расчленив бирку с записью пополам на взаимодополняющие части: сохраняя свою половину бирки, каждый из участников сделки был застрахован от ложных истолкований условий данного договора, поскольку простым совмещением половинок бирки, получив единственно возможную комбинацию, можно было дать объективное доказательство (например, в спорных, конфликтных ситуациях, для третейского судьи) первоначально условленного числа. В подобных функциях числовых бирок могли заключаться истоки простейших, начальных элементов генезиса процедуры доказательства в области геометрии (сопоставление линий по их расположению, форме, начертанию, применительно к построению единой фигуры из двух частей), арифметики (число линий, их сложение или умножение для получения общей суммы), права (вещественное доказательство для суда).

Разумеется, развитие каждой из этих областей знания имело свои особые основания. Так, эволюция системы мер от простейших приблизительных единиц, связанных с размерами челове-

ского тела (рост, шаг, длина рук, ширина ступни, длина и ширина пальцев) или орудий (древко копья, стрелы, топориче), в охотничье-рыболовческом хозяйстве сопряжено с определенной шкалой их взаимных соотношений. Владая ею, к примеру, кеты выполняли все необходимые им измерения, разнообразно сочетая две основные меры: расстояние от локтя до кончиков пальцев руки и длину палки с лыжный посох²³.

Создание все более многообразных форм каменных, затем металлических орудий, керамических изделий (особенно после освоения гончарного круга) требовало предварительного практического решения определенных задач в сфере пространственных соотношений ряда плоскостей, объемов, фигур, измерения одних предметов посредством других. Без предварительного проведения горизонтальных и вертикальных (отвесных) линий, без построения из них прямых углов было бы невозможно сооружение свайных построек в Центральной Европе или больших жилищ американских индейцев. Практически для этого служили натянутые веревки. Вместе с тем развитие представлений о прямых линиях, тесно связанное также с прядением и ткачеством, особенно стимулировалось становлением частного землевладения, требовавшего точного измерения длин, расстояний, площадей земельных участков; отсюда и древнегреческий термин «геометрия» («землемерие») для обозначения раздела математики.

Биология и медицина. В первобытной картине мира важное место занимали представления о единстве человека с природой, сходстве его с животными. Эти представления стали исходной базой развития биологических и медицинских знаний.

Познавательные традиции охотничьих общин включали не только обширные массивы эмпирических представлений о жизни природы с определенными попытками их осмысления и систематизации; это были биологические знания, нередко выходящие за пределы того, что непосредственно требовалось для существования коллектива на основе охоты и простейших форм скотоводства. Так, приводя чукотские рисунки животных, растений (в том числе морских и подводных растений и раковин), В. Г. Богораз констатировал: «Точность этих рисунков такова, что они могли бы служить иллюстрацией для естественнонаучных описаний»²⁴. В стремлении проникнуть в суть природных явлений ительмены, по словам С. П. Крашенинникова, «по своему разуму всему дают причину, обо всем рассуждают и стараются изведывать самые мысли птиц и рыб»²⁵.

Повседневная практика охотничьих общин доказывала и выявляла детальные аналогии между анатомо-физиологическими свойствами человека и животных, а при длительной специализации промысла одного из видов позволяла отмечать цикличность его воспроизводства, сопоставимую, как и у людей, с астрономическим временем. Познания такого рода способствовали переходу к

производящему хозяйству, улучшению и изменению одомашненных животных и растений, поскольку, например, как показал еще Ч. Дарвин, на самых ранних стадиях скотоводства должен был возникнуть искусственный отбор лучших особей на племя²⁶. По свидетельству Аристотеля, скифы, кельты и другие «варвары», хорошо зная циклы беременности лошадей и ослиц, обычно пользовались этим знанием, чтобы приурочить случку животных к моменту летнего солнцестояния²⁷.

Скотоводство вело к дальнейшему развитию зоологических знаний, земледелие, особенно ирригационное, способствовало развитию ботанических, химических и гидротехнических знаний, а по мере углубления специализации отраслей производящего хозяйства разветвляющиеся области первобытных представлений о живой природе, постепенно дифференцируясь по их прикладному значению, закладывали практические основания для новых видов деятельности: ветеринарии, агротехники, гидротехники — новых разделов рациональных знаний.

Оборотной стороной этого процесса, направленного на культивирование сравнительно небольшого числа растений и животных из общего перечня их, становится сужение, при общем прогрессе знаний, круга представлений о прочих представителях живой природы, менее затронутых производящим хозяйством или вовсе не тронутых им. Вместе с тем достижение известной независимости хозяйственной деятельности от стихийных сил природы, получение устойчивого и особенно прибавочного продукта способствовали, по мере роста имущественного и социального неравенства, утверждению идей об исключительности человека, подчиняющего своей воле природу вне зависимости от внутренних законов ее развития или вопреки им.

Некоторые процессы, связанные с этой общей тенденцией, отразились и на развитии медицинских знаний. Зарождение их в ходе становления первобытного общества во многом определялось опытом наблюдений за особенностями поведения животных и целебными свойствами растений. Опыт охотников и собирателей заложил основы общественной и личной гигиены, санитарии, лечебного применения средств растительного происхождения (травы, корни, цветы, плоды, кора деревьев и пр.). Обширнейший фонд первобытной фитотерапии, хотя частично и стал затем достоянием народной медицины и профессионального врачевания в классовых обществах, тем не менее остался далеко не полностью освоенным. Сводные описания свойств лекарственных растений в древнем Китае, Индии, Египте, Греции и других государствах, включающие порой тысячи названий, все же не дали исчерпывающей характеристики первобытного фонда фитотерапии — одного из перспективных, по современным медико-биологическим представлениям, направлений развития здравоохранения²⁸. То же можно сказать о лечебных средствах минерального и животного

го (жир, мозг и другие составные части организма у ряда видов млекопитающих, рыб, птиц) происхождения, занимавших более скромное место в первобытной медицине.

Широкое распространение керамической посуды способствовало освоению лечебных отваров, составляемых по все более сложным рецептам. С развитием скотоводства связано использование молока не только в пищевых, но и в лечебных целях. Эмпирические поиски, немислимые без простейших экспериментов в этой области, затрагивали и биологию, и химию, закладывая основы биохимии²⁹.

Процессы выплавки металлов, их очистки, получение нужных сплавов по эмпирически найденным рецептам, способствуя освоению химической технологии при более высоких температурах по сравнению с керамическим обжигом, обогатили первобытную хирургию более совершенными металлическими инструментами: скальпелем, ланцетом, ножом (вместо каменных), щипцами, зажимами (вместо деревянных). Все это вело к прогрессу практической медицины, в активе которой были простейшие хирургические операции, начиная с кровопускания и сшивания вен, иглоукальвание, массаж, физиотерапевтические процедуры, диета; они успешно дополняли медикаментозное лечение еще в условиях высокоразвитого охотничьего хозяйства³⁰.

Вместе с тем общий подъем уровня знаний, а на их основе расширение «опережающего отражения» типично повторяющихся событий, расширение временной перспективы общественного сознания позволяли, помимо оперативного разового лечения, сосредоточивать внимание на более длительной терапии и профилактике недугов. Здесь медико-биологический подход соприкасался с первобытными традициями педагогики, этики, физического воспитания и эстетики. Последние, например, обязывали девушек точно знать их месячные циклы. Первый из них сопровождался особенно тщательно разработанной системой процедур. Готовясь стать матерью, женщина следила по лунному календарю за своим состоянием и при необходимости в определенное время принимала специально приготовленное лекарство, обращалась к специальным физическим упражнениям³¹. По-видимому, акушерство стало одной из первых медицинских специальностей.

С обострением конфликтов, учащением военных столкновений связано дальнейшее развитие медицинских знаний и педагогики. Основой врачевания оставалась народная медицина, но применение ее средств постепенно сосредоточивается в руках узкого круга профессиональных лекарей. Характерна высокая оценка роли врача (прежде всего как человека, знающего и умело применяющего лекарственные растения) в условиях боевых действий, данная «Илиадой» (XI, 514—515, 741; XVI, 28—29), а в описаниях ран греческих героев проявляется детальное знание анатомии человека. Физическая подготовка юношей к будущим боям

обретает форму соревнований, состязаний в беге, прыжках, борьбе, метании снарядов, что свидетельствует о целенаправленном использовании анатомо-физиологических познаний той поры для культивирования физических возможностей человеческого тела в стремлении к определенному идеалу: могучему непобедимому герою, бросающему вызов не только врагам, но и всей природе³². В то же время происходит новое осмысление ощущений, вызываемых различными недугами; телесные страдания любого происхождения оцениваются и врачами, и пациентами по аналогиям с последствиями вооруженных столкновений: «удар», «прострел», «режет», «стреляет», «колет», «ломит» и т. п., что становится обычным в медицинской терминологии³³.

Становление профессиональной медицины в условиях разложения первобытного общества сочеталось с ритуально-магическими действиями. Так, у народов Евразии исторически складывались различные формы медицинской помощи: от более или менее известных, традиционных для всей общины лечебных средств, применявшихся знатоками без магики-мистического сопровождения, до ритуалов лекарей-шаманов, хранивших традиции своего искусства в тайне и в разной степени не зависевших от хозяйственно-производственной жизни общины³⁴. Борьба рациональной и иррациональной тенденций на более высоком уровне развития профессиональной медицины прослеживается в цивилизациях древнего Востока. В нижней Месопотамии врачевал либо лекарь-практик, знаток лекарственных трав и других средств народной медицины, либо колдун-заклинатель (ветеринары составляли особую категорию). Длительная борьба между лекарями-практиками и заклинателями в вавилонской медицине завершилась победой последних, что отвечало в конечном итоге общей атмосфере эволюции духовной культуры в раннеклассовых обществах этого региона³⁵. Порой врачи здесь знали (например, о кровообращении) не больше, а то и меньше, чем первобытные охотники и скотоводы³⁶, однако рациональные моменты древневосточной медицины были продолжены в учении Гиппократе, вобравшем достижения первобытной медицины как эллинов, так и «варваров», особенно скифов³⁷.

Скифы были хорошо известны в античном мире как поставщики растительного лекарственного сырья («скифской травы»), как фитотерапевты, знатоки лечебных средств животного и минерального происхождения, составители сложных целебных смесей (до 60 компонентов в одном из рецептов)³⁸. Гиппократ описал некоторые особенности скифской медицины (специфический способ кровопускания при разных заболеваниях, помощь при родах в особых повозках) и обратил внимание на социальную дифференциацию некоторых недугов, поражавших «только благороднейших и богатейших скифов»³⁹. Скифскую знать лечили прорицатели. Рациональная медицина обогащалась опытом лека-

рей-практиков. Труд последних высоко ценился в общественном сознании. Одним из археологических свидетельств того служит найденный в скифском кургане Куль-Оба близ Керчи электрический сосуд с древнейшим художественным изображением медицинских операций (удаление большого зуба, перевязка ноги).

География и картография. Детальное знание особенностей окружающей местности было непременным условием нормальной хозяйственной и общественной жизни первобытных охотничьих, а затем скотоводческих и земледельческих общин Старого и Нового Света. От выбора мест для стоянок, определения маршрутов кочевок, точной ориентации в пространстве во многом зависели взаимосвязь, взаимодействие общинников в их совместных делах, успех или неудача в достижении коллективом общей цели.

Зачатки географических знаний у первобытного населения разных районов земли складывались по мере первоначального расселения и освоения прилегающих территорий и акваторий. Постепенно вырабатывались местные традиции описаний и обозначений всех существенных в географическом отношении объектов местности. Умение аборигенов давать подробные характеристики объектов ландшафта, отображать их в простейших графических схемах, умение безошибочно ориентироваться в просторах степей, лесов, тундр поражало первых исследователей⁴⁰.

Последующий анализ показывал, что необходимость накопления и развития такого рода познаний диктовалась и повседневными производственными заботами общины, и критическими ситуациями, когда по разным причинам община лишалась доступных ей средств существования и, чтобы выжить, должна была суметь противостоять обстоятельствам.

Процессы консолидации племен, развитие торговых, военных и других отношений с соседями расширяли горизонты совокупных географических познаний. Очень подробную и яркую характеристику их значения в условиях распадающегося первобытного общества на примере лиги ирокезов дал Л. Г. Морган. Основательно анализируя и высоко оценивая «индейскую географию», Л. Г. Морган отмечал: «От Атлантического океана до Миссисипи и от северных озер до Мексиканского залива главные индейские пути через страну были так же тщательно и разумно проложены и так же хорошо известны, как наши собственные. По многим из этих длиннейших троп ирокезы совершали военные экспедиции и таким образом практически изучали географию страны. В пределах своих непосредственных территорий они так же были знакомы с географическими особенностями, маршрутами путешествий, озерами, холмами и реками, как впоследствии мы сами»⁴¹.

Географические открытия аборигенов Океании, совершавшиеся ими на основе довольно развитого судостроения и мореходства, покорение ими огромных пространств Тихого океана особенно

поразили европейских исследователей. Первоначально представлялись удивительными и обыденные маршруты океанийцев. Так, в Микронезии жители Каролинских островов регулярно совершали плавания к небольшому о. Гуагам, безошибочно находя его после 300 миль пути. Согласно первоначальному объяснению, каролинцы хранили описание путей по океану в своих песнях, а кроме того, хорошо ориентировались по звездам для точного определения маршрутов.

В дальнейшем были выяснены другие оригинальные средства, помогавшие ориентироваться в океане коренным жителям Микронезии и других частей Океании. В числе ранних сообщений о ряде местных способов наглядной передачи географических знаний у островитян интересны свидетельства О. Е. Коцебу. Жители Маршалловых островов точно объясняли ему состав и взаиморасположение островных групп, расстояния и проходы между ними с помощью камней, разложенных на песке, простейших чертежей и схем. Один из островитян обозначил маленькими камешками на циновке островную цепь Радак. «Так как известные нам группы были обозначены с большой точностью, то его показания о цепи Ралик также заслуживали доверия,—писал О. Е. Коцебу.— Наименовав несколько раз группы, старик указал также путь, которым надо следовать туда от Айлу. Для этого он применил следующий остроумный и очень ясный способ. Небольшой камень заменял в его руках лодку; с восходом солнца он отплыл от Айлу и... прибыл в полдень к о. Темо, а оттуда к вечеру достиг группы Лигиеп (когда мы впоследствии открыли эту группу, то удивлялись его основательным знаниям об этой стране). От группы Лигиеп он выступил на другое утро, правил на запад, пробыл в пути два дня и две ночи и достиг принадлежащей к цепи Ралик группы Кваделен. Таким образом, он с ясностью обозначил не только курс, но и время дня»⁴².

Потребность дополнять устную передачу географических знаний наглядными пояснениями возникла очень рано, судя по этнографическим исследованиям зачатков картографии у коренного населения всех частей света. Первоначально это были кратковременные простейшие схемы местности, рельефно изображенные на земле с помощью камней, прутьев, соломы и других подручных средств, начерченные пальцем или палкой на песке, рыхлой глине, на снегу.

Необходимость в более долговременных наглядных пособиях, особенно при кочевой жизни, привела к выработке более долговечных и портативных форм отображения местности графическими средствами. Американские индейцы, аборигены Северной Азии и некоторых районов Африки чертили свои карты острием ножа или шила на коре дерева, рисовали на коже и ткани кисточками обмокнутыми в какой-нибудь одноцветный краситель (кровь животных, охра, уголь, сажу, мел), так что обычно все особенности

ландшафта передавались лишь одной краской. Чаще всего создавались карты определенных маршрутов. Как правило, важнейшим элементом карты, особенно подробно и тщательно переданным, была гидрографическая сеть данной местности. Центральное место обычно отводилось главной реке, ее притокам и ближайшим озерам, причем точно передавались не только их основные очертания, но и речные пороги, водопады и другие препятствия передвижению. Реже изображались горы (поскольку сами по себе они были всегда заметными ориентирами на местности), причем обозначались не системы хребтов, а отдельные массивы в поперечном сечении. Еще реже изображались растения (например, пальмы и банановые деревья в Африке). Вместе с тем создатели карт стремились подробнее обозначать дороги, тропы, санные пути, броды, жилища, лодки и другие следы присутствия людей в данном районе, непосредственно связанные с практической деятельностью первобытных общин. Конкретность таких деталей имела немаловажное значение для ориентирования в пространстве и развития контактов между общинами.

Карты на бересте, дополняемые пиктографическими рисунками, использовались для своеобразной «переписки» у индейцев Северной Америки, юкагиров и других народностей Северной Азии: кочующие группы оставляли такие графические сообщения в заранее установленных местах, чтобы идущие следом знали об их местонахождении и о событиях в этом районе. Индейцы северо-восточного побережья Америки, по наблюдениям их первых исследователей, собирали свои карты на коре и бересте в особых общественных хранилищах, чтобы пользоваться ими в случае необходимости.

Своеобразные аналоги карт из бамбуковых палочек, стеблей пальмы, раковин и камешков изготавливали островитяне Океании. Палочки и стебли, связанные под разными углами или согнутые в виде кривых линий, означали течения, а раковины (камешки) в точках пересечения — острова. Одни карты служили для обучения юношей географии, другие (например, на Маршалловых островах) хранились в тайне у старшин и вождей, их секреты передавались ближайшим родственникам по мужской линии. Дополняемые устными преданиями ориентированием по Солнцу и звездам, такие карты использовались в дальних плаваниях на расстояния до тысячи миль⁴³.

Ориентация по Солнцу присуща и картам, которые хранили вожди племен Центральной и Южной Африки. Ориентировка по странам света широко применялась в картах народов Северной Азии. Разумеется, при измерении больших расстояний лишь днями пути трудно ожидать строгого соблюдения масштабов для всех деталей изображаемой местности. Но в конечном итоге в простых глазомерных схемах основные соотношения расстояний и площадей обычно соответствовали действительным. «Юкагиры,

разумеется, наносят на карту только те места, которые они сами видели и хорошо знают, но в своих чертежах они обнаруживают сознательное представление о взаимном расположении рек, озер, гор небольшого участка земли, им знакомого, и знание стран света,— констатировал В. И. Йохельсон.— Таким образом, эти чертежи маршрутов можно рассматривать как зародыши географических карт»⁴⁴. Это мнение утвердилось в истории картографии⁴⁵. Конечно, оно в основном относится к специальным маршрутным картам сравнительно небольших территорий, освоенных общиной. Ее местонахождение обычно представляется как центр всего обитаемого пространства и принимается за центральную (в смысловом отношении) часть чертежа, исполненную особенно точно, ясно, полно; эти качества слабеют в изображении периферийных районов; дальние части ойкумены представляются еще менее определенными, хотя и для них существуют специальные названия.

Расширение торговых связей заметно стимулировало дальнейшее развитие первобытной географии и картографии. Теми же маршрутными картами-сообщениями, которыми обменивались кочующие промысловые группы, стали пользоваться и двигавшиеся вслед за ними купцы. Формирование торговых и караванных путей неизбежно требовало тщательного изучения географических особенностей новых, порой труднодоступных районов, а затем нередко сопровождалось маркированием этих путей специальными указательными знаками, самыми долговечными из которых стали знаки на камнях и скалах. В той же технике выполнялись иногда и простейшие карты некоторых районов. Такова, например, обнаруженная итальянскими археологами среди петроглифов, датированных бронзовым веком, карта полей, дорог, ручьев и оросительных каналов у Капо-ди-Понте (в долине Валькамоника на севере Италии)⁴⁶. У археологов есть основания полагать, что по 50-километровой долине Валькамоника через труднопроходимый район Альпийских предгорий проходил один из древних торговых путей из Средиземноморья в Центральную Европу. Наскальные изображения колесниц расположены вдоль этого пути так, что могут служить ориентирами движения по маршруту. На отдельных скалах изображены также фигуры воинов, сцены сражений. Последние могли быть связаны с нападениями горных племен (давние сообщения такого рода зафиксированы Страбонем). Стратегия и тактика военных действий также требовали соответствующих географических познаний, картографических данных.

По мере трансформации первобытнообщинных отношений в раннеклассовые развитие географических знаний и картографии постепенно сосредоточивалось в руках правящей верхушки и направлялось на удовлетворение ее потребностей. Но в той же Микронезии, например, в больших океанских плаваниях лодчаны

из числа простых общинников порой превосходили аристократов в точности ориентирования; искусное применение географо-картографических познаний позволяло в таких случаях общиннику подняться на более высокий уровень в социальной иерархии⁴⁷. От степени познания местных особенностей своих и сопредельных территорий зависела успешная реализация хозяйственных, торговых, военных планов укрепляющей свои позиции элиты.

В классовом обществе практическая ценность географии уже неразрывно связывается в первую очередь с деятельностью государственных людей и властителей. «География» Страбона начинается констатацией этого факта.

Зачатки обществоведческих знаний. Отношение человека к миру в первобытном обществе определялось не только рациональными знаниями, но также тесно переплетенными с ними мифологическими и религиозными представлениями. При этом «выраставшие из материальной практики эмпирические знания об окружающей действительности служили ориентиром в повседневной жизни и первоисточником формирования мировоззрения»⁴⁸.

Переход от присваивающей экономики к производящей, трансформация первобытнообщинных отношений в раннеклассовые открывали качественно новый этап взаимодействия природы и общества, что естественно отразилось в практике познания. Добытые многотысячелетней практикой точные знания о природе опережали зачатки знаний людей об их собственной общественной жизни, особенно прочно опутанной религиозно-мифологическими традициями, трудно поддающимися переосмыслению. Постепенная, частичная и крайне медленная рационализация познаний об обществе определялась социально-экономическими процессами рассматриваемой эпохи, закреплялась по аналогии с устоявшимися способами хранения и передачи точных знаний в устных и изобразительных формах.

Например, в Северной Азии дошедшие до нас исторические предания и связанные с ними памятники изобразительной деятельности содержат обширные массивы точных данных о расселении и первоначальном размещении, этногенезе и этнической истории ее коренного населения, что выявляется и подтверждается современными исследованиями⁴⁹. В Америке у некоторых индейских племен бытовали своеобразные исторические хроники в виде регулярной фиксации рисунками важнейших событий каждого года, отражающие особенности календаря индейцев («зимние отчеты», «счеты зим») ⁵⁰.

В Океании фиксация порядка поколений в генеалогиях велась на счетных шнурах и жезлах с насечками по типу счетных бирок. Последние в Восточной Африке, сопровождаемые поучающей песней, служили для передачи подросткам сведений о формировании человека в материнском чреве. С развитием карт их физико-географическая основа дополнялась простейшими элемента-

ми начальных исторических и этнографических сведений (например, о районах расселения соседних племен, о размещении их поселков, порой с попытками изобразить форму жилищ, племенную символику — в той же Восточной Африке)⁵¹.

Повторение родословий становится укоренившимся обычаем во многих распадающихся первобытных общинах, поскольку способствует идеологическому оформлению тенденций классообразования. Так, пережиточно сохранявшиеся в XIX в. архаические обычаи у бурят требовали от незнакомого человека, входящего в юрту, назвать прежде всего свой род и, при необходимости, перечислить всех предков по мужской линии до 7—10-го поколений. Заучивание и устная передача генеалогий, а затем и их таблицы помогали устанавливать и закреплять хронологию исторических событий. Бурятские родословные таблицы и исторические хроники, в совокупности с другими источниками, показывают основные этапы этногенеза, социальной и этнической истории бурят на протяжении около 16 веков: от первых протобурятских племен до консолидации разрозненных родов и племен в единую народность⁵².

На большинстве островов Океании местные генеалогии включают около 20 поколений, отделяющих современное население от периода миграций и окончательного заселения островов. На о. Раротонга генеалогии насчитывали 92 поколения от предка Ту-те-ранги-марама, на Маркизских островах записана одна из родословных, насчитывающая 159 поколений, начиная с Неба-отца⁵³.

Очевидно, провести четкую границу между реальными событиями и их мифологическими интерпретациями в длинных генеалогических перечнях затруднительно, достоверность генеалогических реконструкций резко снижается около XV в. н. э., они еще менее надежны для более отдаленного времени. Однако с учетом подобных свойств океанийской генеалогистики и при соответствующих коррективах ее анализ может дать достоверные сведения о некоторых аспектах зарождения обществоведческих знаний. Показательны сопоставления ее в этом плане с материалами других регионов, особенно с историческими хрониками индейцев.

Так, «Валам-олум» («Правдивая живопись») делаваров в 184 рисунках, каждому из которых соответствовал определенный стихотворный устный текст, передавала последовательно историю племени от мифического начала мира до начала XVII в., с перечнями вождей и описаниями важнейших событий. Ежегодные рисуночные «счеты зим» («зимние отчеты») дакотов с начала XVIII в. и (с некоторыми перерывами) до 1871 г. фиксировали главные события в жизни племен; эти события отбирались на общем совете мужчин. Таким образом, накопление сведений об истории племени и его соседей осуществлялось как последовательное добавление к мифическому прошлому реальных событий

ближайших лет, которые обсуждались и одобрялись всеми мужчинами племени. Здесь в зачаточном состоянии уже использовались простейшие действия по отбору, сравнению, оценке, фиксации, хранению и последующему воспроизведению реальных сведений по ряду хронологически последовательных событий общественной жизни.

Такого рода действия развиваются в генеалогистике тех же океанийцев на качественно новом уровне. «Наследование власти вождя было основано на первородстве по старшей мужской ветви, потому что в родословном дереве она ближе, чем младшая ветвь, к знаменитым предкам, культурным героям и к самим богам. Общий термин родства, объединявший родителей, дядей и теток, старших двоюродных братьев и сестер, имел целью связать людей общностью трудовых усилий и кровного родства. Для различения более тонких оттенков родственных взаимоотношений служило знание родословий. Таким образом, термины родства и родословия составляют одно неразрывное целое в структуре полинезийского общества»⁵⁴.

Полинезийские (как и бурятские) генеалогии хронологически продолжают трактовки прошлого, даваемые мифами и преданиями. Но в отличие от хроник американских индейцев единая картина общественной жизни здесь расщеплена по линии родословий, их изучают, запоминают, передают молодежи специалисты, в Океании называемые «о'оно» («оронго»); мифическое прошлое частично переосмысливается применительно к генеалогическим конструкциям знатнейших родов.

В результате примерно пять последних столетий общественной жизни новозеландских маори, например, отражены генеалогиями, последовательно восходящими через 20 и более поколений к экипажам первых лодок, прибывших на Новую Зеландию с Гавайки. Далее перечисляются предки героического периода морских странствий, причем совпадения имен отдельных предков той поры в генеалогиях коренных жителей Новой Зеландии, Маркизских островов, Туамоту и других далеких друг от друга групп островов свидетельствуют в пользу общности их исторического происхождения, реально отражаемой (в какой-то мере) родословными. Далее генеалогии героев восходят к богам и, наконец, к олицетворенным явлениям природы. В итоге сами мифологические объяснения происхождения мира и людей приводятся к последовательной череде родословных. В такой форме маори преподавали свою историю в домах-школах («варе-кура») для знати, тогда как варе-кура для простонародья учили (в основном) земледелию и ремеслам⁵⁵.

По мере дальнейшего социального расслоения, отделения умственного труда от физического, становления воспитания и обучения как особого вида деятельности зачатки обществоведческих знаний начинают постепенно отделяться от других разделов ра-

циональных знаний и от мифотворчества. В первую очередь это служило интересам правящей верхушки. Ради них специалисты по родословным, например, нередко умышленно искажали генеалогии семей, пришедших к власти, чтобы поднять их общественный престиж. Вместе с тем устойчивое положение рода, подтверждаемое генеалогистикой, было свидетельством устойчивости социальных, экономических и политических сил, которые он представлял. В конечном итоге обширная обществоведческая информация, соизмеряемая вертикальным и горизонтальным связям родословных, могла порою превосходить сугубо эмпирический уровень познания. Так называемая первая этногонимическая легенда скифов в изложении Геродота может служить примером взаимосвязи генеалогистики с элементами историко-этнографической концепции и социально-политической доктрины (отраженными в представлениях о местном происхождении скифов, их этническом составе, о божественном происхождении царской власти и главенства царских скифов — паралатов), хотя и слабо выделяющимися еще на фоне религиозно-мифологического миропонимания⁵⁶.

Трудно отделимы от него и начальные элементы социально-психологических знаний. Их генезис связан с расширяющимся спектром социальных ролей в эпоху преобразования первобытного общества в раннеклассовое, что объективно способствовало развитию личности (как совокупности общественных отношений), в которые включен индивид), а вследствие этого — стремлению знать не только внешний физический, но и внутренний психический облик человека. Конкретный образ его со строго определенными функциями фиксируется маской, личиной, отдельно (вне фигуры человека) изображенными чертами лица, что типично для археологических памятников данной эпохи в отличие от предшествующих. Кроме того, этнография свидетельствует о широком распространении в распадающихся первобытных обществах особых приемов воздействия на психическое состояние (человека, малой группы или целого коллектива) посредством специально подобранных растительных средств, ритмических повторяемых звуков, словесных формул. Достижение предвиденных результатов имело одним из своих последствий помимо психотерапевтических, ритуальных и иных значений постепенное освобождение от мистического ореола знаний о психических процессах, поскольку духовная жизнь становилась в принципе доступной для целенаправленного воздействия физических факторов, подобно материально-производственной деятельности людей.

Углубляющийся в современных исследованиях⁵⁷ анализ высших познавательных достижений первобытности выявляет определенную обусловленность их в принципе теми же механизмами творчества, которые характеризуют развитие научных знаний в последующие периоды истории: становление в общественном со-

знании категорий количества, времени, пространства. Специфика социально-экономических отношений в эпоху перехода от первобытного к классовому обществу стимулировала рост знаний, а порой и обращение с их помощью к процедуре доказательства (вместо принятия на веру) тех или иных утверждений. Инструментом доказательства могло становиться зафиксированное знание: запись на счетной бирке в ходе торговой сделки, генеалогическая таблица как свидетельство благородного происхождения.

Разумеется, зачатки обществоведческих знаний, как и более развитые рациональные знания о природе, отвечали практическим потребностям людей данной эпохи, непосредственно служили достижению ими конкретных целей. Но этим не ограничивается значение познавательного опыта, полученного от первобытности первыми цивилизациями. Его многотысячелетнее развитие закладывало почву для качественно нового миропонимания, которое утверждается в классовом обществе со становлением философии и теоретического познания мира.

2. Становление письменности

Величайшим культурным достижением, утвердившимся на рубеже первобытного и классового общества, является упорядоченная письменность. Становление ранних систем письма в русле первобытных традиций развития рациональных знаний, символики и искусства выявляется в свете современных исследований как длительный сложный процесс, всестороннее раскрытие и объяснение которого значительно затруднено, с одной стороны, тем, что ряд специалистов сейчас активно вовлекают в проблематику генезиса письма массивы новых данных, не получивших пока однозначной интерпретации, с другой же стороны — тем, что отдельные теоретические положения в данной области продолжают оставаться предметом острых дискуссий, отражающих весьма широкий диапазон мнений.

Последнее обстоятельство обнаруживается уже применительно к исходным определениям сущности письма, а следовательно, и древнейшей письменности как совокупности документов, выполненных графическими средствами.

Исходные понятия. Согласно наиболее распространенным в настоящее время определениям, письмо — дополнительное к звуковой речи средство общения или средство закрепления речевой информации при помощи начертательных знаков или изображений (В. А. Истрин); «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени» (И. М. Дьяконов); средство сообщения, которое — состоит ли оно из условных или не требующих пояснений знаков — помогает человеку преодолеть время и пространство (И. Фрид-

рих); система взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых зримых знаков (И. Гельб)⁵⁸.

Сопоставление приведенных определений позволяет разделить их на широкие (И. Гельб, И. Фридрих) и узкие (И. М. Дьяконов, В. А. Истрин). При этом очевидны расхождения мнений у специалистов и в понимании простейших, исходных элементов письма. Последние трактуются либо как условные знаки (у И. Гельба и И. М. Дьяконова), либо значительно шире: включая не требующие пояснений знаки (у И. Фридриха) и изображения (у В. А. Истрина).

Следуя широким определениям письма, крайне трудно выявить его первоначальные истоки в известных сейчас массивах первобытной символики (кстати, также не имеющей пока общепринятой классификации), специфические предпосылки его генезиса остаются довольно неопределенными.

Так, среди дописменных средств передачи сообщений часто указывается так называемое «предметное письмо». Этим расплывчатым термином обозначаются весьма разнородные явления: от кучи листьев, положенных охотником на тропу для ориентировки идущих следом, до многообразной символики отношений между враждующими сторонами. Характерным примером последней является послание скифов Дарию, вторгнувшемуся в их страну. Согласно Геродоту (IV, 131 и сл.), послание было составлено из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Из множества толкований такого «предметного послания» адресат извлек совсем не тот смысл, который первоначально вкладывали в него отправители.

Ограниченные возможности использования предметов как средств для развития коммуникаций очевидны, термин «письмо» в подобных случаях не представляется корректным.

Среди других видов зрительной символики (прочие разделы символики здесь не рассматриваются, поскольку не имеют столь тесной связи с предпосылками становления письма) к решению этой задачи приближались переходные от предметных к изобразительным средства закрепления и передачи информации. Например, в Африке у йоруба определенным числом и взаимным расположением раковин каури фиксировались и передавались сведения о взаимоотношениях людей, включая отношения между кредитором и должником. В Америке у некоторых индейских племен счетные шнуры усложнились до «вампумов» — шнуров с наизнанными на них дисками из морских раковин, часто сплетенных в пояса. В цвет дисков вкладывался особый смысл (белые раковины означали мир, красные — войну, черные — опасность), рисунки на поясах дополняли их символику, позволявшую передавать определенные сообщения от одного племени к другому.

Сравнительно поздние свидетельства такого рода, к тому же относящиеся к ограниченному региону, помогают косвенно представить многообразие дописменных средств коммуникации, по

мало что проясняют в процессах формирования зачатков письма, если не обратиться к историко-археологическим данным. А они показывают, что решающее значение для выработки специфических предпосылок становления письменности имело появление и развитие изобразительной деятельности, использующей пластику форм, цветопись и самое главное — графику. Основной массив этих данных рассмотрен в 1-м и 2-м томах настоящего издания применительно к гезезису первобытного искусства и рациональных знаний.

Именно графический характер выполнения письма, как мы уже видели, акцентирован в узких определениях его сущности. Предпочтение этих определений значительно конкретизирует возможности рассмотрения специфических предпосылок, обусловивших достижения начальной поры становления письменности.

Однако остается весьма существенным расхождение трактовок первичных элементов письма: либо как знаков и рисунков (по В. А. Истрину), либо только как знаков (по И. М. Дьяконову). Из такой разницы трактовок исходных «клеточек» письма следует прежде всего определение места пиктографии («рисуночного письма») либо как необходимого этапа в процессе становления письменности (в первой трактовке), либо как феномена, оставшегося за пределами этого процесса (во второй трактовке). Как будет показано далее, в совокупности этнографических и археологических материалов, которыми располагают современные исследователи, содержится достаточно солидная аргументация в пользу первой трактовки вопроса об отношении пиктографии к процессу становления письменности.

Не менее дискуссионным является сейчас и вопрос о хронологических рамках изучаемого периода этого процесса на историко-археологических материалах Ближнего Востока: возникновение иероглифической письменности в Шумере и Египте в IV тыс. до н. э., преобразование шумерской иероглифики в клинопись примерно к середине III тыс. до н. э. Однако по мере углубления в предшествующие периоды нарастает расхождение мнений как в интерпретации частных моментов и деталей изучаемого процесса, так и в общей оценке его развития. При этом начальная стадия одними исследователями (например, В. А. Истриным, И. М. Дьяконовым) отнесена к неолиту, другими (например, К. Вейлэ, Ю. В. Кнорозовым) — к верхнему или (И. Гельбом, Ф. Бурдьё) к нижнему палеолиту⁵⁹.

Точно так же нет единого мнения в трактовке тех тенденций совершенствования графической символики, которые увенчались утверждением упорядоченной письменности. Как правило, отмечая условность своих дефиниций и отсутствие между ними четких границ, историки письма в данном случае чаще всего пользуются терминами типа «предыстория письма», «предписьменность», не давая им строгих определений. Конкретизация и уни-

фикация терминологии в этой области исследований — проблема, далекая от окончательного решения. О поисках его дают наглядное представление монографии В. А. Истрина «Развитие письма» и «Возникновение и развитие письма». Углубленный анализ проблемы за 4 года между этими изданиями внес существенные коррективы в терминологию. Для самого первоначального письма взамен громоздкого термина «картинно-синтетическое письмо» использован термин «фразография» (передача целых сообщений, графически не расчлененных на отдельные слова), с подразделением этого типа письма на изобразительные пиктограммы и древнейшие условные знаки; взамен термина «идеографическая логограмма» применен термин «семантическая логограмма», противопоставляемая «фонетической логограмме»⁶⁰. Дальнейшее развитие исследований требует более адекватной терминологии. Не рассматривая здесь всех ее вариантов, целесообразно в дальнейшем анализе конкретных материалов основываться на тех положениях, которые к настоящему времени представляются подробнее других обоснованными.

За различными концепциями становления письменности в конечном итоге проступают три основных фактора, определившие специфику этого процесса: выделение графической символики среди других форм первобытных коммуникаций; выработка стабильных графических средств для передачи общего смысла сообщений; создание устойчивой системы графических знаков, передающей речевую информацию. Эпохе распада первобытного общества и классов образования (в основном) присущи те достижения в формировании письма, которые были обусловлены уже действием второго и третьего факторов. Соответственно по этим двум основным разделам идет дальнейшее изложение результатов изысканий по проблемам становления письменности. Характеризуя основное направление этого процесса, как правило, постепенным переходом от пиктографии к идеографии, следует учитывать, что эти понятия (в первом приближении определяемые соответственно как «рисуночное письмо» и обозначение письменными знаками целых понятий), а, главное, отраженная в них реальность, как уже отмечалось, значительно сложнее и многообразнее.

Развитие пиктографии. Создание рисунков для фиксирования и передачи информации начинается с расцветом первобытного общества. Первые зачатки пиктографии большинство специалистов ищут в искусстве палеолита, вычлняя в его художественно-эстетических и познавательных функциях элементы коммуникативно-мемориального назначения отдельных произведений. Пиктограммы эскимосов, также отражающие повседневный быт охотников, представляют сложившиеся «рассказы в картинках», не имеющие иных целей, кроме передачи сообщения отсутствующему адресату. Будучи уже сформировавшимся средством коммуникаций, пиктография эскимосов пользуется рисунками конкретных объ-

ектов для наглядного изображения (обычно прибегая к последовательному повествованию из сменяющих одна другую фаз) конкретных ситуаций промысла и быта охотников. Например, расположенные в один ряд 12 рисунков сообщают о направлении и длительности маршрута, способе передвижения, способе охоты на сивуча, об успехе промысла и о стоянках на маршруте. При неудачном промысле на видном месте оставляется дощечка, рисунки на которой обозначают голодающих людей и направление к их жилищу. Уходя со стоянки, эскимосы оставляли щепки с рисунками, объясняющими, куда и зачем ушли ее обитатели.

Очевидны достоинства пиктографических сообщений такого рода. Изображения позволяют передать ту же информацию, что и жесты, предметные символы и другие виды внеграфических коммуникаций в первобытном обществе, но в едином связном повествовании, акцентирующем важнейшие детали ситуаций. Пиктографическая «предписьменность» сравнительно компактна, долговечна, общедоступна, не требует специальной предварительной подготовки для пользования ею в охотничьей общине.

В отличие от первобытного искусства выполнение рисунков в качестве пиктограмм не имеет целью создание конкретных художественных образов. Поэтому пиктографические рисунки сравнительно легко становятся схематическими, а затем и условными изображениями (особенно при необходимости быстрого их нанесения), не утрачивая при этом основного содержания передаваемой с их помощью информации. Поскольку она первоначально ограничивалась узким кругом сюжетов повседневного быта охотничьих общин, смысл передаваемых с помощью пиктографии сообщений оставался понятным и при схематизации изображений.

По мере распада первобытнообщинных отношений расширяются пространственные и временные масштабы разнообразных коммуникаций, растет объем передаваемой информации и соответственно новым общественным потребностям вырабатываются новые формы пиктографических сообщений. Теперь ряд последовательно нанесенных рисунков может передавать не эпизоды одной охотничьей экспедиции, а периоды в годовом цикле работ: сезон охоты, сезон рыбного промысла, период обработки и заготовки добытой продукции, езду на байдарках и собаках — как это делали, например, алеуты и чукчи. Многообразные способы создания и использования пиктографических сообщений в различных сферах общественной жизни были известны индейцам Северной Америки⁸¹. Диапазон пиктографии на этом уровне развития включал не только передачу конкретных производственных, хозяйственных, военных новостей, но и фиксацию памятных событий в истории племени и его соседей, важнейших моментов праздников и ритуалов. По-видимому, с ведением пиктографических «хроник» связаны начальные стадии выделения труда по составлению регулярных «записей» в специальную деятельность.

У дакотов фиксацию упоминавшихся «зимних отчетов» систематически вел один из индейцев на протяжении десятилетий, затем продолжал его преемник, назначаемый, как и первый, по указанию племенной знати. Он хранил плащ из шкуры бизона с последовательно расположенными по спирали рисунками, каждый из которых фиксировал один год (обозначая его по важнейшему событию) и наносился красками. В обязанности летописца входило периодическое вывешивание плаща с пиктограммами для всеобщего обозрения, чтобы его соплеменники могли выучить рисуночные обозначения прошедших лет, пользовались этими обозначениями в обиходе и племя таким образом не утрачивало их смысла после смерти летописца.

Например, год, когда свирепствовала эпидемия оспы, был обозначен контуром человеческой фигуры с красными пятнами на голове и теле; год смерти вождя по имени Лебедь передан рисунком лебедя и человеческой фигуры, погруженной в воду; год гибели многих дакотов при переправе через Миссури показан прямой линией (вода) и полукругами над ней (голова пловущих); ритуал привлечения бизонов, устроенный вождем по имени Олень, дал повод обозначить соответствующий год рисунками голов бизона и оленя, соединенными прямой линией.

Таким образом, использование рисунков в более сложной системе фиксации событий и мыслей (какой является пиктографическая «хроника» в сравнении с простыми сценами производственно-промысловой жизни общины в пиктографии эскимосов) позволяет говорить не только о высоком уровне развития самой пиктографии, но и о намечающихся в ней предпосылках перехода к качественно новым способам передачи информации, соответствующим новым условиям общественной жизни.

В «хрониках» типа «счета зим» у дакотов или Валам-Олум («правдивая живопись») у делаваров, в надгробных «надписях», деловых, военных, дипломатических, любовных посланиях, в «записях» песен, ритуальных действий, пословиц пиктографические рисунки индейцев в той или иной мере уже утрачивают свойственную простейшей пиктографии общедоступность наглядного изображения конкретных событий. Так, рисунок животного может обозначать не только объект промысла, но и предмет обмена, имя человека, его тотем, название племени, эмблему года в исторических преданиях и «хрониках». Смысл подобного рисунка останется полностью или частично непонятным даже членам одного племени, если он не будет заранее точно обусловлен. Периодическое вывешивание у дакотов плаща с пиктографической «хроникой» (включавшей более ста пиктограмм) может служить примером своего рода «повторения пройденного» в процедуре специального заучивания смысла каждой пиктограммы.

Иными словами, хотя пиктограммы в основном еще сохраняют характер рисуночных конкретных изображений, но чтобы доста-

точно полно постичь заключенное в них содержание, соплеменники вынуждены пользоваться рисунками почти так же, как пользуются условными знаками. С одной стороны, за каждым таким рисунком закрепляется строго определенный смысл, т. е. изображение становится однозначным. С другой стороны, вырабатывается единообразный способ начертания рисунка в рамках того фонда пиктографических обозначений, которыми пользуется племя: каждый рисовальщик стремился максимально точно сохранять форму первоначального образца для вошедшей в обиход пиктограммы, так что форма ее становилась стереотипной, единой для всего племени.

Наряду с процессами упрощения, схематизации отдельных рисунков, приближения их как по формам, так и по функциям к промежуточным «рисуночно-знаковым» элементам зарождающегося письма, происходит определенное усложнение в композиционных построениях пиктографических сообщений. Этому способствует постепенное включение в изобразительный строй пиктограмм (преобразующийся от чисто рисуночного к «рисуночно-знаковому» облику) некоторых типов ранее сложившихся условных знаков: счетных, маршрутных, картографических, знаков собственности и т. п., что, по-видимому, отражает развитие связанных с данными знаками отношений между людьми в условиях распада первобытнообщинного строя.

Промежуточный (от пиктографического к идеографическому) характер развития такого рода форм и способов фиксации событий и мыслей многообразно представлен в этнографических и археологических материалах Старого и Нового Света.

Так, среди североамериканских индейцев счетные знаки в виде параллельных черточек использовались в пиктографической записи условий обмена (например, обмен бизона, морской выдры и овцы на 30 бобров обозначался единичными рисунками фигур указанных животных с добавлением 30 черточек к изображению бобра); в пиктографической надгробной «надписи» участие погребенного вождя в 7 походах и 9 сражениях обозначено соответствующим числом линий, окаймляющих рисунок оленя, которым передано имя вождя Оленя; в пиктографической «хронике» год гибели 30 дакотов в бою с племенем кроу обозначен не рисунком, а лишь тремя рядами черных линий, по 10 линий в каждом ряду.

На крайнем северо-востоке Азии в XIX в. среди юкагиров, ламутов (эвенов), якутов аналогичным способом «записывались» условия оплаты, покупки: у рисунков вещей проставлялись соответствующие количества черточек или кружков (применение двух видов счетных знаков облегчало процедуру расчетов)⁶².

В Африке рисуночное «письмо нсибиди», употреблявшееся на западе Нигерии, позволяло обозначать число детей в семье соответствующим количеством одинаковых штрихов, нанесенных на линию, изображающую женщину: повторение одинаковых кре-

стиков означало произнесенные речи. В «письме нсибиди» имелось и обозначение денег: полуовальные линии изображали местные денежные единицы — медные пруты, согнутые подковообразно. Последовательное расположение ряда линейных рисунков позволяло сообщать о таких событиях, как судебный процесс, выборы вождя жителями поселка. Исследователи «письма нсибиди», считая его древнейшим изобретением коренного населения Западной Африки, отмечают в нем черты сходства как с пиктографией североамериканских индейцев, так и с иероглифическим письмом древних египтян, т. е. нсибиди обладает свойствами как рисуночной, так и знаковой формы передачи информации⁶³.

Особый интерес представляет использование в традиционном быту юкагиров «шангар-шорилэ» («письма на коже дерева»). Изображения наносились кончиком ножа на свежую, только что содранную с березы слегка сочную бересту («тос»), на которой отчетливо сохранялись все движения «пера». «Несмотря на то что знаков для передачи своих чувств и мыслей у них очень мало,— отмечал в конце XIX в. С. М. Шаргородский в своем исследовании «юкагирских писем»,— юкагиры пользуются ими так искусно, что нередко передают ими довольно сложные вещи...» В. И. Иохельсон выделял три категории «шангар-шорилэ»: «картинное письмо, черчение карт кочевок по рекам и ... любовная переписка»⁶⁴. Как правило, мужская часть общины изготовляла «шангар-шорилэ» первой и второй категорий. В первой географические ориентиры играли вспомогательную роль в повествовании о событиях кочевого сезона. В. И. Иохельсон наблюдал, как юкагиры «читали» рисунки на «тосе», как по соотношению числа лодок и шатров, по штрихам на обозначениях гребных и рулевых весел и прочим деталям берестяного «письма» они точно выяснили местонахождение семьи, направления кочевок других семей, место смерти и погребения одного из общинников, другие события.

В «шангар-шорилэ» второй категории схематические рисунки лишь дополняют карту рек, по которым кочуют юкагиры, но не объединяются в повествование.

Послания третьей категории выполнялись преимущественно девушками в специально отводимое для этого время. Обычно их «тосы» содержали условные рисунки людей и домов, выполненные с помощью точек, штрихов, прямых и извилистых линий; они передавали важные моменты во взаимоотношениях молодых людей. Замужние женщины не изготовляли таких «шангар-шорилэ».

Все три категории юкагирских «писем» объединяет рисуночно-знаковый характер изображений, вполне понятных лишь узкому кругу людей, объединенных в данное время конкретной ситуацией. Здесь соответствующие рисунки полны конкретного смысла. Те же рисунки для остальных общинников, знакомых с

приемами «шангар-шорилэ», лишь ориентировочно намечают общую канву событий, но для понимания их содержания требуются конкретные детальные пояснения.

Вместе с тем сложные пиктографические композиции юкагиров сходны с таковыми у североамериканских индейцев. Так, вожди нескольких селений оджибве на Верхнем озере подали в 1849 г. написанное красками на нескольких кусках бересты пиктографическое прошение о передаче в их распоряжение рисовых озер. Географические знаки оджибве использовали и в любовных посланиях; рисунки животных здесь передавали имена людей указанием их тотемов. Наименее доступным для непосвященных у оджибве был смысл пиктограмм, фиксировавших ритуальные фразы тайного общества. Соответствие рисунка строго определенной фразе (а не только общему смыслу сообщения) существовало в «Валам-Олум» делаваров и в графических эквивалентах пословиц у эве в Западной Африке; это начатки простейшей фразографии⁶⁵.

Необходимость передачи имен, особенно иноязычных, заставляла индейцев Северной Америки, йоруба в Африке прибегать к «звуковому ребусу»: изображать сходное по звучанию, но в предметном отношении далекое от оригинала понятие. Это первый шаг к фонетизации в формирующемся письме.

Несомненное сходство рисуночно-знаковых обозначений выявляется не только у этнографически изученных народов, переходивших от первобытнообщинных к раннеклассовым отношениям, но и в археологических памятниках многих регионов. Вспомним хотя бы петроглифы Америки, близкие к пиктографии индейцев; аналогичные способы обозначений известны в петроглифах Северной Азии, Урала, Кавказа, Западной Европы. Широкий спектр интерпретаций таких элементов наскальных композиций ведет к констатации: в ряде случаев здесь отражены коммуникативные тенденции, близкие к тенденциям пиктографии. Один из убедительных тому примеров — итоги изучения около 40 тыс. рисунков на скалах долины Валькамоника у г. Бергамо (Италия). От мезолита до железного века здесь прослеживается эволюция графики по пути схематизации повествовательных сюжетов, упрощения рисунков вплоть до стереотипных знаков, разнообразного дополнения их счетными, географическими и иными условными знаками, так что общий фонд стандартизованных графических обозначений достигает около 150 типов. В бронзовом и в начале железного века племена скотоводов и земледельцев Средиземноморья пользовались некоторыми из них как своеобразными «пиктодеограммами»⁶⁶.

Высшие формы развития пиктографии, отраженные в рукописях ацтеков, представляют серии многокрасочных рисунков, художественно выполненных на оленьей коже или на ткани из луба агавы. В основном это отчеты об исторических событиях (хро-

ники), о взимании дани с подвластных селений, о ритуалах, празднествах, астрономических наблюдениях, календарных расчетах, судебных разбирательствах, составленные преимущественно жрецами. Рисунки передавали понятия, а не звуки речи, причем важную роль играли даты и другие числовые обозначения. Для передачи имен и географических названий использовался ряд условных знаков, в том числе фонетических (словесных или слоговых), принцип «звукового ребуса» позволял приблизиться к графической передаче отдельных звуковых обозначений. Большое значение имела символика цветов, примененных при нанесении пиктограмм.

Современные исследователи отмечают определенное сходство выработанных в центральноамериканской цивилизации ацтеков приемов «рисуночного письма» с начальными этапами развития древнеегипетского письма, рассматривая те и другие как переходные от пиктографической «предписьменности» к идеографическому письму.

Развитие идеографии. Провести четкую границу между пиктографией и идеографией невозможно. Для этого нет бесспорных оснований ни в графической форме пиктограмм и идеограмм, ни в принципах построения из них законченных сообщений.

Это обстоятельство непосредственно связано с вопросом о генезисе идеографического письма. В согласии с диффузионистскими представлениями крупнейшие зарубежные специалисты полагают, что идеография возникла лишь в одном из древнейших центров цивилизации, а затем распространилась в другие. Чаще всего из шумерского письма выводят египетское и даже (например, Р. Вулли, И. Гельб) протоиндийское, а затем и китайское письмо; или же, напротив, первичным считается египетское письмо (например, по мнению Ч. Лоукотки). Вместе с тем все более широкий круг материалов укрепляет аргументацию сторонников самостоятельного зарождения идеографических систем письма в древнейших цивилизациях Старого Света, прежде всего в шумерской, египетской и китайской, первоначально вне зависимости каждой из них от других. Что касается цивилизаций доколумбовой Америки, то возникшие и развивавшиеся здесь принципы письма — вплоть до вышших его форм в рукописях майя — по мнению ряда историков письма следует рассматривать в рамках пиктографии; однако по ряду признаков определенно идеографический характер письма майя убедительно раскрывается в исследованиях Ю. В. Кнорозова⁶⁷.

Большой интерес вызывает в последнее время еще один аспект данной проблематики, связанный с исследованиями новых археологических материалов по знаковой символической, прежде всего относящихся к неолиту, на территории древнейших очагов возникновения письменности в Старом Свете и датируемых энеолитом и бронзовым веком — на их первобытной периферии⁶⁸.

Не вызывает сомнений, что хронологически многие типы таких знаков синхронны известным сейчас рисуночным изображениям, а некоторые древнее последних. Отсюда (по крайней мере, гипотетически) может следовать предположение, что идеографические элементы письма формировались более или менее независимо от пиктографических, а возможно, и предшествовали пиктографическим. Одним из главных подтверждений такой гипотезы служат обширные коллекции керамических и иных предметов с нанесенными на них графическими элементами, нередко образующими своеобразные орнаменты из десятков типов неповторяющихся знаков.

Взаимовлияния первобытных традиций орнаментики и ранних форм письма действительно относятся к наименее изученным пока аспектам становления письменности. Не исключается возможность перехода элементов древних орнаментов в число знаков позже формирующегося письма, как и последующего «возвращения» некоторых письменных знаков в репертуар мотивов орнаментации. Вместе с тем особенности циркуляции отдельных знаков в графике позднепервобытного и раннеклассового общества не раскрывают всей глубины процессов становления письменности.

Изыскания в этом направлении, очевидно, дадут наиболее адекватную картину там, где есть возможность всесторонне реконструировать ход процесса не по одной категории источников (знаки орнаментации — идеограммы), а по целому комплексу источников: археологических, этнографических, памятников идеографической письменности, что показывает, например, опыт исследований, проводимых в Закавказье. Сравнительный анализ хронологически последовательных стадий развития идеограмм с III тыс. до н. э. на территории Армении⁶⁹ позволяет выявить их исходные прототипы в пиктограммах, восходящих в свою очередь к древнейшим местным традициям реалистических изображений. Здесь можно проследить последовательность длительной трансформации рисунка в письменный знак по многим этапам (частично фиксируемым в других регионах для сходных идеограмм). Так, символические изображения быка (по принципу передачи понятия о целостном объекте с помощью одной из его деталей) воспроизведением одной лишь бычьей головы последующие процессы схематизации приводят к идеограмме, по своим начертаниям подобной как знаку быка (бизона) в пиктографии индейцев, так и иероглифу «корова» в древнеегипетском иероглифическом письме, переходящему затем в «алеф» синайской письменности и при дальнейшей эволюции в «α» — древнегреческой. Фигура человека сводится вначале к двум треугольникам, соединенным симметрично одной из вершин и дополненным 4 штрихами, обозначающими конечности; затем та же конструкция из треугольников используется без штрихов-конечностей и, наконец, очертания треугольников сглаживаются до овальных так, что в итоге рисунок становится

знаком, аналогичным нашей цифре «8»; эта идеограмма также имела широкое распространение.

Частично сохраняя рисуночные начертания, прямо или косвенно связанные со смыслом в подобных знаках, идеограммы позволяли создать первичные системы письма на таком уровне общественного развития, когда в формирующихся государствах росла потребность точной однозначной передачи управленческой, хозяйственной, статистической информации, записи законов, исторических событий, религиозных установлений и вместе с тем появилась возможность выделить для этих целей специальную категорию людей (писцов, жрецов). Древнейшее письмо Шумера, Египта, Китая, Элама, Крита, Урарту использовало иероглифы (т. е. «священные письмена, высеченные на камне», как древние греки называли раннюю письменность египтян). И в самом этом названии, и в наглядно-изобразительной форме ранних египетских, китайских, крито-минойских иероглифов, и в применении различной окраски знаков для различения их смысла в египетской иероглифике, в ранних корейских рукописях, в эфиопском письме так или иначе можно видеть следы происхождения идеографического письма из первобытной пиктографии. За пределами этого процесса знаки или группы знаков первичных систем письменности не создали.

Первоначально идеограммы выражали определенные понятия вне зависимости от их звучаний в устной речи, затем они одновременно стали служить и фонетическими знаками, указывая те звуки, из которых состоят слова, обозначающие данные понятия. Позже письмо окончательно освобождается от следов своей «пиктографической предыстории», но еще сохраняет ряд идеограмм в процессе фонетизации.

Таков в общих чертах процесс становления и развития древнеегипетской и других иероглифических систем письма⁷⁰. Наиболее подробно древнейшие стадии перехода от иероглифов к знаковым обозначениям грамматических показателей слов, выражающих данные понятия, документируются письменными памятниками Месопотамии IV — середины III тыс. до н. э.⁷¹

Первоначальная шумерская графика состояла из рисунков конкретных предметов, людей и животных. Изображения выдавливались на плитках из чистой глины тростниковой палочкой: заостренным концом ее наносились штрихи, складывавшиеся в рисунок бараньего рога («баран»), ноги («ходить, идти») и т. п. обозначения, а противоположным закругленным концом палочки выдавливались кружки и полукружия для обозначения цифр. Для записи отчета о расходах продовольствия в храме достаточно было нанести на плитку последовательные обозначения, например, ноги, 4 полукружия, колоса и бараньего рога, чтобы понять, что речь идет о доставке четырех мер ячменя для баранов.

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. совершается пере-

ход от рисуночных иероглифов к более скорописной клинообразной графике; быстрое нанесение знаков на мягкую глину обусловило формы начертаний в клинописи шумеров. Ее ранние образцы фиксируют ход хозяйственных операций (выдачу, раздачу, возврат и прочие процедуры), связанных с зерном (ячменем, эммером, пшеницей), шерстью, кунжутным маслом, рыбой, домашними животными (овцами, козами, коровами и др.) с указанием их возраста и пород; указывают более ста названий должностей и профессий, а также рабов и рабынь; дают подробные обозначения числа дней, месяцев, лет в определенных отчетных периодах; используют множество географических названий и подробную метрологию в обозначениях емкостей сыпучих тел и других величин, знаки собственности.

Целая группа текстов содержит записи, относящиеся к распределению полей. Например, фиксируется раздел земельной площади порядка 1500 га между шестью должностными лицами следующим образом: две трети этой площади отводятся верховному жрецу-правителю, а оставшаяся треть распределяется между верховной жрицей, жрецом-прорицателем, главным торговым посредником и еще двумя лицами, чтение титулов которых неясно (возможно, это главный судья и военачальник)⁷².

Дешифровка и анализ ранней шумерской клинописи привели А. А. Ваймана к заключению, что ее первыми стабильными знаками были обозначения чисел, происходящие из рисуночных изображений солнца и луны (ранее обозначавших также день и ночь)⁷³. Заметная роль числовых и календарно-астрономических обозначений в той или иной мере выявляется и при генезисе других систем письменности⁷⁴, что, очевидно, связано с их важной ролью в регуляции хозяйственной и социальной жизни раннеклассовых обществ.

Становление государственности требовало также безошибочной однозначной фиксации в записях всевозрастающего числа собственных имен и географических названий, что способствовало прогрессирующей фонетизации письма. На завершающих стадиях развития идеографии письмо становится словесно-слоговым. Ранее всего это происходит в шумерской клинописи: около 2400 г. до н. э. надписи царя Лагаша Эаннатума выполнены уже по окончательно сложившимся принципам смешанного словесно-слогового написания. Древние словесные знаки, внешне идентичные более поздним слоговым, главным образом фиксируют ядро слова — именные и глагольные основы; слоговые знаки служат для передачи, как правило, либо префикса, либо также и части основы или корня. Чтобы смысл клинописного текста был совершенно ясен, в него включались детерминанты для определенных групп понятий (людей, богов, растений, стран, гор, рек и т. п.), что характерно и для египетского письма. Сочетание словесных и слоговых знаков с непроизносимыми детерминативами обеспе-

чивало устойчивость упорядоченной таким образом системы письменности как графического аналога связной звучащей речи.

Применялась ли письменность для записей прежде всего хозяйственного (как в Шумере) или исторического (как в Египте) содержания, она была важной привилегией правящей верхушки общества. Профессионально владевшие труднодоступной идеографией (например, шумерское письмо требовало знания около 1000 специальных знаков), писцы играли существенную роль в ранних древневосточных государствах. Уже в первой половине III тыс. до н. э. письменные уведомления об имени составителей (писца или его писцовой школы) сопровождали перечни знаков, которые затем переписывались без особых изменений до второй половины III тыс. до н. э. Затем такие уведомления прекращаются, но сам термин «писец» начинает употребляться в новом значении: «верховный жрец храма»⁷⁵. Несомненно, писцы относились к числу наиболее информированных и образованных людей своего времени, «именно писец был центральной фигурой месопотамской цивилизации»⁷⁶.

В раннеклассовом обществе доступность письменности лишь узкому кругу посвященных способствовала окружению ее покровом секретности и сверхъестественности, за которыми реальная сила аккумулированных ею знаний объективно играла выдающуюся роль в общественном и культурном прогрессе человечества.

3. Искусство

Среди многочисленных проблем, связанных с первобытным искусством, в частности с искусством эпохи классового образования, для историка важнейшими являются те, которые можно было бы объединить под условным названием «искусство как вид деятельности» или «люди и искусство». Эти проблемы требуют в первую очередь изучения не эстетических качеств произведений художественного творчества и даже не их содержания, но тех обстоятельств, в которых это творчество осуществляется, тех конкретных целей, которые преследуют люди, обращаясь к искусству, тех условий, в которых произведения искусства представляются на суд публике, тех норм или обычаев, которые определяют, кто из членов первобытного коллектива выступает в роли художника, танцора, певца, рассказчика, а кто — в роли зрителя и слушателя, наконец, того положения, которое занимает в обществе создатель художественных ценностей.

Подобный подход позволяет направить внимание в ту плоскость, где наиболее отчетливо проступают следствия происходящих в обществе коренных социально-экономических процессов. Без предварительного рассмотрения названных проблем вряд ли возможно и выявление характерных тенденций в развитии самого искусства.

Назначение и использование произведений искусства. Конкретные мотивы, побуждающие людей, воспитанных в различных культурных традициях, обращаться к искусству, бесконечно многообразны. Все же представляется возможным, опираясь прежде всего на этнографические данные, условно подразделить произведения искусства, создававшиеся в предклассовых обществах, на две основные категории в зависимости от того, для чего предназначали их создатели и как они использовались. К первой категории принадлежат те произведения искусства, которые предназначались исключительно или главным образом для удовлетворения эмоциональных, в том числе эстетических, потребностей людей и не использовались ни в культовой практике, ни в каких-либо утилитарных целях.

Длительное время в трудах по первобытному искусству (в первую очередь по палеолитическому, но также и по более позднему) ведущие позиции занимала так называемая магическая теория, сторонники которой сводили назначение и движущие мотивы художественного творчества первобытного человека к сфере магического ритуала и обходили вниманием или даже отрицали эмоционально-эстетические импульсы создателей древнейших памятников искусства. Хотя в общетеоретических исследованиях эта концепция неоднократно подвергалась критике и теперь она, можно считать, в основном отошла в прошлое⁷⁷, ее влияние все еще сказывается во многих конкретных исследованиях, ограниченных определенными региональными и хронологическими рамками: в них деятельность по созданию произведений искусства, предназначенных исключительно или главным образом для удовлетворения эмоциональных, эстетических потребностей, либо не учитывается, либо упоминается в самую последнюю очередь как нечто малозначительное. Между тем творчество именно такой направленности в наибольшей мере отвечает основным функциям искусства в любую историческую эпоху. А этнография дает доказательства того, что оно постоянно осуществлялось и в первобытных коллективах. Вряд ли найдутся среди этнографических аналогов первобытности (в различных ее стадиях) общества, в которых люди не имели бы обыкновения петь или танцевать, рассказывать и слушать сказки или какие-то иные фольклорные повествования, а также инсценировать фольклорные сюжеты только для того, чтобы дать выход накопившимся эмоциям, сделать жизнь более богатой различными переживаниями, более интересной, наконец, просто более приятной.

Этнографические данные, свидетельствующие об изобразительном творчестве, не подчиненном религиозно-магической деятельности или каким-то практическим нуждам, а порожденном столь естественным для человека стремлением отразить впечатления, занимающие его воображение, также весьма многочисленны. При этом в некоторых случаях в этнографической литературе содер-

жится исходящая от самих художников информация о подобных творческих импульсах. Например, А. А. Гербрандс, рассматривая мотивы, побуждающие людей первобытной культуры к художественной деятельности, ссылается на принадлежащие западноафриканским резчикам по дереву высказывания о том, что при виде красивой женщины, красивого мужчины или красивого животного они порой ощущают потребность отложить все дела и заняться творчеством, уединившись в лесу. В одних случаях такой творческий подъем ведет к попытке воспроизвести черты человека или животного, облик которого вдохновил скульптора, в других — появляется художественное произведение (особенно часто маска), ничем не напоминающее источник вдохновения, иногда — совершенно фантастический образ⁷⁸.

Характеризуя мелкую пластику чукчей (сделанные из моржовой кости, оленьего рога и дерева изображения различных животных и предметов, а также целые композиции), В. Г. Богораз указывает, что часть их является амулетами, другая часть — детскими игрушками, но очень многие из них изготовлялись «без всякой определенной цели, просто под влиянием художественного побуждения»⁷⁹.

Однако результаты такого творчества почти никогда не встречаются в описаниях музейных коллекций. Как отмечает искусствовед и этнограф Р. Л. Андерсон, если судить по этикеткам на музейных экспонатах, которые одна за другой гласят: «богиня плодородия», «дух предка», «фетиш», «алтарная принадлежность» и т. п., то можно заключить, что все искусство в первобытном обществе подчинено религии. Между тем полевые этнографические наблюдения свидетельствуют о другом⁸⁰.

Очевидно, во многих случаях попадающие в музеи художественные предметы неизвестного назначения просто по традиции относят к разряду культовых. В то же время следует допустить, что произведения необрядового назначения действительно реже, чем произведения культового искусства, попадают в музейные коллекции. Для людей первобытной культуры процесс изобразительного творчества нередко важнее, чем его результат, поэтому многие произведения первобытного искусства живут недолго: о них скоро забывают, их теряют, порой выбрасывают и уничтожают. К предметам, выполняющим лишь эстетические функции и функции эмоционального воздействия, это относится особенно часто, так как они не обладают в глазах создателей той ценностью, которую имеют изделия, предназначенные для религиозных обрядов или использующиеся в каких-либо утилитарных целях. Кроме того, многие виды первобытного изобразительного творчества имеют характер, исключаящий сколько-нибудь длительное их сохранение. Например, это могут быть рисунки на земле, иллюстрирующие какое-нибудь фольклорное произведение и последовательно сменяющие друг друга по мере изложения сю-

жета рассказчиком; это могут быть также фигурки животных или людей, вылепленные из воска или сплетенные из травы и использующиеся в аналогичных целях,— своего рода кукольный театр одноразовой постановки. Подобных примеров можно привести немало, причем такое творчество очень часто имеет развлекательный характер.

Археологические находки произведений недекоративного искусства первобытной, в частности предклассовой, эпохи также чаще всего интерпретируются как атрибуты культа или как изображения, изготовлявшиеся в процессе религиозно-магической практики⁸¹. Учитывая опыт этнографии, следует думать, что не всегда подобные интерпретации верны и что среди дошедших до нас памятников древнейшего искусства некоторая часть принадлежит к рассматриваемой категории.

Так, можно полагать, что скотоводы или охотники бронзового века высекали силуэты козлов, лошадей с всадниками, оленей, которыми изобилуют петроглифы некоторых горных районов (например, Кобыстана в Азербайджане⁸²), нередко без всякой определенной цели, под влиянием такого же художественного побуждения, какое руководило чукотскими резчиками, изготовлявшими фигурки животных из кости или дерева.

По-видимому, и знаменитые наскальные изображения бронзового и начала железного веков в южных районах Скандинавского полуострова или в Итальянских Альпах, в частности композиции, отражающие различные стороны жизни их создателей — например, батальные сцены, воспроизводящие целые сражения с многочисленными участниками, сцены похорон убитых воинов, сцены пахоты, а также изображения жилых домов и домашних животных вокруг них, изображения всадников, колесниц, лодок с людьми и т. п. — в целом ряде случаев результат творчества, не подчиненного религиозно-магическим целям⁸³.

Ко второй категории принадлежат те произведения искусства, которые создавались, чтобы служить в качестве вспомогательных средств при решении самых различных практических или идеологических задач. В первобытном обществе, и в том числе на завершающих этапах его существования, искусство проникло во все сферы жизни и художественные произведения имели чрезвычайно разнообразное применение. Они могли использоваться для облегчения трудовых процессов (чаще всего это песни, музыкальные ритмы), а также помогать организации социальных отношений — например, в осуществлении социального контроля. Так, во многих племенах Западной Африки при урегулировании различных конфликтов, при вынесении решений о наказаниях нарушителей социальных норм использовались маски и скульптурные изображения — отдельные фигуры или целые композиции, воспроизводившие мифологические образы, персонажей пословиц, сказок или песен. В одних случаях такие изображения воспринимались

как символы своего рода прецедентов, известных по фольклорным сюжетам и помогавших судьям найти правильное решение. В других случаях они напоминали о прямых моральных наставлениях, содержащихся в фольклорных произведениях. Подобные же изображения использовались при обучении молодежи общепринятым нормам поведения⁸⁴.

Определенное место отводилось произведениям искусства и в сфере регулирования взаимоотношений в семье. Например, в некоторых районах Нижнего Конго женщины в качестве средства морального воздействия на своих мужей использовали вырезанные на различных деревянных предметах (часто на крышках горшков) скульптурные композиции, отражавшие содержание распространенных пословиц. Вместо того чтобы проявлять свое неудовольствие в брани или причитаниях, женщина подавала мужу предмет с изображением, которое должно было подсказать ему, в чем он виноват. Делалось это в присутствии посторонних и чаще всего приводило к желаемой цели⁸⁵. Повсеместно бытовали особые фольклорные произведения — повествования или песни, которые исполнялись или рассказывались маленьким детям, чтобы призвать их к послушанию, и которые часто включали элементы запугивания.

К рассматриваемой категории относятся также произведения искусства, использовавшиеся в религиозно-магической обрядности. При этом, поскольку сплошь и рядом магические обряды сопровождали различные виды деятельности, связанные с регулированием социальных отношений или с организацией производственных процессов, постольку использовавшиеся в них произведения искусства одновременно служили и религиозно-магическим и «светским» целям. Например, в традиционных условиях у бамбара некоторые виды масок являлись атрибутами тайных культов и большую часть времени содержались в особых секретных помещениях, принадлежавших религиозным обществам. Вместе с тем в определенных ситуациях эти же маски выставлялись на всеобщее обозрение и использовались как вспомогательное средство для осуществления отдельных видов общественного контроля. Так, некоторые маски употреблялись в магических обрядах, направленных на обеспечение успеха при розыске воров, другие — во время поиска людей, обвинявшихся в колдовстве. Те же маски фигурировали на суде, а также во время наказания преступников. Они считались проводниками воли могущественных духов⁸⁶.

Важно учитывать, что в качестве вспомогательных средств при решении различных практических и идеологических задач могли использоваться и такие продукты человеческой деятельности, которые по ряду формальных признаков были сходны с произведениями искусства, но по существу ими не являлись, так как не несли эстетической нагрузки, не содержали образов, отражав-

ших эмоциональный опыт создателей, выполнялись без необходимости к качеству отделки. Примером могут быть некоторые виды африканских фетишей — весьма примитивно, наскоро вырезанные из дерева антропоморфные изображения, которые, по представлениям их создателей, не должны быть ни красивы, ни тщательно отделаны. Другим примером могут быть сугубо схематичные рисунки, которые у многих народов служили элементами особых систем условных обозначений, являвшихся как бы предтечей письменности. Некоторые памятники изобразительной деятельности — к примеру, характерные для эпохи бронзы многих европейских районов так называемые чашевидные углубления, выбивавшиеся на скалах, на менгирах или просто на отдельных крупных камнях, выгравированные на подобных же поверхностях контуры человеческих стоп или ладоней, а также различные значки, имеющие геометрическую форму или очень отдаленно напоминающие силуэты людей или животных, — тоже вряд ли можно причислить к произведениям искусства.

Особую область искусства представляет собой декоративное изобразительное искусство — художественное оформление предметов самого различного назначения: утвари и церемониальных принадлежностей, орудий труда и оружия, жилищ и культовых построек и т. п. Декоративное искусство развивается по своим собственным законам, во многом отличающимся от законов, действующих в области искусства, имеющего самостоятельное значение. Все же, исходя главным образом из этнографических данных, среди изображений, оформляющих те или иные предметы, можно выделить как такие, которые делались только под влиянием эстетических побуждений, так и такие, изготовление которых диктовалось помимо эстетических еще и другими потребностями. В числе последних особенно многочисленны изображения, имеющие магическое назначение. Нередко определенные виды изображений, украшавших одежду, оружие, какие-то иные личные вещи, служили также индикаторами социального статуса владельцев или указывали на их принадлежность к определенному социальному или этническому объединению.

Выделение названных категорий в равной мере возможно при анализе материалов, относящихся как к предклассовым обществам, так и к предшествующей эпохе первобытности. Однако на рассматриваемой стадии среди произведений искусства, принадлежавших к каждой из этих категорий, появляются такие, назначение и использование которых в той или иной форме отражает коренные перемены в общественной жизни: развитие социальной и имущественной дифференциации, а также явления, связанные с формированием политической власти.

В самом процессе ломки нормативной системы первобытного коллективизма и внедрения новых форм организации социальных

отношений определенная роль принадлежала и произведениям искусства.

В качестве одной из возможных иллюстраций сошлемся на использование масок членами тайных мужских союзов, таких, например, как эгпо у ибибио в Нигерии или ингиет и дук-дук на островах Дьюк-оф-Йорк. Имевшие чрезвычайно впечатляющий, наводящий ужас вид и представлявшиеся непосвященным как проводники воли грозных духов, маски служили руководителям союзов (формирующейся племенной знати) одним из вспомогательных средств в борьбе за власть и богатство. Причем это было такое средство, которое скрывало личность носителя и тем самым избавляло его от опасности подвергнуться тем санкциям, какие применялись обычно обществом против людей, совершавших антисоциальные действия. Наряду с традиционными набегами на поселки, когда члены союзов, скрывая лица под масками, а фигуры — под ритуальными нарядами, запугивали население и занимались вымогательством и грабежом, с деятельностью тайных мужских союзов Меланезии и Западной Африки было связано явление, которое условно можно назвать «судопроизводством», или «юрисдикцией под маской». Например, в северо-восточной части Либерии привилегированные члены союза поро возглавляли тайные «суды», решавшие вопросы жизни и смерти. «Судьи» в масках, представлявших «великих лесных духов», облаченные в скрадывающие очертания фигур одежды, говорившие искаженными голосами, могли выносить выгодные им приговоры, не сообщаясь с традиционными понятиями о справедливости и не опасаясь наказания за «неправедный» суд⁸⁷.

Приведенные примеры, разумеется, носят частный характер; далеко не во всех обществах практиковались такие формы борьбы за социальное преобладание, а там, где они существовали, наряду с ними применялись также и другие, соответственно и иная роль отводилась произведениям искусства.

В арсенале средств, использовавшихся в предклассовых обществах людьми, стремившимися к захвату господствующих позиций, как известно, имелись и такие, которые резко противоречили коллективистским социальным нормам первобытности, и такие, которые, вырастая из этих норм, по форме (но уже не по существу) еще отвечали традиционным первобытным представлениям о правильном поведении. Это были действия, демонстрировавшие столь ценимые первобытными моральными установками щедрость, готовность служить обществу, действия, обеспечивавшие тому, кто к ним прибегал, всеобщее уважение, расширявшие круг его социальных связей, круг людей, признающих себя обязанным оказывать ему ответные услуги. К широко распространенным приемам такого рода принадлежит устройство пышных развлекательных зрелищ с пением и плясками, с театрализованными представлениями.

Например, по наблюдениям Ф. Дарка, у жителей западной части Новой Британии (район, получивший название Киленге) искусство в значительной части было связано со стремлением «больших людей» упрочить или улучшить свои позиции, утвердить превосходство своей репутации над репутацией соперников. С этой целью «большими людьми» часто устраивались публичные представления — коллективные пение и танцы с использованием масок и иных художественных изделий под аккомпанемент специально изготовленных для такого случая барабанов, украшенных резьбой и рисунками. Интересно, что кем бы ни производились фигурировавшие на таких представлениях предметы изобразительного искусства, кем бы ни исполнялись танцы и песни — все это «подавалось» участниками представления и воспринималось зрителями в известном смысле как творчество «большого человека», как его личное достояние и его личные достижения, хотя он обычно являлся лишь организатором праздника. В первую очередь ему, а потом уже приглашенным им танцорам, певцам, музыкантам и художникам приносили популярность удачные выступления и красивые вещи⁸⁸.

Как уже указывалось выше (гл. 1), многие виды художественных изделий наряду с другими предметами получили в эпоху классового образования характер престижных ценностей, имевших весьма широкий диапазон употребления в деятельности людей, выдвигавшихся на господствующие позиции в обществе.

В эпоху классового образования появляется также определенный род произведений искусства, которые своим идейным содержанием служат политическим или, вернее, протополитическим целям: способствуют росту авторитета формирующейся власти, создают идеализированные или (на поздних стадиях классового образования) обожествленные образы вождей и руководителей культовых организаций. Такую роль играют, например, хвалебные песни — гимны. Близкое назначение имеют монументальные надгробные изваяния, призванные как бы героизировать облик умершего властителя или жреца, увековечить его память и тем самым упрочить социально-политическое положение его потомков и наследников.

Особая категория произведений искусства служит в предклассовую эпоху средством фиксации или идеологического закрепления создающихся социальных перегородок. Сюда прежде всего относятся определенные художественные изделия или определенные виды художественного оформления различных утилитарных и неутилитарных предметов, обладание которыми или использование которых — исключительное право лиц высокого социального статуса. Таковы произведения искусства, являющиеся показателями знатного происхождения владельцев, или художественные произведения, выполняющие функции атрибутов власти; причем среди них можно назвать не только такие широко изве-

стные предметы, как художественно оформленные жезлы, скипетры или булавы, оружие или ювелирные изделия, но и маски или статуэтки, олицетворяющие духов предков, музыкальные инструменты (например, барабаны) или же вообще нематериальные плоды художественного творчества — например, песни или танцы, исполнение которых позволено только представителям высшего социального слоя, носителям власти.

Как показывают этнографические данные, во многих предклассовых обществах у высшего социального слоя складывались особые эзотерические культы, развивались особые формы колдовства и знахарства, практиковавшиеся в тайне от простых общинников; с ними была связана соответствующая художественная культура, известная только привилегированному кругу⁸⁹.

Наконец, среди художественных ценностей, создававшихся лишь для удовлетворения эмоциональных, эстетических потребностей, так же формировался «элитарный комплекс»: искусство, предназначенное для украшения жизни, для извлечения эстетических удовольствий, для развлечения и увеселения представителей высшего слоя общества и недоступное или малодоступное остальной части населения.

Сравнивая материалы, относящиеся к этнографическим аналогам предклассовых обществ, в разной мере продвинувшихся на пути классовообразования, можно заключить, что элитарное искусство, которое служит лишь удовлетворению художественного чувства или лишь развлечению, складывается значительно позднее, чем искусство, которое сопряжено с эзотерическими культами, подчинено престижным интересам формирующейся знати или же используется для фиксации и идеологического оправдания ее привилегий.

Появление связанных с художественным творчеством развлечений и удовольствий, доступных только представителям избранного круга, а также высокохудожественных изделий, являющихся предметами роскоши, присущей сугубо аристократическому быту, свидетельствует об окончательном поражении социально-психологических установок первобытного коллективизма, об образовании основательных социально-психологических перегородок между низшим и высшим слоями общества и совпадает, по всей вероятности, с тем этапом социально-экономического развития, на котором вожди и знать полностью высвобождаются из сферы общественного производства и сосредоточенные в их руках материальные ценности открыто, как бы «на законном основании», используются ими для создания высокого личного благосостояния и комфорта.

Наиболее выразительные иллюстрации к сказанному можно подобрать при сопоставлении тех меланезийских и полинезийских данных, которые отражают сравнительно ранние этапы разложения первобытных отношений и самые поздние этапы классово-

образования или раннеклассовые отношения. В первом случае лица высокого статуса — например, «большие люди» Киленге, вожди на Маркизских островах или на островах Футуна и Тикопиа — жили в таких же или почти таких же бытовых условиях, как и рядовые общинники, и столько же или почти столько же трудились физически. Они обладали некоторыми материальными ценностями, в том числе и художественными изделиями, которых не было у остальной части населения, но ценности эти имели в основном престижное значение. Они участвовали в некоторых обрядах, проводившихся в тайне от рядовых общинников, и имели доступ к эзотерическим песням или изобразительным символам, но веселились и развлекались вместе со всеми. Во втором случае — например, на Новой Каледонии, на Фиджи, Тонга или на Гавайских островах — вожди, их семьи и ближайшие помощники и соратники не участвовали в земледельческих работах и вели образ жизни, существенно отличавшийся от образа жизни остальной части населения. Богатство служило им для создания обстановки роскоши и комфорта. В быту их окружали красивые вещи, для изготовления которых привлекались самые искусные мастера. Среди их приближенных и слуг были певцы, танцоры, сказители и поэты, развлекавшие только их своим искусством и специально для них создававшие новые художественные произведения, отвечавшие по форме и содержанию аристократическим вкусам.

Создатели и хранители ценностей художественной культуры. Оспыываясь на этнографических данных, можно заключить, что в эпоху классового образования, так же как и на предшествующем этапе первобытной истории, все члены общества в той или иной мере были приобщены к художественному творчеству. Каждый человек — будь то мужчина или женщина, старик или мальчик — обладал некоторым комплексом информации и навыков, связанных с искусством, и в определенные периоды или в определенных ситуациях выступал в роли певца или танцора, художника или рассказчика. Люди, совершенно не способные к художественному творчеству, по-видимому, представляли собой редкие исключения, и окружающими такая неспособность воспринималась как своего рода патология. Например, у нанайцев в прежние времена мужчину, который не мог вырезать рельефные декоративные изображения на деревянных изделиях или же расписывать деревянные предметы красками, а также женщину, которая не научилась вырезать из бересты трафареты, использовавшиеся при изготовлении вышивок и аппликаций на одежде, определяли словом, близким по значению к русскому «тупица» или «недоразвитый»⁹⁰.

Как и в эпоху первобытной общины, в эпоху разложения первобытных отношений существовало четкое деление художественного творчества на женские и мужские сферы. Так, у чукчей, по свидетельству В. Г. Богораза, только мужчины занимались изго-

товлением мелкой пластики из моржовой кости, оленьего рога, твердого дерева, а также делали рисунки кровью и гравированные изображения на деревянных или костяных предметах утилитарного назначения. Женщины изготовляли ковры, расшивали одежду и обувь шерстью, бусами, шелком⁹¹. У индейцев северо-западного побережья Америки скульпторами, резчиками по дереву, рисовальщиками также были исключительно мужчины, женское творчество ограничивалось в основном декоративным плетением, украшением одежды и обуви. Существовали также традиционные различия в выборе объектов отображения и в художественных стилях. Круглая скульптура, маски, рельефные изображения, изготовлявшиеся мужчинами, как правило, были зооморфными или антропоморфными. Антропоморфные или зооморфные мотивы преобладали и в мужском декоративном искусстве. Женщины украшали свои изделия главным образом геометрическими орнаментами, изображениями растений или неодушевленных предметов⁹².

Как правило, мужские виды художественного творчества считались более престижными.

Сказывалось на организации деятельности в сфере искусства и традиционное разделение функций между представителями различных возрастных категорий и групп.

Вместе с тем на рассматриваемой стадии развития общества к унаследованным от предшествующей эпохи половозрастным разграничениям функций в области художественного творчества постепенно добавляются новые разграничения, обусловленные развивающейся социальной стратификацией, причем часто исключительное право создавать произведения искусства определенного вида, а также обладание определенной информацией из сферы художественной культуры являлось привилегией людей высокого социального положения, знатного происхождения.

Отдельные черты организации связанной с искусством деятельности в некоторых меланезийских обществах, например на островах Дьюк-оф-Йорк, свидетельствуют, как можно полагать, о самом начале формирования таких привилегий или престижных прав в области художественного творчества⁹³.

В полинезийских обществах с далеко зашедшим процессом социальной стратификации уже целые отрасли и сферы искусства были как бы монополизированы представителями высшего социального слоя. Так, на ряде островов Западной Полинезии только мужчины знатного происхождения могли заниматься резьбой по китовой кости и китовому усу. У маори Новой Зеландии художественная резьба по камню и дереву также была привилегией знатных мужчин. В некоторых районах Восточной Полинезии изготовлять тапу могла любая женщина, но престижное искусство нанесения рисунков на тапу было доступно лишь представительницам знатных семейств⁹⁴. К числу аристократических мужских

искусств повсеместно в Полинезии относилось изложение генеалогий: они заучивались наизусть в виде особых поэтических произведений, которые исполнялись нараспев в определенных ритмах⁹⁵.

Некоторые виды аристократического художественного творчества — как изобразительного, так и музыкального, песенно-танцевального, словесно-драматического — были сопряжены с эзотерическими элитарными культами, а также с теми знахарскими и колдовскими обрядами, приемами гадания и прорицания, которые были доступны лишь лицам высокого происхождения.

Определенная часть знаний и навыков из сферы искусства, присущих главным образом или исключительно представителям высшего слоя, была связана с ведением разносторонней организаторско-управленческой деятельности. Вожди и их ближайшие помощники, а также включенные в формирующуюся политическую организацию или тесно связанные с ней жрецы, руководители тайных религиозных обществ для успешного выполнения своих функций должны были усваивать достаточно обширный комплекс ценностей духовной культуры, в том числе и художественной, обладать высоким исполнительским мастерством и умением импровизировать в тех или иных видах искусства. В известном смысле это была синкретическая специализация, развитие которой шло параллельно с процессом освобождения лиц, выполнявших организаторско-управленческие функции, от участия в общественном производстве. В качестве примера уже весьма развитой формы такой специализации можно упомянуть друидов кельтских племен Галлии. Анализ сообщений целого ряда греческих и римских авторов привел Т. Кендрика, автора специального исследования «Друиды», к заключению, что эти галльские жрецы, имевшие не только религиозную, но и большую светскую власть, полностью освобожденные не только от сельскохозяйственных работ, но и от военной службы и составлявшие замкнутую аристократическую корпорацию, которая приобрела особую силу в IV—III вв. до н. э. и пришла в упадок в первые века нашей эры, являлись обладателями обширного комплекса знаний. Этот комплекс включал мифологию, правила отправления культов, приемы гадания и прорицания, нормы, регулировавшие отношения людей в «светской обстановке», сведения по астрономии, истории, медицине и многое другое. По всей очевидности, эти знания — по крайней мере значительная их часть — содержались в особых, передававшихся из поколения в поколение поэтических произведениях, исполнявшихся нараспев под аккомпанемент лироподобного инструмента. В период обучения своей «профессии» друиды запоминали такие произведения в огромном количестве. В число их функций входило также создание новых, облеченных в форму песнопений с музыкальным сопровождением поэтических произведений на религиозные и светские темы. Очевидно, именно

поэтому древние авторы нередко называли друидов певцами и поэтами ⁹⁶.

В полинезийских обществах с далеко зашедшим процессом классовобразования жрецы высшего ранга, происходившие из аристократических семейств, а также лица, которые в ряде обществ совмещали «должности» верховных жрецов и вождей, имели подобную специализацию. Только они в полном объеме владели накопленными обществом положительными знаниями и мифологией. Только им были доступны отдельные виды изобразительного творчества. Жрецы были также создателями и исполнителями сакральных песен-заклинаний или песен-гимнов, прославляющих **главных богов полинезийского пантеона** ⁹⁷. С творчеством жрецов, развивавшемся на основе древней народной мифологии, как полагают исследователи, связано происхождение значительной части полинезийских мифов ⁹⁸. Мифологические произведения, являющиеся плодом проведенной жрецами систематизации и **переработки древних народных сюжетов**, получили в фольклористике наименование «вторичных» мифологий. Обширные «вторичные» мифологии были созданы жречеством ряда африканских обществ ⁹⁹.

Во многих изучавшихся этнографически предклассовых обществах, в том числе и в тех, где существовало разграничение между светской и религиозной властью, в роли руководителей определенных религиозных обрядов, во время которых устраивались массовые ритуальные представления с хоровым пением и коллективными танцами, выступали вожди. Вожди же нередко руководили **массовыми празднествами** нерелигиозного характера, часто принимали в них участие в качестве исполнителей особых, характерных только для них песен, танцев или «драматических ролей». Например, верховный вождь у зулусов руководил торжественными церемониями, связанными с культом предков его рода. Кульминационным моментом в этих церемониях было выступление вождя со сложной и длинной песенно-танцевальной композицией в сопровождении хора приближенных ¹⁰⁰.

В арауканских вождествах на Гаити, как заключают исследователи на основе сообщений испанских путешественников, верховные вожди, а также главы отдельных поселений тоже руководили обрядами, посвященными их покровителям или предкам, и играли центральную роль во время общих увеселительных церемоний, будучи искусными танцорами и знатоками большого количества песен ¹⁰¹.

Вожди, как правило, должны были быть также хорошими ораторами, а ораторское искусство помимо красноречия требовало значительных познаний, среди которых едва ли не самую значительную роль играли познания в области фольклора. Ораторское мастерство предусматривало и специальные «артистические» навыки, в частности связанные с искусством жеста и мимики. На-

ряду с вождями хорошими ораторами являлись их ближайшие помощники, в числе которых нередко имелись лица, чьи главные обязанности заключались в публичных выступлениях от имени вождей. «Должность» оратора, состоящего при племенном вожде, общинном лидере или жреце, обладающем светской властью, была характерна для потестарной или формирующейся политической организации многих племен Северной Америки, а также для ряда полинезийских обществ¹⁰². На Самоа даже сложилась система, при которой каждое «административное» подразделение имело двух вождей: управляющего и «говорящего» (последний назывался тулафале). Их «титуты» или «звания» были наследственными¹⁰³.

Монополизация формирующейся знатью определенных сфер духовной культуры сопровождалась складыванием системы специального обучения или образования. В частности, известны примеры существования в обществах, переживших поздние стадии классогенеза, особых школ, в которых обучалась молодежь из аристократических семейств. Такие школы имелись на ряде архипелагов Полинезии. Правда, среди них подробно описаны только упоминавшиеся уже выше маорийские школы для арики — варевананга¹⁰⁴. Приобретавшиеся в них знания и навыки, в круг которых входили и художественные, сохранялись в строгой тайне от остальной части населения. Преподавание велось жрецами.

Можно полагать, что нечто подобное существовало в древней Галлии. Так, по сведениям римских авторов, сыновья знатных галлов обучались у друидов. Обучение состояло в заучивании наизусть огромного числа стихов и проводилось в обстановке секретности: учителя и ученики встречались в местах, скрытых от глаз посторонних, например в пещерах, располагавшихся вдали от поселений¹⁰⁵.

Наряду с отмеченной выше специализацией «широкого профиля», связанной с выполнением различных управленческо-организаторских функций, в предклассовых обществах существовали некоторые виды и более узкой специализации в тех или иных областях духовной культуры, и в частности в сфере искусства.

Вопрос о путях развития индивидуальной специализации в искусстве чрезвычайно сложен и слабо исследован. Мы попытаемся предложить некоторые обобщения, сделанные на основе выборочного анализа этнографических данных.

По всей вероятности, в рассматриваемую эпоху во многих случаях сосуществовали два типа индивидуальной художественной специализации. Первый — это уходящая своими корнями в глубокую первобытность как бы частичная или неполная индивидуальная специализация, при которой человек в силу особой одаренности или особенно обстоятельного обучения лучше всех окружающих владел тем или иным из присущих культуре его общества видов художественного творчества и уделял ему значи-

тельно большее, чем остальные члены коллектива, внимание, полноценно участвуя в то же время в деятельности по производству основных средств к жизни¹⁰⁶. Он имел особый статус в коллективе и нередко носил особое «звание», указывавшее на его выдающиеся достижения: нечто вроде «мастер» или «умелый». Такое «умельчество» во многих племенах приобретало потомственный характер: в определенных семьях сознательно поощрялись те или иные художественные склонности, традиция высокого мастерства передавалась из поколения в поколение.

Статус «умельца» прежде всего давал человеку, а также его ближайшей родне известные преимущества престижного порядка.

Искусный художник мог получать от окружающих определенные заказы. Специалист в области традиционного фольклора мог устраивать публичные выступления, излагая фольклорные произведения, мог также давать консультации по всем спорным вопросам, связанным с устным творчеством. Можно привести пример. Выше упоминался существовавший у африканских женщин района Нижнего Конго обычай «взывать к совести» своих мужей с помощью скульптурных изображений, символически воспроизводивших смысл пословиц или поговорок. Если женщина не знала, какую именно пословицу ей использовать в данной ситуации, она отправлялась к деревенскому знатоку народной словесности и морали и получала необходимый совет. Затем деревенский скульптор по ее заказу изготавливал соответствующее изображение. Если муж не знал, как истолковать полученный скульптурный намек, он шел за разъяснением к тому же специалисту¹⁰⁷.

Подобные услуги могли вознаграждаться небольшими подарками. Вместе с тем нередко работа художников-умельцев или творчество талантливых певцов, танцоров, сказителей, поэтов никак не «оплачивались» или «оплачивались» лишь угощением. Например, по сведениям Брайданта, у зулусов каждый «округ» (видимо, община) гордился своими ингквамби — композиторами (певцами, танцорами и музыкантами одновременно), специализировавшимися на создании новых произведений, часто приуроченных к каким-то торжественным событиям, например к свадьбам. Устроители свадьбы приглашали ингквамби за несколько дней до праздника. Он обучал жениха, невесту и их сверстников новым танцам и песням, «репетировал» с этой молодежью всю песенно-танцевальную «программу», намечавшуюся к исполнению во время торжества, демонстрировал им свое собственное исполнительское искусство. Все это делалось без расчета на какое-либо вознаграждение¹⁰⁸.

У многих народов не принято было делать подарки талантливым рассказчикам или певцам-сказителям эпических произведений, исполнение которых представляло собой как бы театр одного актера, часто собирало многочисленную аудиторию и продолжа-

лось долгие часы, нередко ночи напролет, подчас несколько ночей подряд.

Творчество людей, владевших частичной или неполной специализацией, находило выход в основном в пределах той общины, к которой они принадлежали, и община была заинтересована в том, чтобы иметь подобных специалистов. При этом складывается впечатление, что охарактеризованный тип специализации был свойствен в первую очередь среде простых общинников, людей невысокого социального статуса. В этой среде в эпоху классового образования сохранилась в основном та же организация деятельности, связанной с искусством, что сложилась в предшествующую эпоху. Частичная, совмещаемая с организаторско-управленческими и (на ранних этапах разложения первобытных отношений) хозяйственными занятиями индивидуальная специализация в области искусства в эту переходную эпоху также, по-видимому, существовала и в среде формирующейся знати, хотя играла менее значительную роль, чем в среде рядовых общинников. В классовых обществах она, определенным образом модифицируясь, принимая характер народного творчества, остается только в крестьянской среде, в общине.

Другой тип индивидуальной художественной специализации, который появляется только в переживавших распад первобытной социальной структуры общества, — предтеча или самые ранние формы профессионализма в искусстве.

Профессиональная художественная специализация несомненно складывается на основе первобытного мастерства: определенная часть искусных, часто принадлежащих к семьям потомственных умельцев — художников, танцоров, певцов, сказителей и т. п. постепенно высвобождается из сферы производства, все в большей и большей мере связывая свою трудовую деятельность с художественным творчеством. Поэтому при анализе конкретных этнографических данных нелегко выделить явления, свидетельствующие о первых этапах этого процесса: грань между первобытным умельцем и человеком, который обладает уже более высоким, как бы полупрофессиональным уровнем специализации, во многих случаях стерта. Все же, сопоставляя материалы, относящиеся к первобытнородовым обществам и обществам, в разной мере продвинувшимся на пути классового образования, можно заключить, что складывающейся профессиональной является, очевидно, такая специализация, при которой человек, совмещающий занятия искусством с участием в хозяйственной деятельности, в отличие от первобытного умельца приобретает художественные навыки, отсутствующие у большинства окружающих его людей. Его творчество постоянно имеет выход за пределы одной общины, часто также и одного племени, его художественный труд уже, как правило, в той или иной форме «оплачивается» различными, имеющими ценность вещами, продуктами, «примитивными день-

тами» и т. п., и такая «плата» поступает в основном от людей, не входящих в его общинную или родственную группу. При этом создается впечатление, что на ранних стадиях развитие профессионального искусства в значительной мере связано с удовлетворением запросов социального слоя, обладающего богатством, высоким статусом, властью. Представители этого слоя очень часто выступают в роли инициаторов творчества наиболее талантливых художников, певцов, танцоров, музыкантов. Часто, не удовлетворяясь качеством художественной работы или исполнительским мастерством тех умельцев, что живут поблизости, они ищут специалистов более высокой квалификации в чужих группах; поручая таким специалистам сложную и требующую длительного времени работу и обеспечивая их на этот период всем необходимым для жизни, порой надолго отрывают этих людей от хозяйственной деятельности; демонстрируя результаты их творчества или исполнительские таланты во время массовых собраний, способствуют росту их известности, расширению круга заказчиков, а также приобретению ими влиятельных и состоятельных покровителей. Развитие профессиональной специализации в искусстве стимулируется также и запросами тайных мужских и женских союзов, потребностями формирующейся культовой организации.

Первые признаки развития художественной специализации более высокого, по сравнению с первобытной частичной специализацией, уровня обнаруживаются при рассмотрении материалов, относящихся к ряду меланезийских обществ. Факты же, позволяющие говорить о существовании профессионалов или почти профессионалов, функционирующих, правда, в очень ограниченных масштабах и главным образом в сфере обслуживания вождей и их приближенных, выявляются при анализе материалов, относящихся к высокоразвитым полинезийским обществам, а также к целому ряду африканских обществ, квалифицируемых исследователями как вождества.

Вот, например, какая ситуация, по данным У. Л. д'Азеведо, была характерна в традиционных условиях для некоторых вождеств Западной Либерии (гола, ваи, де и др.). В каждой крупной общине имелись люди, выделявшиеся особой одаренностью, особой искусностью в том или ином из традиционных художественных занятий. Как правило, силами рядовых общинников и силами таких общинных умельцев — выдающихся мастеров, танцоров-певцов, рассказчиков — община справлялась со всеми своими нуждами, связанными с художественной культурой. Лишь в редких случаях и лишь немногие из простых общинников обращались к услугам людей, имевших значительно более высокую квалификацию и действовавших как бы на надобщинном и надплеменном уровне. Последние обладали громкой славой и были очень немногочисленны — единицы на обширные районы. Они все или почти все свое трудовое время отдавали искусству, не зани-

маясь хозяйством или занимаясь им в ограниченных масштабах. Чаще всего эти люди не жили или почти не жили в тех общинах, к которым принадлежали по рождению, проводя значительную часть жизни в странствиях и имея основную «клиентуру» в лице вождей и племенной знати. Некоторые из таких специалистов приобретали себе более или менее постоянных покровителей из числа властимущих, часто иноплеменных. Наиболее влиятельные вожди содержали при своих «дворах» художников, певцов, танцоров, музыкантов.

Некоторые виды художественной специализации — в частности, вырезание деревянных масок особого образца — были связаны с обслуживанием эзотерических ритуалов союзов поро и занде. Резчики, которые владели секретами искусства изготовления священных масок и мастерство которых признавалось руководителями обрядов достаточно высоким, были весьма редки. Услугами одного и того же резчика часто пользовались в нескольких племенах или даже объединениях племен. Так, д'Азеведо упоминает скульптора, который изготовлял маски для традиционных ритуалов кпелле, вай, гола, де. Он не успевал справляться с поступающими заказами, порой, чувствуя полное изнурение от творческой работы, на время скрывался от своих заказчиков и в порядке отдыха занимался земледельческим трудом¹⁰⁹.

С развитием профессиональной специализации в искусстве связано развитие соответствующей системы обучения — «ученичества», при которой будущий специалист в течение некоторого периода является учеником опытного мастера, применяющего уже определенные педагогические приемы обучения. Нередко ученик на время обучения переселялся в дом учителя, помогал ему в его профессиональном труде, делая наиболее тяжелую в физическом отношении работу, а также выполняя определенные обязанности в домашнем хозяйстве.

В форме ученичества осуществлялось, например, обучение полинезийских профессиональных и полупрофессиональных ремесленников, художников, танцоров и т. п. Ремесленная, а также художественная специализация у полинезийцев нередко имела наследственный характер — закреплялась за определенными семьями или родственными группами¹¹⁰. Поэтому учителя и ученики были, как правило, связаны родственными узами.

У упоминавшихся выше жителей Западной Либерии и у многих других западноафриканских народов наряду с такими видами профессиональной или полупрофессиональной специализации, которые имели наследственный характер, существовали профессии, приобретавшиеся по индивидуальному желанию (например, специализация скульптора). В последнем случае будущий специалист поступал в ученики к мастеру, не являвшемуся родственником, нередко к представителю отдаленной общины или даже иноплемени и обязан был вносить плату за обучение¹¹¹.

Следует отметить, что во многих случаях человек имел не одну, а сразу несколько художественных специальностей или же художественную и какую-то иную специальность одновременно. Например, у гере и вобе (Кот-д'Ивуар) часто специалист по изготовлению деревянной и глиняной скульптуры, специалист по бронзовому литью и знахарь совмещались в одном лице¹¹². Во многих полинезийских обществах плотники, строители лодок и домов специализировались и на художественной резьбе по камню и дереву и на плетении рыболовных сетей.

Этнографические материалы позволяют полагать, что на ранних этапах развития профессионального искусства, соответствовавших сравнительно ранним стадиям процесса классообразования, услугами одних и тех же художников, певцов или танцоров — полупрофессионалов могли пользоваться как представители формирующейся социальной верхушки, так и простые общинники, хотя доля первых была более значительной. По мере углубления социальной стратификации, по мере складывания профессионализма, при котором художественный труд является основным источником существования, среди лиц, специализировавшихся в области искусства, происходила определенная дифференциация: часть из них связывала свою деятельность преимущественно с обслуживанием знати, другая часть — с удовлетворением потребностей людей незнатного происхождения.

В качестве иллюстрации можно сослаться на полинезийские данные. Во всех полинезийских обществах существовала категория людей, владевших ремесленной или художественной специализацией и носивших особое звание: тохунга (у маори Новой Зеландии), кахунга (на Гавайях), тофунга (на Самоа) и т. п. Слово это приблизительно означает «человек, который хорошо знает дело»¹¹³. В большинстве своем тохунга были, видимо, полупрофессионалами, совмещавшими специальную деятельность с сельскохозяйственной и с рыболовством. При этом одни и те же тохунга могли обслуживать и вождей, и рядовых общинников, однако первые гораздо чаще бывали инициаторами специальной деятельности тохунга¹¹⁴. Очевидно, только в обществах, создавших раннеклассовую структуру, в частности на Гавайских островах, были настоящие профессионалы — художники, танцоры, хореографы, архитекторы, поэты. Некоторые из них состояли при домах или «дворах» могущественных алии, а некоторые не имели знатных покровителей. В числе последних известны странствующие певцы и поэты¹¹⁵.

Как показано в исследовании Т. Кендрика, у кельтов Галлии на рубеже нашей эры существовали певцы и музыканты, состоявшие при военных предводителях знатного происхождения, призванные своим искусством вдохновлять воинов, идущих в бой. Вместе с тем были и не связанные с какими-либо владельческими особами странствующие певцы и музыканты. Сходные сведе-

ния имеются относительно ирландских кельтов более поздней эпохи¹¹⁶.

Подобная дифференциация между специалистами во многих случаях прослеживается и по археологическим данным, относящимся к развитию художественного ремесла, в первую очередь художественной обработки металлов. Так, в Западной Европе существование специалистов, обслуживавших лишь знать, отчетливо демонстрируется находками раннего бронзового века, когда художественные изделия из бронзы содержались только в богатых захоронениях и, следовательно, были доступны только лицам, обладавшим высоким статусом. О появлении специалистов, изготавливавших художественные изделия из бронзы для широких слоев населения, свидетельствуют многочисленные находки таких изделий в рядовых погребениях более позднего времени, когда бронза становится общедоступной¹¹⁷.

Таким образом, все вышеизложенное отчетливо демонстрирует происходивший в предклассовых обществах процесс «раздвоения» искусства: его разделение на «элитарное» и «простонародное» — процесс, являвшийся составной частью процесса складывания двух «субкультур» внутри единой культуры общества¹¹⁸.

Этот процесс проявляется и в способах использования предметов искусства, и в организации художественного творчества в обществе в целом, и в тех формах, которые принимает развитие профессионального искусства.

Условия изучения искусства предклассовых обществ. Искусство обществ, переживавших процесс классового образования, — это искусство германских племен Западной Европы в первые века нашей эры и искусство индейцев северо-западного побережья Северной Америки до сравнительно недавнего времени; это искусство скифских племен Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э. и искусство племен Либерии или Сьерра-Леоне, еще в прошлом столетии и в начале нашего века развивавшееся в традиционном русле; это искусство носителей убайдской культуры Двуречья конца V тыс. до н. э. и искусство маори Новой Зеландии XVIII — начала XIX в. н. э. Подобные противопоставления можно было бы продолжать очень долго.

Представители культур, столь удаленных друг от друга в пространстве и во времени, развивающихся в столь разных экологических условиях, имевших различные системы хозяйства и бытовые уклады, вырабатывали резко отличающиеся формы художественного отражения действительности. Но не только огромные различия в художественных традициях, связанные с географической и хронологической «разбросанностью» стадияльно близких обществ, затрудняют сравнительный анализ их искусства. Этнографические и археологические источники часто содержат в принципе несопоставимые или плохо сопоставимые данные. С одной стороны — в лучшей или худшей степени сохранившееся и

изученное «живое» искусство, представленное различными видами — изобразительным, музыкальным, танцевальным, словесным, драматическим, включенное в общий контекст социальной жизни, что так важно, когда еще в основном сохраняется первобытная синкретичность духовной культуры. С другой стороны — отдельные произведения изобразительного искусства (или даже фрагменты произведений), о содержании и назначении которых нередко приходится лишь догадываться, причем произведения, изготовленные главным образом из камня, металла, глины и режущей кости. Тогда как в этнографическом изучении изобразительного искусства чаще всего на первом плане — художественная резьба по дереву, деревянная скульптура, рисунки и росписи на деревянных поверхностях, вышивки и аппликации на тканях или коже, художественное оформление плетеных, вязаных или тканых изделий и иные предметы, сделанные из недолговечных материалов. А материал определяет и технику изготовления, и во многом стилистические черты изображения.

Искусство, как известно, живет по своим собственным законам, развитие его содержания и форм лишь очень сложными путями связано с развитием социально-экономических отношений; и если возможно использование этнографических данных для реконструкции коренных явлений социальной жизни древних народов, то использование этнографических материалов для реконструкции утраченной художественной культуры невозможно.

Сказанное отчетливо отразилось в историографии. Исследований, которые непосредственно были бы посвящены искусству обществ, переживавших процесс классового образования, и обобщали бы как этнографические, так и археологические данные, при подготовке настоящего раздела обнаружить не удалось. Отдельные, относящиеся к рассматриваемой теме обобщения содержатся главным образом в трудах, посвященных либо первобытному искусству в целом, либо искусству доживших до сравнительно недавнего времени предклассовых обществ или соответствующих им стадияльно археологических культур, сосредоточенных, как правило, в ограниченных регионах.

Если в конце прошлого и в начале нашего столетия был принят целый ряд захватывающих интересующую нас стадию исследований по первобытному искусству, в которых использовались как этнографические, так и археологические материалы, то в дальнейшем, по мере накопления обеими науками все большего количества фактических данных, происходит разделение литературы с такой тематикой на два мало взаимодействующих потока, которые создают у читателя принципиально различное впечатление. При этом в «этнографическом потоке» уже лишь отчасти по объективным причинам, а отчасти просто по традиции подавляющая часть работ, в заглавии которых фигурирует «первобытное искусство», связана с изучением только изобразительного

искусства. Такие книги, как «Первобытное искусство» Ф. Боаса (вышедшая в 1927 г., но не устаревшая до сих пор), где в комплексе рассматриваются и изобразительное искусство, и словесный фольклор, и музыка, и танец,— исключение¹¹⁹.

Проблемы, касающиеся развития устного словесного творчества в интересующую нас эпоху, рассматриваются преимущественно либо в специальных трудах по сравнительной фольклористике или исторической поэтике, либо в исследованиях, изучающих фольклор отдельных или нескольких родственных изучавшихся этнографически предклассовых обществ. Подобным же образом обстоит дело с исследованием музыкального, танцевального, драматического творчества, с той разницей, что эти виды искусства изучены гораздо хуже, чем словесный фольклор.

Охарактеризованная ситуация неизбежно сказывается в дальнейшем изложении.

Характерные тенденции в развитии искусства. При всем бесконечном многообразии конкретных вариантов развития искусства в обществах переходного типа можно все же, как представляется, выделить ряд универсальных явлений, а также ряд явлений, свойственных искусству значительной части предклассовых обществ, причем таких явлений, которые отличали это искусство от искусства предшествующих эпох.

К числу первых относится прежде всего значительное увеличение общего количества произведений искусства, рост художественной культуры, по-видимому, во многом стимулировавшийся запросами нарождавшейся аристократии, складывавшихся политической и культовой организаций. Универсальный же характер имело и существенное усложнение техники изготовления (исполнения) определенной части художественных произведений, что обусловлено, во-первых, общим прогрессом человеческой культуры и, во-вторых, формированием профессионального искусства.

Далее, если в искусстве верхнего палеолита и мезолита — в наскальных изображениях и мелкой пластике — прослеживается значительное стилистическое и сюжетное единообразие в пределах достаточно широких географических ареалов, то в последующие периоды, как отмечалось в предшествующем томе настоящего издания, в доступных изучению видах изобразительного творчества наблюдается неуклонная дивергенция стилей и сюжетов¹²⁰. В интересующую нас эпоху этот процесс приобретает особую интенсивность, что проявляется не только в изобразительном искусстве, но и, как показывают этнографические данные, в других областях художественной культуры. Причина того, по всей видимости, не только в оформлении этнических общностей нового типа и этнической дифференциации искусства, но и в усложнении общественных отношений внутри отдельных этнических образований, в расширении и усложнении функций искусст-

ва, обусловленном расширением сферы приложения и усложнением характера человеческой деятельности в целом; в «социальном раздвоении» искусства — разделении его на «элитарное» и «простонародное»; наконец, в начавшемся разделении искусства на профессиональное и непрофессиональное.

Вместе с тем на развитии искусства предклассовых обществ несравненно сильнее, чем на развитии искусства предшествующих стадияльно обществ, сказывалось взаимодействие культур в пределах огромных ареалов. Массовые миграции, дальние военные походы, интенсивный обмен и начало торговли, в частности художественными изделиями, регулярные контакты и обмен опытом между разноэтничными сказителями, певцами, музыкантами, художниками, часть которых проводила жизнь в постоянных странствиях, — все это вело к чрезвычайно широкому распространению определенных технических и стилистических приемов художественного творчества, а также определенных сюжетов и образов. В качестве одного из примеров можно упомянуть знаменитый «звериный стиль», признаки которого обнаруживаются в памятниках изобразительного искусства эпохи бронзы и железа на обширных пространствах от Западной Европы до Китая. Другим примером могут быть мифологические представления о движении солнца в ладье или колеснице, отразившиеся в изобразительных символах, которые встречаются в наскальном искусстве, пластике и иных памятниках художественного творчества на большей части территории Евразии¹²¹.

Таким образом, культурное обособление отдельных этносов и отдельных социальных групп внутри этносов и постоянные культурные взаимовлияния разноэтничных образований в пределах обширных ареалов, сложными способами сочетаясь, во многом определяют развитие искусства предклассовых обществ.

Отдельные виды и жанры искусства. К числу стадияльно обусловленных явлений, характерных для искусства значительной части обществ, переживавших процесс классообразования, относится возникновение или особенно интенсивное развитие некоторых видов и жанров художественного творчества, заложивших основы целого ряда направлений мирового искусства последующих эпох.

С эпохой разложения первобытных отношений связан важнейший этап в предыстории мировой литературы — зарождение и раннее развитие героического эпоса, который, претерпев существенные модификации в процессе дальнейшей эволюции и окончательного оформления в условиях классовых обществ, дошел до нас в письменных памятниках или в устной народной традиции в виде обширных эпопей, таких, как древнеавилонские сказания о Гильгамеше, древнеиндийская «Рамаяна», древнегреческие «Илиада» и «Одиссея», англосаксонский «Беовульф», армянский «Давид Сосунский», и в виде отдельных песен, коротких сказаний

или поэм, таких, как южнославянские «юнацкие песни», русские былины, ирландские саги, старофранцузские *chansons de geste*.

В значительной своей части произведения героического эпоса известны в стихотворно-песенной форме, более редка прозаическая повествовательная форма. Для определенной части эпических сказаний характерна смешанная форма, при которой прозаическая речь перемежается обширными песенно-стихотворными вставками.

Сложные этнические процессы, сопровождавшиеся преодолением племенной замкнутости, формированием более крупных этнических и социальных образований, обстановка постоянных или частых войн и порожденный ею культ воинской доблести, появление особой категории людей, сделавших войну профессиональным занятием, а стремление прославить себя ратными подвигами — одной из основных жизненных целей, — вот те главные объективные условия, художественное отражение которых ведет к рождению героических богатырских образов и созданию развернутого фона эпических сказаний и песен.

Фольклорной основой или фольклорными истоками героического эпоса послужили в первую очередь первобытная мифология — мифологические сюжеты, в основе которых лежат созидательные деяния культурных героев, — а также богатырские сказки-песни, повествующие о борьбе наделенных фантастической силой богатырей с грозными духами и злобными чудовищами. В меньшей мере (особенно на ранних стадиях эволюции эпоса) на формирование героического эпоса как особого жанра повлияли поэтические произведения, воспевавшие доблесть и воинские подвиги действительных исторических лиц, чаще всего военных предводителей и их ближайших соратников¹²².

В архаических формах героического эпоса, сложившихся в основном на догосударственной стадии социального развития, примером которых являются богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири, нарские сказания, некоторые фрагменты грузинского и армянского эпосов, сказочно-мифологическая основа выделяется весьма отчетливо: эпическое время — это еще не историческое время, а скорее мифологическое время первотворения; враги эпических героев имеют черты фантастических чудовищ, а богатыри сочетают доблести воинов со способностями шаманов; некоторые подвиги эпических героев перекликаются с деяниями мифологических культурных героев (добывание огня, культурных растений); главные темы — борьба с чудовищами, героическое сватовство к суженой, кровная месть¹²³.

По предположению одних исследователей, самой древней художественной формой героического эпоса была песенная, по предположению других — смешанная: речи действующих лиц, описания их внешнего облика и окружающей обстановки передавались стихами-песнями, а основные события излагались в прозе. Пение

сопровождалось игрой на различных музыкальных инструментах.

Создание ранних эпических произведений, так же как и последующая их циклизация, переработка и пополнение, можно полагать, в определенной мере являлось результатом творчества полупрофессиональных или профессиональных поэтов-певцов и сказителей, предшественников позднейших древнегреческих аэдов, средневековых французских жоуглеров и труверов, немецких шпильманов, туркменских бахши и т. п.

Ценнейшие материалы, отражающие процесс развития героического эпоса в различных его стадиях — от героической сказки, эпико-исторических преданий и наиболее архаических образцов догосударственного эпоса до обширных эпических циклов, сформировавшихся в условиях ранней государственности, — дает фольклор изучавшихся этнографически народов Африки южнее Сахары. Африканские этнографические данные содержат и сведения, крайне важные для реконструкции процесса выделения профессиональных сказителей эпических произведений¹²⁴.

К эпохе разложения первобытных отношений возводится многими исследователями и складывание другого фольклорного жанра, получившего долгую жизнь в народной культуре — волшебной сказки. Сюжетный каркас этого «самого демократического», по словам Е. М. Мелетинского, жанра устного словесного творчества составляет история обыкновенного, не наделенного никакими экстраординарными качествами человека, нередко гонимого, незаслуженно обиженного, обездоленного, который благодаря воздействию волшебных сил преодолевает многочисленные трудности и в конце бывает щедро вознагражден.

В волшебных сказках, характерных для народного фольклора классовых обществ, выделяются сюжетные элементы, унаследованные от первобытной мифологии и от иных видов первобытного повествовательного фольклора, в частности легенд и так называемых быличек, а также элементы, восходящие к первобытной обрядности¹²⁵. Вместе с тем основные жанровые черты волшебной сказки свидетельствуют о том, что она первоначально развивалась в таких условиях, когда уже отсутствовало первобытное социальное равенство, но когда еще существовало представление о нем, как о «правильном», «должном» устройстве мира. Как пишет Е. М. Мелетинский, «сказочная эстетика формируется на почве народно-демократической оценки разложения первобытно-общинного строя, на почве критики складывающихся классовых антагонистических отношений... Соединение социально-бытовых мотивов, отражающих в конечном счете разложение первобытно-общинного строя, со старыми мотивами, восходящими к различным сторонам быта и мировоззрения доклассового общества, и представляет собой оформление сюжета волшебной сказки»¹²⁶.

Процесс зарождения волшебной сказки и ее развития в недрах первобытной мифологии исследователь может как бы воочию

наблюдать при изучении многочисленных образцов традиционного устного творчества меланезийских, полинезийских и африканских обществ¹²⁷. В них соединение сугубо первобытных мотивов с мотивами, порожденными новыми формами организации социальных отношений, выступает «в чистом виде», без той образовавшейся в результате многовековых наслоений оболочки, «препарируя» сюжеты сказочного эпоса цивилизованных народов.

Характерное для интересующей нас стадии усложнение социальных отношений в масштабах общества в целом вело к значительному усложнению отношений межличностных, к нарушению их прежней относительной гармоничности, а это в свою очередь — к усложнению духовной жизни личности, к появлению индивидуальных переживаний нового типа. Это нашло отражение в интенсивном развитии лирической поэзии, которая в художественно-обобщенной форме воспроизводит индивидуальные впечатления и психологические состояния. Этнографические данные позволяют думать, что лирическая поэзия существовала и в «классической» первобытности, но в период разложения первобытных отношений количество лирических произведений и объем многих из них значительно возрастают, развиваются более сложные художественные приемы создания поэтических образов. В этом отношении показательным может быть сравнение любовной лирики аборигенов Австралии и любовной лирики полинезийцев, например гавайских любовных меле¹²⁸. Очевидно, в рассматриваемую эпоху, так же как и в предшествующую, лирическая поэзия существовала только в песенной форме, исполнение лирических произведений часто сопровождалось игрой на музыкальных инструментах, а поэт-лирик, певец и музыкант сочетались в одном лице.

Наконец, можно упомянуть еще один жанр словесного искусства, который, возможно, возник при господстве первобытных отношений, но коренным образом перестроился и получил особое развитие в условиях классового общества, — панегирик. Для интересующей нас стадии это главным образом специально подготовленные по устоявшимся схемам речи или стихотворно-песенные произведения, прославляющие и восхваляющие богов и людей, в последнем случае чаще всего вождей, выдающихся воинов, почетных гостей. К этому же жанру относятся и самовосхваления, являвшиеся во многих обществах обязательной частью публичных ораторских выступлений вождей и их ближайших соратников. Параллельно с панегирическим развивался тесно связанный с ним, хотя и противоположный по содержанию, жанр поношений, или инвектив, адресуемых врагам и соперникам.

Если сказочный фольклор и поэтическая лирика развивались как в процессе профессионального или полупрофессионального, так и в процессе непрофессионального творчества, то сочинение

и произнесение хвалебных или хулильных речей и песен чаще всего, очевидно, было прерогативой людей, обладавших аристократической специализацией «широкого профиля», а также специалистов-сочинителей, какими были, например, содержавшиеся при краалых верховных зулусских вождей имбонги — «придворные» шуты, певцы и ораторы одновременно, обязанные прославлять в своем творчестве покровителей и хулить их врагов¹²⁹.

С рассматриваемой эпохой связана предыстория и ранняя история такого вида прикладного искусства, как монументальная архитектура. По-видимому, стадиально наиболее ранними памятниками архитектуры (или, чаще, протоархитектуры) являются мегалитические сооружения: дольмены, составленные из нескольких вертикально установленных огромных каменных плит, сверху перекрытых горизонтально уложенными плитами; кромлехи, состоящие из выстроенных в круг гигантских монолитов (менгиров) или из менгиров и дольменов одновременно; алиньеманы, представляющие собой параллельные ряды менгиров; а также некоторые другие виды построек из громадных каменных плит и камней. Такие памятники встречаются во всех частях света, кроме Австралии, но характерны преимущественно для областей, прилегающих к морям и океанам и для островных районов. Кромлехи и алиньеманы в значительной части сосредоточены в Западной Европе, в первую очередь на севере Франции и на Британских островах. Древнейшие из датированных мегалитических построек относятся уже к неолитическому времени (рубеж V—IV тысячелетий до н. э., Западная Европа¹³⁰), многие — к энеолиту и началу бронзового века, некоторые — к концу бронзового и началу железного веков. Вместе с тем значительная часть мегалитических памятников не датирована. В некоторых районах Океании традиция возведения мегалитических сооружений была зафиксирована в начальный период европейской колонизации.

Значительная часть изучавшихся археологически дольменов или галерей из выстроенных в ряд, примыкающих друг к другу дольменов, а также некоторая часть кромлехов связаны с захоронениями — групповыми и единичными — и считаются подобиями усыпальниц или склепов или надгробных памятников — родовых, семейных или индивидуальных. Интерпретация многочисленных мегалитических памятников, не приуроченных к погребению, представляет огромные трудности. Чаще всего высказываются предположения о культовом назначении, иногда (например, относительно отдельных кромлехов Британских островов) — об оборонительном. В то же время существуют памятники, культовый характер которых считается установленным. При этом в некоторых из них видят одновременно и религиозные святилища, и древнейшие астрономические обсерватории.

функционировавшие благодаря деятельности сложившихся корпораций или каст жрецов, отправлявших культы и являвшихся хранителями астрономических знаний. Самый известный и сложный по конструкции из числа таких памятников — кромлех Стоунхендж (Южная Англия), грандиозные и мрачные развалины которого часто называют «священным монстром».

Океанийские этнографические материалы свидетельствуют о создании погребальных мегалитических памятников или усыпальниц и мегалитических святилищ. При этом первые возводились обычно для выдающихся вождей и представителей высшей аристократии; вторые, по крайней мере самые грандиозные из них, характерные главным образом для Восточной Полинезии, служили местом отправления аристократических культов, которыми руководила привилегированная часть жрецов.

Более высокий уровень архитектурного строительства представлен монументальными циклопическими постройками и сооружениями из сырцового кирпича. Древнейшие циклопические постройки, сложенные из огромных камней, относятся к VII (VIII) тыс. до н. э. (Передняя Азия, Иерихон), но их значительное распространение — дело более позднего времени: IV—III тыс. до н. э. — в Закавказье, конец III—II тыс. до н. э. — на средиземноморских островах и в Южной Европе. В значительной части это вызванные к жизни обстановкой частых грабительских войн фортификационные сооружения, иногда сочетавшие в себе крепости и храмы. Были среди них и погребальные сооружения.

В качестве примера можно упомянуть постройки, возводившиеся на Балеарских островах от начала бронзового века до начала железного. Обнесенные стенами циклопической кладки поселения концентрировались вокруг массивных башен — талайотов — круглых, квадратных или вытянутых четырехугольных в плане. Наиболее высокие из них достигали, как предполагается по реконструкции, 12 м в высоту, составляя в диаметре 30 м. Предполагается, что эти башни служили наблюдательными пунктами и убежищами в случае военной опасности, а также святилищами. Неподалеку от поселений располагались монументальные гробницы — наветы, снаружи напоминавшие корпус корабля, опрокинутого вверх килем (отсюда и название), и имевшие внутри величественные погребальные камеры, своды которых в ряде случаев поддерживались столбами или колоннами. Наиболее крупные и сложные по конструкции наветы сосредоточены на Минорке и датируются второй половиной II тыс. до н. э.¹³¹

Очень интересный тип циклопических строений представляют так называемые нураги Сардинии (вторая половина II и первая половина I тыс. до н. э.). Самые сложные из них, датируемые 800—700 гг. до н. э., походили на небольшие средневековые замки с центральной сложенной из тщательно отшлифованных каменных башней в форме усеченного конуса, имевшей наверху плат-

форму, обрамленную зубчатым парапетом, а внутри — помещенная в несколько этажей. Окружали ее стены с встроенными в них башнями меньшего размера. О назначении нурагов высказываются самые разные предположения. В последнее время все больше ученых склоняются к мнению, что это были крепости, выполнявшие еще и функции храмов и астрономических обсерваторий¹³².

Монументальные сооружения из сырцового кирпича характерны были главным образом для предклассовых обществ Передней и Средней Азии, а также Северной Африки и Испании. Примером могут быть храмы, крепости и погребальные сооружения древнего Двуречья (VI—V тыс. до н. э.), а также древнеегипетские мастабы — гробницы вождей додинастического периода (IV тыс. до н. э.).

Хотя некоторые ранние памятники монументальной архитектуры или протоархитектуры относятся к неолитическому времени и не исключено, что они принадлежали обществам, в которых еще в основном сохранились первобытные отношения, в массе своей эти памятники — порождение потребностей, появляющихся в эпоху классового образования. Создание грандиозных построек, требующее планомерной кооперации труда большого числа людей, свидетельствует об образовании более крупных, чем характерные для первобытности, социальных организмов, о существовании иного типа организации власти, а также специально подготовленных людей, способных планировать архитектурные работы и руководить их осуществлением.

Точно так же с условиями предклассовых обществ связано и появление монументальной скульптуры.

Древнейшими прототипами монументальных статуй нередко считаются имевшие весьма широкое распространение менгиры, на которых грубо выбиты рельефом или выгравированы какие-то антропоморфные изображения. В большей мере приближаются к скульптуре так называемые менгириобразные статуи или антропоморфные стелы — вертикально установленные прямоугольные плиты или длинные камни, верхней части которых грубым скальванием придано сходство с человеческой фигурой: обозначены голова и плечи, голова иногда «тонет» в плечах, иногда возвышается над ними, часто показаны также руки, сложенные на груди, черты лица едва намечены, нередко обозначены лишь глаза и нос. Такие изваяния были довольно многочисленны в эпоху энеолита и ранней бронзы в Южной Европе, особенно во Франции, обнаружены также в СССР — в Северном Причерноморье, где они связываются с ямной культурой. На некоторой части антропоморфных стел Южной Европы обозначены груди. Вместе с тем есть стелы и статуи-менгиры, на которых показано оружие, позволяющее думать, что они изображают мужчин. И наконец, есть «бесполые» антропоморфные изваяния, сжимающие в руках какие-то непонятные предметы¹³³.

В ряде случаев такие изваяния были первоначально установлены над погребениями (например, антропоморфные стелы Северного Причерноморья некогда венчали отдельные курганы ямной культуры) и являлись надгробными памятниками. В женских изваяниях некоторые археологи видят изображения «богини погребения», в изваяниях, где показано оружие, — изображения, предназначенные увековечить облик умерших вождей или родовых старейшин.

В то же время в Западной Европе многие изваяния такого типа не связаны с погребениями, и их назначение остается неясным.

Примером более поздних монументальных изваяний могут быть скифские «каменные бабы», устанавливавшиеся на курганах, под которыми находились погребения знатных воинов. В большинстве своем эти статуи столь же примитивны, как и предшествующие им изваяния раннего бронзового века. Однако в некоторых случаях их лица отделаны более тщательно, есть отдельные экземпляры, которые позволяют говорить о вероятной портретности изображений. Многие исследователи видят в каменных бабах героизированные образы умерших или их предков-родоначальников¹³⁴.

Более высокий уровень монументальной скульптуры может быть проиллюстрирован корсиканскими статуями воинов, характерными для поздних этапов бронзового века: в основе их все те же менгиры, но человеческие фигуры, и в особенности лицо, обозначены гораздо точнее, тщательно воспроизводится вооружение, шлемы, бронзовые пояса¹³⁵.

Древняя монументальная скульптура представлена и за пределами Европы. К этой категории памятников относятся, в частности, знаменитые гиганты острова Пасхи. Чрезвычайно интересные каменные статуи оставлены древним населением Южной Колумбии близ селения Сап-Аугустин. В большинстве своем это антропоморфные изображения с сильно нарушенными пропорциями лица и тела, иногда — с отдельными зооморфными признаками. Часть из них служила кариатидами в небольших культовых сооружениях, часть — надгробиями. Некоторые фигуры изображены с оружием (палицами, дротиками) и со щитами. Предполагается, что это памятники воинам. В отдельных экземплярах ученые находят признаки индивидуализации. Часть статуй считается изваяниями каких-то божеств и предположительно датируется первой половиной I тыс. до н. э.¹³⁶

Иные типы древней каменной скульптуры — встречающиеся в Армении и в Южной Грузии огромные изображения рыб или гигаантские столбы, увенчанные шкурами быков, баранов — вишапы (конец II—I тыс. до н. э.); разнообразные каменные изваяния эпохи бронзы, обнаруженные в Минусинской котловине, — саблевидные менгиры с высеченными в нижней или средней ча-

сти личинами, нередко полузвериными-получеловеческими, а также мелгиры, верхняя часть которых оформлена в виде голов животных и др.¹³⁷ Смысл и назначение большинства этих памятников неясны. Чаще всего высказывается предположение об их культовом характере.

Монументальная скульптура — каменная, деревянная, глиняная — характерна для искусства многих народов, изучавшихся этнографически, в частности для полинезийцев ряда архипелагов. Наиболее высокого уровня достигло развитие этого вида искусства на Маркизских островах. Среди полинезийских монументальных изваяний преобладали антропоморфные, встречались как изображения богов и духов предков, так и изображения людей, в первую очередь вождей.

Выделение и интенсивное развитие ремесла в эпоху классового разложения было связано с расцветом декоративного искусства, в особенности нового его вида — художественного оформления металлических изделий. Этому вопросу уже уделялось значительное внимание в связи с рассмотрением проблемы развития металлургии в целом. Здесь мы отметим отдельные высокие достижения в этой области, характерные для ряда археологических культур. Прежде всего это изделия, принадлежащие скандинавским культурам эпохи бронзы (Дания, юг Швеции, север ФРГ). Не только оружие и иные атрибуты воинского снаряжения, но и очень многие из обыденных предметов благодаря высокохудожественной отделке представляют собой произведения искусства. Так, рукоятки бронзовых бритв украшались тонкими и сложными орнаментами из спиралей или геометрических фигур, а также оформлялись в виде человеческих голов или же голов лошадей, птиц — очень часто лебедей. Лезвия покрывались гравировками, изображавшими различные жизненные сцены или мифологические ситуации. К числу специфических скандинавских изделий принадлежат широкие богато орнаментированные бронзовые шейные гривны, манжетовидные браслеты, двучленные фибулы. Многие бронзовые изделия украшались вставками из других материалов, например янтаря и пасты, многие покрывались позолотой. Рукоятки бронзовых мечей и кияжалов вождей или знатных воинов покрывались листовым золотом с художественным тиснением и инкрустировались янтарем. Особый интерес представляют так называемые луры — бронзовые музыкальные инструменты, состоящие из нескольких самостоятельно отлитых частей, повторяющие форму рога, богато орнаментированные. Попутно отметим, что это редкий случай, когда столь древние археологические находки дают сведения о музыкальной культуре. Специальными исследованиями установлено, что наиболее совершенные из этих труб охватывали диапазон около четырех октав. Разные инструменты предназначались для игры в различных ключах. Игра на них — дело весьма сложное, требующее значительного развития

легких. Луры считаются шедеврами металлургической и музыкальной техники¹³⁸.

Найдены также довольно многочисленные золотые сосуды, украшенные тонким орнаментом, а также позолоченные бронзовые вотивные топоры. Значительная часть этих изделий, так же как и многие луры, обнаружена в так называемых жертвенных кладках на дне болот или озер.

Среди памятников декоративного искусства европейских культур раннего железного века — например, вилланова, эсте, гальштаттской — особое место занимают бронзовые ситулы (усеченно-конические ведра), украшенные расположенными в виде многоярусных фризов гравированными или рельефными изображениями сцен охоты, сражений, религиозных процессий, танцев, пиров и т. д., а также изображениями различных животных или каких-то фантастических существ, часто грифонов, многообразными орнаментами.

Высокоразвитое декоративное искусство было характерно для кельтской латенской культуры V—II вв. до н. э. Самые различные бронзовые и золотые изделия, изготовлявшиеся прежде всего для представителей знати, украшались пластическими рельефными и гравированными изображениями, часто инкрустировались кораллами и эмалью. Особое распространение получил мотив человеческой маски, типичны были также растительные мотивы, спирали, завитки, ленты, стилизованные изображения птиц и зверей. Среди специфических кельтских художественно оформленных предметов следует особо отметить так называемые торквесы — шейные гривны, сделанные из массивного полого стержня с концами, завершающимися круглыми (печатевидными) расширениями, богато украшенные сложными орнаментами, а на концах во многих случаях — масками, увенчанными подобием двулестной короны. Торквес, как предполагается, являлся необходимым атрибутом облачения знатного кельта. Широкое распространение у кельтов в III—II вв. до н. э. имели железные мечи, ножны которых украшались гравировкой с растительными или зооморфными орнаментальными мотивами.

Наконец, нельзя не упомянуть скифскую торевтику VI—V вв. до н. э. с ее знаменитым «звериным стилем», под которым понимается особый комплекс приемов стилизации, характерный для зооморфных декоративных мотивов. По И. В. Яценко, украшающие различные предметы изображения животных созданы как бы по одной схеме: типичны были, например, олени с поджатыми ногами (в позе «летучего галопа») или свернувшиеся в клубок хищники, а также композиции из нескольких фигур животных в геральдических позах и «сцены терзания», изображавшие хищника, вцепившегося в оленя или какое-то иное копытное. Излюбленным орнаментальным мотивом были также отдельные зооморфные элементы: головы, лапы, когти, рога. Изображения

композиционно связывались с формой украшаемых предметов. Например, навершия рукоятей мечей трактовались в виде пары когтей или пары грифоньих голов. Концам псалей придавали форму копыт, голов животных или грифонов. Изображения, выполненные в «зверином стиле», большей частью украшали вещи, связанные с обиходом знатных воинов, вождей (вооружение, конскую сбрую и т. п.). Известны также оформленные подобным образом церемониальные предметы: ритуальные топорики, молоточки, сосуды и т. п. Среди скифских художественных изделий особенно многочисленны бронзовые и золотые, более редки серебряные. Большинство из них найдено в богатых захоронениях или в кладах.

Металл нашел применение и в недекоративном искусстве, хотя более ограниченное. К числу широко известных произведений такого рода относятся, например, датируемые эпохой бронзы золотые модели лодок, в которых принято видеть культовые символы и которые «целыми флотилиями» найдены в болотах Дании, куда их, как считается, владельцы бросали в качестве жертв богам. Из скандинавских болот в немалом количестве извлечены и другие изображения культового характера — так называемые солнечные колесницы, в том числе и знаменитая бронзовая колесница из Трундхольма, в которую впряжена довольно условно изображенная лошадь и на которой укреплен позолоченный диск, покрытый тонким и сложным геометрическим орнаментом. По наиболее распространенному мнению, такой диск символизирует солнце, по мнению, менее распространенному, — луну¹³⁹.

Кроме того, можно упомянуть принадлежащие той же культуре, что и нураги, и связываемые опять-таки с культовой сферой бронзовые статуэтки Сардинии, за которыми закрепилось название «бронзетти»: выполненные в весьма условной манере, но очень разнообразные и выразительные человеческие фигуры и фигурки животных. Довольно много бронзовых статуэток, датируемых VIII в. до н. э. и представляющих собой стилизованные изображения людей и животных, найдено в Греции, главным образом близ Олимпии. Многочисленны гальштатские бронзовые скульптурные изображения, очень условные, но разнообразные: всадники, пешие люди, кони, быки, птицы и т. д. В большинстве своем они найдены в Австрии. Некоторые из них объединены в композиции. Примером может быть знаменитая многофигурная композиция на бронзовой культовой повозке из Штреттвега. В центре расположена женская фигура, значительно превосходящая размером все остальные (как предполагается, богиня), поднимающая над головой чашу. Позади и перед ней — по две человеческие фигуры, которые держат оленей (по-видимому, изображается жертвоприношение). За ними фигуры мужчин и женщин, а по бокам — изображения всадников. Известна также кельтская брон-

зовая скульптура. Особое распространение получили фигурки кабанов. Из числа знаменитых находок можно отметить обнаруженную в Эффинье (бассейн Марны) мужскую статуэтку с кабаном на груди (возможно, изображение бога)¹⁴⁰.

Делая упор на те виды творчества, которые зародились в условиях классового образования или так перестроились, чтобы войти в художественную культуру классовых цивилизаций, нельзя не уделить некоторого внимания такому «классическому» первобытному виду искусства, как наскальное изобразительное, которое в интересующую нас эпоху переживало последнюю стадию своей эволюции. Наскальные изображения, датируемые бронзовым веком и начальными этапами железного века, весьма многочисленны. Наиболее известные и хорошо изученные памятники находятся в Альпах, Пиренеях, на юге Скандинавии, в Карелии, Закавказье, в Южной Сибири. Получает распространение развернутая многофигурная композиция, воспроизводящая различные сцены из реальной жизни или мифологические сюжеты. Появляются подчиненные одному сюжету как бы панорамные наскальные изображения, которые нельзя сразу охватить взглядом, а можно рассматривать только постепенно, двигаясь вдоль фриза или панно. Примером может служить приобретающая широкую известность большая Боярская писаница, связываемая с тагарской культурой Южной Сибири (I тыс. до н. э.). Она высечена на отвесной грани скалы, имеет в длину 9,8 м и представляет собой ряд связанных общим сюжетом композиций, составленных из изображений домов, а также каких-то жилищ типа юрт, домашних животных и людей¹⁴¹.

Выявляется определенный круг мотивов или сюжетов, типичных для характеризуемой эпохи. Например, батальные сцены, сцены пахоты, изображающие плуги с запряженными в них быками, реже лошадьми, и идущих за ними пахарей; изображения всадников, лодок с гребцами, разнообразных повозок. Очень многочисленны изображения бронзового оружия, в целом ряде случаев позволяющие довольно точно датировать памятники наскального искусства (в первую очередь это относится к наскальным изображениям Итальянских Альп и Швеции). Нередко встречаются также личины и всевозможные солярные знаки, в частности солярные колесницы и ладьи. Подобные же изображения выбивались на менгирах и плитах, составляющих различные мегалитические сооружения.

Наскальное искусство как «живой» вид творчества зафиксировано в целом ряде предклассовых обществ, изучавшихся этнографически, в частности восточноафриканских.

Реалистические и нереалистические традиции в искусстве. При всей стилистической многоликости каждого из развивавшихся в рассматриваемую эпоху видов искусства возможно все же в целом ряде случаев выявление некоторых характерных тенден-

ций в тех исходных установках художников, которые определяли выбор конкретных творческих приемов или методов художественного отражения. Иллюстрируя эту мысль, ограничимся примерами из области изобразительного искусства.

С первых шагов изучения первобытного изобразительного искусства в нем были выделены две основные линии развития или два основных направления, которые разные авторы называли по-разному и которые мы условно назовем реалистическим и нереалистическим. Произведения, принадлежащие к первому, свидетельствуют о стремлении художника как можно точнее, достовернее воспроизвести действительно существующее — человека, животное, растение, предмет. Произведения, принадлежащие ко второму, свидетельствуют об отсутствии такого стремления, об иных целях. В них действительность предстает в сознательно искаженном виде. Диапазон искажений чрезвычайно широк: от простой схематизации или преднамеренного нарушения пропорций до создания совершенно фантастических образов и композиций, в которых лишь с трудом угадываются черты реальных существ или предметов. На ранних этапах изучения первобытного искусства между исследователями велись споры о том, какое из двух направлений является более древним, исходным. Но постепенно, по мере накопления наукой фактического материала, значительная часть ученых пришла к заключению, что оба направления возникли и развивались параллельно, но не равномерно, и проявляли себя в разных культурных ареалах в разные эпохи в различных видах изобразительного творчества. Так, для верхнепалеолитического пещерного искусства Южной Франции и Испании были характерны монументальные высокореалистичные изображения животных. Реалистическая традиция отмечена в живописи Каповой пещеры верхнего палеолита, в самых ранних слоях наскальных изображений Южной Африки и Сахары. А в памятниках верхнепалеолитической пластики, найденных на территории Европы и Сибири (преимущественно жепские изображения и изображения животных), проявляются нереалистические установки создателей, определенного рода символизм или условность. Подобные же установки характерны и для неолитической и энеолитической пластики ряда европейских районов, а также Передней и Средней Азии. Нереалистические традиции почти безраздельно господствуют в изобразительном искусстве аборигенов Австралии, уровень социально-экономического развития которых приравнивается к мезолитической стадии. Начиная с мезолита намечается отход от реалистических традиций в европейском наскальном искусстве¹⁴².

В эпоху бронзы и раннего железа реализм оказывается почти полностью вытесненным из этого вида творчества в европейских, закавказских, сибирских памятниках. В других видах изобразительного творчества рассматриваемой эпохи также господствуют

нереалистические установки. Они же характерны и для искусства большей части предклассовых обществ, изучавшихся этнографически. При этом примечательно, что если в наскальном искусстве на интересующей нас стадии развития утверждается схематизм¹⁴³ — возможно, в связи с угасанием этого вида творчества, — то в других доступных изучению видах изобразительного искусства, и в первую очередь в скульптуре, интенсивно развиваются разнообразные приемы стилизации и порой создаются значительно более сложные, чем были характерны для предшествующей стадии, символические художественные формы. Последние особенно свойственны изобразительному искусству Меланезии и Полинезии, целого ряда народов Западной Африки и предклассовых обществ Северной Америки.

Причины преимущественного развития нереалистической линии в первобытном искусстве, в особенности в искусстве предклассовых обществ, имеют очень сложный, комплексный характер. Их определение — в значительной мере еще не решенная задача, но одно несомненно: условием существования устойчивых нереалистических традиций является сравнительная узость круга людей, в расчете на которых создаются подчиненные этим традициям произведения искусства, людей, которые с ранних лет в силу специального воспитания привыкают ценить именно такую эстетику и понимать ее назначение и скрытый за нею смысл¹⁴⁴.

Известно, что в значительной своей части нереалистические изображения или отдельные составляющие их элементы представляют собой нечто вроде традиционных условных обозначений — от простых схематических значков, почти лишенных эстетической ценности, до очень сложных по своей структуре символов, несущих большую эстетическую нагрузку, с помощью которых передаются самые разные понятия или человеческие чувства, а также как бы кодируются целые мифологические сюжеты или реальные события. При этом важно подчеркнуть, что многие из таких знаков или символов, как показывают этнографические данные, являются своего рода шифрами, предназначенными оградить духовный мир использующих их людей от проникновения посторонних: чужеродцев или иноплеменников, представителей иной половозрастной группы или лиц, не посвященных в культовые тайны. И, очевидно, не случайно самые сложные, трудно расшифровываемые изобразительные символы в искусстве изучавшихся этнографически предклассовых обществ чаще всего связаны с эзотерическими культами, доступными лишь представителям высшего социального слоя. Неслучайны, вероятно, также и параллели, которые иногда проводят исследователи между сугубо символическим культовым искусством ряда полинезийских обществ, в полной мере понятным лишь жрецам, вождям и их ближайшему окружению, и средневековым европейским церковным искусством, также глубоко символическим и в полной мере по-

нятым лишь высшему духовенству и определенному кругу тесно связанной с ним аристократии¹⁴⁵. В социальном значении этих явлений есть определенное сходство. И в первом, и во втором случае символические изобразительные приемы являются одним из составных элементов социально-психологических переговоров между общественными слоями или сословиями.

Вместе с тем в рассматриваемую эпоху продолжало существовать и реалистическое искусство: в одних обществах в виде устойчивых, хотя в большинстве случаев второстепенных, традиций, в других — в виде спорадических явлений. Как и в предшествующую эпоху, среди известных нам реалистических изображений предклассовых обществ преобладают изображения животных. Но в отличие от предшествующей эпохи они в большинстве своем связаны не с живописью или графикой, а со скульптурой, которую, пожалуй, можно считать ведущим видом изобразительного творчества рассматриваемой эпохи. Вместе с тем встречаются и плоскостные реалистические изображения зверей и птиц как в археологических памятниках, так и в этнографических коллекциях. В качестве примера последних сошлемся на изумительные по своей точности и изяществу эвенкийские и эвенские рисунки лосей, оленей, медведей, сделанные на различных бытовых и ритуальных предметах, а также силуэты, вырезанные из бересты¹⁴⁶.

Известны также принадлежащие предклассовым обществам человеческие изображения, выполненные в реалистической манере, чаще всего изображения человеческого лица. Примером могут быть некоторые виды деревянных масок индейцев северо-западного побережья Северной Америки, а также лица многих мемориальных скульптур предков у баконга в нижнем течении Конго¹⁴⁷.

Образ человека. Довольно часто в научной литературе, затрагивающей проблемы искусства предклассовой эпохи, можно встретить замечания о том, что в этот период в отличие от предшествующего, когда главным объектом изображения были животные, на первый план выходят изображения человека или что изображения человека в эту эпоху преобладают над изображениями животных или даже что образ человека становится основной темой изобразительного искусства. Подобные формулировки представляются не совсем точными, в действительности дело обстояло, по-видимому, сложнее.

Судя по дошедшим до нас произведениям верхнепалеолитической пластики Европы, уже в ту эпоху человеческие изображения, в первую очередь женские, были довольно многочисленны¹⁴⁸. Верхнепалеолитическое пещерное искусство (франко-кантабрийское) было анималистично, а в мезолитическом наскальном искусстве Испанского Леванта человеческие изображения занимают видное место, причем среди них преобладают из-

ображения мужчин-охотников, а женские изображения редки. Антропоморфные изображения весьма многочисленны и в наскальном искусстве, и в рисунках на коре у аборигенов Северной Австралии. Немало человеческих изображений в наскальном искусстве Южной Африки, приписываемом творчеству предков современных бушменов. В европейских неолитических наскальных изображениях, принадлежащих земледельцам, антропоморфные фигуры встречаются во множестве, а изображения, оставленные неолитическими охотниками Северной Европы и Сибири, преимущественно анималистичны. В наскальных изображениях бронзового века в Итальянских Альпах и Южной Скандинавии на первом плане — человек, а в наскальных гравировках Кобыстана в Азербайджане — животные. Монументальные изваяния Южной Европы и Северного Причерноморья (энеолит и ранняя бронза) антропоморфны, а монументальные изваяния Минусинской котловины, принадлежащие более поздней хронологически окуневской культуре, в значительной части зооморфны. В кельтских пластических и гравированных изображениях, оформляющих металлические изделия, антропоморфные мотивы, прежде всего маски, занимают существенное место, а в скифском декоративном искусстве ведущая роль принадлежит зооморфным мотивам. В искусстве жителей Новой Гвинеи отчетливо проявляется преимущественный интерес к антропоморфным образам, в то время как в искусстве (в первую очередь наскальном) ряда более продвинутых в социально-экономическом отношении скотоводческих восточноафриканских народов центральный объект отображения — крупный рогатый скот. В искусстве раннеклассового тонганского общества зооморфные мотивы заметно более многочисленны, чем в искусстве менее продвинутых маорийского или маркизского.

Можно привести еще много примеров, свидетельствующих о том, что между уровнем социально-экономического развития общества и основными объектами художественного отражения в изобразительном искусстве трудно установить прямолнейную связь и что уж ни в коем случае преобладание антропоморфных изображений над зооморфными, геометрическими или растительными само по себе не должно рассматриваться как следствие более высокого уровня социального развития создателей памятников, а обратное соотношение — как показатель уровня более низкого, что иногда делается при интерпретации археологических памятников. Кроме того, нельзя не отметить, что у целого ряда народов в различных частях ойкумены существовали сопряженные с религиозными представлениями ограничения или запреты на изображения человека, часть из них, очевидно, восходит к рассматриваемой эпохе.

В целом представляется, что количественный критерий в данном вопросе неприемлим. Основное внимание должно быть прив-

лечено к характеру самих человеческих изображений, к тому, что особенно занимает художника, воспроизводящего человеческий облик. И в этом плане действительно с интересующей нас эпохой связаны знаменательные перемены. В статье, посвященной человеческим изображениям в памятниках первобытного искусства на территории СССР, А. А. Формозов отмечает в буквальном смысле безликость антропоморфных изображений, дошедших до нас от верхнего палеолита до энеолита включительно: у большинства из них либо совсем нет лиц, либо чрезвычайно схематично, небрежно показанные лица¹⁴⁹. То же можно сказать о большинстве синхронных человеческих изображений Западной Европы, а также антропоморфных изображений в бушменской и австралийской графике и живописи. Благодаря отсутствию или крайней схематичности лиц эти человеческие изображения как бы неодушевлены или, вернее, неодухотворены — безликие в буквальном смысле слова, они как бы обезличены в смысле переносном¹⁵⁰.

Среди известных нам антропоморфных изображений предклассовых обществ, в особенности тех, что переживали самые поздние этапы классового образования, напротив, видное место принадлежит таким, в которых главное внимание художника обращено к лицу. Очень часто в антропоморфной скульптуре и в плоскостных антропоморфных изображениях сознательно нарушаются пропорции: голова и тщательно показанное лицо несоизмеримо велики по сравнению с телом, нередко превосходят его размерами. Сказанное особенно характерно для западноафриканской, полинезийской и меланезийской скульптуры. Во многих обществах получают распространение отдельно изображенные головы. Весьма показательно чрезвычайно широкое распространение масок как скульптурных произведений, а также достаточно широкое распространение личин в петроглифах¹⁵¹.

При этом многие лица у антропоморфных фигур, а также многие маски, значение которых выяснено в процессе этнографических исследований, по замыслу создателей как бы воплощают в себе определенные человеческие качества: храбрость, силу, злобность, коварство — или душевные состояния: страх, радость, печаль. Этому служат соответствующие символические приемы, в числе которых можно упомянуть создающее впечатление гротескности нарушение пропорций лица: например, несоразмерно большой нос, выпученные глаза, огромные уши могут служить символами тех или иных личностных свойств или психологических состояний. Иногда такую роль выполняют привносимые в антропоморфный облик зооморфные элементы: например, рога, клыки или птичий клюв вместо носа.

Хотя и безликие антропоморфные изображения, принадлежащие сугубо первобытным культурам, и наделенные лицами, нередко весьма выразительными, антропоморфные фигуры, а также

маски культур последующей переходной стадии — это в значительной части олицетворение воображаемых существ (тотемических предков, духов-хозяев, духов предков или каких-то божеств), разница между ними столь же показательна, сколь и различия между библейскими образами средневековой европейской живописи и библейскими же образами в живописи эпохи Возрождения. Разница эта отражает связанные с представлениями о человеке сдвиги в общественном сознании.

С рассматриваемой стадией связаны и ранние этапы истории портрета: начиная с весьма многочисленных изображений, в которых средствами индивидуализации служат лишь символы индивидуального статуса (особые украшения, одежда, оружие, атрибуты власти) или же обнаруживаются лишь слабые попытки передачи подлинных черт лица и фигуры прототипа (например, некоторые надмогильные изваяния эпохи бронзы и раннего железного века) и кончая весьма немногочисленными, но вполне реалистическими изображениями, точно передающими индивидуальный облик оригинала (например, некоторые из упоминавшихся выше масок индейцев северо-западного побережья Америки).

Еще более выразительны некоторые явления, характерные для эволюции устного словесного творчества.

Главные персонажи первобытных мифов, таких, как мифы аборигенов Австралии или мифы бушменов Калахари, — это животные (или реже растения, а иногда даже неодушевленные предметы), которые во времена действия мифов, т. е. во времена первотворения, были людьми. Они и зооморфны и человекоподобны одновременно. Причем последнее, пожалуй, является определяющим, главным. Мифологические персонажи — мужья и жены, родители и дети, родственники и соплеменники. В мифах рассказывали о том, как они охотятся, собирают и готовят пищу, ссорятся и дерутся, ревнуют и завидуют, женятся и рожают детей, устраивают праздники и похороны и т. п. Однако первобытные мифологические образы, так же как и первобытные антропоморфные изображения, в известном смысле обезличены: в мифах есть человеческие действия и человеческие чувства, но нет индивидуальных человеческих характеров. Первобытные мифологические персонажи не злы и не добры, не храбры и не трусливы; ни они сами, ни их поступки не получают никакой моральной оценки в мифологическом повествовании¹⁵².

Персонажи героического эпоса и сказочного фольклора, напротив, обычно имеют ярко выраженные индивидуальные характеры. При этом обрисовка этих характеров, как правило, носит отпечаток господствующих в обществе установок в оценках личности. Главные герои произведений сказочного и героического эпоса — часто фигуры идеализированные. Эпический герой олицетворяет идеал воина-богатыря, наделенного огромной физической силой, беспредельно храброго, жаждущего подвига, готового

к самопожертвованию, обладающего независимостью права и способностью противостоять любой могущественной силе, в том числе и земным властям и богам. Центральный образ волшебной сказки — во многих случаях результат идеализации обездоленного. По сравнению с эпическим героем он пассивен, но ему часто присущи ценимые в народных представлениях качества, например стойкость, трудолюбие, смекалка, добродушие, которые обеспечивают ему поддержку волшебных сил на протяжении всего повествования, а также чудесное «возвышение» в финале¹⁵³.

В целом представляется, что новые черты в художественных памятниках, создающих человеческие образы, свидетельствуют о пробуждении в общественном сознании интереса к отдельному человеку, к его судьбе, к личностным качествам. Начинается долгий процесс осмысления личности как особого явления реальности. Первые плоды такого осмысления — складывание в общественном сознании определенных стандартов для оценок личности и появление в искусстве отрицательных и положительных персонажей, конструирование в общественном сознании идеала личности и появление в искусстве образа героя.

4. Религия и мифология

Религиозные представления первобытнообщинного строя принципиально ориентированы на традицию, неизменность, воспроизведение обычаев, унаследованных от предков, по крайней мере во взглядах и стремлениях самих носителей первобытной идеологии. Сама по себе традиция подвержена изменениям, однако уловить эти изменения трудно не только потому, что они, как правило, не фиксировались самими носителями, но и потому, что традиции, в том числе религиозные, нередко сохраняют вполне первобытные формы (наиболее употребительный пример — обрезание — наследие инициаций и т. п.). С другой стороны, сложность выделения специфических черт религии и мифологии эпохи разложения первобытнообщинного строя заключается в том, что они использовались и на протяжении тысячелетий развития классового общества; достаточно назвать три «священных писания», почитаемых вплоть до современной эпохи: «Ветхий Завет», «Веды» и «Коран», которые начали складываться у «варварских» племен, стоящих на пороге классового общества и цивилизации. Таким образом, диалектическая суть идеологии эпохи перехода от первобытности к классовому обществу — в использовании и преломлении первобытных традиций и в создании новых форм идеологии, отражающих изменяющуюся социальную структуру и культуру общества.

Распространенная в советской литературе морфологическая классификация ранних форм религии, наиболее последовательно разработанная С. А. Токаревым и принимаемая в той или иной

мере в работах Ю. П. Францева, А. Ф. Анисимова, Б. И. Шаревской, И. К. Кривелева и др.¹⁵⁴, выделяет наиболее архаичные культы, свойственные раннепервобытной общине — тотемизм, раннеплеменной культ инициаций и др., и культы последующей эпохи — культ предков, тайных союзов, вождей, племенного бога и т. д. Морфологическая классификация важна тем, что позволяет хорошо организовать сравнительный материал по разным этносам; в меньшей мере она способна выявить взаимосвязь культов. Такая взаимосвязь на примерах отдельных обществ традиционно исследуется этнографами начиная с работ Л. Г. Моргана по прокезам; это работы Ф. Боаса и его школы, по обществам Африки — Э. Эванса-Причарда, М. Гриоля, по обществам Полинезии — Р. Ферза и др., но проблема системы культов первобытного общества в целом далека от разрешения. Возможности сравнительно-исторического и системного исследования религии и мифологии в отечественной науке расширились после издания энциклопедии «Мифы народов мира», характеризующей структуру пантеона и основные мифологические сюжеты отдельных народов, равно как и универсальные представления, а также с началом издания серии «Религии XX века»¹⁵⁵. Что касается собственно культов, то они, будучи социальными актами, справедливо соотносятся в советской науке с теми или иными социальными группами¹⁵⁶, связанными ритуальными отношениями между собой и со «сверхъестественным»; социальные функции идеологии являются в конечном счете основой для понимания и исследования религии и мифологии.

Проблема исторического соотношения ранних форм религии также нуждается в дальнейшем системном исследовании: так, тотемизм был, по-видимому, универсальной системой у австралийцев и других народов «классической» первобытности; но родовой тотемизм и особенно тотемические классификации и символы не только сохраняются на протяжении всего первобытнообщинного строя, но и переживают его.

Тайные союзы и культ предков. Наиболее архаичным культом, отражающим условия эпохи разложения первобытнообщинного строя, признан культ тайных мужских союзов (точнее — культ, отправляемый тайными союзами), зачатки которого — мужские тайные культы — известны уже австралийцам и папуасам (о тайных союзах см. главу 2), но и этот культ доживает до эпохи ранних государств. С культом тайных союзов связан культ предков, происхождение которого со времен Н. Фюстель де Куланжа и М. М. Ковалевского соотносится со становлением патриархальной семьи и который сохраняется в классовом обществе. Наконец, наиболее полно особенности исследуемой эпохи выражаются в культе вождей, перерастающем в культ правителей ранних государств. В целом эти культы синтадиальны и взаимосвязаны в единой религиозной системе с культами богов, специ-

альными культовыми организациями и жреческими объединениями.

Наиболее раннюю специализированную форму культовой организации имели тайные союзы. Их члены противопоставляли себя не только определенным половозрастным группам, но и всем непосвященным. Традиционные верования и культы — отождествление членов союза с духами умерших (дук-дук, тамате Бауксовых островов и т. п.), с зооантропоморфными существами, близкими образам тотемических первопредков (например, птвичевидный дух Тубуан, в которого рядился глава союза дук-дук и который должен был «порождать» членов союза во время посвячительных церемоний), танцы, пантомима¹⁵⁷, наконец, посвящение-инициация — направлены были не только на социализацию подростков или почитание предков, соблюдение традиций, но и на то, чтобы устрашать непосвященных, демонстрировать и утверждать особые права членов союза. В соответствии с этими функциями особо гипертрофируются териоморфные образы сверхъестественных существ, воплощаемых в масках тайных союзов.

Показательно при этом, что в мифологии союзов, слабо изученной по причине их строгой эзотеричности* (вплоть до создания тайных языков и смерти за разглашение тайн), главенствующую роль иногда играл женский дух. Таковы Тубуан и «Мать масок» союза поро у сенуфо; женщина — глава союза «Ложных лиц» у ирокезов, Масубори у хауса и др. Эти факты трактуются многими исследователями как направленность союзов против традиций материнскородового строя (пример — «охота на ведьм», устраиваемая тайным союзом у нупе в Западной Африке, во время которой преследовали всех женщин): ритуальная узурпация роли прародительницы мужским союзом как бы сосредоточивала в его руках все социальные функции, в том числе и женские. Культовые функции мужских союзов были направлены на социальную регуляцию от имени предков и других сверхъестественных существ и на контакт с этими существами: эзотерические процессии вводили ряженных духов в мир людей, в селение, «обеспечивая» ритуализированные и, следовательно, нормальные отношения с иным миром. В формирующихся пантеонах духов-покровители тайных союзов были посредниками между людьми и богами.

Чем отчетливей была социальная дифференциация общества, тем большее значение приобретала иерархия внутри союза: так, уже в союзе Ингийет у меланезийцев п-ова Газели лишь немногие могли достигнуть ранга «осведомленных» и тем более — высокого ранга «посвященных во все тайны»; считалось, что от степе-

* Эзотерические верования, обряды — тайные, доступные только замкнутому кругу посвященных; эзотерические верования, обряды, мифы — предназначенные для непосвященных, общедоступные.

ни посвящения зависит власть над духами и магическая сила (мала) членов союза. У североамериканских индейцев («черноногие») существовала иерархия военных союзов, в которой степень посвящения также зависела от ритуализованных военных подвигов. В раннегосударственных объединениях иерархию тайных союзов (мужских, женских, связанных с культом плодородия и т. п.) возглавлял главный союз типа поро¹⁵⁸.

Традиционные верования часто использовались членами тайных союзов в корыстных целях: охота на женщин-ведьм велась ради ограбления общины в целом: вера в оборотничество (особенно у союза людей-леопардов в Западной Африке) помогала расправе над неугодными союзу лицами и т. п.

Тайные союзы индоевропейских народов, прежде всего германцев, в большой мере были ориентированы на функции военной дружины, возглавляемой вождем. Под тотемическими личинами (скандинавских берсерков, сражавшихся в волчьих шкурах, и т. п.), верой в оборотничество (превращение в волка, медведя) и традиционными церемониями (инициации, пляски и т. п.) скрывался специализированный воинский культ, отправляемый особой социальной группой (ср. военный союз килombo у игала, связанный с ритуальным каннибализмом, и др.)¹⁵⁹. Так или иначе, архаичные фетиши, церемонии и символы превращались тайными союзами в знаки культовой и социальной обособленности их членов.

Будучи в конечном счете орудием власти в руках социальной верхушки, тайные союзы вместе с тем создавали иллюзию равенства всех членов союза в период отправления обрядов (ритуальное единство)¹⁶⁰. Здесь впервые осуществлялась важнейшая, по Марксу, функция религии — иллюзорное «восполнение» социальной действительности, достижение равенства в культе.

Нормы социальной жизни контролировались тайными союзами, как правило, от лица предков (которые часто считались и основателями союзов) — не только мифических, но и реальных умерших сородичей, что делало «законным» их вмешательство в жизнь коллектива и включало тайный культ в систему экзотерических культов. Предки считались главными хранителями традиций, карающими за их нарушение. Исследователи, занимавшиеся периодизацией первобытных верований, считают, что культ предков сформировался в эпоху патриархата¹⁶¹. Его истоки видят, с одной стороны, в почитании умерших (погребальный культ), с другой — в тотемическом культе зооморфных или зоантропоморфных первопредков. При этом, несмотря на способность, приписываемую умершим предкам, к зооморфным и другим превращениям, очевидны тенденции ко все большей их антропоморфизации.

Важной чертой культа предков и антропоморфизации сверхъестественных сил было сохранение памяти о конкретных людях,

как правило — о представителях трех-четырёх поколений (в Исландии — «века саг», в Полинезии, где были развиты генеалогические традиции, в памяти сохранялись имена представителей десятков поколений). Предки связывали коллектив с иным, «сверхъестественным» миром и в генеалогическом отношении (уже у папуасов маринд мифических первопредков-дема могли отождествлять с дедами; у тура Кот-д'Ивуар старейшины считались прямыми потомками первопредка Зо Айна), и в качестве прямых посредников. Предки как конкретные и наделенные определенными социальными связями персонажи жили в загробном мире, который, как правило, сливался в архаическом сознании с иным миром, противостоящим коллективу, в том числе с природным. Отсюда — оборотничество, отождествление умерших с природными объектами, иногда со стихиями (ср. архаичное германское представление о «дикой охоте» — новогодней буре, в которой проносятся мертвецы; сходные славянские поверья об умерших, которые находятся в грозных тучах, и т. п.), их связь с дождем, плодородием полей (у земледельцев начиная с папуасов) и скота (у народов Африки и др. ¹⁶²).

Будучи «агентами» коллектива в ином мире, предки должны были обеспечить гармоничные отношения между ним и миром людей. Эти отношения «устанавливались» не только во время ритуалов тайных союзов, но практически при всех календарных и семейных обрядах. В частности, «единение» загробной и посюсторонней частей общины осуществлялось во время «широв услуг», погача и т. п. межплеменных торжеств у народов, населяющих бассейн Тихого океана ¹⁶³; считалось, что предки принимают участие в пиршествах (ср. повсеместно распространенный обычай кормления предков). Как существа, причастные к иному миру, предки мыслились амбивалентными, благодетельными и в то же время вредоносными, требующими постоянного умилоствления, жертв. Поэтому по окончании празднеств — ритуализованного контакта с предками — их «изгоняли» из мира живых, как во время древнегреческих анфестерий, славянских «дедов» и т. п. Первобытная религия была ориентирована на посюсторонние ценности: социальное (и космическое) благополучие, плодородие и т. п.; загробная община предков была актуальна постольку, поскольку призвана была содействовать нормальному функционированию социума и природы.

Предки выступали как покровители не только патриархальных семей, патронимий и родов, но и племени в целом, образуя категорию «духов», включенную в иерархию других сверхъестественных существ. С социальным расслоением общества эта категория сама подвергается дифференциации: возникает иерархия предков, возглавляемая предками вождя, которые и достигают уровня общеплеменных покровителей (особенно у народов Африки). Наконец, в процессе политогенеза предки правителей

обожествлялись и входили в пантеон (как у шиллуков, ганда и др.)¹⁶⁴. Таким образом, предки оказывались посредниками между коллективом и высшими божествами (передавали послания и молитвы людей божествам, как у йоруба и др.). С образами первопредков мифических времен творения связаны патриархи и другие культурные «генеалогические» герои (уже вполне антропоморфные) — основатели культовых и социальных традиций, прародители племен и правящих династий, жреческих объединений и т. п. Таковы римские Ромул и Рем, Яки и Дрибуду у лугбара (Уганда), прусские Видевут и Брутен и другие близнецные пары¹⁶⁵ или тройцы братьев-вождей (вплоть до древнерусских Рюрика, Синеуса и Трувора). Они оказывались в положении персонажей, переходных от мифической эпохи к исторической, будучи основателями реальных объединений и династий.

Сакрализация власти и ее носителей. Ритуалы, ориентированные на социальный порядок, контролируемый и регулярный контакт с природой и иным (сверхъестественным) миром, концентрировались в культе вождей (и их предков), сосредоточивавших социальные потенциалы коллектива. Этот культ объединял сегментарные культы предков родов и линиджей. Иногда, как у банту Межозерья, предок царского рода считался и основателем тайного союза; в Дагомее царь назначал жреца культа предков и т. п. Вождь представлял собой перед сверхъестественным миром, обычно совмещая свои функции с функциями жреца. Это был сакральный вождь («царь-жрец, священный царь», культу которого посвящены труды Дж. Фрэзера, А. М. Хокарта¹⁶⁶ и др.). Кумуляция социальных функций в одной сакрализованной персоне, не свойственная «классическому» первобытному обществу, привела некоторых исследователей к концепции доминирующей роли вождя или царя в идеологии архаичных обществ и даже к парадоксальному заключению, что представления о неограниченной власти сакрального правителя возникают ранее, чем формируется сама эта власть (А. М. Хокарт, О. М. Фрейденберг и др.).

В отличие от предков, чье постоянное «местопребывание» было в ином мире, вождь находился среди людей, поэтому его связь со сверхъестественным поддерживалась изолирующей системой табу, ограждающей вождя от контакта с профанным миром: он не должен был ступать на землю, иначе она станет табу для его подданных, касаться пищи руками, покидать свою резиденцию и т. п. (многочисленные примеры собраны Фрэзером). Сакрализация вождя и приписывание сверхъестественной силы его власти в процессе становления государств нередко превращали царя в чисто ритуальную фигуру по сравнению с деятельным военным правителем. Пример сакрального правителя в формирующемся классовом обществе — полинезийский туи-тонга — «властитель Тонга»¹⁶⁷, генеалогия которого возводилась к обще-

полинезийскому божеству Танголоа (тангароа). Он считался номинальным собственником всей земли, ему подносили первые плоды урожая ямса (для обеспечения общего изобилия); могила туи-тонга была одним из главных святилищ архипелага, при его погребении приносились человеческие жертвы, но реальной властью обладал светский правитель хоу. Сходными были функции правителя африканского царства Ойо алафина, имевшего светского соправителя аремо, хазарского кагана и военачальника-бека и т. п.

Вождь наделялся особой сверхъестественной потенцией — маной. Однако эта сила действовала уже не автоматически, как магической обряд, а была связана с индивидуальными характеристиками вождя: ср. представления об удачливости германских конунгов, сила которых распространялась не только на их дружинников, но и на вещи, которыми пользовался вождь, богатства, которые он раздавал¹⁶⁸ (ср. раздачу богатств толпе во время праздников в Ойо и т. п.). Показательна фетишизация социальных отношений: могущество африканских правителей, в частности, заключалось в магической силе и количестве их фетишей (ср. фрэзеровскую «золотую ветвь»). Удача могла оставить вождя, его сверхъестественная потенция истощалась к старости и нуждалась в ритуальном обновлении (которое стало основной темой «Золотой ветви» Фрэзера).

Представления о сакральности вождя, таким образом, приводили к смещению его и даже смерти в случае проявления физического и ритуального бессилия, военных неудач и т. п. Правители ранних государств в Бенине нередко становились жертвами заговоров — спровоцированных знатью и жрецами нарушений табу, ведущих к убийству царя¹⁶⁹. Видимо, такая борьба за власть повлияла на представления о необходимой насильственной смерти вождя.

Впрочем, сведения о низложении или ритуальном убийстве вождей часто носят легендарный характер: в ритуальной практике, известной и многим раннеклассовым обществам (Вавилон, Буганда и др.), потенция царя «обновлялась» во время карнавальных действий, когда место царя занимал раб или преступник, на время праздника получавший регалии власти, затем его убивали; это «обеспечивало» царю символическое возрождение.

М. Глакмэн настаивал на том, что ритуализация конфликта при выборах вождя была призвана способствовать упрочению традиционной социальной структуры. Ритуальные восстания против правителя на Гавайях призваны были подтвердить и укрепить его ману; во время специальной церемонии вождь отплывал на лодке в море, общинники же препятствовали его обратной высадке, он должен был прорываться в свои владения силой¹⁷⁰. Осмеяние и избивание вводимого в должность правителя, вождя, старейшины, любого представителя социальных

верхов, как показал В. Тернер, снимало социальную напряженность, создавая иллюзию равенства, «коммунальности» всего коллектива, результатом же была стабильность социальной структуры¹⁷¹.

Формально ритуал обретения правителем власти и сакральной потенции повторяет этапы архаичных обрядов инициации: у куба новый правитель ными до похорон умершего проводил время в изоляции; он должен был удалиться в священный лес, где его «поглощал» предок народа, после чего неофит возрождался уже в новом, священном состоянии; на протяжении последующих обрядов ными отождествлялся с предком куба Вото, становился полусверхъестественной персоной. Иной вариант обретения власти вождя — ритуальное нарушение всех табу правителем ашанти, свази и др. во время главного календарного праздника; вождь очищался с наступлением Нового года, что должно было обеспечить гармоничную взаимосвязь природного и социального (тогда же улаживались все конфликты)¹⁷².

Вместе с тем «царские» ритуалы вступали в противоречие с нормами первобытнообщинного строя; яркий пример — обычай умерщвления тетки правителя Конго, вступающего на трон. В преданиях мбунду правительница Темба Андумба принесла в жертву собственных детей, чтобы укрепить воинский дух народа. Традиция возводит эти обычаи к акту, совершенному героем-первопредком, но реально этот акт символизировал отказ правителя от прежних узкородственных связей¹⁷³ и стремление противопоставить новые ритуалы традиционному, возвыситься над традиционным обществом.

Главной ритуальной функцией вождя, а впоследствии и царя, было магическое обеспечение гармонии в природном и социальном мире, в том числе плодородия. В африканских обществах вождь — это прежде всего вызыватель дождя во время сезонных обрядов. При этом, если вождь племени или глава общины был ответствен за благополучие своего коллектива, то правитель более широкого объединения отвечал за благополучие на всей его территории. Культурные prerogatives вождя были не менее широки, чем prerogatives предков: он становился центральной фигурой календарных обрядов (сбор первинков и т. п.), празднеств новогоднего цикла, где его функции иногда отождествлялись с функциями божества-демиурга или умирающего бога¹⁷⁴.

Соответственно не только вожди и цари приравнялись после смерти к категории могущественных духов или даже божеств, как вожди Полинезии, ваны иньского Китая, правители Бенина, цари шеллуков, отождествлявшиеся с мифическим основателем царской власти и культа Ньикангом, но и боги в квазиисторических мифологиях могли выступать как первые правители — культурные герои. Таковы громовержец Шанго у йоруба, верховные боги скандинавского пантеона Один, Ньорд и Фрейр¹⁷⁵, умири-

тели потопа Гунь и Юй в китайской мифологии, в описании Эвгемера — греческий Зевс. И здесь контакт сверхъестественного и социального миров осуществлялся при посредстве не только ритуала, но и генеалогического мифа, обожествлявшего власть правителя.

Однако сакрализация вождя или главы более широкого объединения, вплоть до раннего государства, не только освящала его власть, но и ограничивала возможности злоупотребления ею. Эти ограничения заключались в ритуализации кормления, поборов, далее: сбор дани и объезды правителем подвластной территории совпадали, как на Фиджи, Гавайях и др., с календарным праздничным циклом (как правило, сбором урожая), включали ритуальные пиры, посещение святилищ, табуирование облагаемой податью территории и т. п. Сам маршрут был сакрализован: он сопоставим с мифологическим маршрутом культурных героев, объединявшим территорию социума¹⁷⁶; в свою очередь во время объезда правитель «передавал» свою божественную потенцию земле. Р. Ферз описывает взаимодополняемость сакральной власти вождей на Тикопиа, которая не позволяла сосредоточить всю власть в одних руках: один из вождей распоряжался священным каноем, другой назначал время отправления ритуала и т. д.¹⁷⁷ Такая взаимодополняемость и в то же время ограниченность власти вождей была характерна, например, для майя, у которых к власти ежегодно допускался вождь одной из четырех фратрий: смена власти соотносилась с представлением о том, что миром управляют поочередно четыре божества¹⁷⁸. А. Золотарев показал архаичные истоки подобного разделения власти в дуальной организации и делении на фратрии¹⁷⁹, отраженные, в частности, в мифах о культурных героях-близнецах и в других дуалистических мифах и ритуалах. Пережитки этого деления, носившие, как правило, сакрализованный характер, как показали последователи функциональной школы, препятствовали сосредоточению власти в руках единого правителя.

Социальные сдвиги, происходившие в эпоху разложения первобытнообщинного строя, порождали сакрализацию — религиозную санкцию дифференцирующихся социальных групп, прежде всего сословно-кастовых. Сакрализация каст детально изучена на индоевропейском материале исследователями школы Ж. Дюмезиля; его последователи показали, что дифференциация функций, характерная для индоевропейских каст, присуща и другим обществам, в частности африканским¹⁸⁰. Три основные индоевропейские касты (древнеиндийские варны) — жрецы, воины, общинники (земледельцы и скотоводы) — соотносились с тремя основными социальными «функциями»: идеологической (религии, магия, право), военной и хозяйственной (плодородной), а также с тремя зонами мифологизированного космоса (небо, земля, хтонический мир плодородия) и иерархией богов. Так, в древнеиндий-

ском пантеоне к высшему (жреческому) уровню принадлежали Митра и Варуна, к среднему воинскому — громовержец Индра, к земному общинному — божества-посредники между богами и людьми Ашвины (в гермапо-скандинавском пантеоне соответственно Один, Тор, Фрейр и Фрейя — близнецы божества плодородия, в римском — Юпитер, Марс, Квириц). В «Ригведе» касты (варны) возникают из членов первочеловека Пуруши, из тела которого был создан весь мир: рот его стал брахманом (жрец), руки — раджанья (воины), бедра — вайшья (общинники), ноги — шудрой (низшая каста)¹⁸¹. У скифов золотые фетиши каст — секира воинов, чаша жрецов, ярмо и плуг общинников — упали с неба; овладел ими первый царь, младший из трех братьев. Аналогичные сюжеты известны в Африке и Полинезии. Согласно мифу нъоро, три сына первочеловека отправляются к культуриному герою Кагабе; старший по пути находит корзину земледельца, средний — веревку, которой привязывают скот, младший — голову животного; последний и становится вождем. В самоанском мифе потомок верховного бога Тагалоа (Тангароа) делит остров между тремя сыновьями: старший получает копье, средний — веер (символ ораторского искусства — идеологическая функция), младший — мотыгу¹⁸².

Противопоставление высших сословий низшим оформлялось (помимо гипергамии и эндогамии, вплоть до обычая женитьбы царя на сестре) специальной системой табу; так, в Полинезии аристократия (арии, арики), включавшая жрецов (в наиболее развитых обществах — на Гавайях, Таити, Тонга — корпорации жрецов обретали черты каст), была окружена многочисленными запретами, которые указывали на ее причастность к сакральному миру, в отличие от общинников, принадлежавших миру профанному. Вне санкционированной религией системы статусов находились рабы или иноплеменники, вроде шудр в Индии или охотников ква в формирующемся африканском государстве Куба. В эпосе монго о Лианже герой не желает появиться на свет тем же путем, что и рабы: он выходит из ноги матери. Оформившееся в период сложения классового общества идеологическое оправдание кастового неравенства, взаимодополняемости функций не избавило общество от социальных, в том числе религиозных конфликтов уже в период становления государств. Соперничество сословий жреческого и воинского, из которого, как правило, выходил военный вождь (царь), отражено в истории древнейшей Индии и в становлении державы Ахеменидов, Мероэ и других африканских царств, правители которых, восставая против смертных приговоров, выносимых жрецами, уничтожали их самих¹⁸³.

Иногда формирующимся корпорациям жрецов удавалось сосредоточить в своих руках широкие потестарные функции (что облегчалось сакрализацией власти в предклассовом обществе). Это приводило к различным формам теократии, когда жрецы оп-

ределяли «политику» племенных объединений и формирующихся государств, как было у некоторых народов Юго-Восточной Азии, Африки и Южной Америки¹⁸⁴ (даже если главой объединения считался светский правитель, ни одно серьезное предприятие не обходилось без предварительного гадания или других религиозных санкций). В Африке у догонов, например, советы старейшин возглавлялись жрецами огонами, которые подчинялись великому огону — жрецу-правителю.

С другой стороны, сам вождь или царь-жрец сосредоточивал в своих руках важные культовые функции и стремился ограничить функции жрецов (так, правитель зулу Чака провозгласил себя единственным прорицателем в стране). Концепция Фрэзера о происхождении власти вождя из веры в магические способности колдуна несомненно страдает односторонностью: власть вождя зиждилась на синтезе различных социальных функций, а не на одной из них. Но при таком синтезе в принципе трудно отделить раннюю теократию от власти сакрализованного вождя (что отмечал еще Н. Н. Харузин).

Предания некоторых народов действительно возводят власть вождей к могущественным легендарным колдунам: таковы, например, «король воды» и «король огня» у джарай Индокитая¹⁸⁵, по сути близкие упомянутым дуальным правителям. У других народов Индокитая главными функциями старейшин общины считались ритуальные: таковы «священные люди» мнонгов, сосредоточивавшие в своих руках руководство сферой производства, которое было разделено в соответствии со специализированными функциями жрецов («священный человек» леса, деревни, поля и т. п.). Г. Г. Стратанович предполагал, что такие теократические триумvirаты восходят к распространенным в Юго-Восточной Азии трехродовым союзам; возможно, что специализация функций «триумvirатов» также восходит к символическим характеристикам частей союзов («тотемические» связи с огнем, водой и т. п., характерные и для дуальных организаций). Вместе с тем эта специализация отличается от синкретической универсальности функций знахарей или просто умудренных стариков в родовых коллективах, а также от родовой специализации, когда за каждым родом закреплялся особый ритуал, хотя жреческие функции и наследовались, как правило, в пределах определенных родовых групп¹⁸⁶.

Жречество и специализация культа. Специализация сакральных функций связана с социальной дифференциацией, в том числе среди специалистов по культу. Жрецы, как правило, отличались от шаманов (прорицателей или гадателей в Африке) как наделенные специальными званиями от обладающих особыми психическими способностями: ср. противопоставление полинезийских жрецов тохунга, или кахуна («знаток»), проходивших специальное обучение, неофициальным «вольнопрактикующим»

шаманам, прорицателям и т. п. (таура, или каула), обслуживавшим простолюдинов. Кроме того, жрецы и прорицатели, особенно в Африке, противостояли колдунам и другим специалистам по вероночному ритуалу¹⁸⁷.

Сверхъестественные знания жрецов не были четко дифференцированы от практических (как и функции шаманов — заклинателей и целителей). Жрец маори должен был знать «три корзины мудрости»: первая связана с миром, любовью, благополучием, вторая — с молитвой и ритуалом, третья — с войной, хозяйством, ремеслом. На Таити известно было 8 классов жрецов, чьи функции были связаны со всеми аспектами человеческой деятельности: верховный жрец, специалист по молитвам, целитель, строитель храмов, строитель домов, строитель каноэ и др.¹⁸⁸

Специализация внутри жреческой корпорации отражалась в разных видах ритуалов: например, у батаков различались жрецы-заклинатели, специалисты по черной магии, по разрешению конфликтов с врагами, по военной магии и др. Жреческие функции соотносились с иерархией рангов священнослужителей и с иерархией богов. Культы общин оставались преимущественно в руках старейшин; племенные и межплеменные культы отправлялись специальными жрецами; верховный жрец главы пантеона становился верховным жрецом в формирующихся государственных объединениях Африки, Америки, Полинезии (как правило, он был родственником правителя)¹⁸⁹.

В соответствии с дифференциацией деятельности жрецов возникла тенденция к усложнению и дифференциации форм культа: появились пышные религиозные празднества, театрализованные действия и процессии, кульминацией которых, особенно в мезоамериканских культурах, было жертвоприношение. Особого искусства требовала рецитация сакральных текстов, генеалогий, часто в песенной форме. Ошибка могла стоить жрецу сана и даже жизни, так как считалось, что она роковым образом сказывалась на жизни всего общества. Получали развитие заговоры и молитвы-заклинания духов и божеств, шаманские камлания, обрядовая «календарная поэзия», погребальные гимны, особенно в честь вождей (панегирики в Полинезии, где певцы сакральных песен, как правило, были представителями аристократических родов). В частности, у ариев ведийского периода различались четыре жреческие категории: хотар — исполнитель гимнов «Ригведы», в них содержался призыв к богам принять жертву; удгатар, сопровождавший жертвенный ритуал песнопениями «Самаведы»; адхварью, совершавший жертвоприношение и произносивший заклинания «Яджурведы»; брахман — главный жрец, наблюдавший за ходом всего ритуала¹⁹⁰.

Наряду с архаическими мужскими домами и общинными святилищами появились специализированные культовые постройки: в Полинезии — мегалиты, гробницы вождей (марае; на Таити

они были специализированы в соответствии с 8 классами жрецов), в Африке — храмы божеств и т. п., вплоть до специальных культовых центров языческих народов Европы (Аркона, Ретра у славян, Старая Упсала у скандинавов) и монументальных храмовых комплексов Мезоамерики, Ифе, Ангкора и Крита.

Древнейшими памятниками культовой архитектуры являются остатки раннеземледельческих храмов в предгородских центрах типа Чатал-Гуюка (VII—VI тыс. до н. э.), где открыт целый квартал с храмами, украшенными сюжетными росписями; в культе прослеживаются палеолитические традиции (сцены охоты, женщина-хозяйка зверей и т. п.), однако образы, восходящие к палеолиту, очевидно, уже наделены аграрной символикой. Дж. Мелларт считал раскопанный им квартал жреческим, но, по-видимому, храмы Чатал-Гуюка были родовыми святилищами: каждый из них связан с группой жилищ, от которых он не отличался размерами. Развитие раннеземледельческих ближневосточных обществ приводит к тому, что храмы занимают центральное место в поселениях IV тыс. до н. э. (Эреду, Тепе-Гавра), предшествовавших городам Шумера. Центр селения как наиболее сакральная часть пространства — характерная черта оседлых обществ: здесь располагаются сакрально отмеченные здания, начиная с мужских домов и жилищ вождя. В протошумерский период поселение с храмом превращается в центр широкой округи, в перспективе — в город-государство с теократическим управлением¹⁹¹ (сходные процессы наблюдались в эпоху становления государств хауса, на Таити и др.).

Для культовой пластики раннеземледельческих обществ характерен образ женщины — носительницы плодородия («Великая богиня»), воплощенный во множестве статуэток; он увязывается с материнскородовыми традициями, сохранившимися вплоть до раннеклассового общества. Однако в тот же период появляются гробницы вождей, содержащие богатый инвентарь и знаки власти (уже у носителей халафской культуры; сходные памятники известны в додинастическом Египте и Китае), которые свидетельствуют о погребальном культе, отражающем культ предков и вождей. На Кавказе и в Европе большие курганы вождей появляются в III тыс. до н.э.¹⁹² Курганы скотоводов и земледельцев сменяют на юго-западе Восточной Европы раннеземледельческую трипольскую культуру, не знавшую такого обряда; эти погребальные памятники были связаны с патриархальным культом предков. По инвентарю и размерам можно выделить курганы вождей, военной знати и рядовых общинников. Эта стратификация усиливается в погребальном культе бронзового века (вплоть до курганов Кермы и погребений микенских басилевсов) и сохраняется у варварских племен железного века — от времени гальштагта, кельтского латена и скифов до сложения государств у славян, скандинавов и балтов. На протяжении этих эпох практи-

ковались обряды умерщвления женщин на похоронах вождей (сопоставимые с древнеиндийским обычаем сатти — самоубийство вдовы), а также жертвоприношение рабов, иногда и придворных правителей, призванных служить вождю и в загробном мире (в становящихся государствах хауса, средневековой Гане и др.). При этом погребальные памятники правителей — скифских царей в Террах, датских конунгов в Йеллинге — становились культовыми центрами формирующихся государств.

Представления о загробном мире отражали реальные социальные отношения; так, было распространено мнение, что павшие в бою воины и знать находились в специальном месте (германская Вальхалла), а рядовые общинники попадали в преисподню (германская Хель) и т. д. В некоторых обществах Океании (у тонганцев и др.) считали, что загробной жизни достойны лишь представители знати; в других участь умершего определялась не только его социальным рангом, но и зависела от величины подарков «сторожам» загробного мира, количества погребальных даров¹⁹³.

Иерархизация общества подчиняла родо-племенные культы межплеменным и раннегосударственным. В вождествах акан в Африке культ предков занимал уже низшее место в иерархии культов, его отправляли родовые старейшины, в то время как культ царя и богов монополизировала иерархия жрецов. Сходная ситуация существовала у качинов (Бирма): главный аграрный праздник посева сопровождался у них жертвами предкам в каждом домохозяйстве, на другой день — предкам глав деревень, затем — предкам вождя, духам небес, наконец — божеству земли; последнюю жертву имели право совершать лишь вождь и специальные священнослужители¹⁹⁴. В соответствии с общей иерархизацией общества и культа формировалась иерархия даров и жертвоприношений (вплоть до человеческих) и возрастали богатства служителей культа. Собственно для развития религиозных культов характерна тенденция, несколько утрированная в «Золотой ветви»: на смену стремлению магическим путем непосредственно воздействовать на сверхъестественный объект, вступать в сопричастие с ним во время тотемической трапезы и т. п. все в большей мере приходят умиловительные культы, требующие жертв и специалистов-посредников для общения с далеким и грозным божеством. Так, согласно мифологии киче люди были созданы богами для того, чтобы люди поклонялись божествам, «питали и поддерживали» богов (в «Пополь-вух» генеалогические герои и жрецы названы «владыками страха перед богом» и «строителями жертвоприношений»)¹⁹⁵.

Политеизм и формирование пантеона. На смену слабо дифференцированному множеству духов, которым поклонялись раннепервобытные коллективы, приходит иерархия сверхъестественных существ (И. А. Кривелев предлагает всю доклассовую

стадию развития религии называть демонизмом, или полидемонизмом, который в эпоху разложения родового строя перерастает в политеизм). О соотношении кастовой структуры и иерархии божеств упоминалось выше; такое соотношение отмечено в религиях формирующихся классовых обществ Полинезии: у тоиганцев, например, культ великих богов отправляли лишь вожди и жрецы; общепочитаемыми были духи умерших вождей, за ними шли духи представителей аристократии; нижние уровни занимали прислужники богов, мелкие злые духи и др. Иерархический порядок сверхъестественного мира у народов Тропической Африки представлен, согласно Б. Оля, семью уровнями: 1) собственно этническая группа как культовое объединение, 2) предки, 3) злые духи, в которых превратились вредоносные мертвецы, 4) духи урочищ, оборотни, чудовища и т. п., 5) божества-посредники, от которых зависит повседневная жизнь человека и которые поэтому пользуются постоянным почитанием, 6) высшие боги пантеона, властители стихий, 7) глава богов — демиург, в африканских религиях обычно отошедший от дел сотворенного им мира (*Deus otiosus*)¹⁹⁶. В обществах, где существовало развитое жречество, появились наименования для классов сверхъестественных существ — богов, духов и т. п. (хотя четкой границы между этими классами, как между позднейшими персонажами «низшей» и «высшей» мифологии, еще не было; так, термином *атуа* в Полинезии назывались и боги, и духи; *джок* у луо означал все сверхъестественное и т. п.). Такова ведическая традиция, где выделялись входившие в пантеон боги высшего уровня — *дева*, низшие божества — *гань*, духи лесов, гор, деревень и т. п. — *девата*, мудрецы и культурные герои, предки — *питарь*. Мир враждебных человеку сил также делился на высших небесных злых духов — *асура* (впрочем, тем же термином могли обозначаться и боги — пережиток нерасчлененного архаичного названия всех сверхъестественных персонажей) и низших земных демонов — *ракшасов*. Примерно такова и структура взаимосвязей сверхъестественных персонажей в развитых религиозных системах «варварских» народов Европы, финно-угров, тюрков и др. — вплоть до раннеклассовых религий древности и античного мира¹⁹⁷.

Проблема превращения родовых и племенных духов (тотемических и т. п.) в племенные божества со времени Л. Г. Моргана увязывается с процессом племенной консолидации и появлением союзов племен. Так, у индейцев хопи родовые тотемы обрели космологическую специализацию: змея почиталась как божество воды, барсук — как покровитель диких растений (правда, их культ отправлялся еще тем родом, которому принадлежали тотемы). Собрание духов у виннебаго, участвовавших в общем мифологическом сюжете, П. Радин сравнивает с Олимпом; однако этот формирующийся пантеон еще мало антропоморфен: в не-

го помимо демиурга — создателя земли входят мифологический илут — трикстер, черепаха, заяц, Красная звезда и др.¹⁹⁸; их функции слабо дифференцированы. Возможно, то же тотемическое происхождение имели древнеегипетский и китайский пантеоны, где номовые божества и культурные герои сохранили зооантропоморфный характер, но получили уже вполне дифференцированные антропоморфные функции.

Формирование собственно пантеона богов и политеизма связано с дифференциацией космологических и социальных функций в мире сверхъестественного и, напротив, с синтезом функций духов отдельных урочищ, водоемов и т. п. в обобщающих образах божеств («хозяев») воды, леса и т. п. Таковы упоминавшиеся функции богов реконструируемого пантеона праиндоевропейцев, сохранившиеся в верованиях индоиранцев (Митра и Варуна, небесные боги, наделенные верховными магико-правовыми функциями, Индра — громовник и бог войны, Ашвины и т. д.), древних германцев и др. Единство пантеона, равно как и дифференциация функций его членов, в формирующихся классовых обществах условно и во многом зависит от племенных традиций. Это очевидно на примере полинезийского пантеона, изученного Те Ранги Хироа, в котором одни и те же божества на разных островах наделялись разными функциями; так, в Новой Зеландии и на других островах Тангароа — небесный бог, противостоящий хтоническому божеству растительности Тане, на Гавайях Тангароа — хтонический бог. У разделившихся в процессе расселения индоарийцев и иранцев одни и те же категории духов получили противоположные характеристики: дэвы в Индии — божества, дэвы в Иране — демоны и т. д. В «Ригведе» главным и всемогущим божеством оказывался тот персонаж, которому посвящен гимн — Агни, Варуна, Индра и т. д. Варьирует и актуальность различных функций божеств: демиург в африканских и многих других традициях был «бездеятельным богом», большего поклонения заслуживали громовержец и предки. В Полинезии высшие боги (Тане, Тангароа) часто не имели кумиров и земных воплощений; вожди считались инкарнациями низших богов, прежде всего покровителей племени. При этом нередко образы предков вождей и божеств контаминировались (ср. громовника и предка вождей Мвари у шона, Ункулункулу у зулу и др.)¹⁹⁹.

Происходила дальнейшая антропоморфизация образов божеств — воплощения природных стихий и специализация их функций. Зооантропоморфные существа-первопредки, образы которых преобладали в культурах раннепервобытного общества и сохранялись в ритуалах тайных союзов, антропоморфизировались и получили функции основателей социальных и культовых традиций — генеалогических героев; они отеснялись на низшие уровни или, напротив, становились богами — покровителями племени. В верованиях охотников и рыболовов Сибири и Северной Амери-

ки, как отметил еще **Л. Я. Штернберг**, выделяются и антропоморфизируются духи — «хозяева» стихий и зверей; они (как и шаманские духи) составляют целую иерархию.

Бывшие зооморфные духи становились атрибутами или инкарнациями богов. **А. Ф. Лосев**, исследуя историческое развитие античной мифологии, относит отделение антропоморфного облика античных богов от их стихийных ипостасей к эпохе патриархата: Зевс перестает сам быть молнией и громом — они становятся его атрибутами. Созидательные, породившие мир, но стихийные и неупорядоченные силы — Уран и Гея, другие хтонические персонажи подчиняются или уничтожаются олимпийцами: на смелу хтонической мифологии приходит героическая²⁰⁰. Синкретичный хтонический образ богини земли (ср. неолитическую «Великую богиню») расчленяется, ее стихийно-плодородные, хаотические функции приобретают упорядоченный характер феноменов культуры в культах Деметры как богини земледелия, Геры как покровительницы брака и др.

Появляются специализированные божества ремесел, такие, как Вишвакарман в ведийской, Гефест в античной мифологии (по некоторым версиям мифа — выковавший небесный свод) или перуны Зевса. Гефест и Афина, согласно гомеровским гимнам, обучили людей ремеслам. Ирландский Луг, покровитель королевской власти, считался искусным ремесленником. В таитянском мифе бог ремесленников и леса Тане разделил покоящихся в объятиях небо и землю режущими и сверлящими инструментами. В китайской мифологии космогония мыслилась как серия культурных деяний, включая введение ирригации Юем и земледелия Хоуцзи. В финской мифологии кузнец Ильмаринен сохранил и некоторые функции демиурга: он выковал солнце и луну (таким образом, и явления природы начинают восприниматься как творения культуры). Ремесло кузнеца в представлениях архаичных обществ было связано с сокровенным знанием, использованием противоположных природных стихий — воды и огня; оно часто связывалось с образом громовника (например, Тора), особенно в африканских традициях, где существовали касты кузнецов, наделенные сакральными функциями и имевшие собственную мифологию. В Африке культурные герои, основатели вожеств и государств, — часто кузнецы, приносящие людям огонь, навыки сельского хозяйства и ремесла.

Характерным примером взаимосвязи мифа, ритуала и социальных отношений является западноафриканский обычай предписанного брака между членами каст кузнецов (связанных с небом) и горшечниц (связанных с землей — глиной)²⁰¹. Показательно, что в древнеегипетском пантеоне имелся бог-гончар Хнум, вылепивший на гончарном круге человека (см. в мифологии киче: изготовление людей из продуктов земледелия — зерен кукурузы и т. п.); по замечанию **В. Я. Проппа**, представление о сотво-

рени человека из глины (земли) могло возникнуть только после открытия гончарства. Эта тенденция к полному включению пантеона богов, человека (антропогонический миф) и космоса в мир культуры, созданный на базе доступной технологии, характерна для возникающей цивилизации (в отличие от более архаичных мифов о творении реалий ландшафта или спонтанном происхождении явлений природы и культуры).

Несмотря на тенденцию к упорядоченности отношений внутри сверхъестественного мира и особенно пантеона, эти отношения в доклассовую эпоху не были постоянными. Они упорядочиваются в процессе становления ранних государств и с появлением жреческих корпораций, часто разрабатывавших стройные эзотерические учения; таковы религиозно-мифологические системы бамбара, догонов, йоруба, фон в Африке. Главой пантеона становится божество, которое может сохранять космологические функции небесного или (реже) другого бога, но прежде всего оно — вождь, царь богов; выделяются соответственно старшие и младшие боги, предшествующие поколения хтонических и «уранических» божеств отгесвяются (как Уран и Кронос в греческой мифологии, сходные поколения богов в шумерских и хеттских мифах, обско-угорский Корс-Торум и т. п.).

При этом сохраняется родо-племенная традиция родства членов пантеона, его глава считается прародителем младших богов (как Зевс, возглавлявший патриархальную семью олимпийцев): иерархия еще скреплялась системой родства. Такова, например, структура обско-угорского (манси) пантеона, типологически сходная с африканскими, индоевропейскими и др.: прародитель богов Корс-Торум оказывается в роли бездеятельного божества; миром управляет его сын, небесный бог Нуми-Торум, который делит власть с супругой-сестрой богиней земли Калташ-эжвой и братом, богом преисподней Куль-отыром (другие братья и сестры — боги явлений природы, огня, светил). Непосредственно делами людей управляют семь сыновей Нуми-Торума — локальные божества обских угров²⁰².

Роль каждого из подобных божеств зависела от конкретной направленности культа и племенных традиций; как правило, главенствующим в культе оказывался бог-покровитель племени или локальной группы. В ходе племенных войн бог победителей иногда становился богом племенного союза или пантеон формировался на основе племенной специализации культа, на базе разделения труда между племенными группами, как у сонгай и т. п.²⁰³ Становление государственного культа определяло и более жесткую структуру пантеона: примером, в частности, служит связь выдвижения культа Рэ (Ра) как главы пантеона с консолидацией Древнего царства в Египте и подчинением номовых божеств богу царствующего дома; установление кумиров восточнославянских божеств в Киеве князем Владимиром, стремившим-

ся подчинить культы племенных (в том числе иноплеменных — иранских Хорса и Семаргла) богов — воплощений космических стихий — великокняжескому культу громовника Перуна²⁰⁴. Выдвижение в качестве главы пантеона бога военной аристократии характерно для эпохи становления «варварских государств»: таковы скандинавский Один, Уицтилопочтли, племенной бог ацтеков, и Тохиль у киче, важной функцией которых была и военная, обеспечивавшая господство над соседними племенами; Шанго у йоруба, считавшийся богом войны и грабежа, бог войны Ку на Гавайях; на Таити бог войны Оро оттеснил демиурга Таароа (Тангароа) и стал главой пантеона. Развитие аристократических культов, отражавших возникавший социальный антагонизм, естественно, не способствовало гармонизации социальной жизни, которую призвана была обеспечить религия.

В культах и мифах (вплоть до эпических поэм «Илиада» и «Махабхарата») нашли отражение участвовавшие межплеменные конфликты и войны, в которых принимали участие и боги. Уничтожение идола — покровителя врага (в Полинезии) или захват кумира (Палладий — статуя Афины — в Трое) призваны были обеспечить победу. При этом боги подчиненных племен могли включаться в низшие уровни пантеона, сверхъестественные покровители врагов и сами враги признавались злыми демонами (как дэвы и кочевники в иранской мифологии, рабы-иноплеменники дасыя в ведийской).

Противоречия в религиозной системе эпохи классовообразованья. Очевидно, что религия эпохи разложения первобытнообщинного строя сохраняла синкретический характер, но синкретизм этот находился уже на грани распада, что усугублялось изменением социальных функций культов — мужских и женских, эзотерических и экзотерических, индивидуальных, семейных, племенных, общинных и аристократических, воинских и т. д. Характерен пример индейцев зуппи, у которых индивид мог входить одновременно в несколько культовых объединений: в тайный союз, знахарский союз, воинский союз, жреческое сообщество. Кроме того, усиление межплеменных контактов приводило к интеграции разрозненных верований. Главной фигурой, синтезирующей разные культы, становился сакральный правитель. Однако упорядочить и централизовать эти культы можно было лишь в рамках государственных религий, преодолев родо-племенные культы.

В целом культы исследуемой эпохи создавали весьма противоречивую систему, главной тенденцией развития которой была дифференциация и иерархизация сверхъестественных сил и ритуалов. Противоречия заключались, с одной стороны, в сохранении архаичного племенного характера в отправлении культов, с другой — в отражении новых социальных явлений, противопоставлении в культе аристократии — общинникам, жречества —

«мирянам» и т. д. Религиозная система переходной эпохи оказывалась неустойчивой.

Противоречия внутри религиозной системы усугублялись не только социальной, но и имущественной дифференциацией. Отношение к богатству и обогащению в исследуемую эпоху было достаточно противоречивым. О сакрализации возникающей собственности свидетельствуют табу, охраняющие имущество вождей, многочисленные находки печатей, несущих сакральные изображения, на памятниках формирующихся цивилизаций Двуречья и Хараппы и т. п. Престижная экономика давала возможность накопления богатств вождям, но с тем, чтобы они могли раздавать их на ритуальных пиршествах, усиливавших их ману. Отсюда парадоксальные утверждения о том, что настоящий вождь должен умереть в бедности (квакуютли), ходить в рваном плаще (ленгуа), характеристика скандинавских конунгов как алчных до богатств и одновременно щедрых на подарки. Мольбами о богатствах полны многочисленные гимны «Ригведы»; появились и специальные божества богатства — древнегреческий Плутос, Аджэ Шалуга у йоруба и т. п. Богатство воспринималось как «дар богов»: ср. славянское «бог» — «богатство» — «убогий» (нищий). Вместе с тем выделение состоятельных людей внутри общины, как и любое другое отклонение от нормы, воспринималось в качестве угрозы социальной и даже космической гармонии: удачливого на урожай хозяина или охотника могли считать за колдуна. Недаром у йоруба покровителем торговли считался Эщу, связанный и с богатством, и с колдовством, противостоящий богу социального порядка и культурному герою Ифе (ср. греческого покровителя воровства и торговли Гермеса)²⁰⁵. Таким образом, традиционная идеология, как уже говорилось выше (см. гл. 2), становилась тормозом в процессе имущественного расслоения.

Возрастающие социальные противоречия приводили к тому, что архаичные верования и ритуалы, возникшие в раннепервобытном обществе на основе межплеменной розни, какими были, по мнению С. А. Токарева, представления о колдовстве, стали все чаще использоваться при конфликтах внутри коллектива. Обвинения в колдовстве, особенно у народов Африки, стали выдвигаться против конкурентов в борьбе за наследство, соперников вождей, людей, не угодных тайным союзам, и т. п.; показательно, что в Дагомее эти обвинения расследовались царем²⁰⁶.

Религиозная динамика зиждилась на отношениях социальных групп. Культы в социальном отношении демонстрировали единство, консолидацию той или иной социальной (этнической) группы и, напротив, ее отделение от других групп, а в собственно религиозном плане — единение со сверхъестественными силами или изоляцию от них — в зависимости от их благожелательности или вредоносности.

Миф и ритуал: отношение к мифологизированному космосу. Содержанием ритуалов была мифология как всеобъемлющее описание правил (начиная с обычаев, установленных первопредками, и др.) включения человека в коллектив, коллектива — в окружающий природный и сверхъестественный мир (мезокосм), этого мира — в космос. Единая функциональная направленность мифа и ритуала, продемонстрированная, в частности, Е. М. Мелетинским, не означает полного их совпадения: тот же автор отмечает существование ритуалов, не имеющих текстовых мифологических эквивалентов, и мифов, не связанных с ритуалом. Наиболее яркий пример — отсутствие культа у африканских «бездеятельных богов» — демиургов.

В этом смысле мифологическая картина мира шире религиозной, она включала и те «классификации» природных и социальных объектов, которые можно считать преднаучными. Возникали и абстрагированные понятия о космосе, пространстве и времени, предварявшие раннефилософские системы (ср. в полинезийской мифологии понятия «даль», «бесконечность», «ничто» и т. п., в ведийской — «сущее», «не-сущее», «бытие» и т. п.)²⁰⁷. Наконец, в рамках мифологии формируется представление об особом поэтическом даре, еще синкретически связанном с культом и сакрализованном (ср. добывание «меда поэзии» Одним в «Старшей Эдде»), но подготавливавшим почву для становления литературы.

Обществу эпохи классового образования свойственна и более дифференцированная картина мира, отличающаяся, по сравнению с разнообразием и конкретной направленностью культов, относительным единством, статичностью и универсальностью. Если для раннепервобытных коллективов (австралийцев, бушменов и др. — вплоть до папуасов и отчасти меланезийцев) характерны по преимуществу нерасчлененные представления о вселенной, которая ограничивалась для них прежде всего территорией группы или племени — мезокосмом, то в идеологии более развитых первобытных обществ формируется уже целая модель мира, включавшая, как правило, три зоны космоса: небо, землю и преисподнюю — и настоящие космогонии, а не просто этиологические мифы о происхождении реалий ландшафта.

Наиболее архаичными вариантами космогонического мифа являются, как показал А. М. Золотарев, дуалистические космогонии, связанные с дуальными организациями, и деятельность воплощавших их близнецов-демиургов. Основой для описания и классификации всех феноменов природы и культуры является пара взаимосвязанных противопоставлений типа: мужское—женское, левое—правое, верх—низ, жизнь—смерть, свои—чужие и т. д., которые воспринимались как благоприятные или неблагоприятные для коллектива²⁰⁸. Уже у меланезийцев в серию этих бинарных противопоставлений включаются космические явления: То Кабинана, благодетельный демиург, связывается с солнцем, а его брат-не-

удачник То Корвуву — с луной. У североамериканских индейцев фратрии связывались с космическими символами и календарными циклами: у винебаго — это люди Неба и люди Земли, у айова — фратрия Осени — Зимы и фратрия Весны — Лета. У более развитых восточных племён дуальные половины соотносены не только с зимой и летом, но и со структурой пантеона — четырьмя «холодными» и четырьмя «теплыми» богами.

Пример пространственного, а не сезонного соотношения дуальной организации с мифологизированным космосом являют бороро, у которых половины, заселяющие западную и восточную части поселения, соотносятся с культурными героями — стражами Запада и Востока; у дакота, сиу и других индейцев прерий родовое деление могло соотноситься с четырьмя сторонами света, четырьмя стихиями (земля, вода, огонь, воздух—ветер) и т. д. Соотношение космологических символов отчетливо прослеживается в картине мира у африканского народа дагела: трехродовой союз дагела включал роды Земли, Горы (верхнего мира) и «Большого духа» Маргаи; если в селении обитали представители всех трех родов, власть принадлежала роду Большого духа; если там жили лишь люди Земли и Горы, то они делили между собой религиозные и потестарные функции.

Трехродовые союзы у народов Юго-Восточной Азии, согласно Л. Лёффлеру, соотносились с тремя зонами космоса; это передавалось путем тотемических символов: птицы — небо, бык — земля, рыбы или водяной змей — хтонический мир; в социальном плане эти символы означали соответственно мужское начало, предков и женское начало; во временном плане эти символы соотносились с преднатальным состоянием души на небе, с жизнью в мире людей и переходом в загробный мир²⁰⁹.

Структуру космогонических представлений даяков нгаджу подробно описал Х. Шерер со слов жреца. Человеческий мир представлялся срединным в трехслойном космосе; он располагался между небом, где пребывал демиург Махатала и его символ — птица-носорог (воплощение мужского начала), и нижним миром, водной стихией, где господствовала враждебная демиургу богиня хаоса, женского начала, символ которой — водяная змея. Срединный мир воплощен мировым деревом, созданным демиургом и соединяющим все миры; его ритуальная модель ставится в центре поселения, которое, таким образом, являет собой и центр мироздания и мезокосм. Загробная община предков расположена на границе срединного мира — мезокосма и иного мира, т. е. всех миров, пребывая одновременно и на небе, и в преисподней; таким образом, центр мира может перемещаться в зависимости от актуальности для коллектива той или иной части вселенной. Актуализация потусторонней части — общины предков — происходит во время календарных праздников или в момент смерти члена земной общины. Смерть грозит нарушением нор-

мального распределения функций и частей мироздания, в знак чего модель мирового дерева разрушается. Умершего необходимо переместить в общину предков; для этого делали лодку-гроб, причем в соответствии с инвертированными представлениями о загробном мире для мужчины его делали в форме водяной змеи, для женщины — в форме птицы. Медиатор и «проводник душ» Темпон-Телон на корабле, нос которого оформлен в виде птицы, а хвост — в виде змеи, перевозит душу в иной мир. Следовательно, считалось, что для нормального функционирования мира в целом необходимо поместить каждого живого или мертвого члена общины на его место в космосе, для чего космическая модель постоянно воспроизводилась в ритуале, а космогонический миф рецитировался во время похорон, т. е. имитировался космогонический акт ²¹⁰.

Сходные космические модели, стержнем которых является мировое дерево (гора, столп, ось и т. п.), известны большинству традиций с развитыми космогониями; важность такой модели для функционирования человеческого коллектива привела В. Н. Топорова к выделению целого космологического периода, или эпохи мирового древа, в истории культуры ²¹¹. Актуальность этой модели особенно возрастала в обществах, где далеко зашел распад первобытных традиций, воспринимавшийся как угроза космосу в целом. Так, в скандинавской мифологии земля — «срединная усадьба» Мидгард — в горизонтальной проекции модели мира противостояла внешнему пространству — Утгарду, населенному чудовищами и великанами, мировому океану, в котором кольцом вокруг земли свернулся змей Ёрмунганд. Он же в вертикальной проекции мироздания был связан с преисподней, где властвовала богиня Хель — мать змеи и других чудовищ хаоса. Вместе с мертвецами Хель противостояла Асгарду — небесному жилищу богов и героев — и Мидгарду. Корни мирового ясеня Иггдрасиля расположены в Хель, где их грызет змей, крона — в Асгарде (Вальхалле), ее венчает орел; ветви гложет олень или четыре оленя, маркирующие срединную землю и четыре стороны света. Горизонтальная и вертикальная проекции совмещаются, как и у даяков, помещением загробного мира Хель на севере, а Асгарда — на юге. Мировое дерево Иггдрасиль также связует обе проекции: один его корень достигает небесного царства асов, другой — земли великанов на краю света, третий — Хель ²¹². Такое совмещение, воплощающее единство космоса, характерно для многих мифологий: шаманские реки в сибирских мифологиях текут одновременно с юга на север и из верхнего мира в нижний; в финно-угорской и других традициях все миры соединяет Млечный путь и т. п.

Особую сакральность в подобных картинах мира имеет центр мироздания (ср. представления о пупе земли и т. п.), где пересекаются вертикальные и горизонтальные координаты и откуда

начиналось творение. Этот центр ритуально моделируется в мире людей, в центре поселения, в храме у алтаря, у фетиша — мирового дерева, трона правителя (с этим связан и запрет для сакрального царя покидать свою резиденцию), при сооружении погребальной конструкции и т. п.; таким образом, осуществляется идентификация социального мира — поселения, племени, вождества — с сакральным и достигается его оптимальное положение в космосе²¹³.

Чем более дифференцированный вид принимала картина мира, тем более формализованной представляла ее модель в ритуале и изобразительной деятельности. А. Леруа-Гуран показал преобладание «маршрутного» освоения пространства в наиболее отсталых обществах. Для более развитых обществ (начиная с раннеземледельческих) характерна тенденция к геометризации структуры пространства с выделением общего центра и дифференциацией иерархических частей (ср. таитянские представления, согласно которым восточные районы острова соотносились с аристократией, восходом, солнцем, западные — с общинниками). В горизонтальном плане двоичные (типа левый — правый) и четвертичные (по сторонам света) структуры усложняются промежуточными звеньями, эти структуры переносятся на членение возникающих государственных образований (четыре части империи инков, четырехугольная Скифия и т. п., вплоть до улусов государства Чингисхана, «владыки вселенной»), их столиц, подвластных племен и народов. Так, пять королевств в ирландских сагах соотносятся с сакральным центром власти, а также с сословием друидов, воинов, земледельцев и рабов, в квазиисторическом плане — с пятью мифологизированными поколениями завоевателей²¹⁴. В вертикальном плане происходит дробление уровней мироздания (на девять и более частей), на которые помещаются (как в мифологии догонов, майя, ацтеков) все естественные и сверхъестественные существа. Особую роль обрела числовая символика, варьирующая космологические числовые константы: четыре стороны света и три уровня мироздания в сумме давали священную семерку (семь богов пантеона у иранцев, скифов, славян) и т. п.; ср. также представление о четырехугольном Риме, делившемся на трети (трибы), символику числа семь в Западной Африке, где 4 (чет) — мужской символ, 3 (нечет) — женский, их сумма — символ царя, синтезирующего все социальные функции²¹⁵. Эти формальные геометризованные и числовые схемы, в центре которых — правитель, вождь, соответствовали задачам идеологической унификации и социальной консолидации в формирующихся государствах.

Вместе с тем для развитых космогоний характерна антропоморфизация космоса в целом. Наиболее употребительные примеры — создание космоса из расчлененного тела первочеловека — ведийского Пуруши, скандинавского Имира. В «Старшей Эдде»

описывается убийство богами первозданного великана Имира, чья «плоть стала землей, стали кости горами, небом стал череп... а кровь его — морем»²¹⁶. Однако образ Имира не просто антропоморфен: его антропоморфность «дочеловеческая», он — великан, противостоящий возникающей космической гармонии. Функции Имира сближаются с функциями терiomорфных чудовищ, вроде аккадской Тиамат, убитой богом Мардуком, который из ее тела сотворил мир²¹⁷, или ведийского дракона Бритры, убив которого, Индра освобождает космические воды и плодородие. А. Ф. Лосев считает, что представления о господстве чудовищ, нерасчлененном хаотическом состоянии в мире свойственны материнскородовому строю: при патриархате возникают антропоморфные образы демиургов и героев, подчинивших или уничтоживших первобытные хтонические существа, творивших космос и ограждавших от враждебных сил социум.

Творение космоса из хаоса, чаще всего — первичного океана, со дна которого демиург или его дуальный партнер достает землю, в котором зарождается мировое яйцо и т. д.²¹⁸, иногда — из мировой бездны типа греческого Тартара, скандинавской Гиннунгагал, первичной тьмы, ночи и т. п. — описывается как противопоставление, дифференциация признаков хаоса и космоса: воды и суши, света и тьмы и т. д., что особенно характерно для дуалистических космогоний. Другой вариант или последующий этап дифференциации космических стихий — разделение земли и неба, мыслившихся в разных традициях антропоморфно как богиня-мать и бог-отец; таковы греческие Уран и Гея, а также полинезийские Ранги (небо) и Папа (земля), которые были разделены богом леса Тане²¹⁹ (ср. функции мирового дерева). В древнеегипетском мифе половые характеристики неба (богиня Нут) и земли (бог Геб) инвертированы, но отношения космических зон описаны традиционным образом, как брак; объятия земли и неба разрывает бог воздуха Шу. В сюжете брака неба и земли социальные (семейные) отношения переносятся на космические (эта проекция прослеживается в обрядах священного брака жреца или жрицы с божеством плодородия, которого воплощает правитель, вождь, царь). Противоположный вариант мифа (суть которого — та же дифференциация космических элементов и зон) — реконструируемый у индоевропейских народов миф об измене небесному богу-громовержцу его жены, богини земли, с хтоническим противником (змеем), которого преследует громовник, освобождая от его власти элементы космоса, природы и собственно человека²²⁰.

В результате первоначального брака неба и земли (в сниженных вариантах — небесного бога и земной богини или смертной женщины) рождаются боги и герои, устраивающие на земле социальный порядок (в полинезийской, египетской и др. мифологиях), или умирающие и воскресающие боги (Осирис, Дионис

и т. п.), от судьбы которых зависит благополучие природы и человечества. Формирование этого цикла представлений ставят (Л. Уайт и др.) в связь с неолитической революцией и развитием земледельческих цивилизаций.

Дифференциация элементов космоса и хаоса пронизывает всю жизнь архаичного коллектива, приобретая особую значимость в период смены календарных циклов или при социальных и даже семейных переменах — будь то рождение ребенка или смерть сородича (особенно вождя). Эти периоды опасны возможностью проникновения сил хаоса, смерти, злых духов в мир людей. Ритуальным противопоставлением этому проникновению была ретитация космогонических мифов, воспроизведение структуры космоса в обряде — погребальном, свадебном, календарном (часто совмещающихся — ср. обряд священного брака во время календарного праздника). Ту же функцию выполняло моделирование вторжения сил хаоса — карнавальные обряды ряжения злых духов, ритуальные оргии (промискуитетные обряды)²²¹, ритуализованные восстания против правителей и т. п. Эти обряды ставили хаос под контроль социума, делали возможным воссоздание и обновление космоса и всех его связей, включая социальные. Формировалась иерархия ритуалов с выделением главного, как правило, новогоднего праздника, главной фигурой которого был вождь или царь, чьи действия призваны были гармонизировать (иногда через ритуальную детронизацию) отношения внутри социума и вне его; восшествие на престол правителя — от фиджийского вождя до древнеиндийского царя и фараона — воспринималось как новое творение, «создание земли»²²².

Особую роль, прежде всего в земледельческих обществах, стали играть календарные циклы и обряды, включающие коллектив в закономерную жизнь космоса; отсюда строительство колоссальных мегалитических обсерваторий типа Стоунхенджа, являющихся также святилищами и погребальными сооружениями, глубина архаичных знаний о космических явлениях, например у догонов. Установление ритуализованной взаимосвязи жизни человека и природы приводило к увязыванию «семейных» и календарных обрядов, вроде эротических действий на полях с целью передать им плодородие, или к представлению о дереве на могиле как выросшем из тела умершего, мифам об умирающем и воскресающем божестве растительности, о происхождении растений из расчлененного тела человеческой (божественной) жертвы. Появляются кровавые человеческие жертвоприношения для поддержания плодородия полей (ср. цель охоты за головами у некоторых народов Восточной и Юго-Восточной Азии) и для обеспечения нормального функционирования космоса в целом (человеческие жертвоприношения Солнцу у ацтеков, призванные поддерживать жизнь светила). Жертвами этих обычаев были, как правило, иноплеменники или пленные, иногда — преступники или избранные по жребию жре-

цами. Ритуальное достижение вселенной гармонии зиждилось на самых мрачных явлениях в истории религии.

Представления о космических циклах и эсхатология. В стремлении к гармонизации существования человечества и вселенной, свойственным первобытному ритуалу и мифологии, заложено, как показал М. Элиаде, неустранимое противоречие: ритуал стремится к «вечному возвращению» к идеальным временам первотворения, действительность — всегда ухудшенный вариант изначального существования²²³. Ощущение этой дистанции, видимо, лишь частично снималось ритуалом; с другой стороны, постоянная угроза вторжения сил хаоса, как и моделирование этого вторжения, особенно в календарных ритуалах, способствовала возникновению представлений о космических циклах. В обществе, где обострилось социальное неравенство, эти циклы представлялись уже не бесконечным ритмом смертей и возрождений природы и человека (предков — в потомках, мальчика-неофита — во взрослом мужчине после инициации и т. п.), а потерей исходного гармоничного состояния, эпохи первобытного равенства, «золотого века», смене его временем, которое ведет к преобладанию хаотических сил и гибели мира.

Первобытное общество, естественно, было далеко от эсхатологических настроений, пока его прочной основой был род, для которого смерть индивида означала лишь перемещение его в общину предков (или тотемический центр) и последующее возрождение в потомках, а жизнь всего коллектива влетала в вечную жизнь природы. Архаичные представления о мировых катастрофах содержали мотивы обновления мира, его возрождения и новой космогонии; таковы мифы о потопе: у кетов, например, потоп означал лишь «всполаскивание» мира, безразличное к судьбам людей.

Лишь со становлением раннеклассового общества представления о космических циклах и катастрофах становятся более актуальными для человечества: у майя, ацтеков и других народов существовали разработанные жрецами учения о циклах — эпохах четырех солнц; гибель солнца необходимо было отсрочить регулярными жертвоприношениями. Здесь ритуал играет еще главную стабилизирующую роль (в мифе индейцев северо-западного побережья Америки потоп происходит из-за нарушения табу вождем Вороном)²²⁴, но ощущается неизбежность гибели мира.

Наряду с представлениями о прошлом, времени первотворения, формируется понятие будущего. В сильно эсхатологизированной скандинавской мифологии гибель мира прямо соотносится с крушением традиционных норм. Согласно «Прорицанию вельвы», боги во главе с Одинем нарушают данные ими клятвы; в последующий век «мечей и секир» братья станут убивать друг друга, близкие родичи погибнут в распрях, пока не придет день гибели богов — Рагнарек. Гибель мира разворачивается в порядке, обрат-

ном космогонии: закованные хтонические чудовища и воплощения стихий вырываются на волю, уничтожают богов, сотрясается мировое дерево, вода заливает землю, все погибает в мировом пожаре (возрождение идеального мира описывается более бледными красками: этот мотив, вероятно, возник под христианским влиянием) ²²⁵.

Скандинавская мифология тем более показательна для эпохи гибели первобытнообщинного строя, что она ставит под сомнение всю систему сакральных ценностей, выработанную военной аристократией и последователями культа Одина. Вся система воинских ритуалов, славная смерть в бою должны были обеспечить индивиду место в дружине эйнхериев Одина, в Вальхалле, где обитали павшие в битве герои. Но эта дружина в конце мира должна была погибнуть вместе с богами. Кроме того, главный герой германского эпоса Сигурд, согласно эпическим песням «Эдды», вообще не удостоен Вальхаллы; причина чисто «формальная»: он не пал в битве, а был предательски убит; другой эпический герой — Хельги предпочитает земные радости Вальхалле. Ритуальные и потусторонние ценности явно недостаточны для героев эпоса: Ахилл в «Одиссее» предпочитает быть последним поенщиком на земле, чем царем в царстве Аида ²²⁶.

Индивид и фаталистические представления. Герой эпоса, возникшего в исследуемую эпоху, несмотря на связь с образами мифологических первопредков (вождь — основатель династии, родоначальник племени и т. п.), часто имеющий божественное происхождение и богатырскую силу (иногда — магическое умение), уже не сверхъестественный персонаж, а человек. Это свидетельствует о зачатках представлений о личности, ее индивидуальном, а не безлично-ритуальном месте в жизни коллектива. Следуя традиционным ритуалам (воинская инициация, сватовство, женитьба), герой эпоса не подчиняется сверхъестественным силам, а борется с ними, уничтожая чудовищ и выступая против божеств зла и преисподней: таковы подвиги Геракла, один из которых — пленение адского пса Цербера, или подвиги героя алтайского эпоса «Маадай-кара», пленившего самого владыку преисподней Эрлика. Выступление против сил хаоса и особенно смерти характерно для эпических героев, ибо в эпосе осознается смертность индивида; традиционная вера в возрождение в потомках или чудесное достижение бессмертия в стране предков с распадом рода лишается своей почвы: трагизм судьбы одинокого героя очевиден уже в эпосе о Гильгамеше.

Формирование индивидуального сознания, проблема неизбежности смерти, с одной стороны, и начинавшиеся социальные конфликты, различия в социальном положении (определяемые происхождением, а не заслугами, ср. Геракла на службе у Эвристея) — с другой, актуализировали представления о судьбе, доле, роке. Рок тяготел не только над смертными, но и над богами

(скандинавский Рагнарек, «судьба богов»), над миром в целом. Не случайно скандинавские норны, богини судьбы, помещаются у корней мирового дерева, в центре мироздания. Ранние представления о судьбе определялись теми ограниченными ритуалом возможностями поведения, которые выяснялись при помощи гадания. По представлениям йоруба, душа ребенка еще до рождения получает судьбу у божества Олодумаре; бини верили в predeterminedness будущего положения индивида в обществе: кому быть богатым, кому — бедным и т. д.²²⁷ Характерно, что судьба-доля присуща не только индивиду (иногда она персонифицируется как дух-науатль, славянская встреча, древнеримский гений и т. п.), но и целому роду уже как родовое проклятье, знамение гибели рода, например в мифе об Эдипе, нарушающем все родовые нормы. Иной, не менее характерный для исследуемой эпохи вариант — проклятое богатство, губящее Нибелунгов—Нифлунгов в германском эпосе, главного героя англо-саксонского «Беовульфа».

Эпические герои — герои новой эпохи — выступают не только против сил хаоса, но и против сверхъестественных сил вообще как противостоящих человеку и его целям: герои троянского цикла сражаются с самими богами, Гильгамеш отвергает «священный брак» с богиней Иштар. Наконец, Прометей похищает для людей огонь не у чудовищ хаоса, как добывали культурные блага демиурги типа финского Вяйнямейнена в архаических традициях, а у олимпийских богов: в этом А. Ф. Лосев видит начало процесса демифологизации, самоотрицания мифа.

Миф и история. Кризис родо-племенных традиций, отдаление от «золотого века» эпохи первотворения, ощущение конечности индивида и мира в целом способствовали возникновению представлений об истории. Необратимость хода истории, потеря «золотого века», исчезновение последующего поколения героев и великанов (в «Теогонии» Гесиода, эпосе о нартах и др.) мыслились еще как смена мифологических эпох. И эти представления, как показал В. Н. Топоров, опирались на готовую мифологическую традицию — космогонию, с которой начинались раннеисторические описания, эпические поэмы и генеалогии правителей на Гавайях, в Америке и т. д.²²⁸

При этом первый царь мог отождествляться и с первочеловеком, как Йима у иранцев, Кигва у ньяруанда и т. п. (или первочеловек — первый смертный — становился царем загробного мира, как древнеиндийский Яма). Но собственно космогония лишь предваряла историю (так, некоторые варианты «Гэсера» начинаются с описания мирового дерева) — суть была именно в переходе от деяний сверхъестественных персонажей к действиям людей. Первоначально эти действия с необходимостью повторяли космогоническую схему, традиционным способом вводя исторических или квазиисторических персонажей в космический контекст.

Так, предок огузов эпический Огуз-хан рождает с небесной девой трех сыновей, названных Солнцем, Луной и Звездой, а с земной девой, найденной в дупле дерева, — сыновей, названных Небом, Горой и Морем. Однако от этих сыновей произошли уже предки реальных 24 огузских родов; три сына небесной девы и их потомки получили власть над остальными²²⁹.

Подобный космологический зачин характерен (иногда имплицитно) и для раннеисторической государственной традиции, от «Истории» Геродота до «Повести Временных лет», в которой происхождение Киева и происхождение Руси описываются посредством этногонических преданий о трех братьях — основателях города и государства; местная традиция соотнесена с ойкуменической — о расселении потомков трех сыновей Ноя. Даже боги в контексте раннеисторической традиции становятся квазиисторическими персонажами, издавна принесшими свои обычаи, как Один в «Круге Земном» Снорри Стурлусона. Отсюда — важная роль мифологизированных, но перерастающих в реальные генеалогий и описаний миграций.

Становление религиозной этики. Представления о земной истории, даже если это мифопоэтическая квазиистория, о самостоятельной деятельности и позиции человечества, отличные от мифов и воспроизведения деяний сверхъестественных персонажей в ритуале, приводили общество к проблеме смысла бытия. В мифологии очевидной стала тенденция к осмыслению творения и последующего противостояния хаоса и космоса не как безразличных к судьбе человечества актов, а как противоборства добра и зла. Зачатки таких представлений А. М. Золотарев (а до него еще Э. Тайлор) справедливо усматривал в дуалистических космогониях и мифах, где противопоставление правильных и неправильных, благоприятных и неблагоприятных для коллектива действий дуальных demiургов по мере общественного развития переросло в представления о борьбе добродетельного и злого божеств, противостояние космоса и хаоса получило этическую окраску.

Наиболее полное выражение эта тенденция обрела в иранской традиции (борьба благих сил во главе с Ахурамаздой и злых во главе с Ангро-Майнью), повлиявшей на тюркскую (Ульгень и Эрлик), финно-угорскую (Нуми-Торум и Куль-Отыр) и т. д. К первобытному противопоставлению своего племени (иранцы) чужому, враждебному (туранцы), своего благого занятия (оседлое скотоводство и земледелие) занятиям иноплеменников (кочевников) иранский дуализм добавляет этическое противопоставление благих мыслей, слов и дел, присущих миру светлых богов (ахуров) и космического порядка (Арта, ср. ведийское понятие «рита»), миру злых мыслей, слов и дел, демонов (дэвы), беззакония и лжи (Друдж), грабежа (Айшма); в «Гатах» — проповедях пророка Заратуштры — человек призван сделать выбор между двумя этими силами.

Соответственно формируются представления о сверхъестественных существах, воплощающих «послушание» (Сраоша), «воздаяние» (Аши), «справедливость» (Рахну), и о следующей их сущностям благочестивой общине. Гарантировать мир и праведность должна была прочная власть благого правителя (Гаты, 29, 9)²³⁰.

Таким образом осознавалась необходимость государственной власти в эпоху участвовавших межплеменных конфликтов. В менее явной форме такое противопоставление добра и зла было характерно для большинства обществ с распадающимся родовым строем. Однако в абстрактной форме идеи добра и зла, соответственно праведного и греховного поведения, последовательного воплощения в первобытном обществе получить не могли из-за той же ритуализации отношений внутри и вне коллектива, при которой сакральные блага автоматически распространялись прежде всего на аристократию, к недостойным причислялись не только низшие сословия или тем более касты, но и ритуально «нечистые», не оставившие потомства, умершие неестественной (или неритуализованной) смертью, иноплеменники и т. д.

Свойственная идеологии большинства классовых обществ идея загробного воздаяния лишь зарождается в исследуемую эпоху. Так, в загробном мире лодагаа (Западная Африка) все умершие проходят испытание, сидя на солнце: для хороших людей оно длится три месяца, для плохих — шесть, воры мучаются пять месяцев, лицецы — четыре, колдуны — три года, столько же — жадные богачи и вожди²³¹. Преступления, за которые несут наказания умершие на том свете, конкретны и отражают первобытную мораль: в скандинавской Хель мучаются клятвопреступники, «убийцы подлые» (т. е. нарушители ритуала, так как кровная месть и победа в поединке считались подвигом) и соблазнитель чужих жен. Естественно, что воздаяние также не могло быть сколь-нибудь последовательным в первобытную эпоху: в Хель должны были идти и все умершие от болезней, не павшие доблестной смертью, а сам бог Один, принимавший в Вальхалле павших героев, был повинен во всех грехах, за которые наказывали в преисподней. «Аморализм» богов не только не противоречил их сакральности, но, напротив, подчеркивал их сверхчеловеческую сущность.

Таким образом, очевидным становится нарастание противоречий в идеологии распадающегося первобытнообщинного строя. Тенденции к распаду первобытного религиозно-мифологического синкретизма, к дифференциации культов — от первобытно-коллективистских к иерархии общинных и аристократических, выделению культа вождя и правителя, в мифе — к выделению сложной и дифференцированной картины мира, включению ее в центр социальной структуры, к сакрализации правящей верхушки, «священного царя» — были основным содержанием религии и

мифологии эпохи разложения родового строя. При этом религиозно-мифологическая система приобретает (прежде всего при посредстве жречества) черты собственно идеологии как эксплицитной системы идей.

Однако даже сакральное положение не могло устраивать социальные верхи, ибо такая сакрализация во многом подчиняла эти верхи интересам коллектива, ограничивала возможности разрушения традиционной социальной структуры и начала эксплуатации. Эти противоречия разрешались уже идеологией классового общества, в котором, с одной стороны, была достигнута относительно жесткая структуризация культа (в синполитейных обществах путем обращения к «готовым» формам классовой идеологии — «мировым» религиям), подчинение его государству в лице деспота или теократии, с другой — некоторая демократизация аристократических культов, усиление функции религиозного восполнения действительности.

5. *Нормативное сознание*

Эволюция нормативного сознания в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества характеризуется процессом дифференциации этой прежде единой сферы культуры. Данный процесс остается теоретически мало изученным, и его понимание во многом зависит от взгляда на то, что представляли собой сами первобытные нормы. В предыдущих томах серии мы традиционно говорили о них как о нормах морали. Теперь, когда мы должны обратиться к усложнившемуся нормативному сознанию эпохи классового образования, нам придется несколько вернуться назад и рассмотреть другую точку зрения на характер поведенческих норм в первобытном обществе.

Как известно, основными формами нормативного сознания являются мораль и право. Суть их состоит в социальной регуляции, выраженной в поведенческих нормах, т. е. обязательных правилах поведения. Однако характер обеспечения (санкции) этих норм в современной советской науке понимается не совсем одинаково. Согласно одному пониманию, мораль является совокупностью норм, установленных обществом и обеспеченных силой общественного мнения, а право — совокупностью норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных его принудительной силой²³². Согласно другому пониманию, мораль есть совокупность неинституциональных, т. е. вырабатываемых и санкционируемых самими обществами норм, а право — институциональных, т. е. вырабатываемых и санкционируемых особыми органами норм²³³.

Оба подхода близки, хотя и не идентичны. Второй из них представляется более операциональным, так как допускает существование формирующегося права в эпоху становления классовой

диктатуры. При этом он в полной мере соответствует основополагающим идеям классиков марксизма-ленинизма, рассматривающих право как возведенную в закон волю господствующего класса и функцию государства²³⁴. Ведь право, так же как и общественные классы и государство, возникло не одновременно. Процессы классогенеза, политогенеза и правообразования шли параллельно, диалектически взаимодействуя и стимулируя друг друга, хотя процесс классогенеза и был определяющим. Это отмечено уже К. Марксом применительно к историческому соотношению становления классов и государства²³⁵, это же относится и к третьему элементу рассматриваемой триады — праву²³⁶.

Различия между моралью и правом не сводятся к одной только институциональности последнего. Развитое право едино, хотя и классово обусловлено, мораль в классовых обществах по меньшей мере дуалистична и характеризуется дихотомией должного и сущего. Правовое регулирование, как правило, намного жестче морального: в первом случае нарушителю грозит наказание, во втором — порицание. Правовая санкция определенным образом фиксирована, моральная — вообще не фиксирована. Конечно, некоторые из этих критериев не абсолютны: так, суд может ограничиться порицанием, а общественная среда наказать отторжением. Но это — крайние случаи, как бы исключения, лишь подтверждающие правило.

В этой связи закономерен вопрос: что же представляли собой нормы, регулировавшие поведение людей в классическом первобытном обществе, еще не знавшем институционализации власти?

Здесь царит полный разрыв. В дореволюционной русской этнографии они определялись как обычное право или даже просто как право²³⁷. Так же обстоит дело в современной юридической антропологии, или этнографии права в западной науке²³⁸. Лишь отдельные зарубежные ученые, как, например, Р. Давид, все же задаются вопросом, «относится или не относится к праву обычай, применяемый в правосудии, руководствующемся обычаем», и приходит к выводу, что очень трудно изучать обычаи, «пользуясь терминами европейского словаря»²³⁹. Некоторые советские этнографы и историки считают возможным говорить о доклассовом обычном праве²⁴⁰. Многие предпочитают пользоваться нейтральным и емким термином «обычай». Наконец, как уже отмечалось, чаще всего о первобытных нормах говорят как о нормах морали.

Между тем права (в том числе и обычного права, составляющего, как мы увидим дальше, его часть) еще не могло быть, так как еще не было институционализации власти. Термин «обычай» в данном случае неточен: обычай — это только опривыченная, традиционная норма, наряду с которой существовали и нормативные инновации. На наш взгляд, также не вполне точно считать первобытные нормы только моральными. Во-первых, они не

были дуалистичны, как нормы антагонистическо-классовой морали, а напротив, едины, как нормы права. Во-вторых, им не была свойственна выраженная дихотомия должного и сущего. И в-третьих, что, может быть, является главным, они, как правило, были обеспечены очень жесткими санкциями. Если рассматривать их в функциональном плане, то в них, как на это уже было обращено внимание О. Г. Дробницким, как бы сливались и моральные и правовые нормы²⁴¹. Вернее было бы сказать, что здесь перед нами широкий спектр норм социальной регуляции, спектр, в значительной степени индискретный, не обладающий выраженными признаками ни позднейшей морали, ни позднейшего права.

Такого рода индискретные нормы нельзя рассматривать как правовые и трудно рассматривать как только моральные. И на этом основании было предложено их понимание как слитных первобытных мононорм²⁴², начавших дифференцироваться только в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества.

Дифференциация первобытной мононорматики шла в двух направлениях. С одной стороны, последняя расщеплялась на формирующиеся мораль и право, с другой — на две разные социально обусловленные морали. Если воспользоваться классификацией К. Клакхона, то первая из этих категорий включала в себя нормы предпочтительного, вторая — обязательного поведения²⁴³. Соответственно первая из них снабжалась лишь косвенными санкциями силы общественного мнения, вторая обеспечивалась более надежными и начинавшими фиксироваться (разумеется, на данном этапе лишь в устной традиции) санкциями предполитической власти. Видимо, этой-то дихотомией — начинавшимся разделением мононорм на первостепенные правовые и второстепенные моральные — и объясняется то обстоятельство, что санкции морали менее жестки, чем санкции, с одной стороны, предшествовавшей ей мононорматики, с другой — права.

Рассматривая процессы дифференциации мононорматики и становления морали и права, надо иметь в виду два обстоятельства. Первое. Возникновение права в результате расщепления мононорматики было бы неверно понимать таким образом, будто оно возникает только из расщепленной мононорматики как один из ее компонентов и не включает в себя множества нормативных инноваций. В то же время неверно полагать, что формирующееся право состоит из одних только инноваций и не включает в себя ряда мононорм, санкционированных предполитической властью²⁴⁴. Во всех областях культуры традиция и инновация не исключают, а дополняют друг друга²⁴⁵, и нормативная культура в этом отношении не может составлять исключения. И второе. Начавшаяся в эпоху классовообразования дифференциация мононорматики и становления морали и права была только формативным этапом этого процесса, не завершившегося полностью

даже в раннеклассовом обществе. В этой связи показательно, что исследователь социальных норм у народов Южной Азии К. Фюрер-Хаймендорф, попытавшись разграничить у них моральные и иные нормы, пессимистически отказался от каких-либо философских критериев и пришел к выводу, что здесь можно полагать только на свое усмотрение²⁴⁶. Равным образом возникающая правовая, а тем более моральная норма еще далеко не отделилась от религиозного предписания. Следовательно, и в этом отношении нормативная культура не была исключением из общего правила очень медленного и длительного изживания первобытного синкретизма.

Но если начавшие формироваться в процессе дифференциации мононормативной мораль и право еще оставались в значительной мере синкретными, то как же они могут быть между собой различены в исследовательских целях? Разграничение их на данном этапе представляет большие трудности и может быть принято только очень приближенно, так как сами его критерии еще недостаточно разработаны, а отчасти и спорны.

Согласно упомянутому взгляду на формирующееся право как на одни только инновации эпохи классовобразования, эти инновации рассматриваются как позитивно обязывающие нормы, обусловленные организацией земледелия, скотоводства и ремесла²⁴⁷. С этой точки зрения предправовые нормы следовало бы искать исключительно в области организации производящего хозяйства. Однако это по ряду причин не так. Достаточно сказать, что, с одной стороны, и в области организации присваивающего хозяйства (причем не только высокоспециализированного, но и раннего) имелись свои позитивно обязывающие нормы, а с другой стороны, в обществах с производящим хозяйством обязывание не сводилось к одной только производственной сфере.

Еще одна недавно высказанная точка зрения состоит в том, что уже возникшее раннеклассовое право, будучи включенным в тексты религиозного содержания, сакрализуется²⁴⁸. Соответственно право, которое еще только формируется, должно быть несакральным, профанным. Вся совокупность данных о первобытном синкретизме, приведенных в данной серии, да и в настоящей главе, показывает, что это было не так, и искать отличительную особенность становящегося права в его профанности было бы бесплодно.

В чем же искать нужные нам критерии разграничения разных типов формирующихся и еще не вполне дифференцированных новых форм нормативного сознания? Думается, что в силу незавершенности процесса дифференциации здесь нет единого четкого мерила и должны быть использованы по крайней мере два критерия. Один из них — указания на какую-то связь зарождающихся правовых норм с деятельностью предполитических постестарных органов, будь то тайные союзы, советы вождей или

единоличные вожди. Второй — степень жесткости обеспечения этих норм, о чем уже говорилось выше. Совокупность обоих критериев позволяет анализировать имеющиеся историко-этнографические материалы под интересующим нас углом зрения с большей или меньшей долей уверенности. Все же при той пестрой и противоречивой источниковедческой базе, которой мы располагаем из-за большого конкретно-исторического своеобразия в нормативной деятельности предполитических органов, нередко приходится довольствоваться только вторым из названных критериев.

Источниковедческая база суждений о предправе может быть расширена за счет анализа обычного права. Этим термином в марксистской науке теории государства и права чаще всего обозначается совокупность так называемых юридических обычаев — тех догосударственных норм, которые были отобраны и санкционированы государственной властью и составили древнейший слой права²⁴⁹. Выше отмечалось, что в этнографии термин «обычное право» все еще иногда применяют к совокупности догосударственных норм. Одна из причин этого состоит в том, что очень трудно различить предправо и право, провести между ними четкую грань. Эта грань существует скорее теоретически, практически же она так же едва уловима, как грань между предгосударствами и ранними государствами.

Некоторые этнографы и историки определяют обычное право как право неписанное²⁵⁰. Но это едва ли верно, так как не у всех народов переход к цивилизации сопровождался появлением письменности. Так, многие народы Тропической Африки или Северного Кавказа входили в раннеклассовое общество бесписьменными и создавали письменность (или заимствовали ее у соседей) уже в условиях ранней государственности. Адаты кабардинцев до первой половины XIX в. оставались неписанными, а синтадиальные им адаты аварцев, полнее принявших ислам, а вместе с ним арабскую графику, были записаны за несколько столетий до этого. Даже в средневековой Франции до середины XV в. на севере действовали неписанные, а на юге — писанные кутюмы.

Согласно другой, но близкой точке зрения, обычное право отличалось тем, что даже будучи записанным, действовало в бесписьменном обществе, что иллюстрируется на примере варварских прав²⁵¹. Но и это не было специфической особенностью обычного права, так как большинство узаконений действовало до нового времени в практически бесписьменном, неграмотном обществе. Следовательно, критерий выделения обычного права — все же не его неписанность, а его место среди других источников (или, по принятой другими правоведками терминологии, форм) права. Это совокупность не законодательных инноваций, а нормативных традиций. И именно в качестве такой совокупности

обычное право может быть использовано для исторической реконструкции предправа.

Итак, на заключительном этапе первобытной истории одна часть мононорм начинает переходить в сферу морали, другая — в сферу права. Первый из этих процессов может быть конкретно прослежен на примере нового отношения к тем нормам общезнания, которые теперь стали рассматриваться преимущественно как предпочтительные, скажем, к трудовой взаимопомощи, которая на этой стадии стала утрачивать строго обязательный характер. Так, описан случай, когда паукас из племени абелям перестал помогать другим членам общины в обработке огородов, постройке хижин и т. д. Ответом явилось всего лишь нечто вроде бойкота²⁵². То же обнаруживается и в новом отношении к экзогамии. С начавшимся разложением родовой общины не могло не упасть и значение этого конституирующего род первобытного института. Соответственно коренным образом меняются санкции. Если в эпоху расцвета родового строя нарушение экзогамных норм, как правило, каралось смертью или изгнанием, то теперь возмездие, скажем, во многих индейских или африканских обществах обычно сводится лишь к общественному порицанию²⁵³, хотя еще встречаются и другие не слишком радикальные меры: например, уничтожение имущества провинившегося у мазаев²⁵⁴.

Одновременное расщепление формирующейся морали на народную и верхушечную представлено нормами, связанными с различными видами хозяйственной деятельности, взаимопомощью, счетом родства, брачно-семейными обычаями и т. д. Героический эпос едва ли не всех народов мира пронизан новой этической оценкой труда: мирный труд — удел простого народа, а социальная верхушка призвана к войне, ее задача — руководство жизнью. У одних народов в среде простолюдинов предпочтительны нормы матриликальности или авункулокальности, но в среде знати — нормы патриликальности (бемба, сува о. Бугенвиль, наси Южного Китая)²⁵⁵. То же относится к соотношению матрилинейности и патрилинейности, обычно аналогичному (меланезийцы о. Ауа, тробрианцы, маори, бемба, басаката и др.)²⁵⁶, хотя, возможно, существовал и обратный порядок (например, у скифов, судя по указаниям античных авторов на куваду именно в высших слоях этого народа)²⁵⁷. Дуализм формирующейся морали распространяется на нормы экзогамии: так, рядовые гавайцы или муиски не практикуют родственных браков, но вожди из генеалогических соображений вступают в брак с родными сестрами²⁵⁸. В верхушечных слоях населения становится неприличным брать или платить ординарный брачный выкуп²⁵⁹. С возникновением тех форм искусственного родства, которые связаны с воспитанием детей вне родной семьи, простые люди воспитывают своих детей сами, знатные почитают это бесчестьем²⁶⁰. И т. д. и т. п.

В формирующейся морали эпохи классового образования возникает резкое противопоставление должного и сущего, что отражает реальное столкновение пережиточно сохраняющихся старых идеалов с новыми социальными реальностями и адекватными им нормативными инновациями. Это противопоставление хорошо видно на примере широко распространенного (особенно у меланезийцев, североамериканских индейцев и сибирских палеоазиатов), выросшего в простонародной среде фольклорного образа «бедного сиротки», страдающего от несправедливости социальной верхушки, но неизменно торжествующего в сказках. Исследователь этого образа Е. М. Мелетинский считает, что тема обездоленного сиротки характерна для тех племен, у которых разложение первобытнообщинного строя протекало в форме непосредственного разложения материнского рода, тогда как для патриархальных племен был характерен адекватный ей сюжет обездоленного младшего сына, широко распространенный в фольклоре малагасийцев, народов Китая, Передней Азии и Европы²⁶¹. Не касаясь здесь вопроса о соотношении двух этих форм разложения первобытного общества (см. о них главу вторую) и соответственно двух названных персонажей, отметим, что в той или иной модификации сам образ оказывается практически универсальным. Сходные мотивы социально-моральной рефлексии эпохи классового образования отмечены и в других фольклорных источниках, например в скандинавском эпосе²⁶².

Как уже говорилось, моральная норма обеспечивается воздействием общественного мнения. Каналы такого воздействия многообразны. Среди них прямое воздействие — увещание, описанное, например, у одного из горных народов Северо-Восточной Индии — дафла. У них есть множество таких общепринятых норм поведения, которым можно и не следовать, не боясь наказания. Все же обычно им следуют, если не сразу, то в результате общественного обсуждения «отклоняющегося» поведения. «В большинстве случаев то, что справедливо, принимается», — пишет исследователь дафла Б. К. Шукла²⁶³. Большое значение имеет также внутреннее моральное переживание, связанное с опасением лишиться доброй славы, боязнь стыда, к чему привлек внимание Ю. М. Лотман, который, однако, неверно жестко связал регуляцию стыдом только с внутригрупповыми отношениями, противопоставив их регуляции страхом в межгрупповых отношениях²⁶⁴. Косвенными, но очень важными каналами общественного воздействия продолжают оставаться религия, мифология, фольклор и другие формы общественного сознания. Примером могут служить нравственные предписания в мифе об Ункулункулу — прародителе и культурном герое-демиурге зулу (первоначально только рода Чаки, вставшего в начале XIX в. во главе зулу): «Он сказал: «Женщины должны копать». Он сказал: «Мужчины должны строить хижины и выкорчевывать деревья, чтобы можно было

сажать растения». Он сказал: «Мужчины должны брать мотыги, приделывать к ним рукоятки и давать их женщинам, чтобы те могли копать»... Ункулункулу сказал: «Женщины должны размалывать зерна, чтобы приготовить пиво». Он сказал: «Женщины должны собирать топливо в кустарнике». Он сказал: «Женщины должны готовить пищу, они должны стирать для мужчин». Ункулункулу сказал: «Мужья должны бить жен, которые не поддерживают порядка, и женщин, которые не являются добродетельными». Он сказал: «За жен дают выкуп скотом отцу жены». Ункулункулу сказал: «Если человек умер, его младший брат должен жениться на его женах, чтобы они не могли стать женами человека из другого племени...»²⁶⁵

Еще отчетливее, чем становление предклассовой морали, виден процесс постепенного превращения наиболее важных в социальном отношении и наиболее выгодных верхушке общества мононорм в предправовые нормы.

Такие нормы следует видеть прежде всего в легализации поборов с общинников в пользу вождей — поборов, в той или иной форме повсеместно появляющихся в эпоху классовообразования. Корни легализованных поборов, по-видимому, могли быть очень различны: получившая асимметричный характер взаимопомощь, церемониальные дары соплеменников, передача вождям части излишков продукции на страховые нужды, приношения новопоселенцев и т. д. При этом характер поборов не обязательно зависел от степени социальной стратификации того или иного общества, так как общая закономерность их увеличения и формализации могла перекрываться другими закономерностями, связанными с путями и механизмами политогенеза (см. главу вторую). Так, уже у готтентотов вождь обязательно получал подношения от новопоселенцев, долю каждого заколотого домашнего или убитого на охоте животного, часть военной добычи и судебные штрафы, в то время как у суданских мапдари дары вождям первых плодов урожая и части охотничьей добычи были традиционными, но не обязательными и даже в наиболее продвинутых полинезийских обществах при всей своей легализованности они сохраняли церемониальный характер²⁶⁶. Для процесса превращения части коллективистских мононорм в предправовые нормы наиболее показательно трансформация обычаев взаимопомощи, конечным результатом чего, вероятно, и явились многие сперва традиционные, а затем легализованные поборы и повинности.

То же происходит с мононормами взаимозащиты, в особенности кровомщения, которые, с одной стороны, фиксируются и легализуются (подчас в виде штрафов в пользу органов власти), с другой — дифференцируются применительно к различным социальным слоям. Уже у араваков и меланезийцев цена крови лиц разного социального статуса неодинакова, а в самых ранних адатах и правдах разница не менее чем вдвое, чаще же —

в несколько раз²⁶⁷. Бывает и так, что «благородная» кровь вообще не имеет цены, и представители социальной верхушки, мстя сами, не принимают материального возмещения. Возмещение за убитого или изувеченного получают не только его сородичи, но и его покровитель, часто представитель власти, откуда подчас берут начало штрафы в пользу предполитических органов. С другой стороны, еще случается, что патрон участвует в ответственности за вину клиента.

Но, может быть, самое яркое выражение процесса юридизации мононорм — резчайшее ужесточение санкций, защищающих собственность. Если раньше вора увещевали и лишь упорного вора подвергали экзекуции, то теперь в зависимости от тяжести содеянного и статуса сторон за кражу взимают многократное возмещение, разоряют, обращают в рабство, калечат, убивают²⁶⁸. У одного из горных племен Северо-Восточной Индии, апатани, описан случай, когда скотокрада, даже происходившего из «благородной» семьи, по решению вождей пострадавших селений подвергли мучительной казни. Ему сперва отрубили правую руку, чтобы она не воровала, затем выкололи глаза, чтобы они не смотрели на чужой скот, и т. д.²⁶⁹ В сравнительном правоведении давно уже обращено внимание на то, что санкции ранних записей обычного права несоизмеримо жестче законодательных санкций в развитых классовых обществах. Недаром название одной из таких раннегреческих записей — так называемых законов Драконта, знавших лишь одно наказание — смертную казнь (*Plut. Vitae parall.*, Sol. XVII), сделалось нарицательным для обозначения свирепости правовых норм и, даже получив новую этимологию, стало более известным как «драконовские законы». В такой несоизмеримости одни исследователи видят стремление защитить собственность формирующегося господствующего класса, другие — желание подавить своеволие индивида в переходном обществе, где рвутся и перестраиваются социальные связи²⁷⁰. Эти объяснения не исключают, а дополняют одно другое.

Система предправа, т. е. классификация его норм, может строиться по принципу либо объектов, либо субъектов правоотношений. В первом случае различаются нормы административные, земельные, имущественные, договорные, уголовные и т. д., во втором — индивидуальные, родственные, иные групповые, межгрупповые. Эта классификация, как и классификация норм собственно права, однако, не может быть выдержана вполне последовательно, так как, например, семейное право выделяется и по тому, и по другому принципу. Важнее, чем строго классифицировать нормы предправа, определить исторические особенности его системы. И таких особенностей, на наш взгляд, две.

Первая заключается в том, что присущие эпохе классового образования процессы имущественного расслоения приводят к значительному развитию по сравнению с первобытной мононорматикой

той совокупности норм, которая в целом (конечно, очень условно для этой эпохи) может быть определена как «гражданское» предправо. Это хорошо видно на примере ряда африканских обычнорядовых сводов, архаичные слои которых создавались уже в условиях догосударственных вожеств. В них детально разработаны нормы землевладения и землепользования, раздела и наследования движимого имущества, договорных обязательств, подчиненного положения женщины и младших членов семьи и пр. Основные нормы закрепляют иерархическую структуру общества и неравенство в статусах лиц различных категорий. Так, согласно обычному праву свази, вся земля находится в собственности верховного и в распоряжении низовых вождей, которые на условиях «принесения даров» выделяют ее большесемейным домохозяйствам. Наследуют только мужчины с преимущественным майоратным правом. Обычное право другой народности банту — бали содержит нормы прямого принуждения женщины к сельскохозяйственному труду. В обычном праве баротсе при тех же общих тенденциях уделено значительное внимание долговым обязательствам, причем в первую очередь защите интересов займодателя²⁷¹.

Вторая особенность предправа состоит в том, что, обладая уже определенными чертами собственно права раннеклассовых обществ, оно в то же время сохраняет еще многие черты первобытной мононорматики. Эти черты хорошо показаны в ряде исследований по этнографии, истории права и медиевистике на основе как этнографических, так и обычнорядовых материалов²⁷². Прежде всего предправо действует в границах не столько территориальной, сколько этнической (в узком смысле слова) общности: даже в раннесредневековой Европе каждый независимо от своего места происхождения судился по своей правде — Салической, Рицгарской, Вандальской и т. д. Это в значительной мере связано с тем, что формирующееся право отнюдь не утратило группового, коллективистского начала и сквозь солидарную ответственность рода, патронимии, большой семьи еще только пробивалась личная имущественная или уголовная ответственность. «Тот, кто убьет меня, будет убит моими родичами; тот, кто поможет мне, получит помощь от моих родичей», — так коротко формулировалась норма групповой солидарности в одной из песен баротсе. В то же время их обычное право уже допускало такую ситуацию, при которой убийца, если он не мог с помощью своей родни выплатить компенсацию родне убитого, обращался последней в рабство²⁷³. Для других обычнорядовых сводов также характерен некий эквилибриум между групповой и личной ответственностью, чаще всего выражавшийся в том, что часть пени должен был платить убийца, а часть — его родня²⁷⁴.

Далее. Генетическая близость предправа к мононормам сказывается в его подчеркнутой публичности. Все его акты совер-

шаются прилюдно, в присутствии многочисленных свидетелей, а часто и соприсяжников, в том числе и прежде всего родственников и (или) квазиродственников обеих сторон. О близости предправа к мононорматике говорит и уже отмечавшаяся незавершенность отсложения его норм от нравственных максимум («честность» и «бесчестность» преступления), религиозных предписаний (сакральность предправа), фольклора (нормы-рассказы о казусах, пословицы). Подобно обычному праву и в противоположность праву развитых классовых обществ, предправо не знает обобщенных уголовных или гражданских юридических понятий («членовредительство», «изнасилование», «причинение имущественного ущерба»). Как правило, оно исключительно конкретно, и все элементы его норм (гипотезы, диспозиции и санкции) настолько детализированы, что исследователи не без оснований связывают это с предметностью и конкретностью архаического мышления.

Само правосознание остается примитивным. Субъективное право и обязанность еще в значительной мере слитны: скажем, мстить за кровь или получать за нее возмещение — в равной степени и право и обязанность потерпевшей стороны. Принцип групповой ответственности не дает развиваться также понятию субъективной виновности, т. е. учета возраста, душевного состояния и других особенностей личности преступника. Соответственно понятие умысла, хотя и известно, но либо не принимается во внимание, либо учитывается лишь в незначительной степени. Правосознание на этой ступени еще «идет от факта-результата к его причине прямолинейным путем чисто формальной причинности»²⁷⁵. Поэтому предправо изобилует нормами, воспринимаемыми сейчас как анекдотические. Скажем, за смерть, причиненную человеку домашним животным, хозяин последнего может отвечать как за умышленное убийство, но убивший калеку платит за него только часть стоимости полноценного человека.

В значительной степени примитивными остаются также судоустройство и судопроизводство, в которых через первобытные формы лишь очень медленно прокладываются себе дорогу упорядоченное судоговорение и рациональные методы расследования. Общая тенденция состоит в отделении судебных функций от других функций предполитической власти и выделении правовых знаний из синкретичной духовной культуры первобытности, но пока еще это по большей части лишь потенциальная тенденция.

На ранних этапах разложения первобытнообщинного строя органы судопроизводства, как правило, совпадают с общепотестарными органами. Это советы стариков, «почетных людей», вождей, на которые нередко приглашаются также и другие общинники, сородичи, соплеменники²⁷⁶. В то же время уже на этой стадии известны медиаторы, обычно из числа тех же стариков — знатоков принятых норм. По мере иерархизации общества судопроиз-

водство постепенно монополизируют вожди — каждый на своем уровне иерархии власти и соответственно судебной компетенции²⁷⁷. И только на поздних стадиях политогенеза, да и то сравнительно редко, начинается выделение судебной власти, передаваемой вождями профессиональным судьям. Так, даже в тех бедуинских племенах Аравии, которые не входили в состав местных эмиратов, наряду с вождями-шейхами и военачальниками-акидами имелись специализировавшиеся на толковании племенных адатов судьи-арифы. Впрочем, сам этот процесс еще относительно, так как решения арифов в отличие от решений вождей не были обязательными и, таким образом, первые профессиональные судьи являлись не столько судьями, сколько медиаторами²⁷⁸.

Недифференцированности судебной власти соответствовало отсутствие какого-либо особого аппарата исполнений судебных решений. Правда, прежняя ситуация, которую чаще всего характеризуют хрестоматийным примером Л. Посписила из практики папуасов капауку (приговор общинников жадному богачу был приведен в исполнение его собственным сыном и двумя двоюродными братьями²⁷⁹) стала уходить в прошлое. Не типично для этого времени уже и такое положение, при котором карательные меры имеют исключительно магический характер, а их исполнителями выступают колдуны, как это отмечено, например, у тробрианцев²⁸⁰. При советах вождей стали появляться особые исполнительные органы. Так, у тетон-дакота североамериканских прерий при семи вождях и их четырех советниках имелись должностные лица вакикун, проводившие решения совета в жизнь через одно из тайных военных обществ племени — акицита²⁸¹. Но все это были представители, так сказать, общеисполнительного, а не особого судебного аппарата власти. Первые профессиональные палачи, известные, например, у туарегов Сахары²⁸², появляются на стадии, предклассовая или раннеклассовая атрибуция которой не может считаться достаточно определенной.

Наконец, много общего с процессуальной стороной мононормативности сохраняет порядок расследования и судебного разбирательства. Большую роль по-прежнему играют присяги и очистительные формулы. Так, даже по ингушским адатам XIX в. «обвиняемый (подозреваемый)... с собакой... идет к могиле своего родственника со своими родственниками и вместе с подозревающими и 3 раза обходит могилу; при этом потерпевший говорит: пусть эта собака грызет покойника, если ты (или твой родственник) украл у меня то-то и то-то, и при этом они убивают собаку выстрелом из пистолета; после такой церемонии подозрение снимается»²⁸³. Широко распространены судебные поединки и самые различные формы ордалий. Часто следствие и судебное разбирательство направлены на то, чтобы установить не факт, а «добрую славу» той или другой стороны, что сопровождается многословными выступлениями истца и ответчика, либо потерпевшего и обвиняемого, их родст-

венников, соседей, свидетелей. Процесс судебного разбирательства остается до крайности ритуализованным; говоря современным юридическим языком, определяющее значение имеет не фактическая, а процедурная сторона дела²⁸⁴. Лишь местами, как, например, у племен Западной Африки, наряду с этими архаическими процедурами начинают практиковать также более рациональные методы судебного расследования: осмотр места преступления, ознакомление с вещественными доказательствами, допрос свидетелей. Вероятно, такой ограниченности рационалистического и консервации архаического правосознания в какой-то мере способствует то, что некоторые традиционные процедуры (например, установление «доброй славы» сторон, как известно, широко сохраняющиеся и в судопроизводстве раннеклассовых обществ) в условиях социальной стратификации оказываются удобными и выгодными верхушечным слоям населения.

- ¹ История отечественной математики. Т. 1. Киев, 1966; *Стройк Д. Я.* Краткий очерк истории математики. М., 1984; *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности.* М., 1982. С. 5—7, 41—58, 179 и др.; *Histoire générale des sciences.* Т. 1. Р., 1957; *Vogel K.* Vorgriechische Mathematik. Bd. 1. Würzburg, 1958; *Bernal J. D.* Science in History. V. 1. L., 1969. P. 62—89.
- ² *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 183—211 и др.
- ³ Научные приборы. М., 1968; *Логиновский К. Д.* Бирки и сельские деревенные календари // *Живая старина.* 1902. Вып. 2. С. 195—200.
- ⁴ *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. М., 1980. С. 208—209; *Очерки...* С. 159—160.
- ⁵ *Nilsson M. P.* Primitive Time Reckoning. Lund; Oxford, 1911; *Паннекук А.* История астрономии. М., 1966; *Файнберг Л. А.* Представления о времени в первобытном обществе // *СЭ.* 1977. № 1. С. 128—136; *Фролов Б. А.* К истокам первобытной астрономии // *Природа.* 1977. № 8. С. 96—106; *Очерки...* С. 41—58, 93—106, 183 и др.
- ⁶ *Tylor E. B.* Primitive Culture. V. 1. N. Y., 1957. P. 261; *Lévy-Strauss Cl.* Mythologiques. T. 3. P., 1968. P. 280—282.
- ⁷ *Baity E.* Archaeoastronomy and Ethnoastronomy So Far // *СА.* 1973. V. 14, N 4. P. 389—431.
- ⁸ *Histoire générale des sciences.* P. 11—12.
- ⁹ *Хопкинс Дж., Уайт Дж.* Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1984; ср.: *Ellegard A.* Stone Age Science in Britain? // *СА.* 1981. V. 22. N 2. P. 99—125; *Frolov B. A.* On Astronomy in the Stone Age // *Ibid.* N 5. P. 585.
- ¹⁰ *Вениаминов И.* Опыт грамматики алеутско-лисеевского языка. СПб., 1846. С. 255; *Орлова Е. П.* Календари народов севера Сибири и Дальнего Востока // *САС.* 1966. Вып. 2. С. 297—321.
- ¹¹ *Брайант А. Т.* Зулуский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 163—167.
- ¹² *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976; *Мирошниченко Л. И.* Солнечная активность и Земля. М., 1981; *Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д.* Солнечная активность и биосфера. М., 1982.
- ¹³ *Gladyszewa M.* Wiedza ludowa o Gwiazdach. Wroclaw, 1960.
- ¹⁴ *Карпенко Ю. А.* Названия звездного неба. М., 1981.
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 31.
- ¹⁶ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 2. Ч. 3. СПб., 1775. С. 18, 176, 187; М.; Л., 1949. С. 447, 465, 471.

- ¹⁷ *Вениаминов И.* Записки об островах Уналашского отдела. Ч. 2. СПб., 1840. С. 266.
- ¹⁸ *Меновщиков Г. А.* Из истории образования числительных в эскимосском языке // ВЯ. 1956. № 1. С. 62, 71.
- ¹⁹ История Сибири. Т. 1. Л., 1968; *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964; Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975; *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979; *Окладников А. П., Васильевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976; Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981; *Алексеев В. П., Лафлин У.* Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. 1—2 // СЭ. 1982. № 6; 1983, № 1; На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 3—64.
- ²⁰ *Codrington R. H.* The Melanesian Languages. Oxford, 1885. P. 220—251; *Tylor E. B.* Primitive Culture. V. 1. P. 240—272.
- ²¹ *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. 29—30.
- ²² *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 141.
- ²³ *Алексеев Е. А.* Народные знания кетов // СОКНС. С. 228.
- ²⁴ *Богораз В. Г.* Чукотские рисунки // Сб. в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 403.
- ²⁵ *Крашенинников С. П.* Описание... 1949. С. 409.
- ²⁶ История биологии. Т. 1. М., 1972. С. 16.
- ²⁷ *Аристотель.* О возникновении животных. М.; Л., 1940. С. 127.
- ²⁸ *Феофраст.* Исследование о растениях. Л., 1951; *Гаммерман А. Ф., Шупинская М. Д., Яценко-Хмельевский.* Растения-целители. М., 1963; *Ковалева Н. Г.* Лечение растениями. М., 1972; Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тез. всес. научн. конфер. 10—12 марта 1975. Л.: Наука, 1975, с. 72—85 и др.
- ²⁹ *Каан Е.* Социальная функция биохимии // МН. 1967. № 3; ср.: Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII в. М., 1980.
- ³⁰ См. например: *Вениаминов И.* Опыт грамматики... С. 259—264; ср.: Традиционные культуры... С. 33—49; Этнографические аспекты изучения народной медицины, с. 29—31.
- ³¹ *Крашенинников С. П.* Описание... 1949. С. 440—443; *Брайант А. Т.* Зулусский народ... С. 366—367.
- ³² *Пономарев Н. И.* Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М., 1970; *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 25—35.
- ³³ *Ковнер С. Г.* История древней медицины. Ч. 1. Вып. 1. Киев, 1878; *Мультановский М. П.* История медицины. М., 1967. С. 12—13.
- ³⁴ См., например: *Федотов Н. П., Мендрина Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 60—73; Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976; Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981; *Мультановский М. П.* История медицины; *Кузьмин М. К.* История медицины. М., 1978. С. 13—15.
- ³⁵ *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия. М., 1980; Очерки... С. 106—111.
- ³⁶ *Симен Б.* Река жизни. М., 1965. С. 74—75.
- ³⁷ *Гилпокраг.* Избранные книги. М., 1936; *Ковнер С. Г.* История древней медицины...; История медицины. Т. 1. М., 1954.
- ³⁸ *Кузьмин М. К.* История медицины. С. 13—15.
- ³⁹ *Гилпокраг.* Избранные книги... С. 301.
- ⁴⁰ *Георги.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 3. СПб., 1777. С. 38; 1799. С. 33; *Andree R.* Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart, 1878. S. 197—221.
- ⁴¹ *Морган Л. Г.* Лига ходеносауди, или ирокезов. М., 1983. С. 32—33.
- ⁴² *Коцебу О. Е.* Путешествия вокруг света. М., 1948. С. 197.
- ⁴³ *Адлер Б. Ф.* Карты первобытных народов. СПб., 1910. С. 199, 214, 218 и др.

- 44 *Нохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону // Изв. РГО. 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 289.
- 45 *Адлер Б. Ф.* Карты... С. 81—83, 294; ср.: Картография с основами топографии. 2. М., 1973. С. 216.
- 46 *Anati E. Caro di Ponte.* Brescia, 1968. P. 49.
- 47 *Коцебу О. Е.* Путешествия... С. 230.
- 48 *Федосеев П. Н.* Философия и научное познание. М., 1983. С. 19.
- 49 История Сибири. Т. 1; Этническая история народов Севера. М., 1982; *Долгих Б. О.* Мифологические сказки и исторические предания энцев. М., 1961; *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977. С. 150—190; *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 86—140.
- 50 *Mallery G.* Picture-Writings of the American Indians // Tenth ARBESI, 1893; *Nordenskiöld E.* Picture-Writings and other Documents // CES. 1928. V. 7. Part. 1.
- 51 *Адлер Б. Ф.* Карты... С. 180—186.
- 52 Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 238; *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 9—293.
- 53 Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 363; *Те Ранги Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного востока. М., 1950. С. 44, 135 и др.
- 54 *Те Ранги Хироа.* Мореплаватели... С. 41.
- 55 Народы Австралии... С. 637—640, 688; *Те Ранги Хироа.* Мореплаватели... С. 42—43, 221.
- 56 *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1982. С. 198.
- 57 См., например: Очерки истории естественнаучных знаний. С. 5—58, 131—155, 178—196; ср. ред.: ВДИ. 1984. № 1. С. 175—178; *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. М., 1983; *Файнберг Л. А.* Представления о времени... С. 128—136; *Чанышев А. Н.* Начало философии. М., 1982; В преддверии философии (Г. Франкфорт и др.). М., 1984. С. 3—21 и др.
- 58 *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 57; *Он же.* Письмо // СИЭ. 1968. Т. 11. С. 170; *Дьяконов И. М.* Письмо // БСЭ. 1975. Т. 19. С. 1699; *Фридрих И.* История письма. М., 1966. С. 30; *Гельб И. К.* Опыт изучения письма. М., 1982. С. 23.
- 59 В дополнение к работам, указанным в сн. 58, см.: *Вейлз К.* От бирки до азбуки. М.; Пг., 1923; *Кнорозов Ю. В.* Неизвестные тексты // Забытые системы письма. М., 1982. С. 3; *Bourdier F.* Préhistoire de France. P., 1967; *Sauvet G. et S. et Wlodarczyk A.* Essai de sémiologie préhistorique // BSPF. 1977. T. 74. F. 2. P. 545—558.
- 60 *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. С. 40.
- 61 *Mallery G.* Pictographs of the North American Indians. A Preliminary Paper // Fourth ARBESI, 1886; *Idem.* Picture-Writing...; *Nordenskiöld E.* Picture-Writings...
- 62 *Шаргородский С. М.* Об юкагирских письменах. С. 136—137; *Нохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону.
- 63 *Вейлз К.* От бирки до азбуки. С. 119—121; *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963. С. 182—185.
- 64 *Шаргородский С. М.* Об юкагирских письменах. С. 136—137; *Нохельсон В. И.* По рекам... С. 288.
- 65 *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. С. 40, 52—58.
- 66 *Anati E.* Evoluzione e stille nell'arte rupestre Gamuna. Brescia, 1975; *Grazioli P.* Le pitture preistoriche della grotta di Porto Badisco. Firenze, 1980; *Nicolas A.* Inventaire des picto-idéogrammes de la fin de l'Age de Bronze et du début de l'Age du Fer // BSPF. 1978. T. 75, N 2. P. 56—64.
- 67 *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963; *Он же.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
- 68 *Кучера С.* Кытайская археология 1965—1974 гг.: Палеолит — эпоха Инь. М., 1977; *Массон В. М., Сариганиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпо-

- хи бронзы. М., 1973; *Формозов А. А.* Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // ВДИ. 1963. № 2. С. 180—183; *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. С. 322—334; *Иванов В. В.* До — во время — после? // В преддверии философии (Г. Франкфорт и др.). М., 1984. С. 15—17.
- ⁶⁹ *Мартиросян А. А.* Древние иероглифы Армении и их урартско-армянские двойники // КВЕД. С. 39—46.
- ⁷⁰ *Коростовцев М. А.* Введение в египетскую филологию. М., 1963. С. 40.
- ⁷¹ История древнего Востока. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.
- ⁷² Там же. С. 126—127; *Вайман А. А.* О протошумерской письменности // ТДП. С. 578—586.
- ⁷³ *Вайман А. А.* Протошумерские системы мер и счета // Труды XII МКИИ. Секция III—IV. М., 1974. С. 6—11; Очерки истории естественнонаучных знаний. С. 183.
- ⁷⁴ *Крюков М. В.* Язык пньских надписей. М., 1973. с. 32, 60—65; *Серкина А. А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., 1973. С. 65—90; *Кучера С.* Китайская археология... С. 84—90; СИПТ, 1972, 1975; см. также сн. 10; Очерки истории естественнонаучных знаний. С. 178—196.
- ⁷⁵ История Древнего Востока. С. 143; Очерки истории естественнонаучных знаний. С. 62.
- ⁷⁶ *Дандамаева М. А.* Вавилонские писцы. М., 1983. С. 3.
- ⁷⁷ *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967. С. 121—127; *Фролов Б. А.* Мотивы первобытного анималистического творчества // Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 39—40.
- ⁷⁸ *Gerbrands A. A.* Art as an Element of Culture. Especially in Negro-Africa. Leiden, 1957. P. 82.
- ⁷⁹ *Богораз В. Г.* Чукотские рисунки // Сборник в честь семидесятилетия профессора Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 397.
- ⁸⁰ *Anderson R. L.* Art in Primitive Societies. New Jersey, 1979. P. 49.
- ⁸¹ Аргументацию в пользу таких интерпретаций памятников наскального искусства и мелкой пластики см.: *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 8—10; *Он же.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 55—60, 71—74.
- ⁸² *Формозов А. А.* Очерки... С. 47—55.
- ⁸³ *Briard J.* The Bronze Age in Barbarian Europe. From the Megaliths to the Celts. L.; Boston; Henley, 1979. P. 155—161.
- ⁸⁴ См., например: *Anderson R. L.* Art... P. 4.
- ⁸⁵ *Gerbrands A. A.* Art... P. 115—116.
- ⁸⁶ *Siber R.* Masks as Agents of Social Control // African Studies Bulletin. V. 5. N 11. N. Y., 1962. P. 12.
- ⁸⁷ *Harley J. U.* Masks as Agents of Social Control in Northeast Liberia // Peabody Papers. 1950. V. XXXII. N 2.
- ⁸⁸ *Dark Ph. J.* Kilenge Big Man Art // Primitive Art and Society. Ed. A. Forge. L.; N. Y., 1973. P. 50—68.
- ⁸⁹ См., например: *Шнирельман В. А.* Классообразование и дифференциация культуры (по океанским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 105, 108.
- ⁹⁰ *Гаер Е. А.* Устное сообщение о результатах полевых исследований. М., Ин-т этнографии АН СССР. Июль 1987 г.
- ⁹¹ *Богораз В. Г.* Чукотские рисунки. С. 400.
- ⁹² *Anderson R. L.* Art... P. 56, 107—108.
- ⁹³ *Errington F. K.* Karavar. Masks and Power in a Melanesian Ritual. L., 1974.
- ⁹⁴ Ancient Hawaiian Civilization. Honolulu, 1933. P. 135.
- ⁹⁵ *Barrow T.* Art and Life in Polynesia. L., 1972. P. 37.
- ⁹⁶ *Kendrick T. D.* The Druids. A study of Keltic Prehistory. L.; Edinburgh, 1966. P. 82—83, 89, 96, 98—99; 114—115, 183.
- ⁹⁷ *Barrow T.* Art... P. 46—47.

- ⁹⁸ *Мелегинский Е. М.* Повествовательный фольклор народов Океании // Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 18; *Кондратов А. М.* Хаере маи! (предисловие) // Сказки и легенды маори. М., 1981. С. 7.
- ⁹⁹ *Котляр Е. С.* Миф и сказка Африки. М., 1975. С. 12.
- ¹⁰⁰ *Брайант А. Т.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 314.
- ¹⁰¹ Handbook of South American Indians. Washington, 1948. V. 4. P. 528—529.
- ¹⁰² *Malno S. E.* Status Terminology and the Social Structure of North American Indians. Seattle, 1958. P. 27; *Buck P. H.* Polynesian Oratory // Ancient Hawaiian... P. 161—168.
- ¹⁰³ *Buck P. H.* Polynesian... P. 162.
- ¹⁰⁴ См., например: *Handy E. S.* Religion and Education // Ancient Hawaiian... P. 52—55.
- ¹⁰⁵ *Kendrick T. D.* The Druids. P. 87, 120.
- ¹⁰⁶ Применительно к обществу охотников и собирателей это явление рассматривается: *Аргёмова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. По австралийским этнографическим данным. М., 1987. С. 127—141.
- ¹⁰⁷ *Gerbrands A. A.* Art... P. 114—115.
- ¹⁰⁸ *Брайант А. Т.* Зулусский народ... С. 150.
- ¹⁰⁹ *d'Azevedo L. W.* Mask Makers and Myth in Western Liberia // Primitive Art... P. 133—148.
- ¹¹⁰ *Barrow T.* Art... P. 58.
- ¹¹¹ См., например: *Anderson R. L.* Art... P. 88—89; *d'Azevedo L.* Mask... P. 141—143; *Gerbrands A. A.* Art... P. 69—70.
- ¹¹² *Gerbrands A. A.* Art... P. 79.
- ¹¹³ *Sahlins M. D.* Social Stratification in Polinesia. Siattle, 1958. P. 114.
- ¹¹⁴ *Ibid.* P. 65, 73, 80, 93.
- ¹¹⁵ *Plews E. R.* Poetry // Ancient Hawaiian... P. 172.
- ¹¹⁶ *Kendrick T. D.* The Druids. P. 134—135.
- ¹¹⁷ *Briard J.* The Bronze Age... P. 82, 87, 187 et al.
- ¹¹⁸ *Шнирельман В. А.* Классообразование.
- ¹¹⁹ *Boas F.* Primitive Art. Oslo, 1927.
- ¹²⁰ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 516; 526.
- ¹²¹ *Формозов А. А.* Очерки... С. 240—241.
- ¹²² *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М.; Л., 1953; *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и вопросы сравнительного изучения эпоса. М., 1958; *Он же.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962. С. 3—50; *Мелегинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.
- ¹²³ *Мелегинский Е. М.* Первобытное наследие в архаических эпосах. М., 1964; *Он же.* Миф и историческая поэтика фольклора. М., 1977. С. 14—22.
- ¹²⁴ *Котляр Е. С.* Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.
- ¹²⁵ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; *Мелегинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М., 1958.
- ¹²⁶ *Мелегинский Е. М.* Герой... С. 256, 258.
- ¹²⁷ См., например: Сказки и мифы Океании. М., 1970; Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. М., 1986; *Котляр Е. С.* Миф...; *Мелегинский Е. М.* Герой...
- ¹²⁸ См., например: *Berndt R. M. and Berndt C. H.* The World of the First Australians. Perth, 1977. P. 379; *Plews E. R.* Poetry. P. 188—189.
- ¹²⁹ *Брайант А. Т.* Зулусский народ... С. 298.
- ¹³⁰ *Briard J.* The Bronze Age... P. 32.
- ¹³¹ *Ibid.* P. 139—140.
- ¹³² *Ibid.* P. 151—154; *Красновская Н. А.* Загадочные башни Сардинии. // СЭ. 1978. № 4.
- ¹³³ *Briard J.* The Bronze Age... P. 38, 74—75, 167—168; *Формозов А. А.* Очерки... С. 172—189.

- ¹³⁴ Яценко И. В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1974. С. 117.
- ¹³⁵ Briard J. The Bronze Age... P. 144—146.
- ¹³⁶ Кинжалов Р. В. Искусство Древней Америки. М., 1962. С. 159—166; Highwater J. Arts of the Indian Americans' Leave from the Sacred Tree. Cambridge et al., 1983. P. 233.
- ¹³⁷ Формозов А. А. Очерки... С. 190—212; Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- ¹³⁸ Briard J. The Bronze Age... P. 129—131; Broholm H. C., Larsen W. P. and Skjerne G. The Lures of the Bronze Age. Copenhagen, 1949.
- ¹³⁹ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1974. С. 109.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 272.
- ¹⁴¹ Дэвелет М. А. Большая Боярская писаница. М., 1976.
- ¹⁴² Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973.
- ¹⁴³ Формозов А. А. Очерки... С. 75 и др.; Мириманов В. Б. Первобытное... С. 182—183; Студзицкая С. В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 352.
- ¹⁴⁴ Anderson R. L. Art... P. 142.
- ¹⁴⁵ См., например: Wingert P. W. Primitive Art. P. 19.
- ¹⁴⁶ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству Сибири // ТИЭ. Т. XXII. М.; Л., 1954. С. 108, 113, 120, 135, 206—207.
- ¹⁴⁷ Boas F. Primitive Art. P. 183—185; Highwater J. Arts... P. 244; Феест К. Ф. Искусство коренных народов Северной Америки. М., 1985. С. 96, 173; Wingert P. W. Primitive Art. P. 142—143.
- ¹⁴⁸ Абрамова Э. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966. С. 91; Селиванов В. В. Человек и зверь (о двух ведущих темах палеолитического искусства) // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 27; Василевский Р. С. Антропоморфные изображения и их интерпретация // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 19.
- ¹⁴⁹ Формозов А. А. Образ человека в памятниках первобытного искусства на территории СССР // ВИМК. 1961. № 6. С. 106—107.
- ¹⁵⁰ Ср.: Фролов Б. А. Открытие человека (к опыту новых исследований первобытного искусства) // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. С. 10 и др.
- ¹⁵¹ Окладникова Е. А. Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Дэвелет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980. С. 225—231; Студзицкая С. В. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы... С. 358—360.
- ¹⁵² Чудинова О. Ю. (Артёмова). Предисловие // Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981. С. 14—15, 22—23; ср.: Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. С. 72.
- ¹⁵³ Мелегинский Е. М. Происхождение... С. 431—432; Он же. Герой... С. 257—259.
- ¹⁵⁴ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Анисимов А. Ф. Этапы развития первобытной религии. М., 1964; Шаревская Б. И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964; Крывелев И. А. К вопросу о типологии религиозных верований // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 203—222.
- ¹⁵⁵ Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1980—1982. В этом издании см. сведения о большинстве упоминаемых ниже персонажей мифов, а также библиографию.
- ¹⁵⁶ Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965; Токарев С. А. О религии как социальном явлении // СЭ, 1979. № 3. С. 87—105.

- ¹⁵⁷ О драматизированных действиях и ряжениях см.: *Авдеев Д. А.* Происхождение театра. Л.; М., 1959. С. 123—169.
- ¹⁵⁸ *Дамм Г.* Канака — люди южных морей. М., 1964; Традиционные и синкретические религии. С. 152—154.
- ¹⁵⁹ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 493—499; *Миллер Дж.* Короли и сородичи. М., 1984. С. 191—199.
- ¹⁶⁰ *Козлов С. Я.* Тайные ритуальные общества в Западной Африке // Религии мира. 1983. М., 1983. С. 157.
- ¹⁶¹ *Токарев С. А.* Ранние формы религии. С. 274—275; *Анисимов А. Ф.* Этапы развития... С. 122—125.
- ¹⁶² См. многочисленные примеры в указ. книге Б. И. Шаревской; Традиционные и синкретические религии. С. 104—116; *Goody J.* Death, Prosperity and the Ancestors. L., 1962.
- ¹⁶³ *Birketh-Smith K.* Studies in Circumpacific Culture Relations. V. 1. Kobenhaven, 1970.
- ¹⁶⁴ Традиционные и синкретические религии. С. 225—226, 230 и сл.; *Evans-Pritchard E.* The Divine Kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan. Cambridge, 1948; ср. реконструкцию термина, обозначающего священного царя, уже у индоевропейцев: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык... Т. 2. С. 751—752.
- ¹⁶⁵ Мифы народов мира. Т. 1. С. 174—176.
- ¹⁶⁶ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М.; 1980; *Hocart A. M.* Kingship. Oxford, 1970.
- ¹⁶⁷ *Токарев С. А.* Происхождение общественных классов на островах Тонга // СЭ. 1958. № 1. С. 135—136; см. мифологизированную генеалогию туитонга в кн.: Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. М., 1986. № 99; ср.: *Кочакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986. С. 186—187.
- ¹⁶⁸ *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1979. С. 72 и сл.
- ¹⁶⁹ *Кочакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации. С. 186—187, 240—242; ср.: Традиционные и синкретические религии. С. 202—204.
- ¹⁷⁰ *Gluckman M.* Custom and Conflict in Africa. Oxford, 1959. P. 122; *Seaton S. L.* The Early State in Hawaii // The Early State. The Hague; P.; N. Y., 1978. P. 277.
- ¹⁷¹ *Тернер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 231—250.
- ¹⁷² *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории великой саванны. М., 1978. С. 195—196; *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. М., 1982. С. 76—77; *Кочакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации. С. 185, 188.
- ¹⁷³ *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975. С. 122; Традиционные и синкретические религии. С. 191; *Миллер Дж.* Короли и сородичи. С. 144—145.
- ¹⁷⁴ См. о функциях царя Бенина при сборе первинков: *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии... С. 154. О сходной роли правителя Тонга см.: *Токарев С. А.* Происхождение... С. 136; Мифы народов мира. Т. 2. С. 615.
- ¹⁷⁵ *Снорри Стурлусон.* Круг земной. М., 1980. С. 11—16.
- ¹⁷⁶ См. *Seaton S. L.* The Early State...; ср.: *Арзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 (с многочисленными параллелями из разных обществ); Традиционные и синкретические религии. С. 199; *Кочакова Н. Б.* Рождение... С. 262, 264.
- ¹⁷⁷ *Firth R.* The Work of the Gods in Tikopia. N. Y., 1967. P. 15.
- ¹⁷⁸ *Ланда Д. де.* Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. М.; Л., 1955. С. 169—175; ср.: *Иорданский В. Б.* Хаос... С. 89.
- ¹⁷⁹ *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; ср. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык... С. 776—786.
- ¹⁸⁰ *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976; *Он же.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- ¹⁸¹ Ригведа. М., 1970. X, 90.

- ¹⁸² Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 20 и сл.; ср.: Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. М., 1977. С. 69; *Те Ранги Хироа*. Мореплаватели солнечного восхода. С. 228—229.
- ¹⁸³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969. С. 169; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 334 и сл.; ср.: Традиционные и синкретические религии. С. 55—56.
- ¹⁸⁴ Стратанович Г. Г. Формы верховной власти в теократических государствах Азии // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 195—216; Традиционные и синкретические религии. С. 184 и сл.
- ¹⁸⁵ Харузин Н. Н. Этнография. Ч. III. СПб., 1903. С. 243 и сл. См. также: Чеснов Я. В. Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 73.
- ¹⁸⁶ Стратанович Г. Г. Формы верховной власти... С. 198—200; ср.: Традиционные и синкретические религии. С. 159—161. Социальные связи (типа трехродовых союзов, фратрий, каст и т. п.), фиксируемые в ритуале и мифе, естественно, не равнозначны социальной реальности. Ср.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 118 и сл.
- ¹⁸⁷ Токарев С. А. Ранние формы религии. С. 288; Бугинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985. С. 187—188; Ревуенкова Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980. С. 151 и сл.
- ¹⁸⁸ Radin P. Primitive Religion. N. Y., 1957. P. 152—153; ср.: *Те Ранги Хироа*. Мореплаватели солнечного восхода. С. 148; Бугинов Н. А. Социальная организация... С. 52—53.
- ¹⁸⁹ Стратанович Г. Г. Народные верования Индокитае. М., 1978. С. 158—159; Традиционные и синкретические религии. С. 166 и сл.; Radin P. Primitive Religion. P. 153; Claessen N. J. M. The Early State: a Structural Approach // The Early State. P. 570.
- ¹⁹⁰ Мелетинский Е. М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. М., 1983. С. 26—27; Гринцер П. А. Древнеиндийская литература // Там же. С. 211.
- ¹⁹¹ Мелларт Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1980; История Древнего Востока. М., 1983. Ч. 1. С. 78 и сл.; Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- ¹⁹² Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 149 и сл.
- ¹⁹³ Bendann E. Death Customs. L., 1969; Moss R. The Life after Death in Oceania and the Malay Archipelago. Oxford, 1925.
- ¹⁹⁴ Шаревская Б. И. Старые и новые религии. С. 165—167; Кочакова И. Б. Рождение... С. 150—153; Стратанович Г. Г. Народные верования... С. 138—139.
- ¹⁹⁵ Пополь-вух. М.; Л., 1958. С. 13, 85 и сл.
- ¹⁹⁶ Оля Б. Боги тропической Африки. М., 1976. С. 58; Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 132, 154 (там же лит.).
- ¹⁹⁷ Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980. С. 52—94. Ср. статьи о балтской, германо-скандинавской, славянской, финно-угорской и других мифологиях в кн.: Мифы народов мира.
- ¹⁹⁸ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 243; Radin P. Primitive Religion. P. 216—217.
- ¹⁹⁹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 319; ср.: Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 361—368, 415, 467.
- ²⁰⁰ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. Т. 71—75.
- ²⁰¹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 319; ср.: Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 361—368, 415, 467.
- ²⁰² Гемуев И. Н., Сагалиев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.

- ²⁰³ *Котляр Е. С.* Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985. С. 104—105; Традиционные и синкретические религии. С. 300—331; *Неттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 127.
- ²⁰⁴ *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М., 1976, с. 50; Повесть Временных лет. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 56.
- ²⁰⁵ *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М., 1984. С. 107; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма. С. 63—82; *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. С. 198; *Belasco В. Y.* The Entrepreneur as a Culture Hero; Preadaptation in Nigerian Economic Development. N. Y., 1980.
- ²⁰⁶ *Мелик-Симонян К. А.* Социальные функции колдовства в африканских обществах // НАА. 1978. № 1. С. 186—196; *Кочакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации. С. 256.
- ²⁰⁷ *Levi-Strauss Cl.* The Savage Mind. L., 1968. P. 35—74; Мифы, предания и сказки. С. 23, 25, № 23; *Кёйпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1985. С. 34, 109 и др.; ср.: *Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Г.* В преддверии философии. М., 1984.
- ²⁰⁸ Одним из первых на значение дуальных противопоставлений как универсального средства описания отношений коллектива и космоса обратил внимание А. М. Золотарев; в основу своих исследований социальной структуры и мифологии поставил бинарные оппозиции К. Леви-Стросс. См. также: *Иванов В. В.* Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. М., 1972. С. 214, 222; *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 130—131; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 127. О мифологическом соотношении космоса и социума см. также: *Myth and Cosmos.* Chicago, 1967.
- ²⁰⁹ *Löffler L. G.* Beast, Bird and Fish. An Essay in South-East Asian Symbolism // Folk Religion and the World View in the Southwestern Pacific. Токуо, 1968.
- ²¹⁰ *Schärer H.* Ngaju Religion. The Hague, 1963.
- ²¹¹ *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире // Очерки истории естественнонаучных знаний; Мифы народов мира. Т. 1. С. 398—406.
- ²¹² *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 214—216 (там же сравнительный материал).
- ²¹³ *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире. С. 13 и сл.
- ²¹⁴ *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole. V. 2. P., 1965. P. 138—166; *Иванов В. В.* Бинарные структуры. С. 225 и сл.; Мифы. Т. 1. С. 519; *Жуковская Н. Л.* Ламанизм и ранние формы религии. М., 1977; Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 422—425.
- ²¹⁵ *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—58; ср.: Мифы. Т. 1. С. 656.
- ²¹⁶ Старшая Эдда. М.; Л., 1963. С. 32. Типологические и генетические параллели см.: *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 242—244 (там же лит.).
- ²¹⁷ *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. С. 202 и сл.; ср.: *Гринцер П. А.* Типология древнеиндийского эпоса. М., 1974. С. 218 и сл.
- ²¹⁸ *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа.
- ²¹⁹ *Луомала К.* Голос ветра. М., 1976. С. 96 и сл.; ср.: Сказки и легенды маори. М., 1981. С. 13 и сл.
- ²²⁰ См.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 530; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- ²²¹ *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
- ²²² *Eliade M.* Myth and Reality. L., 1964. P. 41.
- ²²³ *Eliade M.* The Myth of Eternal Return. L., 1966.
- ²²⁴ *Rooth A. B.* The Raven and the Carcass. Helsinki, 1962; Мифы. Т. 2. С. 670—671.
- ²²⁵ *Wilson M.* Religion and the Transformation of Society. Cambridge, 1971. P. 8—9. Старшая Эдда. С. 9—15. Нарушение индивидами социальных норм, в том числе табу, приобретало в вождествах и становящихся госу-

- дарства несравненно более широкое значение, чем в рамках рода или племени: гнев предков навлекался уже не на узкий коллектив сородичей, а на правителя и весь народ; о подобных представлениях ашанти см.: *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. С. 208.
- ²²⁶ Одиссея. М.; Л., 1935. XI, 485—492.
- ²²⁷ *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. С. 52—54; см. также: *Fatalistic Beliefs in Religion, Folklore and Literature.* Stockholm, 1967.
- ²²⁸ *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973; см., например: *Пополь-Вух.* В генеалогию, записанную на Маркизских островах и составляющую 159 поколений, включены бог неба (Небо-отец) и другие персонализированные стихии и явления природы.
- ²²⁹ *Голстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 295—296; *Керогазы Х.* Огузский героический эпос. М., 1976. С. 38—74.
- ²³⁰ *Абасев В. И.* Миф и история в «Гатах» Зороастра // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 310—321; см. также обзор: *Лелеков Л. А.* Современное состояние и тенденции авестологии // НАА. 1978. № 2. С. 189—207; *Дюмезиль Ж.* Верховные боги... С. 104—105.
- ²³¹ *Goody J.* Death, prosperity... P. 372—373.
- ²³² См., например: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970. Близкая точка зрения: *Diamond S.* The Rule of Law Versus the Order of Custom // Social Research. 1971. V. 38 (1).
- ²³³ *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. Близкая точка зрения: *Воханнан Р.* Law // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968.
- ²³⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 443; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.
- ²³⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 152; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 72.
- ²³⁶ *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 25, 29, 41.
- ²³⁷ *Харузин Н. Н.* Очерки первобытного права. М., 1898; *Гальперин С.* Очерки первобытного права. СПб., 1893, и др.
- ²³⁸ См., например: *Hoebel E. A.* The Law of Primitive Man: a Study of Comparative Legal Dynamics. Cambridge, 1954; *Pospisil L.* The Ethnology of Law. Menlo Park, 1978.
- ²³⁹ *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 470.
- ²⁴⁰ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 217; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма... С. 93, 119 и др.
- ²⁴¹ *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. С. 265. Ср.: *Сидоренко Н. И.* Моральная норма // Социальная сущность и функции нравственности. М., 1975. С. 47.
- ²⁴² Подробнее см.: *Першиц А. И.* Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- ²⁴³ *Kluckhohn C.* Pattering in Navaho Culture // Language, Culture and Personality. Menasha, 1941. P. 109 f.
- ²⁴⁴ См.: *Венгеров А. Б.* Значение археологии и этнографии для юридической науки // Сов. государство и право. 1983, № 3.
- ²⁴⁵ *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2.
- ²⁴⁶ *Fürer-Heimendorf C.* Moral and Merit: a Study of Values and Social Controls in South Asian Societies. Chicago, 1967. P. 2, 9—10.
- ²⁴⁷ *Венгеров А. Б.* Значение археологии... С. 31.
- ²⁴⁸ *Яacobson В. А.* Проблемы изучения государства и права Древнего Востока // НАА. 1984. № 2.
- ²⁴⁹ Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1962; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 1.

- 250 См., например: *Гарданов В. К.* Введение // *Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.* Нальчик, 1956. С. 4.
- 251 *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма... С. 117.
- 252 *Бутинев Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М., 1968. С. 117.
- 253 *Lowie R. H.* Notes on the Social Organization and Customs of the Mandan, Hidatsa and Crow Indians. N. Y., 1917. P. 20; *Danquah J. B.* Gold Coast: Akan Law and Customs and the Akim Abuakwa Constitution. L., 1928. P. 244; *Cory H., Hartnoll M. M.* Customary Law of the Haya Tribe, Tanganyika Territory. L., 1945. P. 283.
- 254 *Frazer J.* Totemism and Exogamy. L., 1910. V. 2. P. 410.
- 255 *Решетов А. М.* Матриплинейная организация у наси (мосо). М., 1964; *Richards A. J.* Some Types of Family Structure among the Central Bantu // *African Systems of Kinship and Marriage*. L., 1950. P. 226 f.; *Oliver D. L.* A Solomon Island Society. Cambridge, 1955. P. 133.
- 256 Первообытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 98, 133; *Firth R.* Bilateral Descent Groups // *Studies in Kinship and Marriage*. L., 1963. P. 30 f.
- 257 *Dumézil G.* Les enarées scythiques et la grosseesse du Narte Hamyc // *Latomys*. 1946. T. 5. Fasc. 3—4. P. 253 s.
- 258 *Созина С. И.* Мунски — еще одна цивилизация Южной Америки. М., 1969. С. 140; *Sahlins M.* Social Stratification in Polinesia. P. 163; *Seaton S. L.* The Early State in Hawai. P. 278.
- 259 *Косвен М. О.* Брак-покупка // *Красная новь*. 1925, № 2.
- 260 *Steinmetz S. R.* De «Fosterage» of Opvoeding in Fremde Families // *Steinmetz S. R.* Gesammelte kleinere Schriften zur Ethnology and Sociologie. Grönigen, 1928. Bd. 1.
- 261 *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. С. 16 и сл.
- 262 *Пекарчик С.* Вера в судьбу. Группа, индивид, эталоны поведения (Некоторые выводы из источников эпохи викингов) // *Средние века*. 1971. Вып. 34. С. 105.
- 263 *Shukla B. K.* The Dafla of the Subansiri Region. Shillong, 1959. P. 89.
- 264 *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникаций и их соотношении в общей системе культуры // *Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1970. С. 98 сл.
- 265 *Котляр Е. С.* Миф и сказка Африки. С. 188. О нормативной функции мифа см.: *Malinowski B. K.* Myth in Primitive Psychology. L., 1926.
- 266 *Goldman I.* Status Rivalry and Cultural Evolution in Polinesia // *AA*. 1955. V. 57, N 4. P. 680 f.; *Buxton J.* Mandari of the Southern Sudan // *Tribes without Rulers*. L., 1958. P. 67 f.; *Shapera I.* Government and Politics in Tribal Societies. L., 1965. P. 115.
- 267 *Косвен М. О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925. С. 100.
- 268 *Самоевасов Д. А.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. С. 17; *Munzinger W.* Ostafrikanische Studien. Leipzig, 1864. S. 207; *Post A. H.* Africanische Jurisprudenz: Ethnologisch-Juristische Beiträge zur Kenntniss der einheimischen Rechte Africas. Oldenburg; Leipzig, 1877. Bd. 2. S. 194 f.
- 269 *Fürer-Heimendorf C.* The Apa-Tanis and Thear Neighbours. L., 1962. P. 10 f.
- 270 Ср.: *Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960. С. 286; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма... С. 119 сл.
- 271 *Силицина И. Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. С. 141 сл., 152 сл.; *Gluckman M.* The Ideas of Barotse Jurisprudence. Manchester, 1972. P. 242 f.
- 272 См. в особенности: *Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886; *Он же.* Первообытное право. М., 1886; *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; *Ти-*

- хомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М., 1941; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма...; *Он же*. Категории средневековой культуры. М., 1972; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1887; Barton J. Jus Medii Aevi. Namur, 1965; Hoebel E. A. The Law of Primitive Man. Cambridge, 1954; Pospisil L. J. The Ethnology of Law. L. et al., 1978.
- ²⁷³ Gluckman M. The Ideas... P. 231 f.
- ²⁷⁴ Косвен М. О. Преступление... С. 13 сл.
- ²⁷⁵ Там же. С. 118.
- ²⁷⁶ Общественный строй у народов Северной Сибири. XVIII — начало XX в. М., 1970. С. 228, 290 и др.; Kriege J. D. The Realm of a Rain-Queen. L., 1943; Hoebel E. A. The Cheyennes. N. Y., 1960.
- ²⁷⁷ Epstein A. L. Juridical Techniques and Juridical Process. Manchester, 1954; Elias T. O. The Nature of African Customary Law. Manchester, 1956.
- ²⁷⁸ Першиц А. Н. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX—первой трети XX в. М., 1961.
- ²⁷⁹ Pospisil L. J. Karuaku Papuans and Their Law. New Haven, 1964. P. 244—245.
- ²⁸⁰ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. L., 1922. P. 62 f.
- ²⁸¹ Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970. С. 132—133.
- ²⁸² Львова Э. С. Этнография Африки. С. 167; Меретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980, С. 191.
- ²⁸³ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Изв. Ингушского НИИ краеведения. 1930. Вып. 2-3. С. 311—312.
- ²⁸⁴ См. в особенности: Gluckman M. Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxford, 1971.

ПЕРВОБЫТНОСТЬ И КЛАССОВЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Первобытная периферия классовых обществ

Складывание первых классовых обществ и соответственно первых государственных образований обозначило важнейший рубеж в развитии не только тех обществ, где появилось и то и другое, но и других общественных организмов, которые к этому времени находились на разных стадиях разложения первобытности либо вообще еще переживали период развитого первобытнообщинного строя. Конечно, в первую очередь это касалось тех из них, которые непосредственно соседствовали с первыми классовыми обществами. Но перемены затрагивали и те доклассовые общества, которые могли находиться иногда на довольно большом расстоянии от первых цивилизаций, будучи отделены от них либо естественными преградами, преодоление которых затруднялось тогдашним состоянием технических возможностей человечества, либо существованием между классовыми и доклассовыми обществами других общественных организмов, которые в этих случаях выступали в качестве посредников.

Сама по себе одновременность сложения классовых общественных структур у разных человеческих коллективов была проявлением универсальной черты всемирно-исторического процесса — его неравномерности. Разнообразие природных, социальных и демографических условий, в которых приходилось жить и функционировать разным человеческим группам и о котором не раз говорилось в предшествующих главах, обусловило различия в темпах развития хозяйства и общественных отношений еще на самых ранних этапах истории человечества, как бы ни были тогда малы эти различия.

С другой стороны, такой же универсальной закономерностью были все расширявшиеся контакты между разными обществами. И эти контакты делали возможным обмен хозяйственными и культурными достижениями между человеческими коллективами, которым приходилось существовать в очень разных условиях и тем не менее решать, в каждом случае по-своему, одни и те же важнейшие задачи: сохранение целостности и сплоченности общества и его культуры и обеспечение нормального функционирования данного общества в качестве самостоятельной социально-экономической системы.

Сочетание этих двух важнейших характеристик общественно-го развития: неравномерности темпов развития и объективной

неизбежности, а затем и необходимости контакта между обществами — в масштабах всей ойкумены уже довольно рано привело к складыванию отношений между общественными организациями, различавшимися по темпам и уровню развития, по типу «центр — периферия». Если под первым понимать общества, более продвинувшиеся по пути социально-экономической эволюции, а под второй — те коллективы, темпы развития которых оказывались заметно ниже, чем у первых.

Первоначально такие отношения формировались на границах между общественными организациями, представлявшими разные виды хозяйства — производящее и присваивающее. Многие из типичных для отношений центра и периферии черт возникли уже на этом этапе развития внутри первичной, по определению К. Маркса¹, общественно-экономической формации. Но с появлением первых цивилизаций произошло принципиальное изменение характера этих отношений: из predeterminedенных стадияльными различиями внутри одной и той же формации они превращались в межформационные. И одновременно в таких отношениях появился новый элемент, отражавший это изменение, а именно возможность эксплуатации периферийных общественных организмов классовыми обществами центра. Эта возможность в немалой степени стимулировалась тем, что с появлением первых цивилизаций разрыв в темпах развития начинает возрастать еще быстрее, чем это было в доклассовую эпоху между обществами с производящим и присваивающим хозяйствами, что резко увеличивало преимущества, которыми располагали общества центральные.

Конечным результатом контакта между классовым обществом и его первобытной периферией неизменно оказывалось расширение географической зоны центра, будь то путем ускоренного становления классовых отношений на периферии при сохранении ею самостоятельности или в итоге насильственного подчинения периферийных общественных организмов классовыми (что затем опять-таки вело к превращению периферии в классовое общество). Могут возразить, что по мере того как ускорялось разложение первобытнообщинного строя в периферийных обществах, особенно в тех случаях, когда такие общества вступали в эпоху классового образования в том смысле, в каком этот термин употребляется в главе 2, появлялась обратная возможность насильственного подчинения центра менее развитыми периферийными соседями. Эта возможность неоднократно реализовывалась в ходе исторического процесса. Тем не менее и в таких случаях обычно происходил более или менее быстрый переход победоносного периферийного общества к классовой (или хотя бы к раннеклассовой, если говорить о завоевании земледельческой цивилизации кочевым обществом) структуре, так что общая закономерность оставалась в силе. А кроме того, подобный вариант взаимоотно-

шений центра и периферии, хоть он и никоим образом не может считаться уникальным, все же, насколько можно судить при нынешнем уровне наших знаний, был представлен несравненно меньшим числом реальных конкретно-исторических ситуаций.

Проблема взаимоотношений классового центра и первобытной периферии подверглась подробному рассмотрению в отечественной науке в сравнительно недавнее время. В нескольких работах были проанализированы главные типы этих взаимоотношений, их направленность, результаты как для периферийных, так и для классовых обществ центра, региональная специфика указанных взаимоотношений. Было проведено четкое разграничение между характером контактов центра и периферии до появления первых классовых обществ и после их складывания и в этой связи предложены понятия апололитейности и синполитейности ².

Под апололитейными понимаются общества первобытные, существовавшие до возникновения древнейших цивилизаций и, соответственно, древнейшей государственности. Собственно как апололитейный, или «ойкуменически доклассовый», может рассматриваться весь доклассовый и догосударственный период истории человечества. После появления первых государств первобытные общества, сохранявшиеся параллельно с последними, превратились в синполитейные, а этот этап истории первобытности в целом может считаться синполитейным, или «регионально-доклассовым» ³.

Итоги упоминавшихся выше исследований позволяют нарисовать общую картину взаимоотношений центра и его первобытной периферии, какой она представляется сегодня. Вместе с тем вполне очевидно, что в рамках настоящей главы не могут подробно рассматриваться формы таких взаимоотношений в конкретных историко-культурных регионах земного шара, тем более что подобный анализ был проделан в этих исследованиях.

Подробное изучение проблемы центра и периферии показало, что результаты процесса их контактов и формы данного процесса существенно различались в зависимости от того, шла ли речь о воздействии классового общества на первобытное извне или о таком же взаимодействии, но осуществлявшемся уже после включения первобытного общества в рамки классового социального организма, когда такое общество по сути дела превращалось из собственно периферии классового общества в периферию, так сказать, «внутреннюю». Различия эти не касались общего результата взаимодействия, о котором говорилось выше; единственным исключением могли быть случаи прямого уничтожения первобытного общества при включении его территории в классовое военным путем. Но условия, в которых функционировала возникавшая в бывшем первобытном обществе классовая структура, а главное — судьба многих важнейших институтов разлагавшегося первобытного общества оказывались все же разными. Разным

был в принципе и темп трансформации: становление классовых отношений в условиях внутренней периферии происходило при прочих равных условиях быстрее, чем при внешнем контакте.

Отношения центра и первобытной периферии в двух этих случаях будут рассмотрены раздельно, что, впрочем, нисколько не исключает возможности совпадения отдельных форм и вариантов становления классовых отношений в периферийных обществах.

Первобытная периферия и классовые общества: общие замечания. То, что во всяком случае подавляющее большинство синполитейных первобытных обществ — СПО — находилось в контакте с общественными организмами классового уровня, в настоящее время представляется несомненным. Конечно, формы контакта, их интенсивность, результаты контакта как для СПО, так и для их классовых соседей обнаруживали немалое многообразие. Следует также учитывать, что всякий контакт в принципе не может быть односторонним, поэтому всегда должна была иметь место та или иная степень взаимодействия между его участниками. Однако как раз эта степень позволяет говорить о различении взаимодействия как такового, т. е. в конечном счете взаимовлияния, и прямого воздействия, т. е. влияния классового общества на СПО. В последнем случае обратное влияние было настолько несопоставимо с прямым, что им можно практически пренебречь при анализе. Именно поэтому мы можем говорить об обществах-донорах и обществах-реципиентах. Можно также с достаточным основанием утверждать, что случаи гораздо большего влияния донора на реципиента оставались во всемирно-историческом процессе гораздо более распространенным явлением, чем взаимодействие, более или менее сбалансированное.

Весьма важным моментом взаимодействия классовых обществ и СПО был характер вступающих в контакт общественных организмов. По-разному проходило взаимодействие между обществами раннеклассовыми, зачастую мало отличавшимися от своих соседей — СПО, или между обществами разных стадий вторичной общественно-экономической формации, по определению К. Маркса: восточными, античными или феодальными — и обществами первобытными, которые в свою очередь тоже могли находиться на разных уровнях социально-экономического развития. Здесь спектр простирался от общественных организмов с присваивающим хозяйством, которые к моменту складывания первых цивилизаций в междуречье Тигра и Евфрата, а в Новом Свете — в Мезоамерике и в Андском районе составляли если и не большинство окружавших эти цивилизации соседей, то во всяком случае заметную их часть, до таких общественных организмов, которые уже достаточно продвинулись по пути разложения первобытности. Примером последних могут служить древние германцы или фракийские и эфирские общества. Между этими двумя

полюсами располагались общества, уже перешедшие к производящему хозяйству, но еще не испытавшие далеко зашедшего разлагающего воздействия связанных с этим переходом перемен на их производственные отношения и социальную организацию. Такова была большая часть африканских обществ к югу от Сахары, индейские общества южной и юго-западной частей Северной Америки, многие общества Океании. Естественно, и формационно-стадиальная принадлежность классовых организмов, вступавших в контакт с СПО, обуславливала очень разные результаты контакта и в значительной мере также преобладание того или иного типа контакта, о чем речь пойдет ниже.

Наконец, важнейшее значение имело и то, осуществляется ли контакт при непосредственном соприкосновении входящих в него обществ или осуществляется опосредствован каким-либо третьим его участником, объективно выступающим в роли посредника. С этими обстоятельствами, равно как и с уровнем развития вступающих в контакт коллективов, оказывалась непосредственно связана и ими обусловлена интенсивность контакта: их регулярность, объем той информации, которую могли передать друг другу их участники, наконец, степень восприятия последней и вытекающая отсюда способность к изменению базисных и надстроечных структур (это в особенности относилось к реципиентам — СПО).

Структура периферии. С непосредственным или опосредствованным характером взаимодействия прямо связан факт как бы «ступенчатого» расширения зоны классового центра, постепенного распространения его влияния на все большую территорию. Ступенчатый характер процесса нашел свое выражение в складывании двух заметно отличавшихся друг от друга видов периферии — ближней и дальней. Первая была представлена теми СПО, которые непосредственно граничили с обществами классового уровня и имели с ними прямой контакт. Ко второй принадлежали СПО, находившиеся вне зоны прямого контакта и соответственно получавшие от классовых общественных организмов (и передававшие им) те или иные культурные импульсы через посредство разделявших их ближнепериферийных СПО. Вполне естественно, что последние оказывались в несравненно более благоприятном положении для того, чтобы воспринимать достижения классовых обществ в различных областях своей жизни, и, как общее правило, были более развиты, чем дальняя периферия.

С другой стороны, как раз наличие ближней периферии резко ограничивало возможности обратного воздействия дальнепериферийных обществ на общества классового центра: в принципе такое воздействие ощущалось довольно слабо, почему в случае взаимоотношений центра и дальней периферии возможно говорить по преимуществу о влиянии центра, а не о взаимовлиянии. В общесторической перспективе ближняя и дальняя периферия оказывалась в неравном положении не только в смысле

большого или меньшего доступа к достижениям центра, но и по, так сказать, глобальным результатам своего контакта с последним. Для ближнепериферийных СПО эти результаты (при несомненной двойственности воздействия на них центра) в целом все же означали чаще всего ускорение социально-экономического развития и становления классового общества. Для дальней же периферии итогом опосредствованного контакта чаще всего оказывалось замедление хозяйственного и культурного развития, а иногда и разрушение социально-потестарной и демографической структуры. Последний случай весьма характерен, например, для дальнепериферийных СПО средневековой субсахарской Африки: эти общества служили неисчерпаемым резервуаром невольничьей рабочей силы, которая поступала в Северную Африку и на Ближний Восток через посредство обществ субсахарской ближней периферии. Именно эти ближнепериферийные общества непосредственно эксплуатировали в данном случае дальнюю периферию, хотя такая эксплуатация вызывалась в конечном счете все же интересами центра⁴.

Немаловажным преимуществом для обществ ближней периферии было и то, что при определенных условиях они оказывались способны подчинить себе классовые общества центра военной силой. В таких случаях возникала как бы вторичная периферия, так как на некоторое время уровень хозяйственного и культурного развития завоеванного центрального общества понижался, в отдельных случаях весьма значительно: классовое общество превращалось в предклассовое. Но, как общее правило, победоносные завоеватели вынуждены бывали, как это подчеркнул в свое время Ф. Энгельс⁵, принять те социально-экономические условия и их надстроечное оформление, которые находили в подчиненных ими областях. В итоге и в этом случае происходило расширение центра за счет превращения в классовое общество завоевателей, хотя какое-то время уровень и хозяйственного и социального развития такого вновь возникшего классового общества заметно уступал прежнему, что и позволяет рассматривать такие общества в качестве вторичной периферии.

В общен исторической перспективе появление вторичнопериферийных обществ даже при быстром возрождении в них классовой структуры могло существенно замедлить темпы общественной эволюции на данной территории, что впоследствии ставило населяющие ее народы в неблагоприятные условия при резком ускорении хода всемирно-исторического процесса, в частности с началом эпохи колониальных завоеваний. По-видимому, едва ли не самым ярким примером такого отбрасывания назад может служить история хулагуидского Ирана во второй половине XIII — первой четверти XIV в.⁶ Вместе с тем в других случаях подчинение цивилизаций ближнепериферийными соседями, зачастую еще не переступившими порога производящего хозяйства, приво-

дило в конечном счете к складыванию новой цивилизации, причем такая новая цивилизация могла не уступать по своему уровню ранее существовавшей и даже превзойти ее. В качестве образца такого варианта эволюции можно указать на сложение ацтекской цивилизации после разрушения высокоразвитой цивилизации тольтеков и завоевания ее ареала охотниками и собирателями чичимеками, которые только начинали знакомиться с земледелием⁷.

Вместе с тем случаи складывания вторичной периферии, да и пример ацтекской цивилизации, оказываются связаны в первую очередь с военным взаимодействием центра и периферии. Сюда же можно отнести и случаи эксплуатации дальнепериферийных СПО ближнепериферийными: они также строились на применении или угрозе применения военной силы. Однако военное воздействие или взаимодействие представляло лишь один из нескольких возможных и реально существовавших в истории человечества типов контакта между классовыми обществами и их первобытной периферией. Это заставляет нас обратиться к рассмотрению типов и форм, которые принимало взаимодействие.

Типы контактов. Выделение таких типов зависит в значительной мере от принципов классификации. Так, если положить в основу функциональную роль контакта, то могут быть выделены контакты хозяйственные, социальные (в узком смысле этого слова), культурно-идеологические и потестарно-политические.

По-видимому, самыми ранними и в наибольшей степени влиявшими на развитие обеих участвовавших в контакте сторон были контакты хозяйственные. Они были выражением общественного разделения труда и образовывали достаточно большое разнообразие вариантов, от справедливого обмена на границе до регулярной торговли, регулировавшейся зачастую со стороны центра государственной властью. В то же время хозяйственные контакты центра и периферии в общем случае способствовали росту производительных сил за счет распространения прогрессивных производственных навыков и орудий труда (хотя случалось и обратное: например, консервация присваивающего хозяйства у африканских пигмеев). В целом же можно говорить уже о технологическом аспекте хозяйственного контакта. Вероятно, самым ярким его примером можно считать распространение из центра на периферию металлургии, что засвидетельствовано в большинстве регионов земного шара, керамического производства и вообще навыков производящего хозяйства.

Конечно, все это появилось намного раньше первых государств, но именно складывание цивилизаций намного ускорило их распространение в периферийных обществах⁸. Активизация хозяйственной жизни периферийных СПО, возникновение у них новых отраслей производства активно стимулировались потребностями классовых обществ, зачастую не располагавших таким

сырьем, которое изобиловало у их соседей — СПО. Такова, видимо, была роль первых цивилизаций Месопотамии, ввозивших металл, в развитии металлургического производства у окружающих их народов⁹.

Контакты социальные требовали прямого взаимодействия населения центра и периферии. По масштабам это взаимодействие могло быть разным, и в таком смысле можно разграничивать контакты массовые, когда во взаимодействие вступали либо все население того или иного СПО, либо значительная его часть, и контакты групповые, или, по определению некоторых исследователей, элитарные¹⁰. Последнее определение подчеркивает тот несомненный факт, что самыми активными участниками такого контакта были верхушечные слои как классовых, так и синполитетных обществ. Однако групповой контакт мог осуществляться и на нижних уровнях общественной структуры тех и других.

Впрочем, рассматривать социальные контакты в их, так сказать, «чистом» виде весьма затруднительно. Они, как общее правило, были сопряжены с другими функционально определяемыми видами контакта. В частности, контакт культурно-идеологический был бы немыслим вне рамок контакта социального, в особенности в том, что касается явлений духовной культуры. Вне этих рамок едва ли возможно рассматривать и потестарно-политические взаимодействия, потому что последние по существу направлены были на придание определенных устойчивых форм именно социальному общению между центром и СПО, на его упорядочение и институционализацию.

По всей видимости, одновременное существование и функционирование на границе между классовым миром и окружавшими его СПО всех этих видов контакта было общей закономерностью, так что их разделение возможно в принципе лишь на логическом уровне. Именно их совокупное воздействие определяло результаты взаимодействия донора и реципиента (в данном случае одностороннее влияние можно рассматривать как нулевое взаимодействие).

Контакты между классовыми обществами и СПО могут быть классифицированы также и по характеру и способу их реализации. В этом отношении их можно разделить на мирные и военные, а также рассматривать как разные виды контакта массовые миграции населения или инфильтрацию, т. е. постепенное проникновение отдельных сравнительно небольших групп или даже индивидов на территорию соседей. В целом миграционные перемещения чаще всего сочетались с военным контактом, тогда как инфильтрация обычно происходила в мирной форме. Однако и здесь невозможно провести абсолютную границу: инфильтрация могла начинаться с отдельных военных экспедиций на территорию соседа, первоначально не ставивших перед собой иных целей, кроме военного грабежа; только позднее это могло привести, при-

чем отнюдь не всегда, к поселению большего или меньшего числа участников таких набегов на новых землях, за пределами границ своего общества.

Так обстояло дело, например, в Сирии до завоевания ее арабами в VII в. или в греческих колониях на территории Северной Африки¹¹. В первом случае мы имеем дело с внедрением групп, представлявших СПО, на территорию классового общества, во втором — с появлением представителей классового общества на территории первобытной периферии. Однако во многих случаях такая относительно мирная инфильтрация оказывалась как бы прелюдией крупной миграции целой этнической или даже метаэтнической общности, а такая миграция неизбежно сопровождалась завоеванием. Примером подобного развития событий может служить история взаимоотношений между земледельческим, в основном ираноязычным, и кочевым скотоводческим, тюркоязычным населением Средней Азии на всем протяжении раннего средневековья¹². Таким образом, военные формы контакта можно подразделить на военно-грабительские или военно-завоевательные¹³, имея при этом в виду, что первый из них достаточно легко переходил во второй, а также и то, что в принципе военный контакт в любой его форме оказывался неотделимым от перемещения в том или другом направлении (на периферию или, наоборот, к центру) этнокультурных групп, чуждых основному населению тех территорий, на которые эти группы перемещались.

Само собой разумеется также, что параллельно с миграционными или инфильтрационными контактами вне зависимости от того, проходили ли они в мирной или военной форме, осуществлялось и все многообразие отмеченных выше функциональных контактов.

Вместе с тем одновременное проявление разных форм контакта вовсе не исключало преобладания какого-то одного их типа в зависимости от региона и исторического периода. К тому же и упоминавшиеся выше стадийные различия между вступавшими в контакты обществами одной и другой формаций оказывали едва ли не решающее воздействие на выявление такого преобладающего в той или иной конкретно-исторической обстановке типа контакта.

На самых ранних этапах существования классовых общественных организмов, когда разрыв в уровнях развития между ними и окружавшими их СПО был минимален, взаимность в контактах была достаточно высока, хотя в целом и здесь преобладало воздействие центра на соседей. Характерно при этом, что речь шла именно о влиянии на непосредственных соседей: сами по себе контакты практически еще никогда не принимали опосредственного вида. Иными словами, в эту эпоху существовала по существу лишь ближняя периферия, так как общества, лежав-

шие за ее пределами, не могли, как правило, иметь связей с ранними классовыми обществами. По-видимому, единственным сколько-нибудь серьезным исключением из общего правила были поставки сырья из европейских областей Восточного Средиземноморья в Переднюю Азию, происходившие при посредстве Эгейского мира¹⁴.

На этом этапе весьма ощутимо было прямое технологическое воздействие классового общества на СПО в виде передачи форм производящего хозяйства, тех или иных орудий и навыков производственной деятельности. Такое же, если не большее, значение имели обмен и торговля; если распространение орудий и навыков тех или иных видов хозяйственной деятельности происходило обычно стихийно, то в обменно-торговых контактах с самого начала было сильно организованное начало, выразившееся в руководящей роли в этих контактах социальной верхушки обеих участвующих в обмене и торговле сторон. Такое положение во многих случаях продолжало традицию, сложившуюся еще в эпоху классообразования (см. об этом в главе 2). И эти же высшие социальные слои были особенно заинтересованы в получении сырья для расширения общественного производства в своих обществах, которое служило основой их господствующего положения, а также в получении таких предметов и изделий, которые могли бы способствовать укреплению их статуса и престижа. Но точно так же нуждалась в такого рода предметах и изделиях и верхушка СПО, особенно те из них, в которых процесс разложения первобытности продвинулся уже достаточно далеко. Это предопределяло основные виды обменивавшихся товаров: сырье, предметы роскоши (естественного происхождения и ремесленные), вообще товары престижного характера. И одновременно такая торговля ускоряла разложение первобытного строя в СПО и стимулировала в них формирование классовых отношений и политической организации.

Отсутствие значительного разрыва между раннеклассовыми и синполитейными обществами в немалой степени облегчало и заимствование элементов духовной культуры и идеологии. В принципе и здесь более активной стороной в контакте были общества классовые. Но такие заимствования играли существенную роль в тех же самых процессах ускоренного разложения первобытности в СПО и становления классового общества, что и торговые связи. И именно в силу сравнительно небольшого разрыва между участниками контакта в этих случаях легче усваивалось и обратное идеологическое воздействие, когда раннеклассовое общество воспринимало определенные элементы духовной или потребительской культуры своих периферийных соседей. Однако и здесь результат контакта отражался с обеих сторон одну и ту же тенденцию: в СПО — к «расщеплению» единой культуры и выделению из нее элитарной культуры правящей верхушки, а в раннеклассо-

вых обществах — к расширению и стабилизации такой культуры, начавшей складываться раньше.

Тот же фактор — сравнительно малый разрыв между раннеклассовыми обществами и СПО этого периода — обеспечивал и определенный уровень взаимовлияния при военных контактах между ними. В данном случае инициатива также обычно была на стороне первых: их господствующий класс стремился к увеличению массы прибавочного продукта за счет прямого грабежа и за счет расширения сферы своего влияния, в пределах которой обычно складывалась данническая эксплуатация подчиненных групп населения. Тем не менее пример этот не оставался без подражания: родо-племенная верхушка СПО, движимая теми же побуждениями, особенно усиливавшимися в процессе классовобразования не раз осуществляла успешную военную экспансию против раннеклассовых обществ, подчиняя их себе и эксплуатируя в обеих указанных выше формах. При этом в роли нападающих могли выступать как СПО, уже вступившие в эпоху классовобразования, так и не создавшие еще окончательно производящего хозяйства (типа упоминавшихся выше чичимеков). В таких случаях относительно небольшой разрыв в уровнях вооружения и военной организации давал СПО достаточные шансы в военном столкновении с их классовыми соседями.

Однако даже в таких условиях на данном историческом этапе начала складываться одна из главных характеристик взаимоотношений между классовым центром и первобытной периферией — неэквивалентность всех видов обмена между ними. Это касалось и обмена видами деятельности, и области экономических и торговых обменов. Такая тенденция все больше выступала на первый план по мере того, как первые цивилизации проходили рубеж, отделявший раннеклассовое общество от развитого классового, а зона классового центра все более расширялась за счет формирования классовых обществ в более всего продвинувшихся по пути разложения первобытности СПО.

В эпоху классической восточной и средиземноморской древности произошла дальнейшая дифференциация по степени интенсивности контактов и преобладающим их видам между разными частями ойкумены. В переднеазиатском регионе такими стали контакты торговые и непосредственно с ними сопряженные прямые социальные. Наблюдалось заметное возрастание интенсивности обмена не только с ближней, но и с дальней периферией, причем намного расширилась сама географическая зона последней и увеличилось многообразие форм, которые приобретала торговля с нею. В ряде случаев можно было говорить о создании на периферии целых купеческих колоний. Что же касается военного контакта, то он в данном случае играл неодинаковую роль для классовых обществ и для СПО. Первые были в нем заинтересованы гораздо меньше, чем в торговле, предпочитая избирать

в качестве объектов своих военных предприятий другие классовые общества, причем такая деятельность бывала иногда весьма крупномасштабной, достаточно вспомнить Ассирию VIII—VII вв. до н. э. К тому же в результате расширения зоны центра СПО в данном регионе оказались отеснены как форма общественной организации в сравнительно удаленные и труднодоступные местности. В то же время эти СПО были гораздо более заинтересованы в военных формах контакта, включая и военно-захватнические.]

Заметно большей сбалансированностью отличалась система контактов с первобытной периферией античных обществ Средиземноморья. Уровень развития их экономики предполагал широкое использование торговых контактов. Непосредственный контакт с соседними СПО продолжал в целом преобладать и у них, но тем не менее именно для этих общественных организмов характерно и резкое расширение связей с дальней периферией — как прямых, так и опосредствованных, главным образом торговых. Оно нашло свое выражение в установлении стабильно действовавших постоянных маршрутов дальней торговли типа Великого шелкового пути из Средиземноморского бассейна в Китай или морского пути из красноморских портов в Южную и Юго-Восточную Азию и Восточную Африку. Активизация связей вела к вовлечению в отношения с центром многих общественных организмов дальней периферии и тем самым расширяла зону его воздействия на общества, еще находившиеся на разных уровнях первобытной общественно-экономической формации. В то же время это означало повышение роли ближнепериферийных обществ в обеспечении контакта с дальней периферией античных обществ, усиление их посреднической функции. Причем посредничество отнюдь не сводилось к торговым отношениям: оно могло принимать довольно значительные масштабы и в ходе передачи технологии и приспособления ее к условиям периферии.

Однако при всем том античные общества на протяжении всего существования античности сохраняли тенденцию к постоянным военным контактам с окружающей их периферией. Больше того, по мере приближения к концу античной эпохи эта агрессивная тенденция явно усилилась. Военные предприятия, направленные на подчинение ближнепериферийных СПО, означали непрерывное расширение зоны влияния центра. Такие военно-захватнические контакты в эту эпоху сопровождались нередко значительными по масштабам миграционными: в качестве примера можно указать на греческую колонизацию, охватившую обширные территории бассейнов Средиземного и Черного морей. Вместе с тем эти же военно-захватнические и миграционные контакты облегчали культурное взаимодействие, едва ли не самым ярким проявлением которого послужило формирование эллинистических культур

в странах Передней и Средней Азии, что предполагало довольно широкое распространение всего комплекса материально-технической культуры центральных классовых обществ. В сфере идеологии контакты оказывались, в особенности к концу античной эпохи, достаточно интенсивными для того, чтобы привести к внешней эллинизации или романизации социальной верхушки СПО (в качестве примера можно указать на вполне романизованную мавританскую знать на рубеже I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.¹⁵).

Вместе с тем военные контакты возникали в эту эпоху и в этом регионе также и по инициативе СПО, причем с ними обычно сопрягались контакты миграционного типа. Вернее, впрочем, было бы считать в большинстве случаев именно последние первичными, вызывавшими затем неизбежную военную реакцию. По такой схеме, собственно, проходило и все Великое переселение народов. Понятно, что в таких условиях культурное воздействие периферии на центральные общества бывало несравненно меньшим, нежели при продвижении классовых обществ на территории первобытной периферии. Однако и здесь можно отметить определенные заимствования, в материально-технологической сфере прежде всего. Так, греки с успехом использовали заимствованную у скифов конскую сбрую.

Преобладание военных и тесно с ними связанных миграционных форм контакта между классовыми обществами и периферийными СПО можно отметить и в различных районах Азии. Здесь во второй половине III тыс. до н. э. сложился мощный центр цивилизации в долине Инда (харапская цивилизация); не исключено, что его влияние послужило ускорителем процессов классовообразования в Восточной Азии; что же касается Юго-Восточной Азии, то здесь такое влияние представляется совершенно бесспорным. Однако самый этот центр прекратил свое существование, по всей видимости, в результате экспансии своих первобытных соседей, как южных, так и северных¹⁶. В Восточной и Юго-Восточной Азии взаимоотношения центра и периферии развивались в форме постепенного сокращения территории последней за счет экспансии классовых обществ, хотя обычно такой экспансии предшествовало распространение в зоне периферии материально-технических достижений центра, в первую очередь металлургии.

В то же время и в этих регионах контакт отнюдь не был односторонним. Например, СПО Чжоу разрушило древнейшее из существовавших на территории Китая Иньское государство, а кочевые племена на северных границах страны представляли постоянную угрозу на протяжении всей древней и средневековой истории китайской цивилизации. Но именно от этих северных соседей Китай получил такое мощное военное оружие, как боевая колесница, эффективно использовавшаяся потом в борьбе с сами-

ми же «северными варварами». И больше того: от своих южных соседей Китай заимствовал такое важнейшее хозяйственное изобретение, сыгравшее огромную роль в жизни китайской цивилизации, как рисосеяние.

На примере обществ Юго-Восточной Азии можно хорошо видеть, как постепенно происходило превращение некогда периферийных общественных организмов через последовательные этапы периферии ближней и дальней в составную часть классового центра, выступающую уже в этой функции по отношению к другим периферийным обществам. В этом отношении характерен пример Юго-Восточной Азии, где донгшонская культура VI—I вв. до н. э. и связанные с нею древнейшие государственные образования Индокитая, а затем и Индонезии сделались тем очагом, из которого распространялись передовые технологические навыки по всей островной части региона; одновременно с этим индокитайское и индонезийское влияние стимулировало здесь ускорение темпов общественного развития¹⁷. Но сама донгшонская культура и ранние государства Индокитая своим возникновением в значительной степени были обязаны влиянию ранее сложившихся цивилизаций как с запада, из Индии, так и с севера — из Китая. И даже еще гораздо раньше, в связи с миграциями австронезийцев, отдельные элементы хозяйства и культуры, происходящие из Юго-Восточной Азии, достигли океанийского мира¹⁸.

Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия интересна с точки зрения взаимоотношений между центром и периферией еще и тем, что природные условия этих регионов нередко затрудняли прямой контакт. При этом в ряде случаев сношения с дальней периферией оказывались легче контактов ближнепериферийных. И тогда возникало, казалось бы, парадоксальное положение, при котором дальняя периферия эволюционировала в направлении классового общества гораздо быстрее, нежели ближнепериферийные организмы; последние обнаруживали скорее тенденцию к застою, к превращению в общества-стаagnаты¹⁹. Но не редки были случаи и отбрасывания ближнепериферийных обществ в их общественном развитии назад, если контакт с цивилизацией заканчивался вытеснением таких обществ в неблагоприятные экологические зоны; в подобных случаях могли возникать и общества-регрессаты. По-видимому, самым известным примером такого варианта развития может служить судьба древнейшего бушменного населения Южной Африки; однако он известен и в других частях земного шара — скажем, во внутренних районах Австралии или в Большом бассейне Североамериканского континента²⁰.

Эпоха средневековья в определенной степени изменила характер контакта периферийных обществ с классовыми. В одних регионах, например в Европе, можно говорить о несомненном сни-

жении интенсивности контактов; в других, скажем, в субсахарской Африке и на большей части Азии, напротив, наблюдалось большее разнообразие форм контакта. Тем не менее в обоих случаях, хотя и в разной степени, произошло выдвигание на передний план контакта военного. В основе этого явления лежала одна общая причина: углубившийся разрыв в уровнях развития как между центром и периферией, так и, что особенно важно, между периферийными обществами. В принципе именно к этому времени относится, по-видимому, появление наибольшего числа обществ-регрессатов.

Возраставший разрыв в уровнях развития делал затруднительными хозяйственные, социальные и культурно-идеологические контакты, и распространение воздействия центра все чаще приобретало форму простой территориальной экспансии. Нередко роль носителя военной формы контакта принимали на себя ближнепериферийные общества, тогда как центр обычно поддерживал с ними мирные контакты, получая через ближнюю периферию интересовавшие его товары с периферии дальпей. Примером служит вся история африканской и арабской работорговли в Африке до появления европейцев, т. е. до второй половины XV в.

В европейских условиях увеличение роли военных форм контакта вызвано было, помимо уже упоминавшихся причин, и некоторыми дополнительными обстоятельствами, и прежде всего резким сужением географического ареала европейских первоытных периферийных СПО. Оттеснение этих СПО к окраинам континента исключало для большинства классовых обществ Европы (прежде всего Западной и Южной) непосредственные сношения с ними. Конечно, фактор сокращения территории первоытной периферии действовал на всей территории ойкумены; но степень его влияния на уровень контактов была различна в зависимости от природных условий и от размеров региона, в котором эти взаимодействия происходили, а в этом отношении Европа намного уступала Азии, Африке и Америке. Кроме того, временное сокращение непосредственного контакта с периферийными СПО обуславливалось в Европе также и заметным падением уровня хозяйства самих классовых обществ центра после распада Римского мира. Однако по мере восстановления этого уровня, особенно же после того как в Европе началось складывание капиталистических отношений, наступило время заметной активизации опосредствованных, почти исключительно торговых связей с периферийными СПО Севера Европы и Передней и Южной Азии, а также субсахарской Африки. Таким образом, и в данном случае до начала эпохи первоначального накопления, тесно связанной с Великими географическими открытиями, возрастала роль посредников в контактах, а среди них видное место занимали опять-таки ближнепериферийные СПО.

Результаты взаимодействия классовых обществ с первобытными СПО. Как уже говорилось, взаимоотношения классовых общественных организмов и первобытных СПО характеризовались в целом асимметричностью в том смысле, что воздействие первых на вторые было в обществено-историческом масштабе гораздо большим, нежели обратное влияние периферии на общества классового центра. Поэтому логично будет начать рассмотрение результатов контакта с того, что такой контакт давал первобытным СПО.

Все формы связей между классовым миром и СПО были подчинены совершенно определенной исторической закономерности. Она выражалась в том, что каким бы сильным ни было влияние донора на общество-реципиент, его результаты в конечном счете определялись тем, насколько спонтанное развитие последнего делало его восприимчивым к этим влияниям. Иными словами, усвоить можно было только то, для чего то или иное СПО созрело, в противном случае заимствуемое новшество оказывалось просто ненужным и не вызывало активного интереса.

С этим связана и еще одна особенность воздействия классового центра на СПО. В любом обществе-доноре его хозяйство, социальная структура, духовная культура и идеология существовали в виде некоей целостной системы, и изменение какого-то одного из ее элементов неизбежно влекло за собой бы изменение остальных. Но точно такая же система существовала и в обществе-реципиенте, поэтому восприятие влияний более развитого соседа, ближнего или дальнего, практически никогда не осуществлялось в целостном виде: всегда усваивались те или иные элементы хозяйства, социальной организации, культуры и идеологии. Но даже воспринятые в отрыве от породившей их системы такие элементы, внедряясь в СПО, неминуемо вели в случае их усвоения к серьезным изменениям той системы, которая характеризовала это СПО, в силу самого принципа системной организации.

По-видимому, проще всего проследить результаты влияния центра на первобытную периферию в сфере хозяйственной жизни. Проще потому, что такое влияние фиксировалось в виде усвоения определенных технологий и связанных с ними орудий труда, которые достаточно надежно подтверждаются археологически. Кроме того, археологические материалы позволяют установить географические масштабы контакта, как, например, в случае нахождения эллинистических или римских монет в таких удаленных от Средиземноморья регионах, как Юго-Восточная Азия или Восточная Африка. Вместе с тем сопоставление таких находок с этнографическими материалами очень выукло показывает только что упоминавшееся условие усвоения нового: соответствие уровня развития самого общества-реципиента этому новому. В числе факторов, определявших восприятие или неприятие новшества, немаловажную роль играли те природные условия, в каких функ-

ционировало данное СПО, и в еще большей мере — его собственная хозяйственная традиция, т. е. в конечном счете существовавшее в нем общественное разделение труда. В качестве примера можно сослаться, например, на австралийских аборигенов, так и оставшихся к моменту контакта с европейцами на уровне присваивающего хозяйства, хотя в некоторых частях континента была обнаружена керамика северного происхождения, датруемая началом I тыс. н. э.²¹ В сходном положении оказывались и африканские пигмеи: несмотря на многовековой контакт с народами, знавшими металлургию и земледелие, а иногда и достигшими уровня раннеклассового общества, они остались на стадии присваивающего хозяйства. Больше того, из технических изобретений соседей наибольший интерес для них представили железные ножи, оказавшиеся весьма эффективным средством поддержания традиционных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ форм хозяйства²².

Выборочный характер заимствований, способствовавший обычно поддержанию в СПО их традиционных форм хозяйственной деятельности, тем самым стимулировал и развитие межэтнического разделения труда, которое само по себе, видимо, было одним из главных результатов контакта в области хозяйства. Как отмечалось в литературе, такое разделение труда могло в перспективе вести к формированию новых, ранее не существовавших хозяйственно-культурных типов. В качестве примера такого развития обращалось внимание на появление ХКТ (или подтипа) кочевников-верблюдоводов у арабских племен, образовавшихся ближнюю периферию развитых переднеазиатских обществ²³. Повидимому, вполне аналогичным было и развитие берберского населения Сахары с той лишь разницей, что главным заимствованием оказался там сам верблюд, появившийся в Северной Африке достаточно поздно — на рубеже нашей эры.

Вероятно, не менее значительную роль, чем прямые технологические и технические заимствования (нужно подчеркнуть, что по указанным выше причинам заимствование отдельных орудий не означало заимствования целостной технологии), сыграли в историческом развитии СПО их обменно-торговые контакты с классовыми обществами. В принципе эту форму контактов, как правило, отличал неэквивалентный характер: с точки зрения экономических условий, существовавших в центре, обмен неизменно оказывался более выгоден для классового партнера, так как соотношение цен на те или иные товары было здесь совершенно иным, чем соотношение обменных эквивалентов внутри СПО. Однако даже и при таких условиях подобные контакты могли в ряде случаев служить стимулом для ускоренного развития отдельных отраслей производства на периферии, главным образом производства тех или иных сельскохозяйственных продуктов, развития горного дела и т. п.

Обменно-торговые контакты могли, однако, иметь и ярко выраженное тормозящее влияние на экономическое развитие периферийных обществ. Это происходило в тех случаях, когда центр предъявлял спрос на товары, получение которых периферийным общественным организмом не требовало расширения его собственной хозяйственной системы, т. е. происходило либо путем поддержания традиционных непродвинувших форм хозяйства, либо путем военного воздействия ближнепериферийных обществ на общества дальней периферии. Первый вариант представлен, скажем, развитием пушной торговли в Северной Америке и Сибири²⁴. Второй — историей средневековой транссахарской торговли золотом и рабами: ближнепериферийные СПО южной окраины Сахары получали то и другое от первобытных СПО, располагающихся далее к югу; в итоге торговля не создавала стимула для развития хозяйства на ближней периферии, дальняя же периферия подвергалась разрушительному воздействию военных экспедиций ближнепериферийных охотников за рабами²⁵.

Вместе с тем обменно-торговые контакты могли играть весьма важную роль в социальной эволюции периферийных СПО. Даже в тех случаях, когда они не способствовали развитию производства, они создавали предпосылки для появления и ускоренного развития имущественной дифференциации. Это облегчалось тем, что родо-племенная знать СПО, уже вступивших на путь разложения первобытнообщинного строя, была в наибольшей степени заинтересована в таких контактах и сосредоточивала в своих руках руководство ими (см. главу 2). Типичным для такой торговли был непродвинувший характер ввозимых из центра товаров: среди них преобладали высококачественные потребительские изделия и предметы роскоши, а также оружие. Руководящая роль социальной верхушки в торговле придавала контакту таких СПО с классовыми обществами сугубо элитарный характер, когда не возникало непосредственного общения сколько-нибудь значительных групп населения с обеих сторон. Такое развитие представлено в мировой истории множеством примеров в различные исторические эпохи, начиная с первых цивилизаций Месопотамии через античный мир, раннесредневековую Центральную Азию и позднесредневековую субсахарскую Африку, вплоть до эпохи массовой европейской и арабской работорговли на западном и восточном побережьях Африканского континента²⁶.

Говоря о воздействии обменно-торговых контактов на социальную структуру СПО, мы переходим в сферу контактов социальных. Здесь результаты взаимодействия оказывались тоже достаточно разными, и отбор в ходе такого взаимодействия тех или иных элементов социальной организации донора был в не меньшей, если не в большей степени, чем в случае контактов хозяйственных, обусловлен реальным уровнем развития СПО, вступившего в контакт с классовым миром.

По-видимому, истории неизвестны случаи полного заимствования форм общественного устройства. Как правило, разрыв в уровнях развития донора и реципиента делал это невозможным. К тому же степень восприимчивости СПО в немалой степени определялась ориентацией классового общества в ходе таких контактов: так, если греки в ходе колонизации сознательно старались сохранить максимальную замкнутость своих колоний, не допуская смешения с негреческим окружающим населением, то естественно, что это последнее не имело стимула к тому, чтобы перенимать формы общественной организации пришельцев.

Конечно, когда наблюдалось сочетание социального контакта с миграцией, воздействие центра на периферийные общества оказывалось более интенсивным и возникали возможности социального копирования²⁷. Однако чаще все же происходило, видимо, взаимное видоизменение структур, хотя, бесспорно, степень такого видоизменения оказывалась выше у реципиента.

В социальных контактах, пожалуй, наибольшее значение приобретало то состояние, в каком находились реципиенты. Несомненно, объективные возможности и субъективное стремление заимствовать формы общественных структур у классовых соседей возрастали в тех случаях, когда данное СПО находилось в состоянии значительных социальных изменений, когда устойчивость традиционных форм оказывалась в какой-то мере поколеблена. Хорошим примером в этом отношении могут послужить возникшие на протяжении VII—IX вв. суахильские города-государства Восточноафриканского побережья²⁸.

Как и в случае хозяйственных контактов, едва ли возможно однозначно ответить на вопрос о том, позитивным или негативным было влияние классовых обществ в сфере социальных контактов на СПО. Можно, во всяком случае, достаточно определенно говорить о том, что, если результатом таких контактов оказывалось образование жестко стратифицированной структуры кастового типа, где СПО функционирует в качестве нижней страты, роль социального контакта была неблагоприятной. Иллюстрацией такого хода развития могут послужить судьбы пигмеев-тва в обществах африканского Межозерья.

Еще большей была, вероятно, избирательность при усвоении инноваций, вносимых в ходе политических и культурно-идеологических контактов. Притом, если при политическом контакте главным было в общем вовлечение верхушки СПО в сферу притяжения общества классового, что могло создавать дополнительные условия для активизации контактов в других областях, то при заимствованиях культурно-идеологических многое зависело от того, каким «запасом гибкости» и приспособляемости к новым условиям обладал тот или иной элемент культуры (или даже целая субсистема ее в тех случаях, например, когда шла речь о восприятии мировых религий) общества-донора. А такая гибкость

во многом определялась тем, насколько этот элемент или субсистема культуры были привязаны к определенному этническому субстрату: при более или менее жесткой связи такого рода эти элементы или субсистемы оказывались, как общее правило, замкнуты рамками породившей их этнической общности. В качестве примера можно указать на такие религиозные системы, как конфуцианство, так и не вышедшее за пределы китайского этноса, или иудаизм, оказавшийся мало пригодным для общественных организмов, складывавшихся в иноэтничной среде.

В целом, однако, и здесь контакт оставался ограничен социальной верхушкой СПО, в особенности тогда, когда шла речь об усвоении таких достижений цивилизации, как письменность и тем более социально дифференцированные предметы материальной культуры в виде произведений искусства или изделий роскоши, а также связанных с такой дифференциацией вкусов и мод. Здесь особенно ощущался разрыв уже не столько между центром и периферией, сколько между наиболее продвинутыми СПО, где начинался и шел процесс классогенеза, и остальной первобытной периферией. Контакты в сфере политической и культурно-идеологической обнаруживали бесспорную тенденцию к ограничению их широты и как следствие к преобладанию в числе заимствований элитарных элементов. За редкими исключениями в среду рядовых членов СПО такого рода заимствования не проникали и не оказывали влияния на их повседневно-бытовую культуру.

Что касается контакта военного, то в дополнение к уже сказанному можно отметить, что итог такого контакта мог быть двояким: либо оказывалось в перспективе возможное укрепление социально-потестарной структуры вступившего в него СПО, либо дело завершалось если и не полным уничтожением СПО, то, во всяком случае, закреплением его отставания от классовых обществ, а то и деградацией, хозяйственной и социальной. Особенно четко проявлялась зависимость результатов контакта от уровня развития периферийного общества. Если последнее уже достигло определенного уровня разложения первобытнообщинного строя, военное столкновение с классовыми обществами могло заметно ускорить процессы классово- и политогенеза за счет потребности в укрупнении социально-потестарных единиц, роста и укрепления военной организации и вытекавших из этого перемен в социальной структуре.

Иначе говоря, в таких случаях контакт с классовым центром толкал первобытный СПО на военный путь институционализации власти. Правда, в случае неудачного исхода военного контакта СПО мог оказаться вытесненным за пределы прежней области обитания; но здесь оставалась возможность ускорения социального развития за счет военных усилий, требовавшихся для овладения новой экологической нишей, когда последняя оказыва-

лась уже занятой. Однако такой ход развития, по-видимому, наблюдался в меньшинстве случаев военного контакта. Чаще вытеснение СПО за пределы прежней области обитания замедляло развитие, а нередко это развитие и вообще сменялось стагнацией или регрессом. Это особенно наглядно проявлялось тогда, когда СПО оказывался в зоне, менее благоприятной, чем прежняя, по своим природным ресурсам: здесь могла возникнуть необходимость возвратиться к более примитивному хозяйственно-культурному типу.

Таким образом, при всей многозначности известных нам результатов контакта между классовыми обществами и первобытными СПО для этих последних можно с достаточным основанием утверждать, что в целом преобладала тенденция к дифференцированному воздействию. Контакты ускоряли развитие тех СПО, которые были к моменту их начала более развиты, но, как общее правило, замедляли развитие и усиливали отставание СПО отсталых.

Обратное воздействие контакта с СПО первобытной периферии на классовые общества центра также было достаточно многообразным и по своим формам, и по конечным результатам. И так же как и для обществ периферии, эти результаты зависели прежде всего от формационного и стадийного уровня развития контактировавших классовых обществ.

Для обществ раннеклассовых взаимодействие с периферией имело в большинстве случаев отрицательные последствия. Учитывая еще неустоявшийся, зачастую обратимый характер классовых отношений в таких обществах, к тому же еще сопровождавшийся и незначительным разрывом между ними и окружавшей их первобытной периферией, приходится говорить скорее о замедляющем воздействии последней на раннеклассовый центр. В самом деле, появление такого центра, конечно, создавало для его социальной верхушки возможность эксплуатации периферии в самых разных формах: от прямого военного грабежа до неэквивалентного обмена, и такие возможности, вне всякого сомнения, достаточно широко использовались. Однако при этом происходило обращение эксплуатации вовсе — и тем самым те общественные группы, которые получали от нее выгоду, лишались стимула к ускоренному развитию производства и эксплуататорских отношений внутри самих раннеклассовых обществ. В принципе это была та же самая модель, по которой впоследствии шло развитие СПО ближней периферии, когда последняя выступала в роли посредника при эксплуатации периферии дальней. Понятно, что это способствовало сохранению, а в отдельных случаях и возрождению архаических черт социальной организации, например родо-племенного деления населения или общинных структур. Все это в конечном счете выступало как тормозящий фактор в социально-экономическом развитии раннеклассовых обществ.

К этому добавлялась и возможность поражения раннеклассового общества при военном контакте с периферией, тем более, что на первых порах организационный и технический уровень военной силы не слишком различался у обеих соприкасавшихся друг с другом сторон. В таких случаях не столь уже редким бывало завоевание раннеклассового общества его первобытными соседями, а за этим неизбежно следовал регресс — и хозяйственный, и социальный. По-видимому, именно такой оказалась судьба, например, древнейших цивилизаций долины Инда.

И даже для сравнительно более развитых древних государств контакт с первобытной периферией отнюдь не всегда приносил положительные результаты. Конечно, возможности внешней эксплуатации не только сохранялись, но и возрастали по мере увеличения разрыва между таким государством и его первобытными соседями. Однако характерно, что большинство древних государств Передней Азии, начиная с Урука, предпочитало делать объектом экспансии не этих соседей, а скорее другие уже возникшие классовые общества. Контакт с первобытной периферией был необходим для нормального функционирования этих древних государственных обществ. Больше того, иногда наблюдалось, как это было в Китае, стремление по возможности ограничить контакты с доклассовыми соседями (впрочем, в Китае такая тенденция по отношению к северным соседям сочеталась с весьма энергичным продвижением на территорию первобытной периферии на юге).

Без сколько-нибудь значительного контакта обходились и многие классовые общества, возникшие вдоль главных торговых путей, особенно морских; так обстояло дело на побережье Восточной Африки и в Юго-Восточной Азии. Несколько иначе проходило развитие египетской цивилизации. Она сложилась и в ранние периоды своего существования функционировала без того, чтобы это функционирование существенно зависело от связей с соседями; в таком смысле Египет, взятый, так сказать, сам по себе, едва ли больше нуждался в контактах с периферийными СПО, чем другие ранние государства его стадияльного уровня (хотя сами по себе контакты отмечались еще в эпоху Древнего Царства). Положение, однако, коренным образом изменилось, когда Египет превратился в мировую державу, т. е. примерно с середины II тыс. до н. э. Теперь контакты стали неотъемлемой частью проводившейся Египтом политики, и именно эти контакты обеспечивали и военную гегемонию, и накопление богатств в руках правящего класса, и возможности непрерывного расширения сферы египетского влияния в южном и западном направлениях.

Принципиально иным было соотношение между центром и периферией в античную эпоху. Здесь контакты оказались необходимым условием самого существования античной цивилизации. Преж-

де всего периферийные первобытные СПО служили объектом интенсивной эксплуатации; в частности, в значительной мере именно они давали Греции и Риму те огромные массы рабов, которые были важнейшим фактором нормального функционирования рабовладельческого способа производства. Периферия поставляла и значительную часть того сырья, которое использовалось в общественном производстве античных обществ. Не менее важна была и другая сторона дела. Военные и миграционные контакты античных обществ с их периферией означали распространение рабовладельческого способа производства вширь, а это, с одной стороны, повышало его жизнеспособность, с другой же, смягчало в определенной степени присущие ему социальные противоречия. В данном случае, как и при внешней эксплуатации, происходило вынесение эксплуатации вовне и соответственно определенным образом замедлялось повышение уровня эксплуатации внутренней.

Именно для античной цивилизации оказывались особенно важны результаты военного контакта с периферийными первобытными СПО в тех не столь уж редких случаях, когда военный перевес бывал на стороне последних. В принципе самый выход Западной и Южной Европы из кризиса, поразившего рабовладельческий способ производства в первые века нашей эры, и перевод общества на феодальные рельсы были бы невозможны без таких ширококомаштабных военно-миграционных контактов, какими стало Великое переселение народов. Правда, такой ход развития в общем остался ограничен только зоной античной цивилизации, где он и завершился феодальным синтезом. Однако в целом успешные для СПО контакты военного типа с классовыми обществами, хотя их и нельзя рассматривать как явление универсальное, были достаточно распространены.

Такому итогу контакта способствовало то, что в общенсторическом масштабе СПО чаще всего бывали в военном отношении не слабее древних государств, а во многих случаях их превосходили. Понятно, что это не распространялось на эпоху римской военной гегемонии; но, с другой стороны, очень характерна та быстрота, с какой утратили свое военное преимущество над периферийными соседями эллинистические государства. Но в основном СПО, как правило, мало отличались от древних государств в военно-техническом отношении. К тому же общество периферийное, даже если оно находилось уже на стадии разложения первобытности, все же отличала большая сплоченность по сравнению с обществом классово-антагонистическим. И оба эти обстоятельства представляли немалое преимущество для СПО в случае военного контакта с классовым миром.

В случае победы и завоевания классового общества тем или иным СПО на завоеванной территории в какой-то мере временно возрождались первобытнообщинные отношения. Но это воз-

рождение бывало почти всегда недолгим, и очень скоро общество победителей, как уже говорилось в начале настоящей главы, само становилось классовым обществом. В таких случаях гибель «первичного» государства становилась как бы катализатором процесса становления государства «вторичного», т. е., иными словами, происходило ускоренное выравнивание уровней социального и хозяйственного развития между центром и периферией. Такова была во всяком случае ведущая тенденция. Однако абсолютизировать ее все же не следует, так как, во-первых, не все зоны цивилизаций испытали вторжения периферийных обществ (этого не было, например, в Юго-Восточной Азии), а во-вторых, бывали и случаи разрушения цивилизаций и отбрасывания далеко назад создавших их народов.

Эпоха средневековья наряду с усилением действия неравномерности исторического развития принесла и углубление региональных различий в контактах между центром и периферией. Так, Западная Европа практически обходилась без сколько-нибудь развитых прямых контактов (о причинах этого уже была речь). Восточная и Центральная Европа подверглась монгольскому нашествию, что несомненно замедлило темпы ее развития, но не смогло обратить его вспять, и на протяжении всего средневековья Русь довольно активно осваивала свою европейскую периферию на севере и северо-востоке континента. Сохранялись оживленные контакты с периферийными СПО и у обществ Передней Азии, Южной Азии и Северной Африки. Так, хозяйство одной из самых развитых областей Ближнего Востока — Ирака — во многом зависело от поступления рабов восточноафриканского происхождения. На Индостанском полуострове освоение первобытной периферии оказалось решающим фактором окончательного оформления кастового строя к концу I тыс. н. э. в результате видоизменения первоначальной системы варн под воздействием контакта с доклассовыми СПО²⁹. Таким образом, в этом случае контакты с первобытной периферией, включая ее в классовое общество, одновременно способствовали замедлению темпов социально-экономического развития последнего. А это в более отдаленной исторической перспективе стало одной из главных причин, предопределивших неудачу индийских обществ при сопротивлении европейской колонизации. И, наоборот, можно задать вопросом, не способствовало ли незначительное место непосредственного контакта с первобытными СПО в истории средневековой Западной и Южной Европы резкому увеличению темпов ее развития по сравнению с другими регионами ойкумены и как следствие — к отрыву от этих регионов и последующей, уже капиталистической их колонизации.

Вместе с тем было бы неверно сводить последствия контакта с первобытной периферией для классовых обществ к одним только социально-экономическим и военно-политическим. Несом-

мненным представляется, что в ряде случаев периферийные СПО оказали и прямое культурное и идеологическое воздействие на общественные организмы зоны цивилизации. Причем такое воздействие могло быть как прямым — например, в форме введения тех или иных божеств периферийных обществ в пантеон классового общества, так и опосредствованным. Примером последнего может служить появление и на западе и на востоке ойкумены этико-философских учений, положивших начало традиции апологетики «благородного дикаря», пережившей многие века. Они возникали на базе сравнения общественного быта раздиравшихся классовыми антагонизмами цивилизаций и жизни периферийных СПО, где внутренние противоречия не имели такой остроты, даже если эти СПО и вступили на путь классового политогенеза. По всей видимости, не случайным было оживление концепций «благородного дикаря» в тот самый период, когда Западная Европа после нескольких столетий почти исключительно опосредованных контактов с периферией средневекового классового мира вступила в прямые сношения с СПО различного уровня развития, но располагавшимися уже на других континентах.

В целом, однако, в усвоении классовыми обществами центра культурных достижений народов периферии наблюдалась та же самая тенденция, что и в отношении общего значения контактов с первобытными СПО для цивилизаций: по мере продвижения от древности к средневековью роль таких заимствований и их интенсивность постоянно снижались.

Первобытная периферия в новое и новейшее время. Эпоха Великих географических открытий и последовавшее за нею ускоренное развитие европейского (а затем и американского) капитализма и неразрывно с ним связанного колониализма привели к принципиальным изменениям во взаимоотношениях классового мира и его первобытной периферии. С одной стороны, и ранее асимметричный их характер превратился в большинстве случаев едва ли не в абсолютно одностороннее воздействие центральных обществ на периферийные СПО в сфере материально-технической и особенно военной. Но с другой стороны, одновременно резко возросло значение периферии для всего развития классового центра, если иметь в виду формирование в этом центре капиталистической общественно-экономической формации, приобретавшей глобальный характер.

Прежде всего нельзя недооценивать прямые заимствования. В качестве примера можно указать хотя бы на появление в Европе таких продовольственных культур, как кукуруза и картофель, в значительной степени обеспечившие возможность демографического подъема в Старом Свете на протяжении XVIII—начале XIX в. Их значение было настолько велико, что некоторые исследователи говорят о «продовольственной революции» XVIII в.

в Европе³⁰. В условиях переселенческих колоний Нового Света европейцы нередко воспринимали, особенно на первых порах, те или иные технологии, отвечающие природным условиям этих колоний и разработанные на протяжении веков местными СПО, находившимися на разных стадиях первобытности. В принципе к прямым заимствованиям можно отнести и такое ярко выраженное культурное явление, как небывалый взрыв интереса к африканскому и океанийскому искусству в Европе и США уже в начале XX в.

Однако главное место в возрастании роли первобытной периферии во всемирно-историческом процессе после Великих географических открытий принадлежало все же процессу первоначального накопления капитала. И хотя СПО выступали здесь в гораздо большей степени как объект воздействия, именно их участие в этом процессе было одним из главных и необходимых его условий. Именно периферийные СПО оказывались поставщиками рабочей силы для складывавшейся в Новом Свете колониальной экономики. В значительной мере от СПО поступали в Европу пряности, торговля которыми была одним из важных элементов первоначального накопления в таких странах, как Нидерланды. В условиях Южной Африки использование по существу рабского труда коренных жителей-готтентотов обеспечивало развитие скотоводческого хозяйства африканерских колонистов.

Контакты классового мира с периферийными СПО до перехода капитализма в империалистическую стадию и колониального раздела мира в большой мере носили опосредствованный характер. В частности, так обстояло дело в таких регионах, эксплуатация которых сыграла важную роль в процессе первоначального накопления, как Тропическая Африка и Южная и Юго-Восточная Азия. В то же время для Нового Света и Южной Африки типичными были непосредственные контакты между капиталистическим обществом и периферийными СПО.

Опосредствованными связями характеризовалась практически вся европейская работоторговля в Африке. Европейские и американские купцы получали невольников от правящей верхушки прибрежных общественных организмов, которые сами получали их из внутренних районов континента. Как правило, эти прибрежные общества были уже достаточно далеко продвинувшимися по пути разложения первобытнообщинных отношений, а некоторые из них стояли уже на пороге классового общества. При этом работоторговля, как общее правило, стимулировала развитие прибрежных контрагентов европейских работоторговцев в сторону превращения их в предклассовые и предполитические образования с ярко выраженным хищническим обликом, ориентированные прежде всего на военное ограбление своих более слабых соседей. И одновременно происходил процесс большей или меньшей стагнации собственного хозяйства этих обществ, как это не раз слу-

чалось и в докапиталистическую эпоху (хотя вопрос об уровне общественного развития народов тех регионов Африки, которые участвовали в европейской работорговле, сейчас служит предметом оживленных дискуссий).

Пожалуй, единственным исключением из этого правила было развитие культуры масличной пальмы в районах, прилегающих к побережью Бенинского залива, во второй четверти XIX в., да и оно сопровождалось заметным сокращением площадей под традиционными продовольственными культурами. Таким образом, контакт ближнепериферийных СПО с капиталистическим центром в основном оказывал резко отрицательное воздействие на их развитие. С тем большим основанием можно это сказать о его влиянии на находившееся на разных стадиях разложения первобытности общества глубинных районов континента: тенденция к полному разрушению их демографической и социально-экономической структуры, всегда присутствовавшая в опосредованных контактах дальней периферии с центром, в капиталистическую эпоху приобрела особенно выраженный характер.

В Южной и Юго-Восточной Азии контакт капиталистического мира с СПО в доимпериалистическую эпоху также был главным образом опосредствован обществами ближнепериферийными. Отличие от Африки заключалось в том, что в роли последних выступали уже вполне сложившиеся классовые общественные организмы. В результате здесь складывалась система взаимоотношений, состоявшая из обществ, представлявших не два, как в других частях ойкумены, а три формационных уровня: капиталистический, феодальный и первобытнообщинный (на разных его стадиях). Это, однако, не изменило того факта, что и здесь последствия даже опосредованного контакта СПО с центром оказывались, как общее правило, катастрофическими для первых.

Этот же катастрофический характер столкновения периферийных СПО с капиталистической цивилизацией уже в совершенно неприкрытой форме представлен в Новом Свете и в Австралии (то, что в Центральной и Латинской Америке речь шла не столько о капиталистической, сколько о позднефеодальной колонизации, не меняет существа дела). На этих континентах прямой контакт СПО периферии с обществами центра, либо уже ставшими капиталистическими, либо готовившимися переступить порог капитализма, имел следствием массовую гибель населения СПО и полное разрушение его социально-экономических структур. Эти СПО погибали и вследствие прямого военного воздействия, и от занесенных европейцами эпидемических заболеваний, и вследствие вытеснения в крайне неблагоприятные в природном отношении районы, неспособные прокормить сколько-нибудь значительные массы людей. В таких условиях первобытная периферия сохранялась более или менее долго только в тех случаях, когда традиционное хозяйство СПО оказывалось нужным для ин-

тересов капиталистических соседей; так случилось, например, с индейскими племенами, главным занятием которых была пушная торговля. Но и в этих условиях происходило разложение традиционной социальной структуры СПО³¹. Иногда разрушение этой структуры активно стимулировалось законодательными актами капиталистического государства; в этом смысле можно утверждать, что закон Дауэса, принятый конгрессом США в 1887 г. и положивший конец коллективному землевладению в индейских резервациях, положил конец и индейским СПО, до того сохранявшимся в качестве внутренней периферии в капиталистическом обществе.

Тем не менее немало периферийных первобытных СПО смогло сохраниться до нашего времени. Правда, практически все они сейчас оказываются внутренней периферией в рамках того или иного государства. Бесспорно и то, что даже в случае сохранения ими своей социально-экономической структуры и культуры, они все же не могут считаться совершенно не испытанными воздействия со стороны своих классовых соседей. Это и определяет необходимость достаточно строгих ограничений научной процедуры при использовании данных об этих СПО как источника для первобытных реконструкций³². Но бесспорно и то, что такое воздействие в ряде случаев было минимальным, и тогда периферийные СПО сохранялись как целостные социальные организмы, хотя и здесь едва ли будет правомерно говорить о существовании первобытного общества в его классических формах.

Причины такого сохранения первобытных СПО до наших дней в значительной мере определялись внешним фактором: тем, в какой степени благоприятны были для контакта природные условия района обитания СПО, а также тем, насколько заинтересованным оказывалось капиталистическое общество в этом районе с экономической или стратегической точек зрения. Совершенно очевидно, что одна ситуация складывалась, скажем, при эксплуатации лесных богатств Габона или Конго и совсем иная на Новой Гвинее вне зоны нефтедобычи. Понятно, что в последнем случае сохранность первобытнообщинных отношений и институтов оказывалась несравненно большей.

Не случайно поэтому, что все известные к настоящему времени первобытные СПО, находящиеся на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя, обитают в таких географических районах, которые труднодоступны даже при современной технике. В частности, так можно рассматривать достаточно многочисленные папуасские группы, живущие в горных районах Новой Гвинеи и находящиеся еще на стадии каменного века³³. Повидимому, еще более «чистые» образцы периферийных СПО представляют отдельные группы индейцев Амазонии, о существовании которых впервые стало известно в последние годы в связи со строительством Трансамериканской автодороги. Наконец, к со-

временным первобытным СПО относятся и отдельные группы африканских пигмеев и бушменов, хотя в обоих этих случаях есть достаточные основания говорить о деградации традиционных форм хозяйства. К числу первобытных СПО относятся также некоторые группы аборигенов в Центральной Австралии, и в большинстве случаев идет речь об общностях, остающихся на стадии присваивающего хозяйства.

Вместе с тем следует учитывать, что в новое и новейшее время продолжалось собственное спонтанное развитие СПО, вытекавшее из объективных закономерностей, присущих самим этим обществам. Хотя остается открытым вопрос, в какой степени относительная изоляция большинства таких обществ способствовала такой спонтанной эволюции или же, наоборот, означала стагнацию³⁴.

Как бы то ни было, в современных условиях сохранившиеся еще первобытные СПО находятся в состоянии трансформации, темпы и результаты которой, конечно, в каждом отдельном случае будут определяться конкретными историческими обстоятельствами. Но эта трансформация не исключает того, что, перестав быть первобытными в строгом смысле этого слова, эти СПО еще достаточно долго будут сохранять некоторые наиболее устойчивые черты первобытнообщинного строя, могущие иметь определенное экономическое и культурное значение и в новой обстановке. По-видимому, в этом отношении судьба таких черт в современных СПО не будет существенно отличаться от того, что нам известно о функционировании отдельных институтов первобытнообщинного строя в классовых обществах еще задолго до нашего времени.

2. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах

До недавнего времени в историко-этнографической литературе безраздельно господствовало мнение, что классовым, преимущественно докапиталистическим, обществам свойственны многочисленные остатки, или пережитки, первобытнообщинного строя. Такие остатки обычно видели или видят в племенном и метаплеменном делении многих ранних народностей, в различных типах постепервобытной общины, в родственных и квазиродственных объединениях, в некоторых брачно-семейных институтах и обычаях, в отдельных поведенческих нормах и идеологических представлениях. Однако теперь это мнение — уже не единственное. Одни исследователи, указывая на архаичный характер всех таких явлений и форм в докапиталистических классовых обществах и прослеживая их доклассовые корни, по-прежнему усматривают в них остатки первичной общественно-экономической формации. Другие, подчеркивая качественно иную роль многих таких явле-

ний и форм в классовые эпохи, отказываются видеть в них остатки и говорят о них как о новообразованиях. При этом речь идет в первую очередь о таких фундаментальных категориях, как, например, соседская община, большая семья или патронимия. В результате спорным становится само понятие многих остатков первобытнообщинного строя, в связи с чем первоисточенное значение приобретает вопрос об их общей трактовке.

Что имеется в виду под остатками первобытнообщинного строя в классовых обществах: остаточные явления эпохи классической первобытности или остаточные явления эпохи ее разложения и формирования классового общества? Если стать на первую из этих точек зрения, то мы должны искать в послепервобытные эпохи непосредственные и прямые проявления общинно-родовой собственности на средства производства, уравнительного распределения, общинно-родовой организации, парного брака и соответствующих ему брачно-семейных обычаев и т. п. Ясно, что подобного рода остаткам в классовых обществах почти не может быть места, и от классической первобытности здесь в лучшем случае сохраняются отдельные элементы обрядности или осколки идеологических представлений.

Казалось бы, не более продуктивна и вторая точка зрения, согласно которой классовым обществам присущи остаточные явления эпохи разложения первобытнообщинного строя. Вспомним: ведь именно в эту эпоху в процессе изживания подлинно первобытной эгалитарности появляются отношения, структуры и нормы, отрицающие такую эгалитарность и приводящие к возникновению антагонистических общественных классов и оторванной от народа публичной власти — государства. Многочисленные явления этой эпохи — уже зародившиеся прибавочный продукт, частная собственность, эксплуатация человека человеком и т. п. — действительно сохраняются, получая дальнейшее развитие в антагонистическо-классовые эпохи. Но можно ли их рассматривать в эти эпохи как остаточные явления предшествующего времени? Очевидно, что нет: по самой своей сути, по своему месту в системе классовых социальных организмов это не остатки старого, а развившиеся зародыши новых общественно-экономических укладов.

И все же именно эта вторая точка зрения на истоки остаточных явлений первобытнообщинного строя в классовых обществах представляется правильной, так как на деле едва ли не все отношения, структуры и нормы эпохи классового образования диалектически противоречивы. Как мы уже видели в главе второй, тенденции социального и имущественного неравенства еще соединены в них в той или иной мере с остатками первобытной эгалитарности, что придает основным институтам эпохи неоднозначный, двойственный, переходной характер. Иначе говоря, в этих институтах присутствуют и зародыши нового, и остат-

ки старого. Первые по мере классовобразования и позднее, уже в сформировавшихся классовых обществах, развиваются; значит, в силу одного этого они не могут быть отнесены к категории остаточных явлений. Вторые в ходе тех же процессов затухают, и вот именно они-то и становятся остаточными явлениями первобытнообщинного строя в классовых обществах. При этом здесь перед нами, как правило, не реликты, а дериваты, в некоторых же случаях реституты. А в качестве таковых они могут приобретать самостоятельную жизнь и даже — на определенных, часто длительных отрезках времени — укрепляться. Следовательно, о затухании остатков первобытнообщинного строя в классовых обществах можно говорить, лишь имея в виду очень широкую историческую перспективу, а также и непрямую, неоднонаправленность подобного затухания.

Такое понимание механизма сохранения остатков первобытности в классовых обществах полностью соотнобразуется с предложенной во введении к первому тому настоящего издания трактовкой переходного периода от первобытного общества к классовому как периода межформационного, в равной мере охватывающего и заключительный этап первичной, и начальный этап вторичной социально-экономической формации. В соответствии с этой трактовкой на конечном этапе первобытной истории в процессе становления частной собственности, классов и государства тем самым происходит и постепенное изживание первобытнообщинных порядков; на начальном же этапе классовой истории ее основные институты становятся мощным фактором дальнейшего, более интенсивного изживания остатков этих порядков. Понятно, что при этом остаточные явления первобытности особенно заметны в раннеклассовых обществах, т. е. на начальных этапах развития тех классовых обществ, которые могли непосредственно сменить позднепервобытные общества. Однако они нередко сохраняются и в развитых докапиталистических (а в какой-то мере и в капиталистических) обществах, причем преимущественно те из них, которые относительно легко подвергаются классовому превращению или могут быть использованы господствующими классами в своих целях.

Остаточные явления первобытнообщинного строя в классовых обществах настолько многочисленны и многообразны, что скольнибудь полно охарактеризовать их в рамках этого раздела не представляется возможным. Остановимся на наиболее значимых из них, а также таких, которые из-за расхождений в их историко-этнографической трактовке привлекли к себе заметное внимание исследователей.

Племя и метаплемя. Как и всякий исторический процесс, этнический процесс обладает наряду с общими закономерностями локально-временной спецификой. То общее положение, что с переходом к раннеклассовым обществам племена и метаплемена

сменяются народностями, не означает, что это происходит в любом раннеклассовом обществе с момента его возникновения. Те или иные конкретные причины в одних случаях способствуют ранней консолидации народностей, в других — замедляют этот процесс. Указанное обстоятельство уже привлекло к себе внимание при разработке общей теории этноса, в результате чего были дифференцированы «первичные» народности, возникшие непосредственно на базе племенных этнических общностей и еще сохраняющие в своей структуре племенное деление, и «вторичные» народности, сложившиеся на основе других народностей и как следствие этого полностью или почти полностью утратившие остатки племенных связей³⁵.

Пережитки племенного или метаплеменного деления известны у многих древних, средневековых и современных народностей — эллинов и римлян, германцев и славян, народов Африки, Западной и Южной Азии и др. В некоторых случаях такие пережитки надолго консервировались в результате своего рода социализации племенных и метаплеменных различий при сложении на их основе кастовых систем, как это имело место, например, в Индии или в Южной Аравии. Однако в целом длительная консервация остатков этнических общностей, характерных для эпохи разложения первобытнообщинного строя, особенно свойственна народам, исторически принадлежавшим к хозяйственно-культурным типам горных земледельцев-скотоводов или полукочевых и кочевых скотоводов аридной зоны, таких, как курды, пуштуны, значительная часть арабов, западные адыги, казахи, киргизы, туркмены и т. п. Именно у них (в меньшей степени также у народов Тропической Африки) эти пережитки лучше всего изучены этнографически и даже стали предметом особого теоретического осмысления.

В последнее время все чаще высказывается мнение, что племенное (метаплеменное) деление классовых этносов не связано с этническими общностями первобытнообщинного строя. При этом одни авторы исходят из как бы дискриминационного звучания этих терминов применительно к современному населению развивающихся стран³⁶, другие — из несопоставимости социальных признаков первобытных племен и их остаточных форм в классовых обществах³⁷. Второй из этих подходов теоретически основательнее, и поэтому представляется неслучайным, что исследователи, придерживающиеся данного взгляда, решают вопрос все же не вполне однозначно. Отмечая классовый характер поздних, или «вторичных», племен и метаплемен, которые по своей социальной и собственно этнической сущности уже не соответствовали первобытным прототипам, эти исследователи в то же время не только говорят об их внешнем сходстве, но и рассматривают первые как реликты вторых.

На наш взгляд, правильнее было бы говорить не с реликто-

ности, а о дериватности если не всех, то многих «вторичных» племен и о еще не завершенном процессе их классовой трансформации. В социально-политическом отношении они, как правило, отличались от соседнего населения большей патриархальностью (или по крайней мере патриархальной завуалированностью классовых элементов) своей внутренней структуры, в собственно этническом отношении сохраняли значительную диалектно-культурную специфику³⁸. Там, где подобное положение наблюдается до сих пор, именно оно и является объективной основой, на которой возникают многочисленные проблемы трибализма. И только с рассасыванием этой объективной основы остатки племенного и метаплеменного деления в этносах классовых обществ теряют реальную связь со своими доклассовыми истоками, подобно тому как это наблюдается у ряда современных народов Средней Азии, Кавказа и Сибири. Однако даже и в этих случаях совершенно очевидна генетическая связь, чем и вызвана двойственная позиция части исследователей, о которой говорилось выше.

Соседская община. Соседской, или территориальной, общине как остаточной структуре первобытнообщинного строя большое внимание уделили К. Маркс и Ф. Энгельс³⁹, рассматривавшие ее не только как форму перехода от первичной ко вторичной формации (земледельческая община)⁴⁰, но и как «весьма заметные остатки» в истории цивилизованных обществ⁴¹. Характерной чертой соседской общины Маркс считал дуализм между соседско-общинной собственностью на землю и частной собственностью на крестьянский двор, что с неизбежностью влекло за собой частное присвоение продуктов труда⁴². При этом он наметил общую тенденцию сужения соседско-общинного коллективизма, выделив три формы общины в классовых обществах: азиатскую, античную и германскую, т. е. средневековую. Наиболее полно коллективистический компонент соседско-общинной структуры представлен в азиатской общине, неотъемлемой принадлежностью которой были наделы отдельных домохозяйств. Это объяснялось еще сохранявшейся большой ролью межсемейной кооперации, недостаточностью межобщинного разделения труда и неразделенностью сельскохозяйственной и промышленной деятельности внутри общины. В античной общине наряду с общей (в данном случае государственной) существовала частная земельная собственность общинников, но лишь постольку, поскольку они сами были членами общины. Наконец, в германской общине, с дальнейшим обособлением домохозяйств, «не собственность отдельного индивида выступает как опосредованная общиной, а, наоборот, в качестве опосредованного выступает существование общины и общинной собственности»⁴³.

За прошедшее с тех пор время соседская община изучена на огромном историческо-этнографическом материале — не только европейском и азиатском, но также на африканском и американ-

ском. Результаты этого изучения показали плодотворность общего понимания К. Марксом и Ф. Энгельсом места соседской общины в истории общества и позволили его развить и детализировать.

В частности, подтвердился универсально-исторический характер соседской общины не только как формы перехода от доклассового общества к классовому, но и как производственного и социально-бытового коллектива, сохранявшегося в структуре докапиталистических классовых обществ из-за незавершенности развития частнособственнических отношений, потребности в трудовой кооперации и интересов господствующих классов.

Разумеется, универсальность в этом случае, как и во многих других, не следует понимать упрощенно. Бывало (как, например, на Гавайских островах), что в условиях хуторской системы расселения соседские связи рвались уже на пороге классового общества. Однако такие факты были не правилом, а исключением. В целом соседская община обнаружена практически во всех докапиталистических классовых обществах Европы, Западной, Южной и Восточной Азии, Северной и Тропической Африки, Центральной и Южной Америки⁴⁴. Притом если в прошлом соседская община была известна только у земледельцев (откуда ее синонимы — поземельная, сельская, деревенская община), то в последние десятилетия она изучена также в раннеклассовых обществах полукочевых и кочевых скотоводов (как пастбищно-кочевая, или ауальная, община)⁴⁵.

Как считает большинство исследователей, подтвердился также взгляд на соседскую общину как на структуру, коллективистские компоненты которой в ходе истории теряли свое значение. Это относится не только к намеченной К. Марксом эволюции азиатской общины в античную, а античной — в германскую, но и к собственной эволюции каждого из этих типов общин. Так, на Древнем Востоке коллективная собственность соседской общины на землю в Шумере прослежена не далее династии Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.), в Ассирии — не далее среднеассирийского периода (XVI—XII вв. до н. э.), в Эламе — до начала II тыс. до н. э., в Аррапхе — до середины I тыс. до н. э.⁴⁶ и т. д. В античном мире, применительно к которому в последние десятилетия привлекла к себе внимание внегородская крестьянская община, установлен факт постепенного уменьшения ее земельного фонда, хотя для позднеримского времени отмечена и противоположная тенденция возрождения и укрепления крестьянских общин, связанная с начавшимся процессом феодализации. Это возрождение не без оснований считается одной из причин кризиса основного типа античной общины — городской, или гражданской⁴⁷. Наконец, для феодальной эпохи на примере германской соседской общины предложена следующая схема эволюции: община с переделами пахотной земли и появлением

частного землепользования; община без таких переделов и возникновением ограниченного наследования земельных участков; община-марка со свободно отчуждаемыми аллодами и коллективной собственностью только на второстепенные угодья (альменду)⁴⁸.

Между тем накопление и освоение, особенно в последние годы, большого нового материала по соседской общине в разные эпохи и у разных народов показало значительную вариативность ее развития. В частности, подтвердилась высказанная уже во второй половине XIX — начале XX в. мысль, что конечной фазой эволюции соседской общины могла быть не община-марка, а передельная община. Более тщательный анализ исторических источников, а равно и этнографические данные показали, что соседская община на начальном этапе своего развития, в условиях земельного простора, вообще не знала земельных переделов. Это открыло путь к принципиально иной трактовке соседской общины: как структуры, коллективистские компоненты которой не обязательно постепенно затухали, а, наоборот, могли развиваться. И отсюда последовали два близких, хотя и не вполне совпадающих между собой выводы. Первый: хотя соседская община генетически и связана с первобытной, она является не остатком первобытности, а новообразованием⁴⁹. И второй, представляющий собой крайнее выражение первого: соседская община — совершенно особый институт, не унаследованный непосредственно от первобытности и, более того, генетически с ней не связанный⁵⁰. Иными словами, в обоих случаях соседская община рассматривается как новообразование классовой эпохи, но в первом как имеющее какие-то корни в первобытности, а во втором — как не имеющее таких корней.

Казалось бы, традиционный для нашей науки и только что охарактеризованный новый подход к трактовке соседской общины полностью исключают один другой. Но на деле они несовместимы лишь при упрощенном понимании остаточных явлений как некой недифференцированной категории реликтов, или пережитков. Между тем в источниковедческом разделе первого тома данного издания мы видели, что эта категория включает в себя наряду с простыми реликтами также и приспособленные к новым реальностям дериваты. И с этой позиции различие между традиционным и новым подходами к трактовке соседской общины имеет, на наш взгляд, не столько сущностный, сколько терминологический характер.

Соседская, или крестьянская, община классового общества несомненно генетически связана с такой позднепервобытной, предклассовой формой, как первобытная соседская, или протокрестьянская, община, и в этом отношении ее коллективистские начала являются не новообразованием, а остатком. Однако это существенно видоизмененный остаток, дериват, в котором такие начала выступают в диалектической связи с частнособст-

венническими, классовыми началами и более того — в подчиненной последней форме. Соответственно этому эволюция общинных порядков в классовых обществах была не столько саморазвитием, сколько развитием, зависимым от потребностей этих обществ. Там, где социально-политические интересы господствующих классов (например, нужды обеспечения круговой поруки в уплате налогов и ренты, в удешевлении низового аппарата управления и т. п.) требовали укрепления и расширения общинных порядков, последние могли не только стабилизироваться, но и прогрессировать вплоть до введения земельных переделов. В других случаях соседская община могла оживляться и даже приобретать характер реститута в условиях колонизации необжитых земель, создававшей новые стимулы для коллективных трудовых усилий⁵¹. Коротче говоря, эволюция соседской общины в классовых обществах зависела от самых различных исторических и природных факторов, а разложение в ней коллективистских начал не было сколько-нибудь прямолинейным и равномерным. Но при всем том в широкой исторической перспективе и во всей своей дуалистической противоречивости эта структура не может рассматриваться только как новообразование классовой эпохи, а тем более как новообразование, генетически не связанное с соответствующими доклассовыми структурами.

Семейная община и патронимия. С соседской общиной часто связывают другой вид общины — семейную, домашнюю и т. п., объясняя ее бытование в докапиталистических классовых обществах теми же самыми причинами, т. е. незавершенностью развития частнособственнических отношений, потребностями в трудовой кооперации, интересами господствующих классов. Сближает эти две структуры как явления, свойственные послепервобытным эпохам, и то, что на место семейной общины в истории также существуют два противоположных взгляда. Согласно одному из них, она — остаток первобытнообщинного строя, причем восходящий даже не к патриархальным семьям эпох классового образования, а к так называемым материнским семьям классической первобытности⁵². Согласно другому взгляду, она не является пережитком первобытнообщинного строя, а возникла с переходом к классовому обществу и является новообразованием⁵³. На наш взгляд, этот общий вопрос должен решаться так же, как и вопрос об историческом месте соседской общины. Семейная община классовых обществ — дериват или реститут заключительной поры первобытности, когда складывается ее замкнутый на себя коллективизм, в общем и целом затухающий в ходе классовой истории.

В современной литературе уже неоднократно обращалось внимание на то, что семейная община не может рассматриваться как явление, таксономически однопорядковое соседской общине⁵⁴. Не только в доклассовом, но и в классовом обществе

семейная община, как и всякая семья,—обычно лишь хозяйственная ячейка соседской общины. Однако сосуществование этих двух структур не является строго обязательным. Известны, хотя и нечасты, случаи, когда семейные общины существуют вне соседских общин, а последние могут состоять не из больших, а из малых семей.

Вообще семейная община—явление, менее универсальное, чем соседская община. В отличие от последней, одинаково присутствующей как оседлым земледельцам, так и полукочевым или кочевым скотоводам, настоящим кочевникам она, по-видимому, неизвестна. Правда, ряд авторов придерживаются другого мнения, ссылаясь в подтверждение его на этнографические материалы по казахам, киргизам, туркменам, каракалпакам⁵⁵ и т. д. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что приводимые сведения относятся не к собственно кочевым скотоводам, а к полукочевникам, совмещающим скотоводство с земледелием, причем существованию в их среде семейно-общинной организации способствует как раз земледельческое хозяйство со свойственной ему замедленностью дробления недвижимой собственности. Что касается настоящих кочевников, то у них, как показывают данные по бедуинам Аравии и туарегам Сахары, сыновья выделяются уже при жизни отца, ставя отдельные шатры и владея отдельными стадами, а экономические связи между ними ограничиваются совместным кочеванием и родственной взаимопомощью⁵⁶.

Сложнее вопрос о том, почему в разных земледельческих или земледельческо-скотоводческих классовых обществах, у разных народов и в разных местностях семейная община распространена совсем не одинаково. Так, давно уже обращено внимание на очень различную степень ее сохранности в XIX в., например, у русских и украинцев, белорусов Минской губернии и Полесья, горных и равнинных групп населения многих народов Кавказа, Передней Азии и т. д. Уже один перечень этих сопоставлений показывает, как трудно найти жесткую связь между бытованием семейно-общинной организации и уровнем социально-экономического развития тех или иных народов либо их локальных подразделений в классовых обществах. Видимо, можно говорить лишь о ряде факторов, способствующих такому бытованию. Среди них давно уже обратил на себя внимание недостаток обрабатываемых земель при экстенсивном земледелии, консервирующий раздел семейной общины не только «изнутри», но и «извне», т. е. в связи с отказом соседской общины предоставить новым семьям земельные участки.

Другой хорошо изученный фактор—натуральный характер семейного хозяйства или его комплексное земледельческо-скотоводческое (особенно отгонно-скотоводческое) направление, требующее большого количества рабочих рук. Та же потребность

в кооперации может консервировать семейную общину и при ирригационном земледелии. Определенное значение имеет длительность проживания на одном месте, так как переселения обычно совершаются малыми семьями (которые, впрочем, на новом месте при соответствующих условиях могут снова разрастись в семейные общины). Не последнюю роль всегда играли также причины фискально-тяглогового характера: семейная община — более надежный налогоплательщик, чем малая семья, и власти нередко затрудняли или прямо запрещали семейные разделы. Очевидно, что чем сильнее действовали эти факторы и чем больше их было, тем стабильнее оказывалась семейная община. И соответственно ослабление роли данных факторов в историческом процессе (интенсификация земледелия, рост товарности сельского хозяйства, разложение феодализма и т. п.) вело к постепенному вытеснению семейной общины малой семьей.

Подчеркнем, однако, что и этот процесс совсем не обязательно был прямолинейным. Различные экологические, экономические и политические причины могли делать его обратимым, что уже не раз фиксировалось в литературе⁵⁷.

Можно ли говорить о каких-либо типологических отличиях семейной общины в классовых обществах по сравнению с обществом предклассовым? Ответить на этот вопрос не легко, так как сами предложенные типологии семейной общины остаются недостаточно разработанными и построенными на различных принципах систематики. Таких принципов можно выделить четыре: структурный; по счету родства и локализации брака; по организации власти; по степени локально-хозяйственного единства.

По структуре различают семейные общины горизонтального и вертикального (по другой, недавно предложенной терминологии, многолинейного и однолинейного⁵⁸) типов. И те и другие бытуют как в предклассовом, так и в классовых обществах, хотя в последних семейные общины горизонтального типа встречаются намного реже, и дальше будет ясно почему. Пока же важно отметить, что сам этот принцип по своему формальному характеру не может быть критерием различия предклассовых и классовых семейных общин.

По счету родства и локализации брака различают уже рассмотренные во второй главе материнские и патриархальные семейные общины. И в этом случае обе формы бытуют как в предклассовом, так и в классовых обществах, но материнские семейные общины встречаются в первом редко, а в последних — исключительно редко. И уже по одному этому сам данный принцип для наших целей не работает.

По признаку организации власти уже в 1940-х годах были выделены и до сих пор многими исследователями различаются демократическая семейная община заключительной поры перво-

бытнообщинного строя и классово трансформированная отцовская семейная община типа римской «фамилия». Создатель этой классификации М. О. Косвен попытался показать, что первая полностью сохраняет начала первобытного коллективизма, что и отражается в ее демократической структуре, а второй присуща тенденция взрослых мужчин, и прежде всего главы семейства — отца, превратить семейное имущество в свою частную собственность, из-за чего структура семьи приобретает деспотический характер⁵⁹.

Казалось бы, такая схема всецело отвечает задачам различения доклассовой и классовой семейной общины, но на деле и она не пригодна. Во-первых, как мы уже видели в главе второй, семейная община как хозяйственная ячейка возникает не в эпоху классической первобытности, а в эпоху классовообразования и с самого начала характеризуется тенденцией перерастания обособленной собственности в частную. Во-вторых, все примеры демократической семейной общины, включая знаменитую югославянскую задругу, семейные общины грузин-карталинов, осетин и т. д., равно как и примеры отцовской семейной общины, относятся к классовому обществу. Отсюда видно, что обе эти формы — не столько стадии, сколько варианты, обусловленные особенностями хозяйственного быта и разделения труда, спецификой окружающей общественно-политической среды или другими причинами. Другое дело, что в классовых обществах отцовские (они же вертикальные или однолинейные) семейные общины, как правило, встречаются намного чаще демократических (структурно — горизонтальных или многолинейных), так как зачастую их удерживает от раздела именно власть отца семейства. В результате и этот принцип систематики не позволяет нам принципиальным образом разграничить предклассовую и классовую семейную общину и лишь демонстрирует постепенную утрату остатков первобытного коллективизма.

С типологизацией по степени локально-хозяйственного единства мы уже познакомились раньше (см. гл. 2). В ней очерчены основные этапы дробления семейной общины на малые семьи, исследованные на материалах предклассовых обществ. Очевидно, что эти же этапы дробления семейных общин свойственны и классовым обществам и, следовательно, здесь мы также можем говорить о каком-то разграничении только в том смысле, что в классовых обществах такое дробление, как правило, происходит чаще.

Таким образом, пытаясь нащупать типологическую грань между предклассовыми и классовыми семейными общинами, мы все время сталкиваемся с явлениями не качественного, а количественного порядка. И думается, что дело здесь не столько в неисследованности проблемы, сколько в самом факте постепенного отмирания остатков первобытного коллективизма, вопло-

ценного в данной форме. В то же время было бы неверно делать отсюда вывод о тождественности тех и других семейных общин. При всем своем сходстве с доклассовыми классовые семейные общины отличались от них специфическим положением в социально-политической макросреде, например, выступая как объект налогового обложения, феодальной ренты и т. п.

Как и в обществах эпохи классовобразования, в классовых обществах дробление семейных общин, а у кочевых скотоводов — непосредственно малых семей очень часто влекло за собой возникновение патронимий, или семейно-родственных групп. Патронимии этого времени этнографически лучше всего исследованы на материалах народов Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы, исторически — на Ближнем Востоке, в Индии, в Китае, у славянских и германских народов⁶⁰. Как правило, это было не автоматическое сохранение кровнородственных и свойственных связей при дроблении семьи, а процесс, обусловленный определенной социально-исторической обстановкой.

Как экономическая структура патронимия в принципе не отличалась от соседской общины, характеризуясь тем же отмеченным К. Марксом дуализмом остатков коллективной и частной собственности. В этой связи показательно, что отмечены соседские общины, целиком совпадавшие с патронимиями⁶¹. Вместе с тем связи между членами патронимий были многообразнее и теснее, чем связи между членами соседских общин. И поэтому патронимия существовала там и тогда, где и когда природно-географические условия или политическая ситуация (очень часто оба фактора действовали совокупно) требовали более тесной кооперации трудовых усилий, взаимопомощи и взаимозащиты, короче говоря — более выраженных проявлений коллективизма и солидарности в деятельности семейных общин и малых семей. Неслучайно патронимии фиксируются чаще всего в раннеклассовых образованиях или же не в центре, а на периферии более развитых классовых обществ, в периоды политической децентрализации, в горных и степных областях и т. п. Тем не менее, хотя вопрос о патронимии как остаточном явлении эпохи разложения первобытнообщинного строя, казалось бы, лежит на поверхности, преемственность ее связи с социальными структурами этого времени на протяжении нескольких десятилетий остается предметом споров.

Первооткрыватель патронимии М. О. Косвен видел в ней группу близкородственных семей, возникших в разлагающемся первобытном обществе в результате раздела одной семьи, ведущей происхождение от хорошо памятного предка и объединенной определенными хозяйственными, общественными и идеологическими связями. Разрастаясь, патронимии образуют concentric circles патронимий второго, третьего и т. д. порядка,

и весь этот концентрм составляет патриархальный род, переносимо сохраняющийся в классовом обществе. При этом патронимия, а стало быть, и весь патронимический концентрм, образующий в своей совокупности патриархальный род, были не совсем четко охарактеризованы как одновременно и группа семей, т. е. «в известном смысле территориальная община», и группа людей, связанных «сознанием единства своего происхождения и, следовательно, родства»⁶².

Такая характеристика патронимии вызвала критику самой ее концепции, причем сразу с нескольких позиций. С одной стороны, было высказано мнение, что патронимическая организация, будучи остатком патриархально-родовой организации, не должна выделяться в качестве особой социальной структуры⁶³. С другой стороны, был развит противоположный взгляд на патронимическую организацию как на новообразование раннеклассовой эпохи, не восходящее к патриархально-родовой организации, а приходящее ей на смену⁶⁴.

Однако наибольшее внимание привлекла оставшаяся у М. О. Косвена нечеткая характеристика самой природы патронимии как структуры, одновременно и общинной, и родственной. В этой связи М. В. Крюков, развивая разработанную в англо-американской литературе идею о существовании так называемых компромиссных родственных групп, предложил выделить такую отличную и от рода, и от общины форму социальной организации, которая обнаруживает «внешнее сходство с патриархальным родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи»⁶⁵. Видимо, более правильно было бы говорить здесь не о большой семье, или семейной общине, а вообще об общине, так как большая семья и сама лежит на линии пересечения родственных и общинных структур⁶⁶, обнаруживая в этом отношении типологическое сходство как с родовой общиной, так и с патронимией. Сходная мысль в другой форме была выражена Ю. И. Семеновым, предложившим различать три разных аспекта патронимической организации: локально-хозяйственный (весь, включая жен, состав патронимии), генеалогический (все, включая вступивших в брак в других патронимиях, потомки предка-эпонима) и ядерный (мужчины-родственники, образующие костяк патронимии)⁶⁷. Здесь по сути дела важнейшими являются два аспекта: общинный и выступающий в двух своих разновидностях (нелокализованной и локализованной) кровнородственный.

Достигнутая в ходе многолетней дискуссии большая ясность в понимании природы патронимии пролила дополнительный свет на вопрос о ее генетической связи с эпохой разложения первобытнообщинного строя. Как общинная форма, патронимия, подобно соседской и семейной общине, в той или иной мере несет в себе остатки первобытного коллективизма, как генеалогическая

форма — остатки тех родовых начал, которые консолидировали общинные структуры первобытности. Однако в обоих случаях перед нами не реликты, а дериваты или реституты, так как по своей социально-экономической сущности подвергшиеся классовой трансформации патронимии радикально отличаются даже от линиджей эпохи разложения первобытнообщинного строя⁶⁸. И в этом отношении дело практически не меняется от того, являются ли патронимии дериватами этих доклассовых линиджей или же реститутными формами, возникшими в результате, условно говоря, вторичной гентилизации.

По-видимому, можно считать, что в ходе той же дискуссии достигнута бóльшая ясность также в понимании остаточного бытующего в раннеклассовых обществах патриархального рода как совокупности не родственных патронимий вообще, а лишь патронимий в их генеалогическом аспекте. Этот тезис важен потому, что многие исследователи, по небрежности или же целиком отрывая классический род от патриархального, рассматривают последний как состоящий из семей. Между тем уже К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на общую ошибку ряда историков древнего мира, выделявших в составе патриархального рода семьи⁶⁹. Всякий развитой, а тем более поздний род считает себя состоящим только из униицейных родственников, которые, однако, не могут доказать своего родства, и это, видимо, единственное условие, без которого нет даже остаточного рода. Напротив, другие признаки рода в ходе классообразования могут исчезнуть, трансформироваться и даже превратиться в свою противоположность. Пример того — такой фундаментальный признак, как родовая экзогамия, которая у ряда народов (арабы, малагасийцы, многие народы Дагестана, Средней Азии и др.) сменилась родовой или, что в принципе то же самое, патронимической в ее генеалогическом аспекте эндогамией. Что касается других обычаев, прав и обязанностей членов остаточных родов, то этнографическая и историческая литература изобилует примерами классовой трансформации родовой экономической взаимопомощи и физической взаимозащиты (о них см. дальше). И все же даже в таком превращенном виде остатки родовой солидарности какое-то время играли свою роль в междоусобицах знати и в борьбе широких слоев населения против произвола господствующей верхушки⁷⁰.

В своем месте говорилось об особой форме разложения первобытнообщинного строя, иногда неверно называемой «поздним матриархатом». В этом случае домохозяйства как ячейки обособленной собственности принимали форму не патриархальных семейных общин, а так называемых родей, т. е. групп, образованных братьями и сестрами с детьми последних; вместо патронимий возникали матронимии, а род был не патриархальным, а материнским. При такой форме разложения первобытно-

общинного строя в раннеклассовом обществе остаточно сохранились не патриархальные семейные общины, патронимии и патриархальные роды, а роды, матронимии и материнские роды, как это имело место у ашанти в Африке, кхаси и наяров в Индии, минанкабау в Индонезии, наси в Китае⁷¹. Однако все эти формы, нечастые в предклассовом обществе, в классовом обществе представляли собой редкостный вариант развития.

Искусственное родство. Наряду с общинными отношениями и кровнородственными связями в раннеклассовых обществах широко сохранялись также связи по искусственному (фиктивному, названному и т. п.) родству. Получив почти повсеместное развитие в эпоху разложения первобытнообщинного строя из-за массовой децентрализации родственных коллективов и ослабления хозяйственных, социальных и идеологических связей между кровными родственниками, они по тем же причинам продолжали бытовать, а местами даже окрепли в новых условиях дальнейшего обострения социальных конфликтов. При этом наибольшее значение они получили там, где государственная власть была недостаточно сильна для охраны личных и имущественных интересов населения и соседские и кровнородственные связи даже в своей совокупности не могли обеспечить нормальное функционирование общества. Защита жизни, чести и собственности, действенная материальная взаимопомощь и вооруженная взаимозащита, необходимость в сплочении индивидов, семей, патронимий, сельских общин, получение покровительства и приобретение сторонников — все это требовало еще одной линии социальных связей. И именно такой линией оставалось широкое развитие отношений искусственного родства.

Формы искусственного родства чаще всего классифицируют как индивидуальные и коллективные. Однако этот критерий недостаточно четок, так как в ряде случаев индивидуальное породнение в той или иной мере распространяется и на кровную родню вступивших в союз лиц. Могут быть различны также формы горизонтальные (породнение равных) и вертикальные (породнение с установлением отношений типа патроната — клиентеллы)⁷². Но и у этого критерия есть тот недостаток, что одни и те же формы могут выступать как в горизонтальном, так и в вертикальном плане. Поэтому мы воспользуемся другой классификацией, различающей, с одной стороны, формы эксплицитные, целенаправленные и хорошо осознаваемые (назовем их казуальными), а с другой — формы имплицитные, выступающие как побочный результат различных обрядов жизненного цикла (назовем их обрядовыми)⁷³. Второе название очень условно: ведь все вообще виды породнения сопровождаются обрядами. Но в первом случае обряд оформляет факт породнения, а во втором — породнение вытекает из факта обряда. Это различие

в причинно-следственных связях позволяет думать, что первые формы старше вторых, которые представляют их редукцию.

Этнографически искусственное родство в раннеклассовых обществах полнее всего изучено на Балканах и у горцев Кавказа. Воспользуемся преимущественно этим материалом.

Казуальные формы искусственного родства были очень разнообразны. Среди них имелись формы индивидуальные и коллективные, горизонтальные и вертикальные. Различно было и их обрядовое оформление, в одних случаях выступавшее как адопция, в других — как побратимство (реже посестримство). Целями породнения в большинстве случаев были обязательство взаимозащиты, прекращение кровной мести, обеспечение безопасности чужака или установление отношений патроната—клиентеллы, а в более развитых обществах — сюзеренитета—вассалитета. Во всех этих случаях отношения искусственного родства (включая сюда требование экзогамии), как правило, распространялось не только на семьи, но и на другую близкую родню усыновителя и усыновленного или побратимов. Однако наряду с этим существовали и привлекли к себе особое внимание исследователей непосредственно коллективные формы породнения, когда не родственные между собой патронимии или целые соседские общины вступали в квазиродственный союз, образуя так называемые братства⁷⁴.

Братства могли составляться путем адопции немногочисленной и слабой группы более крупной и сильной группой, но известна (у западных адыгов) и такая форма, когда они представляли собой огромную сеть патронимий и соседских общин, каждая ячейка которой насчитывала до тысячи человек. Внутри себя такие ячейки на равных основаниях объединяли как кровных, так и названных родственников, связанных обязательствами экономической взаимопомощи, вооруженной взаимозащиты и экзогамии. Западноадыгские братства, поначалу чисто крестьянские, сыграли огромную роль в ограничении произвола феодальной верхушки общества, и в конце концов дворянство само вошло в состав братств, составив вместе с крестьянскими верхами их элиту. Исследователь западноадыгских братств В. К. Гарданов вслед за М. М. Ковалевским считает их реликтом первобытных фратрий, подобных ирокезским. Это по меньшей мере недоказуемо, но генетическая связь братств, как и других казуальных форм искусственного родства, с порядками эпохи разложения первобытнообщинного строя представляется несомненной.

Не менее разнообразны обрядовые формы искусственного родства, которые в свою очередь могут быть подразделены на две группы: связанные с обрядами детского и свадебного циклов. К первой группе относятся обычаи породнения с повитухой; у народов, считавших, что первый раз накормить ребенка грудью

должна не мать, а другая женщина,— также с этой последней; с человеком, нарекшим ребенку имя или с крестными отцом и матерью; с человеком, впервые постригшим или побрившим ребенка волосы; наконец, с человеком, который по обычаю обязательного воспитания ребенка вне родной семьи выступил в роли воспитателя. Во второй группе отмечены обычаи породнения с человеком, «отобравшим» у поезжан и удочерившим невесту; с хозяевами так называемых других домов, куда у многих народов Кавказа временно помещали жениха и невесту; со свадебным дружкой или венчальным кумом. На двух из названных форм — породнении с воспитателем и с хозяевами «других домов», привлечших к себе заметное внимание в этнографии, надо коротко остановиться особо.

Обязательная передача ребенка на воспитание в другую семью, сопровождавшаяся породнением между обеими семьями, а также с их родней, широко засвидетельствована во многих обществах Африки, Азии и Европы, в равной мере предклассовых и раннеклассовых⁷⁵. В нашей литературе этот обычай по его распространенному на Кавказе обозначению получил название атальчества. Исторические корни атальчества стали предметом специального исследования, в результате которого одни из современных авторов возвели его к авункулату, а другие — к еще более отдаленным порядкам, названным ими первобытной общностью детей. Между тем нет никаких прямых указаний на то, что атальчество старше эпохи разложения первобытно-общинного строя. Это, как правило, породнение вертикального типа, а особое место данной формы среди других обрядовых форм искусственного родства объясняется тем, что многолетнее воспитание ребенка в другой семье создавало несравненно более прочные квазиродственные связи, чем, например, наречение имени или стрижка волос.

Сходным образом обстоит дело с обычаем временного помещения жениха и невесты в «другие дома», с хозяевами которых устанавливались квазиродственные связи⁷⁶. И этот обычай с большими натяжками пытались истолковать как пережиток авункулата, между тем как он легко объясняется самой потребностью в искусственном родстве. Длительное (при вертикальном типе породнения — подчас многомесячное) пребывание в «другом доме» также помогало завязать более прочные квазиродственные связи, чем, например, участие в свадебном обряде.

Для понимания функций искусственного родства в классовых обществах важен тот факт, что оно могло устанавливаться не только между чужими людьми, но и между кровными родственниками. Западноадыгские братства объединяли как не родственные, так и родственные между собой патронимии. При многих обрядовых формах породнения действующими лицами были в одних

случаях соседи, в других — не очень близкие родственники. Исследователи, склонные искать корни некоторых обрядовых форм породнения в таких институтах, как авункулат, считают, что в подобных случаях «истинные» персонажи пережиточно замещались другими. На деле установление квазиродственных отношений в равной мере с неродственниками и неблизкими родственниками было исполнено глубокого функционального смысла. Таким образом в одних случаях завязывались, а в других укреплялись ослабевшие социальные связи.

Как и другие остатки первобытнообщинного строя, искусственное родство постепенно отмирало в ходе классовой истории. Казуальные формы, как правило, имели распространение только в раннеклассовых обществах, хотя и могли сохраняться позднее. Обрядовые формы из-за особой консервативности обрядов жили дольше, и даже теперь существуют такие их отголоски, как крестное родство или представление об известной близости между ребенком и тем, кто остриг ему первые волосы.

Корпоративные структуры. Еще одной линией защитных социально-бытовых и идеологических связей, остаточно сохранявшихся в раннеклассовых обществах, были дериваты тайных обществ, мужских и сверстнических объединений в той их форме, какую они приобрели в эпоху разлагавшегося первобытнообщинного строя. Такие дериваты обнаружены если не универсально, то очень широко: на древнем Востоке от Передней Азии до Китая, в античном Средиземноморье, в раннесредневековой Европе, в Средней Азии, в Дагестане и в Тропической Африке, а предположительно и в Мезоамерике⁷⁷. При этом в одних случаях сохранялись остатки только либо тайных обществ, либо мужских или сверстнических объединений, в других — те и другие сосуществовали.

Функции их также варьировали в очень широком диапазоне. Дериваты тайных обществ (например, в древнем Китае или в раннесредневековой Европе) могли играть роль неформальных судов и органов охраны порядка, тем более действительную, что, сохраняя религиозно-мистический характер, они считались учреждениями, до некоторой степени сакральными. Мужские объединения в целом (как спартанские фидитии) или их сверстнические, преимущественно юношеские группировки (как древнеиранские парны) выступали в качестве военных отрядов. Местами (как, например, в древнем Мали) такие группировки могли выполнять хозяйственные функции, совместно обрабатывая поля. Повсюду, где остаточные корпорации исследованы этнографически, хорошо виден их характер сообществ для совместного проведения досуга с устройством коллективных трапез и разного рода развлечений — пения, игры на музыкальных инструментах, а также спортивных состязаний. Это и понятно, так как функция организации досуга как сравнительно второстепенная

позднее других была вытеснена механизмами развития классового общества.

Природа остаточных корпоративных структур, как и других остаточных социальных структур эпохи разложения первобытнообщинного строя, была диалектически противоречива. С одной стороны, в них сохранялись, а временами и оживлялись начала первобытной эгалитарности: С. П. Толстов убедительно показал связь дериватных тайных обществ с народными движениями Маздака в Иране, Муканны в Согдиане, карматов или батинитов от Северной Африки до Северной Индии⁷⁸. С другой стороны, там, где они длительно сохранялись, они все больше проникались классовыми началами или использовались для вуалирования эксплуатации широких слоев населения⁷⁹.

Нормы общественного быта. Рассматривая отношения соседства и родства, мы не раз касались обычаев экономической взаимопомощи и физической взаимозащиты, которые, как правило, играли важнейшую роль в сохранении этих отношений. Остановимся теперь особо на позитивных и негативных сторонах данных обычаев, которые, с одной стороны, облегчали труд и быт широких слоев населения, с другой — вуалировали отношения эксплуатации или облегчали классовое принуждение.

Соседская и родственная взаимопомощь (включая сюда взаимопомощь сверстническую и квазиродственную) во всех докапиталистических обществах играла заметную роль в хозяйственной жизни, при основных событиях жизненного цикла (особенно при свадьбе и похоронах), разного рода празднествах, религиозных церемониях и т. п. Здесь прежде всего важно отметить, что по своей экономической сущности соседская и родственная взаимопомощь в принципе не отличалась одна от другой, так как в классовых обществах не только соседи, но и родственники составляли отдельные домохозяйства. Так, даже в древнекитайских патронимиях экономическая взаимопомощь никогда не была благотворительностью: все деловые отношения строились на строго взаимной основе, так что получивший ссуду был обязан ее отработать⁸⁰. Различия могли касаться не экономической, а нравственной или психологической стороны дела таким образом, что взаимопомощь между родственниками считалась более обязательной, чем просто между соседями.

Будучи распространенной повсеместно, взаимопомощь многократно упомянута или описана у самых различных народов мира, однако преимущественно в своих конкретных проявлениях, т. е. описательно. Немногочисленные попытки ее теоретического анализа в отечественной и зарубежной литературе обобщены Ю. И. Семеновым, различившим три вида экономической взаимопомощи, или, как он ее называет, услугообмена. Первый вид — помоогобмен, или помощеобмен, представляет собой трудовую взаимопомощь, которая может быть: а) линейной

в формах собственно линейной (два хозяйства, поочередно работающие одно на другое), линейно-бригадной (аналогичная связь нескольких хозяйств) и линейно-супряжной (аналогичная связь нескольких хозяйств, каждое из которых не располагает необходимыми средствами производства) и б) круговой (помощь при чрезвычайных обстоятельствах одному хозяйству со стороны многих, что влекло за собой ответное обязательство откликнуться при сходных обстоятельствах). Второй вид — поговозмездный, он представляет собой вещную, денежную или трудовую взаимопомощь, которая может быть: а)互相帮助ной (попеременная дача и отдача, имеющая длительный характер) и б) поговозвратной (дача и отдача с откровенным взаимным расчетом). Все эти формы также могут быть собственно линейными, линейно-бригадными и линейно-супряжными. Третий вид — услугоплатежный, при котором услуга или постоянные услуги деревенского ремесленника так или иначе, однократно или дящимся образом возмещались крестьянином. При нарушении симметрии в услугообмене互相帮助ные отношения превращались в патронат, а поговозмездные отношения — в заемно-кабальные⁸¹.

Эта классификация хорошо продумана, но в ней не акцентирован исторический план. Учитывая общую тенденцию развития, по-видимому, можно наметить две линии ее генерализации: от более коллективистских форм (круговых, линейно-бригадных и линейно-супряжных) к более индивидуализированным (собственно линейным) и от индискретных форм (дящихся) к более дискретным (даче—отдаче с откровенным взаимным расчетом). Именно эта историческая динамика расширяла возможности возникновения отношений патроната и кабалы, характерных для классового перерождения норм взаимопомощи.

К экономической взаимопомощи близка физическая взаимозащита, наиболее институционализованной формой которой была кровная, или родовая, месть за убийство, увечье, обиду или материальный ущерб. Применительно к послепервобытным обществам первый из этих терминов намного точнее, так как месть здесь, как правило, была не родовой, а родственной, к тому же в большинстве случаев касаясь только ближайшей кровной и названной родни. В таком виде кровная месть удерживалась во всех раннеклассовых и даже некоторых классовых обществах, дожив в части их (Южная Италия, Корсика, Югославия, Албания, Кавказ, Китай, Япония и др.) до новейшего времени.

Регламентация кровомщения, отраженная во всех законодательных памятниках Древнего Востока и античного мира, «варварских» правдах и позднейших средневековых судебныхниках, религиозном и обычном праве, позволяет наметить несколько характерных черт остаточных форм этого института. Таковы сужение круга мстителей и ответчиков; эволюция мести от неогра-

ниченной к отмеренной; замена мести ее материальным возмещением (композициями); классовое превращение как самой мести, так и композиций; получение официальной санкции на месть. Последнее показывает, что не только возникающая, но и уже возникшая государственная власть вынуждена была не отменить, а лишь ограничить остатки правовой самостоятельности населения и на первых порах поддержать их своим авторитетом.

Сужение круга мстителей и ответчиков хорошо прослеживается, например, в обычном праве арабов, албанцев или дагестанцев. У арабов этот круг ограничен группой «хамса» — родственниками не далее чем пятой степени родства. У албанцев в течение суток после убийства можно было мстить любому члену родственной группы, а затем — только члену семьи. Если убивали «недозволенного» родственника (а в Дагестане также если убивал «недозволенный» родственник), возникала новая месть. В писаном праве делается следующий шаг в этом направлении. Так, шариат разрешил месть лишь по отношению к самому убийце, а англосаксонское право — только со стороны сына или отца убитого. К этой тенденции близка тенденция к отмеренной мести, выступающая, например, в законах Хаммурапи: если обрушившимся домом убит хозяин, должно придать смерти строителя; если убит сын хозяина, должно предать смерти сына строителя. Свое наивысшее развитие последняя тенденция получила в идее равного возмездия (талионе), выраженной не только в древнемесопотамском праве, но и в римских законах XII таблиц, иудаистском и мусульманском праве, некоторых «варварских» правдах.

Замена мести композициями рекомендуется большинством ранних памятников писаного права, однако независимо от формы возмездия оно всегда выступает в классово трансформированном виде. В одних случаях, как по арабским адатам, верхушечные слои населения мстили, но сами мести не подлежали, отделяясь композициями; в других, как по Саксонской Правде, убийство литом (полусвободным) благородного влекло за собой месть не только ему, но и семи его родственникам; в иных, как у адыгских народов, за убийство представителя высших сословий полагались такие огромные композиции, что не только семья, но и вся родня виновного оказывалась разоренной. Наконец, очень яркие примеры необходимости получения официального разрешения на месть содержатся в некоторых германских правдах, китайском и японском праве, по которым мститель должен был объявить о своем намерении судье, после чего совершенный им акт мести не считался противозаконным⁸².

В качестве механизма, необходимо дополнявшего внутригрупповую взаимопомощь и взаимозащиту, в межгрупповых контактах достаточно сохранялся первобытный институт гостеприимства.

Естественно, что потребность в институционализованном гостеприимстве была сильнее там, где еще не окрепшая государственная власть не имела возможности обеспечить безопасность чужаков политическими и правовыми средствами, т. е. в раннеклассовых, особенно в горских и кочевнических обществах. В них засвидетельствованы по-прежнему очень развитые формы гостеприимства, имевшего ритуализованный, а подчас и сакрализованный характер, вплоть до предоставления убежища личным врагам или государственным преступникам.

В послепервобытном гостеприимстве обычно четко прослеживаются две формы: частное гостеприимство отдельных семей или патронимий и официальное гостеприимство местных политических органов. Средоточием первого были гостевые помещения отдельных семей или (как это бывало, например, у горцев Кавказа) патронимий. Средоточием второго были гостевые помещения домов местных правителей, а позднее состоявшие в ведении последних особые гостевые дома (например, в эмиратах внутренней Аравии). Стремясь упорядочить общественно-политическую жизнь, власти нередко запрещали частное гостеприимство, и с централизацией раннеклассовых обществ оно нередко вытеснялось официальным⁸³. Существование этих двух форм архаического гостеприимства и их локальных очагов заставляет дифференцировать, с одной стороны, кавказские кунацкие, а с другой — алоу-хона горных таджиков, громма кафилов, или древнегреческие паноксейон, которые иногда смешивают вместе как реликты мужских домов вообще⁸⁴. Но и помимо того оформление архаического гостеприимства было очень вариативным. Достаточно указать на такие его противоположные формы, как своего рода культ гостя в собственном доме, но наемная охрана его в пути (рафикат) у арабов, международноправовой институт защиты жизни и собственности чужеземца (проксения) у греков и фиктивное обращение себя в рабство для приобретения покровительства влиятельной семьи у римлян.

Как и другие элементы первобытнообщинного строя, гостеприимство подчас подвергалось классовой трансформации. Последняя известна, в частности, в кочевнических и горских обществах. У бедуинов эмиратов внутренней Аравии и Сирийской пустыни шейхи, ссылаясь на то, что им приходится часто принимать гостей, заставляли соплеменников поочередно доставлять им убойных животных. У кавказских горцев представители высших сословий приуждали зависимых крестьян содержать свиту своих гостей. У них же гостеприимство через посредствующий институт куначества (систематическое гостевание с установлением дружеских связей) стало одним из источников отношений патроната—клиентеллы, а затем и одной из форм закрепощения свободных общинников. В Северной Албании обычаи гостеприимства в какой-то степени вуалировали даже наемный, батрацкий труд⁸⁵.

Семейно-брачные нормы. В сфере семейного быта можно выделить две основные линии изживания в докапиталистических классовых обществах форм и порядков, сложившихся в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Первая — отмирание некоторых коллективистских и демократических черт, которые еще были свойственны этой эпохе. Вторая — отмирание или ослабление тех варварских форм неполноправия женщины, которые возникли с патриархальным превращением семьи.

Как уже упоминалось, в классовых обществах сосуществовали два типа патриархальных семейных общин: демократические и отцовские, или деспотические, причем при всем различии локальных вариантов наблюдалась тенденция вытеснения первых вторыми. Соответственно свойственные семейным общинам первого типа более или менее выраженные коллективистские и демократические порядки (групповая собственность, наличие совета из всех взрослых членов семьи, нередко также выборность «старшего» и «старшей») сменялись монополизацией семейной собственности отцом семейства и его всевластием по отношению ко всем домочадцам — как женщинам, так и младшим мужчинам. Основные черты этого процесса, включая эволюцию семейно-общинной собственности и организации власти, хорошо показаны М. О. Косвенном, ошибка которого состоит лишь в том, что семью демократического типа, реконструированную им на материалах раннеклассовых обществ южных славян и народов Кавказа, он экстраполировал в эпоху первобытнообщинного строя⁸⁶.

Одним из наиболее ярких выражений патриархального закрепощения женщины и вместе с тем источником ряда других проявлений ее неполноправия был покупной брак. Он зафиксирован в большинстве раннеклассовых обществ древности и средневековья, а у некоторых народов (например, у китайцев или в низших кастах народов Индии) дожил до новейшего времени. Однако уже некоторые древние законодательства попытались осудить покупной брак или регламентировать его таким образом, чтобы он не был простым актом купли-продажи. Первая тенденция представлена в законах Ману и других индийских юридических памятниках⁸⁷, вторая — в шариате⁸⁸. Тем не менее такие нововведения либо не воспринимались как обязательные, либо фактически мало меняли положение дела. В последнем отношении показательна практика мусульманских народов. Заменив первоначальный выкуп (махр) кебином, т. е. предоставляемым жене обеспечением на случай вдовства или развода), шариат тем самым не запретил выкуп полностью, а лишь предписал передавать его в другие руки. К тому же у многих мусульманских народов кебин не вытеснил остатков прежнего махра, сохранившихся в форме платы «за материнское молоко», «за воспитание», ценных подарков и т. п. И все же в широкой исторической перспективе брачный выкуп у одних народов постепенно отмирал, у других —

приобретал смягченные, подчас полусимволические обрядовые формы. Этот процесс в основном совпадал с процессом превращения семейной общины в малую семью, так как можно считать этнографически установленным, что для первой из них был характерен институт брачного выкупа, а для второй — институт приданого⁸⁹.

Для широких слоев населения брачный выкуп был всегда обременителен, а подчас и непосилен, в результате чего **покупной брак**, как правило, сопрягался с рядом других специфически патриархальных брачных обычаев, хотя и не всегда был их единственной причиной.

К числу таких обычаев принадлежали почти повсеместно наблюдаемые вместе с покупным браком те или иные механизмы его замены, облегчения либо сохранения уже выплаченного брачного выкупа: брак отработкой, обменный брак, утробный или колыбельный сговор, левират и сорорат⁹⁰. Все они, кроме самого первого, известны уже во времена классической первобытности, и Н. А. Кисляков, видимо, правильно считает, что они были не порождены, а оживлены (может быть, даже реституированы) покупным браком. В противоположность этому прямым порождением последнего были ортокузенные браки и вся связанная с ними система родственной эндогамии, о которой уже говорилось выше.

С покупным браком были связаны также обычаи наложничества, полигинии и неравноправного положения старших и младших жен. Наложничество — явление несравненно более универсальное, чем официальное многоженство, узаконенное лишь некоторыми правовыми системами, и прежде всего шариатом. Однако грань между тем и другим не всегда была четкой. В частности, в древней Вавилонии законной считалась только одна жена, но если она была бесплодной, то муж имел право взять себе «свободную наложницу» (например, младшую сестру жены) либо получить от жены наложницу-рабыню, дети которой считались детьми законной жены, либо, наконец, выбрать наложницу по своему усмотрению, заключив с ее семьей брачный договор, как и в случае с полноправной женой⁹¹. Промежуточное положение между наложничеством и полигинией занимали также мута, или сигэ, — временные браки мусульман-шиитов и конкубинат у римлян и китайцев. Но в целом наложничество не только возникло раньше многоженства и несравненно шире его распространилось, но и в большинстве случаев его пережило, удержавшись вплоть до капиталистической эпохи в остаточной форме принятия на «содержание».

Покупной брак всегда выступал в форме заключения брака по сговору. Но и другая, менее распространенная форма заключения брака в обществах рассматриваемых типов — умыкание — также не была лишена связи с брачным выкупом. Спорадически

практикуясь уже в собственно первобытных обществах, умыкание в эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовое время участилось не только в связи с развитием грабительских войн, но и в связи с тяготами брачного выкупа. У ряда народов (особенно явственно это прослежено у горцев Кавказа) умыкание независимо от того, совершалось ли оно без согласия или с согласия девушки, ставило ее родню перед свершившимся фактом и заставляло ее снизить брачный выкуп. Еще нагляднее это выступало в третьем (так называемом фиктивном) виде умыкания, когда все заинтересованные стороны инсценировали похищение невесты, чтобы таким образом сократить выкуп, дарообмен и другие свадебные расходы. Правовые кодексы, за немногими исключениями (так, законы Ману рекомендовали умыкание для касты кшатриев), запрещали два первых вида умыкания, и оно постепенно уходило из быта, лишь местами удержавшись до последнего времени как нечастая противоправная форма заключения брака⁹².

Среди остаточных брачно-семейных норм были и такие, затухание которых в ходе классовой истории было гораздо менее выраженным. Это относится, в частности, к тем из них, которые подверглись глубокой патриархально-феодальной трансформации. Таковы обычаи избегания в том их виде, в каком они изучены у народов Средней Азии и Казахстана, большинства народов Кавказа, ряда народов Поволжья и Сибири. Выделены четыре вида избегания: между мужем и женой, родителями и детьми, каждым из супругов и старшими родственниками другого. Все они, по преобладающему в этнографии мнению, возникли с переходом от матрилокальности к патрилокальности как своего рода «непризнание» нарушивших привычные брачные порядки людей, а равно и их потомства. Но в дальнейшем данные виды избегания приобрели новые функции акцентирования подчиненного положения младших членов семьи, патронимии, соседской общины и, получив особенно благоприятные условия для своей консервации в патриархально-феодальной среде, путем вертикальной ротации традиций сохранялись и в широких слоях населения⁹³.

Формы общественного сознания. Остатки первобытнообщинного строя в послепервобытных обществах должны были найти свое отражение и в формах общественного сознания — праве, морали, религии.

Действительно, в последнее время обращено внимание на то, что в древнейших нормативных памятниках содержатся выраженные эгалитаристские тенденции. При этом надо учесть, что поскольку в раннеклассовом обществе право и мораль еще не полностью дифференцировались друг от друга (в восточных системах права — шариате, конфуцианстве и др. — такая дифференциация запечатлена до сих пор), эти тенденции были одновременно и правовыми, и нравственными.

Наиболее характерны в этом отношении древнемесопотамские тексты, исследованные под данным углом зрения рядом историков права и среди них советским исследователем В. А. Якобсоном. Они тем более показательны, что принадлежат к числу «первичных», т. е. исключаящих какие-либо внешние заимствования, нормативных актов. В. А. Якобсон подчеркивает, что в целом ряде реформ или законов месопотамских правителей (Энметены, Уруинимгины, Ур-Намму, Шульги, Рим-Сина и особенно Хаммурапи) настойчиво проводится требование, чтобы богатые не притесняли бедных, а сильные — слабых; в некоторых реформах провозглашается отмена долгов и долговой кабалы. И это не только социальная демагогия, но и результат давления на правителя общественного мнения, общинной идеологии, а тем самым даже в какой-то мере попытка реставрировать старые порядки.

Отсюда следует, по-видимому, несколько преувеличенный, но содержащий рациональное зерно вывод: «Идеология и психология обитателей древней Месопотамии была обращена назад, к первобытному строю, который и мыслился как идеальное царство справедливости»⁹⁴.

Тенденции, в известной степени сходные с тенденциями древнемесопотамских реформ, были не чужды и античному Средиземноморью: сейсахфия в реформах Солона, некоторое смягчение норм долгового права в законах XII таблиц. В той или иной форме обнаруживаются они также в правовых памятниках других раннеклассовых обществ. Так, шариат установил единый размер платы за кровь для представителей всех слоев населения (100 верблюдов); в адатах западноадыгских братств в начале XIX в. была произведена нивелировка цены крови дворян и крестьян (30 условных единиц «сха») ⁹⁵. Во всех этих случаях мы сталкиваемся не столько с простыми реликтами, сколько с реститутами, вызванными самыми различными социально-историческими обстоятельствами: стремлением расширить социальную базу политической власти, консолидировать класс свободных рабовладельцев, закрепить успехи антифеодальной борьбы крестьянства и т. п.

Эгалитаристским тенденциям в юридической и этической сфере соответствовали аналогичные тенденции в религиозных верованиях раннеклассовых обществ, в том числе и в предписаниях мировых религий. В раннем буддизме понятие совершенства предполагало отказ не только от удобств, наслаждений и роскоши земной жизни, но и от всякой собственности. В путанной и противоречивой христианской догматике немало идей, направленных на прославление бедных и осуждение богатых (Лука, 6 : 24—25; Матфей, 20 : 16 и др.). В исламе все правоверные равны перед богом, и хотя здесь последовательно освящено имущественное неравенство, но предписан закят в пользу бедных, а ростовщичество решительно запрещено (Коран, 2 : 276). Идеи отрицания соб-

ственности или отказа от роскоши впоследствии не раз оживлялись в различных «еретических» и «сектантских» течениях христианства и ислама вплоть до русского духоборства и молоканства или аравийского тавхида (ваххабизма) в XVIII в.

В религиях классовых обществ удержалось также немало прямых реликтов или дериватов первобытных представлений и ритуалов. Самый известный из них — пережиток мужских инициаций в иудаистском и мусульманском предписании обрезания мальчиков. Таково же происхождение наложения священного шнура на мальчиков или подростков в ведической религии древней Индии. К инициациям же, сопровождавшимся ритуальным очищением, восходит и водяное крещение в христианстве. В политеистических религиях древних греков, римлян и др. сохранялся, а в конфуцианстве до сих пор сохраняется отчетливо выраженный культ семейно-родовых предков.

В древнем Китае наряду с другими религиями существовал шаманизм, остатки которого прослеживаются и в современном буддизме — ламаизме. Даже в наиболее развитых из современных религий, как, например, в христианстве, отчетливо видны реликты шаманской практики заклинания и изгнания злых духов, нагуалистической веры в ангелов-хранителей, магических приемов обеспечения плодородия, излечения больных и т. д. и даже тотемических представлений и обрядов (в данном случае отразившихся в вере в непорочное зачатие и «богоядении» — причащении)⁹⁶.

Остатки первобытнообщинного строя как компонент раннеклассовых обществ. Выше не раз говорилось о том, что остатки первобытнообщинного строя наиболее характерны для раннеклассовых обществ, т. е. непосредственно послепервобытных обществ на начальных стадиях их развития. Эти общества мы рассматриваем как еще принадлежащие к межформационному переходному периоду от первичной ко вторичной общественно-экономической формации. К их числу несомненно принадлежат ранне-рабовладельческое и раннефеодальное общества, а по мнению тех исследователей, которые считают возможным выделить так называемый азиатский способ производства, также раннеазиатские общества.

Основной причиной, по которой именно в этих обществах было больше всего остатков первобытнообщинного строя, являлось наиболее полное сохранение в них соседско-общинных отношений, а тем самым и особого общественно-экономического уклада, или субуклада, называемого разными авторами мелконатуральным, патриархальным, крестьянско-общинным и т. п. Суть его полнее всего проанализирована Ю. И. Семеновым, показавшим, что крестьянское хозяйство как часть общины создавало только необходимый продукт, а прибавочный продукт оно создавало как часть государства или вотчины⁹⁷. Таким образом, крестьянско-

общинный уклад, а точнее субуклад, представляя собой составную часть антагонистического уклада, уже не был первобытным, но в той мере, в какой он сам по себе не являлся антагонистической системой общественного хозяйства, был сходен с первобытным. При этом, естественно, наибольшее сходство обнаруживалось в наиболее ранних из крестьянских общин классовых обществ — азиатских общинах.

Но дело не сводилось к одним только экономическим, базисным отношениям. Соседская община представляла собой социальный суборганизм, или субобщество, и тем самым обладала особой субкультурой, называемой народной (в значении простонародной), фольклорной, основанной на так называемой малой традиции (Р. Рэдфилд) и т. д. Именно в этой субкультуре (хотя и не только в ней) более всего сохранялись остаточные явления позднепервобытного общественного и семейного быта, форм общественного сознания и пр. Главным образом отсюда данные явления проникали в профессиональную, письменную, основанную на так называемой большой традиции культуру послепервобытных обществ, нередко становясь частью их общенародной культуры⁹⁸.

С ролью патриархального уклада, или субуклада, и соответствующей ему субкультуры связаны проблемы особенностей общественного строя кочевых и горских народов.

Вопрос об особенностях общественного строя кочевых народов дискутируется в нашей науке начиная с 1920-х годов, однако и сейчас в ней наблюдается значительный разброс взглядов на характер отношений собственности и эксплуатации у этих народов. Согласно одному из этих взглядов, распоряжение кочевой знатью пастбищами тождественно феодальному землевладению, а поборы с соплеменников — феодальной ренте; соответственно не может быть речи даже о какой-либо специфике кочевого феодализма. Согласно другой из крайних точек зрения, кочевым скотоводам известны лишь коллективная собственность на главное условие производства — пастбища и неклассические формы эксплуатации соплеменников; соответственно их спонтанное развитие не идет дальше порога классообразования. Развития и как бы промежуточная концепция, согласно которой незавершенность феодального землевладения и широкое развитие внешнеэксплуататорской даннической эксплуатации разрешает кочевым скотоводам создать лишь раннефеодальное, или патриархально-феодальное, общество⁹⁹. Наметившийся в последнее время углубленный экономический анализ кочевой общины как носительницы, с одной стороны, патриархального уклада, а с другой — организации, позволяющей кочевой знати безвозмездно присваивать прибавочный труд рядовых кочевников, по-видимому, представляет дополнительную аргументацию в пользу третьей из названных концепций¹⁰⁰.

Вопрос об особенностях общественного строя горских народов начал разрабатываться позднее и, видимо, не без влияния споров

о «кочевом феодализме». Здесь обращено внимание на преувеличение уровня общественного развития горских народов Кавказа, который до недавнего времени обычно характеризовался как феодальный, и предложено рассматривать его как протофеодальный или даже дофеодальный. В качестве основания для этого указывается на общинный характер землевладения, не поземельный, а управленческий характер податей, взимавшихся правителями, значительное развитие военно-грабительской эксплуатации соседей. И в этом случае также выдвинута компромиссная концепция, согласно которой протофеодализм у горцев Кавказа успел перерасти в своеобразный «горский феодализм», ограниченный в своем развитии отгонно-пастбищным скотоводством, а следовательно, незавершенностью феодального землевладения и военнотемократическими, перераставшими в военно-аристократические, традициями. Наконец, здесь также обращено внимание на стойкое бытование соседско-общинной организации¹⁰¹, однако ее экономическое значение для специфики «горского феодализма» остается недостаточно исследованным, и в целом весь этот круг вопросов применительно к горцам разработан меньше, чем применительно к кочевым скотоводам.

Кочевнические и горские общества сходны между собой в незавершенности их классовой структуры и стойкости позднепервобытных социальных и культурных традиций. Корни этого сходства следует искать в особенностях их экологии, обусловливающей преобладание или высокий удельный вес пастбищного скотоводства, затрудняющей политическую централизацию и облегчающей развитие примитивных форм внешнеэксплуататорской деятельности. В этих условиях социальная верхушка вынуждена искать опору в рядовых членах общин и патронимии, а зачастую и в родо-племенной организации, тормозя и густо вуалируя отношения эндоэксплуатации. Отсюда значительная устойчивость в таких обществах патриархального уклада и относительная неразвитость их профессиональной, письменной культуры. Больше того, отсюда же известная обратимость свойственных им раннеклассовых отношений. Многочисленные примеры распада раннеклассовых образований и возвращения к предклассовому строю известны у бедуинов Аравии, туарегов Сахары, качинов Бирмы, едва ли не в большинстве горских обществ Северного Кавказа¹⁰².

Как отмечалось выше, остатки первобытнообщинного строя сохраняются и в развитых классовых обществах. Но здесь их становится все меньше и значение их постепенно падает. В обществах, находящихся уже на позднекапиталистической стадии развития, как правило, удерживаются лишь дисфункциональные осколки первобытных норм и представлений. В то же время эти общества сыграли печально известную роль в консервации и деформации остатков первобытнообщинного строя в раннеклассовых образованиях колониального типа.

Принятая во многих таких образованиях система так называемого непрямого, или косвенного, управления в принципе не отличалась от непрямого управления обществами предклассового уровня, о котором говорилось в предыдущем параграфе. Разница состояла лишь в том, что здесь консервировались и приспособлялись применительно к нуждам колониальной администрации не родо-племенные, а преимущественно патриархально-феодалные институты власти местных правителей, соседские и другие общинные структуры, нормы архаического права и т. д. Колониальная администрация подходила ко всему этому очень избирательно. Традиционные институты и структуры использовались ею «чисто прагматически, притом совершенно не считаясь с тем, каковы были эти институты и структуры на самом деле»¹⁰³. В результате остатки первобытнообщинного строя в этих обществах, уже и без того классово перерожденные, получали дополнительную нагрузку механизмов колониального угнетения.

Роль остатков первобытнообщинного строя в новейшее время. Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало эпохе социалистических и национально-освободительных революций, открыла новый этап в развитии многоукладных обществ, сохранивших общинные и другие остаточные институты. Вопрос о роли и судьбах этих институтов приобрел непосредственно практическое значение для социально-экономического и культурного развития многих народов мира.

Одно из центральных мест здесь занял вопрос о роли соседской общины и общинных традиций. Как известно, он был поставлен уже К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые допускали возможность того, что при определенных условиях русская или другая община может сократить и облегчить путь крестьянства к социализму¹⁰⁴. Но основоположники научного коммунизма не переоценивали этой возможности, одновременно указывая на то, что «помимо всякого рода разрушительных влияний, приходящих извне, община носит в своих собственных недрах элементы своей гибели»¹⁰⁵. В. И. Ленин также подчеркивал диалектическую противоречивость общинной организации и ее двойственную роль в жизни России начала XX в. «Общину как демократическую организацию местного самоуправления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать против всякого посягательства бюрократов... Но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.*»¹⁰⁶

Именно такое отношение к соседской общине было реализовано на первых этапах послеоктябрьских аграрных преобразований в нашей стране, и прежде всего в РСФСР, где большая часть крестьян все еще сохраняла общинное землепользование. Национализированные помещичьи земли, переданные крестьянским хо-

зайствам, попали в распоряжение общин (земельных обществ), но лишь как свободных союзов равноправных земельных пользователей. Однако и для новой общины оставались характерными мелколосица и чересполосица, неустойчивость надела и принудительный севооборот, тормозившие сельскохозяйственное производство. Общинное землепользование ограничивало, но не устраняло кулацкую прослойку. Положение изменилось только в результате коллективизации сельского хозяйства, в ходе которого, по мнению части исследователей, община сыграла роль как бы опорных пунктов социалистических преобразований в деревне¹⁰⁷.

Сходную, хотя и более сложную роль сыграла соседская община на начальных этапах аграрных преобразований на отсталых в прошлом национальных окраинах нашей страны, в особенности у полукочевников и кочевников Средней Азии и Казахстана. Ко времени Октябрьской революции общества казахов, киргизов, туркмен были по существу еще раннеклассовыми и в их структуре наряду с соседскими большую роль сохраняли переплетавшиеся с ними патронимические и патриархально-родовые связи, использовавшиеся феодально-байскими элементами в своих целях. Отрицательные стороны такого положения давали себя знать даже во время коллективизации сельского хозяйства, однако и попытки властей на местах перетасовать состав колхозов лишь привели к учащению межродовых конфликтов. Пережиточные формы родовой солидарности и межродовой вражды в основном отмерли в процессе социалистического преобразования Средней Азии и Казахстана¹⁰⁸. У горских народов нашей страны эти процессы изучены хуже, но отдельные исследования показывают, что они были здесь в принципе аналогичными¹⁰⁹.

Исторический опыт СССР имеет большое значение для пробудившихся к самостоятельной жизни развивающихся стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Океании. Значительная часть молодых суверенных государств типологически сходна с раннеклассовыми обществами, сохраняющими мощный пласт остатков первобытнообщинного строя. И естественно, что всем им в ходе государственного, социально-экономического и культурного строительства приходится считаться с такими явлениями, как соседская община и патронимия, родо-племенная организация и деятельность полуфеодальных вождей, засилье общинной и родо-племенной идеологии, и оценивать их роль. «При этом выделяются дилеммы утопически-общинного и современного формационного развития, с одной стороны, и противоположность капиталистического и социалистического типов социальной ориентации — с другой»¹¹⁰.

Общинное (и добавим — трибалистическое) или историко-формационное развитие — только мнимая дилемма: на любом сколько-нибудь значительном отрезке времени развитие может быть

только формационным. Остаточные общинные и племенные институты в современных условиях недолговечны. Однако, как уже показал опыт многих новоразвивающихся стран, их ближайшие судьбы и историческая роль в огромной степени зависят от типа формационной ориентации. В условиях капиталистического развития происходит мучительное разрушение общинных структур рыночной стихией с последующей пауперизацией крестьянства, а трибалистская верхушка превращается в своего рода бюрократическую буржуазию, в дальнейшем переходящую к капиталистическому предпринимательству. В противоположность этому в условиях социалистического развития трибализм ограничивается и вытесняется, а демократические общинные традиции, по мнению многих исследователей, успешно используются на первых этапах кооперирования крестьянства¹¹¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 413, 419.

² Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978; *Pershitz A. I. Primitive Societies at the Major Stages of World History // Studies in Ethnography and Anthropology*. P. II. Moscow, 1983. Некоторые аспекты этой проблемы рассматривались и ранее, см.: Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА, 1957. Вып. XXVII; Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // ВИ. 1961. № 41; Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху // ВИ. 1973. № 1.

³ *Pershitz A. Ethnographic Reconstruction of the History of Primitive Society: Goals and Possibilities // Ethnography and Related Sciences*. Moscow, 1977; Первобытная периферия классовых обществ... С. 5—9.

⁴ См.: Куббель Л. Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. С. 7—10; *Он же*. Об особенностях классово-образования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана // Становление классов и государства. М., 1976. С. 90—103; Первобытная периферия классовых обществ... С. 176—180, 197—198.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 188.

⁶ См.: Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.; Л., 1960. Речь идет в первую очередь о масштабах уничтожения производительных сил, которое сказывалось в истории Ирана гораздо дольше, чем кратковременное замедление феодального развития в результате монгольского завоевания.

⁷ Гуллев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972; *Sanders W., Price B. Mesoamerica: The Evolution of a Civilisation*. N. Y., 1968; *Weaver M. The Aztecs, Maya and Their Predecessors. Archaeology of Mesoamerica*. N. Y., 1972.

⁸ Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 194—193; Первобытная периферия классовых обществ. С. 252.

⁹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. С. 84—90.

¹⁰ Первобытная периферия классовых обществ... С. 241.

¹¹ См., например: Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978; *Dussaud R. Les Arabes en Syrie avant l'Islam*. P., 1954.

¹² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

- ¹³ Первобытная периферия классовых обществ... С. 241.
- ¹⁴ Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 143—147. См. также: *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956; *Childe V. G.* Man Makes Himself. L., 1956; *Idem.* The Prehistory of European Society. Harmondsworth, 1958.
- ¹⁵ *Terrasse H.* Histoire du Maroc des origines à l'établissement du protectorat français. T. I. Casablanca, 1949. P. 34—35; *Julien Ch.-A.* Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie — Algérie — Maroc. Des origines à la conquête arabe. P., 1956; Ср. также эллинизацию скифского населения в последние века существования Скифского царства: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 246 и сл.
- ¹⁶ *Бонгард-Левин М. Г.* Хараппская цивилизация и «арийская проблема» // СЭ. 1962. № 1; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964; *Бонгард-Левин М. Г., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969; *Gordon D. H.* The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1958; *Allchin F. R.* Neolithic Cattle-Keepers of South India. A Study of the Deccan Ashmounds. Cambridge, 1963.
- ¹⁷ *Тюрин В. А.* К вопросу об истоках малайской культуры // ВИМК, 1959. № 3; Народы Юго-Восточной Азии // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1966. С. 50 и сл.; *Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А.* Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии // ПИДО; *Членов М. А.* Население Молуккских островов. М., 1976. С. 108—109; *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С. 28—29.
- ¹⁸ *Холл Д.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958. С. 129—131; Народы Юго-Восточной Азии. С. 55—56; Народы Австралии и Океании // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1956. С. 357—359.
- ¹⁹ Классификацию первобытных СПО см.: Первобытная периферия классовых обществ... С. 8—9.
- ²⁰ *Clark C., Haswell M.* The Economics of Subsistence Agriculture. L., 1964. P. 23.
- ²¹ *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969. С. 244—245.
- ²² *Террибул Колин М.* Человек в Африке. М., 1981. С. 110; *Murdock G. P.* Africa: Its Peoples and Their Culture History. N. Y. etc., 1959. P. 48; *Turnbull C. M.* Wayward Servants. The Two Worlds of the African Pygmies. L., 1965.
- ²³ Первобытная периферия классовых обществ... С. 253.
- ²⁴ Общественный строй у народов Северной Сибири (XVI — начало XX в.). М., 1970. С. 94. и др.; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 50—53, 91—94.
- ²⁵ *Куббель Л. Е.* Об особенностях классовобразования... С. 102—103.
- ²⁶ Первобытная периферия классовых обществ... С. 243, 256.
- ²⁷ Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 194; Первобытная периферия классовых обществ... С. 254—255.
- ²⁸ *Мисюгин В. М.* Происхождение городов восточноафриканского побережья // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и лит. 1958. Вып. 4. № 20; *Он же.* Суахильская хроника средневекового государства Пате // Африка. Культура и языки народов Африки. М.; Л., 1966; *Читтик Г. Н.* Побережье Восточной Африки // Железный век Африки. Под ред. П. Л. Шинни. М., 1982. С. 88—106. Ср. с этим процесс образования так называемых торговых этносов в приморских городах Индонезийского архипелага (*Членов М. А.* Население Молуккских островов. С. 109—114).
- ²⁹ *Волчок Б. Я.* Племя и каста (на примере народов Центральной Индии). М., 1964. С. 5; *Бонгард-Левин Г. М.* Некоторые черты сословной организации в ганах и сангхах Древней Индии // Касты в Индии. М., 1965; *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 48—65; Первобытная периферия классовых обществ... С. 62—66.
- ³⁰ См., например: *Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme,

- XVe—XVIIIe siècle. T. I. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible. P., 1979. P. 136—143.
- ³¹ *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. С. 132—133.
- ³² См.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
- ³³ *Бугинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 15.
- ³⁴ *Першиц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза (на примере этнографической информации об отставших в своем развитии народах Востока) // *НАА*. 1980. № 4. С. 72.
- ³⁵ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 284—285.
- ³⁶ *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973. С. 177—178.
- ³⁷ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 67; *Жданко Т. А.* Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.) // *РН*. 1974. Вып. 4. С. 17 сл.
- ³⁸ Подробнее см.: *Першиц А. И.* Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982.
- ³⁹ Подробнее о взглядах классиков марксизма на соседскую общину см.: *Тер-Акопян Н. Б.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // *Из истории марксизма и международного рабочего движения*. М., 1973.
- ⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 419.
- ⁴¹ Там же. Т. 20. С. 151.
- ⁴² Там же. Т. 19. С. 418—419.
- ⁴³ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 471.
- ⁴⁴ Из обобщающих работ последнего времени см.: *Дьяконов И. М.* Община на Древнем Востоке в трудах советских исследователей // *ВДИ*. 1963. № 1; *Алаев Л. Б.* Проблема сельской общины в классовых обществах // *ВИ*. 1977. № 2; *Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. Л., 1967; *Социальная организация народов Азии и Африки*. М., 1975; *Община в Африке. Проблемы типологии*. М., 1978.
- ⁴⁵ См.: *Першиц А. И., Хазанов А. М.* Община у кочевых скотоводов // *НАА*. 1979. № 2.
- ⁴⁶ *Дьяконов И. М.* Община на Древнем Востоке. С. 21.
- ⁴⁷ *Штаерман Е. М.* Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.
- ⁴⁸ *Неусыгин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- ⁴⁹ *Семенов Ю. И.* О стадийной типологии общины // *Проблемы типологии в этнографии*. М., 1979. С. 85.
- ⁵⁰ *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981. С. 11.
- ⁵¹ *Александров В. А.* Русское население Сибири XVIII — начала XIX в. М., 1964.
- ⁵² *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 41 сл.
- ⁵³ *Чюкия И. В.* О природе большой семьи. Тбилиси, 1964; *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // *Ставоление классов и государства*. М., 1976. С. 45.
- ⁵⁴ *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Энгельс и проблемы первобытной истории // *Проблемы этнографии и антропологии в свете паучного наследия Ф. Энгельса*. М., 1972. С. 30—31; *Маретин Ю. В.* Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра) // *Социальная организация народов Азии и Африки*. С. 63—65; *Семенов Ю. И.* О стадийной типологии общины. С. 89—90.
- ⁵⁵ *Абрамзон С. М.* К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // *РСИЭ*. 1957. Вып. 28; *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи

- и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 15–16 и др.; *Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomadism. The Hague, 1963. P. 338—339.*
- ⁵⁶ *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961. С. 69 сл.; *Он же.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 327.
- ⁵⁷ См., например: *Дьяконов И. М.* О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 26; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976. С. 230.
- ⁵⁸ *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 83.
- ⁵⁹ *Косвен М. О.* Семейная община (опыт исторической характеристики) // СЭ. 1948. № 3. *Он же.* Семейная община и патронимия.
- ⁶⁰ Библиографию см.: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия; *Давыдов А. Д.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Крюков М. В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
- ⁶¹ *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 15; *Иванова Ю. В.* Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в трудах советских историков. М., 1964. С. 8.
- ⁶² *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 104, 117.
- ⁶³ Наиболее развернуто эта точка зрения представлена в работе: *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18.
- ⁶⁴ *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. М., 1969; *Он же.* Сельская община и патронимия...; *Робакидзе А. И.* Патронимия у народов Кавказа. М., 1973.
- ⁶⁵ *Крюков М. В.* Формы социальной организации... С. 7; ср.: *Он же.* О соотношении родовых и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса) // СЭ. 1967. № 6; а также дискуссию по этой статье в СЭ за 1968—1970 гг.
- ⁶⁶ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 13.
- ⁶⁷ *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // СЭ. 1968. № 4. С. 81 сл.
- ⁶⁸ Подробнее см.: *Першиц А. И.* Динамика традиций и возможности их этнокультурологического истолкования // НАА. 1981. № 5. С. 90 сл. Заметим попутно, что понятие линиджа встречается у разных авторов в разных значениях, но многие включают в него, как и в понятие патронимии, не только самих кровных родственников, но и их жен или мужей. См.: *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 114; *Sahlins M. D. Tribesman. Englewood Cliffs. 1968. P. 53; Encyclopedia of Anthropology. N. Y. et al., 1976. P. 249.*
- ⁶⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 102; Т. 45. С. 329—330.
- ⁷⁰ См., например: *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; *Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Lille, 1976. V. 1.*
- ⁷¹ Наиболее полная сводка данных и библиография: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 226 сл. См. также: *Першиц А. И.* Матриархат: иллюзии и реальность // Вестник АН СССР. 1986. № 3.
- ⁷² *Pershits A. Neighbourhood and Kinship in the local Community // Soviet Studies in Ethnography. Moscow, 1978. P. 131.*
- ⁷³ *Смирнова Я. С.* Искусственное родство у народов Северного Кавказа // В печати.
- ⁷⁴ См. о них: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1980. Т. 1; *Зибер Н. Н.* О братствах // Соч. Т. 2. СПб., 1900; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.,

- 1967; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; *Иванова Ю. В.* Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973; *Durham E.* Some Tribal Origins Laws and Customs of the Balkans. N. Y., 1929.
- ⁷⁵ Основная литература и библиография: *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа; *Гарданов В. К.* Аталычество. М., 1973; *Steinmetz S. R.* De «fosterage» of Orvoeding in Fremde Families // *Steinmetz S. R.* Gesammelte Kleinere Schriften zur Ethnologie und Sociologie. Grönigen, 1928. Bd. 1.
- ⁷⁶ *Сигорский М.* Брак и брачные обряды на Кавказе // Этнография. 1930. № 3; *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа.
- ⁷⁷ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948; *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957; *Казамова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита в V—IV вв. до н. э. М., 1964; *Забыгина К. Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. М., 1951; *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7; *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. М., 1949; *Кинжалов Р. В.* Аджекское золотое грудное украшение // СМАЭ. 1960. Т. 19; *Weiser L.* Altgermanische Junglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927; *Harrison J. E.* Themis. Cambridge, 1927, и др.
- ⁷⁸ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 331 сл.
- ⁷⁹ *Куббель Л. Е.* Из истории древнего Мали // Африканский этнографический сборник. М.; Л., 1963. Вып. 5; *Мирхасилов С. М.* К истории общественного быта узбеков // СЭ. 1963. № 5.
- ⁸⁰ *Васильев Л. С.* Конфуцианство в Китае // ВИ. 1968. № 10. С. 64.
- ⁸¹ *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна... С. 58 сл.
- ⁸² См. в особенности: *Дарест Р.* Исследования по истории права. СПб., 1894; *Черри К.* Развитие карательной власти в древних общинах. СПб., 1907; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890; *Себастианский И.* Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Харьков, 1888; *Грацианский Н.* О материальных изысканиях в варварских правдах // Историк-марксист. 1940. № 7; *Гарданов В. К.* Общественный строй...; *Иванова Ю. В.* Северная Албания...; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса...; *Vlavianos B.* Zur Lehre von der Blutrache. Jena, 1924; *Glotz G.* La solidarité de la famille dans de droit criminel en Grèce. P., 1904; *Wesnitsch M. P.* Die Blutrache bei den Südslaven // Zeitschrift des Vergleichenden Rechtswesen. В., 1889. Bd. 8.
- ⁸³ См.: *Першиц А. И.* Хозяйство... С. 177.
- ⁸⁴ *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. С. 126 сл.
- ⁸⁵ *Першиц А. И.* Хозяйство... С. 126; *Гарданов В. К.* Общественный строй... С. 321 сл.; *Иванова Ю. В.* Северная Албания... С. 138.
- ⁸⁶ См.: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия; *Он же.* Этнография и история Кавказа.
- ⁸⁷ *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982. С. 147, 263—269.
- ⁸⁸ Encyclopedie de l'Islam, s. v. «Mahr».
- ⁸⁹ См. в особенности: *Косвен М. О.* Брак-покупка // Красная новь. 1925. № 2; *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. М.; Л., 1959.
- ⁹⁰ *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи...; *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983; *Freedman M.* Rites and Duties. L., 1967; *Stirling P.* Turkish Village. L., 1965; *Davis J.* People of the Mediterranean. L., 1977.
- ⁹¹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 354.
- ⁹² *Першиц А. И.* Похищение невест: правило или исключение? // СЭ. 1982. № 4.
- ⁹³ *Максимов Н. А.* Ограничение отношений между одним из супругов и

- родственниками другого // ЭО, 1908. № 1-2; *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи...; *Смирнова Я. С., Першиц А. И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // СЭ. 1978. № 6.
- ⁹⁴ *Якобсон В. А.* Возникновение писаного права в древней Месопотамии // ВДИ. 1981. № 2. С. 16. Ср.: *История Древнего Востока...* С. 384.
- ⁹⁵ *Люлье Л. Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев // Зап. Кавказского отд. РГО. 1866. Т. 7. С. 12.
- ⁹⁶ Подробнее см.: *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970; *Ильин Г. Ф.* Религия древней Индии. М., 1959; *Немировский А. И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; *Кочетов А. Н.* Буддизм. М., 1968; *Богораз-Тан В. Г.* Христианство в свете этнографии. М.; Л., 1928; *Климович Л. И.* Ислам. М., 1962; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1976.
- ⁹⁷ *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная революция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980; *Он же.* Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономических формаций. М., 1982.
- ⁹⁸ См. в особенности: *Redfield R.* The Little Community. Peasant Society and Culture. Chicago, 1973.
- ⁹⁹ *Першиц А. И.* Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- ¹⁰⁰ *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. Алма-Ата, 1894.
- ¹⁰¹ *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // Народы СССР. 1875. № 6; *Робакидзе А. И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2; *Блиев М. М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // Народы СССР. 1983. № 2.
- ¹⁰² *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745—1973). М., 1982; *Першиц А. И.* Общественный строй туарегов Сахары; *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *Leach E. R.* Political Systems at Highland Burma. Cambridge, 1954.
- ¹⁰³ *Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. С. 271.
- ¹⁰⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 305; Т. 22. С. 445—446 и др.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 19. С. 419.
- ¹⁰⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 344—345.
- ¹⁰⁷ *Данилов В. П.* Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. 1958. № 3; *Он же.* Об исторических судьбах русской крестьянской общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1975.
- ¹⁰⁸ *Росляков А. А.* Исторические особенности перехода к социализму туркменского народа // Минуя капитализм. М., 1961; *Кенжебаев С.* Советы в борьбе за построение социализма. Алма-Ата, 1969.
- ¹⁰⁹ *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
- ¹¹⁰ *Андреев И. Л.* Пути развития освободившихся стран в свете теории общественно-экономических формаций // Теория общественно-экономических формаций. С. 275.
- ¹¹¹ Там же; *Он же.* Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973; *Андреев И. Л., Гумаркин Д. Д.* Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании // СЭ. 1976. № 3. Иную точку зрения на возможности использования общинных традиций см.: *Данилова Л. Д., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978 (там же обширная библиография вопроса).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение и анализ данных, рассмотренных в трех томах этой серии, заставляют вновь вернуться к тому же упомянутому раньше обстоятельству, что история первобытного общества — это раздел исторической науки несколько особого рода. Его спецификой принято считать иное, чем в других разделах истории, соотношение в нем непознанного и познанного, спорного и бесспорного. И это представляется естественным: ведь чем дальше в глубь времен, тем отрывочнее наши сведения о прошлом. Однако дело не только и даже не столько в количественном соотношении белых пятен на карте исторических знаний. Существеннее то, что количество здесь может подчас переходить в качество, из-за чего советские исследователи, стремясь осмыслить первобытноисторический процесс в целом, расходятся между собой во многих теориях низшего и даже среднего уровня.

Спорное в области первобытной истории можно подразделить на три категории проблем, границы между которыми, впрочем, до некоторой степени условны.

Спорное из-за недостаточности фактических данных. В этой категории, естественно, особенно велика доля проблем, встающих при характеристике древнейшего этапа первобытной истории — эпохи праобщины, или первобытного человеческого стада. Чтобы сколько-нибудь уверенно расшифровать факты палеоантропологии и археологии, нужно обладать их достаточно представительным набором, а между тем количество таких фактов, хотя и значительно увеличилось за последние десятилетия, все еще относительно невелико. В результате спорными остаются реконструкции многих очень существенных сторон жизни праобщины, включая сюда характер свойственных ей общественных отношений, отношений между полами, духовной деятельности и т. п. Вот несколько примеров.

В главе пятой первого тома мы видели, что современные исследователи, воссоздавая социальный облик праобщины, как правило, уделяют большое внимание прогрессивному развитию этой организации. В общей теоретической форме такой вывод вызывает сомнения, но используемая для его обоснования аргументация при нынешней фактической базе ограничена, а порой и ущербна. Из того, что в праобщинах архантропов и ранних палеоантропов костных остатков людей с признаками насильственной смерти намного больше, чем в праобщинах поздних палеоантропов, часто делают заключение о постепенном уменьшении

количества внутригрупповых конфликтов и укреплении групповой солидарности. Но предположение об именно внутригрупповых конфликтах как причине насильственной смерти, выдвинутое еще в 1940-х годах Ф. Вайденайхом, — не более чем одно из возможных предположений, основанных на самой динамике находок с костными повреждениями. С наименьшими основаниями можно предположить, что признаки насильственной смерти могут иметь естественное, в частности природное, происхождение. С этой точки зрения ту же динамику можно объяснить другим: первобытные люди постепенно овладевали умением уберечься от стихийных бедствий, нападения хищников и т. п. Вопрос остается спорным из-за относительно небольшого числа находок костных остатков архантропов и палеоантропов, а также расхождений между исследователями в определении характера ряда повреждений: как искусственных или естественных, прижизненных или посмертных. И, видимо, он останется спорным до тех пор, пока число находок заметно не возрастет, а методика их исследования не будет существенно усовершенствована.

Те же находки костных остатков с признаками насильственной смерти рассматривают как свидетельство конфликтов из-за женщин и связывают с образованием на смену системы зоологического доминирования эпизодически возникавших и распадавшихся пар. Здесь недостаток фактов влечет за собой еще более смелые и спорные предположения. Несомненно, что какая-то часть костных повреждений может быть обязана своим происхождением половой ревности. Но что это дает для давно дискутируемого учеными вопроса, какая за этим стояла прасемья: парная или гаремная? Чтобы решить его не умозрительно, а на фактической основе, нужны поистине уникальные находки и принципиально новый уровень методики исследования артефактов.

Не лучше положение с материалом для суждений о духовном мире людей праобщины. И не только архантропов, сама духовная культура которых, судя по скудным и допускающим различные истолкования находкам (главным образом кускам охры), проблематична. Палеоантропы широко пользовались охрой в своей изобразительной деятельности, но о чем свидетельствует охра, находящая, скажем, в мустьерских погребениях? Применяли ли ее в утилитарных или в магических целях? Возьмем другой факт. На основе сенсационной находки Р. Солецки в мустьерском погребении Шанидар IV пыльцы от букетов лекарственных цветов сделаны многочисленные и далеко идущие выводы об эмоциональной и интеллектуальной жизни неандертальцев. Но по этой единичной находке трудно судить, говорит ли она о зарождении человеческих эмоций, или о помощи живых умершему, или, наконец, о специализации последнего в знахарстве. В некоторых случаях находки не так уж малочисленны, однако и они не поз-

воляют с уверенностью судить о духовной культуре. На ряде мустьерских орудий видны симметрично расположенные царапины, но не вполне ясно, являются ли они свидетельством сознательной изобразительной деятельности или побочным результатом рабочего использования орудий. На другие предметы несомненно нанесена гравировка, однако и в этих случаях, как, например, по поводу креста на костяной пластине из Тата, ведутся споры о познавательном или культовом назначении такой гравировки.

Многое остается спорным из-за ущербности фактических данных и тогда, когда мы обращаемся к материалам этнографии для исторической реконструкции позднепалеолитического общества неолитов. Как уже отмечалось во второй главе первого тома и третьей главе второго тома, нигде на Земле не сохранилась та экологическая и историческая обстановка, в которой жили оседлые и полуседлые охотники Европы и Сибири, чаще всего рассматриваемые как представители «классической» раннепервобытной общины Северного полушария. Как к этнографическим аналогам последней чаще всего прибегают к обществам бродячих охотников, собирателей и рыболовов тасманийцев и австралийцев. Однако как по своему бродячему образу жизни, так и по своим историческим судьбам обществ-изолятов и те, и другие недостаточно представительны для этих целей. Постоянные передвижения тасманийцев и австралийцев в поисках пищи повели к известной атомизации их локальных групп, к начавшемуся обособлению парных семей, очень часто — переходу от материнского рода к отцовскому и т. п. В результате, хотя в материальной культуре тасманийцев и австралийцев сохранилось немало от позднего палеолита, в целом их культура имеет скорее мезолитический облик. И вот эту-то культуру, выискивая в ней позднепалеолитические традиции, приходится проецировать на «классическую» раннепервобытную общину. Небезупречны и другие этнографические аналоги позднепалеолитических обществ. Так, яганы и алакалуфы с их охотой на морского зверя — в какой-то мере представители уже не только раннего присваивающего, но и высокоспециализированного хозяйства, а эскимосы карибу лишь два-три века назад также занимались охотой на морского зверя и поэтому в определенной мере являются обществами-регрессантами.

Казалось бы, намного лучше обстоит дело с этнографическими аналогами мезолитических обществ, представленными довольно многочисленными сохранившимися бродячими охотниками, собирателями и рыболовами тропических лесов и пустынь. И действительно, культура ведда Цейлона, семангов и части сеноев Малакки, тоала Сулавеси, аэта Филиппин, бушменов Калахари и т. д. сохранила в доступное этнографическим наблюдениям время мезолитические традиции. Однако и в этом случае сопоставления далеко не безоговорочны, так как из-за преоблада-

ния в Южном полушарии собирательства пад охотой, а местами к тому же измельчания объектов охоты по названным обществам трудно судить о мезолитических обществах Северного полушария. Ведь интенсивное собирательство также не могло не способствовать социальной атомизации и различным культурным неожиданностям, вроде известного «парадокса Салинза».

При всей своей недостаточности палеоантропологические, археологические и этнографические данные о древнейшем прошлом человечества, за неимением более представительных, с многочисленными оговорками широко используются специалистами. Но такое использование не может не порождать самых острых разногласий как между представителями разных специальностей, так и между самими антропологами, археологами, этнографами.

Спорное из-за противоречивости фактических данных. Парадоксальным образом не многим меньше проблем возникает в тех случаях, когда современная история первобытного общества располагает обширным фактическим материалом. В середине XIX в. с его отмеченной К. Марксом и Ф. Энгельсом нехваткой «положительного материала»¹ было относительно нетрудно строить первобытноисторические схемы, которые при всех своих различиях разными авторами подавались с одинаковой уверенностью. Ко второй половине XX в. положение существенно изменилось. Этнография теперь располагает многочисленными сведениями об аналогах первобытных, главным образом неолитических, обществ; этнографические данные дополнились обильными и непрерывно растущими данными археологии. Но, как уже отмечалось в этнографическом разделе, археологические данные требуют социологической расшифровки, которая нечасто бывает однозначной, а этнографические данные — это данные об обществах, развивающихся в неодинаковой природной среде, и к тому же обществах синполитейных, испытавших неодинаковые влияния или испытывавших их в неодинаковой мере. Отсюда и парадоксальность положения: нередко получается так, что чем обильнее материал, тем больше в нем противоречий, и в результате даже неоднократно описывавшиеся явления первобытной культуры становятся предметом споров.

Одним из наиболее характерных примеров этого — в прошлом вполне однозначное, но постепенно становящееся все менее определенным понятие неолита, рассмотренное в главе четвертой второго тома. Поначалу его признаками считались такие технические приемы каменной индустрии, как шлифовка и сверление камня, и такие новые явления материальной культуры, как тесла и керамика. Затем выяснилось, что по крайней мере подшлифовку лезвий, а равно сверление камня и обжиг глины знали некоторые мезолитические и даже позднепалеолитические по другим признакам общества, в то время как многие в целом неолитические общества не знали в одних случаях шлифовки камня, в дру-

гих — керамики. Возникла концепция «докерамического неолита» Передней Азии и части Европы, но вскоре и она уступила место чайлдову пониманию неолита как эпохи производящего хозяйства. В то же время выяснилось, что ряд племен перешли к производящему хозяйству уже в мезолите, а ряд — лишь в железном веке, и для них приходится применять понятие неолита в прежнем технологическом смысле. В результате всего этого одно из фундаментальных археологических понятий первобытной истории повисло в воздухе, и часть специалистов стала от него отказываться.

Сходным образом обстоит дело с понятием энеолита, в частности с пониманием социально-экономической роли начавшегося применения меди. Как показано в первой главе третьего тома, прежние мнение о якобы низких производственных возможностях меди не подтвердилось современными экспериментальными исследованиями, хотя факт ее более чем ограниченного применения не утратил своей силы. Выявились и новые противоречивые обстоятельства: например, сравнительно широкое хозяйственное использование меди предками атапасков и эскимосов Американского Севера и в то же время несравненно более узкое, преимущественно в престижных целях, — исторически более продвинутыми индейцами северо-западного побережья Северной Америки. В результате в современной литературе сосуществуют диаметрально противоположные точки зрения по поводу роли первого в истории металла. Согласно одной из них, он давал большой производственный эффект, согласно другой — практически ничего не дал для развития экономики, согласно еще одной — в некоторых случаях наряду с другими факторами способствовал, а в некоторых — не способствовал развитию производительных сил. Однако и последнее из этих заключений, будучи наиболее взвешенным с фактуальной точки зрения, оставляет открытым вопрос о закономерностях в таком культурном достижении, как возникновение металлургии.

Чисто этнографический или, может быть, историко-этнографический пример расхождений из-за обилия и противоречивости фактических данных — вопрос о первоначальной форме эксплуатации. В свое время такой формой уверенно считали патриархальное рабство, и, как показано во второй главе третьего тома, оно и в самом деле хорошо доступно для непосредственного наблюдения или изучения, будучи представлено в обществах Северной Сибири, Северной и Южной Америки, Меланезии, Тропической Африки, а также в многочисленных письменных источниках. Но вот уже по крайней мере полвека, как в тех же или по крайней мере в синстадиальных обществах выявляются все новые формы эндо- и экзоэксплуатации: внутриобщинное отчуждение прибавочного продукта экономически полноценных работников руководящим слоем коллектива, кабальничество, данничество. При этих

обстоятельствах можно только предполагать, что формы, не требовавшие организации трудового процесса и наличия институционализованной сети перераспределения, т. е. патриархальное рабство, кабальничество и данничество, более архаичны, чем форма, требовавшая того и другого, т. е. внутриобщинная феодальная эксплуатация.

Еще один собственно этнографический пример рассматриваемого типа — современное состояние вопроса об универсальности военной демократии. В XIX в. Л. Г. Морган считал достаточным для выделения этой формы данных по ирокезам, грекам, римлянам и (ошибочно) по адтекам, почему уже Ф. Энгельс был вынужден пополнить этот перечень, пожалуй, наиболее типичным образцом военной демократии — древними германцами. Однако позднее было установлено, во-первых, что многие предклассовые общества (например, большинство обществ Полинезии и Тропической Африки) не знали военной демократии, и, во-вторых, что военная демократия обычно переходила в классовое общество не непосредственно, а через военно-иерархические, олигархические, и даже деспотические формы. Последнее было доказано, в частности, для древних славян, тюрков, монголов, ряда племен Судана. Неоднозначность всех этих данных повела к тому, что сейчас одни исследователи продолжают отстаивать идею универсальности военной демократии, другие ее оспаривают, часть же предпочитает говорить об универсальности только тенденций военной демократии или о более широком понятии военной деятельности и военной организации.

Спорное из-за теоретической сложности осмысления фактических данных. Эту категорию проблем не всегда легко отделить от двух предыдущих, так как и в них существующие расхождения в конечном счете связаны с различным осмыслением фактов. Но в данном случае мы встречаемся с иными масштабами расхождений, имеющих прежде всего именно теоретическое значение.

Крупнейшей в этом ряду несомненно является проблема грани между предчеловеком и древнейшим человеком, предобществом и праобществом, которой посвящена значительная часть первого тома серии. Три десятилетия назад, после сенсационных находок «человека умелого» с его еще предчеловеческой морфологической организацией, но уже в сопровождении искусственно изготовленных, хотя и не стандартизованных, орудий труда, возникли острые споры о том, можно ли говорить здесь о начале человека и общества или таким началом является эпоха питекантропов с их безусловно человеческой морфологией и стандартизованными орудиями. Камень преткновения в этих спорах — искусственные орудия «человека умелого», т. е. понимание орудийного критерия грани между предчеловеком и человеком. По мнению части специалистов, один только факт появления искусственных орудий, каковы бы они ни были, знаменует возникновение труда, а стало

быть, и начало истории человека и человеческого общества. По мнению других специалистов, орудия «человека умелого» не были еще подлинно человеческими, какими стали только ручные рубила питекантропов. Вторая из этих позиций обстоятельно аргументирована в четвертой и пятой главах первого тома. Эта же позиция аргументирована с антропологической точки зрения в главе третьей первого тома, где «человек умелый» отнесен к подсемейству австралопитеков, т. е. иному, чем собственно люди, гоминины, подсемейству семейства гоминид.

Большая литература посвящена также теоретическим спорам по поводу другой узловой проблемы первобытной истории — генетического и функционального соотношения семьи, общины и рода. Разные подходы к этой проблеме, подробно рассмотренные во второй и третьей главах первого тома, нашли отражение в двух основных точках зрения, которые в последнее время условно названы «родовой» и «общинной».

Сторонники «родовой» точки зрения исходят из того, что первой формой социального регулирования отношений между полами был групповой брак, исторически реконструируемый на основе особенностей классификационных систем родства и путем анализа различных пережитков брачных обычаев у оставших в своем развитии групп человечества. По мнению одних исследователей, этот брак был дислокальным, по мнению других, он мог быть унилокальным, но и в этом случае брачные пары не составляли экономически обособленных ячеек. Поэтому возникшие на рубеже раннего и позднего палеолита первые прочные коллективы первобытных людей — экзогамные взаимобрачные материнские роды — совпадали или в основном совпадали с экономическими объединениями, общинами. Только в конце позднего палеолита-мезолита, с уменьшением охотничьей добычи и переходом к бродячему охотничье-собираческому хозяйству, крупные родовые коллективы стали атомизироваться на экономически окрепшие парные семьи, которые к тому же подчас стали объединяться не только по родовому принципу. Род перестал совпадать с общиной, в значительной мере утеряти хозяйственные и сохранил преимущественно брачно-регулирующие функции, значительная часть родов превратилась из материнских в отцовские, а подчас родовая организация вообще распалась. В ряде случаев приходится говорить только о следах родовой организации или о материнскородовых пережитках в отцовском роде. Приблизительно такую картину застала этнография у наименее развитых из сохранившихся к новому времени первобытных племен — бродячих охотников, собирателей и рыболовов тропических лесов и пустынь. В неолите, с развитием производящего хозяйства и оседлости происходит как бы возрождение значения родовой организации, хотя и теперь она уже не совпадает с организацией общинной.

Сторонники «общинной» точки зрения фактически исходят из ненадежности исторических реконструкций. Картина, обнаруженная наукой у наименее развитых племен,— это и есть картина жизни позднепалеолитического человечества. Если брак у них парный и основанная на нем парная семья не лишена существенных экономических функций (нередко ее даже называют малой, терминологически сближая с позднейшей отдельной семьей предклассового или классового общества), то, стало быть, такими или приблизительно такими они были всегда, а классификационная система родства отражает лишь коллективистскую природу первобытной общины. Коль скоро родовая организация наиболее выражена в неолите, а функции ее в это время — брачно-регулирующие, то, значит, и складывается она главным образом в неолите, причем именно только для выполнения этих функций. Раз у племен сходного стадийного уровня фиксируется как материнская, так и отцовская родовая организация, то, следовательно, обе формы рода возникают скорее всего параллельно. Пережитки родового строя в безродовой организации или материнского рода в отцовском? Но методика анализа пережитков, возражают сторонники «общинной» теории, по меньшей мере далека от совершенства, и с тем же успехом можно предположить, что во всех этих случаях мы имеем дело не с остатками старого, а с зародышами нового состояния общества. Основными структурами классической первобытности сторонники этой теории считают общину и семью, а всю социальную историю эпохи представляют себе как динамику сосуществования и противоборства данных структур. Авторский коллектив серии постарался учесть сильные стороны обеих точек зрения, каждая из которых абсолютизирует один из аспектов реальности общинно-родового строя.

Из спорных вопросов, относящихся к начальной поре разложения первобытного общества и рассмотренных в четвертой главе второго тома, одно из центральных мест принадлежит вопросу о первом крупном общественном разделении труда, которое положило начало росту производительности труда и регулярному обмену. В свое время Ф. Энгельс видел этот первый шаг серии общественных разделений труда в выделении пастушеских племен из общей массы племен, ведших присваивающее хозяйство. Для науки XIX в. это было единственно правильным решением вопроса, так как до начала 1890-х годов в ней была известна только схема «трех ступеней» в развитии форм хозяйства — охоты, скотоводства, земледелия, и лишь начиная с 1892 г. стали обобщаться факты, показывающие, что присваивающее хозяйство, как правило, сменялось непосредственно комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством. Осмысление этих фактов повело к тому, что многие исследователи стали усматривать первое крупное общественное разделение труда в возник-

новении производящей экономики в широком смысле, а некоторые — в выделении любых относительно специализированных в своей хозяйственной деятельности племен: преимущественно охотников, преимущественно рыболовов, преимущественно «собираателей урожая», преимущественно кочевых скотоводов и т. п. Однако даже такой не лишенный оснований взгляд, как связь первого крупного общественного разделения труда с возникновением производящей экономики, не бесспорен. Комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, в противоположность, например, специализированному пастушесству, в значительной мере автаркично и не порождало сильных стимулов для обмена. Иными словами, хотя дифференциация производственной деятельности в этом случае и имела место, она могла не повлечь за собой принципиальных изменений в системе регулярного общественного обмена.

Один из наиболее спорных вопросов понимания эпохи разложения первобытного общества, рассмотренных во второй главе третьего тома, — это вопрос о соотношении путей и механизмов политогенеза. Несколько выше мы уже касались военной демократии и шире — военной деятельности и военной организации в предклассовых обществах. Часть современных исследователей склонна видеть в активной военной деятельности и военной организации один из вариантов формирования предполитических структур, выделяя наряду с ним варианты собственно аристократический (институционализация наследственной власти родоплеменной верхушки в Полинезии или многих обществах Тропической Африки) и плутократический (ненаследственное лидерство богачей-бигменов в Меланезии или Юго-Восточной Азии). Но это не единственно возможное решение вопроса, подсказываемое обширным и пока еще недостаточно осмысленным материалом. Имеются данные, позволяющие считать, что власть военных предводителей и бигменов также имела тенденцию стать наследственной, так как родственники лидеров уже на изучаемом этапе становились лидерами чаще других соплеменников. Поэтому еще подлежит исследованию, в какой мере три названных пути являются вполне самостоятельными путями, а в какой могут подчас быть механизмами последовательных стадий политогенеза.

Большое значение для понимания социального и этнокультурного процесса первобытной истории имеет ставший в последние десятилетия остро дискуссионным вопрос о племени. Как мы видели в третьей, четвертой и пятой главах второго тома, новые этнографические данные по аборигенам Австралии, индейцам Южной Америки, папуасам Новой Гвинеи и другие показали, что не все первобытные общества обладали четко выраженной племенной организацией. В связи с этим наряду с традиционной точкой зрения на племя как на основной тип этнической общности эпо-

хи первобытнообщинного строя возникло несколько новых. Согласно одной из них, племя вплоть до времени мезолитической раннеродовой или даже неолитической позднегородовой общины — это еще только аморфный прототип; согласно другой, основными этническими общностями первобытности вообще были не племена, а группы нечетко очерченных родственных племен, «соплеменности»; наконец, согласно еще одной, племена, поскольку определяющим для них была система организации власти, отнюдь не являлись этническими общностями. Таким образом, дискуссии об исторических типах этнических общностей, до недавнего времени щадившая первобытный раздел истории, теперь в полной мере захватила и эту область.

Перечень таких более или менее масштабных примеров нетрудно умножить. Но означает ли сказанное выше, что в первобытной истории решительно все неопределенно, зыбко, остается предметом нескончаемых и безрезультатных дискуссий? Несомненно, нет. Из предпринятого исследования видно, что при всей специфической ограниченности, гипотетичности и даже дизъюнктивности многого в наших знаниях о первобытном прошлом главное в них можно считать твердо установленным.

Бесспорное в науке о первобытном обществе. Теоретические основания науки о первобытном обществе были заложены в трудах классиков научного коммунизма, создавших учение о прогрессивной смене общественно-экономических формаций и первобытном обществе как о первом звене этой цепи. Ими же было намечено общее, принципиальное решение узловых проблем первобытной истории. Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом соответствующих проблем, отразившись в целом ряде их статей и фундаментальных работ — от «Немецкой идеологии» до «Происхождения семьи, частной собственности и государства», и обращение к ним В. И. Ленина нашли завершение в марксистской концепции истории первобытного общества, составляющей неотъемлемую часть историко-материалистической философии истории.

В чем концептуальное ядро марксистского понимания первобытной истории, в противоположность разного рода частным решениям и выводам, которые не могли не уточняться — и еще будут не раз уточняться — с накоплением и осмыслением новых фактических данных²?

Согласно этому пониманию, первым и основным условием человеческой жизни является труд. Данное положение трудовой теории антропосоциогенеза можно сформулировать одной фразой Ф. Энгельса: труд создал самого человека³. Возникшее с выделением в процессе развития трудовой деятельности из животного мира древнейшее человеческое общество представляло собой «человеческое стадо», «первобытное стадо»⁴, т. е. закономерности биологического развития еще не были «сняты» в нем чисто

социальными закономерностями. С развитием общинно-родового строя первобытное общество характеризуется примитивным, обусловленным неразвитостью производительных сил коллективизмом в производстве и потреблении. Производство «было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства»⁵. Первобытный коллективизм и покоящиеся на его основе общинно-родовые отношения начинают исчезать только в эпоху классовообразования, т. е. тогда, когда в результате прогресса производительных сил и возникновения прибавочного продукта развивается общественное разделение труда со всеми его последствиями: обменом, имущественным неравенством, эксплуатацией человека человеком и в конечном счете зарождением антагонистических общественных классов, занимающих различное положение в производстве и распределении. Первобытнообщинный строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»⁶. В разных географических и исторических условиях этот процесс мог быть представлен различными локальными и временными формами, «обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации»⁷, но его общее направление — развитие от доклассового общества к классовому — универсально для всего человечества. Тем самым марксистская концепция первобытной истории не только выявляет специфическое отличие этой исторической эпохи — примитивный коллективизм («коммунизм»), но и раскрывает на ее примере закономерности принципиального единства, прогрессивного развития и сменяемости важнейших общественных форм во всемирно-историческом процессе.

Концепция первобытного коллективизма как важное звено обобщающей философии истории была противопоставлена господствовавшим в буржуазной науке идеям извечности частной собственности, социального неравенства и отделенной от народа принудительной государственной власти. Естественно, что она в свою очередь встретила ожесточенную критику со стороны буржуазных ученых. Но общественные науки не только отражают доминирующую в обществе идеологию: у них, как и у всех наук, существуют свои законы внутреннего развития, в процессе которого непреложно установленные факты в конце концов взламывают ложные теории. В настоящее время марксистская концепция первобытного коллективизма получила самое широкое распространение также и среди исторически ориентированных ученых Запада, выделяющих первобытные общества под названием эгалитарных. Таким образом, время подтвердило наиболее

фундаментальное и бесспорное положение первобытноисторического знания, положение, которое к тому же некогда представлялось едва ли не самым дискуссионным.

Однако сегодня это положение можно считать слишком широким для того, чтобы сводить к нему все общепринятое в первобытной истории. На нынешнем уровне развития науки, после ряда многолетних дискуссий, допустимо утверждать, что в данной области знания немало и других важных решений, намеченных уже в ранней марксистской историографии и в свете современных данных науки являющихся или постепенно становящихся все более однозначными. Это положение лучше всего видно на примере в принципе единых или сближающихся решений главных вопросов в рассмотренной нами несколько раньше категории спорного из-за теоретической сложности осмысления фактических данных.

К их числу принадлежат прежде всего выводы из трудовой теории антропосоциогенеза, принятой не только марксистскими исследователями, но сейчас также и рядом американских и других западных ученых. Все отмеченные выше споры из-за того, что понимать под орудийной гранью, разделяющей предчеловека и человека,— это все же споры по поводу именно орудийной грани, а не какой-либо другой, скажем рубежа, обозначенного появлением морали, искусства или религии. К тому же и эти споры, завязавшиеся вокруг «человека умелого» с его искусственными орудиями, сейчас все больше отходят в прошлое, причем решающую роль здесь сыграло положение К. Маркса о необходимости различать инстинктивное употребление и создание средств труда, свойственное в зародышевой форме некоторым видам животных, и сознательное, заранее намеченное, целеполагающее, подлинно человеческое изменение предмета труда⁸. Данное положение позволило более диалектично подойти к пониманию орудийной грани, и в частности преодолеть своего рода научный шок, вызванный находками искусственно изготовленных орудий рядом с морфологически предчеловеческими формами. Стало понятно: чтобы создать человека, труд в своем первоначальном виде должен был возникнуть не вместе с человеком, а раньше него. Отправляясь от этой методологически важной посылки и еще раз осмыслив факты палеоантропологии и археологии, многие, если не их большинство, специалисты пересмотрели таксономический диагноз 1960—1970-х годов и исключили «человека умелого» из подсемейства (или семейства) гоминин. Еще вчера спорное стало для них бесспорным.

Сходным образом обстоит дело и с нынешним состоянием проблемы соотношения семьи, общины и рода. В марксистской науке споры ведутся здесь по поводу все же относительно частных вопросов. Когда на смену эпизодическим парным соединениям брачных партнеров пришли парные семьи? В какой мере

такие семьи обладали хозяйственными функциями, экономически выделяясь тем самым в общине или в сопряженном с ней роде? На какой стадии развития первобытнообщинного строя — в ашело-мустьерскую эпоху, на рубеже позднего палеолита или только ко времени неолита — возникла родовая организация? Как и в какой степени она конституировала общину в своих базисных и надстроечных ролях? Все эти и другие вопросы там, где сторонники «родовой» и «общинной» теорий не впадают в пылу полемики в крайности, тем не менее предполагают единство мнений в том фундаментальном выводе, что в развитом первобытном обществе община была немислима без рода, а род — без общины, почему данную эпоху чаще всего и обозначают как эпоху первобытной родовой общины. В последнее время сближению взглядов на сопряженность общины и рода способствовало углубленное исследование структуры родовой общины с ее локализованным ядром рода, при наиболее распространенном унилокальном брачном поселении, включающем в то же время и подавляющее большинство членов общины. В данной связи важен взгляд, что локализованная часть рода, в основном совпадая с общиной, по сути дела и была важнейшей социально-экономической ячейкой развитого первобытного общества. С этих позиций получил объяснение тот ставивший в тупик сторонников обеих концепций факт, что, по этнографическим данным, номинальным собственником земли является род, фактическим же — община. Существенно отметить, что и в рассматриваемом случае разработка проблемы подтвердила известный тезис Ф. Энгельса, придававшего большое значение преобладанию в общине членов одного рода⁹. И также важно, что разработка в марксистской науке проблемы соотношения семьи, общины и рода при всех расхождениях в частности показывает несостоятельность антиисторических взглядов на общину как на механическое сочетание изначально экономически самостоятельных семей и на род как на более или менее случайную форму организации, эвентуально присущую различным этапам первобытности.

Еще более показательно современное состояние вопроса об историческом соотношении материнского и отцовского рода, основные аспекты которого оказались несравненно менее дискуссионными, чем это представлялось всего лишь несколько лет назад. Создатели теории приоритета материнского рода перед отцовским И. Я. Бахофен и Л. Г. Морган жестко связали первую из этих форм с господством женщин, или матриархатом, а вторую — с господством мужчин, или патриархатом. Для XIX в. это имело большое прогрессивное значение, так как именно матриархат представлялся наиболее полным воплощением первобытного коллективизма и его идея подрывала реакционную патриархальную теорию. Ряд этнографических данных и реконструк-

тивные методы того времени подтверждали теорию матриархата. Поэтому естественно, что Ф. Энгельс, развив фундаментальную концепцию первобытного коллективизма, воспроизвел и его более частную матриархальную трактовку¹⁰. И также понятно, что в дальнейшем вопрос о соотношении матриархата и патриархата тем самым приобрел как бы методологическое значение, породил обширную литературу и острые споры. Между тем вновь накопленные этнографические данные и усовершенствованные методы их расшифровки показали, что матриархата как господства женщин никогда не существовало и что первобытноколлективистские порядки были свойственны не только раннему материнскому, но и раннему отцовскому роду. Проблема сузилась до более академического вопроса об исторической последовательности материнской и отцовской филиации и к тому же упростилась полученным в последние годы удовлетворительным решением «австралийской контroversы». Как показано во второй и третьей главах второго тома серии, в настоящее время можно считать установленным, что первоначальный род — всегда материнский, но в одних случаях сравнительно рано переходит в отцовский, а в других сохраняет материнскую форму до начала разложения первобытного общества или даже еще позднее.

От понимания исторических границ и природы родового строя неотделима проблема племени. Уже одно только признание в марксистской науке универсальности рода показывает отсутствие принципиальных расхождений в главном — признании универсальности племени. Ведь «встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию»¹¹. Расхождения касаются более частных по сравнению с этим вопросов: времени возникновения племени, степени его этнокультурной и социально-потестарной оформленности на разных этапах первобытной истории и т. п. Сейчас значительную ясность в данный круг вопросов внесло предложенное в связи с разработкой общей теории этноса подразделение всех типов этнических общностей на две категории: собственно этносов (этникосов) и этносоциальных организмов (эсо). В рамках этого подхода получило теоретическое обоснование понимание племени как общности, начинающей зарождаться вместе с дуально-родовой организацией, длительно сохраняющей только этнокультурный характер и лишь в своем позднейшем развитии приобретающей также и более четкий этносоциальный аспект. Такое решение проблемы может оставлять спорными отдельные вопросы хронологии или наименования стадийных типов племени. Однако оно в корне противостоит предпринятым в буржуазной науке попыткам не только обесценить значение рода, но и отвергнуть связанное с ним понятие племени как фикцию и иллюзию.

Для других областей и проблемных комплексов марксистской истории первобытного общества характерно то же соотношение в основном решенных главных и остающихся открытыми многих второстепенных вопросов. В частности, как бы ни продолжался в дальнейшем уточняться вопрос о первом крупном общественном разделении труда, это не изменит общепринятой сейчас идеи о роли крупных общественных разделений труда для глубинных процессов роста общественного продукта, развития обмена и в конечном итоге классовобразования. Как бы ни были по-новому осмыслены конкретные пути и механизмы политогенеза, в силе останется его общее понимание как экономически обусловленного единого и многостороннего однонаправленного процесса.

Науке о первобытном обществе свойствен тот же ход развития, что и другим областям знания. По мере накопления новых данных, их обобщения и осмысления открытые и спорные вопросы превращаются в надежные решения. Контуры их могут быть более широкими, а степень детализации — меньшей, чем, скажем, в истории древнего мира или средних веков. Но для нас важно то, что в принципе первобытная история покоится на таком же прочном фундаменте, как и остальные разделы марксистской исторической науки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 27.

² См. специальные работы: Семенов Ю. И. Учение Моргана, марксизм и современная этнография // СЭ. 1964. № 4; Крывелев И. А. Маркс и некоторые проблемы этнографии // СЭ. 1968. № 2; Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // ВФ. 1984. № 4.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 486.

⁴ Там же. Т. 34. С. 138; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 174.

⁶ Там же. С. 169.

⁷ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 354.

⁸ Там же. Т. 23. С. 189—191.

⁹ Там же. Т. 21. С. 59.

¹⁰ Там же. Т. 22. С. 223 и др. О понимании этого вопроса как частного см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 287.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 97.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВИМК – Вестник истории мировой культуры
ВЯ – Вопросы языкознания
ДПР – Домашние промыслы и ремесло. Тезисы расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа. Л., 1970.
КВЕР – Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКИН – Международный конгресс историков науки
МН – Мир науки
НАА – Народы Азии и Африки
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
РГО – Русское географическое общество
РН – Расы и народы
СА – Советская археология
САС – Сибирский археологический сборник
СИПТ – Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
СОКНС – Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974
СЭ – Советская этнография
ТДП – Тайны древних писем. М., 1976
ТИААЭ – Труды Института антропологии, археологии и этнографии
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ЭДРО – Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982
ЭО – Этнографическое обозрение
AA – American Anthropologist
AAAn – American Antiquity
AHES – Archive for History of Exact Sciences. Berlin
ANA – Ancient Native Americans. San Francisco, 1978
AO – Archaeology in Oceania
AP – Asian Perspectives
ArA – Arctic Anthropology
ARA – Annual Review of Anthropology
ARBESI – Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institute Washington

- AS – American Scientist
BSPR – Bulletin de la Societe préhistorique française
CA – Current Anthropology
CAI – The Coming of the Age of Iron. New Haven; London, 1980
CES – Comparative Ethnographical Studies
CHA – The Cambridge History of Africa
DM – Les débuts de la métallurgie. Nice, 1976
EHA – The Early History of Agriculture. London, 1976
ESS – The Evolution of Social Systems. Pittsburgh, 1978
EAZ – Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift
FPBP – Farming Practice in British Prehistory. Edinburgh, 1981
HE – Human Ecology
HSAI – Handbook of South American Indians. New York, 1963
JAH – Journal of African History
JAS – Journal of Archaeological Science
JIES – Journal of Indo-European Studies
J(R)AI – Journal of (Royal) Anthropological Institute of Great Britain and Ireland
MS – Maya Subsistence. Studies in Memory of Dennis E. Puleston. New York, 1982
MSU – Man, Settlement and Urbanism. London, 1972
OAPD – Origins of African Plant Domestication. The Hague; Paris, 1976
PESA – Problems in Economic and Social Archaeology. London, 1976
PP – Pattern of the Past. Studies in Honour of David Clarke. Cambridge, 1981
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society
SA – Scientific American
SAR – Social Archaeology. Beyond Subsistence and Dating. New York, 1978
SWJA – Southwestern Journal of Anthropology
UISPP – Union International des sciences préhistoriques et protohistoriques
WA – World Archaeology
ZE – Zeitschrift für Ethnologie
ZS – Zeitschrift für Säugetierkunde

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Ленин В. И. 141, 529, 545
 Маркс К. 160, 181—182, 184, 198, 216, 223, 251, 348, 448, 472, 503—504, 510, 512, 529, 539, 545, 547
 Энгельс Ф. 9, 27, 77, 84, 103, 109, 115, 156, 176—177, 197, 212, 214, 218, 223, 226, 246, 476, 512, 529, 539, 541, 543, 545, 548—549
- Аверкиева Ю. П. 188
 Азеведо У. Л., д' 392—393
 Андерсон Р. Л. 378
 Андрэ Р. 56
 Анисимов А. Ф. 417
 Аругюнов С. А. 323
- Барнс Дж. 213
 Бахофен И. Я. 548
 Белох К. 313
 Березанская С. С. 74, 101
 Бибяков В. И. 21
 Бибякова С. С. 41
 Боас Ф. 153, 397, 417
 Богораз (Тав) В. Г. 349, 351, 378, 385
 Бочкарев В. С. 75, 100—101
 Брейдвуд Р. 7
 Брук С. И. 316
 Бурдые Ф. 365
 Бусериуп Э. 6
 Бутинов Н. А. 183, 186
- Вайденрайх Ф. 537
 Вайман А. А. 375
 Вайнштейн С. И. 49
 Вайс Ф. 278
 Вайц Т. 56
 Вейдл К. 365
 Веняминов И. Е. 285
 Виттфогель К. 7—8
 Виттхауер К. 313
 Войтинская У. С. 313
 Войтипский Э. С. 313
 Вулли Р. 372
- Гарданов В. К. 514
 Гельб И. 364—365, 372
- Гербрандс А. А. 378
 Глакман М. 422
 Гриоль М. 417
 Грипина Ю. С. 80—81
 Гроссе Э. 50
 Гумплович Л. 7, 213—214
 Гурина Н. Н. 78
- Давид Р. 448
 Даниленко В. Н. 21, 41
 Дарвин Ч. 352
 Дарк Ф. 383
 Джоунс Дж. 6
 Диви Э. 314—315, 317
 Долгих Б. О. 314
 Дробницкий О. Г. 449
 Дьяконов И. М. 363, 365
 Дэлтон Дж. 122, 145, 147
 Дюбуа К. 116
 Дюмезиль Ж. 414
 Дюркгейм Э. 5
- Золотарев А. М. 424, 436, 445
- Иванов В. В. 334
 Ивене-Притчард см.
 Эванс-Притчард Э.
 Иохельсон В. И. 358, 370
 Истрия В. А. 363—366
- Кабакер А. 315
 Карнейро Р. 7, 213
 Кеврич Т. 387, 394
 Кисляков Н. А. 522
 Клакхон К. 449
 Кнорозов Ю. В. 365, 372
 Кобищанов Ю. М. 92, 95
 Ковалевский М. М. 170, 183, 417
 Кодрингтон Р. 163
 Козлов В. И. 315
 Кон И. С. 275, 279
 Конна Дж. 77
 Косвен М. О. 161, 171, 179—180, 182, 184—185, 188, 509—510, 521
 Коц Р. 6
 Коцебу О. Е. 356
 Краснов Ю. А. 20, 22
 Крашенинников С. П. 348, 351
- Кребер А. 53
 Крушник И. И. 323
 Крывелев И. А. 417, 429
 Крэйдер Л. 213
 Крюков М. В. 318
 Куббель Л. Е. 326
 Кушпер П. И. 327
- Ландтман Г. 7
 Леруа-Гуран А. 439
 Лёффлер У. 437
 Ли М. 285
 Лосев А. Ф. 432, 440, 444
 Лоуи Р. 7
 Лоукотка Ч. 372
- Макнейш Р. 8
 Маретин Ю. В. 183
 Массон В. М. 73, 84, 86
 Мейн Г. (Мэн) 5, 181
 Мелетинский Е. М. 400, 436, 453
 Меликишвили Г. А. 322
 Мелларт Дж. 428
 Мерперт Н. Я. 42, 44—45, 74
 Меррей Ж. 45
 Мечников Л. И. 6
 Мид М. 270
 Монши Т. Г. 96
 Монгайт А. Л. 300
 Морант Дж. 330
 Морган Л. Г. 185, 227—228, 232, 235, 246, 320, 325, 355, 417, 430, 541, 548
- Надел С. 326
- Оберг К. 213
 Окладников А. П. 301
 Ольдерогге Д. А. 168
 Оля Б. 430
 Опенхаймер 214
 Осорин М. В. 275
- Перниц А. И. 183, 189, 206, 209
 Поланья К. 122, 145—147
 Пом О. 291
 Поспишил Л. 151, 221
 Пропп В. Я. 432

Равдоникас В. И. 188	Токарев С. А. 416, 435	Хокарт А. М. 421
Радин П. 430	Толстов С. П. 336, 517	Хокбин 243
Ратцель Ф. 213	Топоров В. Н. 438	
Роуллендс М. 91	Тромбетти А. 334	Чайлд В. Г. 5, 7, 85, 100-101, 111, 250
Рэдфильд Р. 526	Уайт Л. 5, 7-8, 441	Чарлз Дж. 64
Рэй М. 219	Урланис Б. Ц. 313	Чаунинг А. 276
Рэнфрю К. 7-8	Уэбстер Г. 238	Черных Е. Н. 60, 62, 86, 88, 101-102
Рэтджи У. 7		Членов М. А. 323
Сайко Э. В. 97	Ферз (Ферс) Р. 151, 162, 417	
Салинз М. 7, 221, 226, 236-237, 539	Фехос П. 275	Шаргородский С. М. 370
Сванидзе 24	Флэннери К. 8	Шаревская Б. И. 417
Сводеш М. 334	Форбес Р. 56, 85, 91	Шерер Х. 437
Семенов С. А. 20-22	Формозов А. А. 414	Шеррет Э. 30
Семенов Ю. И. 40, 116, 169, 180, 183, 185, 200, 209, 249, 511, 517, 525	Францев Ю. П. 417	Шнирельман В. А. 325
Скальник П. 5	Фрейдсберг О. М. 421	Штернберг Л. Я. 432
Солецки Р. 537	Фрид М. 5, 228, 235, 248	Шукла Б. К. 453
Спенсер Г. 5	Фридмен Дж. 121	
Станюкович М. В. 282	Фридрих И. 363-364	Эванс-Притчард (Ивенс- Притчард) Э. Э. 289, 417
Стратанович Г. Г. 426	Фробениус А. 91	Элиаде М. 442
Стюард Дж. 7	Фрэзер Дж. 6, 421-422, 426	
Сэрвис Э. 5, 7	Фюстель де Куланж Н. Д. 417	Юм Д. 313
Тайлор Э. 325, 445	Хаптингтон Э. 6, 300	
Тарном Дж. 330	Харузин Н. Н. 426	Якобсон В. А. 524
Тернер В. 423	Хелмс М. 112	Янг М. 74

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авункулат 161—162, 178
Адопция 201, 514
Акушерство 353
Алиньсманы см. Мегалиты
Амулеты 114
Аналоги первобытным обществам этнографические 270, 377, 538—539
Аналогия этнографическая 319
Антропогенез 319
Антропология социальная (культурная)
экономическая 145
юридическая см. Этнография права
Антропосоциогенез 545, 547
Аренда издольная 208
Аристократия 206, 224—225, 228, 230, 233—235, 327, 397, 403, 412, 425, 430, 434, 439, 443, 446
Архантроп (древнейший человек) 270—271, 319, 536—537, 541—542
Архитектура, протоархитектура 339, 402—404, 428
Аталычество 515
Бигмен («большой человек») 36, 106, 116—117, 119, 121—122, 200, 217, 219—221, 236—237, 383, 385, 544
Биоценоз 322
Богатство 52, 71, 73, 78, 92, 105, 109, 112, 117, 119—120, 122, 148—149, 151—153, 218—219, 221, 240, 273, 290, 292, 382—383, 392, 435, 444, 492
Боги 401, 406, 408, 415—418, 423—425, 427, 430—433, 435, 440, 443—445, 495, 524
Брак
групповой 542
колыбельным сговором 522
левиратный 176, 522
моногамный 191
обменный (обменом) 522
ортокузенный 187, 522
отработкой 164, 522
парный (первобытно-эгалитарный, протоэгалитарный) 159, 500
покупной (покупкой) 164—165, 175—176, 521—522
сороратный 522
умыканием 165, 522—523
Братства 514—515, 524
Вассалитет 514
Век бронзовый 16—17, 22—23, 26, 29—32, 34, 36, 40—41, 44, 59, 62, 64—65, 67—69, 75—76, 80—81, 83, 96—102, 110—111, 118, 120, 123, 148, 184, 294, 296, 299—302, 312, 318, 323, 327—331, 335—336, 358, 372, 379, 381, 395, 398, 402, 405, 407—410, 413, 428
Век железный 22—23, 49, 71, 110, 331, 379, 402, 407, 409—410, 540
Век каменный 498
древний (ранний, палеолит) 68, 299, 302, 316, 330, 366, 404, 428, 548
верхний (поздний) палеолит 314—315, 317, 335, 365, 397, 410—414, 538, 542
нижний (ранний) палеолит 315, 319, 365, 542
средний палеолит 319
новый (поздний, неолит) 5, 8, 13, 16, 20, 26, 29—31, 39—40, 45, 78—79, 97, 106—108, 110, 113, 123, 184, 299, 301, 308, 312, 318, 323, 327—331, 335, 372, 402, 404, 539—540, 542—543, 548
средний (мезолит) 308, 312, 314—317, 410, 540—542
Взаимозащита 454, 510, 513—514, 517—519
Взаимопомощь 179, 186, 196, 200, 208, 221, 244, 452, 454, 507, 510, 512—514, 517—519 см. также Услугообмен
Власть, властвование, управление 5, 6, 8, 43—44, 62, 78, 93, 122, 140, 142, 144, 146, 172, 177, 184, 190—191, 213, 215, 218—220, 224—226, 230—237, 240—245, 247, 249, 319—321, 325—326, 331, 333, 381—384, 388—389, 392, 404, 416, 419, 421, 423—424, 426, 432, 445—446, 448—449, 451, 454—455, 457—458, 477, 490, 500, 506, 508, 513, 519—521, 528, 544—546
Вожество 53, 112, 235—237, 242, 244, 328, 388, 392, 432, 439, 456
Вожди 8, 28, 36, 41, 43—44, 52—53, 55, 73, 76, 78, 82, 91—94, 102, 112—113, 116, 121—123, 144, 146, 149—150, 195—196, 203, 206—207, 219—222, 224—225, 232, 234—235, 240—242, 245, 273, 287, 325—326, 329, 357—358, 361, 368—369, 383, 385,

- 387-389, 392-394, 401-406, 408, 411, 419-431, 433, 435, 439, 441, 443, 446, 451-452, 454-455, 458, 529
- См. также Лидеры
- Воздаяние заgrabное 446
- Война, завоевания, походы 7, 62, 74, 112, 123, 212-215, 231-232, 319, 332-334, 353-355, 398-399, 443, 452, 479, 481-482, 488, 492-493, 523
- Воспитание 270, 276, 281, 285-288, 361, 411 см. также Социализация
- Выкуп брачный 164-165, 172, 175, 221, 452, 521-523
- Генеалогия 226, 359-362, 387, 421, 427, 444-445
- География медицинская 307
- Герой культурный 399, 423-425, 431-432, 435, 453 см. также Демидур
- Герой эпический 415-416, 443-444
- Гипергамия 425
- Главарь 144, 146, 154, 196, 215, 219, 238, 240, 242 см. также Лидеры
- Гоминиды 542
- Гоминины 542, 547
- Гончарство (керамическое производство) 71, 89-91, 94, 96-97, 103-104, 173, 433, 477
- Город 99, 250-251, 445
- Города-государства (номы, номовые государства) 19, 251, 428, 490
- Гостеприимство 105, 519-520
- Государство 5-6, 17, 36, 50, 66, 72, 93-94, 110, 140, 142, 145-146, 212-214, 226-227, 233, 244-247, 249, 251, 294, 297, 303, 318, 320, 322, 324-325, 333, 374, 376, 400, 417, 422, 424-429, 432-433, 439, 445, 448, 451, 471, 473, 477, 483-484, 492-493, 498, 500-501, 525
- первичное 6, 76, 248, 494
- вторичное 248, 494
- Графика 365, 371, 374, 412, 414
- Данничество 122-123, 209-210, 230, 481, 526, 540-541
- Дар, дарение 121, 153, 164, 454, 456
- Дарообмен см. Обмен
- Демидур 423, 430-432, 436-437, 440, 445, 453
- Демография, палеодемография 6, 294, 305, 308, 311
- Демократия военная 184, 213, 228, 231-233, 235, 241, 244, 247, 319, 541, 544
- Демонизм, полидемонизм 430
- Деньги 78, 147, 370
- «Деньги первобытные» 94, 109-110, 348, 391-392
- Дерево мировое 438-439, 443-444
- Детоубийство см. Инфантицид
- Деятельность изобразительная 359, 365, 381, 439, 537-538
- Дифференциация языковая 334, 337
- Дольмены см. Мегалиты
- Доместикация (одомашнивание) животных 32-33, 36, 41, 43
- растений 25
- Дружина 232, 419, 443
- Друиды 387-389, 439
- Жертвоприношения 122, 203, 408, 427, 429, 441-442
- Живопись 412, 414-415
- Жрецы 243, 287, 372, 374-376, 383, 387-389, 403, 411, 421-422, 424-434, 437, 441-442, 447
- Земледелие 7-12, 14, 27, 29, 34, 37-38, 41-42, 46-49, 54, 65, 76-77, 82, 84-86, 89-91, 115, 147, 173, 182, 206, 219, 282, 309, 315-317, 345, 347, 352, 361, 432, 445, 450, 477, 487, 543
- богарное 10
- иригационное 7-8, 10-11, 13-14, 15-25, 27-28, 46, 188, 282, 352, 432, 508
- огородничество 24
- паводковое 17
- палочно-мотыжное 10, 12, 19, 21, 23-24, 27, 55, 174, 188-189
- пашенное, плужное 12, 20-23, 27-28, 45, 157, 173, 188
- переложное 11, 13, 15
- подсечно-огневое 10, 13-15, 19, 24-25, 27, 55, 121, 174
- полевое 10, 25
- садоводство, виноградарство 24, 26-27
- террасное 14-15
- См. также Хозяйство производящее
- Земледельцы 12, 16, 32, 34, 49, 55-56, 93, 103-104, 118, 157, 208, 278, 284, 307, 316, 502, 504, 507
- ранние 12, 55, 316
- Знания
- агротехнические 352
- астрономические 345-347, 387, 403, 441
- биологические 345, 351
- апатомические 351, 353
- ботанические 352
- зоологические 352
- биохимические 353
- ветеринарные 352
- географические 345, 355-359

- гидротехнические 352
 математические 348
   арифметические 347–348, 350
   геометрические 347, 350–351
 медицинские 305, 316, 345, 351–354, 387
   психотерапевтические 362
   фитотерапевтические 352–354
   хирургические 353
 обществоведческие 359, 361, 363
   исторические 360, 387
   этнографические 360
 педагогические 353
 психологические 362
 физические 347
   химические 345, 352–353
 Знать родо-племенная 8, 28, 36, 53, 62, 69, 76, 78, 92, 94–95, 99–100, 102, 109, 111–113, 117, 119, 121–124, 220–221, 226, 228, 230, 234–235, 240–241, 247, 273, 368, 384, 389, 393, 395, 407, 422, 428–429, 483, 488, 512, 526
 Знахарство, знахари 384, 394, 426, 537
 Игры детские 275–280, 283
 Идеограмма, идеография см. Письмо идеографическое
 Идеология 6, 416, 446–447, 480, 483, 486, 524, 529, 546
 Иерархия военная 213, 228, 231–233, 235, 244, 541
 Иероглифы см. Письмо иероглифическое
 Избегание 523
 Изображения наскальные, пещерные 358, 371, 379, 397, 409–413
 Имя индивидуальное 272–274
 Инициации 175, 238, 281, 288–291, 416, 418–419, 423, 442–443, 525
 Инкультурация см. Социализация
 Инновации 205, 448–451, 453
 Инфантисид 314
 Ирригация см. Земледелие приращенное
 Искусство (художественное творчество) 363, 365–366, 376–416, 490, 496, 547
 История этническая 189, 335, 359–360
 Источники первобытной истории
   антропологические 295–297, 305–307, 310–311, 330–331, 335–338
   археологические 79–80, 295–296, 298, 300, 303, 321, 331–333, 345, 365, 373, 395–396, 412, 486, 536, 538
   письменные 3, 48, 149, 294, 298, 305, 313, 318, 327, 334, 373, 540
   этнографические 79–80, 296–298, 319, 321, 327, 365, 373, 395–397, 412, 486, 538
 Кабала, кабальничество 206–209, 211, 518, 524, 540, 541
 Календарь 345–347, 353, 359
 Калым см. Выкуп брачный
 Каннибализм ритуальный 419
 Картография, карты географические 355–359
 Каски 93
 Касты 86–87, 91–93, 98, 104, 210, 403, 424–425, 432, 446, 489, 494, 502, 521
 Керамика 95–96, 99, 107–108, 351, 353, 539–540 см. также Гончарство
 Кладбища 322–323 см. также Могильники, Погребения
 Клады 75, 99–100, 110, 119–120, 149
 Клан 179–180
   клан конический 121, 226 см. также Рэмедж
 Классообразование, классогенез 3, 5–9, 19, 24, 50, 55, 77, 84, 93, 97, 116–117, 120–122, 142, 197–199, 201, 208–209, 212–219, 223, 227–229, 232, 241, 248, 250–251, 294, 297, 322–323, 325, 333–334, 345, 360, 383–385, 389, 391, 394–396, 398, 401, 409, 414, 448, 483, 490, 495, 500–501, 512, 526, 550
 Классы общественные 141–142, 145, 147, 212–214, 218–219, 226–227, 245, 448, 500–501, 506, 524, 546
 Клиентелла 513–514, 520
 Клинопись см. Письмо клинописное
 Колдовство, колдуны 88, 92–94, 151, 207, 354, 380, 384, 426–427, 435, 446, 458
 Коллективизм первобытный 154–155, 168, 179, 195, 225, 381, 384, 500, 506, 509–511, 517, 546, 549
 Композиции 454–457, 519, 524
 Конкубинат 522
 Контакты культурные 320, 471–497
 Космогония см. Мифология, мифы космогонические
 Кочевничество (номадизм), кочевники 12, 31, 37–42, 44–50, 88, 156, 208, 214, 223, 445, 487, 507, 526, 529, 544
 Крепости 99, 123–124, 403–404
 Кромлехи см. Мегалиты
 Круг голчарный 90, 95–98, 351, 432
 Кувада 166–167, 452
 Кузнецы 76, 82, 86–88, 90–94, 101, 120, 432

- Культура духовная 480, 486, 537–538
 Культура материальная 55, 76, 104, 297–298, 330, 483, 490, 538–539
 Культура соционормативная 270
 Культуры археологические 16, 297, 300–301, 318, 327–328, 330, 396, 406
   абашевская 100
   адена 54, 72, 77
   амратская 201
   анасази 19
   андроновская 83, 306–307, 331–332
   афанасьевская 31, 46, 48, 65, 306–307, 331–332
   банчленг 67
   берингоморская 73
   бешкентская 40
   бодрокерестур 60
   боевых топоров 62
   вахшская 40
   вилланова 407
   винча-плочник 60
   воронковидных кубков 35, 78
   галыштатская 407, 428
   глазковская 65
   диана 61
   длинных курганов 330
   днепро-донецкая 41
   донгшонская 484
   каменных чаш 46–47
   карасукская 331–332
   катакомбная 100–101
   коз 63
   колоколовидных кубков 32, 45, 63–64, 68, 100–102, 118, 120, 330–331
   крашеной керамики 306–307
   круглых курганов 330–331
   курганных погребений 306
   куро-аракская 16, 59, 123
   лагоцца 30, 61
   латенская 407, 428
   лендзел 30, 61, 78, 80
   линейно-ленточной керамики 21, 29–30, 40
   лос-милларес 62
   майкопская 44, 59, 62; 96
   маршупольская 41
   миссисипи 54
   михельсберг 78, 83
   могильен 19
   мондзес 63
   муллинская 41
   нок 70
   номухун 31
   окуневская 65
   позднеямная 101
   полтавкинская 100–101
   предкавказская 101
   прикаспийская 41
   пффи 63
   рекуай 97
   ремеделло 63
   репнишская 42
   ринальдоне 63
   самарская 41, 66
   самусьская 65
   сапаллитепинская 16
   среднестоговская 41, 43
   срубная 83, 306–307
   сэлкуца 60
   тагарская 409
   тазабагъябская 33
   тисаполгарская 60–61
   триалетская 91
   трипольская 21, 30–31, 34, 44, 61, 95–96, 98, 306–307, 428
   убайдская 148, 395
   уилдмилл-хилл 78, 330
   унетицкая 80
   Фатьяновская 100, 306
   фонбуи 63
   фупингуен 67, 97
   халафская 58, 98, 148
   хассунская 57, 58, 95
   хвалышская 41
   хоугап 96
   хоупвелл 54, 68, 72, 77
   хохокам 19, 72
   цицзя 66
   чиоцца 61
   шассей 78
   штнуровой керамики 35, 45, 63
   элладская 306
   ямная 40–43, 45, 404–405
   яншао 96, 98
 Культы 179, 320, 379–380, 387, 403, 417, 432
   вождей 417, 421, 446
   государственные 429, 433
   духов-«хозяев» 384, 415, 431–432
   инициаций 417
   качинов 290
   межплеменные 427, 429
   племенные 417, 427, 429, 434
   племенных богов 417, 429–430, 433–434
   плодородия 419, 441
   погребальные 419, 428
   предков 384, 388, 406, 415, 419–421, 428–429, 431, 525
   тайных союзов 417
   царей 429
   эзотерические (тайные) 380, 384, 387, 393, 411, 417, 433–434
   эзотерические (общедоступные) 434

- Куначество 520
Курганы 72, 148-149, 329-330, 355, 405
- Левират см. Брак левиратный
Лекари (врачи) 353-355
Лидеры, лидерство 75, 106, 116-117, 119, 155, 389, 544
неформальные 217, 220
формальные 224, 240
См. также Вожди, Главари, Старейшины
- Линидж (липняж) 154, 177, 179, 421, 512
Личины 362, 406, 409, 414, 419
Личность 116, 235, 270, 275, 327, 362, 382, 401, 415-416, 443, 457
Логограмма 366 см. также Письмо
- Магия 92, 114, 166, 272, 424, 427
Майорат 456
Макросемья языковые 334, 336-337
Мана 419, 422
Маски 362, 378-380, 382-384, 386, 393, 407, 412, 414-415, 418, 435
Матриархат (гинекократия, «материнское право») 548-549
Матропимия 512-513
Мегалиты 36, 79, 123, 329, 346-347, 402-403, 409, 427, 441
алишьеманы 402
дольмены 346, 402
кромлехи 402-403
менгиры 346, 381, 402, 404-406, 409
- Мезолит см. Век каменный (средний)
- Менгиры см. Мегалиты
Месть кровная 399, 454, 457, 514, 518-519
- Металлургия 56, 59, 61-73, 77, 82-83, 85-86, 88-92, 101-103, 109, 157, 173, 212, 406, 477, 487, 541
- Метаплемя см. Соплеменность
- Миграции 398, 445, 478-479, 484, 490 см. также Процессы этнические миграционные, Контакты культурные
- Минорат 172
- Мифология, мифы 287, 361, 387-388, 399-400, 415-418, 423-424, 429-430, 432-434, 436, 438, 440, 442, 445, 453
космогонические 436, 438-445
- Многоженство см. Полигиния
- Могильники, некрополи 42, 44, 71, 89, 101, 108-109, 111, 114, 295-296, 300-302, 305-309, 311, 313
См. также Погребения, Кладбища
- Моногамия см. Брак моногамный
- Мононормы см. Нормы социальные
Мораль см. Нормы социальные
Мореходство 88, 355-356
- Налоги, подати 123, 222, 245, 248, 424, 506, 527-528
Налогообложение 114, 122, 245, 247-248
Наложничество 522
Народность 502
Наследование
власти 224-226, 243, 544
имущества 159, 162-163, 165-166, 175-176, 178, 185
Неандерталец см. Палеоантроп
Неоантроп 271, 538
Неолит см. Век каменный (новый)
«Неолит докерамический» 540
Номадизм см. Кочевничество
- Нормы социальные 152, 163, 165, 178, 190, 220, 270, 281, 284, 291, 376, 379-382, 387, 419, 444, 447-449, 453, 456-457, 499-500
мононормы 449, 452, 454-457
мораль (правственность, этика) 245-246, 281, 291, 353, 380, 382, 445-450, 452-454, 523, 547
право обычное 283, 448, 451-452, 455-457, 518-519
право 227, 245-246, 350, 424, 447-451, 455-456, 519, 523, 528
предправо 450-452, 454-457
этикет 285
- Обмен 7, 9, 11, 26, 34, 36, 38, 43, 46, 48, 50, 52-53, 55-56, 68, 71, 73-74, 77, 85, 89-91, 93-94, 102-109, 111-115, 117, 143, 145-146, 148, 153, 163, 188, 193-194, 212, 216, 218, 228, 241, 398, 477, 480-481, 491, 543-544, 546, 550
дарообмен 106, 114, 116, 146-147, 216, 523
престижный, церемониальный 106-108, 112-113, 115, 119, 145, 216-217, 236-237
рыночный 145
экономический 216-217
- Обрезание 416, 525
- Обряды (ритуалы) 6-7, 75, 99, 105, 114, 117, 121, 152-153, 165, 281, 291, 320, 367-368, 372, 377-378, 380, 400, 420, 422-424, 427-429, 431-432, 435-436, 438-439, 441-444, 500, 513-515, 525
- Обучение 276, 361
неформальное 271
формальное 271, 287, 393
школы 287, 361, 389

- Общества апополитейные (АПО) 3, 92, 324, 473
 Общества изолятные 538
 Общества протогородские 16
 Общества раннеклассовые 62, 67, 76, 82, 84, 89-90, 98, 109-110, 115, 182, 208, 218, 234, 323, 347, 354, 362, 373, 375, 450-451, 474, 480-481, 487, 491-492, 501-503, 512-514, 516, 518, 520-527, 529
 Общества регрессатные 484, 485
 Общества синполитейные (СПО) 3, 296-297, 324-325, 447, 473-499, 539
 Общества стагниатные 484
 Общества стратифицированные 72, 75, 118
 Общества эгалитарные 546
 Община 7, 12, 14, 53, 55, 82-83, 86, 88-89, 98, 103-104, 115, 119, 122, 141, 144-145, 154-156, 158, 168, 175, 177, 180, 184, 188, 192, 194, 207, 278, 391, 452, 499, 511, 529, 542-543, 547-548
 гетерогенная 183
 городская (гражданская) 504
 домашняя (домовая, семейная, большесемейная) 158, 167-172, 178, 180-181, 190-191, 193-194, 506-511, 522
 материнская 508
 патриархальная (отцовская) 508-509, 512-513, 521
 земледельческая 504
 первобытная соседская, раннесоседская, прекрестьянская (протокрестьянская) 178, 181, 183-184, 216, 249-250, 505
 родовая 144, 158, 164, 167-168, 177, 181-182, 198, 271, 275, 286-288, 452, 511, 548
 позднеродовая (позднепервобытная) 106, 158-159, 271, 278, 294, 313, 317, 320, 323, 545
 раннеродовая (раннепервобытная) 271, 417, 538, 545
 семейно-родовая, большесемейно-родовая, большесемейно-соседско-родовая 183
 соседская (территориальная, крестьянская) 181-184, 191-192, 194, 220, 249-250, 500, 503-507, 511, 513-514, 523, 526, 528-529
 Общности расовые 297
 Общности социально-потестарные 210, 215, 227-229
 Общности этнические 192, 246, 297, 319-326, 397, 456, 490, 502, 544-545, 549
 Общности этнокультурные 227-228
 Общности этносоциальные 213, 217
 Общности языковые (лингвистические) 297
 Обычай 165, 376, 423, 432, 445, 448, 452, 512, 515, 522, 542
 Ораторы 388-389
 Организмы этносоциальные (ЭСО) 549
 Ордалии 458
 Орнамент 373, 386, 407-408
 Орудия труда 10, 12-13, 20-23, 28, 67, 69, 71, 73-77, 79, 88, 99, 106, 149, 271, 345, 351, 381, 477, 480, 486-487, 538, 541, 547
 Оружие 71, 73, 75, 119, 149, 175, 212, 244, 381, 404, 406, 408, 483, 488
 Оседлость 10-11, 26, 34, 45, 50, 55, 77, 103, 542
 Отбор искусственный 352
 Отношения производственные (социально-экономические) 140, 158, 475
 товарно-денежные 179
 Охота 43, 47, 52-54, 271, 277, 351, 353, 428, 539, 543
 промысел морской 51-54
 См. также Хозяйство присваивающее
 Охотники 12, 40, 48-49, 65-66, 72, 77, 87, 92, 97, 103-104, 109, 115, 149, 271, 308-309, 313, 316-317, 321, 347, 352, 367, 379, 425, 431, 477, 538, 542
 высшие 50, 94, 142, 188, 278, 281, 544
 низшие 50, 55, 115, 326
 Палачи 458
 Палеоантроп 271, 536-537
 Палеодемография см. Демография
 Палеолит см. Век каменный
 Патриархат («отцовское право») 160, 162, 165-166, 174-179, 185, 187-193, 238, 419, 432, 440, 548-549
 Патронат 513-514, 520
 Патрономия 177, 179-182, 186-187, 420, 456, 500, 506, 510-515, 517-518, 520, 523, 529
 Пережитки (остатки) первобытнообщинного строя 238, 499, 500-502, 505, 510-512, 517-518, 523, 526-530, 542-543
 видоизмененные (дериваты) 501, 503, 505-506, 512, 516-517, 525
 рецидивирующие (реституты) 501, 506, 512, 524
 стабильные (реликты) 501-502, 505, 512, 514, 520, 524-525
 Переписи населения 294
 Периферия первобытная 3, 248, 294,

- 324, 372, 472—474, 482—483, 486—487, 490—495
 ближняя 475—476, 479, 481, 484—485, 487—488, 497
 внешняя 473
 внутренняя 473, 498
 вторичная 476—477
 дальняя 475—476, 481—482, 484—485, 488, 497
 Петроглифы см. Изображения на скальных
 Печати 113—114, 148
 Пиктограмма, пиктография см. Письмо пиктографическое
 Писцы 374, 376
 Письменность 294, 298, 336, 363, 365—366, 373, 375—376, 381, 451, 490
 Письмо 294, 363—365, 369, 374
 идеографические 369, 372—374
 иероглифическое 365, 375
 «картинно-синтетическое» 366
 клинописное 365, 375
 пиктографическое (рисуночное) 357, 365—374
 «предметное» 364
 словесно-слововое 375
 Питекантроп см. Архантроп
 Пластика см. Скульптура
 Племя 87, 104, 106, 213, 227—230, 232, 246, 282, 304, 319—320, 326, 355, 360, 364, 391, 395, 420, 431, 439, 445, 453, 483, 499, 501—502, 543—545, 549
 вторичное 502—503
 Плотность населения 50, 52, 55, 103, 215, 301—304, 314, 324 см. также
 Показатели демографические
 Плуг 13, 77
 Поборы 454
 Побратимство 105, 514
 Повинности 222, 247—248, 454
 Погребения (захоронения) 75, 95, 100—109, 115, 148—149, 305—306, 327, 329, 395, 405, 537
 См. также Кладбища, Могильники
 Поединки судебные 458
 Показатели демографические 6, 295, 305—317
 Полигиния (многоженство) 176, 522
 Полидемонизм см. Демонизм
 Полятеизм 430—431, 448, 454
 Полигогенез 8, 142, 201, 213—217, 226—227, 230—231, 235—238, 241, 247—251, 421, 458, 490, 495, 544, 550
 Полюдь 248
 Популяция 296—297, 307, 309—310, 312—313, 317, 329, 331, 336
 Поселение брачное (локальность брака) 160, 162, 164—165, 169—170, 175, 185, 508
 билочальное, амбичлокальное
 вириматрилокальное 170
 дислокальное 162, 169, 190, 542
 унилокальное 542, 548
 авункулокальное 161—162, 452
 вирилокальное 164, 169, 175, 178
 матрилокальное 160, 164, 273, 452, 523
 патрилокальное 160—161, 164, 170, 273, 452, 523
 уксорилокальное 159, 162, 190
 Посестримство 514
 Потлач, институты потлачевидные 36, 55, 116—122, 152—153, 193, 236—237, 273, 291, 420
 Потребление 140, 145, 167—168, 217, 251, 546
 Право см. Нормы социальные
 Право обычное см. Нормы социальные
 Праобщина (стадо первобытное человеческое) 536—537, 545
 Предания
 исторические 359, 361, 367—368, 400
 этногонические (этногенетические) 335, 362, 445
 Предгосударство 451
 Предводители военные 213, 231—234, 375, 394, 422, 544 см. также Лидеры
 Предки тотемические 415
 Предметы престижной ценности 87, 92, 100, 102, 106—113, 118, 120, 147, 150, 383, 385, 480
 Предписменность 367, 372
 Предправом см. Нормы социальные
 Презмция 186
 Приданое 522
 Присяга 458
 Продукт жизнеобеспечивающий 116, 210, 525
 Продукт избыточный 116, 123, 140, 142, 193, 201, 206
 Продукт общественный 140—142, 144, 146, 160, 174, 194—196, 217, 231, 235, 550
 Продукт прибавочный 116, 123, 140, 144, 146, 159, 195, 197—198, 200, 210—211, 215, 218—219, 223, 230, 245—246, 352, 481, 525, 540, 546
 Производительность труда 21, 23, 55, 90, 140, 153, 156, 167, 178, 193, 197, 212, 309, 543
 Производство 7—9, 54, 74, 77—78, 84, 117, 140—145, 147, 160, 168, 174, 194—195, 197—198, 203—204, 211, 228—229, 235, 246, 384, 426, 480, 487—488, 491, 493, 546
 Промыслы домашние 84, 89, 91, 173, 251

- Прорисатели 354, 426—427
 Протогород 123, 250—251
 Протоэтнос 545
 Протоязык (праязык) 334
 Процессы этнические 333, 399, 501
 дифференциации 214, 318, 322, 324
 консолидации 318, 322, 324, 329,
 334, 360, 502
 миграционные 329, 360 см. также
 Миграции
 этнообразования 189, 318, 322, 324,
 327—329, 334, 359—360
 Рабство 196, 201, 203—206, 211, 455—
 456, 520
 долговое 208, 221
 домашнее (патриархальное) 202,
 221, 286, 540—541
 Рабы 36, 94, 111, 148—149, 201—205,
 207, 211, 221, 225, 286, 375, 422, 429,
 439, 488, 492, 494
 Развод 175, 521
 Разделение труда общественное 7, 9,
 26—28, 34, 38, 50, 84, 86—87, 90, 115,
 140, 143, 159, 173, 189, 192, 194, 216,
 218, 231, 477, 487, 503, 543—544, 546,
 550
 Рало 20—23, 29, 77
 Ранг 238, 240, 388, 418—419, 427, 429
 Распределение 140, 145—146, 150,
 193—194, 198, 215, 500, 546
 Регресс 491—492
 «Революция городская» 250
 «Революция неолитическая» 7, 309,
 441
 Редистрибуция 122, 145—147, 215,
 218, 246
 Религия 6, 245—246, 287, 378, 416,
 419—420, 424—425, 430, 434, 442,
 445—447, 453, 489, 523—525, 547
 Ремесло 53, 76—77, 83—85, 88—95, 97—
 100, 102—103, 106, 112, 115, 118—
 119, 173, 251, 361, 395, 406, 432, 450
 «Ремесло общинное» 89, 99, 105
 Ремесленники 53, 62—63, 76, 84—85,
 87—89, 92, 94, 97—98, 100—102, 105,
 393—394, 518
 Реципрокация, реципрокность, реци-
 прокальность 145—146
 Ритуалы см. Обряды
 Род 86, 88—89, 92, 98, 105, 119, 141,
 144—145, 155, 158—160, 164, 168—
 169, 175, 177, 180, 191—192, 223,
 228—229, 233, 246, 360, 420—421, 430,
 442, 444—445, 452, 456, 511—512,
 542—543, 547—548
 материнский 159, 161, 163, 175,
 184—185, 187—189, 192, 239, 453, 513,
 539, 542—543, 548—549
 отцовский 159, 163, 185, 192, 239,
 538, 542—543, 548—549
 патриархальный 168, 178, 180—181,
 183—187, 189, 192, 511—513
 позднематеринский 168, 178, 181,
 183—184, 187—191, 512—513
 Родство 121, 182, 226, 320, 512, 514,
 517
 кровное 182, 513
 искусственное (фиктивное) 452,
 513, 515
 казуальное 513—514
 обрядовое 513
 Родья 169—170, 512—513
 Ростовщичество 207, 524
 Рыболовство 7, 46—47, 51—54, 103,
 316, 394 см. также Хозяйство при-
 сваивающее
 Рыболовы 12, 33, 40—41, 65—66, 72,
 77, 103—104, 115, 149, 308, 313, 316—
 317, 321, 431, 538, 542
 высшие 50, 54, 94, 97, 142, 188, 278,
 544
 низшие 50
 Рынки 103, 105—106
 Рэмедж (конический клан) 226
 Сакрализация
 власти 234, 236—237, 241, 243—244,
 421—422, 424, 426, 446—447
 права 450
 собственности 435
 Самосознание этническое 320, 322,
 325—326
 Санкции 382, 447; 449, 455, 457, 519
 моральные 448
 правовые 448
 религиозные 426
 Сагги 429
 Саун 208—209
 Сахемы 231, 233
 Святилища 123, 402—403, 427—428,
 441
 Семьи языковые 298, 335, 337
 Семья 141, 144, 155, 158—161, 164—
 165, 170, 172, 174, 177—178, 193, 195,
 224, 278, 281, 291, 380, 452, 507,
 510—515, 519, 521, 523, 542—543,
 547—548
 авункулатная 161—162
 братская 162, 172
 большая 158—159, 167—172, 180—
 181, 192—193, 275, 283—286, 456,
 500, 511
 патриархальная 162, 167—171,
 180, 186—187, 273, 278, 417, 420,
 506
 позднематеринская 167—170, 185,
 187, 516

- См. также Община домашняя
 малая 157, 159, 169, 171-172, 179-180, 193, 275, 507-510, 522, 543
 парная 168, 538, 543, 547
 прасемя 537
- Сблинги 105
- Силы производительные 7-8, 56, 153, 158, 167, 188, 192, 345, 477, 540, 546
- Символика, символы 363-367, 372, 398, 411, 428, 437, 439
- Сипкретизм первобытный 396, 434, 446, 450
- Системы родства 433, 542-543
- Сказители 385, 390-391, 398, 400
- Сказки 279, 281, 285, 379, 453
 богатырские, героические 399-400
 волшебные 400-401, 416
- Скотоводство 7, 29-33, 36, 38, 41-42, 45-50, 106, 115, 147, 157, 173, 223, 315-317, 345, 351-353, 445, 450, 526, 543
 верблюдоводство 32-33, 39
 коневодство 35-36, 38-39, 41, 43-44, 46
 ламоводство 48
 овцеводство 31, 39, 44-46
 оленеводство 39
 отгонное (выгонное, яйлажное) 34, 40, 46, 48, 527
 разведение крупного рогатого скота 29-31, 33, 38-39, 41-42, 44-46, 48, 188
 См. также Хозяйство производящее
- Скотоводы 32-34, 41, 44, 46, 49, 55-56, 85, 92-93, 103-104, 109, 118, 208, 278, 284, 313, 316, 347, 379, 502, 504, 507, 510
- Скульптура, скульпторы 91, 378-380, 386, 390, 393-394, 396-397, 404-412, 414, 428
- Собиратели 12, 48, 65, 72, 77, 87, 92, 104, 115, 271, 308-309, 316-317, 321, 352, 477, 538, 542
 высшие 50, 54-55, 94, 97, 544
 низшие 50, 55, 115, 326
- Собирательство 52-54, 316, 539 см. также Хозяйство присваивающее
- Собрание народное 232, 235
- Собственность 140-141, 151, 155, 158, 163, 168, 239, 455, 513, 524-527
 коллективная 119, 142-144, 148, 150, 154-156, 163, 181-183, 203, 206, 239, 498, 500, 503, 510, 521, 526
 обособленная 26, 143-146, 148-149, 163, 178, 249, 509
 частная 26, 140, 143-146, 148-150, 153-158, 162, 164-165, 167, 174, 178, 181, 185, 192, 203, 223, 239, 456, 500-501, 503, 509-510, 526, 546
 групповая 144-145, 154, 192, 219, 250, 521
 индивидуальная 144-145, 154, 192, 250, 521
- Совет 232, 235, 426, 450, 457-458
- Сознание общественное 3, 150, 174-175, 206, 225, 243, 362-363, 415-416, 453, 523, 526
- Сознание индивидуальное 443
- Сооружения погребальные, гробницы, усыпальницы 331, 402-404, 427-428, 441
- Соплеменность, метаплемя 320-321, 499, 501-502, 545
- Сорорат см. Брак сороратный
- Сословия 242, 412, 425, 439, 446, 519
- Соха 20
- Социализация 3, 161, 238, 270-273, 275-279, 281-283, 285, 288, 291
- Союз, конфедерация (объединение) племен 213, 229-230, 232
- Союзы (общества) «тайные» 95, 273, 291-292, 387, 420-421, 430-431, 434-435, 450, 517
 женские 239, 392, 415
 мужские 36, 152, 175, 236-241, 382, 392, 417-419, 516
- Союзы трехродовые 426, 437
- Специализация индивидуальная первобытная 389-392
- Специализация профессиональная 81, 84, 87, 90-91, 98, 194-195, 218, 220, 231-234, 245, 251, 353-354, 387-389, 391-395, 397-398, 426
- Способ производства 209-211, 493, 525
- Средства производства 144, 167, 181, 183, 197, 199, 207, 218, 221-222, 241
- Стагнация 491, 496, 499
- Старейшины 285, 329, 405, 422, 426-427, 429 см. также Лидеры
- Статус 55, 86, 91-92, 100, 102, 109, 118, 121, 163, 173, 178, 194, 200, 202, 204, 217, 221, 223-224, 226, 232, 235-237, 240-241, 323, 381, 385, 390-392, 395, 415, 454-456, 480
- Стратификация (расслоение) имущественная 5, 7, 19, 62, 109, 142, 145, 148-149, 153, 155, 176, 205, 207, 212, 215, 218, 223, 227, 231, 239, 284, 322-323, 333, 349, 381, 435, 455, 488
 социальная 5, 7, 19, 50-51, 53, 62, 73, 85, 91, 109, 115-117, 152, 195, 201, 203-204, 214-215, 218-219, 227, 229, 242, 284-285, 319, 321-322, 334, 349, 361, 381, 386, 394, 418, 426, 428, 435, 454, 459

- Структуры военно-иерархические см. Иерархия военная
- Структуры корпоративные 516–517
- Структуры общинно-кастовые 241
- Структуры сословно-кастовые 241
- Суд, судопроизводство, судьи 357, 382, 457–459, 519
- Счет 348–350 см. также Знания математические
- Счет родства 163, 165, 178, 191, 452, 508
- билинейный 163
- унилинейный
- матрилинейный (материнский) 160–161, 165, 167, 185, 187, 452
- патрилинейный (отцовский) 160, 165, 167, 169, 175–176, 273, 452
- Табу, табуация 240, 283, 291, 421–425, 435, 442
- Теократия 425–426, 447
- «Теория гидравлическая» 7
- «Теория насилия» 7
- Типы хозяйственно-культурные (ХКТ) 55, 103, 149, 281, 348, 487, 491, 502
- Ткачество 26, 30–32, 90, 173, 351
- Торговля, торговцы 33, 54, 88, 101, 111, 113–115, 119–120, 146–147, 212, 216–218, 251, 358, 398, 435, 480–482, 488
- Тотемизм, тотемы, центры тотемические 417, 419, 430, 442, 525
- Травестизм 165
- Транспорт 34–36, 43, 51–52, 83, 98
- Трибализм 503, 530
- Умыкание см. Брак умыканием
- Услугообмен 200, 207, 517–518 см. также Взаимопомощь
- «Феодализм горский» 528
- «Феодализм кочевой» 526–527
- Фетишизм, фетиши 381, 419, 422, 425, 439
- Филиация 185
- матрилинейная 170, 549
- патрилинейная 549
- перемежающаяся 163
- Фольклор 380, 388, 390, 397, 400, 415, 453, 457
- Фратрия 424, 437, 514
- Хозяйство
- присваивающее 9–10, 50–56, 65, 74, 76, 117, 140, 142, 147, 173, 176, 211, 281, 304, 308, 314–316, 319, 321, 348, 359, 450, 472, 474, 477, 487–488, 499, 538, 543
- производящее 7, 9, 29, 37, 41–42, 47, 54, 56, 74, 94, 103–104, 140–142, 173, 183, 300, 308, 314–317, 319, 321, 346, 348, 352, 359, 450, 472, 475–477, 480–481, 540, 542, 544
- Храмы, культовые сооружения 93, 381, 403–404, 428, 439 см. также Святылища
- Хроники исторические 359–360, 368
- Цари 110, 421–423, 425, 439, 441, 443–444
- Цивилизация 6, 10, 17, 33, 36, 49, 59, 62, 71–72, 76, 115, 248, 250, 296, 345, 372, 408, 416, 433, 435, 441, 451, 471–474, 476–478, 481, 483, 488, 490, 492–495, 497
- Чиновники 76, 110
- Численность населения 295–296, 304, 313, 320, 331 см. также Показатели демографические
- Численность человечества 313–317 см. также Показатели демографические
- Шаманизм, шаманы 281, 354, 427, 529
- Эгалитаризм первобытный см. Коллективизм первобытный
- Экзогамия 182, 187, 192, 452, 512, 514
- Экономика престижная 93, 103, 116–117, 121, 193, 236–237, 435
- Эксплуатация 9, 116, 123, 140, 142–143, 164, 191, 193, 195–200, 204–206, 209–212, 216, 218, 220–221, 225, 229–230, 234, 240, 243, 246, 447, 476–477, 491, 493, 497, 500, 517, 526, 540–541, 546
- Эндогамия 92, 187, 425, 512, 522
- Энеолит 16–17, 20, 22, 26, 30–32, 39–41, 43–44, 59–61, 65, 73, 75, 78–79, 83, 95, 98–100, 108, 110, 113, 123, 148, 294, 296, 299–302, 304, 330–331, 336, 372, 402, 413–414, 540
- Эпос героический 346, 398–400, 415, 425, 443, 452–453
- Эстетика 353, 411
- Эсхатология 442
- Этика см. Нормы социальные (мораль)
- Этникос 549
- Этноархеология 297
- Этнография права 448
- Этноним 318
- Этнос 85, 87–88, 90, 92, 115, 123, 321, 323–324, 331–332, 398, 417, 490, 502–503, 549
- Этногенез см. Процессы этнические (этнообразования)
- Язык 297–298, 318, 320, 322, 325–326, 332–337, 346, 348

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая</i>	
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА	5
<i>Глава вторая</i>	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА	140
<i>Глава третья</i>	
МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ	270
<i>Глава четвертая</i>	
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	294
<i>Глава пятая</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	345
<i>Глава шестая</i>	
ПЕРВОБЫТНОСТЬ И КЛАССОВЫЕ ОБЩЕСТВА	471
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	536
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	551
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	553
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	555

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Эпоха классовобразования

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. П. П. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор В. С. Филатович
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректоры Ю. Л. Косорыгин, Г. Ю. Копьева

ИБ № 36218

Сдано в набор 17.11.87
Подписано к печати 15.02.88
А-04835. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 35,5. Усл. кр. отт. 35,9.
Уч.-изд. л. 41,6.
Тираж 11000 экз. Тип. зак. 1065
Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

выйдет в свет

Мартьянова М. Ю.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОРВАТОВ. XVIII–XIX вв.
10 л., 1 р. 30 к.

В работе предпринята попытка комплексного анализа этнической истории одного из народов Югославии — хорватов — в период становления нации. Этнос рассматривается как динамическая система, учитываются факторы политического, социально-экономического, хозяйственно-культурного и лингвистического характера. Особое внимание уделяется таким носителям этнических свойств, как обыденное сознание, язык и традиционно-бытовая культура.

Для этнографов, историков, преподавателей и студентов исторических вузов.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И КРЕЩЕНИЕ РУСИ.

17 л. 1 р. 70 к. 2 р. 10 к.

В книге в сравнительно-историческом плане анализируется процесс христианизации народов обширного региона Европы. Авторы рассматривают принятие христианства каждым народом как следствие сложного переплетения внутренних и внешних факторов исторического развития. В книге анализируются переход от языческих верований к христианству, положение церкви в раннефеодальном обществе, взаимоотношения церкви и государства. Значительное внимание уделено значению христианизации в развитии культуры, и прежде всего письменности. Во всех этих аспектах представлен и сюжет о крещении Древней Руси.

Для историков и широкого круга читателей.

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга-почтой» Украинской конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига».

2 р. 80 к.

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Вышли из печати два тома серии:

Общие вопросы.

Проблемы антропосоциогенеза.

М.: Наука, 1983.

Эпоха первобытной родовой общины.

М.: Наука, 1986.